ИСТОРИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ПОСВЯЩАЕТСЯ
40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

БЕЙИК ОКТЯБРЬ
СОЦИАЛИСТИК РЕВОЛЮЦИЯСЫНЫН
40 ЙЫЛЛЫГЫНА БАГЫШЛАНЯР

ТҮРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

ТҮРКМЕНИСТАН ССР-НИҢ ТАРЫХЫ

I ТОМ

ИКИНҖИ КИТАП

XIX АСЫРЫҢ БАШЫНДАН БЕЙИК ОКТЯБРЬ СОЦИАЛИСТИК РЕВОЛЮЦИЯСЫНА ЧЕНЛИ

ТҮРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ НЕШИРЯТЫ

АШГАБАТ — 1957

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИСТОРИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТОМ I

КНИГА ВТОРАЯ

С НАЧАЛА XIX ВЕКА ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

АШХАБАД — 1957

Редакционная коллегия

Проф. *А. Каррыев*, проф. *О. К. Кулиев*, проф. *М. Е. Массон* (главный редактор), доцент *А. А. Росляков*, кандидат исторических наук *Ш. Т. Ташлиев*, проф. *Г. А. Чарыев*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый том «Истории Туркменской ССР» охватывает историю многих тысячелетий — с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Ввиду большого объема первого тома, он разделен на две книги. Это деление является чисто техническим и не связано с периодизацией истории Туркменистана и туркменского народа.

Книгу вторую I тома «Истории Туркменской ССР» написали следующие авторы:

Главу VI — член-корреспондент АН ТССР профессор А. Каррыев (1, 2 и 5 разделы), в разделе 1 частично использованы материалы А. С. Морозовой о туркменском ремесле и А. А. Рослякова; академик АН ТССР профессор Г. А. Чарыев и Г. Н. Веселков (3 раздел, пункт «а» — Литература и общественная мысль. Устное народное творчество); кандидат архитектуры Г. А. Пугаченкова (3 раздел, пункт «б»—Народное зодчество); кандидат исторических наук А. С. Морозова (3 раздел, пункт «б»—Прикладное искусство); кандидат исторических наук В. Г. Мошкова (4 раздел), 4 раздел VI главы доработан кандидатом исторических наук Г. Б. Акоповым.

Главу VII — член-корреспондент АН ТССР профессор А. Каррыев (1 раздел); кандидат исторических наук А. И. Акатова (2—6 разделы).

Главу VIII — доктор исторических наук А. В. Пясковский.

Главу IX — доктор исторических наук А. В. Пясковский (1—2 разделы); кандидат исторических наук А. И. Акатова (3 раздел).

Главу X — член-корреспондент АН ТССР профессор О. К. Кулиев.

Большую помощь при редактировании I тома оказал научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР кандидат исторических наук В. А. Ромодин, которому дирекция Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР выражает искреннюю благодарность.

Хронологический указатель и указатель основной литературы составлены кандидатом исторических наук С. Г. Агаджановым. Указатели собственных имен, географических и этнических названий составлены Х. А. Агаевым.

В подборе иллюстраций принимали участие Г. А. Пугаченкова, В. А. Ромодин и А. А. Росляков.

Всей работой по подготовке I тома руководил профессор А. Каррыев.

В подготовке к печати второй книги I тома принимали участие научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН ТССР А. Ф. Ганялин и Н. Н. Канода.

Дирекция Института истории, археологии и этнографии выражает благодарность ученым Москвы, Ленинграда, Ташкента, Баку, Ашхабада и других городов СССР, принявшим участие в рецензировании и обсуждении текста I тома «Истории Туркменской ССР» в процессе его подготовки к печати.

ГЛАВА VI

ТУРКМЕНИСТАН НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

1. Родо-племенная организация и расселение туркменских племен. Хозяйство туркмен в первой половине XIX в.

В начале XIX в. туркмены занимали всю современную территорию Туркменистана, а также некоторые районы современного Ирана и Афганистана. Часть туркмен населяла Усть-Урт и Мангышлак, где кроме них жили еще казахи. Территория, занятая туркменами, ограничивалась с запада Каспийским морем, с юга р. Гюрген и горными хребтами Копет-Даг и Паропамиз, с востока — степями и пустынями на правом берегу Аму-Дарьи и узбекскими районами Хорезмского оазиса, с севера — северным чинком (обрывистым краем) Усть-Урта.

Как и в предшествующие столетия, туркмены делились на несколько племен, различавшихся между собою в культуре и в быту. Каждое туркменское племя имело свой особый диалект или говор (шиве), свои традиционные ковровые узоры (гёль); свои особенности в одежде, в обычаях, в архитектуре, в музыке и устном народном творчестве. В каждом племени сохранялись выработанные веками традиции, исторические предания и «седжере» — родословные, позволявшие определить степень близости отдельных родов и их «старшинство». Племена различались между собою также по своему хозяйственному укладу, а отчасти и по уровню социально-экономического развития. Почти каждое туркменское племя занимало определенную территорию, лишь некоторые мелкие племена

QQP. NTer

не имели собственной земли и жили разбросанно, небольшими группами в аулах какого-либо большого и сильного племени.

Туркменские племена не были объединены. Более того, между некоторыми из них существовали враждебные отношения. Эти межплеменные распри, искусно разжигаемые соседними феодальными государями, иногда тянулись десятилетиями; они ослабляли туркменский народ, затрудняли его борьбу за свободу и независимость.

Наиболее крупными племенами туркмен в начале XIX в. были теке (текинцы), иомуты (иомуды), эрсари, сарыки, салыры (салоры), гоклены, човдуры (чоудоры) и алили (алиэли). Кроме них имелось большое количество более мелких племен: карадашлы, емрели (имрели), нохурли, мехинли, мурчали, анаули, огурджали, баят, сакар, олам, арабачи, махтум, ата, ших, сеид, ходжа[1], меджеур, хатаб, мукры, каркын, сунчи, хызыр, эски и другие.

Сообщения о численности всех этих племен неполны, крайне разноречивы и в большинстве случаев мало достоверны. Наиболее ценными являются сведения хивинских архивов, так как в Хиве ханские чиновники вели довольно точный учет жителей страны; в связи с этим значительной долей достоверности отличаются и данные, приводимые хивинскими историками XIX в.

Туркменские племена (тайпа) делились на более мелкие подразделения (тире, уруг). Так например, племя теке делилось на подразделения отамыш и тохтамыш, иомуты — на карачока (кутлы-темир) и байрам-шалы (утлы-темир)[2], эрсари — на улуг, гюнеш и карабекаул, сарыки — на алаша и пулад-шах, салыры — на караман, еловач и кичи-ага, гоклены — на каи и дудурга, човдуры — на кара-човдур, абдал, игдыр, бузачи (бозаджи) и буруңджук, алили—на юзбаши и онбеги. Каждое из этих подразделений делилось в свою очередь на еще более мелкие. Так, подразделение тохтамыш делилось на бек и векиль бек—на конгур, геокча и аманша, конгур на ак-конгур и кара-конгур; роды ак-конгур и кара-конгур делились на семьи и группы родственных семей (коум). Таким образом, создавалась чрезвычайно разветвленная и сложная структура родо-племенных подразделений, которая к тому же, не оставалась неизменной—одни роды исчезали, другие возникали заново, третьи теряли самостоятельность и вливались

---

[1] Племена ата, ших, сеид и ходжа («эвлядские» племена) считались происходящими от арабов; из этих племен выходила большая часть туркменского духовенства.

[2] Самостоятельно подразделение ошак вошло позднее в состав байрам-шалы.

в более крупные и влиятельные подразделения того же племени или даже в другие племена.

Основная масса туркмен жила в оазисах, но довольно значительная часть населения была связана с отгонным и кочевым скотоводством и большую часть года проводила в степях и пустынях.

Русские, западноевропейские и восточные авторы XIX в., как правило, изображают природу Туркменистана самыми мрачными красками. «Это пространство, — говорится, например, о земле туркмен в одном из русских документов середины XIX в., — имеет вид бесплодной, дикой пустыни, не представляющей никаких особенных удобств для оседлой жизни, частью каменистой и песчаной, а более солонцеватой, только по р. Атреку, близ персидской границы, лежит ковыльная степь, на коей туркмены занимаются хлебопашеством. Кочевой же народ на пространстве более полумиллиона квадратных верст имеет только пастбища и пользуется водой из колодцев и то большей частью соленой»[1]. Описание это, однако, не вполне соответствует действительности. Если большая часть Туркменистана действительно занята пустынями, то, наряду с этим, здесь имеются богатые оазисы с большим количеством воды и плодородной землей. Помимо отмеченного автором приведенного документа земледельческого района в низовьях Атрека, следует назвать обширные оазисы Южного Туркменистана — Ахал и Атек в предгорьях Копет-Дага, Марыйский оазис в низовьях Мургаба, Серахский и Тедженский оазисы на р. Теджен, полосу плодородных земель вдоль р. Аму-Дарьи от Келифа до Кабаклы и ряд других более мелких оазисов. Туркмены занимали также северо-западную часть Хорезмского оазиса. Эти оазисы были предметом постоянной борьбы между туркменами и соседними феодальными государствами, а зачастую и между отдельными туркменскими племенами.

Сопоставление различных источников — восточных хроник и архивов, сообщений русских и западноевропейских путешественников, данных туркменской классической литературы и народных преданий — позволяет довольно подробно выяснить картину расселения туркменских племен в первой половине XIX в.

Население Западного Туркменистана состояло в основном из иомутов, гокленов и човдуров. Наиболее значительным племенем были иомуты, которые расселились на обширной территории от границы Ирана (пограничная река Кара-Су) до юго-западных окраин Хивинского ханства. В Западном Туркменистане жили почти исключительно иомуты-карачока. Делились

---

[1] Архив б. МИД, 1—9, 1852—1868 гг., д. 8, л. 230.

они на два больших рода—чони-атабай и шериф-джафарбай, состоявшие в свою очередь из целого ряда мелких подразделений.

В низовьях Гюргена, вдоль морского побережья, находились кочевья иомутов-джафарбай, далее располагались кочевья родов ак-атабай, коджук (кучак-татар) немногочисленной группы байрам-шалинцев и других родов. Главными населенными центрами прикаспийских иомутов были аулы: 1) Кара-Сенгир против острова Ашур-Аде, у входа в Астрабадский залив, в четырех верстах от берега, численностью в 300 кибиток; 2) Гюмиш-Тепе («Серебряный бугор») при устье Гюргена; здесь насчитывалось до 500 кибиток, но на время летней жары большая часть их откочевывала либо в Гасан-Кули, либо в Чикишляр; 3) Гасан-Кули на берегу образуемого р. Атреком залива Гасан-Кули (около 300 кибиток — здесь жили, главным образом, оседлые иомуты); 4) Атрекский аул, расположенный по берегам р. Атрек, верстах в 20 от устья, — более 300 кибиток; 5) Чикишляр, расположенный у самого моря, верстах в 15 севернее от предыдущего, численностью в 200 кибиток.

Приатрекские иомуты были в основном кочевниками. Их зимовки и небольшие посевы находились в долинах Гюргена и Атрека, а на лето они обычно откочевывали на север, вплоть до гор Кюрен-Даг и Балхан. Далее к северу все прибрежные аулы были значительно меньшими по величине. Так, у Зеленого бугра насчитывалось всего 30 кибиток, на Красноводской косе (на всем ее протяжении)—59, а на берегу Красноводского залива, у пресного колодца Балкуи — всего 12 кибиток, которые перешли потом на полуостров Дарджа. Зато в Балханских горах, по данным Галкина, было сосредоточено в общей сложности до 1000 иомутских кибиток; на островах Челекене и Огурчинском—до 300[1].

В тесных отношениях с иомутами находилось племя огурджали, обитавшее на побережье и на прибрежных островах Каспийского моря. Это племя, образовавшееся из весьма разнородных этнических элементов, находилось в своего рода вассальной зависимости от иомутов.

Среди иомутов жили также довольно значительные группы «эвлядских» племен—шихи, ходжа и другие, обитавшие в разных местах на Каспийском побережьи.

Население побережья Каспийского моря между Тюб-Караганским заливом на Мангышлаке и Кара-Богаз-Голом состояло из туркменских родов абдал, ходжа и игдыр, входивших в состав племени човдур. Все они были кочевниками. Согласно преданию, эти роды раньше обитали в горах Кара-Тау

---

[1] Архив б. МИД, 1—9, 1860 г., д. 12, л. 13—14.

Туркменская семья (из материалов Исторического музея АН ТССР).

и Ак-Тау, на полуострове Бузачи совместно с родственными ими родами бузачи, буруңджук и кара-човдур; в XVIII в. они были оттеснены с полуострова казахами-адаевцами и передвинулись к югу, вытеснив в свою очередь кочевавших здесь туркмен из племен эрсари, салыр и сарык[1]. В XIX в. эрсаринцев, сарыков и салыров в Западном Туркменистане, видимо, уже не осталось.

Большим, хотя и менее многочисленным, чем иомуты, туркменским племенем Юго-Западного Туркменистана были гоклены. В конце XVIII в. и начале XIX в. они устойчиво занимали территорию по верхнему и среднему течению Гюргена до крепости Карры-Кала, а также по рекам Чандыр и Сумбар[2], где стояли их селения Махтум-Кала, Геркез и другие.

На западе земли гокленов простирались до кочевий иомутов; границей между ними была башня Гумбези-Кабус и река Герм-Руд. Желая предотвратить возможность враждебных столкновений, разжигаемых феодально-племенной знатью, иомуты и гоклены установили между собой пограничную никем не заселенную полосу, достигавшую 2 фарсахов (т. е. 10—12 *км*), на которую посылали, однако, выпасать скот, из-за чего здесь нередко происходили между ними стычки. Гоклены разделялись на множество родовых групп и насчитывали в общей сложности примерно 12 000 семей. В отличие от иомутов, они в основном были оседлыми земледельцами, так как в относительно прохладных предгорьях Копет-Дага и долинах Сумбара и Чандыра условия для развития богарного и поливного земледелия были значительно благоприятнее, чем в прикаспийских песчаных и солончаковых степях и пустынях.

В непосредственном соседстве с гокленами обитало несколько мелких племенных групп: керайли (герайли), происходившие, возможно, от монгольского племени кераитов[3], одна группа «эвлядского» племени ата и араби-гоклены.

Южные районы расселения иомутов и гоклен находились на территории каджарского Ирана, а северные — в пределах Хивинского ханства. Это приводило к частым столкновениям между Хивой и Ираном за право собирать подати с гокленов и приатрекских иомутов и, в конечном счете, крайне тяжело отзывалось на положении этих племен, которых грабили и хивинские и иранские феодалы.

---

[1] Д. Ливкин. Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря, СПб., 1902, стр. 75.

[2] К. Бодэ. Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря. «Отечественные записки», 1856, кн. 8, стр. 91

[3] М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных намогильников Южного Туркменистана. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.

Второе главное подразделение племени иомут — байрам-шалы — в XIX в., как и позже, проживало в основном на территории Хорезмского оазиса. Байрам-шалинцы делились на четыре колена (тире): салак, окуз, ошак и орус-кошчи (орсукчи). Численность хорезмских иомутов в начале XIX в., по данным хивинских историков, доходила до 7—8 тыс. кибиток[1]. Кроме иомутов, в Хорезмском оазисе в XIX в. жили и другие туркменские племена: човдуры, емрели, карадашлы, арабачи, ата, а временами также гоклены и алили. Човдуры жили в основном на северо-западных границах Хорезмского оазиса, арабачи — в юго-восточной его части, так же как и ата[2]. Иомуты, емрели и карадашлы занимали западную окраину оазиса, причем хивинские ханы часто перемещали туркменские роды и даже целые племена из одного района в другой, в зависимости от своих политических соображений. Хорезмские туркмены занимались земледелием на орошаемых землях, сочетая его с отгонным или кочевым скотоводством в прилегающих к оазису степях и пустынях; в отличие от оседлого узбекского населения Хорезма, большинство туркмен вело полукочевой образ жизни.

В долине Аму-Дарьи между Кабаклы и Келифом, на западной окраине Бухарского эмирата жило многочисленное туркменское население, преимущественно принадлежавшее к племени эрсари. Между бухарскими городами Чарджуем и Керки тянулась цепь укрепленных эрсаринских селений, особенно многочисленных на территории Лебаба, совпадающей примерно с современным Карабекаульским районом. Здесь стояли крепости Кутнам-Кала, Ходжа-Идат-Кала, Ходжа-Гундуз-Кала и другие; севернее их находился огромный хорошо укрепленный ховлы[3] видного эрсаринского феодально-племенного вождя Султан-нияз-бека. Кроме них, следует назвать селения Пальварт, Халач, Ак-Тери-Кала и Аджи-Кала на левом берегу Аму-Дарьи, а также Бурдалык и Бешир на правом берегу этой реки.

Численность эрсаринцев точно не известна, но туркменские предания утверждают, что их насчитывалось якобы до 40 тыс. кибиток.

Помимо эрсари, в долине Аму-Дарьи жили мелкие туркменские племена сакар, баят, олам, каркын, мукры, эски, ха-

---

[1] Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, II, М.-Л., 1938, стр. 359.

[2] Часть ата жила южнее, на территории Бухарского эмирата. В начале XIX в. большая часть ата проживала на Больших Балханах, но позднее была вытеснена оттуда иомутами и переселилась на Аму-Дарью.

[3] *Ховлы* — хутор, укрепленная усадьба.

таб, хызыр (хызыр-или), а также узбеки, населявшие города Чарджуй, Керки, Наразым и прилегающие к Чарджую сельские районы. Среди эрсаринцев было много кочевников-скотоводов. Однако, судя по стихам поэта Сеиди, часть эрсаринцев перешла к земледелию уже очень давно; это подтверждают и данные археологических и этнографических обследований. Очевидно, приамударьинские туркмены, как и большинство других туркменских племен, издавна вели полуоседлый образ жизни, подразделяясь на две основные группы — чомур (оседлых земледельцев) и чарва(кочевников — скотоводов), причем обе эти группы были тесно связаны между собою.

Плодородные земли в низовьях Мургаба были в течение всей первой половины XIX в. объектом ожесточенной борьбы между Хивой, Ираном и Бухарой, а также между отдельными туркменскими племенами. На рубеже XVIII и XIX вв. салыры, ранее населявшие низовья Мургаба, были вытеснены оттуда сарыками и текинцами, пришедшими с берегов Аму-Дарьи в качестве союзников и вассалов эмира бухарского. Впоследствии сарыки заняли, в основном, правобережье Мургаба и старый Мерв (на северной окраине современного города Байрам-Али), а текинцы — левобережье Мургаба, где наиболее важным населенным пунктом стал Кара-Яб (севернее современного города Мары). В результате длительной борьбы сарыки в конце 50-х годов были вытеснены из Марыйского оазиса и сосредоточились в Иолотанском и Пендинском оазисах по среднему течению Мургаба, оттеснив в свою очередь ранее живших здесь салыров и часть эрсари. В низовьях Мургаба постепенно роль центра оазиса перешла к текинскому селению Мары, где в 70-х годах была возведена огромная крепость Коушут-Хан-Кала.

В низовьях Теджена и в Серахском оазисе на протяжении нескольких десятков лет население неоднократно менялось. В Серахсе с начала XIX в. до 1832 г. жили салыры, затем текинцы, а с конца 50-х годов, после ухода текинцев на низовья Мургаба, снова салыры. На Теджене преобладало текинское население, но иногда эти земли занимало племя алили (в 70 — 80-х годах XIX в.). Между Серахсом и низовьями Теджена находился большой аул племени ата.

В Атеке (современный Каахкинский район) население было крайне неоднородным по своему племенному составу. В первой четверти XIX в. наибольшим влиянием здесь пользовалось племя алили, центром которого был город Абиверд. Жили в Атеке и текинцы, к которым перешло первое место в оазисе после того как в 1830 г. Абиверд был разрушен хивинскими войсками, а племя алили переселено в Хорезм по приказу хивинского хана. Кроме алили и текинцев, в Атеке жили

также мехинли, махтумы, курды и иранцы. В этом богатом водой и плодородном оазисе было много укрепленных селений — Хосров-Кала, Кюрен-Кала, Каахка и многие другие.

В Ахале, протянувшемся от Гяурса до Кизыл-Арвата, господствовало племя теке. В то же время там оставалось немало прежнего населения — алили, емрели, мурчали, анаули, сунчали, мехинли, махтумов и курдов. Курды были постепенно оттеснены текинцами в горы[1], махтумы и сунчали расселились мелкими группами среди текинцев, алили, емрели, мехинли и анаули пытались удержаться в своих старых, полуразрушенных, пришедших в полный упадок городах Нисе, Дуруне, Мехине и Анау, но постепенно были вытеснены из Ахала (оставшиеся расселились по текинским аулам, но не получали земли и воды); только мурчали удержали в своих руках часть земли и продолжали жить компактной массой в ауле Мурча. К середине XIX в. текинцы стали, таким образом, почти единственными обитателями и полными хозяевами Ахала, почему весь оазис получил название Ахал-Текинского.

На территории Ахала в первой половине XIX в. стояло множество крепостей и укрепленных сел. Русские источники содержат следующий список расположенных здесь кала (укреплений): 1. Кизыл-Арбат (Кизыл-Арват), 2. Куч-Ата (Кодж), 3. Зау, 4. Дженги (Зенги), 5. Бами, 6. Бюрме (Беурма), 7. Арчман, 8. Сунча, 9. Мурджа (Мурча), 10. Бегредень (Бахарден), 11. Дуран (Дурун), 12. Караган, 13. Ак-Тепе, 14. Мегин (Мехин), 15. Яраджа, 16. Кяриз, 17. Келеть (Келята), 18. Яны-Кала, 19. Ак-Кала, 20. Гюк-Тепе (Геок-Тепе), 21. Урт-Яйлен, 22. Кюмят-Яйла (Гумбез-Яйла или Куня-Ахал), 23. Заган (Изгант), 24. Хурманд, 25. Шар-Кала (Шор-Кала), 26. Кемчара (Келеджар?), 27. Баба-Араб, 28. Акташ-Аяк, 29. Карадаш-Аяк, 30. Салаклы (?), 31. Багшы (?), 32. Келек (?), 33. Гюрек (?), 34. Кипчак, 35. Кюкча (Геокча), 36. Багир, 37. Куши (Кеши), 38. Ишкабад, (Ашхабад), 39. Каджик (?), 40. Аннау (Анау), 41. Геверд (Гяурс), 42. Нукур (Нохур)[2], 43. Нуси (Ниса)[3]. Почти все эти населенные пункты сохранились до наших дней.

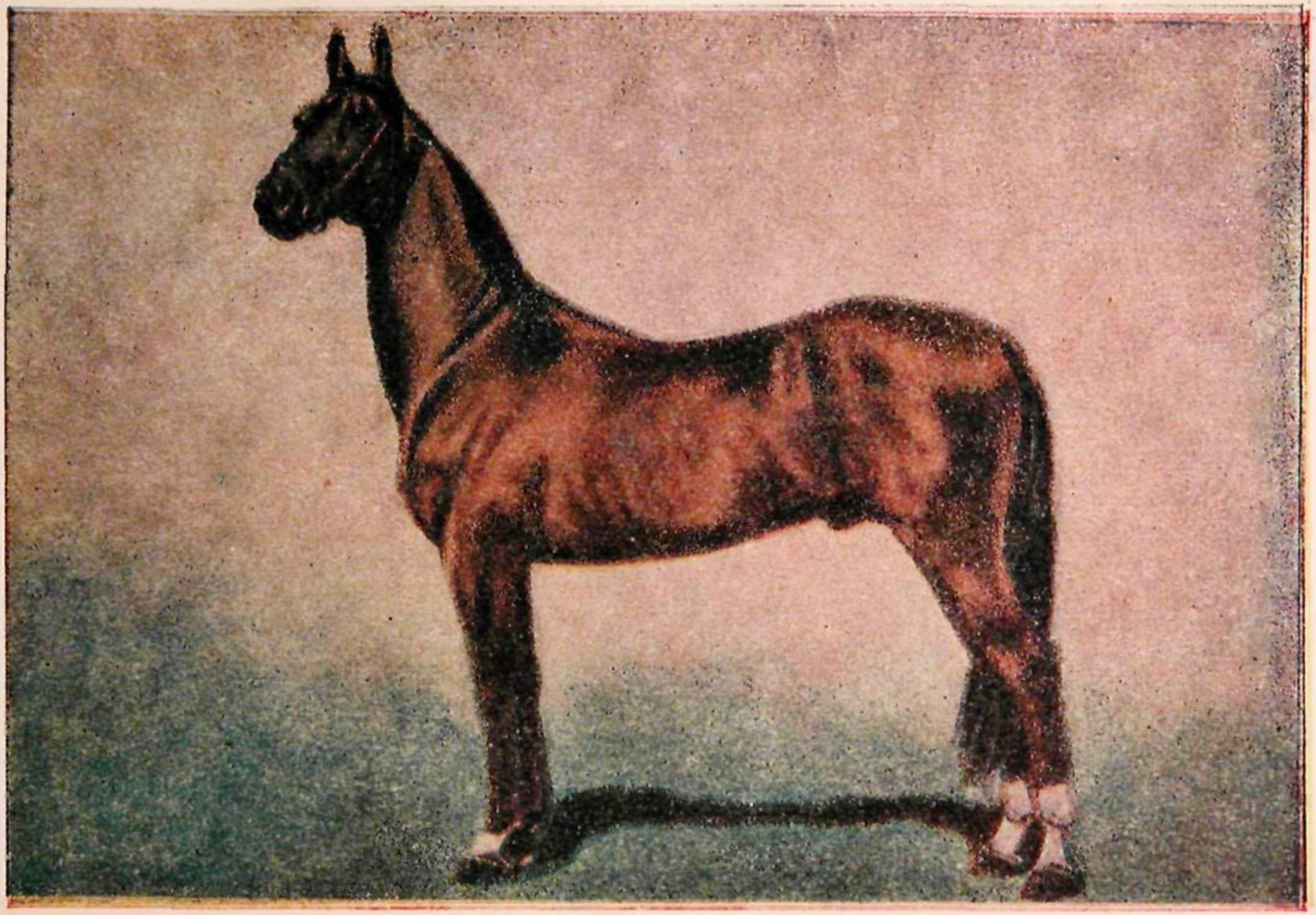
Итак, в XIX в. племя теке оказалось разделенным на две больших территориальных группировки — марыйскую и ахальскую. Деление это не соответствовало родо-племенной структуре текинцев — и в Мургабском оазисе, и в Ахале оказались

---

[1] Из аулов подгорной полосы они удержались только в Багире.

[2] Нохур, видимо, ошибочно включен в этот списск, так как находится в горах, а не в Ахал-Текинском оазисе.

[3] Архив б. МИД, 1—9, 1850 г., д. 12, л. 13. В скобках дана уточненная транскрипция.



Жеребец ахалтекинской породы.

представленными обе главные родовые ветви племени теке — отамыш и тохтамыш с их разветвлениями. Теджен заселялся текинцами с двух сторон — и из Ахала, и из Мары, но преобладали там все же марыйские текинцы.

В горных долинах Западного Копет-Дага, между теке и гокленами, жило туркменское племя нохурли, а также часть мурчали.

Во всех районах Туркменистана небольшими группами и одиночными семьями жили представители «священных» (эвлядских) племен — шихи, сеиды, ходжа, а также меджеуры и махтумы.

Как видно из вышеизложенного, туркменские племена в XIX в. значительно перемешались. Сильно перемешаны были и многие туркменские роды — в некоторых аулах Ахала, например, жили представители восьми и более текинских родов, а в Багире даже племена и народности — текинцы, махтумы и курды. Это перемешивание племен способствовало постепенному разрушению родо-племенной организации, преодолению межплеменной розни и укреплению единства туркменской народности.

Расселившись на обширной территории, не одинаковой по своим природным условиям, туркмены издавна занимались весьма разнообразной хозяйственной деятельностью. Русским чиновникам, мореплавателям и купцам лучше всего были известны прикаспийские туркмены, и по ним они судили о хозяйственно-экономическом и общественно-политическом положении, жизни и быте всех туркменских племен.

В хозяйстве туркмен скотоводство занимало в ту пору очень важное место. Туркмены «чарва» (скотоводы) разводили лошадей, крупный рогатый скот, курдючных и каракульских овец, коз, верблюдов, ослов. Особое внимание уделялось разведению скаковых лошадей: ахал-текинской лошади — в Ахальском и Мервском оазисах, иомутской — в Хорезме и на Атреке. В Хорезме славились также лошади племени ата. Условия жизни туркмен выработали у них исключительную любовь к лошади и умелый уход за ней. Благодаря этому удалось вывести и сохранить знаменитую ахал-текинскую породу, отличающуюся прекрасным сложением, резвостью и выносливостью.

Ахал-текинская лошадь отличается легкой сухой головой, длинной тонкой шеей, длинными, чрезвычайно сухими ногами, подобранным животом, тонкой кожей, редким волосом хвоста. Основные масти — гнедая (дор), буланая (меле) и рыжая (все три с характерным золотистым отливом волоса), а также серая (гыр) и вороная (гара). Ахал-текинские лошади от-

личаются энергией, силой и выносливостью, легко переносят жажду, способны довольствоваться малообъемистым кормом[1].

Как пишет профессор В. О. Витт, «Туркменские кони поражали всех своей породностью и исключительно эффектным экстерьером, на котором отражалась многовековая история культурного конеразведения: по экстерьеру долгое время не могли с ними равняться даже арабские лошади. Такие сопредельные со Средней Азией страны, как Иран, Афганистан, в большом количестве вывозили туркменских лошадей, используя их в качестве племенных производителей для своего коннозаводства в продолжение многих столетий, вплоть до нашего времени, хотя имели полную возможность пользоваться арабской лошадью и не прибегать к туркменской». И далее: «Туркменские лошади ввозились до самого последнего времени и в Индию англичанами. В отдельные годы вывоз достигал цифры свыше 200 голов»[2].

Туркменская лошадь оказала огромное влияние на верховое коневодство мира; она была использована при выведении арабской, английской, орловской верховой, карабахской, персидской, тракененской, карабаирской и других пород лошадей[3].

В районах нижнего и отчасти среднего течения Аму-Дарьи и на Мургабе разводились каракульские овцы. Каракулевые шкурки скупались у туркмен приезжими торговцами и вывозились в другие страны, где они ценились очень высоко.

Марыйскими текинцами была в XIX в. выведена сараджинская мясо-шерстная порода овец, имеющая поныне немалое значение в народном хозяйстве. Большая работа проводилась туркменскими скотоводами в области улучшения породы верблюдов. Особенно ценились верблюды породы «арвана». Высокими качествами отличались туркменские овчарки и борзые, весьма ценившиеся скотоводами и охотниками.

Круглый год скот находился под открытым небом.

Большую часть года стадо находилось на пастбищах, на границах оазисов или в глубине песков. Летом после уборки урожая, скотоводы пригоняли свои стада поближе к аулам и кормили скот соломой. Кроме того, практиковался выпас скота на жнивье, что особенно повышало его упитанность. Заготовка кормов почти не проводилась. В холодные зимы и во время сопутствующих им бескормиц это приводило к массовой

---

[1] Книга о лошади. Составлена под руководством С. М. Буденного. т. I, М., 1952, стр. 491—493.

[2] В. О. Витт. Лошадь древнего Востока. «Конские породы Средней Азии», М., 1937, стр. 31.

[3] Книга о лошади, т. I, стр. 490.

гибели скота, от чего страдали в первую очередь наиболее бедные чарвадары.

Земледельцы — чомуры, имевшие небольшое количество скота, сооружали для него загоны (агылы) из сухой верблюжьей колючки. Эти «стены» служили одновременно запасом корма на зиму. Лошади содержались не в табунах, а на приколе возле жилья и получали, помимо сена и люцерны. ячмень, пшеницу, джугару и ячменные лепешки (последние перед походами). Помимо лошадей, на привязи обычно содержалось небольшое количество баранов (баг-гоюн), предназначенных на убой. Их особенно тщательно откармливали люцерной, дынными корками, отрубями, ячменем и т. д.

К концу первой половины XIX в. колодцы и «каки»[1] в песках Кара-Кумов большею частью находились в руках родовой верхушки, владевшей обширными стадами, что ставило остальных чарвадаров в зависимое от них положение.

При каждом стаде находился пастух (чопан) и его помощник (чолук). Последний выполнял в основном подсобную хозяйственную работу. Жизнь пастухов была чрезвычайно тяжелой. Их жилищем служили жалкие шалаши (чатма) или землянки; пастухи по несколько дней оставались под открытым небом, страдая летом от жары и жажды, а зимой от дождей и морозов. Их жизни всегда грозила опасность от нападений аламанщиков и хищных зверей.

М. Н. Галкин указывает, что хлебопашество в Туркменистане возможно лишь по Атреку и Гюргену. Но, как известно, еще задолго до XIX в. у туркмен существовало поливное земледелие в Ахал-Текинском, Тедженском, Мервском, Серахском, Иолотанском и в других оазисах. Некоторые племена (мурчали, анаули, алили) были почти целиком оседлыми.

Однако в начале прошлого столетия туркменское земледелие носило довольно отсталый характер. На орошаемых землях сеялись пшеница (главным образом, яровая), ячмень, отчасти люцерна, джугара (сорго), хлопок, просо, кунжут, маш, рис, овощи и бахчевые культуры.

Кое-где существовали плодовые сады, особенно у коренных южнотуркменских племен (мурчали, махтумы, анаули, мехинли), а еще чаще — виноградники. Разводилась также и шелковица, прежде всего в Нохуре, Мурче и на Лебабе (от Карабекаула до Пальварта).

Земледелие было пашенным, но земледельческая техника оставалась очень примитивной. Пахота производилась при

---

[1] *«Как»* — естественная низина в районах плотных такыров, где скапливаются дождевые и силевые воды. Этим термином обозначают также устроенные в таких местах более углубленные искусственные водоемы — ямы, в которых вода задерживается несколько дольше.

помощи деревянной сохи — «омача» (азал, кунде). После лахоты для выравнивания пашни применялась «мала» — массивная доска. В омач и малу запрягали пару лошадей или верблюдов, реже — волов. Значительную роль играл ручной инвентарь — кетмень (главным образом, в Восточном Туркменистане и отчасти на Мургабе) и лопата (пиль). Убирали урожай железными серпами. Серпы были двух типов — ангал (без зубцов), которым жали зерновые, и орак (с зубцами), которым убирали люцерну и другие травы. Существовал специальный тип небольшого орака для подрезки винограда, шелковицы и других деревьев.

Молотьба производилась при помощи быков, лошадей и ослов, которые вытаптывали сжатые колосья. Для первичной переработки сельскохозяйственных продуктов служили небольшие водяные и ручные мельницы (дегирмен), прессы (джуваз) для выжимания кунжутного масла, грубые деревянные ступки (сокы) и т. п. Хлеб пекли в примитивных глиняных печах (тамдыр), а пастухи — просто в золе (ер-чорек).

Орошаемое земледелие решительно преобладало над посевами под дождь (богара). Для орошения сооружались каналы, плотины, а в Прикопетдагской полосе, помимо этого, кяризы — подземные каналы. Иногда стенки кяризов облицовывались грубыми керамическими плитками. Плотины строились из таловых бревен и связок гребенчука, засыпанных землей. Постройка кяризов, плотин, каналов, ремонт и очистка ирригационных сооружений требовали, при наличии низкой техники, огромного количества труда. На сооружении кяризов, помимо мастеров-кяризников из персов и туркмен, часто использовался труд рабов—иранцев. Ирригационные системы были часто нерациональными, большое количество воды расходовалось попусту, вследствие излишней протяженности арыков.

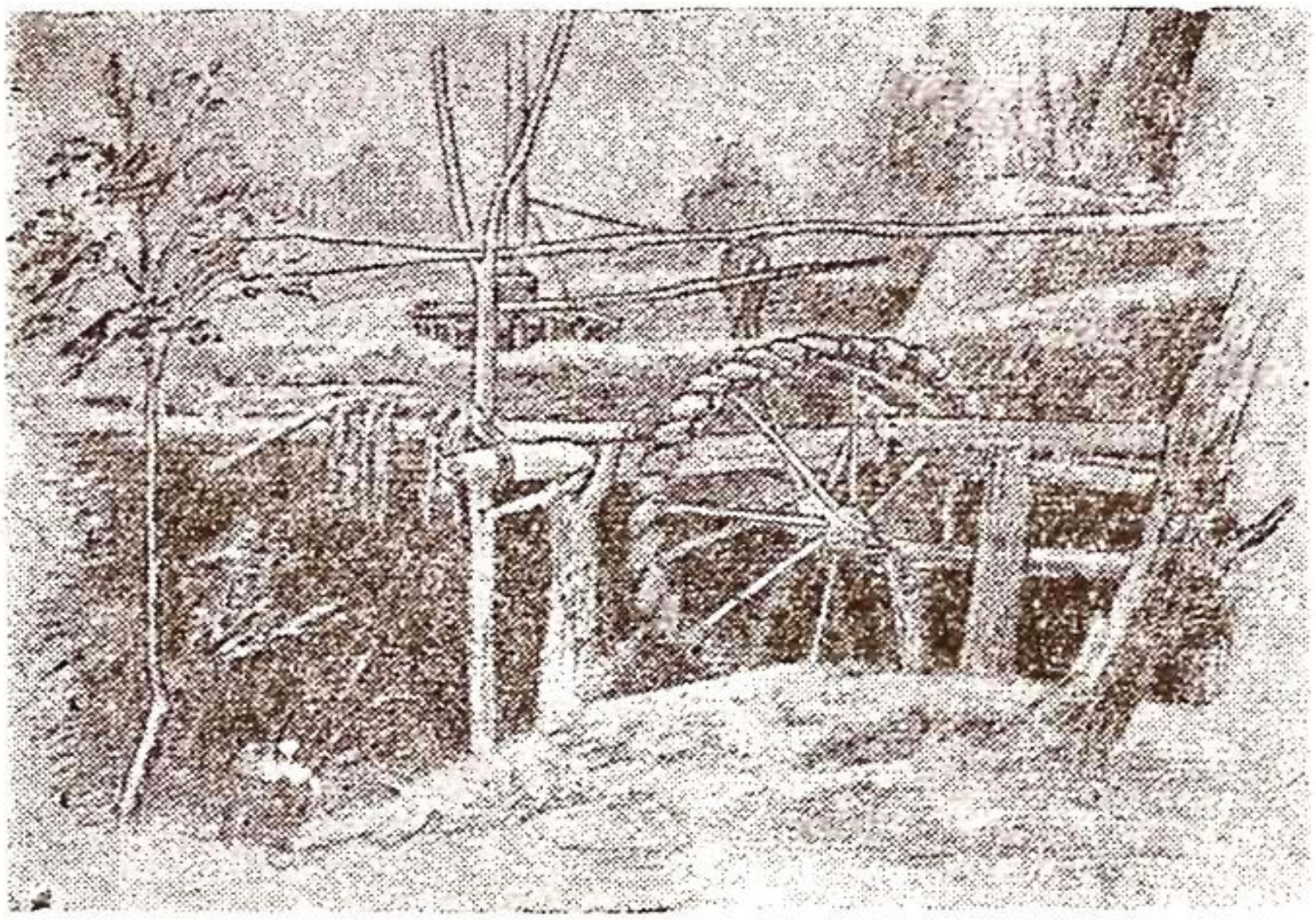
В результате несовершенства ирригационных систем размер хошарных работ[1] увеличивался с каждым годом, особенно в районах крайне капризной Аму-Дарьи, часто отклонявшейся от прежнего русла и заносившей каналы огромным количеством ила.

Необходимость трудоемких работ по созданию и поддержанию ирригационной сети была серьезным фактором, обусловливавшим прочное сохранение у туркмен общинной организации, особенно в Марыйском оазисе.

Орошение было, главным образом, самотечным, но все же довольно широким распространением пользовались простей-

[1] *Хошар* — коллективные работы дайхан по очистке оросительных каналов и ремонту плотин. См. М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868 стр. 2 и след.

шие водоподъемные сооружения — чигирь (колесо с прикрепленными к нему глиняными кувшинами), приводимый в движение силой воды или животными, и еще более примитивные «нова» («корыта»), приводимые в действие силой человека.



Чигирь

Правильных севооборотов, видимо, не существовало. Имеющиеся у некоторых авторов XIX в. сведения о сложных севооборотах у гокленов[1], не подтверждаются другими источниками. В этих условиях у туркмен было широко распространено архаическое переложное земледелие, тем более, что земли было много, нужно было лишь периодически сооружать новые отводные арыки для орошения новых участков. Это, конечно, требовало затраты огромного количества труда и приводило к большим потерям воды.

Туркмены использовали местные удобрения. Повсеместно применялся навоз — его специально привозили на поля, а особенно на виноградники, или пасли на полях скот после уборки урожая. Широко использовали также в качестве удобрений землю с древних городищ и сухой ил из старых каналов. Иногда удобряли землю золой, сжигая на полях траву.

Орошаемую землю тщательно обрабатывали. Поле делили на идеально выравненные участки (пел), окруженные невысокими валиками (чиль). Затем проводили предпосевной полив, вспахивали землю 2—3 раза омачом, сеяли вручную

---

[1] К. Боде. Указ. соч., стр. 94.

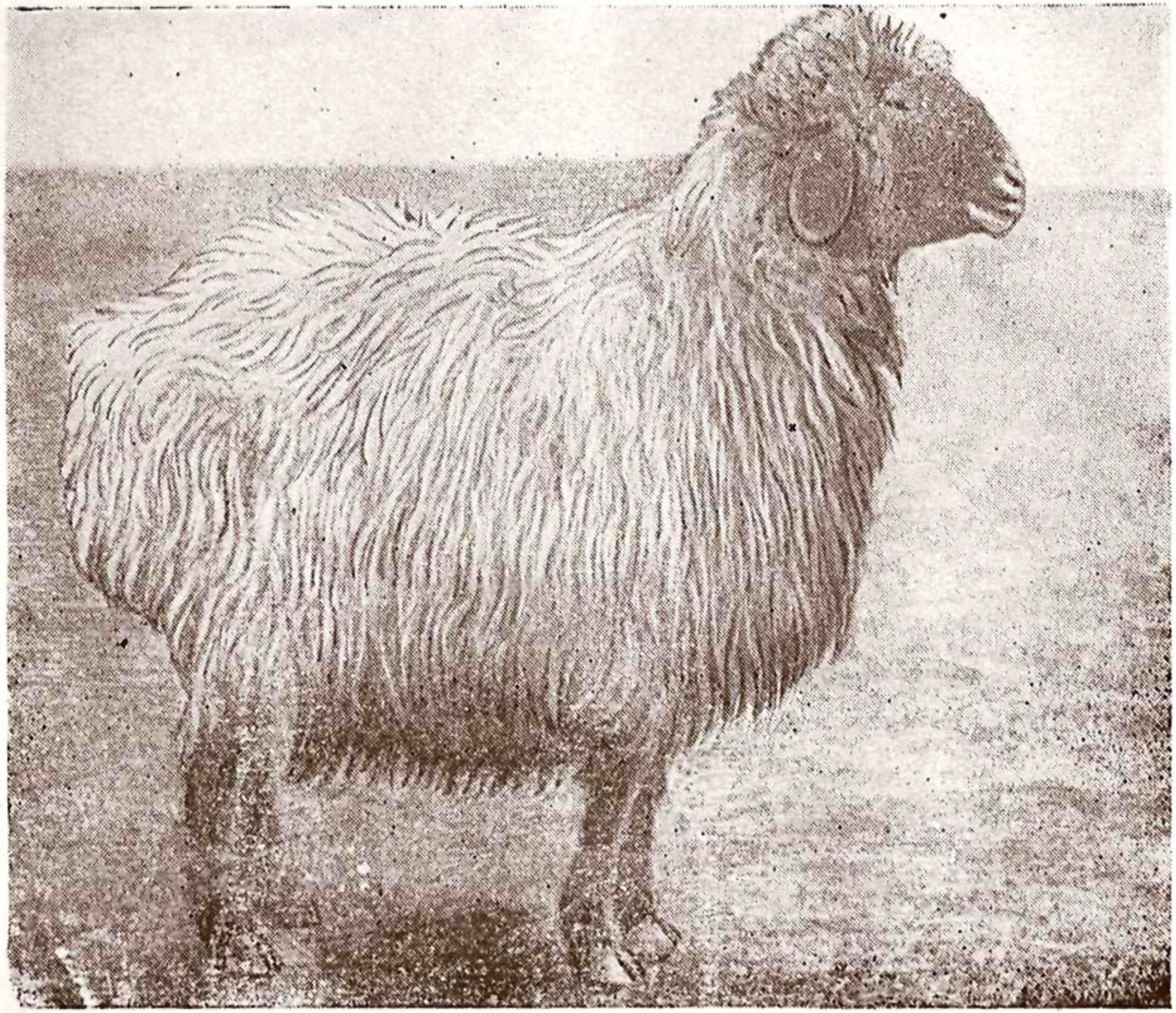
зерно, вновь проходили омачом, а после него малой. Полив после посева производили 3—4 раза. Для посадки дынь разбивали грядки.

Жаркий климат позволял снимать с орошаемой земли по два урожая, особенно после ячменя и озимой пшеницы. После уборки урожая этих культур сажали дыни или сеяли джугару, которую скашивали в октябре на корм скоту. Некоторое значение имели посевы на неполивных землях, — во-первых, богарные посевы зерновых в горах и предгорьях, где было прохладнее и дольше держалась влага; во-вторых, посадка дынь, особенно так называемых «сорокадневок» (кырк гюнлюк), в котловинах, обильно увлажненных талыми и дождевыми водами или силевыми потоками; в-третьих, каирное земледелие на влажных пойменных участках. В двух последних случаях земледелие носило самый примитивный, полупервобытный характер, в противоположность довольно интенсивному земледельческому хозяйству на искусственно орошаемой земле. О низком уровне агротехники у туркмен можно судить также по довольно широкому распространению так называемой «хировы». Хирова состояла в том, что пшенице давали перестоять некоторое время; опавшее зерно впоследствии слегка запахивалось омачом.

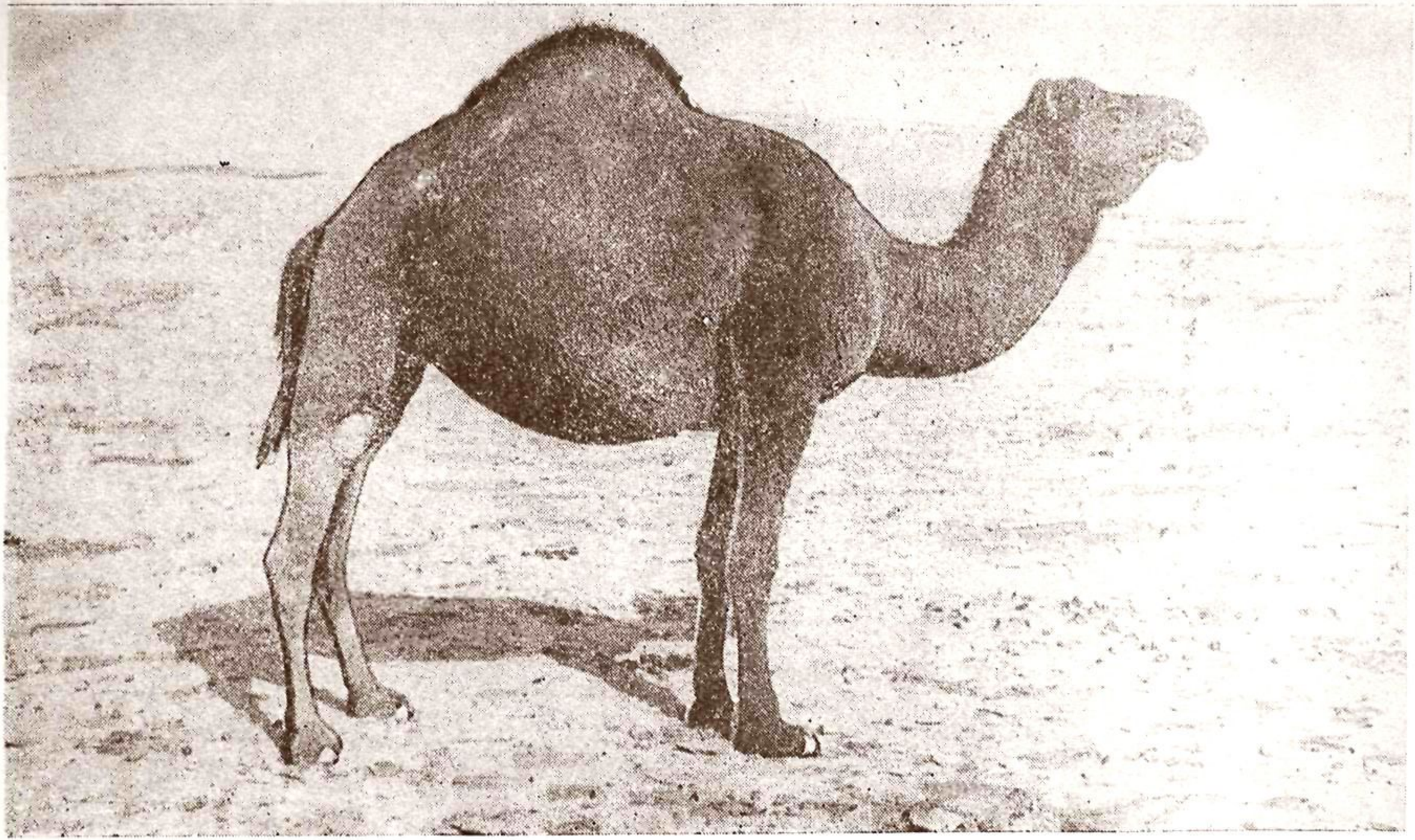
В условиях отсталости полеводческого хозяйства у туркмен производительность земледельческого труда была очень низкой.

У всех туркменских племен первой половины XIX в. существовало довольно развитое ремесло. К этому времени оно еще полностью не отделилось от сельского хозяйства. Однако были уже некоторые семейства, занимавшиеся исключительно изготовлением различных предметов домашнего обихода и орудий земледельческого труда. Самым распространенным из ремесел было ковроделие, которым занимались только женщины.

Гулибеф Блоквилль, проведший в 60-х годах XIX в. 14 месяцев в плену у мервских текинцев, писал: «Женщины пользуются у туркмен большим почетом, нежели у других мусульман. Тем не менее работы у них очень много. Каждый день приходится им, между прочим, молоть хлеб, предназначенный для семейного потребления. Кроме того, они прядут шелк, шерсть, бумагу, ткут, шьют, мнут, войлок..., ходят за водой, иногда моют, красят шелк или шерсть и делают ковер. Эта последняя работа производится таким образом: в хорошую погоду туркмены устанавливают на открытом воздухе несложный снаряд, состоящий из четырех колов, тщательно укрепленных в землю, и начинают ткать при помощи двух больших перекладин, на которых располагается уток.



Сараджинский баран (из материалов Института животноводства АН ТССР).



Верблюд породы «арвана» (из материалов Института животноводства АН ТССР).

Ковры их прессуются железным инструментом, состоящим из пяти или шести пластин, расположенных на подобие гребня, и бывают обыкновенно в три метра длины и полтора ширины, делаются они весьма прочно». И далее: «Каждое семейство имеет свой особый рисунок, который передается из рода в род, от матери к дочери»[1].

Уже упоминавшийся выше М. Н. Галкин, побывавший среди туркмен-иомутов в 1859 г. писал: «Довольно оригинально, что в узор ковров как у этих, так и у всех прибрежных туркмен входит непременно изображение якорей большой и малой величины»[2].

В быту туркмен использовалось много разнообразных ковровых изделий[3]. Женщины изготовляли все убранства юрты, дорожки («боу» и «иолам»), разнообразные мешки («торба», «айна-гап», «иксилик», «чувал», «хурджин»), обычные постилочные ковры («халы», «оджак-баши»), коврики для молитвы («намазлык»), различные ковровые занавеси («энси», «капунук» и др.).

Занимались ковроделием не все племена, проживавшие в Туркменистане. Совершенно не ткали ковров некоторые представители древнего земледельческого и городского населения — ирони, арабы, мурча, емрели, часть атинцев и другие. Они приобретали необходимые ковровые изделия у ковроделических групп населения. Ковроделием занималась женская часть большинства туркменских племен, а именно: салыров, сарыков, човдуров, теке, эрсари, иомутов, гокленов, арабачи и других.

Этот широко развитый домашний промысел не только удовлетворял собственные нужды туркмен, но давал некоторое количество товарной продукции, поступавшей для реализации даже за пределы Туркменистана.

Значителен был вывоз ковров в Россию, а через нее и в Западную Европу[4]. Этот вывоз ковров из года в год увели-

---

[1] Гулибеф Блоквилль. Четырнадцатимесячный плен у туркменцев. Всемирный путешественник, т. I—II, СПб., 1867, ч. 1, стр. 39.

[2] Архив б. Мид, 1—9, 1860 г., № 12, лл. 40—41, 45.

[3] А. А. Боголюбов. Ковровые изделия Средней Азии, вып. I и II. СПб., 1908—1909; С. М. Дудин. Ковровые изделия Средней Азии Сб. Музея антропологии и этнографии, т. VII, 1928; В. Г. Мошкова. Племенные «гели» в туркменских коврах. «Советская этнография», 1946, № 1; она же. Материалы по ковроделию народов Средней Азии. Научные фонды Ин-та истории и археологии АН УзССР; А. А. Семенов. Ковры русского Туркестана. Этнографическое обозрение, 1911, № 1, 2; Н. Симаков. Искусство Средней Азии, СПб., 1879; Фелькерзам. Старинные ковры Средней Азии. «Старые годы», 1914, X—XII, VI. 1915 г.

[4] О торговле в Бухарии. «Московский телеграф», 1826, № 12; E. Eversman. Reise von Orenbourg nach Buchara, Berlin, 1823; П. И. Небольсин. Очерки торговли России со странами Средней Азии. ЗИРГО, кн. X, СПб., 1855.

чивался. Подавляющее большинство вывозимых из Средней Азии ковровых изделий были туркменские, так как ни у одной из среднеазиатских народностей не было столь развито ковровое производство, как у туркмен.

Утвердившийся с XVIII в. в торговой практике термин «бухарские ковры», применявшийся для всей среднеазиатской ковровой продукции, явно неправилен и объясняется тем, что часть ковродельческих районов, населенных туркменскими племенами — эрсари и другими, до Великой Октябрьской социалистической революции входила в состав Бухарского ханства, на территории которого происходила закупка ковров; кроме того, торговля коврами была сосредоточена в руках бухарских купцов, скупавших ковры на местах их производства и свозивших их в свои центральные склады в городе Бухаре, где происходило формирование торговых караванов и совершались торговые сделки.

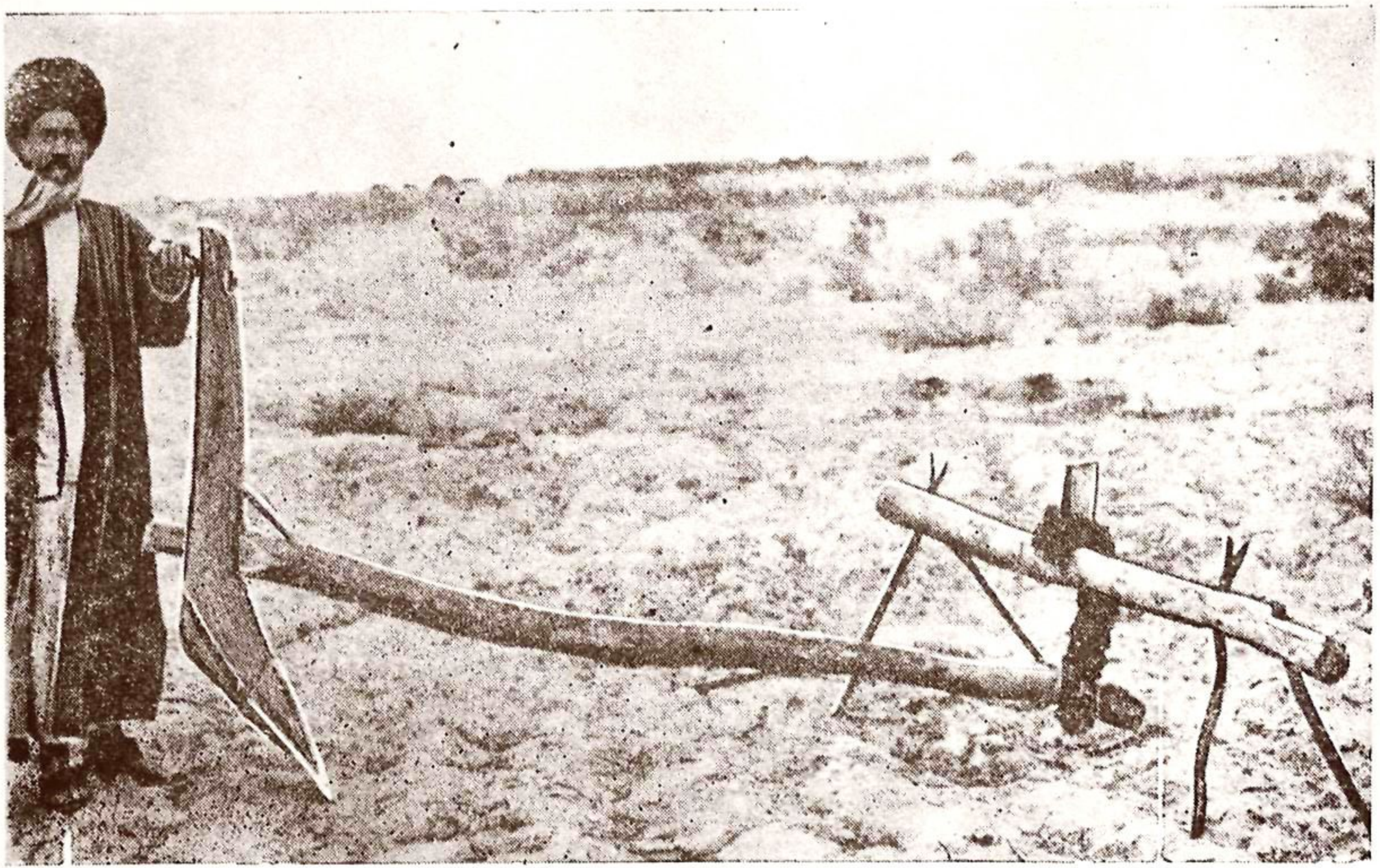
Для начала XIX в. имеется прямое свидетельство о торговле туркменскими коврами. Английский путешественник Фрезер, посетивший Хорасан в 1821 г., говорит о выделке туркменских ковров для продажи: «Промышленность туркмен состоит главным образом из ковров, которые они ткут из очень красивых материалов и которые очень высоко ценятся, доставляя большие доходы»[1].

Но большой объем производства ковровой продукции не означал превращения туркменского ковроделия из подсобного домашнего промысла в специализированную отрасль кустарной промышленности. Этот процесс произошел значительно позднее.

Социально-экономические условия и политическая обстановка, сложившиеся на территории Туркменистана к XIX в., определили медленные темпы развития хозяйства, носившего до присоединения к России полунатуральный характер. Во всех сельскохозяйственных районах ремесло было тесно связано с сельским хозяйством и носило характер домашних промыслов. Подавляющее большинство сельскохозяйственного инвентаря и бытовых изделий, начиная от предметов обрудования юрты и кончая деревянной посудой и материалами для всех видов одежды, производилось кустарями, живущими в сельских местностях и сочетающими ремесло с занятием сельским хозяйством. Многие ремесла носили сезонный характер (ковроделие, гончарный промысел, плетение веревок и др.). Однако широкое распространение различных домашних промыслов не означало отсутствия в стране про-

---

[1] S. R. Fraser Narrative of Jornay into Khorosan in the Year, 1821 and 1822, London, 1825.



Омач (из материалов Исторического музея АН ТССР).

фессионального ремесла. По свидетельству исторических источников, торговля разнообразными продуктами и изделиями внутри страны была довольно оживленной. Выделанная кожа, ювелирные изделия, дорогая нарядная конская сбруя, оружие и многое другое приобреталось феодалами и дайханами у профессиональных кустарей и ремесленников.

Металлическое производство, важное по своему хозяйственному значению, было развито крайне слабо. Кузнецы и медники производили простейшие сельскохозяйственные орудия, холодное оружие и хозяйственную утварь — кувшины для воды, тазики для умывания, флаконы для косметики и прочее. Вырабатывавшаяся в Туркменистане немногочисленная металлическая продукция не могла обеспечить потребности населения, почему многие металлические изделия, в особенности чугунные, завозились в Туркменистан из соседних стран—Ирана, Бухары, Хивы и России[1].

Из металлических производств наиболее развито было ювелирное дело. Мастера-ювелиры («кумушчи») имелись повсеместно. Иногда сельские ювелиры не только обслуживали население своих селений, но производили изделия на вывоз в другие районы[2].

Сохранившиеся старинные ювелирные изделия Туркменистана, высокие по технике и художественным качествам, позволяют считать, что ювелирный промысел имел опытных и квалифицированных мастеров. Много производилось и разнообразных женских ювелирных украшений. Ювелирные украшения туркменок различных племен отличались друг от друга некоторыми характерными особенностями. Русские путешественники отмечали чеканку туркменскими ювелирами серебряных монет[3].

Несмотря на все успехи, туркменское ремесленное производство не могло, однако, удовлетворить потребности населения и с XVIII в. много ювелирных изделий ввозилось в Туркмению из южных районов России, в частности — из Казани. Холодное оружие в основном производилось на месте, а некоторые дорогие художественные инкрустированные ножи и кинжалы завозились из Ирана и Афганистана.

Из строительных ремесел в сельских местностях было широко развито производство деревянных частей для юрт. Их изготовляли местные кустари в районах, обладавших необходимым сырьем — на берегах Атрека и Аму-Дарьи, а также по Теджену и Мургабу. Особенно славились производством

---

[1] П. И. Небольсин. Указ. соч.
[2] Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву..., М., 1822.
[3] Там же, стр. 37.

юрт туркменские мастера племени ших. В тех же районах вырабатывали резные двери для юрт, мелкие деревянные бытовые изделия и седла, иногда отличавшиеся богатой отделкой. В Мерве седельным ремеслом занимался род язы, в Ахале — нохурцы. Мастера из рода буркоз были известны производством плеток[1].

Слабо было развито художественное гончарное ремесло. В наиболее крупных земледельческих селениях и городах местными гончарами вырабатывались простейшие виды бытовой посуды и хозяйственных изделий — кувшины, чаши, крышки, круглые печи (тамдыры), светильники и прочее.

В районах, заселенных скотоводами, ведущими кочевое хозяйство, керамическая посуда имела меньший спрос. Ее частично заменяла здесь деревянная и кожаная посуда.

Из всех видов ремесел в лучшем состоянии находились к XIX в. текстильные ремесла, имевшие в районах Туркменистана высокие технические и художественные традиции.

Крупной базой шелководства и шелкоткачества еще в конце XVIII — начале XIX в. был Мары. Он сохранял кадры опытных шелкоткачей, хотя неоднократно во время губительных разрушений города население из него переселялось в Хиву, Бухару и Самарканд. В первую очередь переселялись ремесленники, которые использовались завоевателями для развития текстильного промысла в местах нового поселения. Лучшие шелкоткачи Бухары и Самарканда конца XVIII—первой половины XIX в., называвшие себя «ирани», являлись жителями Мары, переселенными оттуда в разное время.

Марыйские тяжелые, плотные пурпурные шелка («кырмызы кетени») пользовались широкой известностью не только в Туркменистане, но и за его пределами (в районах Хорезма эти шелка назывались «тырме»). Из Мары же вышли и другие сорта шелковых тканей «совсани», «бегрес», «серинде» и др. Шелка вырабатывались не только профессиональными ремесленниками-ткачами, но всеми женщинами некоторых земледельческих селений — Нохура, Мурчи, Каахка, Пальварта, — население которых издавна занималось шелководством и шелкоткачеством.

Изготовление хлопчатобумажных тканей было распространено повсеместно, представляя собой давно освоенный домашний женский промысел. Туркменки ткали гладкие и полосатые ткани — «алача».

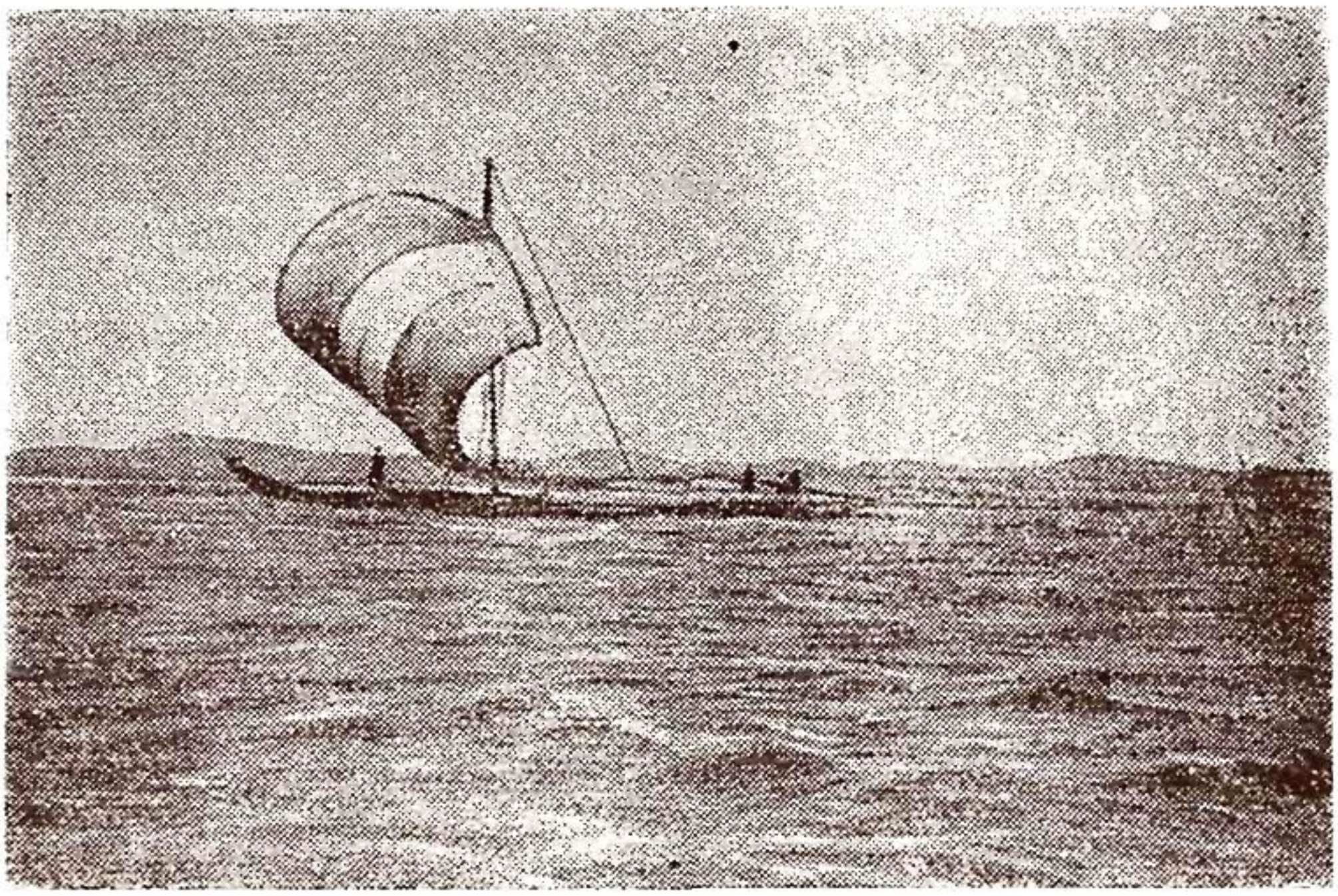
Широко было развито в Туркменистане и производство шерстяных тканей, изготовляемых из верблюжьей и овечьей

---

[1] Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области, Асхабад, 1900, стр. 75.

шерсти, а также вышивка отдельных элементов одежды, вязание узорных шерстяных чулок «джораб», выделка кошем.

Известного развития у туркмен достигли и различные промыслы. Иомуты и човдуры, жившие на побережье Каспийского моря, издавна занимались рыболовством, особенно в аулах, расположенных между фортом Александровским и Красноводской косой.



Туркменское судно на Каспийском море (из материалов Исторического музея АН ТССР).

Несмотря на примитивные снасти, рыбы здесь ловилось чрезвычайно много. Рыбу (осетров, севрюгу, шип и прочие) туркмены сбывали либо иранским, либо русским астраханским купцам. Часть ее продавали, но немалое количество употребляли сами. Иомуты на зиму приготовляли рыбу следующим образом: «...разрезав рыбу на части, жарят в котлах в рыбьем жиру до тех пор, пока рыба не сделается красной, при этом часто мешают ее, а потом набивают в рыбьи пузыри и зарывают на сохранение в землю»[1].

По свидетельствам всех путешественников, побывавших в Западном Туркменистане в первой половине прошлого столетия, здешние туркмены довольно интенсивно занимались также добычей нефти, соли и озокерита, которые сбывались ими

---

[1] Архив б. МИД, 1—9, 1860 г., д. 12, л. 61.

в соседние области Ирана[1]. «Главный и почти единственный промысел обитателей Челекена, — писал Бларамберг, — состоит в добывании нефти и торговле ею; нефти вывозится отсюда в Персию около 100 000 пудов ежегодно; она выменивается там же на пшеницу, сарацинское пшено и различные материи для одежды. Произведение это добывается из колодцев, которых, по словам туркмен, считается на острове более 3000»[2].

Техника нефтяного промысла, разумеется, была весьма примитивной. Колодцы рылись неглубокие, кустарным способом и крайне небрежно; то и дело их края обваливались. Однако колодцев здесь было множество, и с течением времени число их увеличивалось.

По свидетельству того же автора, туркмены сами занимались сбытом нефти, которую возили в своих баркасах (киржимах) на персидское побережье, главным образом, в Астрабадский залив. В весенние и осенние месяцы, когда на Каспийском море свирепствовали бури, обычно в плавание отправлялось по нескольку киржимов, чтобы в случае опасности оказывать друг другу помощь. На основе рыболовства и мореходства у туркмен развивалось производство туркменских лодок — «киржим», особенно на побережьи Каспийского моря (в районе Гасан-Кули). Лес для строительства в XVIII в. туркмены получали из Ирана[3], а после установления регулярных торговых отношений с Россией — из Астрахани[4]. «Туркменский киржим поднимает от 200 до 400 пудов, лодка от 40 до 100 тулуков нефти: средним числом можно положить по 300 тулуков на киржим и по 70 тулуков на лодку».

Бларамберг описывает разработку добычи соли туркменами и одновременно приводит интересные данные о вывозе иомутами соли в пределы Ирана и в Астрахань.

Озерную самосадочную соль иомуты добывали также на острове Челекене и в Дарджа. В урочище Гарям добывали и каменную соль; ее вырубали топорами в виде правильных четырехугольных кусков, называемых по местному кулюпами, приблизительно в $1^1/_2$ пуда весом каждый. По-видимому, размеры этих соляных месторождений были очень велики. «Соли этой, — пишет Бларамберг, — развозят ежегодно туркмены по северным областям Персии более 100 000 кулюпов,

---

[1] Архив б. МИД, 1—9, 1852—1868 гг., д. 8, л. 290; см. также 1860 г., д. 12, л. 42—44.

[2] И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до Тюб-Карагана. ЗИРГО, кн. IV, СПб., 1850, стр. 69.

[3] И. Ф. Бларамберг. Указ. соч., стр. 63.

[4] Обзор Закаспийской области за 1896 г.

или 150 000 пудов, продавая ее по 1/3 реала (40 коп. ассиг.) за кулюп, всего на 49 500 руб. ассиг.; следовательно, каждый пуд соли с доставкой в Персию обходится около 27 коп. ассиг. По рассказам туркмен, астраханский купец персианин Мир Багиров купил у них в 1835 г. 70 киржимов, или более 400 000 пудов, каменной соли, для соления рыбы, которую он свез потом в Астрахань»[1].

На основе развития сельского хозяйства, различных ремесел и промыслов развивалась торговля туркмен с Ираном и Хивой. Наряду с отмеченными выше продуктами туркмены вывозили туда коней, скот, паласы, ковры, холодное оружие и ввозили оттуда хлеб, порох, свинец, огнестрельное оружие, ткани и многое другое.

Главными транзитными пунктами караванной торговли служили Мары и Иолотань. Торговые караваны через эти пункты шли из Ирана в Хиву и Бухару и обратно. Это обстоятельство было одной из важнейших причин длительной, упорной борьбы за Мургабский оазис между шахами Ирана и властителями Хивы и Бухары. Важное значение имел и караванный путь из Хивинского ханства в Иран, шедший вдоль побережья Каспийского моря. В Мары большую роль в торговле стали приобретать бухарские и русские купцы. Торговые караваны в пути обычно сопровождались вооруженными конвоями, которые, однако, далеко не всегда могли обеспечить их безопасность.

На той же основе развивалась и внутренняя торговля. Базары происходили в наиболее крупных поселениях в определенные дни, чаще всего по пятницам. Особенно широко торговля была развита в Марыйском оазисе, в частности в самом Мары. В городе существовало большое количество ремесленников: оружейников, кузнецов, башмачников, ювелиров, изделия которых отличались хорошим качеством.

Два раза в неделю в Мары происходили шумные базары. Вот что пишет об этом русский офицер Алиханов: «Оазис оживляется в эти (базарные — *ред.*) дни. По всем дорогам снуют на базар и обратно толпы пеших и конных, причем на ослах и верблюдах сидят обыкновенно по два всадника. Площадь, наполненная толпой в 4—8 тысяч мужчин, без единой женщины, а все животные оставляются привязанными на валах крепости. Вся эта масса, кто с овчинами, кто с туземною обувью, с готовыми халатами, с плетеными корзинами, с медною или деревянною посудой, с конским убо-

---

[1] И. Ф. Бларамберг. Указ. соч., стр. 81—82.

ром, с женскими украшениями, с борзыми и соколами, с рогатой скотиной и т. п., толчется или движется вокруг нескольких десятков крошечных лавчонок, занимающих в две линии середину базара. Лавчонки эти — небольшие открытые сверху глиняные оградки и в них сидят на голой земле торговцы, окруженные своим товаром: московский ситец, изюм, коренья, персидский сахар, опиум, зеленый чай, сушеные дыни, табак, бухарские самовары, хлопок и т. п. Здесь, словом, можно достать все, что так или иначе окружает неприхотливый быт туркмена... На краю базара обыкновенно группируются люди, торгующие лошадьми, ослами и верблюдами»[1].

Торговля была важной отраслью экономики салыров Серахса. Кроме участия их в торговых операциях, салырская знать имела ряд косвенных доходов от караванной торговли, вроде сбора платы за прохождение через их земли торговых караванов и т. д. Немало доходов им давала также работорговля. После взятия Серахса в 1838 г. иранскими войсками здесь было обнаружено до 3 тыс. пленников-рабов. Из иранских источников известно, что в Серахсе проживало до 600 туркмен-работорговцев (видимо, не только салыров).

Благосостояние этой группы салырской знати, сосредоточившейся в Серахсе, было связано также со своего рода маклерством. Иранские источники утверждают, что салырская знать Серахса являлась организатором грабительских набегов: она снабжала оружием и конями аламанщиков различных туркменских племен и в случае удачи получала половину добычи[2]. Такие же отношения установились у салыров с некоторыми местными владетелями в Хорасане.

Хозяйство туркменских племен не было, таким образом, совершенно однородным во всех районах Туркменистана. Туркмены, жившие на островах и на берегу Каспийского моря занимались, главным образом, рыбной ловлей и различными промыслами. Приатрекские, балханские и мангышлакские туркмены были в подавляющем большинстве кочевниками-скотоводами. Но хозяйство главной массы туркмен было основано на сочетании орошаемого земледелия, кочевого, а чаще отгонного скотоводства и домашнего ремесла. При этом ремесло у туркмен не отделялось от сельского хозяйства и все хозяйство в целом имело отсталый, полунатуральный характер.

---

[1] ЦГА ТССР, с/б, 95, л. 23. Архивная выпись из главы II географического очерка Мерва, составленного Алихановым — «Население оазиса и его подразделения — родовое и административное».

[2] Мирза Мухаммед Таги-хан. Указ. соч., МИТТ, II, стр. 221—228.

2. Общественно-экономический строй туркмен накануне присоединения Туркменистана к России

Несмотря на некоторые различия в хозяйственном укладе, у всех туркменских племен господствовали феодально-патриархальные отношения.

Основой общественной организации туркмен был «оба»— аул, сельская община, состоявшая иногда из одного рода или части его, иногда — из представителей нескольких родов, а изредка даже нескольких племен (например, аул Багир невдалеке от Ашхабада)[1]. Община владела землей и водой, организовывала хошарные и другие общественные работы.

Каждый «оба» (аул) состоял из нескольких десятков, а то и сотен семей (машгала). В первой половине XIX в. у туркмен встречались как большие патриархальные семьи, которые состояли из 20—30 и более человек, ведущих совместное хозяйство под руководством отца или старшего брата, так и малые семьи. Глава семьи (кедхуда) был собственником усадьбы, скота, сельскохозяйственного инвентаря и всех продуктов труда семьи. Власть главы семьи в туркменском обществе была чрезвычайно велика.

Для понимания общественных отношений у туркмен в первой половине XIX в. необходимо, прежде всего, рассмотреть вопрос о формах собственности на основные средства производства — землю и воду.

В скотоводческих районах фактическое сосредоточение пастбищ в руках феодально-байской верхушки туркменских племен маскировалось общинными формами собственности.

В условиях Туркменистана основой скотоводческого хозяйства, без чего оно здесь невозможно, являются колодцы.

В Кара-Кумах большинство колодцев находилось на так называемых такырах — обширных ровных глинистых пространствах, расположенных в пологих понижениях рельефа. Вокруг этих такыров и группировались скотоводы-кочевники. Большей частью такыров владели отдельные родовые группы. Право устройства колодцев на такырах принадлежало формально каждому из членов данного рода, но при непременном условии, что устройство нового колодца не ухудшит состояния других колодцев, находящихся на этом такыре. Хозяйства, не принадлежавшие к данной родовой группе, не имели права рыть новые колодцы без разрешения владельцев такыра. Но и в том случае, если разрешение на устройство колодцев давалось постороннему, ставилось непременное ус-

---

[1] В последнем случае главенство принадлежало одному из этих племен, а представители других племен находились обыкновенно в несколько приниженном положении.

ловие: постороннее хозяйство, устраивая колодец на свои средства, пользуется им только в течение года, а затем передает исправный колодец в полное владение хозяина такыра.

Дальнейшее пользование колодцем происходило уже на основании нового договора, большей частью за известную плату (деньгами или натурой). Владелец такыра сохранял за собою право расторгнуть договор в любое время.

Что касается пастбищных территорий, то они считались никому не принадлежащими — ни отдельным хозяйствам, ни родовым группам — и формально ими мог пользоваться каждый посторонний скотовод. Однако, поскольку колодцы находились в собственности отдельных хозяйств или родовых групп, свободное использование пастбищ всеми желающими было чистой фикцией, так как пасти скот в туркменских степях и пустынях, не имея там колодцев, невозможно.

В результате этих порядков отдельные родовые группы и хозяйства обеспечивались водопоями крайне неравномерно. Наиболее сильные и богатые родовые группы и хозяйства, захватившие лучшие такыры и прилегавшие к ним пастбища, эксплуатировали бедноту, не имевшую колодцев, взимая за пользование водопоями определенную плату.

Имевшееся у бедняка-скотовода право на рытье нового колодца было также, по существу, фиктивным, так как для маломощного хозяйства с мизерными доходами было почти невозможно изыскать средства для его устройства.

Если же учесть, что дебит воды в каждом отдельном колодце в общем невелик, то станут понятными те трудности, которые возникали при устройстве не одного, а нескольких колодцев (для одного пастбища их необходимо в среднем около восьми).

Бесколодезное хозяйство фактически целиком и полностью зависело от произвола более сильного феодально-байского хозяйства, имевшего возможность в любое время отказать другим в праве пользоваться водою.

Представляя малоимущим хозяйствам право пользоваться своими колодцами, баи, владевшие многочисленными стадами, требовали взамен от бедняков, чтобы те пасли скот владельца колодца. Кроме того, в обязанность бедноты входил и ремонт колодца и оказание помощи в мелких работах по хозяйству его владельца. Фактически за право пользования колодцем беднота батрачила у баев круглый год.

Из отношений, сложившихся на этой почве, вытекало полное подчинение бедноты экономически более сильным хозяйствам, т. е. феодально-байской верхушке, владельцам огромных стад и многочисленных колодцев. Боясь лишиться поддержки богатого родича, бедняки, пользующиеся его колод-

цами, вынуждены были поддерживать этого бая во всех случаях и при любой обстановке.

Формы эксплуатации в кочевых районах Туркменистана были чрезвычайно разнообразны. Если, например, у бедняка не было дойных верблюдиц, то последних ему на определенных условиях представлял богатый родич. При наличии в стаде большого количества дойных верблюдиц бай лишен был возможности своими силами брать молоко. Поэтому жены бедняков за предоставление им дойных верблюдиц обязаны были доить верблюдиц хозяина. Снабжая бедняка шерстью для выделки войлока, бай за это получал более полозины выработанного материала. Очень часто практиковалось получение беднотой от зажиточных хозяйств их скота на выпас за ничтожное вознаграждение.

Таким образом, собственность на колодцы фактически делала туркменских баев владельцами пастбищ, что составляло основу для эксплуатации баями туркменской бедноты. Эта феодальная по своему существу эксплуатация прикрывалась патриархальными формами — бай якобы не присваивал плоды труда бедняка, а «оказывал милость» бедному сородичу, — но от этого эксплуатация не делалась менее грубой и жестокой.

В земледельческой полосе формы собственности на землю и воду были гораздо более разнообразны, но и здесь, наряду с общинной собственностью, развивалась и возвышалась крупная феодальная собственность на орошаемую землю.

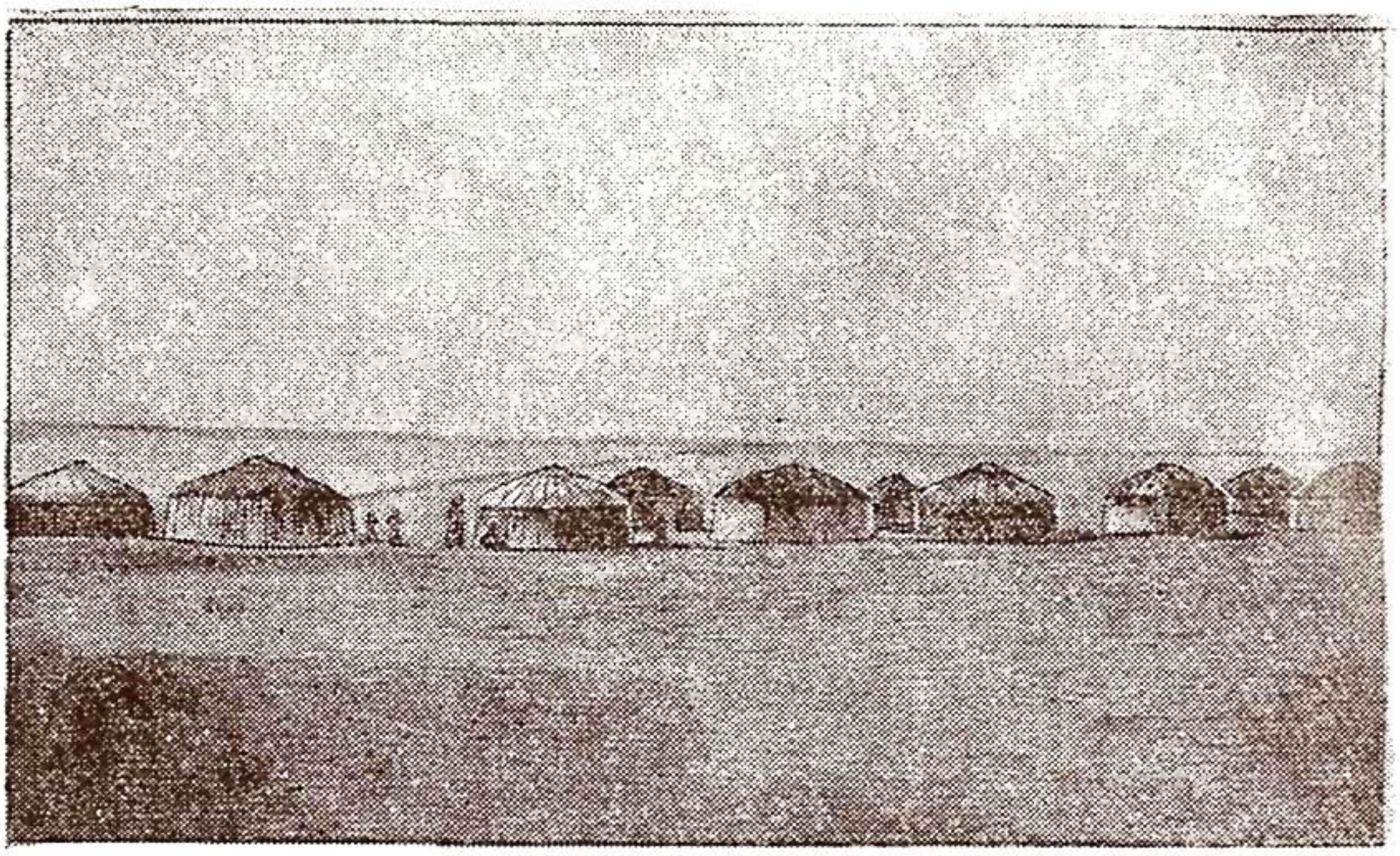
В Южном Туркменистане основными формами земельной собственности были санашик и мюльк. Санашик — общинная собственность на землю и воду с периодическими переделами. Мюльк — частное владение, близкое к частной собственности на землю и воду. Отдельные крупные мюльки явились типичными феодальными поместьями, но были и мелкие крестьянские мюльки.

Наиболее широкое распространение санашиковая форма землевладения имела накануне присоединения к России у текинцев Марыйского оазиса.

Текинцы, вытеснив сарыков из Мары, поделили землю оазиса между собою следующим образом: все земли по правой стороне Мургаба получило колено тохтамыш, на левой стороне Мургаба — отамыш. В соответствии с количеством населения колено тохтамыш получило $^3/_5$, а отамыш $^2/_5$ части всех водных ресурсов Мургаба.

С течением времени численность отамышцев возрастала, и преимущество тохтамышцев при распределении оросительной воды послужило причиной долголетних распрей между текинцами Мургабского оазиса.

В свою очередь земли тохтамыш были поделены между его основными родами — бек и векиль, а внутри их между более мелкими родовыми группами. Такая же картина наблюдалась при распределении земель внутри рода отамыш. Земля делилась поровну между родами. Каждое родовое подразделение, представлявшее собой большей частью один аул получило равный надел земли.



Текинский аул (из материалов Исторического музея АН ТССР).

Порочность такого распределения земли очень скоро должна была сказаться, так как и по плодородию, и по количеству удобной земли, и по условиям орошения участки были далеко не одинаковы. Так возник новый источник ожесточенных конфликтов.

После того, как текинцы заняли Мары, они оказались вынужденными вести борьбу против хивинских ханов и иранских шахов за свое право на владение Мургабским оазисом. Это обстоятельство, а также и необходимость регулирования водопользования из одного водного источника (р. Мургаб) и предопределило укрепление на Мургабе общинной (санашиковой) формы землевладения. Строительство и поддержание большой и сложной ирригационной системы требовали огромного количества рабочих рук коллективного труда и родовой общины.

На получение доли общественной воды, согласно адату, имели право: 1) все женатые мужчины, 2) сироты обоего по-

ла, лишившиеся отца, 3) вдовы до нового замужества, если они живут не при детях, имеющих воду, 4) женатые пришельцы, переселившиеся в аул с согласия аульной общины.

По адату, сироты и вдовы переходили чаще всего к ближайшему родственнику мужа, и, таким образом, в основном вода распределялась между женатыми мужчинами. Жениться могли и малолетние лица мужского пола, после чего они немедленно получали долю общинной воды. Ханы, старшины и прочие богатые туркмены, стремясь получить лишнюю долю общинной земли и воды, женили своих 2—3-летних сыновей, тогда как бедняки иногда до 35—50 лет оставались нежената-ми, не имея возможности внести за невесту калым и поэтому обречены были оставаться безземельными, либо арендовать землю на кабальных условиях.

Таким образом, и здесь, среди мургабских текинцев, в первой половине XIX в. родовая земельно-водная община являлась только внешней формой, прикрывающей классовое расслоение туркменского аула. Расслоению содействовало и то обстоятельство, что земля и вода между различными родами были распределены неравномерно: в одних аулах хозяйство могло оросить своей долей воды, одним су, 1—2 танапа, а в других районах 6—7 танапов.

Наиболее влиятельные туркменские ханы, имевшие на службе значительные военные отряды (нукеров), закрепляли за собой земли, расположенные в ключевых участках ирригационной системы, например, Коушут-хан. Родовая верхушка и их приближенные крепко держались за свои привилегии в области водопользования. Это обстоятельство укрепляло родовые пережитки и обостряло родовую борьбу в туркменском обществе. Но под оболочкой родовой борьбы скрывалась борьба между бедными и богатыми, между феодально-родовой аристократией и закабаленной массой трудового дайханства.

Обилие земельных площадей, при ограниченности водных ресурсов, привело к переложной обработке земли. Земельный участок, обрабатывавшийся в течение нескольких лет, потом забрасывали на многие годы. В связи с этим дайханам приходилось рыть новый яб (канал) для орошения новых посевных площадей. Так, на Мургабе туркменами был вновь воссоздан ряд очень сложных ирригационных сооружений, ранее разрушенных; туркмены искусно справлялись с необычайно сложной работой по распределению воды, требующей огромного опыта и обширных знаний, так как земледелие, основанное на искусственном орошении, было их давнишним занятием.

Переложная система обработки земли приводила часто к тому, что посевы оказывались на далеком от аула расстоя-

нии. Для водоснабжения аула и полива посевов кормовых трав (главным образом, люцерны), бахчевых культур и овощей рылись специальные каналы. На этих каналах каждому, имевшему право на воду, отводился специальный участок земли, который назывался мюльком[1]. Мюльки оставались номинально общественной собственностью, но они уже не перераспределялись ежегодно, а находились в пожизненном пользовании, а после смерти владельца обычно переходили к ближайшим его родственникам. При отсутствии прямых наследников, мюльк поступал в общественное пользование и сдавался в аренду, а иногда поступал в общественный фонд. Несомненно, что распределение мюльковых участков было не всегда равномерным. Так например, когда хан Ахал-Текинского оазиса Нурберды в 1860 г. прибыл со своими нукерами на помощь марыйским текинцам во время их войны с каджарскими войсками, ему был отведен большой участок орошаемой земли в долине Мургаба. У многих других ханов также были большие земельные наделы, которые они сдавали в издольную аренду.

У марыйских текинцев в первой половине прошлого столетия вся административная и общественная система была построена на «су», т. е. на ирригационном пае. По данным Аликанова, каждые шесть кибиток, пользовавшиеся водой, су, в течение шести часов подряд, являлись связанными общими хозяйственными интересами и назывались «ярым-келеме». Два ярым-келеме составляли «келеме» или «так» (полусуточное пользование оросителем). «Серкаром» или «атлыком» (суточное пользование оросителем) назывались два «келеме»[2].

Мюльковое землевладение в изучаемый нами период в основном сосредоточивалось в центре Марыйского оазиса. В 60-х годах XIX в. в Марыйском оазисе, по словам Аликанова, было 100 второстепенных и 24 основных оросительных «яба» — канала. На каждом из второстепенных ябов мургабской ирригационной системы, которые назывались «инче-яб», помещалось 10—12 серкаров или атлыков. Каждые четыре «инче-яба» составляли «ёгин-яб»; таких ёгин-ябов было 24[3].

По числу ёгин-ябов — каналов все население оазиса разбивалось на 24 административные ячейки. Трудовые и военные повинности, разные наряды, распределение и сбор податей производились в соответствии с этими 24 административно-ирригационными единицами. При этом, на роды бек,

---

[1] Величина мюлька в различных аулах колебалась, примерно от 1 до 6 танапов.

[2] ЦГА ТССР, с/б, 95, Материалы Аликанова о Мерве, л. 3.

[3] Там же, л. 4.

векиль, бахши, сычмаз приходилось по шесть административных единиц.

Кроме тех земель, которые поступали в ежегодное распределение, в аулах, имевших большие земельные фонды и водные ресурсы, существовали и так называемые «кярендные» земли. Кяренда принадлежала всей общине и сдавалась в аренду безземельными дайханами. Полученный доход от кярендных земель шел на общественные нужды.

Описанный порядок земле-водопользования с небольшими отклонениями был принят также у сарыков в Пендинском и Иолотанском оазисах. На р. Теджен условия земле-водопользования были в основном такие же, как и на Мургабе. Но в середине XIX в. долина р. Теджен была еще слабо заселена.

В Атеке и Ахал-Текинском оазисе сложились особые условия земле-водопользования. Ввиду того, что в Ахал-Текинском оазисе не было ни одного крупного водного источника, орошение земель производилось путем использования большого числа мелких горных речек и ручьев, а также посредством «кяризов»[1]. Кяризы, как правило, находились в частной собственности. Вследствие этого в Ахал-Текинском оазисе мюльковое землепользование получило более широкое распространение.

Многие мюльки образовались путем пожалования земли иранскими губернаторами Хорасана туркменским ханам и сердарам, в целях укрепления иранского влияния в Ахал-Текинском оазисе. Так например, в 20-х годах XIX в. дерегезский правитель Бегляр-хан подарил источник Гяурс текинским старшинам: Аим-беку Мамеддурды-бек оглы и Довлетмурад-беку Чары-бек оглы, а источники Геми — Хыдыр-беку Куш оглы. Кучанский правитель Риза Кули-хан подарил родник Нова текинцу Нефес-беку Якшимамед оглы[2].

Во многих аулах Ахала существовал порядок земле-водопользования, согласно которому отлучившийся из аула сохранял свое право на долю воды и земли. Благодаря этому обстоятельству, некоторые лица владели землей и водой в нескольких аулах. Землю и воду получали также в виде вознаграждения текинские сердары (военачальники), которые несли определенные обязанности по защите аула от нападений иранцев, хивинцев или предводительствовали аламанами. В аулах Ахал-Текинского оазиса зачастую лица, имевшие право на воду, наделялись индивидуальными приусадебными участками, закреплявшимися в пожизненное и наследствен-

---

[1] *Кяриз* — подземная галерея, соединяющая ряд вырытых на известном расстоянии друг от друга колодцев.

[2] Д. И. Субботич. Материалы по землепользованию в Закаспийской области, Асхабад, 1908, стр. 10.

ное пользование. Таким образом, община в этот период отнюдь не была построена на принципе равенства. Наряду со множеством безземельных и малоземельных, в нее входили владельцы крупных мюльков и кяризов; эти землевладельцы сдавали значительную часть своей земли в аренду на кабальных условиях.

Иомутские народные предания, повествующие о возникновении ирригации в бывшем Чикишлярском районе, свидетельствуют о том, что ирригационные сооружения создавались большею частью индивидуально, родовыми старшинами, разумеется, использовавшими труд подчиненных им родовых групп.

Эти лица в дальнейшем приобретали наследственное право на владение $^1/_7$ частью всех орошенных земель и потомственное звание «мираба». Они были хозяевами сооруженных ими плотин и каналов. Официальные сведения, собранные царской администрацией в 1896 г., сообщают о том, как в 40-х годах XIX в. в долине Атрека некий богатый иомут по имени Мираб Нияз Харс оглы добился согласия общины на сооружение плотины у бугра Окуз-Гяриман, при помощи которой была орошена довольно значительная земельная площадь. Расходы по постройке он взял на себя, но рабочая сила была представлена аульными обществами. По окончании работ их инициатор был избран мирабом и ему было поручено заведование ирригацией и распределением земельных участков. Одна седьмая часть всех орошенных земель досталась самому мирабу, а остальная площадь была поделена между хозяйствами ак-атабайцев[1].

В иомутских аулах на Атреке, кроме мирабов, обширными землями владели и другие частные лица, права которых основывались на том, что их предки якобы производили те или другие ирригационные работы.

Народные предания и свидетельства старожилов так излагают историю возникновения частновладельческих земель у иомутов: «В былые времена вся земля была общая, и никто претензий на нее не заявлял, так как почти все кочевали и нужда в земле была незначительная. С развитием же земледелия начали обращать большое внимание на землю. Некоторые стали припоминать своих предков, орошавших когда то известные участки земли и таким образом признаны обществом за владельцев таковых. Большинство же людей похитрее, и не имея возможности ясно доказать своих прав на зем-

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 4753, 1896 г., л. 2. Записка о земле и водовладении в низовьях р. Атрека в Чикишлярском приставстве Красноводского уезда, Закаспийской области.

лю, обыкновенно принимали присягу перед обществом в принадлежности их предкам определенных участков земли и таким образом закрепляли за собой право на землю в ущерб общественным интересам»[1].

Посевные площади на таких индивидуальных землях достигали от 500 до 1500 танапов[2], причем обычно участки сдавались в аренду на издольных началах безземельным и малоземельным сородичам.

Такие крупные землевладельцы владели обширными стадами верблюдов и овец. Обычно они сами жили в кочевьях и в оазисе были редкими гостями, аккуратно получая причитающуюся им долю урожая через своих доверенных лиц. К их числу принадлежал и сын упомянутого выше атрекского мираба. «Мираб Анна Харс, — читаем мы в цитированном документе, — умирая, завещал свою плотину и права сыну своему Нияз Анна Харс оглы, который, считаясь... главным мирабом общества, не обращает ни малейшего внимания на ирригационную сеть. Поручил все доверенному и ушел кочевать в Балханы, хотя и пользуется $^1/_7$ частью орошенной земли, компаньон его Сулейман Кули бай Искандер оглы (сын мираба Искандер-бая) также находился среди кочевников и оба никогда не заглядывают на свои земли и не заботятся об ирригационной сети, как то следует мирабу, получают лишь свою часть через своего доверенного»[3].

Беднота же постепенно теряла связь со скотоводством и целиком переходила к оседлому земледелию, объединяясь обязательно по родовому признаку в небольшие общины от 15 до 40 и 50 хозяйств под именем «адаманы», и работала на своих или на арендованных земельных участках[4]. Во главе этих общин стояли родовые старшины «аксакалы», получавшие по три, а часто и больше паев воды и наделов земли. Архивные документы 90-х годов так характеризуют эти земледельческие общины: «Каждый род Ак-Атабайцев составляет свою земледельческую артель, называемую «адаман», с аксакалом во главе. Артель выводит прямо из Атрека канаву на свою землю, и каждый участник получает пай воды и земли; аксакал же получает 3 пая на свою долю и два пая отделяется в пользу неимущих и духовенства, и разделяются эти паи по усмотрению аксакала. Называются эти паи «эулия йолы» и «худай йолы». Аксакалы при наборе себе адамана (т. е. артели) грешат обыкновенно тем, что, принимая к себе большей частью ближайших родственников, отказывают

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 4753, 1896 г., л. 8.
[2] Там же, л. 7—10.
[3] Там же, ф. 1, оп. 2, 4753, 1896 г., л. 56.
[4] Там же, л. 12.

некоторым в участии, «через что сим последним приходится поступать в батраки к другим или же обрабатывать участки из части урожая»[1].

По Атреку земли были распределены между основными родами иомутов — джафарбайцами и ак-атабайцами[2]. Пять каналов принадлежали ак-атабайцам, девять — джафарбайцам. Из них канал Аджи-Яб составлял частную собственность одного лица, остальные восемь принадлежали тем мелким родовым подразделениям, которые вырыли эти каналы. У иомутов-джафарбайцев общественных земель не было вовсе, все земли находились в частном владении. Что касается ирригационных ресурсов, то воды Атрека принадлежали родовой общине, которая так же, как и у ак-атабайцев, организовывала «адаманы». Во главе этих адаманов и здесь находились мирабы и аксакалы, получавшие в качестве вознаграждения несколько лишних паев воды. Так например, вода канала Казанджик-Яби делилась на 15 паев — 9 дайханам по одному паю, и 3 аксакалам по два пая.

Таким образом, в немногочисленных оседло-земледельческих районах иомутов в первой половине XIX столетия общинное пользование землей и водой постепенно заменялось частным владением. Наилучшие земли и источники орошения были захвачены, в основном, родовой верхушкой. Однако, в *силу ограниченности водных ресурсов Атрека, земледелие у* иомутов было развито слабо и играло лишь подсобную роль.

Феодальная собственность на землю была чрезвычайно широко распространена в туркменских районах Хивы. Вся земля здесь, как и во всей Хиве, считалась собственностью государя—хивинского хана (падшалык-ери). Падшалычные земли сдавались а аренду крестьянам, в том числе и туркменским, выплачивавшим за нее ханским сборщикам налогов определенную часть урожая (обычно $^1/_5$). Наряду с падшалычными землями, в туркменских районах Хивы существовал еще один вид феодальных земельных владений — атлык. Хивинские ханы, нуждаясь в туркменской коннице, давали землю туркменским феодально-племенным вождям (ханам, мухурдарам) на следующих условиях: каждый туркмен, получивший 1 атлык (обычно 30—50 танапов, т. е. 12—20 *га* орошаемой земли), обязан был во время войны выставить одного вооруженного всадника — нукера. Некоторые туркменские ханы сосредоточивали в своих руках по 50—100 атлыков и содержали целые конные отряды. Земли ханов и нукеров обрабатывали обычно рабы или дайхане-издольщики. Таким образом, в туркменских районах Хивы феодальные отношения были раз-

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 4753, 1896 г., л. 7—12.
[2] Там же, л. 14.

виты гораздо сильнее, чем в Западном Туркменистане, Прикопетдагской полосе или в долине Мургаба.

О положении туркмен, живших на территории Бухарского эмирата, мы знаем в настоящее время чрезвычайно мало. Судя по словам эрсаринского поэта Сеиди, туркмены в начале XIX в. платили харадж эмиру. Однако позднее они вносили только покибиточную подать, которую собирали к тому же сами туркменские феодально-племенные старшины. Почти вся земля в туркменских районах Бухары находилась в мюльковом владении. Некоторые туркменские старшины получали от эмира землю в «танхо»—вид привилегированного феодального держания, освобожденного от уплаты налогов в эмирскую казну. Особенность туркменских районов Бухары, отличавшая их от остальных земледельческих оазисов Туркменистана, состояла в значительном удельном весе земельных владений мусульманского духовенства. Но и во всех других районах Туркменистана имелись земли духовенства — вакфы (вахым), т. е. земли, пожертвованные верующими в пользу мечетей, медресе и дервишеских орденов, и «силях-су» — участки орошаемой земли, выделяемые в пользу местных духовных лиц сельскими общинами (оба).

Таким образом, феодальная собственность на орошаемую землю была широко распространена в Туркменистане. Кроме того, соседние феодальные правители рассматривали всю территорию Туркменистана как свою собственность и стремились всеми мерами заставить туркменские племена вносить в казну харадж, закят и другие виды налогов и податей, существовавших в средневосточных феодальных государствах. Однако туркмены, и прежде всего туркменские крестьяне, упорно сопротивлялись этим попыткам усиления чужеземного феодального гнета.

Туркменское общество делилось на два основных класса: эксплуататоров-феодалов и эксплуатируемых крестьян-земледельцев и скотоводов.

Туркменские феодалы — ханы, представители высшего духовенства (пиры, ишаны) — владели колодцами, огромными стадами скота, сосредоточивали в своих руках значительное количество орошаемой земли и нещадно эксплуатировали туркменскую бедноту. Феодально-клерикальная знать туркменских племен получала обычно поддержку от соседних феодальных государств и использовала в своих интересах древние родо-племенные обычаи и порядки. Многие туркменские ханы и ишаны вели также различные торговые операции, занимались ростовщичеством, грабительскими набегами (аламанами) и работорговлей.

Значительная часть туркменских крестьян владела земельно-водными наделами, а также скотом и вела собственными силами мелкое полунатуральное хозяйство. Некоторые из таких крестьян становились богатыми людьми (баями) и сами начинали эксплуатировать бедноту.

Все туркменское крестьянство подвергалось феодальной эксплуатации со стороны правителей Ирана, Хивы и Бухары, облагавших туркменские племена феодальной рентой-налогом — хараджем в Бухаре и Иране, салгытом в Хиве и т. д. Большое число туркменских крестьян имело слишком мало земли и скота для самостоятельного хозяйства и вынуждено было арендовать землю и воду, нанимать скот и инвентарь у феодалов и баев, расплачиваясь за это своим трудом или частью урожая. Наиболее бедные туркмены вынуждены были поступать в услужение к богачам в качестве наемных работников, часто даже без определенной платы — за харчи и нищенские обноски.

Самый низший слой общества составляли рабы (кулы). Рабство у туркмен было патриархальным и рабов было немного. Основным источником рабства были войны и набеги. Захват рабов был одной из важнейших целей аламанов. Пленных женщин туркмены часто брали в жены, получая, таким образом, право на земельно-водный надел, полагавшийся только женатым; большую часть пленных мужчин отправляли на невольничьи рынки Хивы и Бухары. В свою очередь. феодалы соседних стран, совершая нападения на туркменские земли, захватывали в плен и обращали в рабство туркмен — мужчин, женщин и детей.

Ремесленники и торговцы в туркменском обществе XIX в. не выделились в особые классы. Торговлей, как и ростовщичеством, занимались многие богатые люди — и феодалы, и зажиточные крестьяне. Ремесло обычно составляло подсобное занятие для некоторых крестьян, не порывавших в то же время со своим основным занятием — скотоводством, земледелием.

Классовые противоречия в туркменском обществе приводили к постоянным столкновениям; однако классовое самосознание туркменских крестьян было развито очень слабо, опутано сильными патриархальными пережитками и религиозными суевериями. Несмотря на это, острые противоречия между феодально-байской верхушкой туркменского общества и беднотой нашли широкое отражение в туркменской классической литературе и исторических преданиях. Особенно интересны в этом отношении стихи Кемине, поэта бедноты, обличавшего несправедливость и жестокость богачей, лихоимство казиев, жадность и лживость пиров и ишанов. Стихи

Кемине говорят о ненависти бедняков к угнетателям. В одном из исторических преданий текинцев рассказывается даже о восстании населения Дуруна против текинского хана Караоглана (начало 50-х годов XIX в.).

Правовой основой регулирования общественных отношений туркмен служили шариат и адат[1]. Надо отметить, что влияние мусульманской религии и мусульманского духовенства было не во всех районах Туркменистана одинаково: наиболее сильно оно ощущалось в туркменских районах Бухары. Спорные дела разбирались либо казиями на основании шариата, либо старейшинами (яшули) — по адату.

Чаще всего казиям приходилось разбирать земельно-водные и брачные дела. Но так как родовая мораль, родовые обычаи и традиции у туркмен явно превалировали над мусульманской религиозной догмой, то и общинный суд по адату являлся здесь более авторитетным и распространенным, чем суд казиев по шариату.

Обычное право предусматривало определенные меры наказания, вернее, возмездия за те или иные преступления. Так например, убийство наказывалось смертной казнью, в соответствии со старинным родовым обычаем кровной мести. Членовредительство, например, отсечение рук или ног, либо ослепление наказывалось уплатой виры, именуемой «хун», в размере 500 тилла.

В области гражданско-правовых отношений (в спорах о наследстве, брачных, имущественных и т. п.) преобладали нормы мусульманского права — шариата, но и они подвергались здесь некоторым существенным коррективам в соответствии со старинными родовыми обычаями.

Положение туркменской женщины было исключительно тяжелым. Туркменка была совершенно бесправной, хотя пользовалась несколько большей свободой, чем женщины других народов Востока, в частности, иранцев и узбеков. У туркменских племен брак совершался в порядке купли-продажи: отец, а в случае смерти отца брат или ближайшие родственники отца продавали девушку, зачастую еще малолетней.

Как известно, мусульманская религия признает многоженство, однако у туркмен только представители аристократических слоев (ханы, сердары и т. д.) брали себе по две, три, а иногда и по четыре жены. Многоженство преследовало, прежде всего, такие цели, как приобретение постоянной даровой работницы, увеличение потомства, закрепление семейными узами связей с различными родами и племенами. Из жен

---

[1] *Шариат* — общее мусульманское, кораническое право, *адат*—обычное право туркмен.

одна была главной, остальные находились в ее подчинении. Женщина после смерти мужа переходила к его брату.

Измена жены каралась смертью; убийство изменившей жены считалось не только правом, но и обязанностью отца, брата или мужа. Бесправная, угнетенная рабским изнурительным трудом, туркменская женщина не могла принимать ни *малейшего участия в общественной жизни аула*. Впрочем, бывали и исключения. Старинные предания сохранили память о нескольких выдающихся энергичных женщинах, пользовавшихся авторитетом и влиянием среди земляков.

Туркменка племени сарык.

Классовые отношения, существовавшие у туркмен, обусловливали необходимость государственной организации. Не будучи в состоянии в этот момент своей истории создать собственное, туркменское государство, туркменские племена в первой половине XIX в. входили в состав средневосточных феодальных государств—Ирана, Бухары, Хивы и Афганистана. Туркменские ханы часто выступали в роли наместников иранских шахов, бухарских эмиров и хивинских ханов в туркменских землях. В то же время, в силу сохранения в туркменском обществе значительных элементов патриархальных отношений, у них сохранялось и общинное самоуправление, осуществлявшееся родовыми старейшинами—яшули или аксакалами, как их обычно называли русские путешественники и чиновники.

Аксакалы, опиравшиеся на поддержку своих ближних родственников и являвшиеся блюстителями адата и судьями, мало-помалу приобрели значительную власть над общиной и пользовались огромным влиянием при решении важнейших хозяйственных и политических вопросов, касавшихся рода или племени[1].

У приатрекских иомутов аксакалы избирались обществом из богатой и влиятельной верхушки аула. Каждый род имел

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 4753, 1896 г., лл. 13—16; Н. Муравьев. Указ. соч., стр. 33.

своего аксакала. Но, по словам Муравьева, в 20-х годах XIX в. у приатрекских иомутов существовали четыре «главных» аксакала, которые стояли во главе четырех крупных родовых групп. Сии четыре поколения (иомутов—*ред.*) живут в самом тесном союзе и защищают друг друга... Всякое из них имеют главного старшину и кази. У шеребов главный старшина Коджам Кули-бай, а кази—Магмед Таган: он в особенном уважении у всех иомудов как по древности рода, так и потому, что праотцы его всегда занимали сие место... У чуни называется, старшина—*ред.*) Надыр-хан... Кази их Девлет Мурат. У куджик старшина Ана Верди-хан... Кази их умер, и с тех пор никому не поручали сей должности. У Байрам-Ши старшиной Менг-Али Сердар»[1], и далее: «Власть Ахсахкалов (белобородых) или старшин, избранных народом, кажется, значительнее ханской и сохраняется в роде ежели родственники умершего страшины своим добрым поведением заслужили общую доверенность»[2]. Такую же картину Бернс наблюдал у гокленов.

Наиболее влиятельным аксакалом у иомутов в первой половине XIX в. был Кият-хан[3]. Власть Кият-хана была настолько значительной, что он самостоятельно утверждал или отвергал избранных народом аксакалов. «В числе старшин Гасан-Кулинского аула,—сообщает Муравьев,—считаются Ил Магмед, Хан-Гельди и Девлет-Али; старшины сии признаны Киатом»[4].

Влияние и авторитет Кията и его положение среди иомутов явно перерасли обычные прерогативы аксакала. Он в сущности мало чем отличался от феодального владетеля. Недаром иранский шах официально утвердил Кията ханом иомутского племени, хотя сам Кият, настроенный враждебно к Ирану и ориентировавшийся на Россию, этой «инвеституры» не принял.

Внутренняя жизнь общин текинцев так же, как у иомутов, регулировалась аксакалами, которые, как правило, всегда выбирались из знатной и богатой верхушки рода. Они выполняли судебные фукции и являлись официальными представителями данной общины в ее взаимоотношениях с соседями. Из аксаклов составлялся «маслахат», обсуждавший дела, касавшиеся всего аула.

---

[1] Н. Муравьев. Указ. соч., стр. 41.
[2] Там же, стр. 33.
[3] Иногда его называют Киат-бек или Киат-ага.
[4] Н. Муравьев. Указ соч., стр. 38.

Племя теке, как и все другие туркменские племена, не было объединено и не имело постоянной армии. Подобно другим туркменским племенам, оно делилось на колена и роды, между которыми происходили ожесточенные распри. По-прежнему оставалось в силе положение обычного права — адата, обязывавшее всякого мужчину, способного носить оружие, вступить в ряды ополчения и, по призыву ханов, родовых старшин и сердаров, отправляться в военный поход. Однако это был уже не прежний родовой строй, который существовал на ранней стадии исторического развития. В нем были уже налицо элементы политического объединения и военной организации. Аульная община по-прежнему являлась основной общественной единицей, но в ней появлялось экономическое и политическое неравенство: родовые старшины — аксакалы, в прошлом являвшиеся выборными лицами родовой общины, превращаются в эксплуататорскую верхушку. Внутри общины существовал безграничный произвол родовой аристократии, мулл, казиев, эксплуатировавших трудовую массу — земледельцев и скотоводов.

Пользуясь привилегиями, представляемыми им «адатом», родовые старшины и ханы прибирали к рукам общинные пахотные земли, пастбища и водные источники. Вода и земля зачастую переходили в частное владение родовой аристократии и превращались в объект купли и продажи.

Каждый старшина Ахал-Текинского оазиса, кроме полагающегося ему су (пая воды для орошения полей), получал еще, как административное лицо, от 6 до 20 «су», ханы и аксакалы захватывали лучшие оросительные каналы.

В районах, где применялась кяризная система орошения, влиятельная знать, пользуясь принудительным трудом дайхан, строила кяризы и орошала ими мюльковые земли, т. е. земли частного владения. «Вода, добытая посредством «кяризов»,—отмечал Гродеков, — есть собственность строителя его. Он ее передавал в потомственную собственность отдельным лицам или целым обществам, которые уже разделяли воду между своими членами»[1].

У марыйских текинцев было еще несколько общественных должностей, например, «пенджуары» и «мирабы». Пенджуары наблюдали за исправностью плотин, мирабы руководили распределением воды и хошарными работами. В вознаграждение за свои услуги они наделялись значительными земельными участками и получали добавочные доли оросительной воды. Мирабы располагали значительными полномочиями. Они по своему усмотрению составляли наряды на хошар, устанав-

---

[1] Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, СПб., 1884, т. I, стр. 72.

ливали очередь полива и могли ускорить или замедлить подачу воды. Таким образом, мираб имел широкую возможность помочь дайханину получить хороший урожай, но мог и погубить его. Они широко использовали свою власть для личного обогащения, принуждая дайхан бесплатно работать, вымогая у членов общины всевозможные взятки. Мирабы ежегодно переизбирались, но один и тот же человек мог быть переизбран неограниченное количество раз. Поддержка феодалов, с одной стороны, накопленный опыт, — с другой, приводили к тому, что мираб долгие годы оставался на своем посту.

Хотя у текинцев и сохранялось выборное начало, но оно становилось все более формальным, ибо при избрании аульных старшин преимущественное право принадлежало сыновьям или братьям умершего старшины, т. е. звание старшины становилось фактически наследственным.

В некоторых районах Туркменистана общинное самоуправление не ограничивалось отдельными аулами, а охватывало целые оазисы — Марыйский, Ахальский.

Высший орган марыйских текинцев был выборным и носил название «генгеш». Генгеш состоял из представителей всех 24 административно-ирригационных групп[1]. Кроме того, в совещаниях генгеша с правом совещательного голоса участвовали представители мусульманского духовенства и родовой верхушки: ахуны, ишаны, аксакалы, сердары и ханы. Состав генгеша не был постоянным: каждый раз, в зависимости от вопроса, который подлежал обсуждению, избирательные группы посылали других уполномоченных — «векилей».

Генгеш собирался редко, лишь для разрешения наиболее важных вопросов, касавшихся всего населения Марыйского оазиса, например, организации сопротивления наступающему врагу, сооружения калы (крепости), сбора нукеров — военной дружины, проведения работ по чистке каналов и постройке плотин, ассигнования средств на такого рода работы, сбора средств или продовольствия на военные нужды, различных земельно-водных дел и т. п.

Постановление этого органа точно определяло размеры участия каждой избирательной группы («ёгин-яб», «серкар» и «келеме») в том или ином хозяйственном или военном предприятии, касавшемся всего населения оазиса. Жители всего оазиса обычно выполняли решения генгеша беспрекословно.

Текинцы Ахала для решения вопросов, касающихся всего оазиса, собирали маслахат — орган, довольно близкий к марыйскому генгешу, но собиравшийся менее регулярно.

---

[1] ЦГА ТССР, с/б, 95, Материалы Алиханова о Мерве, л. 5.

Исполнительная власть принадлежала хану или группе ханов. Так например, Коушут, происходивший из рода векиль племени тохтамыш, в 60—70-х годах XIX в. был ханом всего Марыйского оазиса и при нем никаких других ханов не было и не избиралось ни у отамышцев, ни у тохтамышцев. Нурберды-хан с конца 50-х годов до 1880 г. был ханом Ахала и в последние годы жизни—ханом Ахала и Мары. Могущественные богатые ханы становились фактически сюзеренами более мелких родовых ханов, подчиняя своей власти по нескольку родовых групп. Гродеков свидетельствует, что «русские, при занятии Закаспийского края, нашли у туркмен не только влияние обычного права, в виде постановлений о владении землей, о пользовании водой, но встретили в их среде даже ханов. Эти представители зарождающегося начальства у текинцев хотя и имели власть чисто номинальную, но тем не менее самим существованием уже доказывали присутствие сознания в народе о необходимости лиц, которые бы могли служить и представителями и защитниками всего народа в важные моменты его жизни»[1].

К тому времени, когда первые отряды русских войск появились на территории Туркменистана, племя теке уже имело ряд крупных владетельных ханов, содержавших сильные военные дружины и оказывавших влияние на политическую и общественную жизнь всего текинского племени.

Необходимо сказать несколько слов и о военной организации текинцев, типичной для всех туркменских племен.

Основу текинского войска составляло народное ополчение, собиравшееся в случае необходимости по призыву ханов или по решению генгеша (маслахата). В Марыйском оазисе в 60—70-х годах было установлено, что каждый атлык (группа крестьянских хозяйств, владевшая 1 саркаром, т. е. суточной нормой поливной воды) выставлял одного, а в особых случаях — двух вооруженных всадников, что составляло 1—2 тыс. всадников на весь оазис. При нападении же сильного противника за оружие брались не только все мужчины поголовно, но иногда даже женщины и подростки[2].

Войско текинцев состояло из всадников (атлы) и пеших стрелков (мерген). Воины были вооружены кривыми саблями и кремневыми (позднее — капсюльными) ружьями, часто нарезными (хырлы). Помимо этого, имелись также копья, кинжалы, изредка — пистолеты. Вооружением бедноты служили деревянные палицы и ножницы для стрижки овец, привязанные к длинным палкам. Некоторые ханы имели при себе постоянные отряды нукеров; численность таких отрядов

---

[1] Н. И. Гродеков. Указ. соч., стр. 64.
[2] МИТТ, II, стр. 503, 544, 554.

доходила до нескольких десятков, а в исключительных случаях — до 1—2 сотен человек[1]. Текинские, как и все туркменские воины славились на всем Среднем Востоке своей храбростью и умением владеть холодным оружием, особенно саблями. Туркменское войско искусно маневрировало, стойко оборонялось, смело и настойчиво наступало на врага, умело совершать быстрые походы по горам и пустыням.

Общинное самоуправление и войско у гокленов, сарыков, салыров и алили было примерно таким же, как и у текинцев.

Относительно организации общинного управления у хорезмских и приамударьинских туркмен в XIX в. мы в настоящее время почти ничего не знаем, так как основные источники, содержащие данные по этому вопросу—архивы хивинских ханов и бухарских кушбеги,—изучены еще совершенно недостаточно. Известно лишь, что феодально-племенная туркменская знать этих районов была особенно тесно связана с феодальным государственным аппаратом Хивы и Бухары и пользовалась большей властью внутри племени, чем знать текинцев и других племен Южного Туркменистана.

Мусульманское духовенство — ахуны, ишаны, казии и муллы — играло среди туркмен довольно значительную роль. В руках духовенства находились мектебы (начальные школы). Ахуны, ишаны, казии и муллы владели большим количеством земли и собирали с трудового народа так называемый «хушир-закят» — каноническую мусульманскую $^1/_{10}$ часть урожая в пользу духовенства. С гневом и ненавистью писал замечательный туркменский поэт Кемине об ахунах, ишанах, муллах — этих «навозных жуках, собирающих свою вонючую добычу на всех дорогах», не брезговавших ради наживы никаким обманом, никакой низостью.

Итак, под оболочкой общинных отношений среди туркмен господствовали по существу феодальные отношения, достигшие в различных районах различной степени развития. Неудивительно, что Лессар, побывавший в Мары в начале 80-х годов XIX в., подчеркивает резко бросавшуюся в глаза разницу между разукрашенными кибитками богачей и убогими дырявыми кибитками бедных дайхан.

3. Культура туркменского народа в XIX в.

а) Литература и общественная мысль. Устное народное творчество

В первой половине XIX в. в передовой туркменской литературе продолжают крепнуть и развиваться демократические

---

[1] Россия и Туркмения в XIX веке. Сборник документов. Сост. В. Г. Соловьев, А. А. Сенников, Ашхабад, стр. 199.

начала и прогрессивные гуманистические идеи. В ней отразились внутренние и внешние противоречия общественно-политической жизни в Туркменистане: невыносимо тяжелое положение широких трудящихся масс, разорение их грабительскими походами и поборами иранских, хивинских и бухарских захватчиков, безудержная эксплуатация трудящихся феодалами и духовенством.

К началу XIX в. относится поэтическое творчество оригинального поэта-воина Сеиди (Сеидназар — 1768—1830 гг.), участвовавшего с оружием в руках в борьбе против бухарского эмира и иранского шаха и, по некоторым данным, умершего в иранском плену. Его стихи, отличающиеся высоко художественной формой, проникнуты глубокой любовью к родине. Особенно хороши его лирические песни о родных каракумских просторах, а также песни о боевой дружбе и любовные стихотворения. В стихотворном письме своему другу поэту Зелили Сеиди пишет:

Тяжелый сон свершился на яву:
В плену, во вражьем стане Зелили!
Из Астрабада в дальнюю Хиву
Ушел путем страданий Зелили...

Счастливых дней прервался светлый ток,
Дым черной тучей небо заволок,
И след людской пропал в пыли дорог, —
И ты исчез в тумане, Зелили.

В разлуке милые, в чужой стране,
И плач детей сжигает сердце мне.
В Хиве далекой, в непробудном сне
Нашел конец скитаньям Зелили.

О малодушный Сеиди! Зачем
Ты не спешишь на помощь?... Глух и нем,
Бог отвратил от нас лицо совсем, —
И свет померк в Туране, Зелили[1].

Ярко, правдиво и с большой страстностью обличения социального зла отражен рост протеста трудящихся против феодально-байской эксплуатации, ростовщичества и мракобесия мусульманского духовенства в поэзии певца трудового народа — Кемине.

Кемине — литературный псевдоним бедняка Мамед Вели, родившегося в 70-х годах XVIII в. в районе нынешнего Серахса и умершего в 1840 г. в районе Мары, в ауле, ныне носящем его имя. О жизни Кемине документальных данных не сохранилось; известно, что он учился в бухарском медресе, но не закончив курса из-за бедности, скитался по различным районам Туркменистана. В народе сохранилось много расска-

[1] Антология туркменской поэзии, М., 1949, стр. 188—189.

КЕМИНЕ

зов и анекдотов, главным образом, сатирического характера, связанных с именем Кемине и рисующих его как друга и заступника бедноты, выразителя ее заветных дум и стремлений. Свою жизнь, полную лишений и горестей, так же как и жизнь огромного большинства своих сородичей, рисует и сам поэт в многочисленных стихотворениях, бережно хранящихся в народной памяти.

Скорбь искала меня, напала на след,
Неудача пришла, а за нею — бедность,
У меня ежедневно сто тысяч бед, —
Всех терзаний моих ты страшнее, бедность.
Я тебя понапрасну гоню, кляня;
«К баю, бедность, уйди, оставь меня!»
Без еды и питья не прожить и дня,
Я на ложе твоем цепенею, бедность[1].

С этим стихотворением поэта перекликается рассказ, сложенный о нем в народе. «Всю жизнь Кемине был беден и стойко переносил свою бедность. Однако сыновьям его надоело вечное недоедание, и один из них спросил: «Отец, когда же уйдет от нас, наконец, эта бедность?». Кемине усмехнулся и сказал:

— «Ай, сын мой, как мало еще ты знаешь! Я — молла[2], ты тоже молла, мать твоя тоже хорошая женщина. Мы живем тихо, никого не обижаем. Зачем уходить от нас бедности? Разве мы ее чем-нибудь обидели?».

В остром сатирическом тоне написан ряд стихотворений Кемине, разоблачающих байскую, ростовщическую эксплуатацию, самоуправство и продажность судей — казиев, ишанов и мулл. Последние — всякого рода «духовные наставники» и «опекуны» народа — особенно подвергаются насмешкам Кемине. Таково его короткое стихотворение «Мой кази».

Прогулке моего кази хвала!
Над степью пыль клубится, мой кази!
Моя хвала на плечи вам легла, —
И хрустнет поясница, мой кази!

Жара такая, что гулять нельзя.
Вдруг лопнет сердце? Залатать нельзя.
Свинье джайраном белым стать нельзя.
Зачем вам в степь стремиться, мой кази?

Вы — лжесвидетель, так трубит молва.
О, мой радетель, ведь она права!
Вы продаете лживые слова —
Кому продать случится, мой кази!

---

[1] Кемине. Стихотворения, Ашхабад, 1952, стр. 5.
[2] *Молла* — здесь в значении грамотный человек.

Вас похвалою Кемине убьет.
Скажу: вы клевета на мой народ
У бедняков—расплаты час придет!
Враждой пылают лица, мой кази[1].

Таким же беспощадным, едким сарказмом проникнуты стихотворения Кемине, направленные против ишанов и пиров, которых он сравнивает с навозными жуками и обличает их в разврате и взяточничестве. В этом выражался ярый антиклерикализм Кемине, ярко пробивающийся во всем его творчестве, несмотря на довлевшую и над ним идеологию ислама, которая ограничивала кругозор поэта.

Народ видел и ценил в Кемине, прежде всего, его преданность интересам трудящихся и ненависть к их угнетателям, в том числе и к духовенству. В народных рассказах о Кемине последний предстает бесстрашным обличителем всех мирских захребетников и тунеядцев. В этих рассказах, на которых отразились, видимо, и позднейшие влияния, ясно выступает картина проникновения в туркменский аул новых отношений, порождаемых развитием торговли, ростовщичества кулацкой кабалы.

Значительную долю литературного наследства Кемине составляют стихи на любовные темы, глубоко лирические, задушевные. Но и в них поэт часто выступает в социально-сатирическом плане, адресуя свои стихи бедным вдовам или девушкам, которым предстоит загубить свою молодость и всю жизнь провести в замужестве с немилым стариком.

В области языка Кемине также продолжает дело, начатое Махтумкули, успешно применяя народный язык, формы и образы народного художественного творчества для обогащения и развития туркменского литературного языка. Поэзия Кемине служит делу объединения всех племен туркменского народа. Но Кемине резко подчеркивал корыстные интересы феодально-байской верхушки. В одном из своих стихотворений он восклицает:

Баю только богатство мило, край отцовский мил беднякам!

Эта мысль, пронизывающая многие стихотворения Кемине и народные рассказы о нем, является одной из самых ценных в литературном наследии Кемине, одной из главных черт его мировоззрения.

Таким образом, Кемине в лучшей части своего поэтического творчества, отражая действительно передовые, прогрессивные идеи своего времени, способствовал укреплению демократического направления в развитии общественно-политической мысли туркменского народа.

---

[1] Кемине. Стихотворения, стр. 13.

Современником Сеиди и Кемине был поэт Зелили, родившийся в 80-х годах XVIII в. и умерший в 1844 или 1845 г. Он происходил из племени гоклен, жившего в районе Карры-Кала, и, по некоторым данным, приходился племянником Махтумкули. В литературном наследии Махтумкули, как сказано выше, есть немало горьких строк, посвященных испытаниям и гонениям, которым гоклены и другие туркменские племена подвергались со стороны иранских захватчиков. В творчестве Зелили нашел отражение другой исторический период, когда гоклены подвергались сильному гонению со стороны хивинского хана Мухаммед-Рахима. В 1816 или 1817 г., после одного из опустошительных набегов войск Мухаммед-Рахима, Зелили вместе с другими гокленами был уведен в плен, в Хиву. Стихотворения Зелили, посвященные этому событию, представляют ценный документ эпохи. Будучи в плену в Хиве, Зелили писал своему другу поэту Сеиди:

Как стадо, народ беззащитный погнали, —
И горы от стонов людских зарыдали,
Заплакали тучи, от криков дрожали
Земля, небо, солнце — весь свет, Сеиди!

Все видели мы, нужды нет в разговоре:
Молчи, говори, — не избудется горе.
От Иолотани скитались до моря,
Вдали от соседа сосед, Сеиди.

Тот нищий, с протянутой бродит рукою,
Тот гонит чужие стада к водопою.
Страна изобилья, что стало с тобою?
Я плачу — и ты плачь, поэт Сеиди!

Когда б воротился народ из Ургенча
Вновь в Карры-Кала — о, счастливая встреча!
Вновь всех увидать бы услышать их речи,
Узнать, что рабов больше нет, Сеиди![1]

Стихотворения Зелили (особенно этого цикла) насыщены жизненно-правдивыми подробностями, историческими фактами. В другом письме к Сеиди и в стихотворении «Тебе, моя отчизна» дано описание тяжелого перехода пленников через пустыню, продажи их в рабство в Тегеран и их горестных скитаний.

Особой чертой поэзии Зелили, также ярко проявляющейся именно в этом цикле, является продолжение и развитие реалистических начал, заложенных Махтумкули: преодоление отвлеченности, характерной для старой поэзии, использование живой образной речи для выражения подлинных человеческих чувств и страстей, введение в поэзию элементов самой жизни, быта, хозяйства, картин природы.

[1] Зелили. Отчизна моя, Ашхабад, 1948, стр. 53—54.

Находящемуся в плену Зелили его родимый край часто рисуется в радужных красках, как страна довольства, радости и мира. В действительности же далеко не «обетованным краем» для трудового народа был в то время родной край Зелили, — и это поэт понимал и отобразил во многих своих стихотворениях, вскрывая внутренние болезни и пороки современного ему общества. Однако напрасно было бы искать в его стихах социального обоснования и путей разрешения противоречий, раздиравших туркменское общество той эпохи, хотя поэт угадывал эти противоречия и смело обличал угнетателей и эксплуататоров трудящегося народа.

Ярко и сильно это выражено в стихотворении «Нравы»[1]:

Ни слезам не веря, ни слову,
За долги уведет корову,
Как овцу, задерет любого, —
Стал народу бек — мясником.

О друзья! Бедняка в нашем веке
Не считают за человека.
Взятка стала доходом бека,
Правосудие — ремеслом.

Гнет мой стан тетива тугая.
Тесной стала земля родная
Зелили! В наше время баи
Точно змеи шипят кругом.

Судя по последнему четверостишью, это стихотворение написано уже в преклонные годы и является как бы выводом всей жизненной философии Зелили. Явно чувствуется в нем и влияние Махтумкули, так же, как и его историческая ограниченность.

Особенности исторического развития туркменской литературы и всего туркменского общества с большой силой сказались также на творчестве и мировоззрении Молланепеса, известного своими многочисленными лирическими стихами и дестаном «Зохре и Тахир».

Молланепес родился в 1810 г. в Векильбазаре, умер в 1861 или 1862 г.

О жизни Молланепеса сведения скудны. Собственное имя его — Непес, приставка «молла», по обыкновению, дана ему как учителю, грамотному человеку. Молланепес окончил аульную школу (мектеб), затем учился в медресе, в районе Мары. Всю жизнь он провел в родных местах, где и теперь проживает его внучка. Молланепес преподавал в аульной школе, занимался сельским хозяйством, много времени отдавал поэтическому творчеству. В начале своей поэтической дея-

---

[1] Зелили. Указ. соч., стр. 53—54.

тельности Молланепес был знаком с Кемине, который высоко ценил его поэтический дар.

Многочисленные стихи Молланепеса, особенно его замечательная лирика, и его дестан «Зохре и Тахир», широко распространены в народе, прочно вошли в репертуар бахши. Дестан «Зохре и Тахир» является значительным произведением, написанным на широком социальном фоне эпохи, в народной эпической форме, в которой проза органически слита с перемежающими ее стихами. Дестан во многом отражает историческую ограниченность поэта: религиозные влияния, идеализацию «справедливого» правителя — шаха, однако сильные стороны его — в смелом обличении феодального произвола и мракобесия официальных представителей религии, шаха Бабахана и его окружения, а также в теплых образах главных героев — влюбленных Зохре и Тахира и в реалистических чертах образов людей из народа: матери Тахира и старухи-ткачихи. В условиях своего времени это был смелый протест против гнета феодально-клерикальной верхушки.

Особым качеством наделяет Молланепес свою героиню — Зохре, в отличие от обычно схематических главных героев подобных дестанов. Во многих стихотворных монологах Зохре, жалуясь на свою судьбу, в то же время обличает своего гонителя-отца и как угнетателя своего народа, деспота-феодала.

Нам бы счастье взять на аркан,
Но такого аркана нет,
Здесь убьет тебя Бабахан,
В этой вести обмана нет.

Черной злобой шах одержим,
Мстит равно своим и чужим...
А такого, как мой отец,
В целом мире тирана нет[1].

Социальные мотивы имеют место и во многих лирических стихотворениях Молланепеса, в том числе и на любовные темы, в виде противопоставления бедных и богатых, в реалистических описаниях быта, природы, часто вытесняющих сухую назидательность и риторичность, присущие классическим формам поэзии многих поэтов Востока. Известен Молланепес также как бахши.

Историческую ценность, как литературный документ эпохи, представляет написанная, видимо, в 60-х годах «Книга о битвах» («Дженг-наме») Абды-Сеттара-кази, описывающая в форме двустиший битвы объединенных туркменских племен с войсками иранского шаха в 1858 и 1861 гг.

[1] Молла Непес. Зохре и Тахир. Туркменгосиздат, Ашхабад, 1956, стр. 139—140.

В первой половине XIX в. и накануне присоединения Туркменистана к России в туркменской литературе выступало много других поэтов из различных слоев, в том числе из среды трудовых масс. Однако творчество их еще почти не изучено.

Произведения поэтов широко распространялись среди всех туркменских племен народными певцами — бахши и шахирами.

Впрочем, бахши не только исполняли чужие произведения, но и сами складывали песни, сопровождая их аккомпанементом дутара или гиджака. Бахши пользовались почетом и были желанными гостями в кибитке туркмена. Только популярностью творчества бахши можно объяснить то обстоятельство, что до наших дней дошло огромное количество незаписанных произведений как анонимных, так и хорошо известных поэтов.

Несмотря на все эти успехи туркменской литературы накануне присоединения Туркменистана к России, культурный уровень общества оставался крайне низким. Одна из основных причин этого — неграмотность народа и отсутствие образования, если не считать религиозного.

Учителями были не местные люди, а пришлые муллы из Бухары и Хивы. Они взимали с учеников довольно значительную плату (4—5 туманов в год), которая была явно непосильной для рядового туркменского земледельца или кочевника.

Блоквилль наблюдал у текинцев Мары большую склонность к учению и к чтению тех книг, которые попадали к ним в руки. «Родители очень заботятся о том, чтобы дети их учились грамоте и письму, к которым они приступают с раннего возраста и учатся до 10—12 лет»[1]. Разумеется, учились почти исключительно дети богатых родителей.

Далее Блоквилль сообщает, что «мужчины по целым дням стараются иногда уяснить себе смысл стихов какой-нибудь попавшей к ним из Бухары или Хивы (книги), написанной языком, несколько отличным от наречия туркмен»[2].

Некоторая часть туркменской молодежи, разумеется, из богатой родовой верхушки, отправлялась учиться в медресе Хивы и, главным образом, Бухары. Окончив курс, они возвращались в родную среду в качестве мулл, казиев, ишанов и ахунов.

В XIX в., как и раньше, среди туркмен были чрезвычайно широко распространены произведения устного народного творчества — сказки, песни, загадки, пословицы и поговорки. Мно-

[1] Гулибеф Блоквилль. Четырнадцатимесячный плен у туркмен. «Всемирный путешественник», т. I—II, 1867 г., стр. 39.
[2] Там же.

гие из них возникли в далеком прошлом и веками продолжали жить в памяти народа.

Особое место в туркменском народном творчестве занимают народные сказки. Разнообразные по тематике и по форме, они с наибольшей полнотой выражают элементы демократической культуры и роста сознания трудящихся масс, их стихийный протест против феодально-байской эксплуатации и против религиозного мракобесия.

Несомненно, за долгий период своего «устного» существования, сказки подвергались различным искажениям и переделкам в угоду господствовавшей идеологии. Это особенно чувствуется на сказках волшебного характера, где бытовым и религиозным суевериям доисламского периода иногда противопоставляются мусульманские святые; но и в этих сказках легко определяется подлинно народная основа, заключающаяся в ясной и твердой вере народа, прежде всего, в его собственные силы и разум. Такова, например, сказка о «Караджа-батыре», в которой злобным силам природы противопоставляются отвага, воля и ум человека. В многочисленных же сказках на социально-бытовые темы человек из народа — бедняк, пастух — смело действует не только против темных сил природы, но и против эксплуататоров-ханов, купцов, чиновников, а также против мулл и ишанов. В этих сказках отражена народная мудрость, мечты и чаяния народа, его неистребимая вера в лучшее будущее.

Отличительной чертой народных туркменских сказок является также присущий им глубокий юмор, часто переходящий в социальную сатиру. Богатый бай изображается в одной из таких сказок как жертва собственной скупости в исключительно ярком сатирическом образе: он даже сам питается только соками из куска мяса, зажатого в кулаке, — что просочится между пальцами, только то он и слизывает. Очень часто сказки иносказательно рисуют социальные отношения в образах животных, у которых подчеркиваются особые их характерные свойства.

Сказки социально-бытового характера ярко отражали демократическое направление общественной мысли. Они срывали ту завесу патриархальщины и религиозных суеверий, которая прикрывала развитие феодальной эксплуатации в туркменском обществе и нарастание классовых противоречий; тем самым эти произведения народного творчества способствовали пробуждению классового самосознания в трудящихся массах.

Для туркменских сказок характерно и то, что в них в значительно меньшей степени отражалась идеология ислама, тяжело давившая на мировоззрение и творчество даже наибо-

лее передовых, демократически настроенных поэтов XVIII—XIX вв. Это особенно заметно в циклах рассказов, связанных с каким-либо историческим или собирательным именем (типом), как например, указанные выше рассказы о Мирали (Навои) и Солтан Союне[1] или рассказы и легенды о Кеймир-Кёре, на основе которых советские драматурги К. Бурунов и Б. Аманов написали народную драму, не сходящую со сцены уже двадцать лет, а также в сказках об Алдар-Косе, хитроумном человеке из народа, вечно споривщим и боровшимся с представителями эксплуататорских классов — баем, муллой, купцом, судьей (кази). В одной из ранних сказок этого цикла в сатирическом плане повествуется о том, как Алдар-Косе «покупал в Хиве намазы», — яркий образец антиисламских настроений в среде кочевых туркменских племен, свидетельствующий о позднем и непрочном проникновении ислама в их среду. К этому типу относятся также сказки о Келе («Плешивом»), часто фантастического характера, о братьях Джаппаках («Джаппаклар»), позднее — об Эсен-Полате.

Широкое распространение в народе с давних пор имели также различные жанровые, бытовые, любовные и военные песни. Наиболее интересны среди них в социальном и бытовом отношении песни о горькой женской доле, песни самих девушек и женщин, так называемые «ляле» (по припеву, повторяющемуся после каждого куплета). К ним близко примыкают колыбельные и обрядовые песни (подблюдные, плачи и т. п.). По своему содержанию они охватывают разные стороны жизни и быта туркменского общества в целом, не ограничиваясь только узко «женскими мотивами»[2].

К лучшим страницам народного творчества туркмен, как концентрированное выражение народной мудрости, относятся многочисленные пословицы, поговорки и загадки. Несмотря на сильную засоренность их феодально-байскими религиозными влияниями, в основе своей туркменские народные пословицы и поговорки ярко отражают, прежде всего, тяжелое положение трудящихся и, в то же время, лучшие человеческие качества духа, ненависть ко всякого рода угнетению и неправде, стремление к труду, мирной жизни, как основные черты народного характера.

В пословицах, отражающих трудовую жизнь, говорится:

Молодцу и тысяча ремесел к лицу.
Не зная ремесла—и тела не прикроешь.
Во что труд не вложен—тому имени нет.

---

[1] Мирали и Солтан Союн. Туркменгосиздат, Ашхабад, 1941.
[2] Песни и думы народа. Туркменгосиздат, Ашхабад, 1955.

Многие пословицы ярко рисуют бесправное положение и тяжелую жизнь неимущего, обездоленного народа:

По земле богача—арык льется, по земле бедняка—дорога вьется;
Бай надел новый халат, все «поздравляем» говорят;
Бедняк надел новый халат, — «где взял»? — говорят.

Многие пословицы говорят о мудрости и силе знаний:

Ум дает силу, сила дает храбрость.
Лучше быть умным бедняком, чем глупым баем.
Умный — изучает, дурак — поучает.
Знающему светло, незнающему темно.

Широко распространены антиклерикальные пословицы:

Кому есть нечего, тот постится, кому делать нечего, тот молится.
Мулла сам украдет, сам и оправдается.
Сеяли—не было, жали—не было, а на току ходжа[1] тут как тут.

В пословицах отражены специфические бытовые черты туркменского полукочевого, полуоседлого общества. С особой яркостью подчеркнуты в них верность народу и любовь к родине, свойственные, прежде всего, трудовым массам.

Неимущий ищет родину, имущий — рай.
Сам себя не хвали,—пусть тебя народ хвалит.
Что вместе с народом — все праздник.
Разлученный с возлюбленной плачет семь лет,
Разлученный с родиной — плачет до смерти[2].

В подлинно-народных пословицах и поговорках как бы подытожены передовые прогрессивные традиции устного художественного творчества туркмен, живительными силами которого питалось творчество крупнейших демократических, прогрессивных представителей туркменской культуры XVIII—XIX вв., в лице, прежде всего, Махтумкули, Кемине, Сеиди, Зелили, Молланепеса, а также других многочисленных поэтов, от которых до наших дней дошло всего по нескольку произведений, отличающихся от безымянного народного творчества только своеобразной «подписью» автора, включенной в последние строки стихотворения (тефаллус).

б) Туркменское народное зодчество и прикладное искусство

Известного развития в рассматриваемый период достигло прикладное искусство и строительство.

---

[1] Духовное лицо.
[2] Туркменские пословицы. Солнечный Туркменистан, № 3, Ашхабад, 1941, стр. 192—195.

Вопреки распространенному старому мнению, будто туркменский народ в XVIII и XIX вв. уже утратил былые традиции архитектурного строительства, будто единственным типом жилища туркмен служила разборная кочевая кибитка—юрта, исследованиями советских ученых установлено наличие в эту пору в Туркменистане оседлых поселений, постоянных жилищ и своеобразного стиля народной архитектуры. Черты племенной организации туркменского народа выражены в этой архитектуре определенными отличиями, связанными со стародавними традициями и с особенностями социальных условий и быта отдельных туркменских племен[1].

Племя теке, сохраняя в быту многие черты кочевого уклада и переходя частично к оседлости, сооружает «калы»—небольшие крепости, обнесенные глинобитными стенами, которые на углах усилены башнями. Руины их доныне можно видеть в Багире, Бахарденском районе и других местах. По данным русских источников, цепь таких крепостей, насчитывавшая 43 калы, тянулась по Кюрендагскому хребту, охраняя Ахал с юга[2].

Общее представление о текинской крепости в Ахале можно получить из описания Кизыл-Арвата. Эту крепость начали строить, по-видимому, еще в 30-х годах и закончили лишь в 50-х годах прошлого столетия. Она была построена из глины. Русский офицер, побывавший там в конце 60-х годов XIX в., рассказывал:

«Кизыл-Арват имеет в плане вид четырехугольника, протяжением с востока на запад 17½ саж., а с севера на юг—90 саж. Этот четырехугольник обнесен стеною в 16 ф. вышины, с наружным рвом, глубиною от 2 до 9 ф., а шириной по верху от 4 до 12 ф., толщина стен внизу от 1½ до 16 ф., а вверху до 2 ф. С внутренней стороны стен, на высоте 5—6 ф., находится банкет шириною 7 ф., выше же его,—бойницы для оружейной обороны. С южной стороны стены находятся толстые *двойные ворота с двумя оборонительными башнями.* В укреплении есть еще другая, внутренняя стена, такой же ширины, как наружная, толщиною внизу 4½ ф., а вверху 1½ ф., составляющая его цитадель. Расстояние между внутреннею и наружною стенами, в среднем, около 120 ф. Стены крепости весьма прочны, особенно наружные»[3].

Населявшие Мервский оазис сарыки, основным занятием которых являлось земледелие, возводили дома при своих

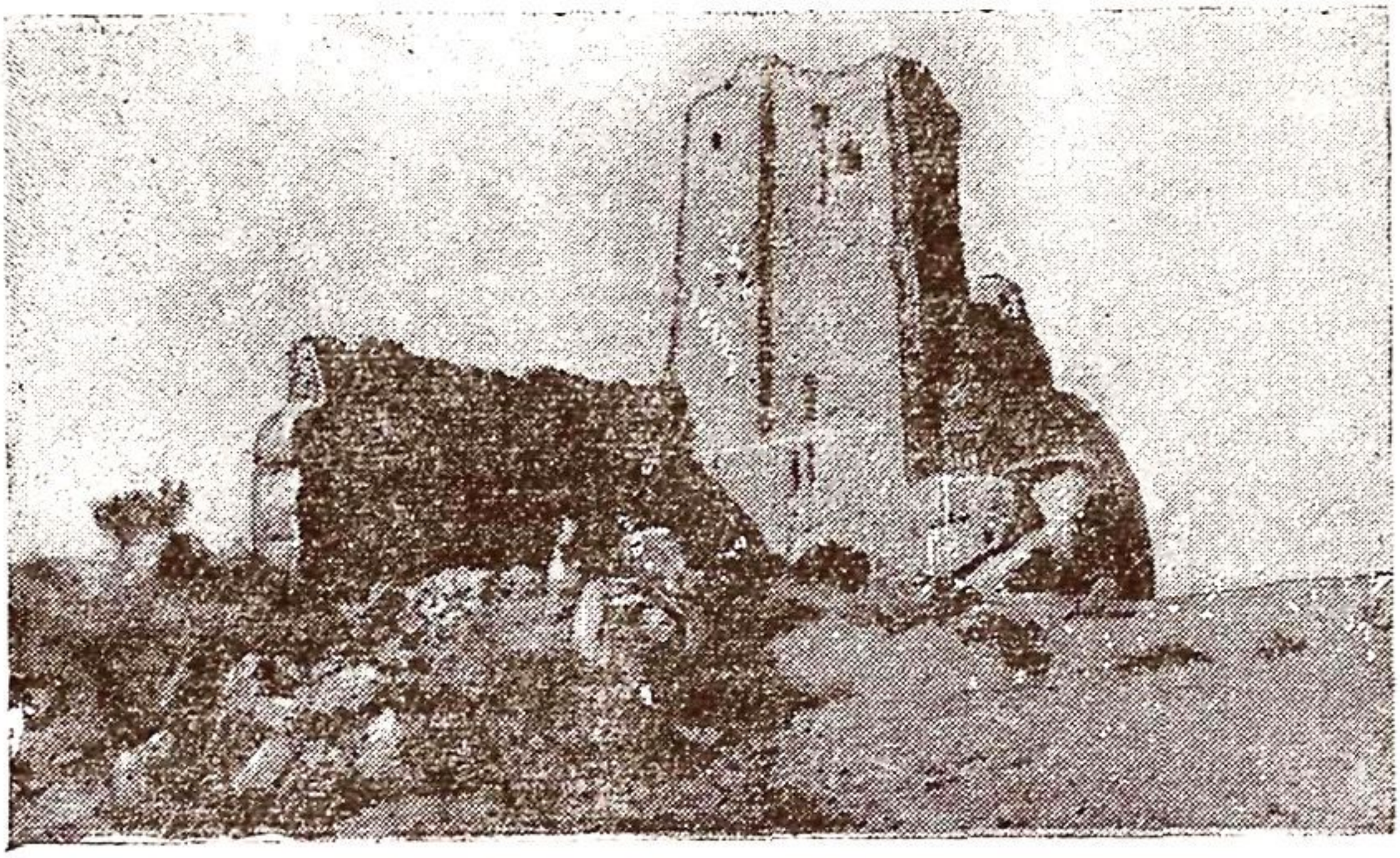
---

[1] Ср. В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953; Г П. Васильева. Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник, М., 1954.

[2] Архив б. МИД. 1—9, 1850 г., д. 12, л. 13.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6787, л. 32. Краткое описание Закаспийского края.

усадьбах рассредоточенно-хуторского типа. Для них характерен замкнутый по периметру двор, вдоль стен которого расположены жилые и хозяйственные строения. Почти обязательным элементом при доме является «динг»—высокая двухэтажная башня, предназначенная для защиты от нападения аламанщиков. Эти то круглые, то прямоугольные, то восьмигранные башни придавали очень своеобразный силуэт поселению, возвышаясь в количестве многих десятков над кущей садов и над просторами возделанных полей. Сохраняется старая тради-



Остатки жилой усадьбы с башней-замком в окрестностях Байрам-Али (из материалов ЮТАКЭ).

ция сводчатых конструкций, характерных еще для мервского зодчества поры средневековья: в строительной практике сарыков большую роль играет перекрытие комнат куполами или так называемыми сводами «балхи». Они придают очень своеобразный облик жилищной архитектуре этого племени. В комнате имеются ниши для утвари, а в углу обычно расположен камин. Тот же архитектурный тип был воспринят текинцами, вытеснившими сарыков в XIX в. и осевшими на их землях.

Салыры, проживавшие первоначально по Мургабу, но вытесненные в XIX в. к Серахсу и за пределы современного Туркменистана, широко практиковали строительство домов, возведенных из сырца, иногда перекрытых куполами.

У алилинцев, проживавших в Абиверде (у Каахка), Кюрен-Кале и Анау, важно отметить наличие планировочно-градо-

строительных принципов. Абиверд представлял собою небольшой город с системой прямых пересекающихся улиц, с развитым торгово-ремесленным комплексом у рыночной площади, с густой жилой и производственной застройкой. Жилые дома построены из сырца: они заключают от двух до пяти комнат, имеют нередко террасу-айван, обращенную во дворик. Планировка Анау иная; это было поселение сельского типа, жители которого занимались посевами зерновых, разведением винограда, тутовых и плодовых деревьев. Главные уличные магистрали в Анау, следуя разветвлениям основного питающего арыка, идут радиально от общественно-торгового комплекса построек у базарной площади. Участки обширны, обведены дувалом, близ одного из отрезков которого располагается жилье. Непременная принадлежность их—оборонная башня-динг, близкая по типу подобным сооружениям в Марыйской области.

Проживавшее издавна в Бахарденском районе маленькое племя мурчали сохранило чрезвычайно интересные формы архитектуры. Усадебный участок имеет, как правило, огород, виноградник, плодовый сад и посадки тутовых деревьев, в связи с большой ролью у этого племени шелководства и шелкоткачества. Селение Мурча утопало в зелени садов. Жилые дома, выведенные из пахсы, перекрыты плоскими балочными крышами, с оригинальной системой досчатых потолков. Обязательная принадлежность дома—терраса-айван, крыша которого покоится на стройных деревянных колоннах, несущих капители с завитками-волютами. Форма этих капителей уходит в глубокую древность, ибо прототип их отмечен уже в парфянском строительстве Нисы. Стены комнат оформлены нишами и плоскими выступами, как бы повторяющими на плоскости мотив свободной колоннады. Аналогичны дома нохурцев, которые, однако, нередко использовали в качестве материала стен камень.

Высокоорганизованную архитектуру жилья создали туркменские племена, населявшие приамударьинские районы (преимущественно эрсаринцы).

Поселения здесь имели рассредоточенный характер, тянулись вдоль узкой прибрежной полосы возделанных земель. Усадьбы («ховлы») были обнесены высокими дувалами, сложенными из глинобитных блоков (так называемой пахсы), и сохранили многие пережиточные формы крепостного строительства, принявшие уже чисто декоративное выражение: башенки на углах и вдоль стен, зубчатые парапеты, ложные бойницы, навесные рондели и прочее. Поверхность пахсы обработана по сырой основе блоков гребенчатой лопаткой (чыкычом), покрывая стены разнообразнейшей орнаментацией

в виде вертикальных борозд, прямых и косых сеток, клеток, в которых чередуются различные мотивы орнаментов и т. п. Народные мастера проявляли удивительную виртуозность владения этим несложным инструментом. Реже употреблялись штампы (калыбы), с помощью которых на глинобитной основе оттискивалась фигура круга, заполненная ажурным узором. В условиях южного солнца светотень четко очерчивала все эти орнаменты, придавая поверхности стен очень нарядный вид. Внутри эрсаринская усадьба разделена на жилую половину и скотный двор. Жилище заключает компактную группу строений, в которой выделяется двухэтажный элемент— «учек» в виде возвышенной усеченной пирамиды. Имеются терасы-айваны, лежащие на стройных, изящно обработанных деревянных колоннах. Обязательным элементом дворика являлись два-три раскидистых дерева (чаще всего тутовых). Развалины жилищ этого типа можно проследить на протяжении от города Керки до Ташаузской области.

Дворик эрсаринской усадьбы в селе Халач (из материалов ЮТАКЭ).

Народную архитектуру туркменских жилищ в конце XVIII и в XIX в. характеризует рациональность планировки, умелое использование дешевых местных строительных материалов, виртуозное владение приемами художественной обработки глиняных стен. Важно подчеркнуть, что создателями ее были сами туркменские мастера, а не пришельцы — персы, как об

этом писалось в дореволюционной литературе. Эта архитектура весьма своеобразна. В ней есть черты, отчасти роднящие ее с архитектурой узбекского народа, но в целом она вполне самобытна. Вместе с тем, условия феодального уклада и племенной розни послужили серьезной помехой к широкому развороту архитектурного строительства в Туркменистане, в частности, отсутствовали предпосылки к развитию здесь монументального зодчества.

У кочевых туркмен основным видом жилья служила юрта (ой);[1] у оседло-земледельческих племен она встречалась почти исключительно в среде имущих сословий, как дополнение к комплексу архитектурных жилищно-хозяйственных строений. Юрта являет собою весьма усовершенствованный тип разборно-сборного, переносного жилья. Основу ее составляет деревянный решетчатый каркас (кереге), сделанный из гибких таловых веток, скрепленных в углах пересечения сыромятными ремнями. Поверх кереге покрывается циновками из чии и кошмами. В дверной проем навешивается или скатывающийся рулоном кусок кошмы, или ковровая дорожка, или деревянные створы.

Внутреннее убранство юрты составляли кошмы и ковры, устилавшие пол, а также подвешенные на стенках прекрасные ковровые мешки и торбы для утвари. Вдоль стенок размещались предметы домашнего обихода, в центре находился очаг, дым которого поднимался к отверстию, оставленному в куполе юрты.

Большое своеобразие обнаруживается в технике, и в орнаментировке продукции ремесленно-кустарного производства туркмен.

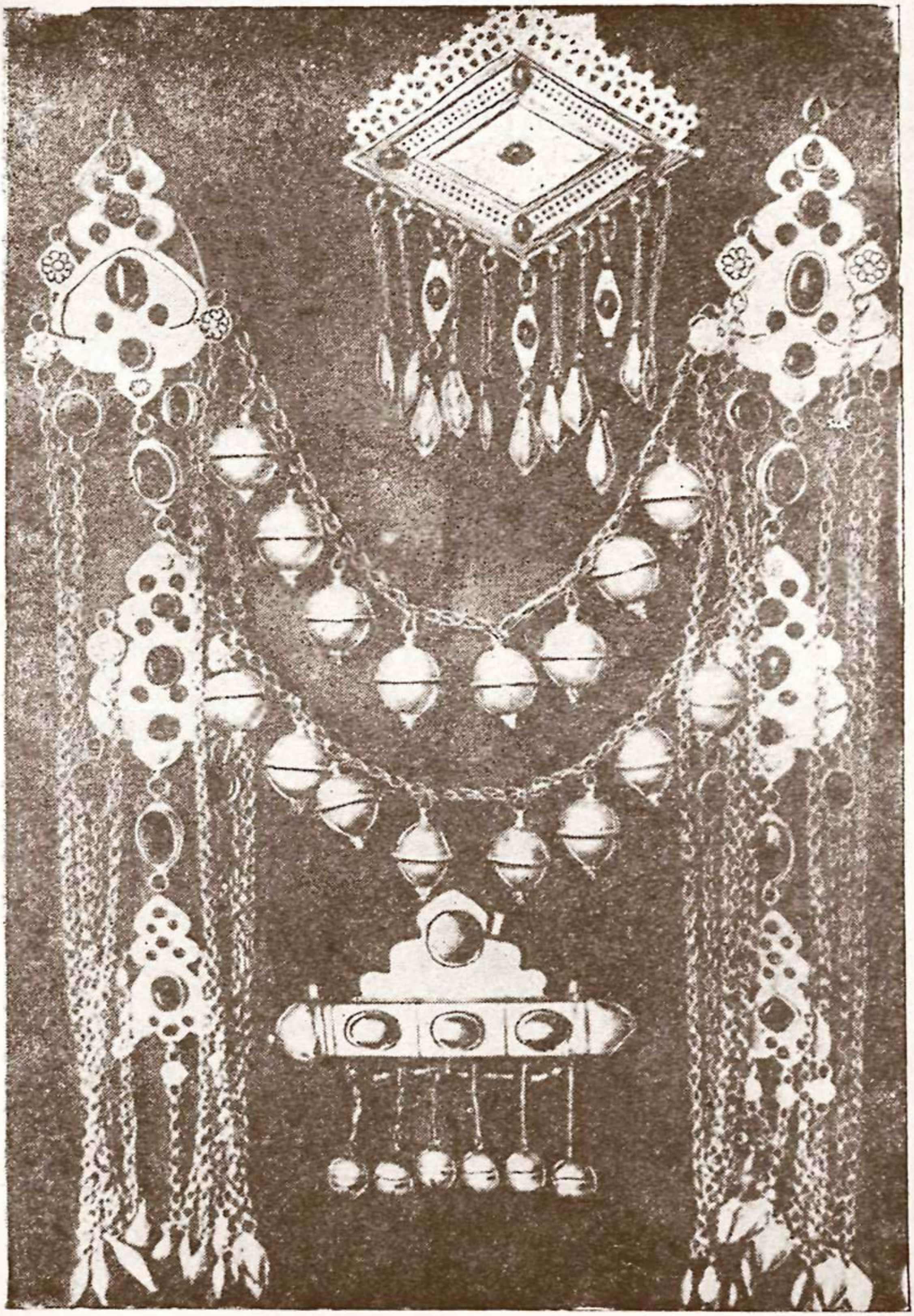
Сохранившиеся старинные ювелирные изделия Туркменистана отличаются высокой техникой и художественными качествами. Из выпускаемых туркменскими мастерами изделий особенно хороши были различные украшения из серебра для отделки верховой упряжи: серебряные разных размеров бляхи, украшенные гравировкой и глазами сердолика и бирюзы, кольца, петли, цепочки, а также рукоятки для нагаек.

Много производилось и разнообразных женских ювелирных украшений. Кроме колец, серег и браслетов, туркменские женщины носили разнообразные украшения, часть которых сохранилась в несколько измененном виде до XX в.[2]

---

[1] Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области, Асхабад, 1900, стр. 44—45; П. И. Иванов. Ой—кибитка. «Туркменоведение», 1930, № 8—9.

[2] Г. П. Васильева Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник, М.. 1954. стр. 169—171; Я. В. Винников. Социалистическое переустройство быта дайхан Марыйской области. Там же, стр. 60—61.



Женские украшения из позолоченного серебра.

Ювелирные украшения туркменок различных племен отличались друг от друга некоторыми характерными особенностями. Эрсаринки и иомутки, например, до конца XIX в. носили не только обычные серьги в ушах («ысырга»), но и круглые золотые или серебряные кольца в правой ноздре «арабок» или «натоби».

Из нагрудных украшений нужно отметить особые «грудки» с нашитыми на них многочисленными серебряными монетами (от 50 до 100 с лишним штук) или пластинками из серебра, украшенными сердоликом («чапраз-чанне»); круглую фигурную брошь («гуляка») с многочисленными подвесками («шельпе» или «илик»), прикрепляемыми к нижнему кругу[1], небольшие ромбовидные бляшки с дутыми остроконечными подвесками («чанга»), пуговицы из серебра — дутые и плоские («думе» и «гоза») и др. Распространены были и разнообразной формы ладанки и амулеты («дагдан») и др. Старинные головные уборы туркменских женщин тоже украшались серебряными деталями.

У большинства туркменских племен девичья шапочка «такия» украшалась серебряным ажурным куполком на макушке («гупба»), различными бляшками и подвесками («сытара» и «сумселе»), монетами сопредельных стран («руппе» и «кран») и русскими, а также подражающими им односторонними монетовидными брактеатами[2].

На головной убор замужних женщин особыми булавками и крючками прикреплялись серебряные украшения («эльме» или «эгме»). Вокруг основного серебряного украшения нашивались монеты, подвески и мелкие плоские бляшки («чанне»), аналогичные употребляемым для отделки разреза ворота рубашки. Нужно сказать, что «чанне» применялись для всех видов отделки, ими же украшались особые ленты («алкым чанне»), поддерживавшие своеобразный круглый головной убор нохурок.

Техника туркменских ювелирных изделий не отличалась бсльшим разнообразием. Мастера применяли, в основном, технику гравировки и штампования. Гравировка изделий была искусной: различные мелкие дутые и плоские подвески хороши по форме и выразительны по отделке. Среди сохранившихся старинных ювелирных изделий не встречается образцов тончайшей филиграни и зерни.

Отдельные районы Туркменистана сохранили до конца XIX в. высокие традиции изготовления тонких шерстяных тка-

---

[1] Туркмены Закаспийской области. Закаспийское обозрение, 1897, № I,

[2] М. Е. Массон. Монетные находки в Средней Азии 1917—1927 гг., Известия Средазкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 280.

ней. Особенно славились голубовато-белые и светло-серые шерстяные ткани сарыков, вырабатываемые в долине Теджена и верхнего течения Мургаба (Тахта-Базар)[1]. Со стороны высоких художественных и технических качеств совершенно особое место занимали художественные ремесла, распространенные среди скотоводческого населения Туркменистана. К ним относились: вышивка отдельных элементов одежды, вязание узорных шерстяных чулок «джораб», выделка кошем, паласов и ковровых изделий.

Ковровая продукция крупнейших туркменских племен имела своеобразный орнамент и некоторые технические особенности, обусловленные, с одной стороны, традицией, с другой — качеством употребляемого сырья. Соединение этих своеобразных черт составляло типические особенности ковровых изделий отдельных туркменских племен. Изучение старинных образцов ковровых изделий Туркменистана позволяет выделить следующие основные типы туркменских ковров: салырские, сарыкские, текинские (ахал-текинские), эрсаринские (включающие в себе несколько своеобразных групп — кизыл-аякские, беширские, арабачинские и др.), човдорские и иомутские.

Орнаментальное своеобразие проявлялось в узорах (гёль), украшавших центральное поле ковровых изделий, и в мелких каймовых узорах. Основным племенным узором был узор центрального поля постилочных ковров; это сказывалось в самих его названиях: «теке-гёль» (текинский узор), «сарык-гёль» (сарыкский узор), «салыр-гёль» (салырский узор). Племенными узорами иомутов были «кепсе-гёль» и «дырнак гёль», эрсаринцев—«гюлли-гёль», «темирджин-гёль», човдуров—«эртмен».

Наиболее четко племенная орнаментация была представлена у тех племен Туркменистана, которые в наибольшей степени сохраняли свои внутриплеменные связи, традиции и территорию. К ним относились текинцы мервские и ахальские, сарыки, иомуты. Ковроделие салыров в результате пережитых в XVI—XVII вв. феодальных смут и военных поражений в XVIII в. находилось в упадке, но племенной орнамент салыров был усвоен и сохранен другими туркменскими племенами—сарыками, текинцами и эрсаринцами. К середине XIX в. салыры ковроделием вовсе не занимались. Теряли также племенную орнаментацию гоклены и ата, подвергавшиеся многим посторонним воздействиям. Човдуры, в XVIII в. еще сохранявшие свои племенные узоры, в середине XIX в. усвоили много новых орнаментальных мотивов от соседних с ними племен, главным образом, иомутов, под воздействием которых их старин-

[1] М. П. Лессар. Юго-западная Туркмения (земли сарыков и салыров), ИРГО, т. XXI, 1885.

ный племенной гёль («эртмен») претерпел большие изменения.

По богатству и разнообразию изобразительных форм первое место занимала в Туркменистане ковровая продукция эрсаринцев. Это разнообразие явилось результатом скрещивания *совершенно различных художественных традиций: традиций* развитого изобразительного искусства древнего оседлого населения, влившегося в состав эрсаринцев (родовые группы олам, агар, каркын, сакар и др.), строящегося на базе растительного орнамента, и традиций, принадлежавших туркменским кочевым племенам Закаспия, в основе которых лежали строгие, сильно геометризованные зооморфные и геральдические мотивы.

Хотя все туркменские ковровщицы пользовались одинаковым оборудованием (горизонтальные ткацкие станки, металлические гребни, ножи и ножницы) и одинаковым сырьем — шерстью местных овец и местными красителями (из красителей завозились только кошениль и индиго), но все же технические качества ковровых изделий разных племенных групп *очень отличались друг от друга. В зависимости от способов* окраски шерсти менялся колорит ковров. Ярко-красные монохромные ковры текинцев очень отличались от темно-вишневых изделий сарыков, изобилующих белыми деталями ковров иомутов и разнообразных по тону, часто полихромных ковров эрсаринцев. Изделия отдельных племен отличались друг от друга и прочими техническими показателями: высотой ворса, плотностью вязки, системой прогона утка и т. д.

4. Взаимоотношения туркмен с соседними феодальными государствами

В XIX в. территория, занимаемая туркменами, вплоть до их присоединения к России продолжала оставаться ареной кровавой борьбы между феодалами Хивы, Бухары и Ирана. Родо-племенная раздробленность и зависимость от враждовавших между собой феодальных ханств, ослабляли туркмен и делали их объектом постоянных грабительских походов хорасанских и астрабадских феодалов, хивинских ханов, бухарских эмиров.

Бесчисленные разбойничьи нападения на туркмен сопровождались угоном скота, разрушением ирригационных сооружений, разорением земледельческих оазисов, ограблением и истреблением населения. Условия для прочной оседлости отсутствовали: земледельческое население вынуждено было ютиться в кибитках, чтобы иметь возможность быстро уходить от грабительских нападений. Со своей стороны туркменские ханы и сердары организовывали набеги на мирные иранские

и узбекские села, подвергая их разграблению и уводя в рабство людей. На всей территории Туркменистана в XIX в. ни на один год не прекращались войны, набеги и грабежи.

В первой четверти XIX в. большая часть Туркменистана была захвачена хивинскими ханами.

В конце XVIII в. большую роль в политической жизни хивинского ханства играли туркмены. В этот период межплеменной и династической борьбы узбекских феодалов в Хивинском ханстве туркмены, главным образом иомуты, сделались основной военной опорой Кунгратской династии. «Каждая семья проживавших в ханстве туркмен, — писал бухарский историк Абдулкарим, — выставляет двух всадников, они имеют породистых лошадей и хорошо владеют пикой и саблей»[1]. За свою военную службу туркмены получали пахотные земли на северо-западной окраине ханства. На этой почве складывались и дальнейшие отношения туркмен с Кунгратской династией в Хивинском ханстве, хотя хивинские ханы никогда не могли добиться полного подчинения себе туркмен, даже обитавших непосредственно на территории Хорезма.

Возможность отведения иомутам пахотных земель возникла, видимо, в результате больших оросительных работ, которые начали проводиться со времени утверждения Кунгратской династии в Хивинском ханстве и значительно расширили площадь поливных земель. Однако туркменам, как правило, земли отводились в хвостовой части каналов, нерегулярно и неравномерно снабжались водою, что ставило туркмен в неблагоприятные условия по сравнению с остальным земледельческим населением ханства и приводило к многочисленным конфликтам и порой даже к вооруженной борьбе.

Преемники инака Мухаммед Эмина, ведя политику укрепления центральной власти в ханстве и расширения его границ, использовали все средства для подчинения туркмен, начиная от военных действий против них, различных ограничительных мер экономического характера (вроде лишения оросительной воды, запрещения покупать хлеб на рынках хивинских городов) и кончая мерами, направленными на то, чтобы заинтересовать туркменскую знать в поддержании дружеских отношений с ханством.

Однако чрезмерные претензии ханских властей, особенно устанавливаемые ими высокие налоги, нередко встречали отпор со стороны туркмен. Так, имеются сведения, что при преемнике Мухаммед Эмина Эвез-инаке туркмены-иомуты вышли из повиновения Хивинскому ханству, отказавшись пла-

---

[1] МИТТ, II, стр. 203.

Туркменский всадник (из материалов Исторического музея АН ТССР)

тить наложенные на них подати[1]. При Ильтузар-хане (1804—1806 гг.) отношения иомутов с Хивинским ханством обострились окончательно на той же почве отказа платить налог со стад и земли[2].

Ильтузар-хан, — сообщает бухарский историк Абдулкарим, — предъявил им ультиматум: или подчиниться и «жить, как другие подданные, уплачивая подати с баранов, верблюдов и земледелия», или покинуть пределы Хивинского ханства. Иомуты оказались в тяжелом положении, среди них началось смятение. Племя разбилось на две части: одни решили подчиниться требованиям ханских властей, другие продолжали отказываться от уплаты податей, «но выхода никакого не имели. Подчинившиеся откочевали в одну сторону, а неподчинившиеся отправились в сторону пустыни, в Астрабад»[3]. Дело, однако, на этом не кончилось. В «Истории Средней Азии» Абдулкарима Бухарского мы находим картину жестокой расправы Ильтузар-хана над непокорными туркменами-иомутами.

В изгнании иомуты находились недолго. Уже в конце 1806 г. Ильтузар-хан опять призвал их в ханство и водворил на старых местах. Причиной такой перемены отношений к туркменам явилась потребность в таких стойких воинах, как иомуты, в войне с Бухарой, начавшейся из-за Мерва.

Долгую и упорную борьбу вели хивинские ханы и с другим туркменским племенем—човдурами.

Борьбу хивинского хана Мухаммед-Рахима (1806—1825 гг.) с човдурами следует рассматривать в связи с его войной против Аральского владения. Значительная часть човдуров в начале XIX в. все еще обитала на Мангышлаке в непосредственном соседстве с казахами. Човдуры продолжали оставаться хозяевами мангышлакского торгового пути. Некоторая часть их с очень древних времен, вероятно, задолго до прихода кочевых узбеков в Хорезм, обитала в северной его части, в районе Порсу[4]. В начале XIX в. в Порсу уже существовала принадлежавшая човдурам крепость. Они имели здесь пахотные земли и занимались земледелием, совмещая его с отгонным скотоводством.

Находясь в непосредственном соседстве и в дружеских отношениях с Аралом[5], в то время находившемся в оппозиции

---

[1] МИТТ, II, стр. 202.
[2] Там же, стр. 203.
[3] Там же, стр. 202.
[4] В настоящее время Калининский район, где и сейчас живут човдуры.
[5] Арал — полусамостоятельное феодальное владение в северной части Хорезма, долго сопротивлявшееся централизаторской политике хивинских ханов.

к Хивинскому ханству и являвшемся приютом для всех, кто не ладил с хивинскими ханами, човдуры дважды и в 1808 и 1809 г. подверглись нападению Мухаммед-Рахима во время войны Хивы с Аралом. Мухаммед-Рахим подошел к занимаемой човдурами территории и начал штурм их крепости, взять которую ему так и не удалось. Но хозяйство човдуров было приведено в полное разорение. В течение четырех дней ханские войска вытаптывали и травили посевы и забирали зерно, после чего вернулись в Хиву.

Во второй поход, совершенный в 1809 г., при наступлении ханских войск човдуры покинули свою крепость и бежали в Кунград. Хивинские войска систематически уничтожали посевы човдуров, а човдуры в ответ грабили хивинские торговые караваны[1].

Длительная война Хивы против Арала совершенно разорила население последнего, в Арале начался голод. Постепенно Тöре Мурад Софи, феодальный правитель Арала, терял свое влияние и, наконец, был оставлен своими соратниками. В 1810 г. его покинули и човдуры. Часть их под предводительством Балту Нияз Кази ушла на Мангышлак, а другая, по-видимому, наиболее разоренная, под предводительством Ярлыкаб Бека, вступив в переговоры с Мухаммед-Рахимом, вернулась в ханство и осела на отведенных ей землях.

Капитуляция туркмен (иомутов, емрелинцев и човдуров) в начале XIX в. и подчинение их Хивинскому ханству в значительной степени были обусловлены общей политической обстановкой на Мангышлаке и восточном побережье Каспийского моря. Постоянные набеги казахской феодально-племенной знати на Мангышлак, ограбление торговых караванов наносили большой ущерб населявшим эти районы човдурам и лишали их возможности пользоваться своими угодьями и пастбищами. Казахская аристократия грабила не только жителей Мангышлака, она доходила до северо-западных пределов Хивинского ханства и теснила здесь иомутов. Таким образом, туркмены оказались зажатыми между казахскими феодалами и Хивинским ханством. Это вынуждало их неоднократно обращаться к русскому правительству с просьбой принять их в русское подданство и для их защиты построить крепость на восточном берегу Каспия. Однако внутренняя политика, которую начал проводить Мухаммед-Рахим-хан, дала ему возможность вскоре привлечь большое количество туркмен в ханство и установить более или менее устойчивые отношения с туркменской военно-феодальной аристократией. Это неудивительно — борьба с сепаратистскими тенденциями своеволь-

---

[1] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 377—378.

ных узбекских феодалов заставила Мухаммед-Рахима искать другой опоры. Он использовал в этой борьбе знать других народов, населявших Хивинское ханство. Из них, прежде всего из туркмен, были организованы многочисленные военные отряды, предводители которых были привлечены к управлению и сделались его непосредственными советниками и помощниками. По свидетельству Н. Н. Муравьева, «окружив себя чиновниками из сартов и иностранцами, хан только таким образом мог утвердить и усилить свою власть, так как племена эти, «будучи всегда угнетены узбеками», теперь с удовольствием поддерживают его власть. Узбеки же, пишет далее Н. Н. Муравьев, его ненавидят и «злобствуют на коварных иноплеменников» (сартов и туркмен), занявших все первые места[1].

При таком положении вещей туркмены получили возможность укрепиться в Хивинском ханстве. Мухаммед-Рахим сумел добиться дружественных отношений с мангышлакскими туркменами — човдурами и абдалами; сделав им ряд уступок, предоставив преимущества и выгоды в вопросе снабжения хлебом[2], он добился беспрепятственного прохождения торговых караванов через Мангышлак. Хорезмские туркмены (иомуты, човдуры, емрели) в первые десятилетия XIX в. были использованы Мухаммед-Рахимом в войсках, причем за ними укрепилась репутация лучших воинов ханства. За свою службу они наделялись пахотной землей, были освобождены от всяких повинностей, получали лошадей, оружие и за все это были обязаны поставлять хану воинов.

Многочисленные военные походы, которые вел Мухаммед-Рахим и его ближайшие преемники, доставляли его войску немало дополнительных доходов в виде военной добычи. Туркмены, особенно иомуты, принимали активное участие в этих походах на север (против казахов) и на юг — на Бухару и на туркмен Мары, Серахса и Ахала. Из числа туркмен выдвинулась военно-феодальная знать, признанные сердары, военачальники, близко стоявшие к хивинскому двору; эти люди были заинтересованы в хороших отношениях между туркменскими племенами и хивинскими ханами.

Более сложным было положение приатрекских туркмен. Иомуты, обитавшие по Гюргену и Атреку, подчинялись номинально Ирану, но правители Ирана никогда не могли добиться их полной покорности и даже оградить свои приграничные районы от организуемых туркменской знатью набегов (аламанов). Зато иомутское оседлое население, обитавшее в

---

[1] Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., ч. II, стр. 66—67.

[2] Там же, стр. 52.

непосредственном соседстве с Ираном по Гюргену, подвергалось жестоким притеснениям, поборам и вымогательствам со стороны каджарской администрации.

Разобщенность и межплеменная борьба туркменских племен, обитавших на громадном пространстве Прикаспия, жестокие феодальные притеснения, а порой и прямые нападения на туркмен со стороны Хивинского ханства и каджарского Ирана, за спиной которого стояла буржуазная Англия, а также активизация царской России в Закавказье и на восточном побережьи Каспийского моря — все это осложняло политическую обстановку, в которой туркменам приходилось бороться за свою свободу и независимость.

В самом начале XIX в. значительная часть прикаспийских туркмен заняла явно враждебную позицию по отношению к Ирану и приняла активное участие в ряде восстаний против каджаров. В основе этих восстаний лежало глубокое недовольство широких народных масс шахским правительством, хотя внешне они проходили под знаменем религиозной борьбы суннитов-туркмен против шиитов-персов и возглавлялись представителями духовенства. Одним из наиболее крупных выступлений этого рода было восстание под руководством Юсуфа Ходжи. Восстание это было очень кратковременным: начавшись в мае 1813 г., в сентябре оно было уже подавлено. Несмотря на это, оно захватило широкие массы туркменского населения.

Подавление восстания Юсуфа Ходжи не прекратило волнений в Астрабаде и атрекских степях. Назначенный правителем Астрабадской области Мухаммед Заман-хан Каджар в том же году заключил союз с мятежными феодалами Хорасана и выступил вместе с ними против шаха. Туркмены — иомуты и гоклены — широко поддерживали Мохаммед Заман-хана, под его главенством собралось до 30 тыс. человек. Однако он вскоре был арестован и затем казнен по приказу шаха. Против туркмен была направлена карательная экспедиция, но они, захватив свое имущество, откочевали на север и, таким образом, избежали репрессий.

Двукратное восстание иомутов и гокленов против каджаров дало хивинскому хану Мухаммед-Рахиму основание рассчитывать на успех в прикаспийских районах, и в 1816 г. он вступил в гюргенские степи[1]. Иранские источники прямо говорят о том, что Мухаммед-Рахим был призван сюда иомутами[2].

Все военные операции у Мухаммед-Рахима в Астрабадской области были направлены против той части населения, которая находилась в непосредственном соседстве с Ираном и

---

[1] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 393 и след.
[2] Мирза Мухаммед Таги-хан, МИТТ, II, стр. 219.

вынуждена была признавать назначаемых сюда правителей и выплачивать определенные подати. Группу карадашлы, обитавшую возле рек Козсыз и Юван-Су, Мухаммед-Рахим переселил в крепость Шайтан-Кала. После этого Мухаммед-Рахим отправил послов к гокленам, потребовав от них изъявления покорности. Гоклены вынуждены были подчиниться, причем Мухаммед-Рахим отдал распоряжение о переселении значительной их части в Хиву. Под наблюдением военных отрядов гоклены покинули свои насиженные, обжитые места в обширных плодородных долинах Гюргена и потянулись в далекую Хиву. Горечь разлуки с родными местами и тяжесть подневольной жизни в хивинском ханстве образно воспеты в стихах гокленского поэта Зелили. Лишь много лет спустя гоклены смогли вернуться из Хивы на Гюрген.

Избежавшие переселения гоклены поселились на среднем течении Гюргена, составив здесь все же довольно значительную группу, пополнявшуюся постепенно теми из гоклен, которым удавалось бежать из Хорезма.

Однако ни Мухаммед-Рахим-хан ни его преемники не смогли полностью утвердить свою власть на Гюргене. Не помогли этому и многочисленные грабительские набеги на Гюрген, которые совершались по указанию хивинских ханов текинскими и иомутскими сердарами. В результате систематичееского разграбления, гоклены, оставшиеся на Гюргене, обратились за помощью к Ирану и вновь подчинились ему. Однако зависимость их от Ирана была непрочной.

Отношения прикаспийских туркмен с Ираном продолжали оставаться крайне напряженными и в 30-х годах XIX в. дошли до того, что иранское правительство пыталось даже заключить с приграничными родами туркмен соглашение об охране ими иранских границ, от набегов их же соплеменников, за что обязывалось платить по 10 тыс. харваров пшеницы ежегодно.

Одновременно с этим каджары предприняли ряд военных походов против туркменского населения юго-восточного побережья Каспийского моря, вплоть до нападения в 1837 г. на о. Челекен.

Несмотря на существование среди иомутов сильной и многочисленной группы, придерживавшейся русской ориентации, часть иомутской знати ориентировалась на Хивинское ханство. Это в значительной мере объяснялось тем, что феодально-родовая аристократия иомутов, обитавшая в Хивинском ханстве и частично на Балханах, пользовалась там в 20—30-х годах XIX в. устойчивым положением и извлекала немалые выгоды из многочисленных грабительских и завоевательных походов, которые велись хивинскими ханами.

Очень сложной была политическая обстановка у туркмен Мангышлака. В результате длительных столкновений с казахскими племенами, туркмены Мангышлака вынуждены были откочевывать с Мангышлака на юг, а также неоднократно обращаться к России с просьбой о защите и принятии в русское подданство.

Хивинские ханы учитывали возможность массового ухода туркмен из ханства в пределы России и стремились удержать туркмен. Есть одна интересная подробность, характеризующая это положение[1]. После того как в 1832 г. на берегу залива Мертвый Култук[2] было основано укрепление Ново-Александровское, начальник этого укрепления Карелин отправил в 1834 г. в Хивинское ханство своего гонца Турпаева, чтобы оповестить население ханства и самого хана о постройке русской крепости на берегу Каспийского моря, куда можно теперь направлять торговые караваны. Турпаев был очень холодно принят Аллакули-ханом (1825—1842 гг.)[3], но население ханства и, в частности, туркмены высказывали свое одобрение по поводу постройки крепости, говоря о том, что в свое время отцы их поднимали этот вопрос перед астраханским губернатором. Многие считали возможным вернуться теперь на Мангышлак. При этом один из собеседников указал, что в связи с постройкой крепости «хан стал сговорчивым»[4] с туркменами.

Упорную борьбу против захватнической политики хивинских ханов вели в первой половине XIX в. текинцы Ахала.

Первое столкновение Мухаммед-Рахима с текинцами Ахала произошло в 1812 г., во время его похода в Хорасан. Неудачи, понесенные Ираном в войне с Россией, способствовали ослаблению власти каджарских шахов; в 1812—1813 гг. в Северном Хорасане, затем в Астрабаде вспыхнуло восстание местных феодалов. Оно продолжалось вплоть до 1815 г. Разорвав отношения с Ираном, хорасанские феодалы искали опоры в Хиве.

Союз хорасанских феодалов с Хивинским ханством имел серьезные последствия для туркменского населения не только Ахала, но и Мары. Этот союз изолировал туркмен и вынудил покориться Хиве: в 1812 г. текинцы Теджена и Ахала, а также сарыки Мары послали в Хиву своих послов. Однако, ког-

---

[1] Показания афганцев и туркмен, сопровождавших в 1840 г. английских путешественников Аббота и Шекспира из Герата в Хиву и оттуда на Каспийское море. Записки РГО, т. I, 1867, стр. 102.

[2] У берегов Мангышлака.

[3] Дневник переводчика армянина Турпаева, посланного в 1834 г. из Ново-Александровского укрепления в Хиву. Записки РГО, т. I, 1867, стр. 114—132.

[4] Там же, стр. 125.

да Мухаммед-Рахим на этом основании потребовал от туркмен выставить нукеров для его очередного похода в Хорасан в 1813 г., то текинцы начали сопротивляться. Источники сообщают, что к Мухаммед-Рахиму поступили «неприятные известия относительно теке Ахала рода вали»[1]. Из дальнейших событий становится ясным, что текинцы отказались дать нукеров.

Оказав такое неповиновение, текинцы, вместе с тем, не желали вступать в открытую вражду с Мухаммед-Рахимом. Они снова направили к нему в следующем году своих послов, заявивших о полном согласии текинцев дать заложников, вносить закят[2] и считать себя подданными Хивы. Это было довольно обычным явлением в дипломатических отношениях туркмен с Хивою: старшинами туркмен давались обязательства, которые практически не выполнялись. Нередко это делалось совершенно сознательно, но, с другой стороны, ряд примеров показывает, что часто воля народных масс не совпадала с намерениями их «старшин» и «лучших людей», и народ отказывался им подчиняться. Неудивительно поэтому, что в 1816 г. Мухаммед-Рахим вновь появился в Хорасане и направил к обоим родовым подразделениям текинцев — отамышам и тохтамышам — послов с требованием дать заложников и нукеров. Текинцы заверили хана в готовности подчиниться ему. Наконец, когда все назначенные сроки прошли и нукеры от текинцев так и не явились, начались военные действия. Группа теке отступила в ущелье Хирманту, где произошла жаркая стычка с хивинцами, закончившаяся, впрочем, безрезультатно[3].

Одновременно Мухаммед-Рахим направил отряд против текинцев на Теджен. Действия этого отряда представляют большой интерес, так как подтверждают отсутствие порою солидарности между старшинами и народными массами. Отряд прошел до Кара-Чирле, напал на аул, принадлежавший текинцам[4]. После упорного сопротивления, оказанного туркменами, два знатных текинца Амандовлет-бай и Байрам-Али перешли на сторону хивинцев и пытались склонить туркмен к сдаче. Но все их предложения были отвергнуты. Военные действия возобновились и, по словам хивинских источников, аул был разграблен, а защитники перебиты. Подобные переходы отдельных представителей туркменской знати на сторону хивинского хана были нередки. Можно указать еще на беурминских теке Довлетназар-бая и Ходжаназар-бека, которые

---

[1] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 386.
[2] Там же, стр. 388.
[3] Там же, стр. 389—390.
[4] Там же, стр. 391.

принимали ревностное участие в переговорах с населением и рассматривались хивинским ханом как преданные ему предводители теке[1]. Роль преданного Хиве предводителя, видимо, не создала Довлетназар-баю популярности в среде своих соплеменников и, может быть, даже была небезопасной — Довлетназар-бай вскоре откочевал в Хиву под защиту Мухаммед-Рахима[2].

Этот эпизод может служить примером той легкости, с которою и в то время происходила стычка туркменской знати с правящими феодальными кругами Хивинского ханства; вместе с тем он свидетельствует и о той внутренней борьбе, которая происходила в этот период между широкими народными массами и знатью.

Поход 1816 г. не дал хивинскому хану никаких реальных результатов. Текинцы по-прежнему держались независимо. Тогда Мухаммед-Рахим изменил политику по отношению к ним. В течение одного с лишним года (с апреля 1816 г. по август 1817 г.) на текинцев Ахала было совершено пять грабительских набегов. Текинцы понесли от них большой материальный ущерб и в конце концов были вынуждены вступить в мирные переговоры[3].

Первыми прислали своих послов в Хиву кизыларватские текинцы; были отправлены представители семи обитавших здесь родов во главе с Халнепес-сердаром[4]. Затем были направлены послы и от других текинцев Ахала.

При переговорах с туркменами хивинцы придавали чрезвычайно большое значение деятельности мусульманского духовенства, считая его проводником идеи подчинения туркмен хивинскому хану. В обоих приведенных случаях при отъезде текинских послов в свои аулы к ним были присоединены ишаны «для наставления теке».

В этот же именно период (1816—1817 гг.) установилась связь части ахальцев с восставшим против шаха владетелем Дерегеза Бегляр-ханом. Это была группа текинцев, руководимая Мурад-сердаром и его сподвижником Аим-беком[5]. По-видимому, о них идет речь, когда иранские источники говорят о текинцах, которые действовали с Бегляр-ханом, оказывая ему помощь в борьбе с шахскими войсками[6].

Хива отнеслась к этому союзу крайне отрицательно, и в апреле 1819 г. Мухаммед-Рахим организовал третий поход на

---

[1] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 391.
[2] Там же, стр. 412.
[3] Там же, стр. 396—402.
[4] Там же, стр. 397.
[5] Там же, стр. 397, 402.
[6] Д. И. Субботич. Материалы по земле-водопользованию, стр. 10.

Хорасан; все его военные действия были направлены, главным образом, против Мурад-сердара. Будучи еще на подступах к Ахалу, Мухаммед-Рахим разослал своих гонцов к текинцам Кизыл-Арвата, Ахала и Мерва, требуя представить нукеров. Но ахальцы опять применили свою излюбленную тактику: отовсюду в ставку Мухаммед-Рахима мчались гонцы с подарками и изъявлениями «покорности и солидарности». Мухаммед-Рахим немедленно направлял их назад с повторным требованием представить нукеров. Переезды гонцов и парламентеров туда и обратно затягивали время, чего и добивались туркмены.

К чести ахальцев, ни один из родов теке так и не дал Мухаммед-Рахиму нукеров для борьбы со своими соплеменниками. Вместе с тем, никто не пришел на помощь Мурад-сердару. «Мурад-сердар, — сообщает хивинский историк, — засел у входа в Дербентское ущелье, приготовившись к битве»[1]. Когда началось наступление хивинцев по предгорью, текинцы отступили на запад. Мурад-сердар, оставаясь верным обычной тактике текинцев, засылал послов к Мухаммед-Рахиму для переговоров. Последний пытался перетянуть на свою сторону Аим-бека, но безуспешно. Начавшиеся в Изгантском ущелье стычки окончились полным поражением хивинцев[2]. Это, однако, не прекратило военных действий. Последняя битва между хивинцами и текинцами Мурад-сердара, произошла в Ирдадском ущелье; хивинцы одержали победу, но понесли большие потери[3].

Понесенное текинцами поражение на некоторое время вызвало запустение Ахала; даже к концу 1818 г. в Арчмане, Дуруне и Мехине все еще не было населения[4].

Но военные действия против текинцев не прекращались до конца года: на них было совершено из ханства семь грабительских набегов, в результате которых последовала капитуляция ахальцев: почти все кизыларватцы со своими семьями перекочевали в ханство[5]; многие, не желая подчиниться Хиве, покинули Ахал и ушли в Мары и к Серахсу. Возможно, что постройка новой крепости в местности Кум-Яб[6] произведена с приходом сюда беженцев из Ахала. Какая-то группа текинцев оказалась в то же время на путях к Серахсу, где раньше их не было[7].

---

[1] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 404.
[2] Там же, стр. 405—406.
[3] Там же, стр. 408.
[4] Там же, стр. 410
[5] Там же, стр. 410—414.
[6] Там же, стр. 414.
[7] Там же, стр. 412.

К концу 20-х годов XIX в. завоевание Ахала хивинским ханом было закончено. Мухаммед-Рахим стремился твердо укрепиться в Ахале. Вся политика его была направлена на то, чтобы покрепче связать текинцев с Хивинским ханством. С этой целью он постарался вступить в союз с текинской знатью. Об этом свидетельствует факт назначения им в 1820 г. недавнего врага хивинцев, влиятельного в Ахале Мурад-сердара ханом над всеми текинцами[1] Мухаммед-Рахим привлек на свою сторону также помощника и сподвижника Мурад-сердара, известного Аим-бека.

Благодаря этой политике Мухаммед-Рахим вскоре почувствовал себя в Ахале настолько твердо, что начал использовать текинцев как военную силу для своих целей[2]. Подчинение Ахала Мухаммед-Рахимом имело большое политическое значение: оно облегчило доступ хивинским ханам в Мары, Иолотань, Серахс и Атек на востоке, в Гюргенские степи на западе.

Необходимо отметить, что обстановка для этих захватов в рассматриваемое время была достаточно благоприятной для хивинских ханов.

Настойчивые стремления бухарских эмиров овладеть Мервом (Мары) вылились на рубеже XVIII—XIX вв. в напряженную разорительную борьбу, которая длилась почти 20 лет и привела к запустению оазиса. Несколько раз бухарские войска разрушали мургабскую плотину, земледельческая территория оазиса сократилась. Одновременно усилилось проникновение в Мургабский оазис туркмен, ставших здесь в XIX в. основным населением. В 1799 г. туркмены сделали попытку захватить город Мерв; они выбрали своим эмиром некоего Адина Берды-бая из салыров и опустошили окрестности города[3]. Но это движение туркмен не достигло цели, и в Мерве утвердился бухарский наместник, сын эмира Шах-Мурада—Дин Насыр[4], который в продолжение четырех лет вел непрерывную войну с туркменами — текинцами, салырами и сарыками[5].

Однако вскоре наступил перелом в политике Дин Насыра. Опасаясь своего брата, бухарского эмира Хайдара (1800—1806 гг.), он в 1804 г. установил дружеские отношения с шахом Фатх-Али. Хивинские источники сообщают, что Дин Насыр вместе с тем приказал читать в Мерве хутбу на имя хивинского хана Ильтузара, что означало подчинение Хиве[6]. Од-

---

[1] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 416.
[2] Там же.
[3] МИТТ, II, стр. 371, примечание 3, со ссылкой на Мухаммед Якуба.
[4] Мир Абдуль-Керим Бухарский, МИТТ, II, стр. 201.
[5] МИТТ, II, стр. 371, примечание 2, со ссылкой на Мухаммед Якуба.
[6] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 371.

новременно резко изменились отношения Дин Насыра с туркменами: от былой вражды не осталось и следа, туркмены сделались его основной военной опорой. Открытая связь Дин Насыра с Хивинским ханством привела к обострению отношений, а затем и к войне между Бухарой и Хивой. В ответ на походы эмира Хайдара в Мерв, хивинское войско напало на Бухару, но потерпело сокрушительное поражение[1].

Дин Насыр еще в течение трех лет сражался с Бухарою, отражая нападения эмира Хайдара, но в 1807 г. понес тяжелое поражение и бежал в Иран, уведя с собою 1000 семей мервцев[2]. Тогда же несколько тысяч мервцев были Хайдаром насильственно переселены в долину Зерафшана.

После бегства Дин Насыра Мерв продолжал оставаться под властью Бухары и был незначительным административным центром. Город рассматривался как место ссылки, куда отправляли преступников. Гражданское население не превышало 500 человек. Эмир Хайдар искусственно поддерживал город и оазис в запустении, не разрешая проводить сюда воду для орошения[3].

С годами правления эмира Хайдара связывается окончательное укрепление туркмен в Мургабском оазисе: сарыков в низовьях Мургаба, салыров — в Иолотани. С начала XIX в. последние, по-видимому, овладели Серахсом, где туркмены упоминаются, начиная с 1805 г.[4]. В связи с разрушением Сультанбентской плотины население вынуждено было держаться западной части Мургабского оазиса, где и возник нынешний город Мары, в то время туркменская крепость. Здесь вместе с сарыками обитали текинцы. В 1882 г. туркмены изгнали из Мары бухарские войска и признали себя подданными хивинского ханства[6].

Таким образом, Мары достался Мухаммед-Рахиму очень легко. Весьма вероятно, что некоторую роль в подчинении Мары сыграло назначение Мурад-сердара ханом над всеми текинцами. Пользуясь своим влянием у текинцев, он мог проводить в Мары политику Хивы. Известно, например, что в 1822 г. он совершил отсюда во главе двухтысячного отряда текинцев поход на Мешхед[6].

В мае 1822 г. Мухаммед-Рахим совершил лично поход в Чарджоу, причем местное население (эрсари, сакары, човду-

---

[1] МИТТ, II, стр. 372, примечание 1.
[2] Мухаммед Хасан-хан, МИТТ, II, стр. 206—207; Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 378—379.
[3] В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края, стр. 91.
[4] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 207.
[5] В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, т. I, Л., 1929, стр. 66.
[6] Мирза Мухаммед Таги-хан, МИТТ. II, стр. 222.

ры, эски и др.) выразило ему полную покорность и даже предоставило нукеров; обитавшие на правом берегу в Кара-Куле салыры и баяты также прибыли в лагерь Мухаммед-Рахима[1]. Хивинский хан двинул войска вверх по Аму-Дарье по направлению к городу Керки, неся с собой разрушение и произвол.

В декабре 1823 г. в Мары был направлен из Хивы инак Кутлук Мурад, которому было поручено восстановить плотину Султан-Бенд. Однако двукратная попытка возвести плотину оказалась неудачной — плотина была смыта водою Мургаба[2]. Надежда на восстановление старого Мерва была потеряна, и хивинские власти начинали обосновываться в западной части оазиса. На левом берегу Мургаба у переправы Эгри-Гузер в 1824 г. была возведена крепость[3], поселение около которой послужило началом современного города Мары.

Таким образом, Мургабский оазис превратился в область Хивинского ханства. Построенная крепость стала центром управления областью, резиденцией хивинского наместника. После смерти Кутлук Мурада в середине 20-х годов мы видим здесь в этой роли Сааткули-сердара. В Иолотани тоже находился правитель, назначенный из Хивы. Сведения о внутренней жизни оазиса в этот период очень отрывочны и обрисовывают лишь некоторые ее стороны. Обычные для хивинских ханов стремления поддерживать племенную рознь для ослабления туркмен практиковались и в Мары; Сааткули-сердар опирался здесь на текинцев и, как говорят источники, «притеснял сарыкскую знать»[4].

Основной заботой хивинских ханов было получение доходов с вновь завоеванной области. Аллакули-хан организовал таможни в Мары и Серахсе для взимания пошлин с торговых караванов[5]. В 1825 г. во время одного из своих походов в Атек, Аллакули-хан произвел сбор закята со всего скота туркмен от границ Марыйского оазиса до Ахала. Это вызвало большое недовольство и сопротивление туркмен, в ответ на которое последовали репрессии. Ряд лиц из племен салыров и сарыков был выслан из Мары и отправлен вместе с семьями на жительство в Хиву. Из среды текинцев несколько человек было заподозрено в тайном служении Ирану и казнено. Проехавший через Мары в 30-х годах Борнс сообщает о контрибуции, которая была взята Аллакули-ханом с марыйских те-

---

[1] Мунис и Агехи, МИТТ, II, стр. 421—422.
[2] Там же, стр. 423.
[3] Там же, стр. 423, 424.
[4] Агехи, МИТТ, II, стр. 445.
[5] А. Борнс. Путешествие в Бухару лейтенанта ост-индийской компанейской службы, т. III, М., 1849, стр. 36, 501.

ке[1]. Подобное положение вещей не могло создать популярности хивинским порядкам, в которых марыйские туркмены быстро разочаровались.

В 1826 г. сарыки убили в Мары Сааткули-сердара и, захватив его крепость, укрыли в ней свои семьи в ожидании прихода хивинцев. Но сразу же от восставших отделилась группа текинцев, которая под предводительством ишана Абдурахмана-халифе оставила крепость и переселилась на правый берег Мургаба.

В Мары для подавления восстания был отправлен сильный отряд хивинских войск; знать сарыкских родов сухты и байрач обратились за помощью в Бухару, откуда в Мары прибыл отряд воинов. Но многие из восставших отказались подчиниться бухарскому военачальнику, покинули Мары и отправили своего посла в Хиву[2].

Тем временем хивинцы начали военные действия. Путем дипломатических переговоров с Бухарой восставшие были изолированы, и в результате нескольких походов на Мары хивинские ханы вновь подчинили сарыков, а затем начали свои завоевательные походы на Атек и Хорасан.

Успеху этих походов способствовала общая политическая ситуация. Неудачная для Ирана война с Россией (1826—1828 гг.) ослабила его влияние на окраинах. В Хорасане продолжались восстания местных феодалов.

Походы Аллакули-хана направлены были, главным образом, против Западного Хорасана и Атека; они совершались в основном силами туркменских воинов из Ахала, Мары, Иолотани и Серахса. Аллакули-хан упорно разрушал все крепости противников[3], переселяя целые племена в Хивинское ханство. Ярким примером служит поход Аллакули-хана против туркмен-алили, населявших город Абиверд. После двукратного нападения хивинцев крепость была занята и разрушена, население выведено отсюда в Хорезм, а все пахотные земли, засеянные поля и постройки переданы текинцам[4]. Аллакули-хан стремился к заселению завоеванных районов уже подчинившимися ему текинцами, способствуя тем самым продвижению последних в новые области.

Походы Аллакули-хана позволяют сделать вывод, что в период его правления особенно интенсивно шел процесс сращивания туркменской знати с правящими кругами Хивинского ханства. Представители туркменской знати утверждаются в военных и административных званиях. Туркменские серда-

---

[1] А. Борнс. Путешествие в Бухару лейтенанта ост-индийской компанейской службы, т. III, М., 1849, стр. 501.

[2] Агехи, МИТТ, II, стр. 447 и след.

[3] Там же, стр. 431 и др.

[4] Там же, стр. 458.

ры превращаются в местных правителей, облеченных властью и доверием хивинского хана.

В борьбе хивинских ханов с Ираном в этот период очень большую роль играли салыры Серахса.

В рассматриваемый период салыры были почти независимы и от Хивы и от Ирана. А. Борнс рассказывает, что они управлялись 12 аксакалами[1], никаких иранских или хивинских наместников у них не было. Базою салыров была крепость Серахс (Чарак), где, по словам Борнса, имелось небольшое количество глинобитных построек, принадлежащих мешхедским евреям-торговцам. Сами салыры жили в кибитках[2].

Занимая промежуточное положение между Хивой и Ираном, салыры должны были искусно лавировать между ними. В период усиления Хивинского ханства салыры придерживались хивинской ориентации и выделяли хану пятую часть захваченной добычи. Хивинские ханы, в свою очередь, дорожили дружбой с салырами Серахса; салырская знать пользовалась у хивинцев большим уважением; участие салыров в походах хивинских ханов щедро вознаграждалось — были случаи, когда им отдавали даже население некоторых завоеванных крепостей Ирана.

Однако после заключения в 1828 г. Туркманчайского договора с Россией, правительство Ирана занялось укреплением своей власти в Хорасане. Аббас Мирза — видный иранский деятель — усмирил мятежных хорасанских феодалов, а затем в октябре 1832 г. направился к Серахсу. Салырские аксакалы пытались предотвратить опасность. В Мешхед к Аббас Мирзе от них направилась делегация с подарками. Но поход на Серахс продолжался. Уже во время осады крепости в лагерь Аббаса Мирзы опять было направлено салырами посольство, которое привело с собою заложников и находившихся в Серахсе пленных каджаров. Но и это не помогло, и Аббас Мирза начал штурм крепости. Салыры оказали упорное сопротивление. После кровопролитного боя Серахс пал. Много защитников было перебито в бою, а уцелевшие в числе трех с половиною тысяч семейств уведены пленниками в Иран. В руки победителей попала громадная добыча. Лично Аббас Мирза получил 3000 салырских кибиток и 300 лошадей. Из Серахса были вывезены и отправлены в Мешхед громадные запасы зерна. Было отдано распоряжение, чтобы крепость салыров в Серахс была сравнена с землею[3].

Разгромив салыров, Аббас Мирза направил к ахальским и тедженским теке, салырам Иолотани и мервским сарыкам

---

[1] А. Борнс. Указ. соч., стр. 73.
[2] Там же, стр. 72—73.
[3] Мирза Мухаммед Таги-хан, МИТТ, II, стр. 229.

письмо с требованием подчиниться и платить дань[1]. Наибольшее впечатление разгром салыров Серахса произвел на салыров Иолотани, их соплеменников и ближайших соседей. Население Иолотани было вынуждено подчиниться Ирану. Но смерть Аббас Мирзы остановила дальнейшее продвижение иранцев в Туркмении. Назначенный на его место новый правитель Хорасана отпустил большую часть салырских пленников на родину[2].

Со смертью в следующем (1834) году Фатх-Али-шаха в Иране снова начались внутренние междоусобия, отвлекшие внимание иранских правящих кругов от Хорасана. Это дало возможность Хивинскому ханству восстановить свое влияние в Южном Туркменистане, особенно в Марыйском оазисе, который именуется хивинскими источниками в рассматриваемый период «Мервской областью» Хивинского ханства.

К этому времени сарыки окончательно освоили западную часть оазиса и занимались земледелием, а районы вокруг старого Мерва находились в запустении. Текинцы в низовьях Мургаба составляли меньшинство населения. Они были разбросаны небольшими группами в нескольких местах. Сплоченной же массой они жили в Серахсе, который был занят ими после разгрома салыров в 1832 г. Аббас Мирзой. Заселялся Серахс текинцами, пришедшими из Мары, Ахала и, главным образом, Теджена[3].

В своей внутренней жизни текинцы Серахса были почти независимы, так как хивинские ханы опасались их силы и воинственности[4]. Здесь не было постоянных ставленников Хивы: текинцы управлялись собственными ханами — Ходжамшукур-ханом и Ораз-ханом, хотя эти последние и подчинялись начальнику Мервской области[5].

Туркмены, осевшие на берегах Мургаба и Теджена, широко занимались хлебопашеством и скотоводством, главным образом овцеводством. В 1840 г. в тогдашнем Мары насчитывалось до тысячи жилых домов. Здесь же находилась резиденция хивинского правителя области. Гарнизон крепости в 1844 г. состоял из 600 хивинцев. Есть свидетельство современников о том, что по распоряжению хивинского правителя в Иолотане, Серахсе и Пенде туркмены возвели укрепления,

---

[1] Агехи, МИТТ, II, стр. 462.
[2] Там же, стр. 464.
[3] Н. И. Гродеков приводит сведения о том, что текинцы при Ораз-хане переселились в Серахс с Теджена с разрешения правителя Хорасана. См. Н. И. Гродеков Война в Туркмении, т. I, стр. 38, 39.
[4] Г. П. Данилевский. Описание Хивинского ханства, стр. 95.
[5] Там же, стр. 104.

которые должны были служить им убежищами в случае внезапных нападений бухарцев[1].

Начальником всей Мервской области был в то время хивинский сановник Нияз Мухаммед-бай. В Иолотани находился его помощник, хивинский юзбаши Мухаммед Амин-бек[2], в Пенде—Адина Нияз-инак. Все они были представителями хивинской знати. Нияз Мухаммед-бай, например, был младшим братом Мухаммед Юсупа, мехтера Хивинского ханства[3]. Эти представители хивинской власти в Мары были окружены большой группой хивинских чиновников, писцов, представителей мусульманского духовенства и личной охраной. Так, личная свита Нияз Мухаммед-бая достигала почти 200 человек[4].

Возобновление военных действий в Мары в 40-х годах, хивинские историки связывают с интригами бухарского эмира.

В 1841 г. в Хиве стало известно об отправлении тайным образом в Мары из Бухары письма, призывавшего марыйских туркмен к свержению хивинских правителей. Хивинский хан Рахимкули (1842—1846 гг.) немедленно направился с войском в Юго-Восточный Туркменистан[5]. Представители сарыкской и салырской знати были одарены богатыми подарками. Таким образом, Рахимкули-хан восстановил старые связи Хивы в Мервской области, стремясь пресечь здесь происки бухарского эмира.

Однако эти мероприятия Хивы не остановили назревших в Мары событий.

Борьба за Мары осложнялась жестокой распрей между туркменскими племенами в самом Мервском оазисе. Это была борьба туркменских племен за землю, за воду, пастбища и колодцы. Это придавало необычайную страстность развернувшимся столкновениям, раздиравшим Марыйский оазис более 20 лет. Разрушалась сооруженная с невероятным трудом ирригационная система, пересыхали и приходили в запустение поля, возделанные кропотливым трудом земледельца, вытаптывались конскими копытами и сжигались колосившиеся поспевавшие хлеба, угонялся и вырезывался скот, разграблялись жилища мирных жителей, а сами они истреблялись или уводились в рабство.

Связь туркмен Мургабского оазиса с Бухарой не порывалась, и в 1843 г. дело дошло до открытого выступления против Хивы. В конце 1843 г. в Мары «для наведения порядка»

---

[1] Г. П. Данилевский. Указ. соч., стр. 114.
[2] Там же, стр. 95.
[3] Агехи, МИТТ, II, стр. 471.
[4] Там же, стр. 490.
[5] Там же, стр. 477—482.

был направлен брат хивинского хана, Мухаммед Эмин-инак. Но бухарский эмир предупредил хивинцев и начал поход на Хивинское ханство. Мухаммед Эмин-инак спешно выступил из Мары в Хиву со всем своим отрядом. Воспользовавшись этим, отряды текинцев, сарыков и салыров напали на отступавшее войско Мухаммед Эмина, а затем, вернувшись в оазис, разгромили хивинскую крепость, убили Нияз Мухаммед-бая и всех его приближенных[1].

Мары с этого момента перешел на несколько лет под влияние Бухары; в оазис был назначен бухарский правитель; из Мары в Бухару пошли многочисленные караваны сарыкских купцов с хлебом[2]. Окрестности старого города Мерва были отчасти обводнены[3].

Борьба за Марыйский оазис между Хивой и Бухарой вновь вспыхнула в том же 1843 г. и продолжалась с небольшими перерывами до 1855 г. На репетекскую дорогу, как ее тогда называли, было направлено множество хивинских аламанщиков, которые грабили проходившие здесь торговые караваны и совершали грабительские набеги на окраины оазиса, где выпасался скот, и на селения туркмен.

В 1844 г. из Хивы был совершен поход против салыров Иолотани. Население оазиса укрылось в крепости, бросив на произвол судьбы свои жилища и имущество. Рахимкули-хан, лично руководивший походом, около месяца осаждал крепость, но взять ее не смог, несмотря на наличие у него артиллерии и арсенала осадных приспособлений. Потеряв надежду на взятие крепости, хивинские военачальники подвергли разграблению ее окрестности; все оставленное жителями в аулах имущество было расхищено или уничтожено[4].

В 1845 г. в Мары явилось бухарское войско и 1845—1846 гг. прошли во взаимных набегах и грабежах[5].

В конце 1846 г. хивинцами был организован набег на старый Мерв, где укрывались сарыки. Отряд, совершавший набег, разграбил аулы и захватил большую добычу, но в то время, как он готовился уже направиться в обратный путь, на него неожиданно напало ограбленное население. «...Конные и пешие, женщины и мужчины, старики и молодые, — пишет хивинский историк, — все дружно, вооруженные палками и клинками, толпами выступили из своих крепостей и, как муравьи, вылезшие из разрушенных потоком гнезд, или, как саранча, встревоженная дуновением ветра, следуя за

---

[1] Агехи, МИТТ, II, стр. 488.
[2] Там же, стр. 494 и след.
[3] Там же, стр. 505.
[4] Там же, стр. 498.
[5] Там же, стр. 498—500.

победоносным войском, догнали его»[1]. Хивинский отряд пытался уклониться от боя, но преследователи были настойчивы, и в конце концов хивинские войска вынуждены были принять бой, в котором, по словам хивинских источников, марыйцы потерпели поражение.

В 1846 г. в Хорасане, по подстрекательству и при поддержке английской разведки[2], начался мятеж Салара — одного из местных феодалов. Им был взят даже Мешхед, в котором он продержался больше года[3]. Лишь в 1850 г. мятеж Салара был подавлен[4]. Участие в мятеже приняли также текинцы Ахала и Серахса, не знавшие чья рука руководила ими. В походе Салара на Мешхед принимали участие туркменские ханы — Кара-оглан из Ахала, Ораз-хан и Коушут-хан из Серахса. Когда Салар был осажден шахскими войсками в Мешхеде, марыйские туркмены послали ему на помощь трехтысячный отряд[5]. Однако вскоре начались раздоры среди ахальских текинцев; предпочтение, оказанное Саларом тохтамышам, предводителем которых был Кара-оглан, вызвало недовольство и враждебность отамышей. Боясь междоусобий, Салар переселился из Ахала в Серахс — к Ораз-хану. И хотя в источниках ни слова не говорится о перенесении сюда вражды тохтамышей и отамышей, но именно с моментом переселения сюда Салара совпадает ссора, которая произошла между предводителями текинцев Серахса — Ораз-ханом и Ходжамшукуром.

В результате ссоры Ходжамшукур с группой подчинившихся ему текинцев покинул Серахс, поселился в местности Кара-Бурун, находившейся на пути к Мерву, и перешел на сторону хивинского хана. Сюда же из Мерва вскоре перешло несколько связанных с Хивой предводителей сарыков. Из Кара-Буруна вся эта знать отправилась во главе с Ходжамшукуром в Хиву и выразила свою покорность хану Мухаммед Эмину (1845—1855 гг.). Как марыйские, так и серахские туркмены отнеслись к карабурунцам резко враждебно. Во время нахождения главарей последних в Хиве, сторонниками Бухары был сделан налет на Кара-Бурун и лагерь был разграблен.[6]. С того времени борьба Хивы с марыйскими теке и сарыками оказалась осложненной этой внутренней распрей между туркменами. Она была использована хивинским ханом.

---

[1] Агехи, МИТТ, II, стр. 503.
[2] С. М. Иванов. Очерк истории Ирана, Госполитиздат, 1952, стр. 173.
[3] Мирза Мухаммед Таги-хан, МИТТ, II, стр. 243.
[4] Мухаммед Хасан-хан, МИТТ, II, стр. 243.
[5] Там же, стр. 240—243.
[6] Агехи, МИТТ, II, стр. 505.

В начале лета 1847 г. Мухаммед Эмин совершил поход в Марыйский оазис. Сарыки вновь укрылись в старом Мерве, где и были осаждены. Лишь родовая знать карабурунцев явилась в лагерь хивинцев с подарками и выражением покорности. На помощь осажденным сарыкам прибыл текинский отряд из Серахса. Но все попытки серахсцев помочь сарыкам не имели успеха: осажденные принуждены были наблюдать картину страшного опустошения, которому подвергались окрестности крепости. Систематически переходя с места на место, армия Мухаммед Эмина вытаптывала и травила посевы. Венцом опустошения было разрушение Султан-Бенда. Сюда был послан специальный отряд, который разрушил восстановленную туркменами плотину; вновь построена она была только после присоединения Туркменистана к России. Разгромив восточную часть Мервского оазиса, Мухаммед Эмин вернулся в Хиву[1].

Период с конца 40-х до середины 50-х годов XIX в. был очень напряженным для туркмен Марыйского оазиса и особенно для текинцев. Участие знати текинцев Ахала, Теджена и Серахса в «хорасанской смуте» и тесная связь ее с Саларом очень обострила их отношения с Ираном. Даже после ареста и казни Салара и 1850 г. еще долгое время не прекращались боевые стычки с туркменами, причем шахское правительство вступило на путь очень агрессивных действий по отношению к жителям Ахала и Серахса. С другой стороны, совместные действия текинцев, сарыков и салыров поставили их в полную оппозицию к Хивинскому ханству, которое в 50-х годах все больше усиливало свой нажим на Мары. Таким образом, туркмены очутились как бы между двух огней. Только этим и можно объяснить ход дальнейших событий.

В 1848 г. состоялся второй поход Мухаммед Эмин-хана против Мары. Несмотря на то, что текинцы собрались сюда со всего Марыйского оазиса, они потерпели поражение и были вынуждены подчиниться Хиве. Вслед за серахскими текинцами капитулировали текинцы Ахала. Новый жестокий разгром теперь уже западной части оазиса, полное уничтожение посевов и капитуляция текинцев Серахса заставили сарыков тоже пойти на примирение с Хивой[2]. В 1849 г. сарыки и салыры Мургабского оазиса прислали своих послов и выразили «покорность» Хиве[3].

Однако это подчинение туркмен Хиве было лишь вынужденным актом. Они вовсе не намерены были покориться; не-

---

[1] Агехи, МИТТ, II, стр. 505.
[2] Там же, стр. 514—517.
[3] Там же, стр. 518.

удивительно поэтому, что из Иолотани, например, хивинский правитель должен был бежать от угроз салыров[1]. Хивинский хан отнесся к капитуляции марыйских туркмен с недоверием и решил воспользоваться их затруднительным положением, чтобы окончательно подчинить их и обессилить. Находясь в Атеке, Мухаммед Эмин-хан приказал обезоружить отряд сарыков и отправил конные отряды для захвата скота туркмен. Это было сигналом к новой вспышке восстания против Хивы. Текинцы, салыры и сарыки объединились и общими силами выступили против хивинского хана. Источники ничего не говорят о поражении ханских войск, но об этом свидетельствует крайняя поспешность, с которой они отступили из Мургабского оазиса.

Нельзя не заметить, что во всех этих боях Мухаммед Эмин-хан имел дело только с туркменами. Бухара, оказавшая им до этого покровительство, почти устранилась от борьбы и вскоре потеряла здесь всякое влияние. Но зато теперь претензии на Мары предъявил каджарский Иран. Еще в 1850 г. иранскими властями был организован поход на Серахс. Туркменские предводители обратились за помощью к хивинскому хану, который прислал сюда 2000 всадников, что на некоторое время вынудило иранцев отступить. Но как только хивинские войска ушли, текинцы вынуждены были пойти на примирение с Ираном. В результате состоявшихся переговоров в Серахс был назначен иранский правитель Аббас Кули-хан Дерегезский[2], который, однако, продержался здесь только три месяца и затем бежал, узнав о враждебных намерениях туркмен.

В 1851 г. между Хивой и Ираном произошел обмен посольствами по «туркменскому вопросу»[3], который остался безрезультатным. Даже в момент нахождения в Хиве иранского посла, который пытался получить согласие хана на занятие иранцами Мары, не прекратились столкновения между Хивой и Ираном на туркменской территории.

В 1852 г. со стороны Ирана была сделана новая попытка вторжения в Серахс. Серахские старшины во главе с Ораз Яглы, стараясь предотвратить ее, прибыли в Мешхед с выражением покорности, обещали дать заложников и взяли на себя обязательства нести караульную службу «как хранители и защитники рубежей (иранских)»[4].

Военные действия хивинцев против Мары и Ирана в тот период выразились в ряде операций, начиная от грабежей на караванных путях и кончая большими организованными по-

[1] Агехи, МИТТ, II, стр. 520.
[2] Там же, стр. 525.
[3] Отчет о посольстве в Хорезм Риза Кули-хана, МИТТ, II, стр. 280.
[4] Мухаммед Мирза Таги-хан, МИТТ, II, стр. 249.

ходами. В короткий промежуток времени—с 1851 по 1855 г., было совершено 5 больших походов, которыми хан Хивы руководил лично. Особенностью этих походов был их комбинированный характер. Они всегда велись в двух направлениях: на тедженских теке и на Мары. Главный удар хивинских войск обрушился на сарыков. Последние обратились за помощью к Ирану. В Мары появились иранские войска[1], но и они не смогли помешать хивинским отрядам опустошать оазис.

Беспощадное уничтожение посевов марыйских сарыков, которое производилось хивинскими войсками из года в год, возымело свое действие; в среде сарыков вспыхнули разногласия. В 1852 г. предводитель сарыкского рода алаша Тенгриберды-бек вступил в тайные переговоры с хивинским лагерем и вместе с подчиненным ему населением покинул осажденную крепость. Он обосновался к северо-западу от Мары, на Кара-Ябе; там было построено укрепление, куда начали собираться пришельцы из серахских теке и группы марыйских сарыков[2]. Это укрепление очень скоро сделалось постоянной военной базой хивинского хана в Марыйском оазисе. Караябцы производили набеги на иранскую территорию и очень затрудняли доставку в Мары войск и продовольствия. Почти все направлявшиеся в Мары иранские караваны подвергались нападениям и должны были пробиваться с боем.

Все это способствовало падению авторитета иранских наместников в Мары. В 1854 г. во время решительных боев с караябцами иранские войска, не получив поддержки туркмен, бежали, а их предводители были схвачены сарыками и выданы хивинцам.

Казалось, что иранцы потерпели полное поражение в длительной борьбе за Мары, но неожиданно ход событий изменился в их пользу.

Мухаммед Эмин предпринял в конце 1854 г. поход в Мары для окончательного подчинения сарыков и теке. Остановившись в Кара-Ябе, он вызвал в свой лагерь предводителей всех туркменских племен. В числе туркменских представителей сюда явились и предводители серахских текинцев. Однако, несмотря на выраженную «покорность», они отказались выполнить приказание Мухаммед Эмина о немедленном и полном переселении из Серахса в Мерв; в ответ Мухаммед Эмин двинул свое войско в Серахс.

Коушут-хан—предводитель текинцев Серахса — пытался предотвратить вооруженное столкновение, но переговоры его с хивинцами оказались безрезультатными.

---

[1] Мухаммед Мирза Таги-хан, МИТТ, II, стр. 251—252.
[2] Агехи, МИТТ, II, стр. 530.

Началась осада крепости, на защиту которой встали не только воины, но и все население. Хивинский историк сообщает, что «все население крепости, от мала до велика, мужчины и женщины, конные и пешие, пренебрегая опасностью, вышли из крепости и всем скопом кинулись на ряды победоносного войска»[1].

12 марта 1855 г. хивинские войска были разбиты наголову[2], причем в бою погиб сам Мухаммед Эмин-хан со всею своею свитою. Остатки хивинского войска бежали в Кара-Яб, а затем в Хиву.

Победа туркмен над Мухаммед Эмин-ханом коренным образом изменила политическую обстановку в Закаспии. Хивинскому ханству был нанесен серьезный удар, который вызвал в Хиве длительную внутреннюю борьбу, длившуюся с небольшими перерывами, вплоть до присоединения Хивинского ханства к России. Активное участие в этих событиях приняли туркмены-човдуры, и особенно иомуты.

С середины 50-х годов в Хивинском ханстве начинается волна туркменских восстаний. Первыми восстали иомуты, давно уже волновавшиеся вследствие того, что хивинские ханы перегораживали плотинами канал Даудан, по которому шла вода на земли иомутов[3]. В мае 1855 г. они восстали с оружием в руках. Новый хивинский хан, Абдулла, выступил в решительный поход и готовился разгромить восставших, но неожиданно на сторону иомутов, «почувствовав свое родство с этим племенем»[4], перешли туркменские отряды човдуров, емрели и других племен, находившиеся в составе ханского войска. Хивинское войско бросило обоз и артиллерию и разбежалось, сам хан был убит. С ним вместе погибло много хивинских феодалов.

В Хиве началась кровавая междоусобная война[5]. Хивинская феодальная знать сумела заключить союз с текинской знатью и разжечь междоусобную войну между этими двумя туркменскими племенами. Иомутская знать организовала набеги на узбекские села. В то же время все шире поднималась волна народного возмущения против феодалов как узбекских, так и туркменских. Это серьезно обеспокоило феодальную знать. Недаром, когда восставшими в 1856 г. был убит

---

[1] Т. е. хивинцев. Агехи, МИТТ, II, стр. 544.
[2] Там же.
[3] А. Л. Троицкая. Земельно-водная политика хивинских ханов. Сборн Госуд. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. II, Л., 1954.
[4] Агехи, МИТТ, II, стр. 550.
[5] Там же, стр. 551—562.

еще один хивинский хан—Кутлуг-Мурад[1], это вызвало панику среди самой иомутской знати[2], а глава туркменского духовенства ишан Ходжа Мухаммед наложил на восставших своеобразный интердикт, «перестав ходить на их похороны и запретив это делать другим (духовным лицам)»[3]. Эта позиция высшего духовенства, высказавшегося за прекращение восстания, а также измена туркменских феодалов, пошедших на сговор с ханской властью, привела в 1856 г. к временному прекращению борьбы. Только часть иомутов во главе с ханом Атамурадом отказалась подчиниться, откочевала в пески и обратилась к русским властям с просьбой о принятии в русское подданство[4]. Атамурад получил от русских властей отказ, но не подчинился хивинцам и не менее 10—12 лет оставался независимым предводителем значительной массы туркмен, сосредоточившихся в районе Сарыкамыша.

В самой Хиве продолжалась упорная борьба. Стремясь окончательно сломить туркмен, хивинский хан Сеид Мухаммед осенью 1858 г. вновь лишил туркмен воды, преградив плотинами проток Шаркраук[5]; позднее он, кроме того, запретил продавать туркменам хлеб, что вызвало среди них голод[6]. Иомуты вынуждены были вновь капитулировать и принять все условия хана.

Но и после этого прочный мир в ханстве не был установлен. Произвол и насилия хивинского хана, с одной стороны, своеволие туркменской знати, организуемые ею грабежи и набеги—с другой, привели к ряду вооруженных столкновений между ханскими войсками и туркменскими племенами. Уже в 1862 г. ханские войска совершили поход на човдуров и осадили их крепости[7]. В 1866—1867 гг. вновь восстали иомуты. Восстание и на этот раз было вызвано тем, что по приказу хана была сооружена плотина, преграждавшая водам Аму-Дарьи доступ на поля туркмен[8]. К восставшим иомутам присоединились другие туркменские племена, на помощь сородичам явились воины Атамурада; завязались военные действия, длившиеся свыше года. Наконец, блокада и голод вынудили восставших пойти на переговоры и заключить мир с ханом. Однако, непосредственно после зак-

---

[1] По иомутским народным преданиям его убил бедняк-туркмен Папыш-Дели, по хивинским хроникам—один из хивинских вельмож, действовавший совместно с туркменами.

[2] Агехи, МИТТ, II, стр. 560.

[3] Там же, стр. 556.

[4] М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868, стр. 27.

[5] Агехи, МИТТ, II, стр. 580—581.

[6] Там же, стр. 600.

[7] Там же, стр. 605—611.

[8] Там же, стр. 611.

лючения мирного договора, ханские войска предательски напали на туркмен и начали убивать и грабить; в результате этого вероломства, по признанию хивинского придворного историка, «большинство иомутского и имрелинского племен лишилось всего скота и имущества и оказалось в состоянии бедности и нищеты»[1].

Таким образом, попытки хорезмских туркмен освободиться от ига хивинских ханов кончились неудачей. Несколько иное положение сложилось в это время в Южном Туркменистане.

В результате поражения Мухаммед Эмина под Серахсом и восстаний северных туркменских племен хивинские ханы были вынуждены прекратить свои грабительские походы в сторону Ахала, Серахса и Мары; отказались они и от походов на Хорасан и Бухару. В то же время туркменское население Ахала и Мары нанесло ряд серьезных поражений иранским войскам, в результате которых попытки иранского шаха Насреддина подчинить Южный Туркменистан также полностью провалились.

Нельзя не остановиться на битве, которая произошла в 1858 г. между иранским правителем Буджнурда Джафар Кули-ханом и туркменами в окрестностях Карры-Кала[2].

Джафар Кули-хан получил распоряжение из Тегерана разгромить жителей Ахала и захватить Карры-Кала. Жители Карры-Кала (гоклены) обратились за помощью к жителям Ахала и Западного Туркменистана. В местности Монджук-Депе, около Карры-Кала текинцы и иомуты соединились с гокленами и произвели внезапное нападение на войско Джафар Кули-хана. Объединенным войском туркмен руководил глава текинцев Ахала Нурберды-хан. После упорной битвы иранские захватчики понесли жестокое поражение и должны были отступить[3]. Битва эта воспета в поэме. Абду-с-Саттар казы «Книга рассказов о битвах текинцев». Поэт описывает подробности боя, героизм туркменских батыров. Поражение иранцев ослабило влияние последних в Западной Туркмении.

В Марыйском оазисе хозяевами продолжали оставаться сарыкские феодалы, которые стремились не порывать дружеских связей с Ираном. Иранское правительство со своей стороны тоже не желало терять своего влияния в Мары и оказывало сарыкам постоянную помощь в борьбе, которая начала разгораться у них с текинцами. В процессе этой борьбы, вследствие непрекращавшихся нападений со стороны

[1] Агехи, МИТТ, II, стр. 637.

[2] Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев, СПб., 1914, стр. 098—099. Книга написана в феодально-клерикальном духе, но содержит ряд интересных фактических данных о героической борьбе туркмен с иранскими захватчиками.

[3] Н. И. Гродеков. Указ. соч., стр. 31.

Ирана[1], текинцы Серахса начали переселяться на северо-западные окраины Марыйского оазиса. Базой текинцев здесь был по-прежнему Кара-Яб[2]. По мере переселения текинцев из Серахса в Мары, все более тяжелым становилось положение сарыков. Текинцы теснили их и постепенно занимали западную часть оазиса. В 1857 г. сарыкская аристократия вновь обратилась за помощью к Ирану. Однако присланный в Мары иранский отряд помощи сарыкам не оказал. Н. И. Гродеков утверждает, что текинцы сумели войти с начальником этого отряда Султан Мурадом в соглашение, поднесли ему богатые подарки, и он оставил Мары. После его ухода текино-сарыкская борьба, разжигаемая патриархально-феодальной знатью и духовенством, вступила в свою последнюю фазу. Сарыки были вынуждены покинуть Мары.

Вытеснив сарыков, текинские ханы окончательно укрепились в Марыйском оазисе. В ответ на это иранское правительство в 1861 г. направило в Мары тридцатитысячную армию под начальством Хамза Мирзы Эшмет-Дауле, близкого родственника шаха. Иранские власти явно стремились окончательно подчинить себе Марыйский оазис.

При известии о приближении шахского войска текинцы без боя оставили Мары и укрепились в Кара-Ябе, куда собрались жители всего оазиса. Текинским народным ополчением руководил Коушут-хан. Иранское войско заняло развалины покинутой сарыками крепости Порсу-Кала. Здесь была устроена основная военная база. Оставив тяжелые грузы, шахские солдаты двинулись по левому берегу Мургаба, заняли оставленный туркменами Мары, подошли к Кара-Ябу и остановились против него на левом берегу Мургаба. Отсюда они начали орудийный обстрел. Первая бомбардировка произвела сильное впечатление на туркмен и нанесла серьезный урон, но они успели окопаться в лагере и постепенно сами начали активное действие с целью захвата или разгрома иранской артиллерии. Воспользовавшись бездеятельностью шахских военачальников, туркмены внезапно переправились через Мургаб, произвели нападение и захватили несколько пушек. Этот момент явился поворотным пунктом борьбы; нападения туркмен сделались все ожесточеннее, а шахские войска перешли к обороне, а затем начали отступать к Порсу-Кала. Туркмены преследовали их. Около развалин Сеид-Насыр произошел кровопролитный бой, и захватчикам был нанесен окончательный удар. Затем были разгромлены их базы в Порсу и Серахсе. Громадное число шахских солдат было захвачено в плен; в руки туркмен попало большое ко-

[1] Агехи, МИТТ, II, стр. 601.
[2] Абду-с-Саттар казы. Указ соч., стр. 103.

личество военных трофеев[1]. «Бесчисленные каджарские войска, — рассказывают хивинские источники, — были побеждены и разбиты.

Очутившись в крайне тяжелом положении и бросая снаряжение, палатки, артиллерию и арсенал, и казну, они (иранцы) обратились в бегство, рассеявшись в темноте и в растерянности не зная, куда им бежать.

Большая часть их ушла в пески, по направлению к Серахсу. Однако не прошли они и одного перехода, как начали падать в степи в изнеможении от одолевавших их жажды и голода.

Что касается теке, то все они, от больших до малых, включая женщин и детей, в этот день занимались тем, что усердно ловили и забирали в плен неверных...

Из общего числа 27 тыс. иранского войска вместе с родственниками часть погибла в сражении от меча храбрецов теке, часть умерла в пустыне от жажды, большая часть была забрана в плен. Таким образом, народ теке завладел всей артиллерией, припасами, оружием и имуществом, подводами и сокровищами такого большого и благоустроенного войска как это»[2]. Эта победа над иранскими захватчиками сделала текинцев полными хозяевами Марыйского оазиса.

Победы туркмен над иранскими войсками под Кары-Кала и Мары положили конец попыткам Ирана захватить Ахал и Мургабский оазис. Но в то же время не прекращались нападения иранских феодалов на пограничные туркменские аулы. В свою очередь текинцы, иомуты и другие туркмены совершали набеги на иранскую территорию. Продолжались столкновения и между туркменскими племенами. Например, в 1865 г. текинцы Ахала захватили и разрушили город Анау, принудив племя анаули переселиться в горы. Непрерывные войны и набеги разоряли хозяйство, задерживали историческое развитие Туркменистана, как и других стран Среднего Востока.

5. Укрепление русско-туркменских связей в первой половине XIX в.

В начале XIX в. торгово-экономические, политические и культурные связи прибрежных туркмен с Россией значительно усилились и укрепились. Уже в 1801 г. в Астрахань прибыла делегация от туркмен-абдалов, обитавших на Мангышлаке. Туркменские посланцы заявили астраханским властям, что

---

[1] Абду-с-Саттар казы. Указ. соч.
[2] Агехи, МИТТ, II, стр. 603—604.

они имеют полномочия от «старшин мангышлакских» вести переговоры с русским правительством[1]. В 1802 г. депутация от мангышлакских туркмен была отправлена в Петербург и просила русское правительство, во-первых, принять их в подданство России и, во-вторых, для защиты их от внешних нападений и для охраны торговых караванов соорудить на берегу Каспийского моря крепость[2]. Ходатайство оказалось успешным. Депутатам была вручена «высочайшая грамота» (от 27 апреля 1803 г.) на имя «Абдалского племени при Мангышлаке отделения туркманов», согласно которой они принимались под покровительство России. Это событие имело серьезное значение для туркменских племен Мангышлака, которые оказались в начале XIX в. в крайне тяжелом положении. Острая нехватка хлеба привела к такому голоду, что для этой части туркменского народа возникла угроза вымирания. Русское правительство разрешило абдалам и другим туркменам покупать хлеб «по вольным ценам» на рынках Астрахани[3].

В 1804 г. в связи с начавшейся русско-персидской войной русское командование приступило к подготовке обороны побережья Каспия. В октябре 1805 г. генерал Фелькерзам из Астрахани прибыл на мыс Тюб-Караган и начал изучение местности для сооружения крепости. Эти мероприятия туркменами были восприняты как ответ на их неоднократные ходатайства. Неудивительно поэтому, что мангышлакские туркмены всеми мерами стремились помогать русским властям: «Они мне не только ни в чем не препятствовали,—сообщал Фелькерзам в своем рапорте,—а еще в предпринимаемых мною обозрениях и изысканиях всякое доброходство изъявляли»[4].

Жестокие притеснения и насилия, чинимые персидскими и хивинскими феодалами и чиновниками, а также исключительно тяжелые экономические условия жизни по-прежнему заставляли иомутов, човдуров, игдыров и других туркмен искать покровительства России[5]. Так например, в 1811 г.[6] в Астрахань прибыла делегация от 5600 семейств човдуров и дру-

---

[1] Госуд. архив Астраханской обл., ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 1; Госуд. архив Чкаловской обл., ф. 6, оп. 10, д. 3803, лл. 19—40.

[2] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Тифлис, 1868, т. II, стр. 924; Госуд. архив Астраханской обл., ф. 68, лл. 28—28 об.; Госуд. архив Чкаловской обл., ф. 6, оп. 10, д. 3803, лл. 19—40.

[3] Госуд. архив Астраханской обл., ф. 1, оп. 1, д. 72, л. 1.

[4] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. III, Тифлис, 1869, стр. 350.

[5] Там же, т. II, 1868, стр. 924.

[6] По другим данным — в 1812 г.

гих туркменских племен с просьбой принять их в русское подданство и разрешить поселиться в астраханских степях[1].

С начала XIX в. к прибрежным туркменам неоднократно направлялись русские экспедиции с целью укрепить позиции царской России на восточном берегу Каспийского моря. Посылка экспедиций была связана с тем, что английская дипломатия добилась к этому времени господствующего влияния при дворе Фатх-Али-шаха, правителя Персии. Следуя своей традиционной политике «загребания жара чужими руками» Англия стремилась использовать Персию в своих захватнических планах. Английские колонизаторы обеспечивали войска шаха вооружением, британские офицеры руководили во время русско-персидской войны 1804—1813 гг. шахской армией. Несмотря на все это, война окончилась поражением Персии.

Интересно отметить, что в этой войне на стороне России выступили приатрекские туркмены. Н. Муравьев пишет о некоем Султан-хане, «который в то время предводительствовал племенами туркменскими и, ополчив онные, наносил персиянам значительный вред»[2]. Султан-хан обращался даже к императору Александру I с просьбой прислать на восточный берег Каспия русские войска с артиллерией, обещая в этом случае соединить туркменские отряды с русскими и взять Астрабад[3]. В 1812 г. главнокомандующий Грузией генерал Ртищев командировал чиновника особых поручений для переговоров с прикаспийскими туркменами. В ответ на это иомуты, текинцы и гоклены отправили в Россию своего представителя Кият-бека[4] с «некоторыми поручениями»[5].

В октябре 1813 г. был заключен Гюлистанский мирный договор, статья пятая которого предоставляла русским военным судам исключительное право плавания по Каспийскому морю. Царская Россия получила возможность контроля над этим морем. Чтобы практически осуществлять этот контроль, необходимо было создать военно-морские базы не только на северном и западном, но и на восточном, туркменском побережьи Каспийского моря.

Поражение каджаров в русско-персидской войне 1804—1813 гг. дало толчок к дальнейшему росту движения среди прикаспийских туркмен за присоединение к России. Так, в 1813

---

[1] И Ф. Бларамберг. Историческая записка о прибрежных туркменских поколениях со времени вступления их в сношение с русским правительством. ЗИРГО, кн. IV, СПб., 1850, стр. 97—98.

[2] Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822, ч. 1, стр. IV—V.

[3] Архив б. МИД, СПб., 1—13, 1805—1813, д. 1, л. 13.

[4] Впоследствии Кият-хан, о нём см. ниже.

[5] ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 929. л. 3—5.

1814 и последующих годах в Астрахань и Петербург неоднократно прибывали посольства от човдуров, от мангышлакских абдалов, союнджи и других туркменских племен, просивших защиты и покровительства[1].

Теснимая иранскими, узбекскими и казахскими феодалами значительная часть северотуркменских родов и племен уходит в пределы русского государства. Под натиском казахской феодально-родовой знати в 1813 г. в Астраханскую губернию переселяются с Мангышлака туркмены—абдалы[2]. Стремясь перейти под покровительство России в 1814 г. откочевывает в Поволжье другая группа туркмен из Мангышлака, предводительствуемая своим старшиной Балты-Ниязом[3].

Особенно велико было стремление к переходу в подданство России среди туркменской бедноты и рядового дайханства, испытавших гнет со стороны окружавших их феодальных властителей. Показателен в этом отношении состав одной из тех туркменских делегаций, которые прибывали в Астрахань в первой четверти XIX в. «Означенные депутаты,—говорится о делегации туркмен Мангышлака 1813 г.,—есть беднейшее состояние и не имеют никаких средств снискать себе пропитание»[4]. Реестры-переписи, производившиеся в первой половине XIX в. среди астраханских туркмен, характеризуют большую часть из них как людей «бедного состояния»[5].

В 1819 г. главнокомандующий русскими войсками в Грузии генерал Ермолов отправил экспедицию к туркменским берегам Каспийского моря. Во главе ее стоял майор Пономарев и капитан Н. Муравьев. Касаясь целей этой экспедиции, Муравьев писал: «Намерение господина главнокомандующего было устроить на тех берегах пристань, в которой купеческие суда наши могли бы лежать спокойно на якоре и безопасно складывать товары свои; почему и предполагал устроить для сего небольшую крепость»[6].

Туркмены-иомуты охотно согласились на устройство пристани, причем глава прибрежных туркмен Кият-хан со своими приближенными всячески помогал участникам экспедиции. «Туркмены ямудского поколения в 40000 кибиток, располагавшиеся на пространстве от Серебряного бугра до Балханского

---

[1] Госуд. архив Астраханской обл., ф. 1, оп. 3, д. 147, лл. 1—1 об., 17—18 об; ф. 2, оп. 2, д. 165, лл. 23—25; Госуд. архив Чкаловской обл., ф. 6, оп. 10, д. 3803, лл. 19—40.

[2] Госуд. архив Астраханской обл., ф. 2, оп. 2, д. 165, лл. 23—25; Ф. А. Бюллер. Трухменцы. ЦГАДА, ф. 186, д. 26, л. 2 а.

[3] Госуд. архив Астраханской обл., ф. 1, оп. 3, д. 147, л. 6.

[4] Там же, лл. 17—18 об.

[5] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 165, лл. 163—188.

[6] Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, М., 1822, ч.1, стр.1.

залива, не только не оказали экспедиции никаких препятствий, но все они... просили убедительно о принятии их в подданство России и назначили от себя Кият-бека для нахождения при майоре Пономареве во время экспедиции»[1].

История русско-туркменских отношений в течение всей первой половины XIX в. тесно связана с именем Кият-хана и его сыновей. Своеобразие жизненного пути Кият-хана и роль, сыгранная им в истории русско-туркменских отношений заслуживают того, чтобы привести здесь имеющиеся о нем биографические сведения. Он происходил из рода исен-кули-кёр отделения нурали племени иомутов-джафарбайцев и родился около 1756 г. в семье кузнеца Сам Кият-хан в молодости также был кузнецом, т. е. был, по выражению оренбургского и самарского генерал-губернатора Перовского, «сыном простолюдина». Тем не менее, он приобрел значительное влияние среди своих соплеменников. Именно этим можно объяснить, что еще в 1813 г. он в составе туркменской депутации ездил в Гюлистанский лагерь командующего русскими войсками на Кавказе генерала Ртищева.

Кият-хан (по Н. Муравьеву).

Перовский пишет, что Кият-хан подговорил некоторых туркмен бежать от своих старшин и поселиться на Челекене. Здесь он был избран старшиною нового поселения, изучил русский язык, бывал в Астрахани, оказывал помощь русским экспедициям на восточном побережье Каспийского моря, в частности, как уже отмечалось выше, экспедиции Муравьева.

Во время русско-персидской войны 1826—1828 гг. Кият-хан, по указанию царского командования совершил во главе иомутского отряда целый ряд походов чуть ли не до Тегерана[2]. «В прошлую, последнюю 1826—

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, 1857, д. 18549, л. 16.

[2] Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю. ЗИРГО, по общей географии, кн. X, СПб., 1883, стр. 257.

1828 гг. русско-персидскую войну, — писал Кият-хан Николаю I, — я с подвластными мне туркменами юмуцкого племени действовал вооруженной рукою противу ненавистного нам издревле персидской державы, по воззванию военной начальства за Россию»[1] Благодаря сближению с царскими властями он упрочил свое положение и влияние среди туркмен.

Торговые связи Кият-хана с Россией, несомненно, повлияли на его политическую ориентацию. Но дело не только в этом. С Персией туркмены торговали не меньше, чем с русскими купцами и рыбопромышленниками. Тем не менее, Кият-хан не только не ориентировался на Персию, но даже отказался от присвоенного ему шахом ханского титула и утверждения в правах главы всех прикаспийских туркмен, ибо Кият-хану нужны были не феодальные титулы, а гарантия сохранения за ним его владений от притязаний хивинских и персидских феодалов, и таких же «предприимчивых» туркмен, как он сам. Эту гарантию могла дать только сильная государственная власть царского самодержавия, и именно к ней Кият-хан обращался с неоднократными ходатайствами о принятии в русское подданство. Интересно отметить, что Кият-хан, чтобы закрепить за собой Челекен, предлагал русскому правительству ввиде «подарка» район Серебряного бугра. Подобные надежды на помощь русского царизма в укреплении своего положения и феодальной власти над соплеменниками разделяла значительная часть туркменской знати.

Русский дипломат Родофиникин писал о Кият-хане: «России он по наружности кажется совершенно преданным и неоднократно являл это на самом опыте, себя и своих считает как бы русскими подданными, до того, что детей своих пожелал воспитывать в Тифлисе, где они и находятся»[2]. Кият-хан был последовательным сторонником присоединения Туркменистана к России и возглавлял «русскую партию» среди прикаспийских туркмен. Держась независимо по отношению к Хиве и явно враждебно к каджарам, он всеми силами стремился к укреплению связей с Россией, содействовал царским властям в укреплении русского влияния на восточных берегах Каспия в 20—40-х годах XIX в.

Для характеристики отношения Кият-хана к русским интересно свидетельство, выданное ему штурманом потерпевшей кораблекрушение шхуны «Св. Иоанн» В. Барановым. В этом документе рассказывается, что Кият-хан, узнав о несчастьи,

---

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 929, л. 43—53., Ср. ЦГАДА, ф. 21, разряд XXI, д.6, л.348.

[2] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 387, лл. 1—2.

случившемся с русским парусником в районе южнее Карабугаза не только принял меры для спасения пострадавших моряков, но и содержал спасенных свыше полугода, вылечил тяжело заболевшего Баранова и затем отправил его вместе с товарищами в Баку[1]. Отметим кстати, что описанный случай в истории русско-туркменских отношений далеко не единственный, равно как и то, что Кият-хан не единственный человек, оказывавший помощь русским. Очень показательна в этом отношении деятельность одного из крупнейших предводителей човдуров Нурмухамед Махтум-бека Дурды Ишанова, о котором архивные документы сообщают, что он выкупил двух русских из плена и «обещал свободу при первом случае, утешая их, обращался с ними кротко»[2]. Известно также, что этот туркменский старшина несколькими годами раньше выкупил «у разбойников 3 русских и дал им свободу без всякого возмездия, в прошлом году (т. е. в 1838 — *ред.*) купил еще 2 (уроженцев села Житного, в устье Волги), одного за 50, а другого за 40 червонцев и тогда же объявил им, что выторговал их с тем, чтобы при первом случае возвратить их к семействам»[3].

Русской экспедицией Нурмухамед был взят в Астрахань, чтобы, как отмечал начальник экспедиции капитан-лейтенант Бодиско, представить его астраханскому военному губернатору. «В продолжении карантина, который мы выдерживали у Бирючей косы на транспорте «Кура», —пишет тот же автор, —мы были свидетелями трогательной сцены признательности бывших пленных ишана (т. е. Нурмухамеда — *ред.*), заботливости их об его участи, одежде, пище его и неотступные просьбы их поскорее и в подробности обяснить астраханскому военному губернатору, что он был настоящим для них отцом во время их бедствия», т. е. в период плена[4].

Вернемся, однако, к русским экспедициям на восточное побережье Каспия. Одной из них, как было отмечено, была экспедиция капитана Муравьева в 1819 г., во время которой Муравьев собрал обширные исторические, географические и этнографические материалы не только о прибрежных туркменах, но и о всем Закаспии и Хивинском ханстве[5].

В сентябре 1825 г. профессор Казанского университета Э. И. Эйхвальд с целью научных изысканий посетил берега Красноводского и Балханского заливов и остров Челекен. В последнем, по словам Эйхвальда, было около 180 кибиток од-

---

[1] Архив б. МИД, 1—9, 1837—1843, д.12, лл.53—54.
[2] ЦГАВМФ, ф.410, оп.1, д.825, лл.37—48 об.
[3] Там же.
[4] Там же, лл. 1—2.
[5] Записки Н. Н. Муравьева-Карского, «Русский архив», кн.3, 1886, стр.470.

ного из туркменских племен, во главе которого стоял Кият-ага, принявший русское подданство[1].

В 1830 г. русское командование послало из Тифлиса в Туркмению, к иомутам, есаула Лалаева с поручением узнать через Кият-хана и других туркменских старшин, «в каком отношении находятся и каково расположены туркмены к Персии, Хиве и России». Возвратившись, Лалаев донес, что по прибытии на Челекен он побывал в ауле, состоящем из 30 кибиток родственников Кият-хана, а оттуда поехал в сопровождении самого Кият-хана обследовать берег до Астрабада. Далее Лалаев сообщает, что «туркмены весьма преданы России и предпочитают ее прочим государствам», что все их «поколения в политическом отношении согласны между собой»[2].

В 1832 и 1836 гг. русским правительством были снаряжены две экспедиции под начальством Г. С. Карелина[3], одна для осмотра северо-восточного берега Каспийского моря и выбора места для постройки новой крепости, вторая—к юго-восточному берегу Каспийского моря. Официально вторая экспедиция Карелина именовалась «торгово-ученой», так как она занималась сбором исторических, географических и этнографических материалов; однако в основе этого предприятия лежали военно-политические соображения—желание русского правительства противодействовать агрессивной политике Англии, которая становилась все более активной в Персии и особенно в Герате. Британская агентура деятельно орудовала в Кабуле, Бухаре, Хиве, проводя антирусскую кампанию и подготавливая почву для наступательного движения из Индии в сторону Средней Азии и Каспийского моря.

---

[1] Л. С. Берг. История исследования Туркмении. Туркмения, т. I, Л., 1929, стр. 96—97.

[2] И. Ф. Бларамберг. Указ. соч., стр. 103—104; см. также архив б. МИД, 1—9, 1836—1856, д. 2, л. 26, а также ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18549, л. 21.

[3] Григорий Силыч Карелин родился в 1801 г., умер в 1872 г. в Гурьеве. По окончании кадетского корпуса был зачислен в канцелярию Аракчеева; но за эпиграмму на своего патрона был сослан в Оренбург. Здесь Карелин увлекся естествознанием и совершил поездки по разным местам Киргизской степи, Башкирии, побережью Каспийского моря, был на Алтае, Зайсане, Тарбагатае и в Джунгарском Алатау. В 1852 г. Карелин переехал в Гурьев, где прожил безвыездно двадцать лет, занимался зоологическими исследованиями. Пожар, случившийся в квартире, незадолго до его смерти, истребил его многочисленные рукописи. Карелин был превосходным натуралистом. Он опубликовал ряд ценнейших трудов по ботанике (а также по зоологии), значительно большая часть его произведений погибла во время пожара. К счастью, рукопись о его путешествии к берегам Туркмении сохранилась. Этот труд был напечатан в 1883 г. и является одним из серьезных источников для изучения Туркмении первой половины XIX в. (См. ЗИРГО, т. X, 1883, Путешествие по Каспийскому морю Г. С. Карелина). См. Л. С. Берг. История исследования Туркмении. В кн. Туркмения, т. I, изд. АН СССР, Л., 1929, стр.98—99.

Результаты экспедиций Карелина были весьма значительными. Карелин, а также Бларамберг (начальник штаба экспедиции) представили подробное описание восточных берегов Каспийского моря, собрали весьма ценные и подробные географические и этнографические сведения о Туркмении, описали быт, нравы, обычаи туркмен, главным образом туркмен-иомутов; описали Астрабадский залив и караванные пути от восточного берега Каспийского моря в Хиву и из Астрабада в страны Центральной Азии. Особенно интересны собранные ими сведения об экономической жизни и, в частности, о торговле и ремесле прибрежных туркмен, о взаимоотношениях туркменских племен между собой, об отношении их к России и другим соседним государствам.

Во время своей экспедиции Карелин был радушно принят прибрежными туркменами. От имени 40 тыс. кибиток прибрежных туркмен Кият-хан в ауле Гасан-Кули вел длительные переговоры с Карелиным о присоединении прибрежных туркмен к России. Во время одного из этих переговоров 15 июля 1836 г. Кият-хан, как сообщает Карелин, «скорбел, видя разделение туркмен и угрожающую иомудскому народу опасность от двух сильных врагов: Персии и Хивы. Предвидел, что иомуды не минуют подпасть под власть того или другого государства и, разбирая последствия в обеих случаях, предчувствовал раздробление и гибель родного племени». Далее Кият-хан заявил Карелину, что туркмены поняли свое опасное положение и «*единодушно обратили мысли свои к России, твердо надеясь на бескорыстное ее покровительство* ...»[1].

Когда в селении Гасан-Кули происходило собрание представителей от 40 тыс. кибиток прибрежных иомутов, то духовный их глава Мамед Таган в свою очередь заявил, что «*одна Россия покровительством своим может спасти народ, а себе добрых слуг и воинов приобрести*»[2].

Собрание прибрежных туркмен закончилось вручением Карелину прошения на имя русского правительства от 160-тысячного населения о принятии его «под высокое покровительство России»[3]. Характерно, что в этих событиях принимали участие и женщины-туркменки[4].

Из приведенных фактов следует, что движение за присоединение Туркменистана к России отражало интересы всех прикаспийских туркмен. Достаточно в подтверждение этого вспомнить факт прибытия в 1812 г. в Астрахань представителей другого крупного туркменского племени—човдуров с заяв-

---

[1] Г. С. Карелин. Путешествие по Каспийскому морю. ЗИРГО, по общей географии, т. X, 1883, стр. 281 (*Курсив ред.*).
[2] Там же, стр. 290 (*Курсив ред.*).
[3] Там же, стр. 302.
[4] Там же.

Туркменка (по Н. Н. Муравьеву).

лением о желании 2300 их семей принять русское подданство и переселиться в Россию. Эти представители осмотрели отведенные им по распоряжению русского правительства места для кочевания. Решено было, как только туркмены «от Мангышлака придут и расположатся на показанных им местах, тогда и депутатов их к высочайшему двору отправить»[1].

В мае 1812 г. командующему Каспийской флотилией было приказано подготовить суда для перевозки човдуров на русский берег Каспия. Однако пока шли эти приготовления «означенные депутаты,—как доносил Ртищев в Петербург в начале 1813 г.,—возвратясь в Астрахань, ему объявили, что не только все туркмены того рода к переселению готовы, но, что присоединились к ним еще 3600 семей родов Кохдаглыева, Индырова и Иогфриева, так что всех составилось 5900 семей».

Не имея возможности перевезти такое количество людей сразу, власть приказала Ртищеву перевезти на военных судах 2300 семей из рода човдуров; остальные 3600 семей из других родов предполагалось перевезти позже[2]. Оставшаяся часть човдуров обратилась в 1824 г. к астраханскому генерал-губернатору с просьбой о переселении их в пределы русского государства[3].

Тяготение туркмен к России продолжало расти из года в год. Посетив в 1835 г. туркменский берег, командир брига «Мияна» капитан Усаченко доносил военному министру, что двое старшин туркменских родов, кочующих за Меловым углом к заливу Александр-бай в числе 5500 кибиток, пришли к нему и объявили, что они с 1807 г. находятся под покровительством России. «Сии два старшины обещались через две недели непременно приехать ко мне с открытой просьбой от всех старшин и народа о принятии их в подданство России и об защищении их от прочих кочующих народов» Закаспия. Для того, «чтобы показать привязанность свою к нашему правительству на самом деле, старшины и народ готовы теперь уже утвердить то клятвою и выдать аманатов из среды своего народа, что если (бы они) узнали, что кайсаки (казахи—*ред.*) и другие народы готовятся выехать на грабеж на наших рыбопромышленников, то они тотчас дадут знать ближайшему военному судну»[4].

Нетрудно в этом видеть стремление туркмен привлечь к себе русских рыбопромышленников и купцов. Особенно наглядно это видно из клятвенного обещания шести старшин туркмен-джафарбайцев «навсегда не только не делать

---

[1] ЦГАВМФ, ф. 166, д. 3911, лл. 3—3 об.
[2] Там же, д. 3912, лл. 1—2.
[3] Госуд. архив Астраханской обл., ф. 1, оп. 5, д. 150, л. 4.
[4] ЦГАВМФ, ф. 205, д. 2008, лл. 3—4 об.

русским купцам и подданным, плавающим по морю, никаких насилий и притеснений, а, напротив, по возможности оказывать им всякое уважение»[1]. Эти факты ясно говорят о том, что тяготение туркмен к России имело не только политическую, но и экономическую подоплеку.

Политические симпатии туркмен к России были во многом обусловлены потребностями их экономики и хозяйства. Туркменские племена нуждались не только в хлебе, но и в промышленных, а также текстильных изделиях. По словам Карелина, туркмены Прикаспия не имели в достаточном количестве даже «самых грубых, тяжеловесных товаров»[2]. В Туркменистане первой половины XIX в. нехватало чугуна, стали, железа, меди, ситца сукна и других изделий[3]. Острая нужда в промышленных, текстильных и иных товарах не могла быть удовлетворена за счет внешней торговли, которая, несмотря на некоторые сдвиги, была в общем еще слабо развита. Из Туркменистана первой половины XIX в. вывозились главным образом прекрасные верховые лошади, икра, клей, кожи и шерсть[4]. Добывавшаяся на о. Челекене нефть, озокерит, а также соль, продавались в Астрабаде и Мазандеране.

Основной формой торговли все еще оставался примитивный натуральный обмен[5].

Туркмены (особенно прикаспийские) не всегда имели возможность приобрести на рынках Хивы и Ирана даже предметы самой первой необходимости и сбыть собственную продукцию.

Почти непрерывные нападения со стороны хивинских и иранских феодалов тяжело отражались на экономике туркменского народа. Так, в 50-х годах XIX в. в результате обострения отношений между иомутами, с одной стороны, и хивинским, а также каджарским правительством — с другой, иомутам был закрыт доступ на рынки Хивы и Ирана и запрещена продажа им хлеба и зерна. Эти мероприятия, преследовавшие своей целью оказание нажима на прибрежных туркмен, вызвали голод среди иомутов и части соседних с ними племен[6]. Подобные случаи были, конечно, не единичными. Именно поэтому туркменские племена стремятся еще больше упрочить свои торгово-экономические связи с Рос-

---

[1] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 291—292.
[2] ЦГАДА, ф. 21, д. 6, ч. I, л. 59.
[3] Там же.
[4] ЦГАВМФ, ф. 21, д. 6, ч. I, л. 59.
[5] Госуд. архив Астраханской обл., ф. 2, оп. 1, д. 811, лл. 8—13; ф. 822, оп. 1, д. 97, л. 115 и об., л. 249.
[6] ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 292, лл. 43—53.

сией, видя в этом одно из наиболее радикальных средств для избавления от произвола соседних феодальных деспотий. «Туркмены,—писал Карелин в своем докладе на имя русского царя, — ищут покровительства России, испрашивая единственно постоянной торговли, как средства выйти из под неизбежного влияния Хивы и Персии»[1].

Первая половина XIX столетия характеризуется усилением роли русских купцов и промышленников на восточных (туркменских) берегах Каспийского моря. Русские, главным образом астраханские купцы, постепенно вытесняют отсюда иранских торговцев и рыбопромышленников. В этом им активную помощь оказывают прибрежные туркменские племена, особенно иомуты-джафарбайцы, признававшие власть Кият-хана.

В конце 1834 г. астраханский купец Александр Герасимов предпринял поездку в прикаспийские районы Туркмении, где через посредство Кият-хана «вступил в самое тесное дружественное сношение с туркменами, заключил с ними промышленный договор, по силе которого туркмены отдали ему воду, заключающуюся между Черной речкой или южным рукавом реки Гюргена и Белым Бугром, лежащим 18-ю верстами севернее реки Атрека, с обязательством ловить для него рыбу и приготовлять клей и икру»[2].

На таких же льготных для Герасимова условиях туркмены-иомуты заключили с ним в 1836 г. контракт на испсльзование природных богатств о. Огурчинского[3].

В 1836 г. селения челекенских туркмен были разграблены каджарскими войсками. Разоренное туркменское население обратилось к русскому главнокомандующему на Кавказе с просьбой помочь продовольствием. Русские власти оказали серьезную помощь разоренным туркменам, прислав им шесть тысяч пудов муки из Астрахани[4].

Агенты каджарского правительства и английских колониальных властей, стремясь помешать сближению туркмен с Россией, подкупили губернатора Астрахани, который стал всячески препятствовать развитию русско-туркменских торговых связей, покровительствуя в то же время персидским купцам. Жалуясь на него русскому правительству, туркмены писали, что губернатор хотел «охладить желание наше быть и впредь полезными России, чего, однакож, никакими средствами, сколько оне неприятны были бы, *ничто не может*

---

[1] ЦГАДА, ф. 21, д. 6, ч. II, л. 70 об.
[2] Архив б. МИД, 1—9, 1836 г., д. 8, л. 1.
[3] ЦГАДА, ф. 21, оп. 6, ч. I, л. 60 об.
[4] Архив б. МИД, 1—9, 1837—1843 гг., д. 12, л 19.

уничтожить той сердечной приверженности, какую чувствуем мы к русскому народу»[1].

Опасаясь роста влияния России среди прибрежных туркмен, астрабадские власти подкупили родовую знать туркмен-огурджали, которые по их указанию стали совершать нападения на русских купцов и торговцев. Несмотря, однако, на эти происки каджарского правительства и английской буржуазии, боявшейся утверждения России в Туркменистане, торговые связи туркмен с Россией продолжали расти и развиваться. В 1839 г. в залив Мертвый-Култук прибыло судно русского купца Эриванцова «для испытания в здешнем крае торговли и открытия ярмарки»[2].

В 1840 г. было учреждено постоянное русское крейсерство у персидских и туркменских берегов Каспийского моря. Официально это мотивировалось необходимостью установления контроля над действиями русских рыбопромышленников, на которых неоднократно жаловались персидские власти. На самом же деле задачи крейсерства были значительно шире. Речь шла об установлении русского военно-морского контроля в южной части Каспийского моря, причем в сферу его входили не только русские, но и туркменские берега. Вскоре вслед за крейсерством была учреждена русская военно-морская база на о. Ашур-Ада, что было вызвано усилившимися провокациями английских агентов в Персии и Средней Азии.

В 1859 г. была организована экспедиция на восточный берег Каспия под начальством полковника генерального штаба Дандевилля с целью «исследования побережья и народа» Закаспия[3]. Дандевилль избрал Красноводск местом для сооружения русского укрепления.

Русско-туркменские экономические, культурные и политические связи продолжали укрепляться и расширяться, охватывая новые группы туркменского населения.

К середине прошлого столетия около 115 тыс. прикаспийских туркмен—иомутов, човдуров, игдыров и абдалов, объединенных более чем в 23 тыс. кибиток (хозяйств), добровольно приняли подданство России.

Заслуживает внимания прошение одного из русских чиновников об открытии школ для обучения туркменских детей русскому языку. В этом прошении русскому правительству, датированном 20 июля 1857 г., говорится: «Желая всеми моими средствами служить к пользам и выгодам моего отечества, я прошу покорнейше Ваше высокоблагородие довести до сведения высшего правительства намерение мое завести

---

[1] Архив б. МИД, 1—9, 1837—1843 гг., д. 12, лл. 48—49 *(Курсив ред.)*.
[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 929, л. 43—53.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18549, лл. 27—28.

на свой собственный счет школу обучения детей туркмен русскому и разным восточным языкам для сближения их с нами, обязываюсь выстроить школу, где будет указано, и содержать ее, считая также и жалование учителям, в течение 10 лет без всякого возмездия, из одного желания пользы нашей торговли с азиатскими народами»[1].

Таким образом, присоединение Туркменистана к России было подготовлено развитием его экономических, культурных и политических связей с Россией и отвечало чаяниям и интересам широких народных масс Туркменистана, перспективам его исторического развития. Касаясь роли России в исторических судьбах народов Востока, Ф. Энгельс подчеркивал: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[2].

---

[1] ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 292.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

ГЛАВА VII

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТУРКМЕНИСТАНА К РОССИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

1. Присоединение Туркменистана к Российской империи

Присоединение Туркменистана к Российской империи происходило в 1868—1885 гг. В эти годы политическая обстановка в Туркменистане и в соседних с ним странах Востока определялась резким обострением противоречий между царской Россией и Англией. При завоевании среднеазиатских ханств Бухары, Хивы и Коканда в 1860—1870-х годах и при последующем продвижении вглубь Туркменистана царизм столкнулся со встречной агрессией английских колонизаторов. Возникла угроза войны между Англией и Россией, наиболее остро проявившаяся в 1885 г.

Экспансия царской России в Среднюю Азию, особенно усилившаяся в 1860-х годах, в значительной мере была вызвана тем, что в России после отмены крепостного права стал быстро развиваться капитализм, несмотря на остатки крепостничества, сильно тормозившие это развитие. Пережитки крепостничества выражались в сохранении самодержавной монархии, крупного помещичьего землевладения, докапиталистических форм эксплуатации крестьян, привилегий дворянского сословия, угнетения и бесправия многочисленных нерусских народностей России.

Эти пережитки мешали росту внутреннего рынка, задерживали развитие капитализма в сельском хозяйстве. В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» отмечал:

«...Процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»[1].

Далее, касаясь того, что колонизация окраин получила громадный толчок в послереформенный период, В. И. Ленин в своей работе «Еще к вопросу о теории реализации» писал: «Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»[2].

Именно эта тенденция развития русского капитализма вширь явилась одним из важнейших факторов, которые обусловили активизацию колониальной политики царизма в послереформенный период. Идя на завоевание Средней Азии, русские помещики-крепостники и царское правительство надеялись найти пути к ослаблению противоречия между развивавшимся в России капитализмом и все еще сильной и не желавшей сдавать своих позиций средневековой системой землевладения в центре страны[3].

После реформы 1861 г., проведенной к выгоде помещиков, царское правительство способствовало своей политикой усилению процесса дальнейшего обезземеливания крестьян. В России росло недовольство обобранных реформой широких слоев крестьянства и назревало мощное аграрное движение. Царизм стремился ослабить его, в частности, путем переселения части русского крестьянства на окраины страны. В связи с этим и Средняя Азия рассматривалась царскими властями с самого начала ее завоевания так же, как новая область, в которую возможно будет организовать переселение крестьян из центральных губерний. Как отмечал В. И. Ленин, именно благодаря возможности находить на колониальных окраинах рынок для сбыта товаров русским фабрикантам и новые земли для переселения крестьян, в пореформенной России существовали условия для временного сохранения крепостнических пережитков в русской деревне.

Таким образом, колониальная политика, проводившаяся царским правительством в Средней Азии, в частности и в Туркменистане, выражала общие интересы господствовавшего в России класса помещиков. К тому же многие русские поме-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 522.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 76.
[3] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522, примечание.

щики-крепостники, составлявшие привилегированную верхушку царской армии и чиновничества, были и непосредственно заинтересованы в колониальных завоеваниях, которые сулили им быстрое продвижение по служебной лестнице и новые чины и должности со связанными с ними всякого рода материальными выгодами.

Завоевательная политика царского правительства в Средней Азии выражала также и интересы растущей российской буржуазии. Для российских фабрикантов и купцов завоевание Средней Азии сулило полное овладение новым, довольно крупным рынком сбыта товаров растущей промышленности. Однако российский капитал настойчиво стремился «открыть» для себя Среднюю Азию также и потому, что видел в ней обладающую большими перспективами развития сырьевую базу для получения хлопка, который русские фабриканты ввозили из-за границы, главным образом из Северной Америки. Гражданская война в Соединенных Штатах вызвала резкое сокращение ввоза хлопка из-за океана. В результате этого текстильная промышленность России вынуждена была сворачиваться. Так, если в 1860 г. в ней насчитывалось 57 работавших предприятий, то через три года, в 1863 г., их число сократилось до 35, при уменьшении количества работающих ткацких станков почти вдвое[1]. В стремлении найти новые источники сырья для текстильной промышленности России заключается одна из важнейших непосредственных причин, вызывавших активизацию колониальной политики царизма в Средней Азии и перехода его к завоеванию среднеазиатских ханств в 1860—1870 гг., а затем и к продвижению вглубь Туркменистана.

В это время и внешнеполитические соображения побуждали царизм торопиться с завоеваниями в Средней Азии. После неудачной Крымской войны (1853—1856 гг.) позиции России на Востоке сильно пошатнулись. Лишившись временно возможности активных действий на Балканах и на Ближнем Востоке, т. е. в районах, с которыми были связаны основные интересы его восточной политики, царизм в 1860-х годах стремился усилить свои позиции за счет экспансии в Средней Азии. При этом, как и в последствии, когда Россия в 1870-х годах активно выступала на Балканах против султанской Турции, царское правительство было вынуждено считаться с международной обстановкой и опасностью вооруженного конфликта с Англией, однако старалось, не доводя дела до войны

---

[1] В. И. Масальский. Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее, СПб., 1892, стр. 110.

с нею, опередить английских агрессоров в Средней Азии. Именно ко времени присоединения Туркменистана к России относится наибольшая активизация захватнических устремлений английских колонизаторов в Афганистане и в Средней Азии

Английская экономическая экспансия в Среднюю Азию в середине XIX в. осуществлялась, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «...одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря»[1]. Установив свое господство в Индии и опираясь на ее богатейшие ресурсы, английские колонизаторы перешли к агрессивным действиям против северных соседей Индии, с целью захватить афганские и среднеазиатские земли. Английские дипломатические, военные и торговые агенты все чаще стали появляться в Кабуле, Бухаре, у истоков Аму-Дарьи и в Хиве.

Несмотря на неудачу попытки английского правительства в конце 1830 — начале 1840-х годов покорить Афганистан, где против завоевателей поднялся на войну народ и их войска были разбиты, английские промышленные товары стали все шире проникать в Афганистан и Среднюю Азию. Во многих случаях эти товары успешно конкурировали с русскими, подрывая старую торговлю России со Средней Азией и сопредельными с нею странами Востока. Еще в начале 50-х годов XIX в. Маркс и Энгельс писали: «До 1840 г. русские обладали почти исключительной монополией на торговлю иностранными продуктами в этой области. Русские товары проникли до Инда и в некоторых местах даже пользовались предпочтением перед английскими. Можно смело утверждать, что до Афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе... Торговое поле сражения между Россией и Англией перенесено с Инда к Трапезунду, и русская торговля, которая раньше доходила на Востоке до границы английских владений, теперь ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной области»[2].

В 1857—1859 гг. в Индии произошло большое восстание против английского господства, которое было начато сипайскими полками англо-индийской армии, но приобрело общенациональный характер. С трудом подавив это восстание, британские колонизаторы были заняты укреплением своего пошатнувшегося положения в Индии и перестройкой англо-индийской армии. В связи с этим они вынуждены были временно отложить осуществление планов экспансии в сторону Афганистана и Средней Азии, перейдя к так называемой «политике закрытой границы» на северо-западе Индии. К концу 1860-х годов она сменилась «наступательной политикой». Про-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 383.
[2] Там же, стр. 383—384.

ведение тщательно подготовлявшейся в предшествующие годы агрессии было открыто провозглашено официальным курсом политики английского правительства. Военная подготовка англо-индийской армии к намеченным крупным операциям началась уже в середине 1860-х годов, причем в штабах разрабатывались планы большой войны не только в Афганистане, но и на территории Средней Азии. Это видно, в частности, из факта издания в конце 1860 — начале 1870-х годов разведывательным отделом английского штаба в Индии обширного военного справочника «Central Asia» в трех томах; первый содержал сведения о северо-западных границах Индии, второй — об Афганистане, а третий — о Средней Азии[1].

В то же время в английской печати и в парламенте развертывалась кампания по поводу мнимой «русской угрозы» Индии. Эта шумиха должна была прикрыть как бы дымовой завесой экспансию буржуазной Англии в Афганистане и ее агрессивные намерения в отношении Средней Азии, в том числе и Туркменистана.

Участники этой шумной кампании использовали созданную в Англии еще в первой половине XIX в. тенденциозную версию об англо-русском соперничестве на Востоке, объявлявшую агрессивной стороной одну только Россию. Англо-русское соперничество изображалось таким образом, будто Россия непрерывно надвигалась на Индию, захватывая, с целью вторгнуться в нее, одну область за другой, а Англия вела якобы лишь оборонительную политику, ограничиваясь «защитой» Индии и сохранением целостности Оттоманской империи, являвшейся как бы мостом из Европы в Индию[2]. Одним из наиболее активных сторонников такой версии в годы присоединения Туркменистана к России выступал Г. Роулинсон, ученый ориенталист и офицер английской колониальной армии, публицист и парламентский деятель. Этот рьяный апологет британского империализма уверял, что, закрепляясь на восточном побережье Каспийского моря и в Хиве, Россия стремится овладеть тем путем, «по которому победители Центральной Азии делали свои нашествия на равнины Индии»[3].

Подобных заявлений в то время в Англии делалось бесчисленное множество. Они были призваны, как отмечалось выше, послужить ширмой для захватнических устремлений в Среднюю Азию самих английских колонизаторов. В действи-

---

[1] Содержание этого справочника было засекречено, но сведения о самом факте его подготовки несколько позднее все же проникли в печать. См. The Geographical Magazine за апрель 1876 г., стр. 112—113.

[2] История дипломатии, т. II, М., 1945, стр. 26.

[3] Материалы для описания Хивинского похода 1873 г., Ташкент, 1881, стр. 3.

тельности же царское правительство, осуществляя завоевания в Средней Азии, рассчитывало, в частности, в результате продвижения к пограничному с Индией Афганистану, получить для своей дипломатии новое средство воздействия на Англию, возможность при случае припугнуть английское правительство угрозою с севера британскому владычеству в Индии. Однако основные интересы царской дипломатии в области восточной политики не менее чем прежде были связаны с Балканами и Турцией. Организация же завоевательных походов в Индию при существовавших тогда международных и внутренних условиях признавалась царизмом делом неосуществимым. Это понимали и многие из наиболее осведомленных и дальновидных английских политических деятелей и публицистов, которые, проповедуя противоположное, сами не верили в реальность военной угрозы британскому владычеству в Индии со стороны царской армии. Так, Г. Роулинсон в одном из своих докладов в 1873 г. признал, что «Россия пока еще далека от планов вторжения в Индию»[1].

В действительности британские эксплуататоры Индии вынуждены были серьезно считаться с другой, уже не мнимой, а совершенно реальной опасностью, угрожавшей потрясти их власть в этой великой стране и в известной мере усиливавшейся приближением границ России к соседним с Индией с северо-запада странам и областям. Угроза английскому господству над Индией назревала в самой Индии. К началу 1880-х годов относится вывод К. Маркса о возможности всеобщего восстания в этой стране. Он писал: «В *Индии* для британского правительства готовятся серьезные осложнения, если не всеобщее восстание»[2].

Напряженное положение в Индии заставило английские власти и печать, в течение многих лет убеждавших индийцев в существовании мнимой «русской угрозы» их стране, выступить в 1880-х годах с совершенно другими заверениями. Побывавший в эти годы в Индии выдающийся русский ученый и путешественник И. П. Минаев, отмечая, что индийцы поверили англичанам, которые «...так много и так давно толковали о возможности русского нашествия», подчеркивал: «Теперь англичане спохватились и, видя, какое обаяние сила России имеет для туземцев, стали твердить другое, они стараются уверить туземцев в том, что Россия слаба и бедна; снедаема внутренним недугом: нигилизмом»[3]. Так встревоженные ан-

---

[1] Л. Н. Соболев. Англо-афганская распря, СПб., 1885, стр. 158—160.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 113.

[3] И. П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880, 1885—1886, М., 1955, стр. 75.

глийские власти, изменив направление своей пропаганды в Индии, пытались в годы наибольшего обострения англо-русских противоречий использовать любые средства, в том числе и сообщения о происходившем тогда в России революционном движении. И. П. Минаев, который превосходно владел рядом индийских языков и общался с представителями самых различных этнических групп и социальных слоев населения Индии, с редкой объективностью отразил настроения индийцев в записях дневников своих путешествий по стране. В них имеется, в частности, много данных, свидетельствующих об интересе и сочувственном отношении к России и к русским среди индийцев, о надеждах, которые связывались с Россией представителями самых различных слоев населения Индии[1].

Свидетельства И. П. Минаева, подтверждаемые другими источниками и сообщениями некоторых других наиболее наблюдательных и хорошо знакомых с жизнью страны и народа путешественников, побывавших в Индии в 1870—1880-х годах, показывают, что в условиях нарастания всеобщего недовольства и возмущения британским владычеством даже само по себе приближение границ России к соседним с Индией странам и областям в известной мере усиливало угрозу открытых выступлений индийцев против английских властей.

И. П. Минаеву доводилось слышать даже такие высказывания индийцев по этому поводу: «...появление русских у пределов Афганистана может иметь решающее влияние на судьбы английского владычества в Индии...»[2].

Непрочность положения британских колонизаторов в Индии была одной из важнейших причин, заставлявших английское правительство опасаться развязывания большой войны с царской Россией за преобладание на Востоке, в частности из-за Средней Азии. Во всяком случае английское правительство скорее было готово пойти на риск вооруженного конфликта с Россией из-за Балкан, в случае чего Англия могла рассчитывать на Турцию и Австро-Венгрию. А развязав войну в Средней Азии, Англия одна стояла бы лицом к лицу с Россией[3]. Британские генералы сознавали, что в случае возникновения войны в Средней Азии их сухопутным войскам трудно будет что-либо противопоставить мужеству русского солдата. Индийских же солдат своей колониальной армии британские генералы никак не могли считать «надежными», напряженное положение в Индии сильно затрудняло осуществление агрес-

---

[1] И. П. Минаев. Указ. соч., стр. 58, 71, 72, 75, 80, 87, 267—268 и др.

[2] Там же, стр. 94.

[3] История дипломатии, т. II, М., 1945, стр. 26.

сивных планов Англии в отношении Средней Азии. Положение в Афганистане отнюдь не давало английским дипломатам и генералам уверенности в том, какую позицию эта страна займет в случае англо-русской войны. Непрочность английского влияния на севере Ирана, отсутствие для него почвы в Средней Азии и, наконец, растущее русское влияние среди ее народов, в том числе среди туркменского народа, — все это ограничивало английских колонизаторов в их планах военной агрессии в отношении Средней Азии. Но английские генералы продолжали считать Афганистан своей непременной добычей, а за Среднюю Азию английская дипломатия вела активную борьбу с царской дипломатией. В 1869 г. в Россию прибыл представитель англо-индийской администрации Д. Форсайт, которому было поручено добиться у русского правительства согласия на создание между зонами русского и английского влияния барьера в виде «нейтральной зоны». Об этом же велись переговоры в Лондоне между английским министром иностранных дел и русским послом. Нейтральным поясом царское правительство предложило признать Афганистан. Английский представитель потребовал «значительно расширить пределы означенной территории на север». Этим он пытался добиться у России обязательств не распространять своего влияния на туркменские территории и на значительную часть Бухарского эмирата, чтобы таким путем оставить эти территории «свободными» для их последующего захвата Англией[1]. Но русское правительство отвергло претензии английской дипломатии в отношении Средней Азии и, в частности, Туркменистана.

Однако по заключенному между царской Россией и Англией в 1873 г. соглашению о «нейтральной зоне» весь Афганистан оказывался в «сфере непосредственного влияния» Англии. Позиции английских колонизаторов в Афганистане значительно укрепились. Деятельность английских агентов в Средней Азии стала усиливаться изо дня в день. Сразу же после заключения этого соглашения английским правительством была направлена в Южный Туркменистан группа агентов, в числе которых был полковник Бекер, капитан Клейтон и лейтенант Джилл. Они разъезжали по туркменским землям Астрабада и Хорасана, ведя здесь антирусскую деятельность. Полковник Бекер пытался даже пробраться в Мерв и установить связь с предводителем текинцев этого района Коушут-ханом, но получил отказ. Известны также многие другие факты деятельности английской разведки в Туркмении, имевшей целью воспрепятствовать быстрому росту русского влияния среди туркмен.

---

[1] «Афганское разграничение», изд. МИД, СПб., 1886, стр. 3—4.

Английские империалисты использовали для антирусской деятельности в Средней Азии персидских и особенно турецких панисламистов. Донося об отправке из Турции в Бухару некоего Суави-Эфенди, русский посол в Константинополе Игнатьев отмечал, что этому агенту поручено информировать английское правительство о положении дел в Средней Азии, а также вести там враждебную России пропаганду[1]. В другом донесении Игнатьева сообщается о том, что турецкие власти обрабатывают бухарского посланника Мирахура, чтобы использовать его для панисламистской пропаганды. Указывая, что цель всех провокаций заключается в том, чтобы «приучить бухарских фанатиков к излияниям здешней мусульманской и западной печати», Игнатьев отмечал, что турецкие, равно как и английские агенты, надеются мало-помалу возбудить враждебные к русским чувства в Средней Азии, «пользуясь местным неудовольствием»[2]. Еще через некоторое время Игнатьев доносил, что «турецкие и английские агенты ведут усиленную обработку представителей среднеазиатских ханств в Турции: собираясь у бывшего министра просвещения (Ахмед Вефика—*ред.*) якобы для—«культурного общения», они на самом деле занимаются всем, что относится к Средней Азии. А так как известно, что политические взгляды Ахмед Вефика проникнуты симпатией к Англии, то можно легко разгадать в каком смысле обсуждаются интересы Средней Азии на этих собраниях». Здесь, указывается далее в донесении, «пытаются убедить мусульман, что Великобритания истинная защитница исламизма»[3].

Большую активность, особенно усилившуюся после покорения царской Россией Хивинского ханства, английские агенты проявляли, как уже отмечалось выше, в туркменских землях. Учитывая прославленную храбрость туркменских воинов и географические условия Туркменистана, английские генералы и дипломаты старались поднять туркменские племена на вооруженную борьбу с царскими войсками, надеясь разжечь пламя большой войны в пустыне и поставить своего соперника—царскую Россию—перед всеми трудностями такой войны. Однако деятельность английских колонизаторов и использовавшихся ими турецких, персидских и других феодальных правителей. дипломатов и агентов не дала тех результатов, на которые они надеялись. Она не могла остановить подготовленного историей русско-туркменских отношений движения значительной части туркменского народа за присоединение к России, и населе-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6810, л. 6.
[2] Там же, д. 6853, л. 15.
[3] Там же, л. 84.

ние многих частей Туркменистана приняло русское подданство мирным путем. Но эта деятельность являлась одной из причин, осложнявших процесс присоединения Туркменистана к России и стоила туркменскому народу немалых жертв.

* * *

Ко времени присоединения Туркменистана к России в пределах владений бухарского эмира и хивинского хана имелись туркменские районы с населением, составлявшим по своей численности около половины всего туркменского народа.

После завоевания царской Россией Бухарского и Хивинского ханств жители входивших в их состав туркменских районов по-прежнему оставались подданными правителей этих феодальных государств, ставших вассалами русского царя.

Среднеазиатские ханства, в которых господствовал феодальный строй, не смогли оказать серьезного сопротивления царской России, вступившей на путь капиталистического развития и являвшейся одной из сильнейших европейских держав. Вооруженные старинными медными пушками, кремневыми ружьями и холодным оружием войска феодальных правителей Средней Азии не могли противостоять несравненно лучше вооруженным, дисциплинированным и обученным русским войскам. Среднеазиатские ханства были легко завоеваны царской Россией. В этом сказалась, прежде всего, их хозяйственная, политическая и военная отсталость и слабость, усугублявшаяся длительными междоусобными распрями, национальной рознью, родо-племенной враждой, косностью прогнившей системы административного управления и организации военных сил.

Подвергавшиеся жестокой феодальной эксплуатации и насилиям со стороны властей, забитые и бесправные народные массы среднеазиатских ханств проявляли известную пассивность и равнодушие к происходившим событиям, а в ряде случаев видели в приходе русских войск избавление от невыносимого гнета ханов и других феодалов[1]. Наиболее активно против царского завоевания выступали феодальная аристократия и мусульманское духовенство, отстаивавшие свое привилегированное положение, земельные владения и доходы. Используя влияние идеологии ислама на народные массы, они пытались побудить народ к войне против царских войск под лозунгами «газавата», или священной войны за религию. Однако эти попытки не могли спасти среднеазиатские ханства от быстрого поражения.

---

[1] См. История Узбекской ССР, т. I, кн. вторая, Ташкент, 1956, стр. 98.

Бухарское ханство было подчинено царской Россией в результате похода 1868 г. Эмир Музаффар объявил «священную войну» и выступил из своей столицы навстречу царским войскам, собрав многочисленное, но очень плохо подготовленное к предстоявшим сражениям бухарское войско. Эмир взял с собой 36 пушек, но боеприпасы к ним, имевшиеся в Бухаре, не были доставлены к местам боев, ружейный порох оказался мокрым и почти совершенно не пригодным для стрельбы.

Завербованные эмирскими властями на «священную войну» жители Бухары были вооружены длинными палками[1]. Не только рядовые и горожане, но сам правитель и его сановники не имели представления о силе русских войск. Самонадеянный эмир воображал, что со своим многочисленным войском покорит все, вплоть до Петербурга, столицы русского императора[2].

Однако в мае—июне 1868 г. армия эмира потерпела полное поражение. Решающие бои происходили под Джизаком, Самаркандом и на Зербулакских высотах. Территорий туркменских районов Бухарского ханства эти военные действия не затронули.

23 июня 1868 г. между Россией и Бухарой был заключен мирный договор, согласно которому русские купцы получали в Бухаре ряд льгот, царское правительство приобретало право судоходства по Аму-Дарье и т. п. Один из пунктов договора предусматривал отмену рабства и торговли невольниками в ханстве. Занятая царскими войсками часть владений эмира отошла к России. Из нее был образован Зеравшанский округ в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Остальные территории ханства остались под управлением эмира Музаффара. Формально Бухарское государство продолжало считаться самостоятельным, но фактически бухарский эмир превращался в покорного вассала русского царя.

Царское правительство не пошло на ликвидацию власти феодальных правителей Бухары как из внешнеполитических, так и из внутренних политико-административных соображений. С одной стороны, царские дипломаты считались с позицией Англии и опасались вызвать усиление ее противодействия

---

[1] Созыв горожан Бухары на «священную войну» и поход эмира Музаффара описаны современником и очевидцем событий — таджикским ученым-литератором Ахмад-Махдум Донишем. См. А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. XXV; Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II, Сталинабад, 1954, стр. 6—8.

[2] См. Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, т. I, изд. 2, М., 1952, стр. 384.

политике царизма на Востоке и, в частности, в Средней Азии. С другой стороны, царские власти находили более удобным для себя оставить управление населением Бухарского ханства, исчислявшимся в несколько миллионов человек, в руках местного феодального правителя и его административного аппарата. В 1873 г. права царской России в отношении Бухары были расширены новым договором, дополнившим прежний. Бухара была теперь формально объявлена протекторатом России, эмиру запрещалось вести самостоятельные сношения с иностранными государствами.

Во время завоевания Бухарского ханства население входивших в него туркменских районов так же, как и большинство населения многих других частей ханства, не оказало активной поддержки эмиру Музаффару в войне против царских войск.

В 1885 г., когда границы царской России приблизились к туркменам с юга, ряд старшин племени эрсари обратился к царскому правительству с просьбою принять их в русское подданство, предпочитая его подданству бухарскому[1]. Просьбы эти, однако, были отклонены царскими властями, поддержавшими вассального России бухарского эмира и не желавшими в данном случае, как и в ряде других подобных случаях, ущемлять его интересы.

Подчинив Бухару и готовясь к завоеванию Хивы, царизм начал продвижение вглубь Туркменистана с побережья Каспийского моря, осуществлявшееся Кавказским военным округом. Пользуясь дружелюбным отношением прибрежных туркмен к русским, в ноябре 1869 г. на восточном берегу Каспийского моря высадился отряд полковника Столетова. К этому же времени относится основание города Красноводска, ставшего базой дальнейшего продвижения русских войск вглубь Туркменистана.

В 1869—1870 гг. отряд Столетова произвел рекогносцировку путей до Кизыл-Арвата, а 1871—1872 гг. отряд полковника Маркозова произвел рекогносцировку путей в трех направлениях: до Балхан и Сарыкамышской впадины, до Кизыл-Арвата и Бами, а также на Атрек.

После создания базы в Красноводске владения России окружили Хивинское ханство с трех сторон. В 1873 г. царскими войсками была совершена военная экспедиция с целью покорения Хивы. В этой экспедиции приняли участие войска Туркестанского военного округа, двигавшиеся на Хиву с востока, Оренбургского военного округа, наступавшие с севера; от Каспийского побережья выступили войска Кавказского военного округа. Общая численность посланных против Хивинского

---

[1] Россия и Туркмения в XIX веке, Ашхабад, 1946, стр. 268—269.

ханства войск составляла 13 тыс. человек при 56 орудиях и 20 ракетных станках. Экспедицию возглавлял туркестанский генерал-губернатор Кауфман.

Со стороны военных сил хивинского хана двигавшимся к Хиве царским войскам серьезного сопротивления оказано не было. 29 мая 1873 г. столица ханства была занята, после чего Кауфман восстановил на хивинском престоле Мухаммед-Рахима, свергнутого за несколько дней до прихода русских войск братом этого правителя. Для контроля над хивинским ханом при нем был учрежден совещательный орган — диван, в состав которого кроме представителей местной знати вошли представители царских властей.

2 августа 1873 г. Мухаммед-Рахим подписал мирный договор с Россией. Этим договором устанавливался протекторат царизма над Хивинским ханством, правитель которого лишался права самостоятельных дипломатических сношений с другими государствами. Русские купцы и предприниматели получали ряд льгот в своей деятельности на территории ханства. Хивинский хан, как и бухарский эмир, обязывался отменить рабство и торговлю невольниками. Владения Хивы на правобережье Аму-Дарьи отошли к России. На Хивинское ханство накладывалась контрибуция в 2 млн. 200 тыс. рублей.

Положение восстановленного царскими властями на хивинском троне Мухаммед-Рахима было весьма шатким. Народ его ненавидел. Население было разорено поборами. Хозяйственная жизнь была нарушена военными действиями 1873 г., ханская казна пуста[1]. Критическое положение Мухаммед-Рахима усугублялось обязанностью уплаты контрибуции. Царские власти были заинтересованы в укреплении положения хивинского хана для того, чтобы этот новый вассал царской России смог бы выполнить принятые на себя обязательства. Они требовали от Мухаммед-Рахима срочного сбора с разоренного населения контрибуции.

Установив свой протекторат над среднеазиатскими феодальными государствами и поддерживая в своих политических целях власть их правителей над эксплуатируемыми народами, царизм способствовал сохранению деспотического режима в вассальных ему ханствах, покровительствовал неограниченному произволу и кровавым злодеяниям эмиров и ханов. При этом царская администрация не останавливалась в ряде случаев и перед использованием подчиненных ей русских войск для «наведения порядка» в ханствах, т. е. для «усмирения» непокорных и помощи среднеазиатским деспотам против угнетавшихся ими народов.

---

[1] Россия и Туркмения в XIX веке, стр. 82.

Во время Хивинского похода 1873 г. по приказу Кауфмана была совершена карательная экспедиция против хазаватских туркмен-иомутов. Есть сведения о том, что восстановленный в результате этого похода на хивинском троне Мухаммед-Рахим, признавая свою неспособность «справиться» с туркменами, проживавшими в его владениях, выпрашивал у Кауфмана помощи в форме военного вмешательства и «наказания» туркмен силами русских войск[1].

В это время послушные завоевателям ханские власти приняли решения, для туркмен крайне трудно выполнимые и даже совершенно невыполнимые. Диван постановил, что все население ханства, не исключая и туркмен, должно по раскладке доставить в русский лагерь провиант по назначенной цене. По этой раскладке кочевые и полуоседлые туркмены были обязаны поставить продукты земледельческого хозяйства, чего они не могли выполнить, даже если бы и хотели[2].

За неповиновение Кауфман наложил на хивинских туркмен тяжелый денежный штраф с целью ослабить их так, чтобы им невозможно было «...скоро оправиться и этим привести их в подчинение и зависимость от хана»[3]. Штраф должен был быть уплачен в течение нескольких дней. Не дожидаясь истечения даже этого срока, Кауфман приказал выступить на хазаватских иомутов отряду под начальством генерала Головачева. О сопротивлении, оказанном этому отряду туркменами, в докладе о военных действиях под Хивой, представленном в главный штаб царской армии, говорится следующее: «Туркмены, оставив свои полуоседлые помещения на границах Хивы, двигались к степи всеми своими аулами, с семействами и стадами, останавливаясь время от времени, они собирались в большие массы, превосходившие численностью русский отряд, против них высланный, и производили на него самые отчаянные атаки во всякое время дня и ночи; при этих нападениях *бой был ожесточенный, как доказывают тяжелые потери убитыми* и ранеными в русском отряде. Даже сам командующий отрядом генерал Головачев и большая часть лиц штаба были переранены...»[4]. Защищая свои семьи и имущество, иомутские воины сражались с отчаянной храбростью, но не смогли отразить натиск несравненно лучше вооруженного отряда Головачева.

Выполняя приказ Кауфмана, этот отряд разгромил и разграбил аулы хазаватских иомутов, захватив у них множество

---

[1] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. II, СПб., 1906, стр. 278.
[2] Там же, стр. 266.
[3] Там же, стр. 267.
[4] Россия и Туркмения в XIX веке, стр. 66.

скота. Даже некоторые царские военные историки, описывая эту карательную экспедицию и отмечая, что она была проведена «в угоду хану», осуждали ее как «беспричинную и ненужную» жестокость Кауфмана по отношению к иомутам[1]. В последующие годы царская администрация соседних с Хорезмом областей неоднократно выступала с поддержкой хана и для укрепления его положения стремилась, пользуясь различными методами, побудить хивинских туркмен подчиняться правителю Хивы. Поступавшие от хивинских туркмен просьбы о принятии их в русское подданство отклонялись царскими властями по тем же соображениям, что и в отношении бухарских туркмен.

Обеспечив подчинением Хивы свой левый фланг, царизм стал в больших масштабах осуществлять продвижение вглубь Туркменистана с побережья Каспийского моря, подготовленное созданием базы в Красноводске.

В 1874 г. царским правительством было организовано «Управление Закаспийским военным отделом» с центром в городе Красноводске, подчинявшееся наместнику на Кавказе.

На Каспийском побережье русские войска вошли в соприкосновение с подразделениями племени иомутов, которые уже с давних пор были связаны с Россией экономически и политически. В свое время, как уже отмечалось в предшествующей главе, часть этого племени, совместно с човдурами на Мангышлаке и некоторыми другими племенами, добровольно приняла подданство России.

Уже при продвижении части столетовского отряда в Таш-Арват-Кала иомуты оказали русским войскам ценную помощь, предоставив им 800 верблюдов. Более того, некоторые иомутские старшины даже предложили русскому командованию сформировать туркменский отряд в составе русских войск. Прибрежные туркмены, жестоко притеснявшиеся хивинскими ханами и каджарскими наместниками в Хорасане и Астрабаде, а также другими феодалами этих районов и страдавшие от набегов, считали, что принятие русского подданства может оградить их от грабежей и разбоя.

Правда, и в Прикаспии имели место отдельные вооруженные столкновения русских войск с туркменами. Так например, сопротивление было оказано некоторыми родами иомутского подразделения джафарбай. Но в целом на всем побережье Каспийского моря и в долине Атрека основная масса туркменского населения радушно встречала русские войска.

В ноябре 1871 г. туркмены аула Гасан-Кули гостеприимно приняли русский отряд. В 1874 г. иомутское население до-

---

[1] См. М. А. Терентьев. Указ. соч., стр. 278—279.

лины Атрека заранее заготовило верблюдов и продовольствие для ожидавшегося русского отряда. Во время похода в отряд постоянно приезжали представители иомутских родов, заявляя о желании помочь русским и приводя на продажу верблюдов, лошадей и т. п. В 1875 г. русскому отряду идущему от Молла-Кара на Чикишляр и далее по Атреку до Баят-Ходжи, туркменское население повсюду устраивало торжественные встречи. На ночлегах для офицеров и солдат ставились кибитки, устраивались базары, где местное население продавало арбузы, дыни, молочные продукты, кур, баранов, ковры, кошмы и т. п. Вокруг лагеря собирались толпы мужчин, женщин и детей, с интересом смотревших на невиданное зрелище. Для развлечения собравшихся туркмен в лагере играла музыка, пускались ракеты. В источниках имеются сведения о том, что часто между русскими солдатами и местным туркменским населением устанавливались взаимно доброжелательные и даже дружественные отношения.

Но совсем не так относилось к туркменам большинство царских военачальников. Своими грубыми, насильническими действиями они вскоре вызвали серьезные конфликты с туркменами. Русские войска, совершая дальние походы по туркменским степям, остро нуждались в перевозочных средствах. Совершенно не считаясь с интересами и возможностями местного населения, царские военачальники стали требовать от туркмен поставок большого количества верблюдов, «которого,—как пишет военный историк Макшеев,—туркмены не желали, да, вероятно, и не могли доставить без ущерба для собственного хозяйства»[1]. Видя, что население иногда стало уклоняться от поставки верблюдов, царские власти начали захватывать их силой, разоряя десятки и сотни дайханских хозяйств. Заодно они нередко захватывали и другой скот[2]. На изменении отношения ряда туркменских племен к России сказалась политика царских властей в Хиве, где они, как отмечалось выше, выступали на стороне хана, стремясь различными средствами укрепить его власть над туркменским населением Хивинского ханства.

Все это привело к тому, что среди туркмен начало расти враждебное отношение к царским войскам, которые стали гораздо чаще встречать сопротивление и местами терпеть неудачи. Генерал Тарасов, направленный в Туркмению для расследования причин неудачи Красноводского отряда в 1873 г., доложил, что одной из основных причин появления

---

[1] А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских, СПб., 1890, стр. 309.

[2] Там же, стр. 302, 305, 309, 322—323.

у туркмен враждебного отношения к России было нежелание царских генералов и офицеров считаться с нуждами и интересами туркменского населения, всевозможные реквизиции и поборы.

Подобным образом обстояло дело и с текинцами Ахала. Первоначально текинцы встретили русские войска довольно дружелюбно. Со своей стороны, русское командование на первых порах старалось установить дружеские отношения с населением Ахала. Одним из важнейших средств этого являлась торговля. Жители Ахала привозили «для продажи ковры, паласы, муку, масло, ячмень, фрукты и лошадей; при отряде, — рассказывает генерал Ломакин, — открылся настоящий базар, и в первый же день продано было (товаров) тысячи на полторы. Так начались наши торговые сношения с текинцами»[1]. Купцы из Ахал-Теке начали ездить в Красноводск и даже в Баку. Прямым следствием развития торговых связей русских с населением Ахала явилось установление в Закаспии спокойствия: «Никогда еще в здешних степях не было так смирно и так спокойно, как теперь, — писал Ломакин, — несколько моих нарочных ездили в Красноводск, в Хиву и обратно, встречались с текинцами и мирно расходились, проезжали даже через Теке; через Текинский же оазис, против Геок-Тепе, прошла на родину целая партия в 500 человек, освобожденных недавно от хивинских иомутов пленных персиян, а к нам в отряд в Атреке два безоружных пастуха пригнали целое стадо баранов, хотя по пути встречались текинцы»[2].

Особо сильное влияние на настроения текинцев оказывали такие факты, как освобождение из хивинского плена находившихся там их соплеменников. Рассказывая об одном таком факте, Ломакин писал, что одарив пленных, он приказал отправить их в Ахал вместе с письмом, которое произвело, как он выражался, «желаемое действие» на текинцев[3]. В начале июня 1875 г. старшины текинских родов собрались в Геок-Тепе и решили послать к русскому командованию депутацию «с изъявлением полной покорности от всего ахал-текинского общества»[4].

Действительно, вскоре текинская депутация явилась к генералу Ломакину и заявила ему, что соседние государства—Персия, Хива, Бухара и другие — все время стремятся подчинить себе Ахал, но так как это им не удается, постоянно разоряют и грабят его; поэтому текинцы пришли к вы-

---

[1] ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 90, лл. 243—246 об.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, лл. 276—283 об.

воду, что единственным выходом для них является переход в русское подданство[1]. Это была уже не первая просьба текинцев о принятии их в русское подданство, но до этого с подобными просьбами обращались лишь отдельные общины и родо-племенные подразделения; теперь же к русским властям обратились с таким предложением представители большинства текинского населения Ахала.

Таким образом, в середине 70-х годов создалась реальная возможность мирного присоединения Ахала к России. Однако царские власти не использовали этой возможности. Не имея точных инструкций на этот счет и не рискуя проявлять инициативу, генерал Ломакин отказался дать текинской депутации какой-либо определенный ответ[2]. Это, естественно, было воспринято как отказ и сильно ослабило позиции сторонников присоединения Ахала к России, способствовало усилению антирусских настроений. Движение против присоединения к России в Ахале имело сложный характер. С одной стороны, оно возглавлялось наиболее реакционной частью феодально-родовой знати и крупными аламанщиками, боявшимися что сильная власть Российской империи ограничит их произвол и лишит их доходов от грабежей и работорговли; к этой части знати примыкало фанатическое суфийское духовенство, влиятельные ишаны, которые вели пропаганду «священной войны» против «капыров» (иноверцев). С другой стороны, прихода царских войск не без основания опасалась значительная часть трудового населения Ахала, видевшая в них новых завоевателей. Высокомерное поведение царских генералов и чиновников, грубые оскорбления, которым зачастую подвергались в русском лагере туркменские представители, а также всевозможные реквизиции и поборы, практиковавшиеся царскими властями, особенно массовые реквизиции верблюдов, кибиток и продовольствия на нужды войск, переходившие иной раз в прямой грабеж, — все это оттолкнуло от царской России даже ее прежних сторонников среди текинцев (в том числе Тыкма-сердара, Нурберды-хана и многих других) и усилило позиции противников добровольного присоединения к России.

Подобное поведение царских властей, разумеется, не было случайностью, зависевшей только от личных качеств того или иного офицера или чиновника. Царское правительство, направляя войска в Туркменистан, исходило не из интересов русского и туркменского народов, а из своих захватнических, колонизаторских устремлений. Проведение этой политики

---

[1] ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 90, лл. 276—283 об.
[2] Там же.

должно было вызвать и действительно вызвало ряд вспышек народного возмущения, что имело место, как уже говорилось выше, даже среди прикаспийских туркмен, издавна тяготевших к России в экономическом и политическом отношениях. Эта политика вызвала еще более решительный отпор со стороны текинцев Ахала.

Антирусские настроения среди отсталой части туркмен и прежде всего среди текинцев Ахала раздувались английскими агентами, которые, используя момент, начали организовывать различного рода антирусские провокации. Еще в 1878 г. английскими колониальными властями Индии в Ахал-Текинский оазис был направлен капитан Батлер. Впоследствии он заявил, будто по поручению вице-короля Индии лорда Литтона руководил постройкой военных укреплений в Геок-Тепе. К этому же периоду относится деятельность разъезжавшего в качестве корреспондента газеты «Дэйли Ньюс» английского провокатора О'Донована среди туркмен долины Гюргена. В числе агентов британского империализма, наиболее активно действовавших против русских, были полковник Стюарт и капитан Гилль. Деятельность английской агентуры, не скупившейся на обещания, сыграла немалую роль в ослаблении позиций сторонников добровольного присоединения к России среди текинцев. У самих англичан, принимавших участие в событиях того времени, мы находим признания в том, что если бы туркмены в Ахал-Текинском оазисе не надеялись на «помощь» со стороны Англии, они приняли бы русское подданство добровольно. Такое мнение высказывал, например, упомянутый выше О'Донован[1].

С целью воспрепятствовать продвижению царских войск вглубь Туркменистана, английские агенты всяческими способами стремились сорвать заготовку продовольствия для войск, провоцировали беспорядки в пограничных районах Персии и т. д. Пытаясь заставить персидское правительство выступить против России, англичане открыто угрожали шаху, что если он допустит занятие русскими войсками Ахала, то Англия оккупирует один из островов на Персидском заливе[2].

В результате всех перечисленных причин в Ахале победили сторонники вооруженного отпора царским войскам. На маслахате (совещании) ханов, сердаров, старшин и духовенства было решено не пускать русские войска в Ахал-Текин-

---

[1] См. E. O'Donovan. The Merv Oasis. Travels and Adventures East of the Caspian, during the Dears 1879—1880—1881. Including Five Months Residency among the Tekkis of Merv. London, 1882, vol. I, pp. 468—469.

[2] Рукописный фонд Исторического музея АН ТССР. Материалы по 1881—1886 гг., стр. 379.

ский оазис. Началось восстановление и укрепление существовавшего еще с эпохи античности городища в Геок-Тепе возле одноименного аула»[1].

Военные действия царских войск против текинцев начались с небольших столкновений в 1877—1878 гг. в Западном Туркменистане и в районе Кизыл-Арвата. Чтобы сломить сопротивление текинцев, генерал Ломакин организовал против них широко задуманную операцию, получившую название первой ахал-текинской экспедиции 1879 г. Отряд царских войск, преодолевая сопротивление передовых текинских отрядов, подошел к крепости Геок-Тепе и 28 августа штурмовал ее, но был отброшен, потеряв свыше 450 человек убитыми и ранеными[2]. Ломакин сообщал царскому командованию, что «масса текинцев оказала действительно невероятное сопротивление, вполне достойное лучших европейских армий»[3].

Неудача русских войск была для царского правительства тем большим ударом, что она имела место в момент наибольшего обострения русско-английского соперничества в Средней Азии. Дело в том, что именно в этот период перерастания капитализма в свою империалистическую стадию наиболее серьезно усилилась колониальная экспансия Англии в Афганистан и Среднюю Азию. В 1878 г. империалистическая Англия начала захватническую войну против Афганистана. Британские колонизаторы встретили в этой стране ожесточенное сопротивление и завоевать ее они не смогли. Однако в результате англо-афганской войны английскому правительству в начале 1880-х годов удалось установить полный контроль над внешней политикой афганского эмира. Используя создавшееся положение, английские колонизаторы стремились опередить царскую Россию в захвате Туркменистана.

Получив возможность действовать из Герата и закрепившись у южных границ Туркменистана, английские колонизаторы развернули активную деятельность среди туркменских племен и в Бухарском эмирате. Британские агенты стремились путем подкупа влиятельных лиц из феодально-байской верхушки и духовенства, а также различного рода антирусскими провокациями нарушить дальнейшее развитие русско-туркменских связей и воспрепятствовать усиливавшейся в этот период среди туркмен русской ориентации, чтобы подготовить почву для подчинения туркменских земель империалистической Англией или зависимыми от нее соседними с туркменами феодальными правителями восточных стран.

---

[1] Иногда в документах эта крепость называется также Денгли-Тепе, по имени кургана, расположенного внутри крепостной ограды.
[2] Россия и Туркмения в XIX в., стр. 136.
[3] Там же.

Выступая на правительственном совещании в феврале 1880 г., русский военный министр Милютин обращал внимание на значение Ахала в колонизаторских планах англичан и указывал, что «без занятия этой позиции Кавказ и Туркестан будут всегда разъединены, ибо остающийся между ними промежуток уже и теперь является театром английских происков, в будущем же может дать доступ английскому влиянию непосредственно к берегам Каспийского моря»[1]. Занятие англичанами Кветты, а затем в ходе англо-афганской войны и Кандагара, их стремление захватить Герат, форсированная стройка железной дороги из Индии к границам Афганистана — все это побуждало царское правительство торопиться с завоеванием Ахала. Имея в виду также восстановление своего престижа, пошатнувшегося в результате неудачи первой ахал-текинской экспедиции, оно приняло решение о тщательной подготовке и срочной организации второй ахал-текинской экспедиции.

Начальником этой экспедиции был назначен генерал Скобелев, известный своими победами над турецкими войсками в годы войны 1877—1878 гг., сыгравшими большую роль в освобождении балканских народов от ига султанской Турции. В Средней Азии его действия имели иной характер. Осуществляя колониальные завоевания царизма в Туркменистане и в других частях Средней Азии, Скобелев оставил о себе память не только как способный и решительный военачальник, но и жестокостями, совершавшимися по его приказам с целью устрашения населения. Показательно, что получив назначение руководить походом в Ахал-Текинский оазис, Скобелев просил не присылать к нему в отряд офицеров, отличающихся гуманными взглядами[2].

В начале мая 1880 г. Скобелев прибыл в Красноводск. По его приказу началась заготовка вьючного скота и укладка рельсов железнодорожного полотна. С конца мая началось движение рекогносцировочных отрядов от Красноводска и Чикишляра в сторону Ахала для изучения местности, создания баз и продовольственных складов. 28 мая была занята Ходжа-Кала, в июне — Карры-Кала и Бами, где были обурудованы небольшие укрепления и продовольственные склады. Население Карры-Кала, Нохура, Арчмана и многих других аулов встречало русские войска дружественно и вело оживленную торговлю с ними.

В лагере текинцев в этот момент не было полного единства, несмотря на то, что победа над отрядом генерала Ломакина значительно усилила авторитет противников сбли-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 82.
[2] Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, т. IV, стр. 4.

жения с Россией. Значительная часть населения решила продолжать вооруженное сопротивление царским войскам. Это движение возглавляла текинская знать, в том числе хан Ахала и Мары Нурберды-хан, его сын и преемник Махтумкули-хан[1], Тыкма-сердар, Курбанмурад-ишан и другие лица. Текинские ханы и ишаны поддерживали связь с английскими агентами, внушавшими им надежду на возможность поддержки со стороны Англии.

В то же время часть населения Ахала начала переселяться в Мургабский оазис, в низовья Теджена или уходить в пески. Однако правители Ахала отправили на границы оазиса несколько сотен всадников, которые должны были конфисковать имущество беглецов, а их самих возвращать назад в Ахал.

Осада Геок-Тепе началась 23 декабря 1880 г. и длилась около трех недель. Несмотря на огромные потери от артиллерийского огня, защитники крепости вместе с пришедшим на помощь отрядом марыйских текинцев защищались героически, устраивали частые вылазки по ночам, быстро исправляли повреждения, сделанные в стене орудийными снарядами. 12 января 1881 г. был произведен взрыв мины, подведенной под стену Геок-Тепе, после чего начался общий штурм крепости. Первыми обратились в бегство ханы и ишаны, рядовые текинские воины отчаянно сражались, но не могли устоять против лучшего вооружения и воинской выучки царских войск. Крепость Геок-Тепе пала. Вслед за этим, 18 января 1881 г., царские войска заняли аул Ашхабад.

После падения Геок-Тепе текинские ханы и сердары, представители мусульманского духовенства и английские агенты, бросив на произвол судьбы народ, бежали в Теджен и Мары. Среди эмигрантов, нашедших приют в Мары, были главные организаторы сопротивления — Махтумкули-хан, Тыкма-сердар, Курбанмурад-ишан и другие.

В Мары проникли английские агенты, наиболее активным из которых являлся упоминавшийся выше О'Донован, выступавший в качестве специального корреспондента газеты «Дэйли Ньюс».

О'Донован безуспешно пытался пробраться в Геок-Тепе во время происходивших в Ахал-Текинском оазисе военных действий[2]. Однако несколько позднее О'Доновану удалось попасть в Мары, где он пробыл в 1881 г. в течение пяти месяцев. Кроме того, в Серахс была отправлена группа

---

[1] Нурберды-хан умер в апреле 1880 г.
[2] E. O'Donovan. Указ. соч., pp. 54—55.

английских офицеров, которые должны были заготовить для марыйцев оружие, порох, снаряды и руководить постройкой укреплений. Бежавшие из Ахала ханы и английские разведчики, а также агенты шахских властей старались побудить население Марыйского оазиса к войне против России. Так например, английский агент в Мешхеде Аббас-хан «возбуждал мервцев к борьбе с русскими» говоря, что «если мервцы заключат мир с русскими, то все мусульманство в Туркестане сгинет!... Русские будут со всех брать подати и солдат». Каджарские посланцы призывали марыйских туркмен «ради мусульманской религии согласиться быть подданными шаха. Если мервцы сделаются подданными русского царя, мусульманство в Туркмении пропадет».

Но все эти усилия ни к чему не привели. Находившийся в плену у марыйских текинцев русский солдат Кидяев сообщал о все возраставшем русском влиянии в Мары и желании марыйцев добровольно присоединиться к России. В своем донесении в мае 1881 г. Кидяев сообщал в Ашхабад: «Ко мне приходят и старые и малые и спрашивают, как нам мириться с русскими»[1]. Настроения в пользу установления мирных отношений с Россией были сильны среди текинцев Мары и это сказалось в фактах обращения влиятельных марыйских феодалов к русскому командованию с предложением принять возглавляемые ими общины в русское подданство. Такие настроения не могли не обеспокоить английских колонизаторов. Касаясь их провокаций, Кидяев сообщил: «В Мерве находится английский посланник, который говорит туркменам: «Миритесь со мной, дам злато и серебро, а если будете драться (с русскими), дам орудий»[2].

Как сообщает далее Кидяев, этот «английский посланник», т. е. О'Донован, настоятельно добивался удаления «опасного» русского солдата из Мары. По свидетельству Гродекова, О'Донован заявил марыйцам, что если они согласятся быть нукерами Англии, то она «не будет брать с них денег и не допустит русских прийти к ним»[3]. Он продолжал уверять марыйцев, что английские войска прибыли в Герат, но после того, как О'Доновану два раза назначали срок, в который должны были быть привезены обещанные деньги, а между тем обещания своего он не выполнил, то текинцы ни в чем ему не верили, даже не обратили внимание на его предложение превратить их пушки в нарезные. Больше того, текинцы вырыли вокруг кибитки О'Донована ров и поста-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 62.
[2] Там же.
[3] Н. И. Гродеков. Указ. соч., стр. 96.

вили караульных, т. е. фактически подвергли его аресту. Вскоре самому О'Доновану пришлось, ничего не достигнув, покинуть Мары.

Знаменательно, что при переходе границы у него были обнаружены детальные описания путей, ведущих в Мары, карта Марыйского оазиса и составленные в результате его увещаний прошения нескольких феодалов Мары принять их под покровительство Англии[1]. Однако эти прошения не отражали настроений основной массы населения даже в тот момент, когда они составлялись. А они составлялись вскоре после падения Геок-Тепе, когда жители Марыйского оазиса опасались немедленного нападения на них царских войск. Между тем продвижение царизма вглубь Туркменистана на время приостановилось. Полагая, что это продвижение может резко ухудшить и без того напряженные отношения с Англией и желая избежать возможных конфликтов с Персией, царское правительство запретило Скобелеву под каким бы то ни было предлогом двигать войска к востоку за пределы Ахал-Текинского оазиса и предписало не нарушать неприкосновенности персидской территории.

В мае 1881 г. из Закаспийского военного отдела и вновь занятых земель Ахал-Текинского оазиса была образована Закаспийская область, административным центром которой был сделан город Асхабад, основанный рядом с туркменским аулом Ашхабад. Начальником новой области был назначен генерал-лейтенант Рерберг. Царские власти объявили «прощение» участникам и руководителям обороны Геок-Тепе при условии изъявления ими покорности и стремились привлечь на свою сторону представителей текинской знати награждением чинами и подарками. Уже в марте 1881 г. к Скобелеву явились с изъявлением покорности некоторые влиятельные представители феодальной верхушки, среди них был один из руководителей обороны Геок-Тепе Тыкма-сердар. Перешел на сторону русских и Махтумкули-хан.

Тыкма-сердар был приглашен в Петербург и выехал из Бами в апреле месяце 1881 г. Он отправился в столицу Российской империи вместе с несколькими своими родственниками. В документах и в русской прессе эта небольшая группа текинских феодалов именовалась «депутацией» или «делегацией» от Ахал-Текинского оазиса[2].

---

[1] Рукописный фонд Исторического музея АН ТССР. Материалы по 1881—1886 гг., стр. 303—305.

[2] Россия и Туркмения в XIX в., стр. 181, 184.

«Депутация» проехала через Астрахань, останавливалась в Москве, где пробыла один день и видела Кремль, который произвел на текинцев большое впечатление[1].

В Петербурге царские власти предоставили Тыкма-сердару и его спутникам возможность ознакомиться с дворцами, музеями и различными учреждениями, им было разрешено побывать на фабриках и заводах столицы, «какие будут для депутации более интересны», осмотреть Охтенский пороховой завод, Петербургский арсенал, патронный завод, артиллерийский музей, полигон и т. п.[2]

В числе спутников Тыкма-сердара в Петербурге побывал и один из его сородичей из Марыйского оазиса — Халлы Ханбердыев. Называя его «одним из мервских старшин», петербургская газета «Вечернее время» сообщала о нем следующее: «Этот Халли-Сердар не принадлежит к ахал-текинской депутации в буквальном смысле, он только сопутствует ей, чтобы посмотреть на столицу Белого царя, на его войска и вообще на Россию и о своих впечатлениях сообщить своим родичам, находящимся в Мерве»[3]. «Депутация» была принята царем и ее участники получили награды и подарки, а Тыкма-сердару был дан офицерский чин.

Поездки в Россию представителей феодально-родозой верхушки туркмен не были единичным явлением, хотя, конечно, далеко не все приезжающие получали разрешение посетить Петербург и представлялись царю. Такие поездки организовывались царскими властями с политической целью. Наряду с этим, царские власти практиковали и высылку непокорных туркменских феодалов на проживание в губернии европейской части России. Ознакомлением с Россией туркменских феодально-родовых вождей и распространением через них и через сопутствовавших им лиц сведений и рассказов о России, величине ее ресурсов и могуществе, царское правительство стремилось поднять свой престиж в глазах туркменского населения и тем самым облегчить завоевание и подчинение Туркменистана, а где возможно добиться принятия русского подданства туркменскими племенами мирным путем. Сила политического воздействия России на туркменское население признавалась и авторами из враждебного царской России английского лагеря. Так например, О'Донован высказывал

---

[1] Россия и Туркмения в XIX в., стр. 181.
[2] Там же, стр. 183
[3] Сообщение петербургской газеты «Вечернее время» от 15. V—1881 г. о прибытии в Петербург делегации от Ахал-Текинского оазиса для представления императору Александру III и для ознакомления с русской столицей. Цит. по кн. Россия и Туркмения в XIX в., стр. 181.

мнение, что при подчинении иомутов и укреплении власти царской администрации над ними подобного рода политика царского правительства сыграла «не меньшую роль, чем русские батальоны»[1].

Наградами, подарками и чинами царским властям удалось привлечь на свою сторону значительную часть влиятельных марыйских феодалов, надеявшихся к тому же с помощью царского правительства укрепить свои эксплуататорские права и привилегии, упрочить свое влияние на население оазиса. С другой стороны, русское влияние возросло среди трудящегося туркменского населения Марыйского оазиса, заинтересованного в условиях для мирного труда, которому препятствовали феодальные распри, набеги и грабежи, родовая вражда и межплеменные столкновения. В соседней Закаспийской области условия для мирного труда после присоединения к России стали значительно более благоприятными.

В результате всего этого от марыйских феодально-родовых вождей стали поступать заявления о желании вступить в мирные отношения с русскими и просьбы принять возглавляющиеся ими родо-племенные подразделения под покровительство России.

Когда марыйским текинцам было объявлено, что русский царь принял эти заявления и «...повелел генералу Рербергу заключить с вами письменный договор о вашей покорности, как это по принятому всеми народами обычаю делается при заключении дружбы и мира между народами»[2],—в Асхабад стали прибывать многочисленные делегации из Марыйского оазиса для заключения договоров с русскими властями. В этих договорах марыйцы давали клятвенное обещание «никогда и ни под каким предлогом не поднимать оружия против русских и во всем слушаться приказания и советов русских начальников», не принимать «агентов других правительств, навсегда прекратить торговлю невольниками и разбои и грабежи как проходящих через Мерв и другие земли караванов, так и жителей соседних туркменских и других стран».

Царское правительство придавало большое значение Марыйскому оазису. Овладение им царские генералы и дипломаты намечали еще до завоевания Ахал-Текинского оазиса, считая, что поход на Геок-Тепе должен явиться «первым и главнейшим» шагом «к окончательному решению вопроса о Мерве»[3]. При этом многие из них предполагали, что именно

---

[1] E. O'Donovan. Указ. соч., vol. I, p. 98.

[2] Рукописный фонд Исторического музея АН ТССР. Материалы по 1881—1886 гг., стр. 340.

[3] Россия и Туркмения в XIX в., стр. 105.

в Мары туркмены окажут русским войскам наибольшее сопротивление[1]. Стремившийся применять силу оружия даже в тех случаях, когда имелись возможности действовать мирным путем, генерал Скобелев и некоторые другие царские военачальники были уверены, что присоединение Мары к Российской империи мирным путем совершенно невозможно. Скобелев в докладе от 9 ноября 1881 г. военному министру Ванновскому об устройстве Закаспийской области писал: «Вопрос о мирном подчинении Мерва нашей власти есть вопрос из области хороших, но праздных мечтаний»[2]. В другом месте этого же доклада он заявлял: «С Мервом можно вести переговоры только посредством пушек»[3]. Мнения о невозможности присоединения Мары мирным путем придерживался и туркестанский генерал-губернатор Черняев[4].

Документы свидетельствуют также о том, что в кругах царских чиновников и военачальников было распространено скептическое отношение к заявлениям марыйских феодалов о желании возглавляемых ими общин принять подданство России и к доставлявшимся от них в Асхабад прошениям о принятии их в русское подданство. Сомневаясь в том, насколько эти просьбы отражали действительные настроения большинства жителей Мары, царские чиновники и генералы отнюдь не были уверены в том, что сторонникам русской ориентации из марыйских феодально-родовых вождей удастся заставить следовать за собой народ, «своевольных» туркмен. Дело в том, что многие царские официальные лица не были склонны преувеличивать реальную силу власти марыйских феодально-родовых вождей над возглавлявшимися ими родоплеменными подразделениями[5].

Положение в Мары было сложным. Среди туркменской знати, наряду с довольно значительной и сильной группировкой, придерживавшейся русской ориентации, выступали и противники присоединения к России. В частности, некоторые феодалы являлись сторонниками признания власти персидского шаха, другие стояли за мало к чему обязывавшее подданство слабому хану Хивы, третьи надеялись на помощь англичан или афганцев. Выше уже говорилось о деятельности

---

[1] Россия и Туркмения в XIX в., стр. 105.
[2] Там же, стр. 198.
[3] Там же, стр. 199.
[4] Там же, стр. 223.
[5] На этот счет некоторые царские генералы впадали даже в противоположную крайность; Скобелев утверждал, будто «Мерв есть самая крайняя республика, когда-либо существовавшая. Решения народного собрания обязательны отдельным членам этой республики лишь настолько, насколько это им выгодно, ибо нет власти, которая заставила бы всех повиноваться». Россия и Туркмения в XIX в., стр. 198.

английских и других агентов, которые усиливали напряженность обстановки. Вопрос о Мары в связи с англо-русскими противоречиями, привлекал внимание дипломатии и печати во многих странах, приобретая международное значение.

Царское правительство было вынуждено серьезно считаться с внешнеполитической обстановкой и пыталось установить свое господство над Марыйским оазисом в замаскированной форме, посадив в нем правителя, посланного хивинским ханом. Представители некоторых подразделений марыйских текинцев отправились в Хиву и «изъявили готовность подчиниться русскому правительству через посредство назначенного хивинским ханом управителя»[1]. Получив на то разрешение туркестанского генерал-губернатора, хивинский хан направил в Мары своего ставленника Юсуф-бия. Юсуф-бий прибыл в Марыйский оазис в начале лета 1882 г., возбудил недовольство населения поборами и вскоре неожиданно умер. Сменившему его Бабаджан-беку большая часть марыйских текинцев не пожелала подчиняться. Хивинский ставленник находился в Мары вплоть до присоединения оазиса к России, но фактической властью не располагал. Потерпев неудачу в этой попытке, царские власти проводили подготовку к дальнейшим мероприятиям политического и военного характера со стороны Асхабада, с целью подчинить Марыйский оазис.

В конце 1883 г. в Асхабад поступали разноречивые сведения о положении в Мары, в частности о том, что жители оазиса опасаются похода на них персидских войск. Из Асхабада был послан сравнительно небольшой вооруженный отряд под начальством полковника Муратова. По-видимому, непосредственной задачей, поставленной этому отряду, было выяснение обстановки в Марыйском оазисе, одновременно поручалось путем переговоров попытаться склонить население к принятию русского подданства мирным путем.

Подойдя со своим отрядом к Карры-Бенду, полковник Муратов отправил в город Мары офицера царской армии из кавказских горцев—Алиханова с конвоем из 25 казаков и 12 всадников ахал-текинской «милиции». Сопровождать Алиханова вызвался текинский феодал Махтумкули-хан. Алиханову и Махтумкули-хану «было внушено» убедиться в настроении мервцев и «поступать сообразно с сим»[2]. Прибыв в город, они посетили наиболее влиятельных феодалов, которых Алиханов убеждал обратиться к царским властям с просьбой прислать «...русского правителя, но не подобного хивинцу Бабаджан-беку, а человека, окруженного силой с

---

[1] Россия и Туркмения в XIX в., стр. 215.
[2] Там же, стр. 242.

правом наказывать вредных, поощрять и награждать послушных и благонамеренных»[1]. Уговоры Алиханов подкреплял угрозою, ссылаясь на участь завоеванных царскими войсками Хивы и Ахала. Для решения вопроса он советовал марыйским ханам созвать представителей населения, поговорив предварительно с феодально-родовыми старшинами (кетхуда)[2]. Советуя созвать представителей населения, Алиханов учитывал отношение к его приезду со стороны жителей Марыйского оазиса, которые не проявляли никаких признаков враждебности, и прием, оказанный ему большинством посещенных им марыйских феодалов, из которых только Каракули-хан, поддерживавший хивинского ставленника, наотрез отказался просить замены Бабаджан-бека русским правителем.

Последний свой визит в Мерве Алиханов нанес ханше Гюль-Джамал, вдове влиятельного текинского феодала Нурберды-хана. Гюль-Джамал согласилась созвать на свой счет всех «родовых старшин»[3]. 1 января 1884 г. состоялся Марыйский маслахат, где, обращаясь к собравшимся, Алиханов подчеркнул, что мусульмане, составляющие одну пятую часть «подданных белого царя», сохраняют в Российской империи свою религию, добавив к этому в качестве довода, имевшего значение для представителей туркменской знати, о возможности службы в царской армии офицеров из мусульман, причем сослался в качестве примера на себя и на своего отца. В дополнение к уговорам, он повторил всем присутствовавшим на маслахате высказывавшуюся им прежде в беседах с марыйскими ханами угрозу, призывая собравшихся придти к единогласному решению, чтобы «отвлечь от народа угрозу, готовую разразиться над его головой тысячами несчастий»[4].

После обсуждения на маслахате, на котором Алиханов не присутствовал, ему было сообщено решение о том, что «мервский народ» безусловно принимает русское подданство, а для «управления собой желает иметь русского начальника»[5]. Прошение об этом, как определил маслахат, должно быть послано 4 ханами и 24 старшинами. Каждый из этих старшин являлся представителем от 2000 юрт. Эти представители 25 января 1884 г. прибыли в Асхабад, где от имени марыйского народа приняли присягу.

В результате этих событий обширная, плодородная и богатая область Юго-Восточного Туркменистана с ее сравни-

---

[1] Россия и Туркмения в XIX в., стр. 242.
[2] Там же, стр. 242—243.
[3] Там же, стр. 243.
[4] Там же, стр. 244.
[5] Там же.

тельно многочисленным населением была присоединена к Российской империи мирным путем.

Введение русского управления в Мары в феврале—марте 1883 г. показало, что решение марыйского маслахата было поддержано подавляющим большинством населения оазиса[1]. Начальником округа был назначен текинский феодал Махтумкули-хан, в прошлом один из организаторов обороны Геок-Тепе, однако впоследствии, как уже отмечалось выше, выразивший покорность царским властям и получивший еще до присоединения Марыйского оазиса офицерский чин. Но для упрочения власти царизма в Марыйском оазисе туда был послан небольшой отряд войск и выехал начальник Закаспийской области генерал Комаров. Вооруженное сопротивление было оказано лишь незначительной частью населения, возглавленной престарелым, но честолюбивым туркменским феодалом Каджар-ханом и возбуждавшейся несколькими агентами Эйюб-хана, который делал попытки втянуть туркмен Марыйского оазиса и прилегающих к нему районов в династическую борьбу за афганский трон. Наиболее влиятельным агентом Эйюб-хана был Сиях-Пуш, появившийся в Туркменистане в 1882 г.[2] Сиях-Пушу удалось приобрести себе сторонников в Марыйском оазисе, в числе которых был упоминавшийся выше Каджар-хан, местный феодал, возвысившийся как удачливый предводитель аламанов. Сиях-Пуш рассчитывал, поставив Каджар-хана к власти над Мары, вовлечь текинцев и других туркмен в афганские дела. Этот план совершенно расстраивался присоединением Марыйского оазиса к Российской империи, и поэтому Сиях-Пуш пытался поднять местное население на войну с Россией. При вступлении отряда царских войск в Мары, Каджар-хан, Сиях-Пуш и некоторые муллы, проповедуя, что по корану мусульманам запрещается уступать свою землю без боя, организовали вооруженное сопротивление этому отряду, но подавляющее большинство населения было против войны с Россией и за ними не пошло[3].

Присоединение Марыйского оазиса должно было повлечь за собою дальнейшее продвижение царских войск на юг, вверх по Мургабу, в Иолотанский и Пендинский оазисы, населенные туркменами-сарыками. Без занятия этих районов и

---

[1] Отзывы очевидца — русского инженера Лессара о настроениях марыйских текинцев в его книге: П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения (земли сарыков и салыров). СПб., 1885; стр. 2 и 6.

[2] Есть предположение, что Сиях-Пуш был и английским агентом. Сведения о деятельности Сиях-Пуша имеются в Материалах 1881—1886 гг. Рукописн. фонда Исторического музея АН ТССР, стр. 403—410.

[3] См. Россия и Туркмения в XIX в., стр. 253, 255, 257.

устройства здесь укреплений Мары и Серахс оставались под угрозой нападений и феодальных набегов из соседних стран.

Английское правительство было сильно встревожено присоединением к России Марыйского оазиса и стремилось сделать все возможное, чтобы помешать дальнейшему продвижению царских войск к Пендинскому оазису и Серахсу.

Используя свой контроль над политикой афганского эмира, английское правительство начало дипломатическую и военную подготовку к серьезным действиям, базою которых должен был явиться Герат. Усилилась деятельность английских агентов среди туркмен. Потерпев неудачу в Мары. Сиях-Пуш перебрался к сарыкам в Иолотань. Но и там почва оказалась неблагоприятной, и он вновь попытался проникнуть в Мары. Вскоре Сиях-Пуш, а также Каджар-хан и несколько других лиц, побуждавших население к войне против царских войск были арестованы марыйскими ханами в Коушут-Хан-Кала и переданы генералу Комарову[1].

Туркменские племена примыкающих к Марыйскому оазису районов были не только тесно связаны с его жителями, но и экономически от них зависели, ввозя из этого оазиса недостающий им хлеб. Они не могли, оставшись без поддержки многочисленного населения Марыйского оазиса, своими силами обеспечивать безопасность от соседних феодалов. Этими причинами были вызваны просьбы сарыков Иолотани и других близлежащих районов о принятии их в русское подданство. Сарыки Иолотани просили принять их в русское подданство наравне с марыйцами, ибо «отдельно не могут существовать, обеспечивать свою безопасность и благосостояние»[2]. 21 апреля 1884 г. они добровольно приняли русское подданство. Вскоре, летом того же года, к России был присоединен Пендинский оазис.

Чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению царских войск на юг, английское правительство решило побудить афганского эмира к захвату долины Кушки. Англичанам удалось весной 1885 г. вызвать вооруженное столкновение между русскими и афганскими войсками. Снабдив афганские войска оружием и направив в Афганистан своих офицеров, англичане добились от эмира выдвижения в долину р. Кушка десятитысячного афганского отряда, активную помощь которому должен был оказать состоявший из тысячи человек отряд английского генерала Лемсдена. Афганцы захватили район Кушки и Пенде, намереваясь развернуть действия в направлении Таш-Кепри. Навстречу им в феврале 1885 г. царское командование для занятия этого опорного пункта направило небольшой отряд полковника Алиханова. Генерал Лемсден

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5130.

[2] Россия и Туркмения в XIX в., стр. 249.

направил Алиханову письмо, в котором угрожал в случае занятия им Таш-Кепри разрывом дипломатических отношений с Россией. Однако эта угроза не остановила продвижения царских войск. В долину Мургаба были двинуты две колонны: одна из Самарканда, другая из Асхабада. Обе колонны 8 марта соединились в Мургабский отряд под командованием генерала Комарова. В составе этого отряда находилась также туркменская конница под командованием алилинского предводителя Сеидназара-юзбаши.

18 марта 1885 г. при Таш-Кепри произошло решительное сражение между русскими и афганскими отрядами. Афганцы сражались храбро, но не могли устоять перед более сильной артиллерией и лучшей воинской выучкой русских, потерпели полное поражение и понесли значительные потери. Английские офицеры, в том числе и генерал Лемсден, бежали первыми, бросив афганцев на произвол судьбы. Это единственное в истории русско-афганских отношений военное столкновение между русскими и афганцами не привело к дальнейшим осложнениям между Россией и Афганистаном. Не говоря уже о ненавидевшем британских колонизаторов афганском народе, сам эмир Афганистана Абдурахман, спровоцированный англичанами на конфликт, вовсе не собирался воевать с Россией. Этот эмир, соблазнившись английскими обещаниями помощи, надеялся использовать напряженность англо-русских отношений и не прочь был захватить несколько пограничных пунктов. Но попытка отторгнуть от России Пендинский оазис и долину Кушки потерпела неудачу. Этим завершилось присоединение Туркменистана к Российской империи, которое нашло свое юридическое оформление в заключенном в 1886 г. договоре по «афганскому разграничению». Позже, в 1887 г. была установлена окончательная граница между Закаспийской областью и Афганистаном, которая служит по сей день государственной границей Туркменской ССР.

* * *

Присоединение Туркменистана к России осуществилось неодинаково в различных частях туркменских земель.

Туркмены районов, входивших в состав владений хивинского хана и бухарского эмира после завоеваний среднеазиатских ханств остались подданными этих феодальных правителей.

В основном мирным путем произошло присоединение прикаспийских туркмен, в чем, несомненно, сказались давние связи этой части туркменского народа с Россией и с русскими.

Ахал-Текинский оазис был завоеван царскими войсками после ожесточенных боев, так как в этой части Туркменистана, по

причинам, изложенным выше при описании событий, возобладала антирусская «партия» текинской феодальной знати.

Присоединение Марыйского оазиса осуществилось мирным путем и было оформлено решением маслахата, отражавшим настроения большинства местного населения. Вхождение Марыйского оазиса в состав Российской империи вызвало добровольное принятие русского подданства туркменами Иолотани и Пендинского оазиса.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на все эти различия, обусловленные конкретными историческими причинами, присоединение Туркменистана к Российской империи было осуществлено в ходе завоевательной политики царизма. Царское правительство, присоединив Туркменистан к России установило тяжелый колониальный режим. Туркменский народ попал под двойной гнет — «своих» эксплуататоров и русских чиновников и капиталистов, а значительная часть его продолжала оставаться еще и под гнетом деспотов Хивы и Бухары.

Однако вопреки царизму, в силу сложившихся исторических условий, присоединение Туркменистана к России имело по своим объективным последствиям большое прогрессивное значение для туркменского народа.

Последствия присоединения Туркменистана к России оказались противоположными воле и намерениям царизма, сделавшего Туркменистан своей колониальной окраиной, стремившегося затормозить его развитие, сохраняя здесь, как и в других своих владениях, пережитки средневековья. Несмотря на это, в результате присоединения Туркменистана к России в нем, как и в других частях Средней Азии, стали развиваться, хотя и очень медленно, капиталистические отношения, более передовые, чем господствовавшие до того патриархально-феодальные отношения. Решающее значение имело хозяйственное и политическое сближение туркменского народа с русским народом и с другими народами России, превращавшейся на рубеже XIX—XX вв. в центр мирового революционного движения.

Прогрессивные последствия присоединения Туркменистана к России проявились в борьбе против царизма, которую вел русский народ и в которую постепенно начал вовлекаться и туркменский народ.

В революции 1905—1907 гг. российский пролетариат, создавший боевую марксистскую партию нового типа, выступил во главе революционного движения в стране, показав, что он стал авангардом мирового революционного движения.

События этой революции, происходившие в Туркменистане, изложены в следующей VIII главе. В них ярко проявились прогрессивные последствия присоединения Туркменистана к

России. В последующих разделах данной, VII главы освещены исторические факты, показывающие ближайшие результаты этого присоединения, создававшие предпосылки для дальнейшего хозяйственного и политического сближения народов. Из ближайших результатов присоединения, несомненно имевших положительное значение в жизни туркменского народа, следует отметить прекращение грабительских феодальных набегов и междоусобных войн, терзавших туркменский народ много столетий, ликвидацию рабства и т. д.

После присоединения к царской России, которая была тюрьмой народов, туркменский народ встретился и с другой, противостоявшей царизму и сбровшейся с ним — передовой, демократической и революционной Россией Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых.

Для деятелей передовой русской культуры характерным было глубокое уважение к другим народам, истинный гуманизм. Н. А. Добролюбов писал, что «настоящий патриотизм как частное проявление любви к человечеству не уживается с неприязнью к отдельным народностям»[1].

Передовые русские демократы и революционеры в течение многих десятилетий вели борьбу за освобождение народов России и воспитали в русском обществе благородные традиции гуманизма, сочувствие ко всем угнетенным народам и ненависть к угнетателям.

Русский рабочий класс и его партия всегда были против всякого гнета и классового порабощения; они последовательно и принципиально выступали против национального угнетения и колониального закабаления народов. Они самоотверженно боролись за социальное и национальное освобождение всех народов России. С начала XX в. в России нарастала революция, гегемоном которой стал пролетариат и которая ставила своей задачей свержение самодержавия и ликвидацию крепостнических пережитков, а в их числе и бесправия и национального угнетения нерусских народов. Эта задача была поставлена историей и перед туркменским народом после вхождения Туркменистана в состав Российской империи, что и являлось объективной предпосылкой для сближения его с русскими трудящимися, с русским народом.

Общение туркменских трудящихся с русским народом подготавливало почву для их выступления под руководством российского пролетариата и его авангарда — Коммунистической партии — в борьбе против царизма и буржуазно-помещичьего строя.

---

[1] Н. А. Добролюбов. Соб. соч., т. XV, М., 1937, стр. 241.

Под руководством героического русского пролетариата и его партии народы России, в том числе и туркменский народ, повели борьбу против ига царизма, помещиков и капиталистов, а затем свергли это иго навсегда. Хозяйственное и культурное сближение народов нашей страны, начавшееся еще до Великой Октябрьской социалистической революции, получило возможность подлинного развития только в принципиально новых условиях, создавшихся уже после Великой Октябрьской социалистической революции.

2. Образование Закаспийской области и ее административно-территориальное устройство

Административное устройство и управление Туркменистана носили на себе основные черты того колониального режима, который был установлен царским самодержавием во всех колониальных окраинах России.

Первым шагом на пути экономического и политического «освоения» царизмом вновь присоединенного Туркестанского края явилось его административно-территориальное устройство. Что касается Бухарского и Хивинского ханств, то их политическое устройство и административная система оставались почти без изменения.

В 1874 г., после присоединения к России туркмен-иомутов из районов Красноводска и Мангышлака, был образован Закаспийский Военный Отдел, состоявший из двух приставств — Мангышлакского и Красноводского и подчиненный главнокомандующему Кавказской армией. После завоевания Ахал-Текинского оазиса, согласно положению об управлении Закаспийской областью, утвержденному царем 10 июля 1882 г., Отдел был реорганизован в Закаспийскую область с центром в Асхабаде. В Закаспийскую область входили, наряду с прежними двумя приставствами, переименованными теперь в уезды, также Ахал-Текинский уезд, переименованный позднее в Асхабадский. Область находилась в подчинении Кавказского Военного Округа.

Область увеличивалась по мере присоединения к ней новых районов. В 1884 г., после того как в состав России вошел Марыйский оазис, был образован Мервский уезд, в состав которого вошли Иолотанский и Серахский оазисы, составившие два приставства. В том же году были присоединены низовья р. Теджена, из которых образован Тедженский округ, переименованный впоследствии в Тедженский уезд.

Присоединенный в 1885 г. Пендинский оазис вошел в состав Мервского уезда под названием Пендинского пристав-

ства. В состав Ахал-Текинского уезда вошел Атек (совр. Кахкинский район) под названием Атекского приставства.

На основании утвержденного царем «Временного Положения» 1890 г., Закаспийская область была выделена из ведения Кавказского Военного Округа. В отличие от прочих областей России, Закаспийская область и Туркестанский край в порядке общего управления находились в непосредственном ведении Военного Министерства. Область получила новое административное устройство. Она была разделена на пять уездов: Мангышлакский, Красноводский, Асхабадский, Теджинский и Мервский и семь приставств — Чикишлярское и Каракалинское в Красноводском, Дурунское в Асхабадском, Серахское и Атекское в Теджинском, Пендинское и Иолотанское в Мервском уездах.

Наконец, указом царя сенату от 26 декабря 1897 г. Закаспийская область в административном отношении была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства, а в военном — подчинена Туркестанскому военному округу. Тем самым территориальная, экономическая и культурная связь народов Закаспия с народами Туркестана была, наконец, в известной мере учтена царскими властями, причем общность форм и методов управления ими вытекала из политических задач царизма. Закаспийская область стала одной из пяти областей Туркестанского края[1].

История административного устройства Закаспийской области отражает менявшуюся историческую обстановку и цели, которыми руководствовалось здесь царское правительство.

Царизм сохранил старые политические перегородки между тремя частями туркменского народа, проживавшими в Закаспии и в вассальных деспотиях — Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. Сплошная территория по среднему и нижнему течению Аму-Дарьи, населенная туркменскими племенами, оставалась по-прежнему «разорванной» между Бухарой, Туркестаном и Хивой, с их различным подчинением, значительным различием в административно-политическом устройстве и хозяйственном быте.

На территории Закаспийской области проживала самая большая часть туркменского народа, в значительной мере уже перешедшая к оседлому земледелию в оазисах. По данным Всероссийской переписи 1897 г., здесь проживало 298 тыс. человек, главным образом, коренного населения. Туркмены племени эрсари, населявшие Чарджоуский и Керкинский районы (до 165 тыс. человек), оставались под властью бухарско-

---

[1] Кроме Закаспийской, в состав Туркестанского края входили: Сыр-Дарьинская, Семиреченская, Ферганская и Самаркандская области.

го эмира, а иомуты и човдуры, проживавшие по нижнему течению Аму-Дарьи (районы Ташауза, Порсы, Ильялы и др. до 196 тыс. человек),—под властью хивинского хана. Различия в экономическом укладе и в политических условиях поддерживали в течение всего колониального периода взаимную отчужденность этих трех частей единого народа, задерживали процесс их хозяйственной и культурно-политической консолидации.

Часть туркмен находилась в Иране. Это были племена иомутов и некоторые другие, кочевавшие несколько месяцев в году в Северном Иране (провинция Астрабад), а все остальное время — на русской территории к северу от пограничной реки Атрек. Туркмены жили и в Афганистане.

Таким образом, туркменский народ был разделен на пять частей, оказавшись в составе Туркестанского края России, в Бухаре, Хиве, Иране и Афганистане. Вот почему, характеризуя Туркменистан и Узбекистан в колониальный период, И. В. Сталин подчеркивал, что они «были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций «власть имущих»[1].

Согласно «Временному Положению»», изданному царским правительством в феврале 1890 г., управление Закаспийской областью было возложено на начальника области с подчинением ему расположенных здесь войск. Начальник во всех отношениях управлял областью единолично; он сосредоточивал в своих руках гражданскую и военную власть и имел огромные права над местным населением.

Управление уездами с входившими в их состав городами и поселениями возлагалось на уездных начальников, также соединявших в своем лице военно-полицейскую и гражданскую власть.

Волостной старшина, как и пристав, сосредоточивал в своем лице полицейскую и распорядительную власть. Опирался он на аульных старшин, являвшихся полными хозяевами на местах.

«Временное Положение» 1890 г. давало широкие возможности для произвольного толкования отдельных его статей, что позволяло администрации, и без того облеченной властью над населением, заниматься вымогательством, совершать всяческие злоупотребления. Это вынужден был признать при ревизии Туркестанского края граф К. К. Пален[2].

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 137.

[2] К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Областное управление...., СПб., 1910, стр. 177.

Административно-управленческий аппарат должен был обеспечить царизму прочное подчинение и хозяйственное освоение присоединенной области. Поэтому царское чиновничество комплектовалось из представителей дворянско-военного сословия и состояло в большинстве своем из махрово-реакционных элементов. Немало в нем было выходцев из прибалтийских немецких баронов — активных проводников черносотенной реакции.

Презрение и недоверие к местному населению были характерны для деятельности административного аппарата области. Вместе с тем для господства над коренным населением царизм искал опору среди его привилегированной части.

В 1890 г. был провозглашен выборный порядок замещения должностных лиц низшего административного аппарата. Допускались созывы волостных съездов и аульных сходов, на которых производились «выборы» волостных управителей и аульных старшин. Однако избрание местной администрации носило лишь фиктивный характер. «Выборы» обычно проходили в обстановке напряженной групповой борьбы и нередко сопровождались кровавыми столкновениями между сторонниками враждебных партий. Царские власти, чаще всего санкционировали «избрание» лишь вполне угодных им кандидатов, обычно из эксплуататорских элементов, щедрых на взятки и подкупы.

Колониальный режим в области опирался на вооруженные силы, насчитывавшие свыше 15—20 тыс. человек. Не ограничиваясь содержанием крупных гарнизонов в городах и, главным образом, в пограничных и стратегически важных пунктах, царская администрация стремилась создать воинские части из коренного населения. С этой целью был сформирован текинский конный дивизион, впоследствии принимавший участие в сражениях во время первой империалистической войны совместно с русскими войсками.

Насильственные территориальные и административные перемены, произведенные царскими властями в Средней Азии, имели и свою оборотную сторону. Насаждая «спокойствие» и «порядок» в крае, создавая единое управление (генерал-губернаторство), охватившее фактически не только Туркестанский край, но и ставшее над обоими среднеазиатскими вассальными ханствами — Хивой и Бухарой, царское правительство до известной степени способствовало хозяйственному, политическому и культурному сближению коренного населения различных частей Средней Азии и росту внутринационального общения. Закаспийская область являлась частью Туркестанского генерал-губернаторства и между населением Туркме-

нистана и остальными районами Туркестана существовали и укреплялись экономические и культурные связи.

Большое значение имел тот факт, что прежнее самостоятельное управление мелких племенных ханов и родовых старейшин уступило место централизованному управлению. Страна, ранее страдавшая от непрерывных феодальных войн, от кровавых распрей, родовых столкновений, сейчас была относительно умиротворена и могла перейти к мирному земледельческому труду.

Правда, в Закаспийской области сохранялось прежнее поземельное и водное устройство, что продолжало питать то в одном, то в другом месте межплеменные и межродовые трения, нередко разрешавшиеся столкновениями из-за пастбищ, родников, колодцев, пользования земледельческой площадью и т. д. Но напряженность этих конфликтов после присоединения стала меньше, происходили они реже, несмотря на то, что феодально-байская верхушка и духовенство старались их разжигать, стремясь заглушить обострявшуюся классовую борьбу в ауле и направить ее в старое русло межродовой и межплеменной борьбы.

Сохранились отголоски межплеменных и родовых, и межнациональных конфликтов в обоих ханствах—Бухарском и Хивинском, а также на границах этих ханств с Туркестанским краем. Разжигаемые хивинскими феодалами столкновения из-за воды, носившие затяжной характер, происходили по-прежнему в Хиве между туркменами, проживавшими у низовьев арыков и испытывавшими острый недостаток воды, и узбеками, занимавшими верховья арыков. Тем не менее, и для многонационального населения Бухарского эмирата и Хивинского ханства, благодаря фактическому подчинению всей Средней Азии Россией открылись возможности более широкого хозяйственного и культурного общения между собой и с единоплеменниками в Туркестанском генерал-губернаторстве. Усилилось, в частности, мирное взаимное общение не только туркмен Закаспийской области, но туркменского населения всех трех частей Средний Азии. Постройка Закаспийской железной дороги (с 1880 г.), а затем включение Бухары (через которую проходила эта дорога) в таможенную черту Российской империи (с 1895 г.) способствовали росту связей и экономической общности туркменского народа, открывая более широкие возможности для экономического и культурного общения между различными оазисами, между кочевой степью и земледельческими областями, между аулом и городом, что создавало первые элементы национальной консолидации туркменского народа.

3. Социально-экономическое развитие туркменского аула после присоединения Туркменистана к России

а) Состояние ирригации

После присоединения края к России отпала постоянно висевшая над Южным Туркменистаном угроза разрушения ирригационных сооружений со стороны окружавших феодальных государств. Это обстоятельство создавало благоприятные условия для оседания ранее кочевавшего скотоводческого туркменского населения и перехода его к земледелию. Развитие земледелия повлекло за собой восстановление и рост ирригации. Особенно это было связано с широким внедрением в дайханское хозяйство хлопчатника.

В 1884 г. туркменами была восстановлена плотина Карры-Бент на Теджене, что дало возможность поселить в низовьях Теджена более 1500 хозяйств ранее кочевавших туркмен, осевших на землю и занявшихся хлебопашеством. В 1885 г. возобновлена была салырами ирригация близ старого Серахса, и эта часть края, представлявшая доселе бесплодную пустыню, превратилась в плодородный оазис.

В последующее время на средства, отпускавшиеся ежегодно в распоряжение начальника области в размере 10 тыс. рублей в год, разрабатывались дополнительные источники, возобновлялись старые кяризы близ Ашхабада, в Тедженском уезде, возобновлялись и вновь сооружались колодцы на караванных путях; проводились оросительные канавы для полива посевов.

В основном ирригационные работы производились силами дайханского населения, привлекаемого администрацией в порядке отбывания трудовой повинности. Это значительно сокращало расходы казны на ирригационные мероприятия.

Сооружение Казыклыбентской плотины стоило бы казне не менее 30 тыс. рублей, тогда как с привлечением населения путем нарядов она вызвала расход всего в 3000 рублей[1].

Подобным же образом была в 1893 г. сооружена населением в Тедженском уезде плотина Кызганлы-Бент[2]. В 1898 г. в Ашхабадском уезде разработано и исправлено 39 кяризов и в Мангышлакском уезде вновь вырыто 143 колодца. Расширение и улучшение существующей оросительной системы настоятельно диктовалось как естественным приростом населения, так и потребностями все увеличивавшегося земледелия и, в особенности, основной его отрасли — хлопководства.

---

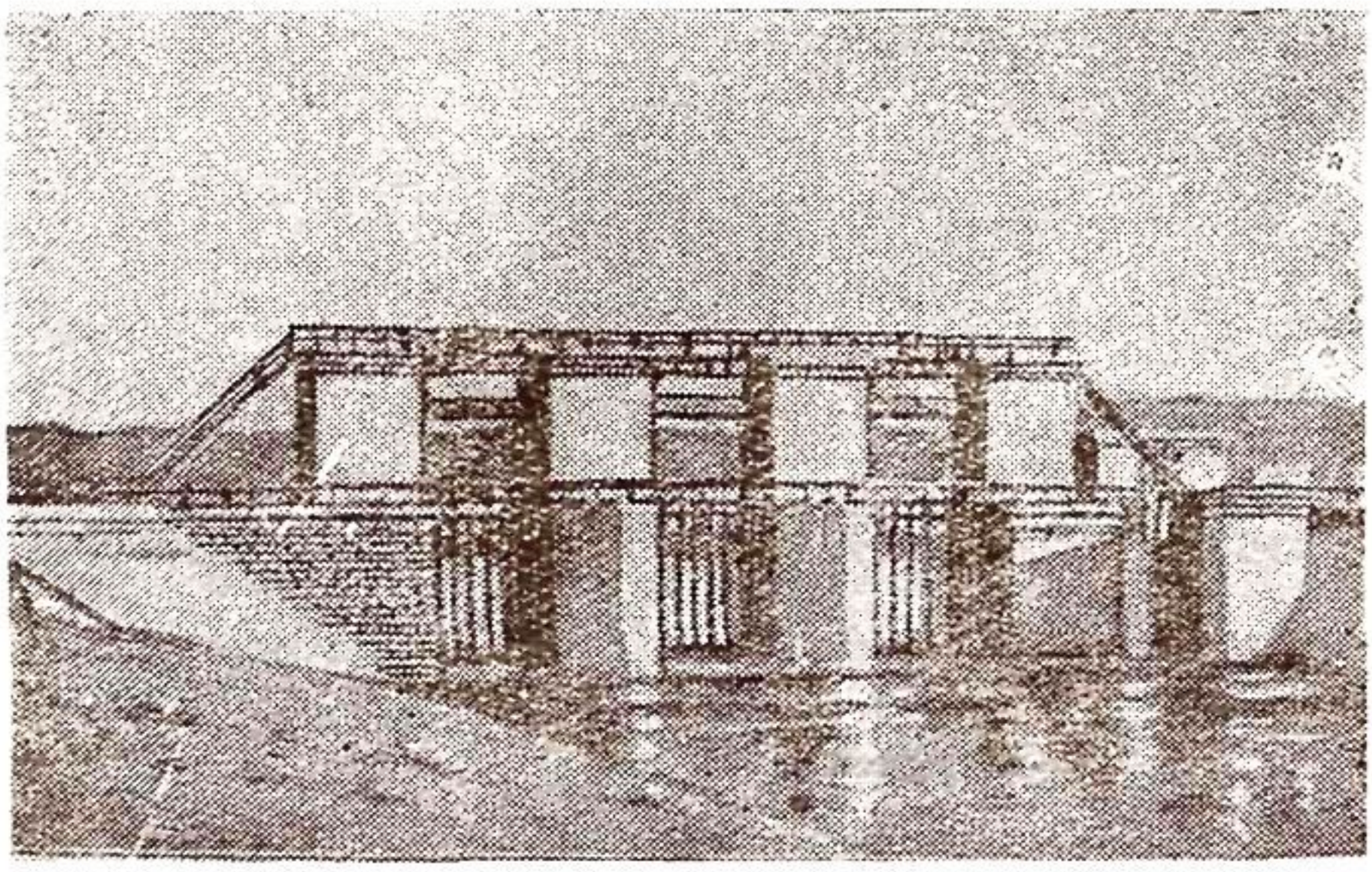
[1] ЦГВИАМ, ф. 400, оп. 261/911, д. 19, л. 100.
[2] Там же, д. 121, л. 26.

Однако масштабы расширенной оросительной сети далеко не удовлетворяли возросшие потребности. Увеличение водных запасов шло главным образом за счет экстенсивного расширения оросительной сети, которая в основном сохраняла свой прежний примитивный характер.

Исключением была лишь ирригационная система Мургабского «государева имения».

Мургабское имение было образовано в 1887 г. указом царя сенату, в котором предлагалось «все впусте лежащие земли по течению р. Мургаба... признать собственностью царствующего императора, с наименованием Мургабским государевым имением».

Организацией имения имелось в виду, таким образом, создать в плодородном оазисе новый источник доходов для дома Романовых. Для этого нужно было возродить оазис, пре-



Плотина в Мургабском имении (из материалов Исторического музея АН ТССР).

вращенный в мертвую пустыню в 90-х годах XVIII в., когда бухарским эмиром была разрушена Султанбентская плотина.

Имение в действительности было организовано не «на впусте лежащих землях», как говорилось в указе, а за счет земель, отнятых у туркменского населения Мервского и Иолотанского оазисов. Общая площадь имения составляла 103 908 десятин земли. На Мургабе разновременно были возведены ирригационные сооружения по последнему слову инженерного искусства того времени: Султанбентская (1887—1890 гг.) и

Гиндукушская (1891—1895 гг.) плотины, с сетью главных и второстепенных распределительных каналов, оборудованных мощными кирпичными регуляторами-вододелителями. На месте прежнего запустения появился относительно культурный оазис. Работа имения была поставлена на широкую ногу, с применением рациональных агромероприятий, использованием сельскохозяйственных машин и т. д.

Восстановленная система орошения и ирригационные сооружения Мургабского имения предназначались служить образцом искусственного орошения для других местностей Средней Азии и некоторых частей России, но этой функции они не выполнили. Вплоть до Октябрьской революции по всему краю сохранялась старая примитивная сеть орошения. И производственный опыт имения вследствие замкнутости и оторванности от жизни местного населения не мог быть в сколько-нибудь значительной мере использован соседними дайханами. Условия дайханского хозяйства не позволяли введения каких-либо серьезных новшеств: практики правильных севооборотов, чередования сельскохозяйственных культур, применения искусственных удобрений и т. д.

Основную массу рабочей силы в имении составляла туркменская беднота. Лишенные администрацией имения собственной земли и воды, местные дайхане были превращены в жалких арендаторов на кабальных условиях.

Оросительная сеть являлась узким местом в развитии земледелия, особенно хлопководства. Недостаток воды гибельно сказывался на посевах, что являлось настоящим бичом, особенно для трудового дайханского хозяйства, находившегося в тяжелом положении. В период паводков, вследствие примитивности устройства оросительной сети, ирригационные сооружения разрушались и большие площади возделываемых земель затоплялись, что приводило к полному разорению многих дайханских хозяйств. В Тедженском уезде заболачивание местности происходило почти ежегодно в период весеннего паводка реки. Окрестности станции Теджен и города затоплялись на целые сотни квадратных верст. Такое же положение наблюдалось в Мервском уезде. Наряду с другими стихийными бедствиями, во власти которых находилось сельское хозяйство, — частыми нашествиями саранчи, недостаток оросительной воды или, наоборот, заболачивание приводили к низкой урожайности и ввергали трудовое эксплуатируемое дайханство в нищету.

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия для мощного подъема и качественного улучшения ирригационного хозяйства Туркменистана.

б) Земельно-водные отношения в ауле

Из всех районов расселения туркмен наиболее заметные изменения в социально-экономическом строе туркменского общества после присоединения Туркменистана к России произошли в Закаспийской области, что явилось результатом непосредственного включения экономики Закаспия в капиталистическое хозяйство России.

Строительство Закаспийской железной дороги, развитие торговли с Россией и рост внутрикраевых хозяйственных связей, приток в область пришлого населения, главным образом, русских и украинцев, возникновение городов и городской жизни, утверждение здесь централизованной власти Российской империи — все эти новые явления привели к существенным изменениям в экономическом строе Южного Туркменистана.

И в рассматриваемый период основой местной экономики продолжало оставаться сельское хозяйство, но его структура и характер претерпели значительные изменения.

Продолжали сохраняться три прежних вида землепользования: мюльковый, санашниковый и кярендный (арендный), но удельный вес и роль каждого из них значительно изменились.

Мюльковый вид землепользования, основанный на праве частной собственности, становился все более преобладающим. Объясняется это как более благоприятными внешнеполитическими условиями, которые созданы были в результате присоединения оазиса к России и почти полного прекращения разбойничьих набегов, так и теми социально-экономическими сдвигами, которые происходили в туркменском ауле в связи с вовлечением его в орбиту экономики России и проникновением сюда капиталистических отношений; неизбежным следствием этого процесса и явился рост мюльковых земель.

С присоединением Туркменистана к России все мюльковые и санашниковые земли, которыми фактически пользовалось туркменское население к 1881 г., были оставлены в его пользовании по праву надела и получили название надельных земель. В состав их входили также земли мечетей, «святых мест» и другие, так называемые вакуфные земли. Надельные земли, т. е. мюльковые и санашниковые, находились в пользовании населения согласно туркменскому обычному праву (адату).

Кярендные земли, составлявшие остаток неразделенной общественной земли и раньше сдававшиеся аульным обществом в аренду отдельным лицам, в 1890 г. были изъяты царскими властями из ведения аульных обществ и переданы, по распоряжению начальника области Куропаткина, в ведение

царской администрации «для развития хлопководства, устройства колонизации и других мероприятий...»[1].

Общий фонд экспроприированных родовых и аульных кярендных земель, по данным сенатора Палена, составлял в начале XX столетия свыше 200 тыс. десятин, из них фактически обрабатывалось до 60 тыс. десятин. Сдача в аренду бывших кярендных земель фактически стала одним из главных источников дохода местной царской администрации, а также фондом, за счет которого наделялись переселенцы-колонисты.

Из года в год расширялись площади обрабатываемой земли. Если в 1889 г. количество засеваемой ежегодно земли в области определялось в 57 тыс. десятин[2], то в 1894 г. площадь обрабатываемой земли достигала 106 тыс. десятин[3], а в 1905 г. — 150 тыс. десятин[4].

Важнейшим фактором, обусловившим рост освоения новых площадей, явилось создание более благоприятных условий для ведения мирного оседлого хозяйства. Если до присоединения Туркменистана к России землепашец-туркмен вынужден был выходить на обработку поля с оружием в руках, ежечасно опасаясь подвергнуться налетам военно-грабительских шаек феодалов, то теперь население земледельческих оазисов могло всецело отдаться мирному труду. Этот переход к производительному труду в земледелии стал тем более необходим, что присоединением Закаспия к России положен был конец аламанам, организуемым феодальной верхушкой и отвлекавшим мужское туркменское население от мирных занятий.

К концу XIX столетия земледелие составляло основную отрасль сельскохозяйственной деятельности населения в Мервском (73,6%), Тедженском (63,6%) и Асхабадском (60,3%)[5], т. е. в трех восточных уездах области. В Красноводском уезде, где процесс оседания происходил медленнее в связи с недостатком воды и непригодностью почвы, земледелие развито было, главным образом, среди туркмен Кара-Калинского приставства; остальное население уезда занималось преимущественно скотоводством, для которого имелись обширные пастбища, а также и рыболовством. Как основное занятие, скотоводство сохранилось и у казахов Мангышлакского уезда.

Несмотря на повышение удельного веса земледелия, для хозяйства туркмен в оазисах по-прежнему характерным являлось сочетание земледельческого хозяйства («чомур») с отгонным скотоводством («чарва»).

---

[1] К. К. Пален. Отчет по ревизии, стр. 295.
[2] Обзор Закаспийской области (дальнейшем ОЗО), 1882—1890, стр. 69
[3] Там же, 1890—1896, стр. 99.
[4] К. К. Пален. Указ. соч., стр. 291.
[5] Там же.

Под влиянием роста оседлого земледельческого населения и повышения заинтересованности его в получении доли воды — су, в связи с переходом хозяйства туркмен на товарно-капиталистические рельсы, происходили существенные изменения в области правовых норм, регулируемых обычным правом. В тех случаях, когда общество испытывало недостаток воды, оно лишало права на получение «су» мужчину по смерти жены или в случае развода с нею и восстанавливало это право лишь при условии вступления его снова в «никах»—брак[1]. Лишались права на воду не только одинокие вдовы, но, в отдельных случаях, и с детьми; в лучшем случае, они сохраняли право на долю воды до выхода замуж дочери и женитьбы сына, который приобретал самостоятельное право на воду, как новый «никах».

Постоянно уменьшалась величина единицы туркменского водовладения — доля воды («су»), цена же ее непрерывно возрастала.

В погоне за получением лишнего пая воды («су») состоятельные жители аула часто женили своих сыновей почти тотчас после рождения; причем невеста могла быть на много лет старше жениха. Взрослые мужчины нередко брали в жены девочек 3—4 лет; 8—12-летний ребенок являлся юридически мужем или женой, впрочем, мальчики в большинстве не ранее 15 лет[2]. На них родители и получали дополнительный земельно-водный надел — «никах су».

Погоня за получением лишнего пая воды и в связи с этим повышенный спрос на невест привели к увеличению размера калыма (выкупа за невесту). Калымная плата к концу столетия возросла в пять раз и доходила до 1000 рублей за невесту[3]. Естественно, что бедняки-дайхане не в состоянии были уплачивать столь высокий калым, а следовательно и жениться. Нередко они обречены были на всю жизнь на полное одиночество. Богатые же дайхане нередко женили своих малолетних сыновей, приобретая тем самым лишний пай земли и воды.

Таким образом, основной закон санашика—право «никахов» (женатых) на воду становится одним из орудий обогащения аульной верхушки.

Значительная масса дайхан вынуждена была либо арендовать землю и воду на тяжелых кабальных условиях, либо бат-

---

[1] Я. Таиров. Общие сведения об орошении аулов Асхабадского уезда в 1892 году, стр. 268.

[2] Д. И. Субботич. Материалы по землеводопользованию в Закаспийской области, Асхабад, 1903, стр. 35.

[3] Сборник приказов по военно-народному управлению Закаспийской области с 1890 по 1897 гг. включительно, в двух частях, ч. I. Приказы о ревизиях, Асхабад, 1898, стр. 375.

рачить. Цена земли и особенно воды непрерывно возрастала. Уже в 1903 г. цена одного танапа[1] неорошаемой земли, расположенной поблизости к городу, доходила до 200 рублей, один танап садовой земли стоил около 300 рублей[2]. Цена одного «су» составляла 25—30 рублей[3]. Возрастала заинтересованность в переходе земельно-водных участков в частное владение, так как земля, находившаяся в индивидуальной собственности общинников, давала лучшие урожаи вследствие лучшей обработки, своевременного полива, внесения удобрений и т. д. Наоборот, на общинных землях, которые, как правило, подвергались ежегодному переделу, урожаи были всегда ниже. Особенно это обстоятельство сказалось при введении такой высокоприбыльной и интенсивной культуры, как хлопок.

В связи с этим, мюльковые участки, которые, как правило, первоначально отводились только по общему согласию членов аульного общества как приусадебная земля с фруктовыми садами — теперь превращаются в полную индивидуальную собственность; развивалась купля и продажа мюльковых участков, ранее не допускавшаяся по адату. Приобретать эти участки имела возможность лишь наиболее зажиточная часть туркменского общества[4].

Оборотной стороной процесса уменьшения фонда общинных земель было обезземеливание все большей части малоимущего дайханства. Явление это получило такое распространение, что областная администрация вынуждена была говорить об этом открыто. Так, в 1892 г. был поставлен вопрос о переселении на Теджен около 500 кибиток текинцев из Асхабадского уезда, из числа не имеющих вовсе своей доли воды, а следовательно и земли[5].

Обезземеливание и обнищание дайханства сочеталось с процессом усиления класса крупных земельных собственников и арендаторов земли и воды, которые сдавали от себя землю и воду в аренду или субаренду малоземельным и безземельным дайханам. К началу 1908 г. было сдано в аренду по Мургабу и по Теджену около 9500 десятин пятнадцати арендаторам участками размером от 111 до 2000 десятин[6]. По свидетель-

---

[1] От арабского слова *«танаб»* — мера площади земли. В Закаспийской области равнялась приблизительно $^1/_6$ десятины.

[2] Д. И. Субботич. Указ. соч., стр. 25.

[3] Там же, стр. 28.

[4] К. К. Пален. Отчет по ревизии. Земское хозяйство, СПб., 1910, стр. 346.

[5] Сборник приказов по военно-народному управлению Закаспийской области с 1890 по 1897 г. включительно, в двух частях, часть I. Приказы о ревизиях, Асхабад, 1898, стр. 55.

[6] Э. Р. Барц. Орошение в долине р. Мургаба и Мургабское государево имение, СПб., 1910, стр. 15—21.

ству Палена, крупные арендаторы сельским хозяйством сами почти вовсе не занимались, а сдавали землю в субаренду безземельным туркменам из половины урожая, в то время как многие из них выплачивали собственникам земли лишь из расчета $^1/_{10}$ или $^1/_5$ части урожая. В числе крупных арендаторов были и представители туркменской феодально-родовой знати, получавшие нетрудовой доход как от сдачи в аренду собственной земли — мюльковой, так и арендованной земли в субаренду.

Особенно широко была развита практика арендных отношений в Мургабском имении. В 1901 г. в нем работало 7676 человек, состоявших большею частью из арендаторов. Из общей массы арендаторов имения 68,5% составляли местные дайхане. Только крайняя нужда и угроза голода гнали эту массу безземельных туркменских дайхан на кабальный труд в имении. «От арендаторов отбоя нет», — писал о Мургабском имении один из крупных арендаторов[1].

В 1906 г. в имении обрабатывалось 8258 десятин, из них более половины было занято под наиболее прибыльную культуру — хлопок. Эта площадь в основном обрабатывалась дайханами из соответствующей доли урожая.

При сдаче земли в аренду управление имения отдавало преимущество крупным арендаторам. Баи арендовали у имения из $^1/_3$ части урожая по 200 и более десятин земли; арендованная земля делилась на участки, называвшиеся «номерами», размером до 25 десятин каждый. Эти «номера» разбивались на более мелкие участки—по 2—3 десятины каждый и сдавались баем-«номербаши» (голова—хозяин номера) в субаренду дайханам из половины урожая. Такая практика еще более усугубляла кабальное положение непосредственных производителей. Между имением и дайханами стоял крупный арендатор-посредник. Создался особый слой арендаторов-посредников, которые, не затрачивая ни труда, ни капитала, даже на приобретение инвентаря, получали ежегодно крупный доход с арендуемых ими участков.

Обострение земельно-водной нужды привело к значительному усложнению практики арендных отношений. Сдавались в аренду земля и вода порознь и вместе, при этом учитывалось, кто выполнял сельскохозяйственные работы, хозяин или арендатор, в чьих руках находились земледельческие орудия и скот, кто доставлял семена и т. д. Разнообразие форм аренды вызвало и разнообразие в способах и размерах взимаемой арендной платы. В отличие от доколониального периода, на-

---

[1] См. М. Н. Ермолаев. Пропуск воды Аму-Дарьи в Мервский и Тедженский оазисы, СПб., 1908, стр. 85. М. Н. Ермолаев был одним из крупнейших держателей арендованных казенных земель на Теджене.

чала довольно широко применяться денежная форма аренды. Цена за орошаемую землю все более повышалась.

Концентрация земли и воды происходила в руках представителей низового административно-управленческого аппарата, особенно мирабов[1] и их помощников-пенджуваров, сахлиянов (караульщиков на плотинах) и т. п. Так например, в Иолотанском приставстве вознаграждение мирабов и их помощников определялось в среднем в размере 16—20 «су»[2]. Значительный размер вознаграждения мирабов и их помощников существовал и в других оазисах.

Помимо лиц, обслуживавших оросительную систему, привилегиями при наделении водо-земельным паем пользовались и другие представители низшей администрации: аульные старшины и их помощники, аульные судьи, есаулы[3], эмины[4] и т. д. В руках этой привилегированной группы местного населения было сосредоточено от $^1/_5$ до $^1/_2$ количества воды, находившейся в распоряжении того или иного общества[5].

Согласно данным Таирова по Тедженскому оазису, относящимся к 1904 г., в роде векиль насчитывалось 1380 «су». Из них в пользовании должностных лиц, мечетей и пр. находилось 625 «су», а в пользовании остальных членов общины — 705 «су»[6].

Такая картина была типичной не только для Тедженского, но и для других оазисов. Санашик, несмотря на сохранение своего внешнепатриархального, уравнительного характера, под влиянием новых условий, связанных с проникновением капиталистических отношений в туркменский аул, претерпевал существенные изменения. И внутри земельно-водной общины усиливался процесс земельно-водного неравенства. Феодально-родовая знать, сосредоточив в своих руках все должности аульной администрации, по существу сама ведала распределением земельных участков и оросительной воды и захватывала себе лучшие участки, расположенные в верховьях ирригационной сети, поближе к водным источникам, а также большую часть оросительной воды.

---

[1] *Мир*, т. е. *эмир*—князь, *аб*—вода—«распорядитель воды», главная обязанность которого заключалась в распределении всей находившейся в его ведении воды между населением в соответствии с установленным обычаем в Закаспийской области.

[2] Д. И. Субботич. Указ. соч., стр. 46.

[3] *Есаулы*—аульные джигиты, находившиеся при старшинах для передачи приказаний, розысков, сбора рабочих и прочих служебных обязанностей общественного порядка.

[4] *Эмины*—сборщики податей.

[5] Я. Таиров. Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области, ч. II, СПб., 1904, стр. 271.

[6] Там же.

В результате, усиливалось обезземеливание дайханства. В 1903 г. в 18 аулах восточного района Асхабадского уезда из 8429 податных кибиток 2045 плательщиков подати не имели собственной воды[1], а следовательно и обрабатываемой земли.

Эта часть населения, составлявшая, по признанию самой администрации, бедноту, вынуждена была искать средства к существованию путем найма к богатым общинникам в аулах или к крупным скотоводам, а также при помощи отхожих промыслов.

Захват земли и воды, царской администрацией, с одной стороны, концентрация их в руках местной феодально-родовой верхушки, с другой стороны, создавали массовое обезземеливание и усиливали эксплуатацию малоземельного и безземельного дайханства, обрекали основную массу его на нищенское существование. Все мероприятия колониальной буржуазии в Туркменистане, как и во всей Средней Азии, были обусловлены действием основного экономического закона капитализма и преследовали одну цель — обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем закабаления и систематического ограбления трудящихся масс.

в) Переселенческая политика

Обострению земельно-водной нужды и ущемлению жизненных интересов трудового дайханства способствовала переселенческая политика царизма. Она преследовала цель ослабить аграрное движение, назревавшее в центральных губерниях России, отсрочить гибель помещичьего землевладения, ослабить остроту противоречий, вызванных развитием капитализма «вглубь» путем распространения сферы его влияния «вширь».

Характеризуя переселенческую политику на окраинах, И. В. Сталин в тезисах к X съезду ВКП(б) писал: «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений»[2]. Следствием этой политики явилось массовое вытеснение с земель местных коренных жителей, разорение и вымирание их.

Однако запасы земель, годных для земледелия в Закаспийской области были явно недостаточны для того, чтобы в широком масштабе организовать здесь крестьянскую колонизацию. Мешали этому и непривычные для русских крестьян климатические условия. Тем не менее, важное военно-стратегическое значение области, боязнь возможных волнений и восстаний коренного населения, желание в связи с этим руссифициро-

[1] Д. И. Субботич. Указ. соч., стр. 29.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 26.

вать ее заставили царское правительство и здесь позаботиться о создании себе социальной опоры в лице русского кулачества.

С переходом в состав Закаспийской области Гермабо-Кулкулабской котловины, согласно конвенции, заключенной между Россией и Ираном 9 декабря 1881 г., практически стало возможным приступить здесь к образованию первых земледельческих поселков колонистов. В 1888 г. в Гермабе (впоследствии переименован в поселок Михайловка) поселилось 17 русских семейств из разных губерний внутренней России. Эти семьи и положили начало русскому земледельческому населению в области. Однако колонизация не достигла здесь сколько-нибудь значительных размеров, как например, в Семиречье, ставшем районом крупной колонизации.

Всего к 1904 г. в области насчитывалось 25 русских поселков, составлявших 753 двора с населением в 3761 человек обоего пола[1]. Количество земли в земледельческих поселках области к 1908 г. составляло свыше 10 тыс. десятин[2]. Наибольшее количество поселков было организовано в бытность начальником Закаспийской области генерала Куропаткина с 1891 по 1897 г., возлагавшего большие надежды на колонистов.

С первых же шагов колонизации делается ставка на имущественно-обеспеченных и «благонадежных» в политическом отношении крестьян. Переселенцам отводились земли, преимущественно расположенные в пограничных с Ираном районах, у самых предгорий Копет-Дага, где находились истоки более или менее крупных речек, ручьев и родников. Размеры земельных участков среднего переселенца в несколько раз превышали надел среднего дайханина. Переселенцам представлялись некоторые льготы: материальная помощь в виде пособий деньгами, ссуды хлебом, семенами и лесными материалами.

Однако воспользоваться этими льготами могла лишь наиболее имущая часть переселенцев. Зажиточные колонисты, приспособляясь к рыночному спросу, усиленно развивали товарное земледелие, молочное животноводство, занимались разведением фруктовых деревьев и огородно-бахчевых культур, переводя свое хозяйство на товарно-капиталистические рельсы. В поселке Козельном, основанном в 1891 г. и расположенном в Фирюзинской долине, богатые поселяне, пользуясь близостью Асхабада, как рынком сбыта, занялись в

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 17, д. 473, лл. 47—50.

[2] К. К. Пален. Отчет по ревизии. Переселенческое дело, стр. 389—394.

широких размерах молочным хозяйством. В 1894 г. у некоторых из них насчитывалось по полсотне и более голов рогатого скота, большое количество фруктовых деревьев и т. д. Аналогичное положение мы наблюдаем в Михайловском и других русских поселках.

Трудовое переселенческое крестьянство—середняки и бедняки — также приспособлялось к рыночному спросу. Под влиянием спроса на сельскохозяйственные продукты со стороны войск, пришлого и местного населения оно развивало виноградарство, различные плодовые культуры (персики, абрикосы, сливы, вишни и т. д.).

Туркмены заимствовали у русских переселенцев новые, неизвестные им культуры. Впервые в туркменском хозяйстве появились картофель, капуста, огурцы, салат и другие овощи. Саратовские переселенцы привезли в область камышинские сорта арбузов и т. д. Особенно широкое распространение садовых и огородных культур среди туркмен началось со времени образования в 1892 г. в ауле Кеши (близ Асхабада) школы садоводства, огородничества и шелководства (бывшая Куропаткинская), в которой русские агрономы обучали туркмен приемам ведения садоводства и огородничества. Тем самым было положено начало внедрению агротехнических знаний в хозяйство туркмен. Помимо заимствования ряда сельскохозяйственных культур, туркменские дайхане впервые познакомились с неизвестными им раньше сельскохозяйственными орудиями: железным плугом, бороной, косой, а также с европейскими способами уборки урожая.

Русские, украинские и другие приезжие ремесленники делились с туркменами также опытом ремесленного и промыслового производства.

Подобным же образом происходило заимствование русскими, украинскими и прочими переселенцами у туркмен возделывания культуры хлопчатника, техники ирригации, орошения и т. д.

На почве обмена производственным опытом происходило сближение трудящихся туркмен с русским и другим пришлым трудовым народом.

Вследствие тяжелых климатических условий, трудностей хозяйственного и бытового устройства на местах, многие переселенцы, особенно так называемые «самовольцы», не могли создать устойчивого хозяйства. Часть из них, не имея либо земельных участков, либо инвентаря и рабочего скота для обработки полей, была вынуждена батрачить у своих односельчан. Часть разорялась, уходила в города, нанималась на железную дорогу, на фабрики и заводы.

Трудовые слои туркменского дайханства, общаясь с русской переселенческой беднотой и батрачеством, приходили к сознанию, что царизм так же угнетает и эксплуатирует русское трудовое крестьянство, как и туркменское дайханство, и, таким образом, на опыте убеждались в общности своих классовых интересов с русской крестьянской беднотой. Переселенческая беднота всех национальностей впоследствии явилась серьезной силой, на которую опирались местные большевики и городские русские рабочие в борьбе за свержение царизма, за социальное и национальное раскрепощение туркменского народа.

г) Развитие товарно-денежных отношений и усиление процесса классового расслоения в ауле

С присоединением к Российской империи и особенно после постройки Закаспийской железной дороги Туркменистан оказался связанным с обширными рынками страны. Это обстоятельство обусловило развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве области.

С включением туркменского хозяйства Закаспийской области в систему капиталистического хозяйства России стало развиваться товарное земледелие, создавались специализированные районы. Быстрый рост товарного земледелия на первых порах происходил в области зернового хозяйства. Уже в 90-х годах Тедженский уезд стал снабжать своею пшеницею весь Асхабадский уезд и даже направлял избыток хлеба и в особенности кунжута в Закавказье и Хиву.

В середине 90-х годов русская торгово-промышленная буржуазия внедряет в дайханское хозяйство наиболее интенсивную и товарную культуру — хлопок. Это открыло широкие пути проникновения капиталистических отношений в туркменский аул и способствовало полному включению его в русло российского капитализма, так как развитие среднеазиатского хлопководства всецело было подчинено сырьевым потребностям текстильной промышленности России.

Производство хлопка стало возрастать быстрыми темпами. В Закаспии площадь посева хлопка, достигшая в 1890 г. 900 десятин, увеличилась в 1904 г. до 31 340 десятин[1].

Первоначальные попытки отдельных групп русских капиталистов внедрить культуру хлопчатника в Закаспии путем создания крупных хозяйств капиталистического типа, требовав-

---

[1] В. И. Юферев. Хлопководство в Туркестане, Л., 1925, стр. 136.

ших широкого применения квалифицированного труда, техники, агрономии, оказались в условиях колонии экономически невыгодными. Здесь было выгоднее насаждать хлопководство на основе мелкотоварного хозяйства и чудовищной эксплуатации хлопкоробов-дайхан посредством ростовщического кредита и спекулятивной скупки хлопка. Эти формы кабальных отношений особенно усилились с начала XX в. с вступлением капитализма в России в империалистическую стадию развития. В Закаспийской области создаются различные отделения крупных русских банков. В Асхабаде были открыты отделения: Государственного банка (с 1895 г.), учетно-ссудного банка Персии (с 1899 г.)[1], Русско-Азиатского банка (с 1905 г.). Кроме того, во всех городах области функционировали так называемые общества взаимного кредита. Эти финансовые учреждения являлись руководящим звеном в системе эксплуатации трудового дайханства.

Культура хлопчатника требовала не только значительного интенсивного труда, но и предварительной затраты денежных средств на закупку семян, приобретение и ремонт инвентаря, на обзаведение рабочим скотом, а также на прожиточный минимум хлопковода с его семьей. А это приводило к тому, что дайханин попадал в хищные лапы ростовщиков, скупщиков, выступавших в роли посредников между банками, текстильными фирмами и дайханством. Во главе всей системы кредитования непосредственных производителей через ростовщиков и скупщиков обычно стояли отделения Государственного банка.

Высшую ступень среди этих посредников составляли хлопкоторговые фирмы, снабжавшие текстильные фабрики сырьем и связанные кредитом с банковскими учреждениями. Эти фирмы сыграли значительную роль в развитии хлопководства в Средней Азии, но, вместе с тем, именно они породили ту систему беззастенчивого грабежа хлопкоробов, которая стала бичом для масс среднеазиатского крестьянства.

Так как скупка хлопка, а следовательно, и выдача задатков совершались через несколько рук, то дайханину за полученную сумму приходилось уплачивать весьма большие проценты (60% и больше)[2]. Дайхан систематически обсчитывали, обвешивали, обманывали, всевозможными способами. Ростовщические кредиты, а также операции по скупке и перепродаже хлопка приводили к тому, что хлопкоробы не могли покрыть возраставшей кабальной задолженности и все более и более запутывались в сетях ростовщиков.

---

[1] Стат. ежегодник ЦСУ Туркестанской республики на 1917—1923 гг., т. I—II, ч. III, Ташкент, 1924, стр. 409.

[2] ЦГА МВД ТССР, д. 1, оп. 2, д. 10704, л. 83.

Эта система открыла широкие возможности для первоначального накопления капитала в туркменском ауле. Постепенно появилась туркменская торгово-ростовщическая буржуазия, отдельные представители которой располагали миллионным капиталом.

Исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора Кондратович писал в своем докладе по хлопководству: «Эта отрасль местной культуры повела к тому, что среди населения стали появляться даже капиталисты, — явление совершенно неслыханное во времена «туркменчилика»[1]. Так например, по словам генерал-майора Волковникова, вернувшегося в конце февраля из поездки в Иолотань, где он не был 20 лет, в Мервском уезде есть туркмен, который имеет ныне до 3 млн. рублей капитала: он хранит эти деньги в слитках золота и серебра; человек 6—7 туркмен в том же Мервском оазисе имеют до 1 800 000 рублей каждый»[2]. Подобные крупные богачи — миллионеры появились и в других районах области.

Обогащавшаяся туркменская буржуазия в своей деятельности опиралась на русскую администрацию и русских капиталистов, а те, в свою очередь, пользовались поддержкой и услугами туркменской торгово-ростовщической буржуазии. На почве совместного грабежа трудящихся масс создавалось и крепло сотрудничество эксплуататоров—колонизаторов и туркменского байства. Сближение и сотрудничество это установилось, таким образом, по классовому признаку. С другой стороны, вместо господствовавших ранее в ауле родовых связей все более явственно выступают классовые.

К началу XX в. отчетливо выделяются районы, специализирующиеся преимущественно как земледельческие — Мервский, Тедженский, Асхабадский. Скотоводство здесь, хотя по-прежнему и играло большую роль в экономике и также переходило на товарно-денежную основу, все же заметно стало уступать товарному земледелию.

Развивавшиеся города и поселения городского типа явились торговыми и хозяйственными центрами, население которых, преимущественно пришлое, предъявляло спрос не только на хлеб, но и на другие сельскохозяйственные и огородно-бахчевые культуры. Появляется ряд других сельскохозяйственных отраслей промышленного и товарного земледелия.

Помимо хлопководства, здесь, как например, в Мервском и Асхабадском уездах, развивалось виноградарство, а вместе с ним виноделие. Фруктовое садоводство и промышленное ого-

---

[1] Времена так называемой «независимой» Туркмении.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1 (КТГГ), оп. 27, д. 1691, лл. 44—45.

родничество развивалось также в Мервском оазисе, особенно в Байрам-Алийском «государевом имении», где всячески поощрялась посадка фруктовых деревьев и виноградных чубуков улучшенных сортов.

Развитию шелководства был дан также толчок раздачей населению оздоровленной самаркандской и кавказской шелковичной грены и устройством в Кеши близ Асхабада шелководческой опытной станции. В 1893 г. населением было получено около 120 пудов шелка-сырца.

Вокруг городов, население которых предъявляло спрос на огородно-бахчевые и овощные культуры, развивалось промышленное огородничество.

В Тедженском уезде разводились бахчевые культуры: дыни, арбузы, тыквы, на которые в летнее время предъявляло спрос городское население. Однако масштабы разведения плодово-фруктовых и огородно-бахчевых культур ограничивались лишь потребностями спроса населения Закаспийской области и даже не вполне покрывали этот спрос.

Сельское хозяйство Туркменистана хотя и становилось на путь капиталистического развития, однако уровень развития производительных сил в нем был по-прежнему низким, отсталым. В основном сохранились докапиталистические формы эксплуатации: кабальная аренда и субаренда, посреднические и ростовщические операции с хлопком и проч., которые обеспечивали феодально-байским элементам высокую прибыль.

Поэтому эксплуататорская верхушка не была заинтересована в создании крупного современного капиталистического хозяйства, в развитии передовой техники земледелия и орошения, в крупных капиталовложениях. Эксплуатация посредством ростовщичества явилась одной из причин, способствовавших консервации архаических, примитивных форм ведения сельского хозяйства, сохранению преобладающей роли феодальных отношений. Со своей стороны и русские капиталисты предпочитали использовать существующие докапиталистические методы эксплуатации дайхан. Сохраняя Туркменистан в качестве аграрно-сырьевого придатка, царизм не был заинтересован в создании местной национальной промышленности, особенно таких отраслей ее, как машиностроение, химическая, хлопчатобумажная и т. д.

Политика царского правительства, отражавшая интересы российской крупной буржуазии и помещиков, была направлена к превращению Туркменистана в рынок сбыта и сырьевую базу для промышленности центральных областей империи. Поэтому промышленное развитие края не только не пользовалось покровительством властей, а, напротив, всячески тормо-

зилось ими. Богатства, накопленные аульными баями путем захвата общественных земель, эксплуатации дешевого, а подчас и дарового труда дайхан, торгово-ростовщических операций и т. д., лишь частью превращались в промышленный капитал, в основном оставаясь в сфере простого товарного обращения, торговли и ростовщического кредита. По той же причине тормозилось превращение разоренной пауперизованной массы сельского населения в индустриальный пролетариат; она в основном продолжала влачить нищее, голодное существование в аулах, выделяя из своей среды отходников-чернорабочих, а то и просто бродяг и нищих, странствовавших из аула в аул, заполнявших базары и улицы городов в поисках случайного грошевого заработка или подаяния.

Нищета и голод до Великой Октябрьской социалистической революции были постоянными спутниками жизни бедняка и его семьи в туркменских аулах.

Малоземелье массы дайханства вызывало широкое распространение кабальных форм аренды, приводило к крайней технической отсталости крестьянского хозяйства. Сохранилась отсталая средневековая система землеводопользования «санаишик», отсутствовал правильный севооборот.

В земледелии, как и раньше, господствовала переложная система: год-два земля засевалась и 4—5 лет «отдыхала». Правильный севооборот и сельскохозяйственные удобрения, а также более усовершенствованные земледельческие орудия хотя и начали внедряться, но лишь на так называемых опытно-показательных полях, что положительно влияло лишь на отдельные более передовые хозяйства, но не могло оказать решающего влияния на массу дайханских хозяйств, задавленных нуждой, эксплуатацией и темнотой. Сельское хозяйство оставалось по-прежнему на низком техническом уровне. В нем использовались такие примитивные орудия, как омач, мала и пр.

Тем не менее, под влиянием развития товарно-денежных отношений в ауле происходили существенные изменения. С появлением городов, ставших центрами торговой и промышленной жизни области, уходила в прошлое былая замкнутость и изолированность туркменского аула. Установление все более тесных экономических связей, внутриобластных и среднеазиатских, совершавшееся под решающим воздействием общероссийского рынка, расшатывало традиционные патриархально-феодальные устои, постепенно разрушало межплеменные, межродовые перегородки. С проникновением новых капиталистических отношений в туркменском ауле заметно усилился процесс социального расслоения, что обусловливало обострение

классовой борьбы в ауле. Это создавало почву для участия широких трудящихся масс русского и туркменского дайханства в грядущих революционных событиях, глашатаем которых явилась Россия, ставшая к началу XX в. родиной ленинизма. В результате развития революционного движения под руководством Коммунистической партии масса трудящихся дайхан превратилась в прямой резерв буржуазно-демократической, а затем и социалистической революции.

д) Кочевое и полукочевое скотоводство

Основным занятием кочевого населения и большим подспорьем в земледельческом хозяйстве оседлого населения Туркменистана являлось скотоводство, занимавшее до присоединения к России важное место в экономической жизни Закаспия. Даже после присоединения к России, скотоводством занималось в той или иной мере почти все сельское население области, а в большинстве местностей Мангышлакского и Красноводского уездов оно продолжало быть основным занятием значительной части населения. Базой скотоводческого хозяйства в Мангышлакском и Красноводском уездах служили обширные пространства песчаных степей, холмов и невысоких гор, представлявших удобные пастбища.

Лучшие пастбища в Красноводском уезде находились по рекам Атреку, Сумбару, Чандырю, а также в районе Балханских гор. Здесь находились летовки кочевников, а на зиму они уходили в Иран, за Атрек. Скот поили либо из дождевых ям, «ка́ков», либо из колодцев, большинство которых принадлежало не общинам или родам, а наиболее крупным и богатым скотоводам. Даже в таком передовом земледельческом районе, как Мервский уезд, вне оазисов главное занятие населения составляло кочевое скотоводство. Лучшие пастбища располагались в Пендинском приставстве по склонам холмов, прорезанных реками Кушкой и Кашем, в долине Мургаба, близ Имам-Баба, и Сары-Язы, а также в песчаных степях между Мургабом и Аму-Дарьей, Мургабом и Тедженом. Скотоводство носило экстенсивный характер и базировалось всецело на подножном корму. Под влиянием растущего спроса населения городов области на мясо, шерсть, каракуль, молочную продукцию скотоводство теряет свой прежний натурально-потребительский характер и все больше вовлекается в сферу товарообмена. Усиливаются рыночные связи.

Главное богатство в скотоводческом хозяйстве населения Туркменистана составляли овцы, наиболее неприхотливые животные. По данным за 1890—1896 гг., овцы составляли 89%

всего поголовья скота области[1]. Кочевое население Мангышлакского и Красноводского уездов ежегодно продавало скот и продукты скотоводческого хозяйства и кустарной промышленности в соседние местности—Хиву, Уральскую область, а также сбывало на рынки Оренбурга. На деньги, вырученные от продажи скота, оно покупало хлеб, готовое платье, обувь и пр.

Наряду с овцами разводились верблюды, лошади, ослы, а также рогатый скот, который, впрочем, за недостатком подходящего корма, разводился в небольшом количестве.

Рост товарного скотоводства вызвал введение улучшенных пород скота, но само скотоводство сохраняло прежний кочевой, экстенсивно-пастбищный характер.

С 90-х годов возобновляется разведение наиболее высокоприбыльной породы овцы—каракульской, ввозимой из Бухары. Богатые скотоводы приобретали овец каракульской породы и, разводя их, получали от этого значительные доходы.

Высокая доходность скотоводческого хозяйства отмечалась в Мервском уезде, где наиболее широко распространилось разведение каракульской овцы. Центр каракулеводческого хозяйства находился в восточной части Кара-Кумов, между Мургабом и Аму-Дарьей, на территории Бухары, где преимущественно жили туркмены-эрсаринцы.

Интенсификация скотоводческого хозяйства туркмен была также вызвана рыночным спросом на изделия кустарной промышленности: ковры, паласы, кошмы и пр. Поэтому начинается разведение овец, дававших шерсть высокого качества. Местная порода овец, называемая «ха́рчи», дающая буро-красную шерсть среднего качества, постепенно заменялась овцой породы «аймак», а также пендинской, дающей белую шерсть лучшего качества. На эту шерсть, как и на каракуль, предъявлялся большой спрос не только в самой области, но и в России и даже за границей. Во Францию, в Марсель ежегодно вывозилось до 5000 кип этой шерсти. Сбывалась она и в Америку.

И в операциях с продуктами скотоводческого хозяйства, как в области хлопководства, господствовал русский капитал с втягиванием в посреднические торгово-ростовщические операции местной феодально-родовой верхушки.

Развитие товарного скотоводства способствовало усилению связей между кочевыми и оседлыми районами, между аулом и городом в пределах области, а вместе с тем усилению связи Закаспия в целом со всеми рынками Туркестана, а через него с капиталистическим хозяйством России.

---

[1] ОЗО, 1890—1896, стр. 161.

е) Налоговая политика царизма

Наряду с развитием капитализма, при сохранении докапиталистических форм и методов эксплуатации, поощряемых царизмом, важнейшим рычагом разорения и обезземеливания дайханства являлись многочисленные тяжелые государственные подати.

В Закаспийской области взимались государственная кибиточная подать, земские сборы и сборы, идущие на удовлетворение «общественных нужд».

До 1892 г. кибиточная подать с населения взималась в неодинаковом размере. С 1892 г. государственная кибиточная подать была установлена в едином размере по 4 рубля с кибитки, а земский кибиточный сбор—по 2 рубля.

Размер государственной подати и земского сбора возрастал из года в год. Так, с 1885 по 1907 г. сумма государственной подати увеличилась в 4 раза, а земского сбора почти в 10 раз. Сумма одних только прямых налогов с сельскохозяйственного населения Закаспийской области составляла в 1906 г. около полумиллиона рублей[1]. При этом основную тяжесть налогового бремени несла беднейшая часть дайханства.

При произволе и злоупотреблениях, какие существовали в системе сбора налогов, переход на денежное обложение взамен натурального, существовавшего до присоединения Туркменистана к России, способствовал росту денежных отношений в ауле, стимулировал товарность дайханского хозяйства, усиливал рыночные связи.

Помимо основных налогов, существовал еще ряд других натуральных и денежных повинностей, за счет которых содержался разросшийся аппарат низовой администрации. К числу таких повинностей относились: содержание аульных должностных лиц—старшин, «народных» судей, эминов и есаулов, содержание вольнонаемных джигитов при приставских управлениях, караульщиков полотна железной дороги, содержание земской почты, улучшение путей сообщения, содержание училищ, лечебниц, приобретение медикаментов и многие другие виды сборов[2].

Помимо государственной кибиточной подати, земских сборов и перечисленных выше «пожертвований на аульные нужды», население несло также различные натуральные повинности. Оно должно было выделять рабочих для казенных ирригационных и дорожных работ, верблюдов с погонщиками для

---

[1] К. К. Пален. Отчет по ревизии. Налоги и пошлины. СПб., 1910, стр. 202.

[2] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 1273, л. 137.

перевозки казенных грузов, предоставлять кибитки для проходящих воинских частей и партий новобранцев и пр.[1]

Эти бесплатные трудовые и прочие натуральные повинности в переводе на деньги во много раз превышали значившиеся на бумаге цифры государственной подати и земских сборов. Бремя налогов и поборов, отягощаемое произволом, злоупотреблениями и вымогательствами чиновников, способствовало разорению и пауперизации основных масс трудового населения Туркменистана. В то же время податная система создавала дополнительную питательную базу для роста паразитической байской, торгово-ростовщической верхушки.

ж) Итоги социально-экономического развития аула к началу XX столетия

Проникновение капиталистических отношений в аул вызвало разложение патриархально-феодальных отношений в сельском хозяйстве.

Развитие товарного хлопководства, а также налоги, взимаемые в основной своей части деньгами, ускорив процесс развития товарно-денежных отношений, подрывали в оазисах экономическую основу старой общины. Аулы, возникшие на основе родовых связей, с течением времени теряли свой однородный характер. Типичную картину представлял аул Ашхабад №1. Этот аул, вначале населенный исключительно текинским родом тильки, в дальнейшем стал принимать в свой состав пришлых жителей из самых различных родовых групп: гахшал, кара-ерме, ак-юсуф, кара-юсуф и др. Тилькинцы же составляли здесь к началу 900-х годов лишь 10—15% населения.

Подобные же процессы смешения родов совершались почти во всех оседло-земледельческих аулах. Санашиковая система земле-водопользования потеряла свою былую устойчивость.

Родовые связи начали слабеть, грани между различными социальными группами внутри рода обозначались все резче. Родовые пережитки использовались эксплуататорской верхушкой аула для удержания трудящихся дайхан в повиновении и покорности, для сглаживания нараставших классовых противоречий.

В туркменском ауле множились различные категории эксплуатируемых людей, живших «вечно на границе пролетарского состояния»[2]. Это были «чаръекчи»—дайхане-бедняки, арендующие у бая землю и воду, сельскохозяйственный инвен-

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 1273, л. 137.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 10.

тарь и семена на условиях получения 1/4 части урожая, «салла-хи» — обездоленный, нищий слой пауперизированного крестьянства, вынужденный работать в личном хозяйстве бая и попадавший в пожизненную кабалу. Существовали и другие категории эксплуатируемого дайханства.

Обезземеливание крестьянской массы, появление первых кадров сельского пролетариата и полупролетариата способствовали созданию внутреннего рынка. Возникали предпосылки для превращения рабочей силы в товар, а средств производства—в капитал.

Возникновение первых кадров местного национального пролетариата было явлением прогрессивным, так же как и ряд других явлений данного периода, свидетельствовавших о зарождении капиталистического уклада и разложении традиционных закоснелых форм общественной жизни.

В Туркменистане, как и повсюду, развитие капиталистических отношений совершалось на основе объективных экономических законов капитализма, осуществлявшего необходимый для него прогресс самыми жестокими средствами, обрекавшего порабощенные народы на голод, нищету, бесправие.

В результате присоединения Туркменистана к России далекая пустынная окраина стала приобщаться к общероссийскому, а через него и к мировому рынку. Развитие товарно-денежного хозяйства в туркменском ауле вело к ликвидации былой замкнутости и изоляции туркмен, к дальнейшему разложению общины, которая тормозила процесс расслоения крестьянства, рост классового самосознания, хозяйственного, политического и культурного общения трудящихся и эксплуатируемых слоев, их сближение в общенародном масштабе между собой и с демократическими элементами русского народа.

На основе роста экономических связей, хозяйственного разделения между различными областями Туркменистана начали рушиться межплеменные, межродовые перегородки.

Дифференциация в ауле, рост городов, развитие торговли и средств связи означали известный шаг вперед. А это не могло не ускорить тенденции к сплочению и к хозяйственной консолидации Туркменистана в единое целое. Эти процессы более заметно протекали в земледельческой полосе Закаспия. Туркменских районов Хивы и Бухары новые веяния коснулись слабее.

Параллельно с этим прогрессивным процессом происходили и другие, сопутствовавшие ему. Поскольку тенденция к объединению протекала в условиях колониального режима и национального гнета, в условиях политического бесправия, то

естественно, что это вызывало тенденцию к освобождению угнетенных трудящихся масс от империалистического гнета.

При всей социальной и культурной отсталости туркменского дайханства пресс колониального режима и байской эксплуатации породил в его среде справедливый гнев и стремление к борьбе за раскрепощение, подготовляя почву для восприятия в XX в. передовых революционных идей, носителем которых являлся русский рабочий класс.

4. Развитие промышленности и торговли в Закаспийской области

а) Промышленность

В результате ряда научных экспедиций и исследований, предпринятых еще в конце XIX и начале XX столетия русскими учеными в поисках источников сырья и месторождений природных богатств, выяснилось, что Туркменистан обладает богатейшими возможностями для развития различных отраслей тяжелой индустрии—нефтяной, химической и пр. Однако до присоединения к России здесь не было ни одного промышленного предприятия.

Присоединение к России дало серьезный толчок к появлению первых очагов капиталистической промышленности в крае. Хотя экономическая политика царизма была направлена на задержку развития таких отраслей промышленности, как машиностроительная, нефтяная, химическая, однако проникновение капиталистических отношений вызвало здесь явления, характерные для всей колониальной системы эпохи империализма: «...эксплуатируя эти страны,—говорил И. В. Сталин,—империализм вынужден строить там железные дороги, фабрики и заводы, промышленные и торговые центры. Появление класса пролетариев, зарождение местной интеллигенции, пробуждение национального самосознания, усиление освободительного движения—таковы неизбежные результаты этой «политики»[1].

Первые результаты изучения и выявления естественных богатств Закаспия дали возможность организовать эксплуатацию уже давно известных туркменам месторождений нефти, озокерита, серы, соли и других полезных ископаемых.

С 70-х годов прошлого столетия на о. Челекен проникли нефтяные фирмы, положившие начало капиталистической эксплуатации нефтеносных земель. Началась в широком мас-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 73.

штабе аренда и субаренда, продажа и перепродажа отобранных у туркмен нефтеносных участков. Однако она преследовала цель не столько промышленной разработки и эксплуатации нефтяных богатств, сколько спекулятивной наживы.

Нефтяная кампания Нобеля, заарендовав нефтяные месторождения о. Челекена, разрабатывала их лишь постольку, поскольку это было необходимо, чтобы не создать конкурента бакинской нефти, основным поставщиком которой являлась та же фирма Нобеля, державшаяся «объединенным трудом десятков и сотен тысяч рабочих»[1]. Вопреки наличию на Челекене богатейших залежей нефти, в промышленном мире утвердилось ложное мнение, искусственно раздуваемое фирмой Нобеля о том, что все челекенское месторождение нефти является «неблагонадежным». Серьезного промышленного значения разработка нефтеносных залежей Челекена так и не приобрела вплоть до периода 1909—1913 гг. Дело ограничивалось в большинстве сучаев разведкой или небольшими эксплуатационными работами, без создания соответствующей научно-технической базы, без предварительного горнотехнического исследования месторождений. Известные уже тогда нефтяные месторождения Небит-Даг, Монджуклы, Боя-Даг, совершенно не разрабатывались. Не велась и сколько-нибудь систематическая геолого-разведочная работа.

Тем не менее, капиталистической эксплуатацией нефтяных залежей на Челекене было положено начало промышленному развитию области. Добыча нефти, несмотря на падение ее в отдельные годы, все же проявляла тенденцию к возрастанию. Если до 1895 г. в среднем на Челекене добывалось нефти по 30 тыс. пудов в год, то в 1905 г. было добыто 758 556 пудов[2].

Начали развиваться и другие отрасли горной промышленности—добыча соли, озокерита, кира, серы, гипса. Кроме того, добывался строительный камень: порфириты, граниты, известняки, вывозившиеся и за пределы края. Добыча этих ископаемых производилась, главным образом, в Красноводском, а также в Мангышлакском и Тедженском уездах.

Продукция других отраслей промышленности, несмотря на неравномерный, скачкообразный характер развития области, также проявляла тенденцию к возрастанию.

Продукция горной промышленности частью потреблялась на месте, частью вывозилась на рынки Хивы, Бухары, в разные районы Туркестана, Закавказья и Европейской части России.

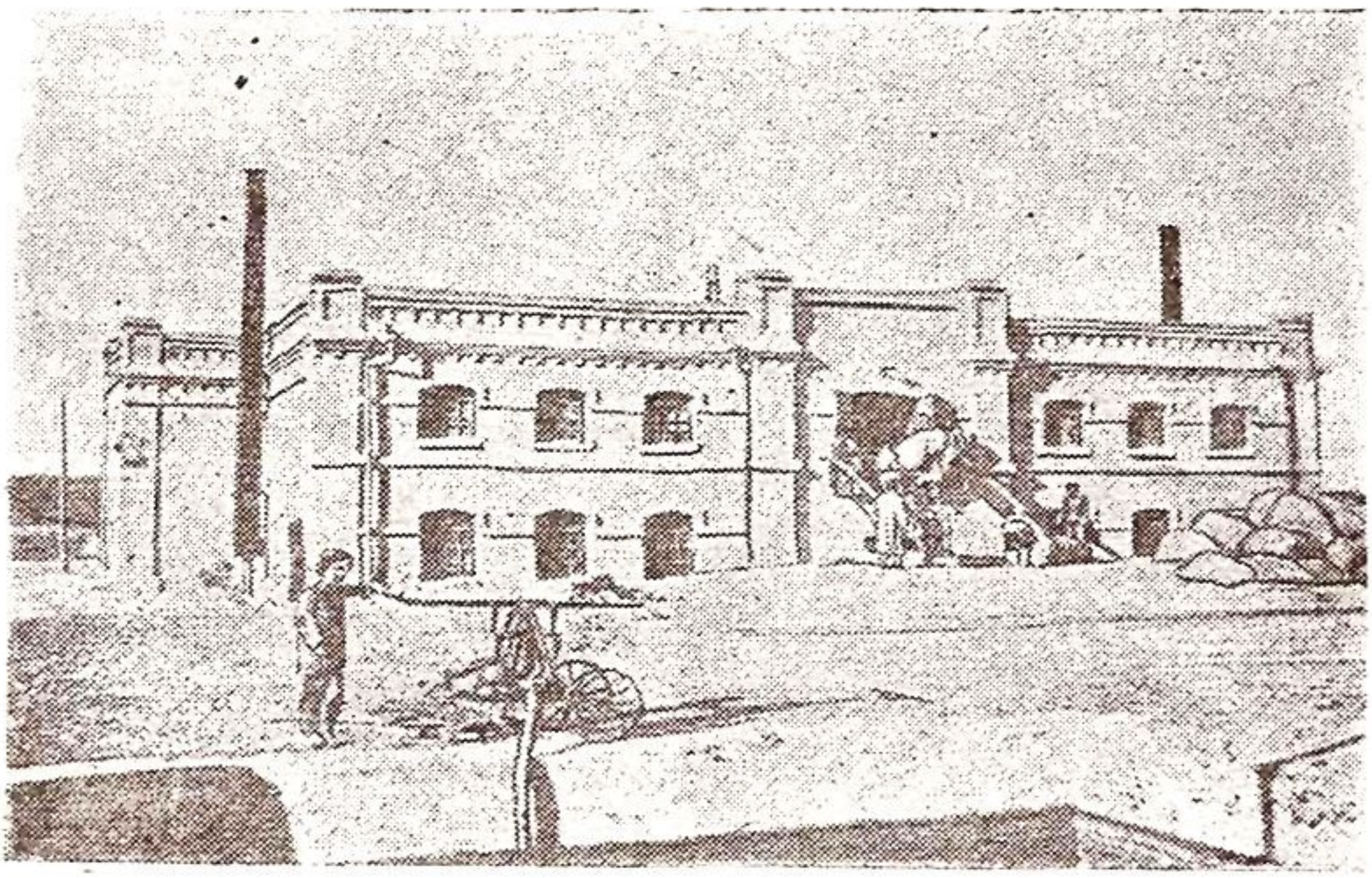
---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 75.

[2] ЦГА ТССР, ф. 1 (справ. библиот.), оп. 1, д. 97, л. 175; К. К. Палей. Отчет по ревизии. Горное дело, СПб., 1910, стр. 69.

Наряду с добывающей промышленностью, в Закаспии стали создаваться предприятия по первичной переработке сырья и сельскохозяйственных продуктов. Это были полукустарные мастерские и мелкие заводы: хлопкоочистительные, маслобойные, мыловаренные, мукомольные, кожевенные и прочие с незначительным основным капиталом, небольшой производственной мощностью, при низкой примитивной технике и небольшом количестве постоянных и сезонных рабочих. Первые успехи в развитии хлопководства, достигнутые в 1892 г., когда в Мервском уезде было собрано 100 тыс. пудов хлопка-сырца, повлекли за собою и создание здесь первых хлопкоочистительных заводов. В том же году в Мерве были открыты два хлопкоочистительных завода: конный — фирмы Миндера и паровой—московской фирмы «Товарищества русских хлопководов» в шесть 60-пильных джинов[1].

Развивается и связанная с хлопкоочистительной маслобойная промышленность. В Мерве открыт был небольшой мыло-



Хлопкоочистительный завод в Байрам-Али (из материалов Исторического музея АН ТССР).

варенный завод Авез Батырова[2]. Подобные, обычно карликовые предприятия с небольшим основным капиталом, носившие сезонный характер, давали незначительную продукцию. Рабочие вербовались в основном из разорившихся окрестных

[1] ЦГВИАМ, ф. 400, оп. 261/911, д. 19, лл. 91—92.
[2] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 15022, л. 20 и др.

дайхан, а также русской переселенческой бедноты и подвергались ничем не ограниченной эксплуатации.

Первое место в обрабатывающей промышленности принадлежало хлопкоочистительным заводам, которые являлись опорными базами хлопковых фирм, скупавших хлопок. Работы по очистке хлопка начинались обыкновенно с конца ноября или с начала декабря и продолжались, в зависимости от количества подвозимого для переработки хлопка-сырца, в общей сложности не больше 3—3½ месяцев; в остальное время года они бездействовали. В техническом отношении эти заводы находились на весьма низком уровне; тяжелые трудоемкие процессы почти не были механизированы; переброска хлопка-сырца со склада на завод, подача сырца к джинам и все другие процессы производились вручную. Подобный же полукустарный характер носили предприятия мыловаренной, кожевенной, пищевкусовой, кондитерской промышленности.

Единственным исключением являлись заводы Мургабского имения, стоявшие на более высоком техническом уровне. Оборудованы они были по последнему слову техники, здесь широко использовалась механизация производственных процессов. И по количеству рабочих заводы Мургабского имения находились на первом месте: хлопкоочистительный завод насчитывал 90 человек[1], маслобойный —63 человека, маслорафинадный —14 человек и т. д. Продукция хлопкоочистительных заводов Мургабского имения во много раз превышала соответствующую продукцию остальных предприятий, имевшихся в области. В 1904 г. на 5 заводах, находившихся в Мерве, было очищено до 35 тыс. пудов сырца, в то время как на одном мургабском заводе было переработано до 480 тыс. пудов сырца[2].

Очищенный хлопок отправлялся преимущественно в Москву, Ярославль, Иваново-Вознесенск, Лодзь, Варшаву и другие центры текстильной промышленности России. Главными фирмами, скупавшими хлопок в области, являлись: «Товарищество Большой Ярославской мануфактуры», Саввы Морозова, Московское торгово-промышленное товарищество Шибаев и К°, Кеворков и К°, Якуб Баев и К°, а также фирмы Миндера, Сагателова и многие другие. Большею частью эти фирмы являлись также и владельцами хлопкоочистительных заводов, совмещавшими торговоскупочные операции с чисто производственными.

Погоня за легкой наживой, спекулятивный ажиотаж капиталистических дельцов создали такое положение, при котором

---

[1] ОЗО, 1910, стр. 117—119.
[2] Там же, 1903, стр. 37

разработка природных ресурсов Туркменистана, горных и сельскохозяйственных, обречена была на чрезвычайно медленные темпы развития. В целом промышленность была отсталой, с примитивной техникой, с незначительной затратой основного капитала. Хищнические способы добывания полезных ископаемых истощали природные ресурсы края, мало способствуя развитию его производительных сил.

Низкий уровень промышленного развития области обусловливал весьма ограниченную потребность в рабочей силе. Рабочий класс по численности был крайне незначителен. Общее количество рабочих в добывающей и обрабатывающей промышленности к 1905 г. едва превышало 2000 человек.

Таким образом, важнейшим результатом промышленного развития края явилось создание первых кадров местного национального пролетариата. Постепенно начала зарождаться и местная национальная буржуазия.

б) Кустарные промыслы и ремесла

Наряду с появлением в Закаспии предприятий капиталистического типа, сохранялись и многие старые промыслы и ремесла.

Важную отрасль хозяйства края составляли рыболовные промыслы. Рыболовством была занята значительная часть местного туркменского и пришлого населения восточного побережья Каспийского моря. Система запретительных мероприятий, созданная царским правительством, ограничившая лов рыбы примитивными средствами, не могла воспрепятствовать проникновению в рыболовный промысел крупного капитала. Ярким примером этого проникновения являлась Лианозовская монополия, захватившая все воды Гасан-Кулийского и Астрабадского заливов и создавшая систему чудовищной эксплуатации рыболовов. Трудящиеся массы рыболовецкого населения обречены были на нищенское существование.

Оживление наблюдалось и в старинных туркменских промыслах, связанных с землевладельческим и скотоводческим хозяйством. С 90-х годов расширяется ковровое производство— один из наиболее известных еще в средние века кустарных промыслов Средней Азии. После присоединения Туркменистана к России крупнейшие торговцы как русские, так и иностранные, стали усиленно скупать в спекулятивных целях туркменские ковровые изделия. В Асхабаде, Мерве и других городах Закаспия появляется целая армия торговых агентов и комиссионеров, скупавших ковры как для внутреннего русского

рынка, так и для вывоза за границу в Париж, Берлин, Лондон[1].

Уже в середине 90-х годов крупными центрами торговли коврами являлись Асхабад и Мерв. Основным центром производства текинских ковров являлся Мервский оазис, дававший более $^3/_4$ общего количества производимых в области ковров[2].

Мерв же являлся главным центром торговли текинскими коврами. Отвечая потребностям развивающегося рынка, туркмены стали изготовлять ковры в большем количестве; производство их значительно увеличилось. Если в 1891 г. в Красноводском уезде было продано ковровых изделий на 94 000 рублей, то в 1895 г. эта сумма выросла до 128 211 рублей[3]; в одном Карры-Калинском приставстве производство ковров за период с 1891 по 1895 г. выросло с 40 до 460 ковров[4].

С развитием скотоводческого хозяйства, усилением породной специализации разводимых видов скота росла и база для развития ковроделия и изготовления других шерстяных изделий. Однако с увеличением производства ковров заметно стало падение их качества.

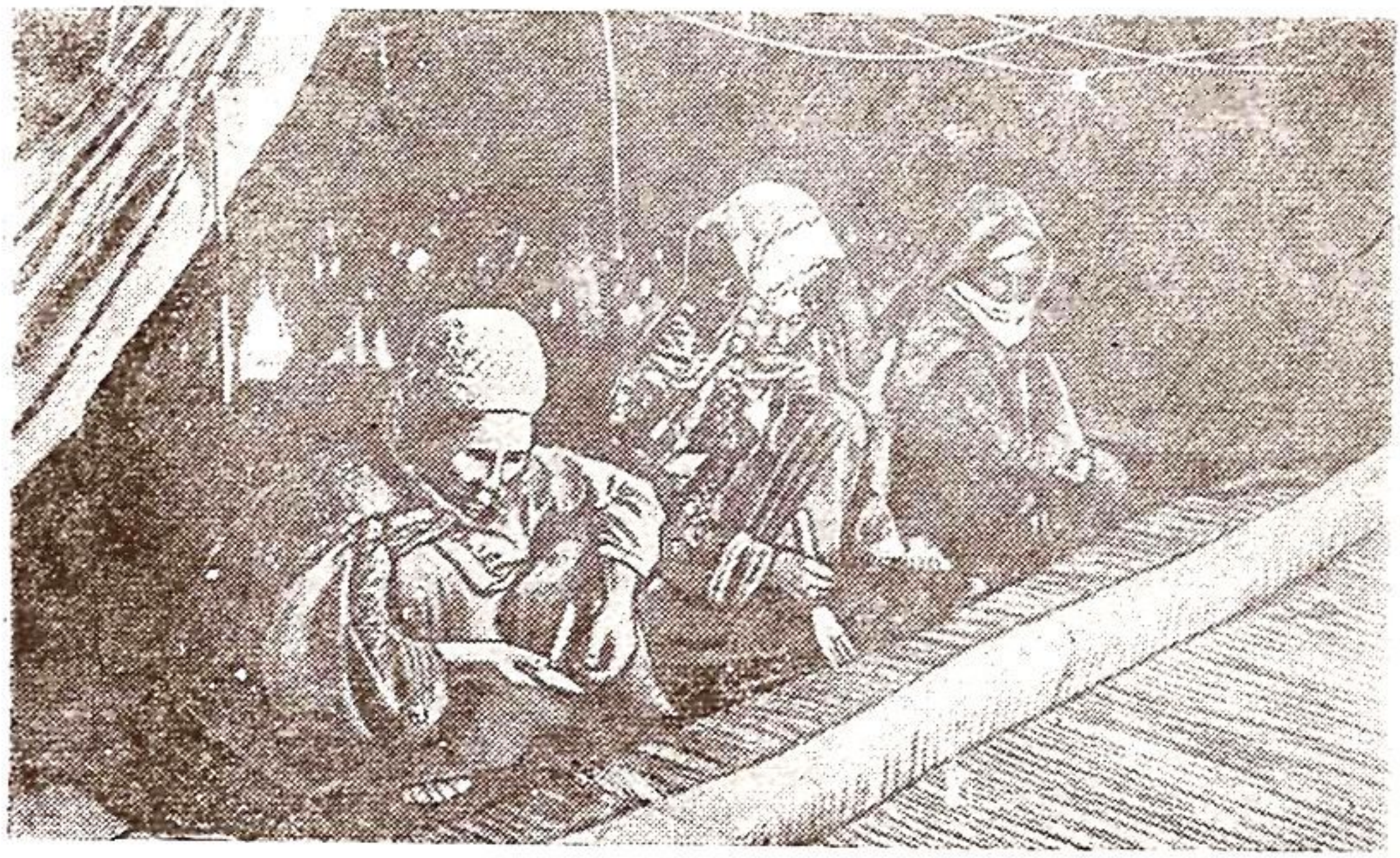
Растительные высококачественные краски, ввозившиеся из Индии, Ирана, Бухары, уступали место более дешевым химическим. Окраска шерсти, отнимавшая много времени, поручалась зачастую красильщикам, которые заменяли старые прочные краски линяющими анилиновыми, предпочитаемыми из-за дешевизны и менее сложного процесса окрашивания. Внедрение анилиновых красок снизило качество текинских ковров; ухудшился также рисунок ковра.

Падение качества текинских ковров под влиянием требований рынка несколько обеспокоило колониальную администрацию. Практические шаги по поддержанию и развитию этой ценной и чрезвычайно важной отрасли местного производства ограничились некоторыми паллиативными мероприятиями, вызванными, главным образом, опасением, что ухудшение качества текинских ковров приведет к прекращению их экспорта, который приносил казне заметный доход. Но сохранить качество коврового производства на прежнем уровне не удалось. В немалой степени способствовало этому общее обеднение кустарей, которые не имели ни хорошей шерсти, ни растительных красок и не располагали мелким дешевым кредитом. Возрождение старинного коврового производства стало возможным только в условиях советского строя.

---

[1] Г. Н. Чабров. История музейного дела в Средней Азии в дореволюционный период, Ташкент, 1949.
[2] ОЗО, 1890—1896, стр. 223.
[3] Там же, 1890—1895, стр. 224.
[4] Там же, стр. 225.

Сохранение туркменами их традиционной национальной одежды и отсутствие соответствующего ассортимента среди тканей, производившихся на фабриках центральных губерний, способствовали консервации местных кустарных промыслов — выделки шелковых, шерстяных и бумажных тканей. Ткачеством и прядением занимались почти исключительно туркменские женщины. Широким спросом пользовалась, например, бязь, изготовлявшаяся женщинами племени буркоз; лучшие халаты производили женщины племени салыр, снабжавшие ими весь край.



Изготовление ковра.

Сохранялись в туркменских аулах и такие кустарные промыслы, как кожевенный, кузнечный, шапочный, плотничный, гончарный, мыловаренный, оружейный, чугунолитейный и т. п., сводившиеся к выделке в незначительном количестве домашней утвари, кибиток, седел, серебряных украшений и пр.; как и в первой половине XIX в., были ремесла, которые составляли специальность отдельных племен.

Под влиянием товарно-денежных отношений и проникновения на рынки Закаспия дешевых промышленных товаров из России, хлопчатобумажных тканей, металлических изделий «...шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

Падала выделка шелковых, шерстяных и бумажных тканей под конкуренцией привозных русских тканей. Падала кустарная выделка оружия, железных и чугунолитейных изделий под конкуренцией русской продукции, а равно и кустарная обработка меди, золота, серебра и т. д.; все эти изделия производились дешевле на русских фабриках и заводах, посылавших в Туркменистан свою продукцию.

Положение, высказанное В. И. Лениным относительно Кавказа, верно и по отношению к Туркменистану: «Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности—остаток старинной патриархальной замкнутости,—*создавал себе рынок* для своих фабрик»[1].

Страна, слабо заселенная, стоявшая «в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории», вовлекалась в оборот новой экономической коньюнктуры, приобщалась к общероссийскому капиталистическому рынку.

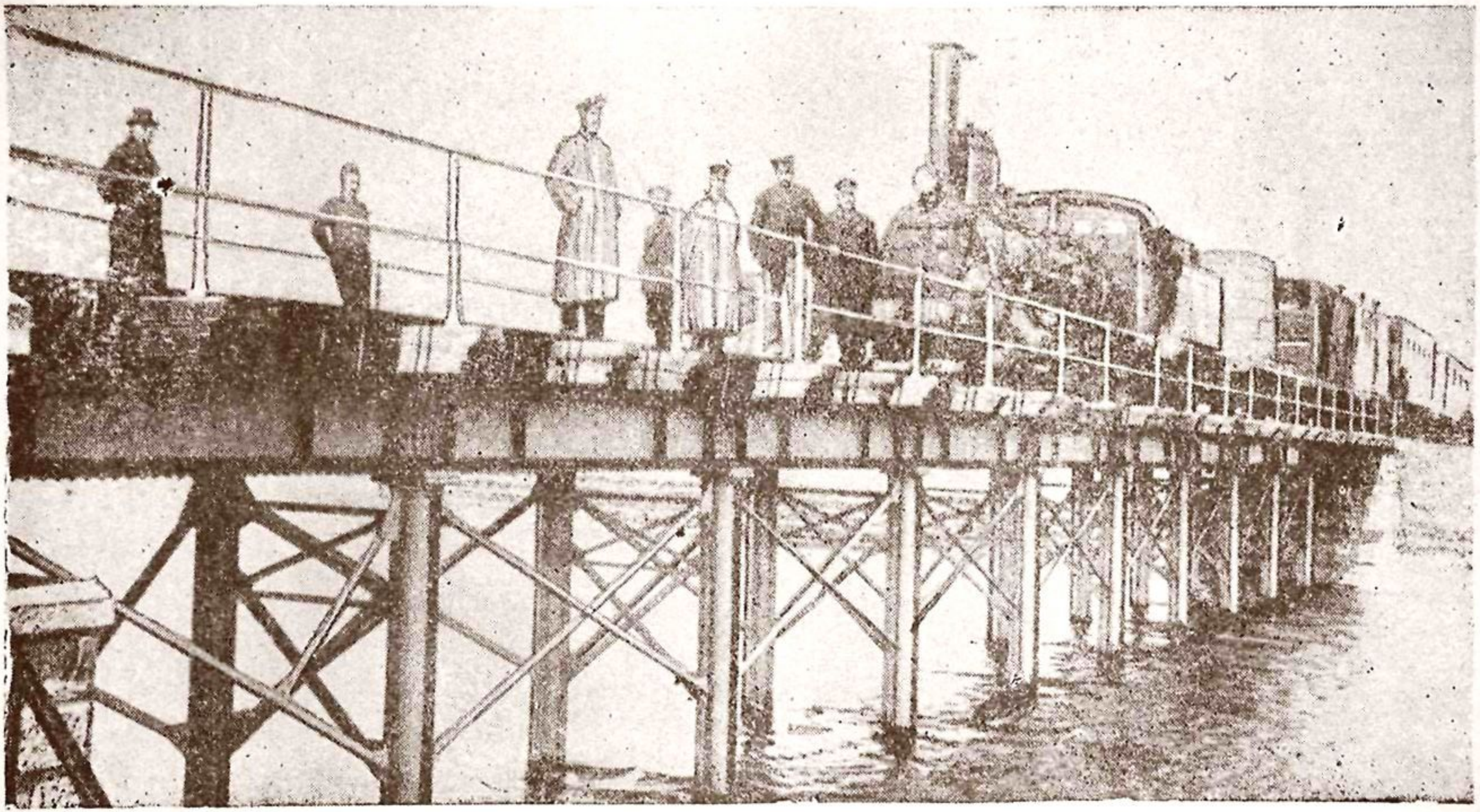
Падение и деградация ряда кустарных промыслов, происходившие параллельно разорению мелких земледельцев, привели к росту отходничества, составлявшего для бедных слоев населения области дополнительный заработок, а в иных случаях и основной источник существования. Главными видами отхожих промыслов явились: извоз, железнодорожное строительство, караванная доставка товаров, рыболовство, охота, а также работа на промышленных предприятиях, нефтяных промыслах и т. д.

Отходничество представляло собою прогрессивное явление в жизни забитого голодом, нуждою и темнотою дайханина. Уход из аула в город в поисках заработка сталкивал туркменского дайханина с новой обстановкой жизни, с новыми людьми, включая его в новые условия производственной и общественной жизни, нередко приобщал его к передовой рабочей среде, что оказывало благотворное влияние на развитие его политической сознательности. Особенно это относится к той, правда, немногочисленной части туркмен, которая отправлялась на заработки на промышленные предприятия Ферганы, в каменноугольные копи Караганды, на нефтяные промыслы Баку и т. д.

«Подобно отвлечению населения от земледелия в города,—писал В. И. Ленин,—неземледельческий отход представляет из себя *явление прогрессивное*. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.



Мост через р. Кушка.

повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»[1].

в) Значение Закаспийской железной дороги

Большое хозяйственное и социально-политическое значение для Туркменистана имела Закаспийская железная дорога. Начало постройки этой дороги диктовалось военно-стратегическими мотивами. С продвижением царских войск вглубь Закаспийской степи прокладывались первые рельсы этой дороги. В мае 1880 г. был проложен первый участок железной дороги от Михайловского залива до Кизыл-Арвата. С присоединением в 1884 г. Мургабского оазиса железнодорожное строительство возобновилось и 30 ноября 1885 г. в г. Асхабад прибыл первый поезд. В 1886 г. дорога дошла до Мерва, а в 1888 г. до Самарканда. Движение на этом участке было открыто 15 мая 1888 г. Таким образом, железнодорожный путь прорезал всю Закаспийскую область, начинаясь от станции Узун-Ада и доходя до р. Аму-Дарьи, где от ст. Чарджуй начинался уже самаркандский участок дороги. Вследствие обмеления Узун-Адинского порта, в 1894 г. начальный пункт железной дороги был перенесен из Узун-Ада в Красноводск; к постройке Красноводского участка было приступлено в том же году, а в октябре 1896 г. состоялось его открытие. Длина всей железнодорожной линии от Красноводска до Самарканда составляла 1416 верст. В 1898 г. была закончена укладка Мургабской ветки железной дороги от ст. Мерв протяжением в 293 версты; железнодорожная линия проходила на юго-восток вдоль Мургаба, прорезывала Мервский, Иолотанский и часть Пендинского оазиса и доходила до крепости Кушка— самой южной точки Российской империи и важного военно-стратегического пункта.

Сооружение Закаспийской железной дороги было большим событием в жизни вновь присоединенного края. О возрастании торгово-экономического значения дороги можно судить также по перевозке по ней коммерческих грузов: если в 1890 г. было перевезено по ней 9 614 000 пудов груза, то в 1898 г.— 16 753 000 пудов[1], т. е. перевозка увеличилась на 74%.

Закаспийская железная дорога стала фактором большого исторического значения. Она стала как бы осью, вокруг которой вращалась вся экономическая жизнь края. «Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию» — писал В. И. Ленин[2].

---

[1] Там же, стр. 505.

[2] Путеводитель по Туркестану и Средне-Азиатской ж. д., СПб., 1903, стр. 212, 225.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 74.

Огромная роль этой магистрали продолжала сохраняться и после постройки Оренбург-Ташкентской железной дороги (1906 г.).

Закаспийская железная дорога явилась важным очагом формирования кадров железнодорожных рабочих. На постройке дороги работало свыше 2000 железнодорожных солдат, а также вольнонаемные рабочие. Это были русские, украинцы, белоруссы и рабочие других национальностей. Кроме того, ежегодно привлекалось большое количество сезонных рабочих из местного туркменского населения. Численность рабочих на дороге временами превышала 20 тыс. человек. Эти железнодорожные рабочие, подавляющую часть которых составляли русские, и явились первыми кадрами пролетариата Закаспия.

Постройка дороги в условиях жаркого климата, в безводной песчаной пустыне, при отсутствии необходимого опыта у строителей явилась блестящей победой многонациональной армии рабочих, прибывших из разных районов страны.

По линии железной дороги от Красноводска до Чарджуя и от Мерва до Кушки возведено было свыше полусотни мелких и крупных станций. При важнейших из них—таких, как Красноводск, Казанджик, Кизыл-Арват, Асхабад, Каахка, Теджен, Мерв, Байрам-Али, Иолотань, Душак, Джебел—были построены паровозные депо и железнодорожные мастерские, ставшие главным очагом сосредоточения закаспийского пролетариата. На обслуживании Закаспийского участка дороги в 1905 г. было занято 5102 служащих и рабочих[1].

Важнейшим транзитным пунктом области, через который ежегодно проходили миллионы тонн грузов, был Красноводский порт, явившийся одновременно исходным пунктом Закаспийской железной дороги. Здесь в 1908 г. число занятых чернорабочих доходило до 1500 человек[2].

Основную массу железнодорожного пролетариата составляли русские рабочие. Прослойка рабочих-туркмен была немногочисленной. Царское правительство, опасаясь проникновения революционных идей в среду туркменского населения, где для восприятия их была благоприятная почва, старалось не допускать формирования туркменского пролетариата—носителя передовых революционных идей, могущего стать при известных условиях авангардом национально-освободительной борьбы массы трудового дайханства.

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7818, лл. 50—51.
[2] Там же, ф. 1 (справ. библиот.), д. 139, лл. 20—24.

г) Развитие торговли

Закаспийская железная дорога изменила направление торговых путей и самый характер внутренней торговли Средней Азии. Большая часть древних караванных путей, пролегавших по песчаным безводным пустыням, утратила свое былое значение. Лишь некоторые из них сохранили известное значение и даже оживились с присоединением края. Прежний торговый путь, соединявший восточные области Средней Азии с Европейской Россией через казахские и южноуральские степи, уступил место железнодорожной магистрали, продолжением которой являлся Каспийский морской путь. Закаспийская дорога, значительно укоротившая расстояние, отделявшее Среднюю Азию от промышленных центров России, проложила дорогу дешевым русским товарам не только в Туркестан, Хиву и Бухару, но и на рынки зарубежных стран Среднего Востока — Ирана, Афганистана и т. д. Бухарские, а также хивинские товары теперь направлялись как в Россию, так и в Туркестан по железной дороге. Значительная часть торговли иранского Хорасана и Астрабада, Гератской провинции Афганистана также велась через станции этой железной дороги, находившиеся по соседству. Оттянув главную массу товарооборота Средней Азии к бассейну Каспийского моря, новая дорога теснее связала экономику Туркестана с Кавказом и долиной Волги и способствовала оживлению внешней торговли России с ближневосточными странами.

Торговые обороты Закаспийской области по внешней торговле из года в год увеличивались. Возрастала торговля с Хорасаном, особенно с постройкой шоссе от Асхабада через Гауданский перевал на Кучан к Мешхеду; участок длиною в 45 *км* до границы был выстроен инженерным ведомством в 1888 г.; иранский участок от русской границы до Кучана на протяжении 70 *км* был выстроен в 1890 г. С прокладкой этого подъездного пути и постройкой Закаспийской дороги вся торговля с Шахруд-Астрабадского пути, по которому она происходила до присоединения края вследствие боязни аламанов в Закаспийской степи, перешла теперь на новый путь через область.

Проникновение промышленных товаров иностранного, главным образом, английского происхождения из Индии и Афганистана в Северный Иран, среднеазиатские владения России и на Кавказ побудили Министерство финансов поставить вопрос об организации таможенного надзора.

В январе 1894 г. началась регулярная работа русских таможен на закаспийской границе с Хорасаном, что сказалось благоприятным образом на росте русской вывозной торговли.

Уже в 1895 г. из общей суммы ввоза в Хорасан товаров иностранного происхождения на долю России приходилось 1 950 000 рублей, Индии и Европы—1 175 000 и Афганистана —203 000 рублей[1]. Главные статьи ввоза России в Хорасан составляли по-прежнему сахар-рафинад и сахарный песок, а также хлопчатобумажные изделия, фарфоровая и фаянсовая посуда, ввозившиеся в большом количестве не только в Среднюю Азию, но и через Закаспий в Иран и Афганистан; вывозился из Хорасана главным образом чай. Последующий ряд мер, предпринятых правительством под давлением торгово-промышленных кругов, еще более усилил здесь позиции русской торговли. Мерами этими являлись: открытие отделения Государственного банка в Асхабаде, снятие акциза со спичек, ввозимых в Персию, учреждение правильного почтового сношения между хорасанскими рынками и Асхабадом. В результате торговые обороты Закаспия с Хорасаном с 6 000 000 рублей в 1891 г. выросли до 8 000 000 рублей в 1898 г.[2]

Характерной чертой торговли Ирана с Россией являлась поставка Ираном сельскохозяйственного сырья и низкий уровень потребления промышленных товаров.

Видную отрасль торговли Ирана с Закаспийской областью, Бухарой и Хивой составляла контрабанда опиума, которым наводняли Закаспий иранские купцы и английские колониальные коммерсанты. Распространение этого наркотика («терьяка») среди туркменского населения стало одной из язв местного быта, пагубно отражалось на физическом состоянии и материальном уровне жизни трудящихся.

Закаспийская железная дорога оживила Туркестанский край и дала мощный толчок развитию в нем торговли и промышленности.

Если в 1883 г. вывоз среднеазиатского хлопка для переработки на русских фабриках составил всего лишь 600 000 пудов[3], то в 1896—1898 гг. он в среднем вырос до 4—5 млн. рублей в год, т. е. составлял почти третью часть всего хлопка, потребляемого русской промышленностью[4]. Тем самым Россия ежегодно сохраняла около 45 млн. рублей, уходивших ранее за границу, в оплату за иностранный хлопок. Из года в год увеличивался вывоз в Туркестанский край русской мануфактуры, и в 1898 г. он составлял почти 1 000 000 пудов, при общем годовом товарообороте в 12 000 000 пудов[5].

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7792, л. 203.
[2] Путеводитель по Туркестану и Средне-Азиатской ж. д., стр. 218—219.
[3] Там же, стр. 141.
[4] Там же, стр. 143.
[5] Там же.

Огромное значение имела железная дорога для Закаспийской области, через которую до открытия Оренбург-Ташкентской ж. д. линии (1906 г.) проходил весь поток грузов в обоих направлениях. Быстро возрастала внутренняя торговля Закаспийской области с остальными районами России.

Область, имевшая слабо развитую промышленность, в основном зависела от привозных фабрично-заводских изделий. Ввоз в пределы области из европейской части России главным образом состоял из промышленных товаров широкого потребления (мануфактура), а также некоторых продовольственных товаров (мука, сахар-рафинад, сахарный песок и пр.), производственного оборудования (железо, сталь, лесные материалы и изделия из них). Вывоз из Закаспийской области состоял почти сплошь из продукции земледельческого и скотоводческого хозяйства (хлопок, кожи, овчины, шерсть, сушеные фрукты и т. п.). Начавшееся с середины 90-х годов хлопководство настолько успешно развилось, что уже в 1898 г. было вывезено из области 170 000 пудов хлопка[1]. Из общего количества перевезенного в 1898 г. груза на товарообмен между Россией и Средней Азией приходилось 12 000 000 пудов, или 70%; и на долю области 4 600 000 пудов, или 30%; ввоз европейских товаров за это время (1890—1898 гг.) увеличился с 2 317 000 до 5 280 000 пудов; из них в области в 1898 г. осталось 1 271 000 пудов, остальные проследовали в Туркестан и транзитом в Иран.

На обмен грузов между станциями Закаспийской области, Туркестана и Бухары приходилось около 700 000 пудов, причем ввоз и вывоз распределялись поровну: из области шел чай, пшеница, семена (главным образом, хлопковые) из Туркестана и Бухары—рис, сушеные фрукты, мука и прочие товары.

В Европейскую Россию и на Кавказ вывозилось в 1898 г. 1 730 000 пудов, в том числе из Закаспийской области 813 000 пудов и из Ирана — 917 000 пудов, т. е. почти в равном количестве.

Торговля Закаспия с Россией была решающим фактором превращения местного натурального хозяйства в товарно-денежное, способствовала его интенсификации путем поощрения товарного хлопководства.

Внутренняя торговля области сосредоточивалась, главным образом, на базарах.

Базары в Закаспии существовали во всех городах и крупных населенных пунктах, торговля производилась в определенные дни недели. На базары съезжалось окрестное население с продукцией сельскохозяйственного производства. В ме-

[1] Путеводитель по Туркестану и Средне-Азиатской ж. д., стр. 143.

стных лавках и магазинах оно закупало необходимые продукты и промышленные товары. Последние также развозились мелкими торговцами по аулам и по степи, и сбывались здесь на наличные деньги и в обмен на сельскохозяйственные продукты.

Помимо базаров имелись торговые пункты, привлекавшие окрестное, в том числе кочевое население близлежащих районов. В Красноводском уезде это были Красноводск-Шихский, Челекенский, Казанджикский; в Асхабадском—Кизыл-Арватский, Карры-Калинский, Бахарденский, Геок-Тепинский; в Тедженском уезде — Серахский, Каахкинский, Душакский, Артыкский торговые пункты. Эти торговые пункты мало чем отличались от примитивных сельских рынков, на которых монопольно господствовали местные лавочники и маклеры.

Оживились некоторые пути караванной торговли. С установлением в крае единой власти уже не требовалась вооруженная охрана караванов при следовании их через туркменские степи. Караван-сараи, являясь местом привала караванов, одновременно были и пунктами торговли. Они служили центрами притяжения для кочевых скотоводов, обменивавших свою продукцию на промышленные товары и хлеб. Оживленную караванную торговлю вела Закаспийская область с Хивой, а также с Уральской областью. Из Хивы караванными путями на Красноводск, в форт Александровский, Карры-Кала и Асхабад доставлялись туркменские халаты, а также пшеница, мука, коровье масло, овчины и пр.; из Туркестана и Бухары железной дорогой доставлялись рис, сушеные фрукты, мука, коровье масло, кишмиш, овощи, табак, кожи, каракулевые шкурки. Большим спросом среди туркмен пользовались бухарские ткани (преимущественно ручной работы, идущие на шитье белья) «мата», «даба» и на одеяла (керпе), а также готовые халаты. Из каракулевых шкурок, ввозившихся из Бухары, туркмены шили высокие шапки. Бухарская краска «сары-чоп» шла на окрашивание ниток, изготовляемых для производства туркменских ковров и т. д. Росли и крепли постоянные экономические связи туркмен Закаспия с туркменами Хивы и Бухары, происходил постепенный рост экономической общности туркменского народа, являвшийся необходимым условием для создания общенационального рынка.

Большое влияние на развитие внутренней и внешней торговли Закаспийской области оказало открытие в 1895 г. в Асхабаде отделения Государственного банка. Обороты этого отделения с 18 млн. рублей в 1895 г. достигли 53,6 млн. рублей в 1900 г., т. е. увеличились почти в три раза[1].

---

[1] ЦГВИАМ, ф. 400, оп. 261/911, д. 254, св. 82, 1900 г., л. 42.

С 80-х годов в области открыло свои отделения крупное торгово-промышленное товарищество Кудрин и К°, раскинувшее свою торговую сеть по всей Средней Азии. Его конторы, магазины и склады имелись в Оренбурге, Ташкенте, Коканде, Чарджуе, Мерве, Астрабаде, Кучане, Мешхеде (Северный Иран). Обороты общества с 1884 по 1886 г. достигли почти $^1/_2$ части всего торгового оборота по ввозу и вывозу между Средней Азией и Россией[1].

Кроме товарищества Кудрина, в Закаспийской области орудовали и другие кампании, как например, торговый дом Коншина, фирма Микиртычева, т-во Стукен и К° и многие другие.

В торговле так же, как и в скупке хлопка, широко развилась система посредничества. И здесь создавалась целая сеть торговых каналов, по которым товары доходили до потребителя через четвертые и пятые руки. Играя в основном посредническую роль, местная торговая буржуазия самым тесным образом была связана с русской торговой буржуазией и зависела от нее. Но и в ее среде народились крупные торговцы, которые вели самостоятельные торговые операции.

Особую отрасль деятельности составляли подряды и откупы различных статей городского хозяйства: весового сбора, уличного освещения, арендного содержания лавок, питейных заведений, подрядов на поставку продовольствия и т. п. Среди этих торговцев и предпринимателей тоже было немало туркмен. В одном Асхабадском уезде в 1895 г. было 150 «совдагеров» — туркмен, занимавшихся торговлей[2].

Отдаленность местных рынков от центров промышленности и хлебопроизводящих районов обусловили высокие цены на большинство предметов широкого потребления. Погоня посредников за высокими прибылями и значительные транспортные издержки ввиду существовавшего здесь тарифа настолько *подняли цены на привозные товары, что уровень их здесь* обычно был на 10—11% выше, чем в России. Наоборот, цены на местное сельскохозяйственное сырье были весьма низкими. Особенно остро чувствовалось такое несоответствие цен на привозные и местные товары в глухих аулах, отдаленных от железной дороги, где безраздельно господствовали ростовщики, спекулировавшие на самых ходких товарах. Например, на пограничных постах торговцы сбывали мануфактуру и водку в кредит под кабальные проценты или же скупали у населения за бесценок скот, продукты скотоводческого хозяйства: шерсть, кожи, шкурки. В таких аулах существовали самые

---

[1] ЦГВИАМ, оп. 260/911, д. 45, св. 1128, 1887 г., лл. 9—22.
[2] Обзор Закаспийской области за 1896 г., Асхабад, стр. 144.

высокие цены на привозные промышленные товары при самых низких ценах на продукты местного кустарного и сельскохозяйственного производства. Система колониальной торговли ускоряла разорение и обезземеливание широкой дайханской массы.

д) Формирование рабочего класса в Закаспии

Непосредственным результатом социально-экономических изменений, происходивших в туркменском ауле, явилось образование армии обезземеленных и обнищавших дайхан и разорившихся ремесленников. Однако слабое развитие промышленности в колонии, карликовый и сезонный характер большинства предприятий тормозили формирование местного пролетариата.

Общее количество занятых в хлопкоочистительной промышленности рабочих по области не превышало 350—400 человек. Небольшое число разорившихся дайхан находило применение своему труду и в маслобойной, мыловаренной, мукомольной и прочих отраслях обрабатывающей промышленности. Русские рабочие составляли 20—30% всего количества рабочих этих отраслей промышленности. Несмотря на сезонный характер производства, текучесть и малоустойчивость состава рабочих, в условиях крайней отсталости и патриархальщины быта туркмен, появление даже сезонных рабочих из местной национальности являлось известным шагом вперед в деле разрушения их отсталого и замкнутого образа жизни. Отхожие промыслы, связанные с постройкой Закаспийской железной дороги, также являлись важным событием в жизни темного и забитого дайханства. На железнодорожном строительстве, начиная с 1881 г., по нарядам колониальной администрации ежегодно участвовало от 2 до 10 тыс. туркмен.

Царские власти, *как сказано было выше, боялись внесения* в дайханскую среду передовых революционных идей, для восприятия которых была благоприятная почва. Поэтому они всячески ограничивали поступление на железную дорогу и другие предприятия рабочих из местных национальностей и стремились их вытеснить. В 1897 г. по всей железной дороге, включая и Бухарское ханство, из 4125 штатных служащих туркмен было 16, а из 2735 поденных рабочих всего 113. На важнейшем транспортном узле, каким был Красноводский порт, работало около 1500 рабочих, преимущественно иранцев. На озокеритных промыслах о. Челекена в 1910 г. работало 407 рабочих, из них 132—туркмены[1]. Небольшое количество

[1] ОЗО, 1910 г., стр. 299.

рабочих работало на соляных промыслах о. Челекена, на каменных и гипсовых ломках и других промыслах.

Основная, кадровая часть местного пролетариата состояла из русских рабочих, в большинстве своем прошедших суровую школу на фабриках, заводах, железных дорогах индустриальных районов России или на нефтяных промыслах Баку. Часть рабочих кадров формировалась из разоренной переселенческой бедноты. Многие русские рабочие уже прежде принимали участие в революционном движении России и приносили с собой на далекую окраину передовые общественно-политические идеи, распространяя их среди своих новых товарищей — туркмен, армян, казахов, иранцев. Русские пролетарии стали авангардом революционной борьбы в Закаспийской области, воспитывая революционное сознание нарождавшегося туркменского пролетариата.

Положение местных рабочих было очень тяжелым. Заработная плата была чрезвычайно низкой и намного отставала от зарплаты рабочего, существовавшей в Европейской России. Максимальная зарплата рабочих здесь в среднем не превышала 60—70 копеек в день. Еще ниже оплачивался женский и детский труд, широко практиковавшийся на ряде предприятий, а также в казенных учреждениях, конторах и магазинах. Продолжительность рабочего дня составляла в среднем 14—15 часов в сутки, а в отдельных случаях достигала 18—19 часов.

Низкая заработная плата, продолжительный рабочий день, административный произвол (штрафы, систематические увольнения рабочих), дороговизна жизни, систематические обсчитывания рабочих, тяжелые жилищно-бытовые и санитарные условия, отсутствие охраны труда и социального страхования—таковы были условия жизни рабочих, особенно из коренного населения, а также иранцев, армян, казахов и других угнетенных национальностей Закаспия. Вырванное из патриархальной сельской среды, поставленное в условия капиталистической эксплуатации, усугублявшейся в условиях Туркменистана национальным гнетом, небольшое количество туркменрабочих постепенно сближалось с передовым русским рабочим классом и приобщалось к общероссийскому революционному движению.

е) Общие итоги развития промышленности и торговли в Закаспии к началу XX в.

Включение Закаспия в народное хозяйство России, шедшей по пути социального и экономического развития, вело к распаду прежнего замкнутого полунатурального хозяйства,

к развитию и здесь товарно-капиталистических отношений.

Появились города, ставшие центрами административной, экономической и культурной жизни области. В городах, хотя и слабо, развивалась промышленность, росла торговля, формировались кадры местного национального пролетариата. Городское население предъявляло спрос на промышленные товары и продукты земледельческого и скотоводческого хозяйства. Рост товарного производства усиливал экономические связи между отдельными специализирующимися районами Туркменистана. Хотя влияние капиталистической экономики России сказывалось в районах Хивы и Бухары значительно слабее, тем не менее экономические связи между тремя районами расселения туркменского народа все более возрастали. Особенный толчок этому дала постройка Закаспийской железной дороги. Последняя теснее связала Южный Туркменистан не только с центральными районами Средней Азии (Бухара, Самарканд и др.), внутренней Россией и Кавказом, но и с туркменскими районами Бухары (Чарджуй, Керки). Легким и дешевым средством сообщения являлась Аму-Дарья, которая захватывая громадный район подъездного пути к железной дороге, связывала Закаспий через Чарджуй по водному пути и колесной дороге на ее левом берегу—с районом Ташауза и другими туркменскими районами Хивы. Таким образом, на основе развития современных средств сообщения и экономических связей происходил рост разделения труда также между отдельными районами расселения туркмен, где, естественно, легче всего было действовать именно туркменскому торгово-ростовщическому капиталу.

Проникновение торговли вглубь туркменского аула Закаспия, Бухары и Хивы расшатывало хозяйственную замкнутость дайханского земледельческого и скотоводческого хозяйства и приводило, несмотря на «разорванность» туркменского народа, его местные политические, племенные и бытовые различия, к усилению экономической общности трех разобщенных районов Туркменистана. Поскольку рост общественного разделения труда и торговли разрушал родо-племенные перегородки, поскольку усиливалось отходничество в отдаленные местности и происходило смешение туркмен разного родо-племенного состава, постольку создавались предпосылки для установления национальных связей, охватывавших все туркменские оазисы Средней Азии. Начавшийся процесс национальной консолидации совершался под эгидой зарождавшейся туркменской буржуазии, впоследствии ставшей ярой носительницей идей бур-

жуазного национализма и реакционной идеологии пантюркизма и панисламизма.

С появлением городов, с формированием ядра рабочего класса, основной костяк которого составлял русский пролетариат, началось проникновение на отдаленную окраину передовой русской культуры. Русская демократическая прогрессивная культура оказывала благотворное влияние на туркменскую национальную культуру, на рост в ней демократического направления. Наиболее ярко это сказывалось в том, что политические ссыльные и революционно настроенные рабочие явились пионерами в распространении здесь революционных социал-демократических идей. Именно передовым революционным русским рабочим предстояло возглавить революционно-освободительную борьбу трудящихся масс туркменского народа.

5. Туркменские районы Бухарского эмирата и Хивинского ханства

В Бухаре туркмены составляли основное население трех бекств — Чарджуйского, Керкинского и Бурдалыкского. Довольно многочисленным было также туркменское население в трех других соседних бекствах — Келифском, Кабаклыйском и Наразымском. Всего во владениях эмира проживало до 165 тыс. туркмен. Это было в основном оседлое население, занимавшееся земледелием и домашним ремеслом. Крестьяне имели землю в частном владении (мюльк), могли продавáть и закладывать ее. Все земледельцы, пользовавшиеся водой одного арыка, составляли шерикет—поарычное общество, ведавшее ежегодной очисткой арыка и распределением воды. Шерикетом руководил выборный мираб. Приамударьинские туркмены сохраняли родо-племенную организацию, но влияние феодально-племенной знати не было таким сильным, как в туркменских районах Хивы. Феодалы и баи, как и повсюду в Туркменистане, владели большими стадами скота, особенно много у них было каракульских овец и верблюдов. Многие туркменские феодалы получали от эмира в танхо (привилегированное феодальное держание) значительные участки земли.

Туркменские феодалы поставляли воинов бухарским бекам. Эти воины служили во вспомогательных отрядах, стоявших в административных центрах бекств с туркменским населением. Опорою власти бухарских беков являлись гарнизоны регулярной пехоты—сарбазов. В 1885 г. гарнизон в Керки состоял из 400 пехотинцев, а в Чарджуе из 1000. Гарнизон Чарджуя ежегодно сменялся сарбазами из Бухары[1].

---

[1] Россия и Туркмения в XIX в., стр. 269.

Положение в туркменских районах Бухары значительно отличалось от положения в Закаспийской области. Общественное развитие этих районов после завоевания Средней Азии шло гораздо медленнее, чем в Закаспии, феодальные отношения были здесь много прочнее. Однако сближение отсталого феодально-деспотического Бухарского эмирата с более передовой, развивавшейся по капиталистическому пути Россией, влекло за собою известные прогрессивные последствия для народов Бухары, в том числе туркмен, занимавших территорию по среднему течению Аму-Дарьи. Одним из результатов присоединения Хивинского ханства и Бухарского эмирата к России являлось, как указывалось выше, уничтожение рабства и отмена торга невольниками.

В 1885 г. в Бухаре было учреждено «Российское императорское политическое агентство», возглавляемое политическим агентом. Политический агент в Бухаре являлся официальным представителем, своего рода послом царской России. Через него происходили все сношения Бухарского правительства с туркестанским генерал-губернатором и царским правительством в Петербурге.

Сношения России с Бухарой через посредство политического агента носили скорее характер внутренних сношений, чем внешних. Пункты договора России с Бухарой о преимуществах и льготах русских купцов и промышленников давали полную возможность России вмешиваться во все сферы внутренней и внешней жизни эмирата. Экономическая жизнь ее подвергалась воздействию капиталистического хозяйства России. Это повлекло известные изменения в феодальном общественно-экономическом укладе эмирата.

Большое влияние на экономическую жизнь страны прежде всего оказала Закаспийская железная дорога, прорезавшая плодородную долину Зерафшана и прошедшая по соседству с г. Бухара и через другие экономические и торговые центры эмирата, в том числе Чарджуй. Изменение торговых путей, замена древних караванных путей, шедших из Бухары на Оренбург, Самарканд и Ташкент, быстрым железнодорожным сообщением, непосредственно соединившим Бухару через Красноводск и Кавказ с промышленными и торговыми центрами России, благоприятно сказались на экономической жизни Бухары, способствовали постепенному проникновению русского капитализма в жизнь феодально-средневекового общества и государства. Вдоль линии железной дороги, при железнодорожных станциях и речных гаванях возникали русские поселения с промышленными предприятиями и торговыми заведениями. Многие из таких поселений, как например, Керки,

Чарджуй, Каган, с течением времени превратились в центры торговой и экономической жизни; сюда стекалось рабочее население—русские, украинцы и другие национальности, приносившие с собой передовой производственный опыт, прогрессивные идеи и взгляды. В замкнутую жизнь эмирата проникала струя свежего воздуха, революционные веяния, строились школы, больницы, являвшиеся рассадниками культуры и пунктами оздоровительной работы среди населения. Правда, несколько замкнутый характер русских поселений, находившихся в непосредственном ведении Российского политического агентства, не давал возможности достаточно широко общаться населению этих городских поселений с местным населением, тем не менее влияние их все более заметно сказывалось.

Оживилась торговля, в которой привилегированное положение занимало приезжее русское купечество. Гарантия преимущества и льгот русских купцов и промышленников стимулировала развитию торговли и промышленности, нарушала политическую изолированность и экономическую замкнутость эмирата.

Большое значение для роста Чарджуя и социально-экономического развития приамударьинских туркмен имело создание в 1888 г. Аму-Дарьинской флотилии (6 пароходов, 2 паровых катера и 13 барж). Чарджуй стал вскоре значительным по среднеазиатским масштабам рабочим городком—здесь было около 10 тыс. населения, депо, судоремонтные мастерские и база Аму-Дарьинской флотилии, шесть хлопкоочистительных заводов, паровая мельница, крупный маслобойный завод, типография и ряд других предприятий. Рабочие составляли основную массу его жителей, однако рабочих из местного туркменского населения в нем было мало. Чарджуй являлся также крупным торговым центром. Через Чарджуй в Бухару из Хивы, а также из Афганистана через Керки и Келиф в Россию ввозилось много каракулевых шкурок, сбывавшихся на русском и западноевропейских рынках. Представители русских текстильных фирм, пользуясь услугами Аму-Дарьинской флотилии, скупали хлопок у приамударьинских туркмен и свозили его в Чарджуй, откуда, после очистки, отправляли по железной дороге в Россию. Усиленно скупались также каракулевые смушки, шерсть, ковры, и различные другие сельскохозяйственные продукты. Это привело к довольно значительному развитию хлопководства, способствовало постепенному переходу приамударьинских туркмен от патриархально-натурального хозяйства к товарному производству. Развивались товарно-денежные отношения, начала, как и в За-

каспии, зарождаться туркменская национальная буржуазия, вроде халачского бая Джомарта-сюитхора, ростовщика, торговца хлопком, владельца мельницы и небольшого хлопкоочистительного завода.

Меньшее значение для развития приамударьинских районов имел город Керки, в котором находилось русское поселение полувоенного характера. Керки был, прежде всего, местом стоянки значительного гарнизона и, во-вторых, важным центром торговли с Афганистаном. Населения здесь было около 5 тыс. человек — главным образом военнослужащие. Лишь в годы первой мировой войны, после проведения железной дороги от Новой Бухары (Каган) до Термеза, в Керки появились первые небольшие промышленные предприятия.

Росту экономических и торговых связей с Россией во многом способствовало включение эмирата в 1895 г. в таможенную черту Российской империи. Это привело к еще большему росту товарооборота между Россией и Бухарой. Из России доставлялась мануфактура, сахар-рафинад, керосин, хозяйственная утварь и прочие товары. Из Бухары поступал шелк, хлопок, каракуль. На почве торговли расширялись связи бухарского купечества с представителями русского промышленного и торгового мира, причем местные купцы, как и в Закаспии, по преимуществу играли посредническую роль.

Большое значение для развития торговли имело урегулирование вопроса о чеканке местной монеты—теньги. По этому поводу в 1901 г. состоялось соглашение царского правительства с бухарским правительством. Были установлены объем денежного обращения в эмирате и постоянный курс теньги. Уплата закята, хараджа, а также выдача жалованья служащим и прочие расходы стали производиться наравне с теньгою и русскими деньгами по твердому курсу. Запрещена была чеканка теньги в эмирате. Все это создавало необходимые условия для утверждения и распространения русской монеты в Бухарском эмирате, а следовательно, утверждения единой монетной системы, что способствовало укреплению хозяйственных связей с Россией и экономическому развитию эмирата.

Прямое железнодорожное сообщение Бухары с Закаспием, а также оживление судоходства по Аму-Дарье приводило к сближению отдаленных бухарских и хивинских районов с туркменским населением как между собой, так и с туркменами Закаспия. Рост торговых связей приводил к некоторому экономическому сближению трех туркменских территорий и возникновению национальных связей.

Продление к 1905 г. Закаспийской ж. д. до Оренбурга и установление кратчайшего и быстрого сообщения с промыш-

ленными и торговыми центрами России еще более втягивало экономику Бухары и Хивы в систему общероссийского рынка.

Рост общественного разделения труда, ускорившийся процесс отделения промышленности от сельского хозяйства способствовали образованию специализирующихся районов сельского хозяйства. Бухара превращается в рынок сбыта русских фабрикантов и источник сырья для текстильной промышленности России. Это в известной мере сказывается на земледельческом (по среднему течению Аму-Дарьи) и скотоводческом хозяйстве туркмен (в степных районах), испытывавших все более заметное влияние товарно-денежных отношений. Меньшее влияние товарно-денежные отношения оказывали на туркмен, кочевавших в песках Кара-Кумов. Здесь по-прежнему было развито экстенсивное скотоводческое хозяйство. В районах же, расположенных ближе к торговым центрам и транспортным узлам (Чарджуй, Керки), значительное развитие получило каракулеводство, распространившееся отсюда в Закаспийскую область и Хиву. Каракулевые шкурки находили широкий сбыт на русском и заграничном рынках. Некоторые каракулеводы имели большие стада каракулевых овец. Мелкие каракулеводы попадали в зависимость от крупных: сдавали им свой скот на выпас, нанимались к ним в пастухи на кабальных условиях и т. д.

На побережье Аму-Дарьи, где имелось достаточное количество воды, развивалось хлопководство, зерновые культуры, бахчеводство.

Однако это развитие тормозилось недостатком орошаемой земли, посевы хлопка и зерновых культур не получили большого развития.

Из бахчевых культур широкой популярностью пользовались чарджуйские дыни «гуляби» и некоторые другие сорта. Дыни и фрукты сбывались в свежем и вяленом виде по линии Ташкентской и Среднеазиатской железных дорог, а также вывозились за пределы края, в крупные города России.

В бахчеводческих хозяйствах применялся труд наемных рабочих, носивший, однако, сезонный характер.

Располагавшиеся в центре административных образований —бекствах и амлякдарствах—крупные поселения и города предъявляли также спрос на продукты огородного хозяйства: морковь, лук, помидоры, картофель и др.

Развивавшиеся в туркменском хозяйстве товарно-денежные отношения открывали путь для проникновения капиталистических отношений. Однако в основном здесь господствовали патриархально-феодальные отношения; в отсталых скотоводческих хозяйствах преобладали полунатуральные формы веде-

ния хозяйства, сильны были родовые пережитки. Пастбища и группы колодцев в этих районах находились фактически в руках племенных и родовых вождей, эксплуатировавших своих сородичей.

В земледельческих районах были также сильно развиты феодальные методы эксплуатации. Вся тяжесть как денежных, так и натуральных повинностей перекладывалась на трудящееся дайханство. Баи широко пользовались системой «помощи» (комек), принуждая дайхан рыть арыки, работать на их полях и т. д.

Таким образом, трудящиеся массы земледельческого и скотоводческого населения подвергались двойной эксплуатации со стороны местной феодально-родовой и байской знати и со стороны многочисленной своры бухарских чиновников.

Продукция земледельческого, скотоводческого и связанного с ним кустарного производства поступала в крупные поселения и города, на базарах которых регулярно производилась торговля 1—2 раза в неделю.

Важнейшими торговыми центрами туркменских районов Бухары являлись Чарджуй, Керки, Келиф, Кизыл-Аяк. Последний был центром производства знаменитых кизыл-аякских ковров, вырабатывавшихся эрсаринками в Керкинском и Келифском бекствах. Скупка у населения этих ковров производилась главным образом в Керки.

Однако характерной чертой городской жизни туркменских районов являлось то, что в городах по преимуществу селилось узбекское и пришлое население. Сами туркмены в Бухаре, как и в Закаспии предпочитали жить в сельских местностях. Только нужда и голод выгоняли население с насиженных мест в город. Рабочих из местного населения было мало. Работали они в мелких ремесленных и кустарных предприятиях в качестве чернорабочих, зачастую не имея какой-либо определенной квалификации. Более значительную прослойку городского населения составляли находившие применение в мелкой ремесленной промышленности и кустарных промыслах металлисты, ювелиры, парикмахеры, сапожники, портные, строители (штукатуры, маляры, плотники). Значительную прослойку городского населения составляли чиновники, торговцы, а также мусульманское духовенство.

Являясь верным прислужником эмирского режима, бухарское духовенство способствовало идеологическому подчинению туркмен. С туркменского населения Бухары взимались разнообразные и многочисленные налоги и подати, сохранявшие печать своего феодального происхождения.

Еще более усиливала гнет и эксплуатацию так называемая «система кормления». Назначаемые в те или иные бекства «кормленщики» не получали от правительства содержания. Но они должны были ежегодно доставлять в казну определенную сумму денег, а также натурой—хлеб, баранов, халаты и т. д.

Не менее тяжелым бременем на плечи дайхан ложилась практиковавшаяся в Бухаре система откупов. Выплатив требуемую с бекства сумму налогов и податей эмиру, откупщик облагал население таким образом, чтобы сторицей вернуть свои затраты и получить дополнительные приращения к затраченным средствам, выжать из населения возможно большую сумму.

Отсутствие какого бы то ни было контроля развязывало действия как самого бека, так и его чиновников, стремившихся к личному обогащению и беспощадно обиравших местное население. Многочисленная армия чиновников—до 50 тыс. человек—выжимала последние соки из подвластного ей дайханства. Произвол в сборе налогов и податей давал широкую возможность чиновникам практиковать чудовищные вымогательства. Урожаи определялись сборщиками налогов произвольно, зачастую вдвое больше, чем в действительности, в силу чего и подать взималась в больших размерах. Вместо $^1/_{10}$ и $^1/_6$ подать взималась до $^1/_3$, нередко доходя и до половины урожая. К тому же подать взималась не зерном, а деньгами и по пониженной против базара цене.

Амлякдарство (следующая за бекством единица административного деления) отдавалось на произвол амлякдара, который обычно скрывал от бека подлинное количество выжатых с населения податей. Бек в свою очередь скрывал налоговые поступления в бекстве от эмира. При недостатке средств в казне эмир приказывал бекам взыскивать с населения дополнительные средства.

Бухарское правительство нисколько не задумывалось о будущем страны, выжимало все соки из подвластного ему населения, обирало его до нитки. Население было совершенно бесправно. Обжаловать действия чиновников эмира не разрешалось. Жалобы дайхан вызывали лишь еще более усиленное ограбление.

Бесправное положение народа, отягощенного непосильными налогами и податями, произволом чиновников, деспотическим правлением хана и беспощадной эксплуатацией со стороны землевладельцев, неоднократно вызывали народные движения в Бухарском ханстве. Рост народного негодования против всей системы административного управления ханства умело исполь-

зовался эксплуататорскими классами разных национальностей и выливался нередко в форму религиозных столкновений. Бухара являлась центром средне-азиатского исламизма. Мусульманство поддерживало племенную, политическую и религиозную рознь населявших Бухару народов.

Огромную роль в этом отношении играли прислужники феодально-деспотического режима—ишаны и муллы, разжигавшие религиозную рознь между отдельными народностями, особенно узбеками и персами (суннитами и шиитами). На всем протяжении истории Бухары красной нитью проходят народные движения против произвола и злоупотреблений эмира и его придворных.

В 1900 г. происходили волнения в Келифском бекстве, где население было преимущественно туркменское. В 1901 г. народным волнением было охвачено Дейнауское бекство, в 1902 г. Курган-Тюбинское и др.

Волнения трудящихся масс дайханства в Бухарском эмирате были лишь первыми предвестниками той бури, которая под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции смела начисто в 1920 г. феодально-деспотический режим.

Туркменские поселения Хивинского ханства располагались, главным образом, в западной и средней части ханства, в районах современной Ташаузской области Туркменской ССР. Большую часть ханства заселяли узбеки, составлявшие свыше 50% его населения.

Туркмен проживало в Хиве около 200 тыс. человек, что составляло в начале XX в. свыше четвертой части (26,8%) всего населения ханства[1], затем шли кара-калпаки, казахи, киргизы и прочие народности.

В административном отношении ханство делилось на двадцать бекств и два наибства, возглавляемых беками-хакимами и наибами, которых хан назначал по собственному усмотрению из числа ближайших сановников; в отличие от узбеков, управляемых хакимами, туркмены, а также часть кара-калпаков и киргизов подчинялись в низшей инстанции избираемым из своей среды старшинам, так называемым кетхуда или векилям. Низшая административная и податная единица — «коум» охватывала обычно родовую группу, объединенную одной мечетью.

Официально было установлено, что хакимы и наибы получают $^1/_{10}$ часть причитающихся с населения податей и нало-

---

[1] В. Гиршфельд. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Сост. ген. штаба кап. Гиршфельд, т. II, Ташкент, 1903, стр. 66; В. Лобачевский. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа, Хивинский район, Ташкент, 1912, стр. 43.

гов. Но в условиях произвола, царившего в Хивинском ханстве, размеры этой «узаконенной» доли не могли сколько-нибудь серьезно ограничить алчности хакимов и наибов.

Высшая законодательная, административная и судебная власть в ханстве принадлежала хану. Подобно бухарскому эмиру, он мог казнить каждого из своих подданных.

Хан опирался на феодальную знать, в основном на узбекскую. Из представителей ее назначались беки, хакимы и наибы, стоявшие во главе бекств. Как и в Бухаре, хакимы имели нукеров; в бекствах с туркменским населением количество нукеров было велико, так как в этих районах чаще всего происходили волнения, вызывавшиеся непомерно тяжелыми податями и поборами. Судебные дела туркмен разбирались на совете старшин согласно обычного права. Судом высшей инстанции в ханстве являлись старшие казии, жившие в Хиве— кази-калян, кази-урда; они разбирали дела по шариату. В окружении хана находилось большое количество махрамов, т. е. советников хана, которые не несли постоянных служебных обязанностей, но играли большую роль в государственных делах.

Ведущую отрасль сельского хозяйства в Хиве составляло земледелие. Местные кустарные промыслы и промышленные заведения в основном служили удовлетворению нужд местного населения и широкого развития не получили.

Хивинские туркмены в конце XIX — начале XX в. по уровню своего социально-экономического развития отставали от туркмен Закаспийской области и Бухарского эмирата. У хивинских туркмен прочно сохранялась родо-племенная организация и управлялись они в основном не хивинскими хакимами (правители бекств), а собственными феодально-племенными вождями (беки, векили, кетхуда), носившими общее название ханов или мухурдаров. Эти феодально-племенные вожди имели вооруженные отряды, да и большая часть туркменских крестьян имела какое-либо оружие—ружья, сабли, ножи, пики. Туркменская феодально-племенная знать подчинялась только хивинскому хану, и то не всегда, и пользовалась большой самостоятельностью при решении внутренних дел своего племени. Власть туркменского мухурдара основывалась не только на традиции, но также на его собственной вооруженной силе, на классовой солидарности всех туркменских феодально-племенных вождей, всегда готовых поддержать своего собрата-феодала против «черни», и по возможности получить необходимую помощь от хивинского феодального государства. Впрочем, до этого дело почти никогда не доходило, так как туркменское крестьянство, сознание которо-

го было опутано патриархально-родовыми пережитками, в рассматриваемый период после подчинения Хивы Россией не поднимало сколько-нибудь крупных восстаний против «своих» феодалов. Основная сила ненависти туркменских крестьян Хорезма, задавленных нищетой и произволом, направлялась против хивинского хана. Этому способствовали также многовековые, разжигаемые феодальной знатью и духовенством распри между туркменами и узбеками в Хорезме, в основе которых лежала борьба за воду.

Узбекская феодальная знать, стоявшая у власти, была основной опорой хана. Узбеки—оседлые земледельцы, ремесленники и торговцы—населяли центральную и юго-восточную часть ханства, занимали лучшие земли в головных частях каналов. Туркменское население размещалось на хвостовых частях каналов и воды туркменам часто не хватало. Между тем, как и в Закаспии, основным занятием хорезмских туркмен было орошаемое земледелие, и недостаток воды ставил их в критическое положение. Пользуясь этим, хивинские ханы при каждой попытке туркмен оказать сопротивление ханскому произволу, перегораживали каналы и закрывали воде путь на туркменские поля, обрекая туркмен на разорение и голод.

В то же время, нуждаясь в туркменской коннице, ханы Хивы давали военнослужилым людям из туркмен так называемые атлыки—участки земли в 30 танапов (12 *га*). Каждый держатель атлыка (нукер) должен был выставить во время войны одного всадника. После подчинения Хивы Россией и прекращения феодальных войн Хива не нуждалась в туркменском войске; держатели атлыков превратились из военнослужилых людей в обычных мелких феодальных держателей и, вместо службы, обязаны были платить в казну налог в размере 12 тилля (39 руб. 60 коп. золотом) в год. Всего туркменские нукеры держали 2250 атлыков, или 67 500 танапов (27 тыс. *га*), земли[1]. Площадь орошаемых земель в туркменских районах Хивинского ханства достигала 100 тыс. *га*[2]. Таким образом, в руках туркменских феодальных землевладельцев здесь было сосредоточено около 27% всей земли, т. е. много больше, чем в Закаспии. Следует иметь в виду, что некоторые крупные туркменские феодалы (мюлькдары) сосредоточивали в своих руках не один, а много атлыков. Земли эти находились в полном распоряжении вождя, жестоко эксплуатировавшего крестьян. Чрезвычайно широко была распространена издольная

---

[1] В. Гиршфельд. Указ. соч., стр. 28.

[2] Партархив Туркм. филиала ИМЛ, ф. 21, оп. 1, д. 5, л. 46 (250 тыс. танапов).

аренда, существовали и отработки. Вожди собирали подати за пользование озерами и тугаями[1]. Значительное развитие феодальной собственности на землю—характерная особенность туркменских районов Хивы, обусловившая здесь особенную прочность феодальных отношений и силу северотуркменистанских феодалов. Туркменские феодально-племенные вожди имели укрепленные замки (кала) с боевыми башнями и бойницами. В этих замках размещались вооруженные отряды их нукеров-военнослужилых людей. Земли нукеров обрабатывались также феодальнозависимыми дайханами[2].

Туркменские дайхане получали землю от хивинского хана на значительно более тяжелых условиях, чем нукеры[3]. Многие туркменские дайхане арендовали землю у нукеров-туркмен, отдавая им за это от $^1/_5$ до $^4/_5$ урожая. Хозяйство и общественный строй хивинских туркмен были во многом похожи на то, что мы видели в Закаспии. Как и в Закаспийской области, феодально-байская верхушка хивинских туркмен широко занималась скотоводством. Но товарно-денежные отношения здесь были мало развиты, хозяйство громадного большинства туркменских дайхан и феодалов оставалось натуральным, мало связанным с внешними рынками, хотя некоторые продукты земледелия и скотоводства—хлопок, семена люцерны, шерсть, овчины, кожи—шли на рынки хивинских городов, а оттуда в Россию и даже за границу (особенно люцерна). Центром этой торговли были города Ташауз, Ильялы и особенно Куня-Ургенч с его огромным базаром, где сосредоточивались основные операции по торговле с туркменами[4]. Торговлю во всем Хивинском ханстве, в том числе и в туркменских районах его, держало в своих руках узбекское купечество. Торговцев-туркмен было очень мало и особого слоя туркменского населения, как и в Закаспии, они не составляли. Хозяйство туркменских районов продолжало оставаться в основном патриархально-натуральным. Денежная аренда не была распространена, оплата за труд производилась хлебом и скотом, сохранялась меновая торговля[5].

В результате вовлечения экономики Хивы в капиталистическую систему России начались некоторые сдвиги в социальной структуре туркменского землевладения. Происходила уси-

---

[1] Партархив Туркм. филиала ИМЛ, ф. 21, оп. 44—45, 52. Тугай—лесная поросль в пойме.

[2] Там же, оп. 1, д. 5, л. 102.

[3] Платили дахьяк (десятину) и много различных специальных налогов и поборов.

[4] В. И. Масальский. Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 754—756.

[5] Партархив Туркм. филиала ИМЛ, ф. 21, оп. 1, д. 5, л. 45.

ленная концентрация земли в руках наиболее сильных и знатных представителей феодально-родовой аристократии, которая тесно сотрудничала с ханом в деле ограбления трудящихся масс и получала от него крупные земельные владения. В руках отдельных представителей родовой знати сосредоточивалось до 50 000 и более танапов земли.

Из общего количества земель в 380 025 десятин, возделываемых в ханстве, около 100 000 десятин принадлежало хану, его родственникам, чиновникам, торговым людям, в то время как население имело около 280 тыс. десятин. Острое безземелье вынуждало дайхан прибегать к аренде земли на правах издольщины. Обезземеленные и разорившиеся дайхане пополняли собою ряды чайрикеров — арендаторов, работавших из доли урожая, мардакаров — батраков.

Под влиянием проникновения капиталистических отношений экономика ханства перестраивалась применительно к требованиям метрополии. Большое значение в этом отношении имело проведение Закаспийской железной дороги, связавшей через Аму-Дарьинский водный путь Хиву с Бухарой и Закаспийской областью, а затем с Ташкентско-Оренбургской железной дорогой. Этот водный путь шел от Чарджуя до устья Аму-Дарьи и дальше по Аральскому морю до пристани «Аральское море». Кроме того, был старый колесный путь по левому берегу реки.

Исходными пунктами движения судов в ханстве служили города Петро-Александровск и Ново-Ургенч. Судоходство по Аму-Дарье, несмотря на значительные навигационные трудности, имело большое значение для развития торговли.

Рост городов, развитие торговли и путей сообщения, а вместе с тем и товарно-денежных отношений усиливали специализацию сельскохозяйственных районов. В южной части ханства разводились преимущественно интенсивные полевые культуры, главной из них был хлопок; в 1904 г. половина хлопковых полей ханства засевалась американским хлопком, который вывозился в Россию. Вывоз хлопка из Хивы в Россию, составлявший в 1893 г. 300 тыс. пудов, к 1904 г. увеличился почти вдвое[1].

Помимо хлопка засевалось много знаменитой хивинской люцерны, которая в качестве семенного материала вывозилась в значительном количестве не только в Россию, но и за границу. Северная часть оазиса специализировалась преиму-

---

[1] А. К. Пути сообщения в Хивинском ханстве. «Туркестанские ведомости». № 231, 31 октября 1909 г.

щественно на скотоводстве и хлебных злаках; продукты скотоводства и хлеб отсюда поступали в южные хлопководческие районы ханства. Вокруг городов, население которых предъявляло спрос на огородно-бахчевые и садовые культуры, развивалось садоводство и огородничество товарного типа. Развивалось также шелководство, пришедшее в полный упадок накануне завоевания. В 1888 г. в Петро-Александровске была открыта гренажная станция.

Таким образом, постепенно происходил рост хозяйственного разделения труда между различными районами ханства, специализации их на тех отраслях сельскохозяйственного производства, продукция которых получала наиболее широкий сбыт.

На основе разделения сельскохозяйственного труда и особенно развития товарного хлопководства, разведения семян люцерны на вывоз происходит рост городских торговых центров. Основными такими центрами были города: Хива, Ново-Ургенч, Кунград, Тахта, отчасти Ташауз. Особенно большое значение приобрел Ново-Ургенч. В нем находились конторы промышленных фирм, скупавших хлопок, оптовые склады торговых фирм, транспортные конторы, почтово-телеграфная связь. Здесь действовал филиал русско-китайского банка и т. д. Русский капитал наводнил рынки Хивы агентами и коммерсантами, которые выжимали все соки из трудового дайханства, безжалостно обсчитывали и обманывали его. Торговля являлась важнейшим рычагом эксплуатации дайханства. Несоответствие между ценами на продукты сельскохозяйственного производства и ценами на промышленные товары, доставляемые из метрополии, тяжело отражалось на положении основных масс дайханства.

Вывозная торговля носила по преимуществу оптовый характер. Основные предметы вывоза: хлопок, люцерна, кожи, ковры, бараньи шкуры и т. п. скупались на сельских базарах купцами и концентрировались постепенно в руках крупных скупщиков, которые доставляли их в большие оптовые склады, владельцами которых являлись по преимуществу русские фирмы.

Хлопок и кожи из Хивы шли в Москву и на Нижегородскую ярмарку, шерсть—в города Среднего Поволжья, семена люцерны—в Гамбург и далее в Северную Америку, ковры — в Турцию, коровье масло—в Баку, рыба—в Оренбург. Большинство же предметов фабрично-заводской промышленности привозилось из Московского промышленного района и с Нижегородской ярмарки; сахар — из Киева, зеленый чай — из Бухары и Асхабада; керосин — из Баку, мука—из Влади-

кавказа, юфтовая кожа — из Оренбурга, строевой лес — из Чарджуя[1].

Ввозились в ханство по преимуществу изделия фабрично-заводской промышленности, мануфактура, железные и скобяные изделия, сахар, чай, керосин, строевой лес и т. д.

Развитие торговли с Россией способствовало установлению более тесных экономических связей с ней, наносило удар прежней экономической изолированности ханства, приобщало его к капиталистическому хозяйству России.

В процессе роста общественного разделения труда между Хивой и другими частями Средней Азии развивались торговые связи туркменской части Хивы с туркменами Закаспийской области и Бухарского эмирата. Вопреки политическим и административным перегородкам, хивинские туркмены сближались с единоплеменниками в других частях Средней Азии, что создавало предпосылки национальной консолидации туркменского народа.

Тяжелый налоговый гнет, система беззастенчивого обирания и взяточничества со стороны чиновничьего аппарата ханства, господство торгово-ростовщического капитала при скупке — продаже хлопка—все это усиливало классовые противоречия в ауле, усиливало борьбу дайхан против феодально-средневекового аппарата власти.

Непомерные злоупотребления при сборе податей со стороны откупщиков и сборщиков налогов вызывали частые волнения среди туркмен. Поэтому сборщиков налогов в туркменских районах обычно сопровождали специальные отряды нукеров, вся тяжесть содержания которых ложилась на малоимущие слои туркменского населения. Важнейшим средством подчинения туркмен в руках хана являлось частое переселение их в маловодные и засушливые районы.

Притеснения и гнет вызывали неоднократные стихийные восстания и волнения туркмен. Так, в 1876 г. туркмены под предводительством Балям-аталыка выступили против сборщиков податей и налогов, обвиняя ханское правительство в бесчисленных поборах и вымогательствах. В 1898 г. туркмены колли-иомуты и куба-даглы отказались платить государственную подать за арендуемые ими на дахъячных условиях, — Кырк-Кызские земли, орошаемые Шамуратом и Он-Кулачем. За недостатком воды эти земли пришли в негодность, и туркмены решительно протестовали против требуемых с них ханскими чиновниками податей и налогов. Волнения туркмен, на-

---

[1] В. Лобачевский. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа, Хивинский район, Ташкент, 1912, стр. 91.

В. И. ЛЕНИН

1897

чавшиеся в 1898 г., продолжались вплоть до революции 1905 г. Эти волнения свидетельствовали, что в ханстве назревали и обострялись классовые противоречия обусловившие в дальнейшем участие трудящихся масс Хивинского ханства в революционной борьбе против России.

6. Рост революционного движения в Закаспийской области в начале XX в.

Проникновение капиталистических отношений в социально-экономическую жизнь туркменских районов Средней Азии, особенно Закаспия, способствовало обострению классовых противоречий как в городе, так и в ауле.

В. И. Ленин указывал, что капитализм «...вырывает крестьян из деревенского идиотизма, встряхивает их и *толкает на борьбу*»[1].

Многообразные формы политического порабощения, национального и социального гнета вызывали протест пролетарских слоев города, трудового дайханства и батрачества аула, поднимали их на борьбу против колониального режима царизма и местной феодально-байской верхушки.

Возникновение революционного движения в Туркменистане, его дальнейшее развитие и рост были непосредственно связаны с влиянием прогрессивных, демократических сил русского народа, возглавляемых рабочим классом, и выступавших под руководством большевистской партии. Несмотря на драконовские меры, на жестокие репрессии колониальных властей, русская революционно-демократическая мысль, идеи революционного марксизма начали прокладывать себе дорогу в передовые слои туркменского народа.

Весь строй социальной, экономической и культурной жизни туркмен в связи с формированием капиталистического уклада подвергался серьезным изменениям; старые патриархальные средневековые формы жизни постепенно разлагались. Создалась почва для решающего влияния революционного движения России на развитие национально-освободительного движения в Туркменистане.

Проникновение передовых социал-демократических идей просвещало, активизировало и революционизировало трудящиеся массы, подготавливало их к решающим схваткам с царизмом.

Революционная борьба трудящихся масс Туркменистана была направлена против господства русского военно-феодаль-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 346.

ного империализма, с одной стороны, и против его местной опоры — ханов, баев, духовенства, с другой стороны.

Руководящей и направляющей силой в развитии революционного движения в Туркменистане являлись большевистские организации Закавказья, прежде всего города Баку. Социал-демократы, высылавшиеся с Кавказа или прибывавшие в область по поручению Бакинского комитета РСДРП, являлись организаторами первых социал-демократических кружков и групп в Закаспии. Большое участие в создании первых социал-демократических организаций в Закаспии приняли политические ссыльные. С конца XIX в. царское правительство стало ссылать в пределы Туркестанского края политически «неблагонадежных» военнослужащих. В числе неблагонадежных были многие участники революционного движения в Петербурге, Баку, Тифлисе и других городах. Значительная часть политических ссыльных направлялась с Кавказа.

Некоторые из этих политических ссыльных принадлежали к революционным марксистским организациям.

Много солдат, студентов и гражданских лиц было сослано царским правительством в гарнизоны Красноводска, Асхабада, Кизыл-Арвата, Кара-Кала, Чикишляра, форта Александровского и других пунктов Закаспийской области. Многие из них проводили здесь многогранную общественную и просветительную работу. На росте революционного движения в Туркменистане особенно сказывалось влияние кавказских политических ссыльных большевиков.

С Кавказа же в большом количестве прибывала марксистская социал-демократическая литература: прокламации, листовки, брошюры; для организации подпольных типографий доставлялся шрифт и прочее оборудование.

Центром связи социал-демократических организаций Туркменистана с кавказскими комитетами РСДРП являлся Красноводск. Из Баку экземпляры большевистской «Искры», а также большевистских листовок, воззваний и прокламаций направлялись через Красноводск в города Закаспия. Так, уже в феврале 1903 г. в Красноводске распространялась революционная прокламация «Товарищи», отпечатанная в типографии Бакинского комитета РСДРП[1]. В начале 1903 г. в Красноводске, а также и в других городах, распространялись нелегальные прокламации и воззвания РСДРП, отпечатанные по поручению Бакинского комитета.

В октябре 1903 г. был арестован помощник начальника

---

[1] Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1909 гг., Сборник документов, Ашхабад—Москва, 1946, стр. 21—23.

станции Красноводск И. И. Попов, у которого при обыске были обнаружены брошюры, изданные РСДРП.

В декабре 1903 г. во время обыска у К. М. Тимошкина — слесаря хлопкоочистительного завода в Байрам-Али—была обнаружена прокламация, выпущенная Бакинским комитетом Кавказского социал-демократического рабочего союза[1].

Проникновение социал-демократических прокламаций, листовок, воззваний, агитационных брошюр и прочей нелегальной марксистской литературы в среду рабочих делало свое дело. Происходил медленный, но неуклонный рост классового политического сознания передовых рабочих Закаспия. Это имело решающее значение для подготовки и организационного оформления социал-демократических групп и кружков в Туркменистане. Начало создания их относится к 1903 г. Этому важнейшему событию в истории революционного рабочего движения в Туркменистане предшествовал ряд разрозненных, стихийных выступлений рабочих.

Первые выступления рабочих носили экономический характер. К ним относится стачка грузчиков в 1900 г. в Красноводске, выступление рабочих близ станции Кала-и-Мор Мургабской ветки Среднеазиатской железной дороги в 1902 г., забастовка рабочих депо Красноводск в 1903 г. и ряд других. Росло и ширилось также движение среди дайханства. Серьезные волнения дайхан против ханов и царской администрации вспыхнули в 1902 г. и возобновились с новой силой в мае 1903 г. в Серахском приставстве на почве ущемления колонизаторами земельно-водных прав дайханства.

В туркменском ауле назревали серьезные классовые противоречия,—росло недовольство дайхан, готовое вылиться при известных обстоятельствах в открытое сопротивление царским властям. Классовая борьба трудовых низов против феодально-байской верхушки переплеталась с борьбой против колониального режима и его представителей. В Красноводском уезде в начале 1904 г. иомуты решительно отказались платить государственные подати и земские повинности: демонстративно отказывались принимать повестки, изгоняли сборщиков податей и налогов и т. д.

Вспышки, подобные волнениям в Серахском приставстве или в Красноводском уезде, возникали стихийно и протекали изолированно, без политической программы и надлежащего руководства: нет никаких указаний на связь между различными очагами крестьянского движения или на попытки установить такую связь. Малочисленность рабочих из местного коренно-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 252, лл. 3—4.

го населения, отсталость дайханской массы — все это затрудняло связь между революционными организациями русского рабочего класса в городах и туркменским дайханством, ограничивало размах движения последнего. Тем не менее, преодолевая все искусственные преграды, могучее влияние революционной борьбы русских трудящихся масс все сильнее проникало в далекую Закаспийскую область.

Важнейшим фактором в укреплении связей между Туркменистаном и центрами революционного социал-демократического движения — Москвой, Петербургом, Тифлисом, Баку, а также в развитии социал-демократического движения в крае являлись специально направляемые сюда представители большевистских организаций. Ряд партийных работников был направлен Бакинским и Тифлисским комитетами РСДРП(б) в Закаспийскую область для организации здесь подпольных большевистских социал-демократических организаций и кружков. В числе этих товарищей были видные революционные деятели Закавказья: братья Виктор и Дмитрий Бакрадзе, являвшиеся сотрудниками В. Кецховели[1].

Из Баку в города Туркменистана—Кизыл-Арват, Кушку, Асхабад, Красноводск—прибыли в разное время социал-демократы В. Д. Дмитриев, ставший позднее руководителем красноводской организации РСДРП, А. Хачиев, высланный из Баку за революционную деятельность, и другие, сыгравшие затем значительную роль в развитии революционного движения в Закаспии. С этими товарищами связано создание в 1903—1904 гг. социал-демократических кружков и групп в Асхабаде и Кизыл-Арвате.

Уже во второй половине 1903 г. в главных мастерских Среднеазиатской железной дороги в Кизыл-Арвате создается среди рабочих социал-демократический кружок (около 25 человек). В 1904 г. этот кружок вырос настолько, что его пришлось расчленить на 5 кружков. Наиболее активными деятелями социал-демократической группы в Кизыл-Арвате были: модельщик Белковский, токарь Петр Александров, рабочий Лисевицкий и другие. Организация поддерживала оживленную связь с Бакинским комитетом РСДРП—систематически получала оттуда нелегальную литературу и прочие материалы. Из Баку зачастую проезжали агитаторы и пропагандисты.

---

[1] Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг., кн. II, стр. 33.

В Асхабаде первые социал-демократические кружки были организованы в 1904 г. Вскоре все эти кружки объединились в «Группу асхабадских социал-демократов». Организаторами группы были рабочий-печатник А. Хачиев, учитель местной гимназии Л. Стабровский (прибывший в августе 1904 г. в Асхабад из Шуши, из Закавказья, где он был преподавателем в реальном училище) и некоторые другие. Асхабадская группа, так же как и Кизыл-Арватская, поддерживала интенсивные связи с Бакинским комитетом РСДРП, получая оттуда нелегальную литературу, работников и т. д. В Красноводске была явочная квартира, при посредстве которой поддерживалась связь с Баку.

Однако в первое время (конец 1904 г. и начало 1905 г.) группа носила расплывчатый характер, была слабо организована. В жизни группы фактически продолжался еще период «кустарщины» и кружковщины. Члены группы были слабо связаны между собой, действовали разобщенно, на свой риск и страх. Разделения на фракции (большевиков и меньшевиков), так же как и в Кизыл-Арвате, в то время еще не существовало. Одни причисляли себя к большевикам или сочувствовали большевикам, другие—меньшевикам. Многие вообще не понимали сущности фракционных разногласий и глубины принципиальных расхождений между большевиками и меньшевиками. Отдельные лица сочувствовали даже эсерам и были сторонниками индивидуального террора и экспроприаций. Осенью 1904 г. эсеровское влияние в группе, видимо, даже преобладало (до приезда Аршака Хачиева).

Группа выпускала листовки и другую нелегальную литературу.

Первые листовки этой группы появились на улицах города осенью 1904 г. «24-го сентября и 1, 8, 14 и 23 октября 1904 г., — сказано в «Обвинительном акте» по делу Л. Стабровского и других от 25 апреля 1905 г., — в г. Асхабаде были разбросаны в разных местах по улицам и, главным образом, около зданий мужской и женской гимназий, технического училища и Управления Средне-Азиатской железной дороги, а также расклеены в некоторых местах на памятниках, заборах и деревьях гектографированные прокламации противоправительственного содержания за подписью «Асхабадский комитет социалистов-революционеров» или «Группа асхабадских социал-демократов», под заглавиями: «Ко всем жителям Асхабада», «Рабочим города Асхабада», «Учащимся», «Аграрное

движение в России» и «Политика Плеве и Святополк-Мирского»[1].

Эти прокламации печатались не только на русском языке, но и на армянском (в городах Закаспийской области проживало много армян). Распространялись они не только в Асхабаде, но и далеко за его пределами, например, в г. Мерве[2] и других населенных пунктах Закаспия; рассылались они в другие города Туркестана.

Правильную линию заняла Асхабадская группа в области национального вопроса. В одной из прокламаций этой группы говорилось следующее: «Нам, социалистам, одинаково дороги интересы трудящихся классов всех народов. Мы будем протестовать и противодействовать притеснению и русских, и армян, и грузин, и текинцев (т. е. туркмен—*ред.*) и персиян. Всем притесненным без различия их национальности и веры мы будем по мере возможности помогать словом и делом. Но особенно нам дороги интересы трудящихся рабочего класса, вынужденного работать на богачей-капиталистов»[3].

Закаспийские организации поддерживали связь, наряду с Баку, также с Москвой, Кавказом, Ташкентом, откуда доставлялась марксистская литература. Эта литература распространялась как среди членов организации, так и среди неорганизованной массы населения. Она разбрасывалась по улицам городов, расклеивалась на заборах, доставлялась почтой по адресам, вкладывалась в почтовые ящики и т. д.

Распространение социал-демократических идей оказало большое влияние на дальнейший рост революционного движения в Закаспии. Имевшиеся связи социал-демократических организаций Закаспия с Баку, Тифлисом, Ташкентом, отчасти с Петербургом способствовали приобщению революционного движения в Туркменистане к общероссийскому революционному движению.

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 51/с, Ташк. Суд. Палата, д. 53, лл. 36—39. «Обвинительный акт о дворянах Людвиге Людвигове и Ксении Петровой Стабровских, крестьянине Аршаке Михайлове Хсчиянце (он же Хачиев — *ред.*), мещанине Иване Андрееве Егорове и рядовом 7-го Мервского резервного батальона Амбарцуме Абрамове Джаладьянце (он же Гукасов)».

[2] Во время обыска у рядового 7-го Мервского резервного батальона Амбарцума Абрамовича Джаладьянца (г. Мерв) были обнаружены 3 прокламации, изданные асхабадской группой: «К армянскому обществу» (одна на армянском языке и вторая — ее перевод—на русском языке) — См. ЦГИА УзССР, ф. 51/с, Ташк. Суд. Палата, д. 53, лл. 36—39.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 55/с, д. 50, л. 10.

По всей России назревали грозные революционные события 1905 г. В авангарде революционного движения шел русский рабочий класс, возглавляемый большевистской партией, выпестованной великим Лениным.

Рабочее движение в Туркменистане развивалось под непосредственным влиянием и в тесной связи с рабочим движением в центральных губерниях России и шло по тому же пути. Туркменский народ, находясь в составе Российской империи, обрел себе верного друга и учителя в лице самого передового и революционного в мире русского рабочего класса во главе с Коммунистической партией.

ГЛАВА VIII

ТУРКМЕНИСТАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907 гг.)

1. Туркменистан в период подъема революции (1905 г.)

а) Начало революции в России. Первые отклики в Туркестане и Закаспийской области

Основной социально-экономической причиной революции 1905—1907 гг. в России было противоречие между существовавшими в стране пережитками крепостнических порядков, прежде всего самим самодержавием, и средневековыми формами землевладения, с одной стороны, и передовым промышленным и финансовым капитализмом, который был уже налицо в России, — с другой. В. И. Ленин неоднократно указывал на это: *«без ломки* старых земельных порядков, — писал он, например, в начале 1908 г., — *не может быть выхода* из того противоречия, которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»[1].

Это основное противоречие в социально-экономической жизни страны значительно обострилось к 1905 г. в связи с тяжелым экономическим кризисом, который разразился в 1900—

---

[1]. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 406

1903 гг. и глубоко потряс всю экономику царской России. Голод в деревне, вызванный неурожаем 1901 г., и новая грабительская авантюра, предпринятая в это время царизмом на Дальнем Востоке и закончившаяся империалистической русско-японской войной 1904—1905 гг., еще больше обострили положение. Неудачи на полях сражений, а затем и полное военное поражение царской России вызвали всеобщее недовольство в стране.

Кризис, голод и война еще больше увеличили и без того тяжелый гнет и страдания рабочих масс и крестьянства. Катастрофически росли безработица и нищета, резко снизилась заработная плата, увеличился рабочий день, росли штрафы, обсчеты, обмеры рабочих, ухудшались условия труда на предприятиях. Быстро разорялось крестьянское хозяйство, особенно в связи с русско-японской войной. Значительно усилился в это время и полицейский гнет в городе и деревне. Угнетение национальностей приняло еще более гнусные и тяжелые формы.

Все это порождало еще большее озлобление в массах и усиливало ненависть к царизму. В стране резко обострилась классовая борьба. Быстро нарастало стачечное движение, массовые демонстрации, митинги; разгорались крестьянские и студенческие волнения; усиливалась национально-освободительная борьба. Если в 1900 г., по неполным официальным данным, было всего в России 125 стачек (бастовало около 30 тыс. рабочих), то уже в 1903 г. их было 550 (около 87 тыс. бастующих). Если в 1900 г., по тем же официальным данным, имели место в России 48 крестьянских выступлений, то в 1902 г. их было уже 340.

Таким образом, обстановка в стране в первые годы XX в. ясно указывала на быстрое приближение революционной бури. Кризис, голод и война лишь ускорили ее начало, приблизили неизбежный взрыв. В этой накаленной предреволюционной атмосфере *достаточно было искры, чтобы начался революционный* пожар. Такой искрой и явились события 9 января 1905 г. в Петербурге.

Дело началось по самому незначительному поводу. В конце декабря 1904 г. на Путиловском заводе были уволены четыре рабочих, принадлежавших к гапоновской организации. Эта монархическая организация («Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга»), созданная полицией под руководством тайного агента охранки священника Гапона, ставила своей целью отвлечение рабочих от политической борьбы. В нее входили политически отсталые рабочие, еще верившие в «царя-батюшку» и думавшие, что все зло— лишь от царских чиновников и капиталистов. Чтобы не потерять своего влияния в массах, гапоновская организация потре-

бовала обратного приема уволенных. Администрация завода отказалась. Депутации, направленные к фабричному инспектору и градоначальнику, также ничего не добились. Тогда рабочие решили заступиться за своих товарищей и начать стачку. 3 января 1905 г. Путиловский завод забастовал. Движение быстро перекинулось на другие предприятия, и 7 января стачка охватила уже весь Петербург. Бастовало около 150 тыс. рабочих. Движение принимало явно угрожающие размеры.

Чтобы разрядить обстановку и вкорне подавить начавшееся движение, царские власти решили прибегнуть к кровопусканию. Гапон получил задание охранки — спровоцировать мирное выступление рабочих, которое могло бы послужить удобной и безопасной мишенью. В результате, план Гапона— устроить шествие безоружных рабочих с петицией к царю — был одобрен охранкой. Началась деятельная подготовка в обоих лагерях.

Малосознательная часть рабочих широко поддержала идею обращения к царю. Два дня шли бурные собрания в гапоновских организациях, на которых обсуждалась петиция.

Столь же деятельно готовились и в противоположном лагере. На военных совещаниях обсуждались детали предстоявшего расстрела рабочих. Город был объявлен на осадном положении и разбит на боевые участки. Из ближайших гарнизонов были вызваны в Петербург воинские подкрепления; заранее намечалась диспозиция войск; командиры частей получали подробные инструкции; полиция приводилась в боевой порядок и т. д.

Петербургские большевики прилагали все усилия, чтобы сорвать готовившуюся провокацию, чтобы помешать кровавому побоищу. Они предупреждали рабочих, что ходить к царю не следует, что таким путем они ничего не добьются. «Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу»,—говорилось в листовке Петербургского большевистского комитета, выпущенной накануне расстрела[1].

Однако сильна еще была вера в царя среди отсталой части рабочих, сильна была уверенность в том, что царские войска не станут стрелять в безоружную, мирно настроенную толпу. И рабочие двинулись в воскресенье, 9 января, с окраин и предместий Петербурга к Зимнему дворцу. Шли в праздничных одеждах, с женами и детьми. Впереди несли иконы и портреты царя, несли хоругви и трехцветные царские флаги. Дорогою

---

[1] «Листовки петербургских большевиков 1902—1917», т. I, Госполитиздат, 1939, стр. 158.

пели молитвы. Около 150 тыс. человек приняло участие в движении к Зимнему дворцу.

Вскоре, однако, рабочие убедились, что большевики были правы: царь ответил рабочим по-царски. Всюду, где должны были проходить рабочие, стояли войска. Казаки, конная полиция и жандармерия врезались в толпы рабочих, давили женщин и детей, рубили шашками. Войска без всякого предупреждения стреляли в безоружный народ. Бойня шла во многих местах города — и у Нарвских ворот, и на Дворцовой площади, и в Александровском парке, и у Троицкого моста, и на Васильевском острове и т. д. Всего в этот день было убито и ранено в Петербурге не менее 5 тыс. человек.

Так царь разбил окончательно веру в него даже со стороны наиболее отсталых рабочих. В этот день массы поняли, что царь — это злейший враг трудового народа, так же как и его министры и генералы, помещики и капиталисты. Массы поняли, что свободу надо не просить, а завоевывать.

Настроение масс резко изменилось. Уже в этот же день, 9 января, на собраниях и митингах раздавались грозные слова: «Долой самодержавие!», «К оружию!», — кричали на улицах. Рабочие строили баррикады и готовились к борьбе с царем. На улицах толпы народа расправлялись с проезжавшими мимо генералами, полицейскими. Вслед за кровавым воскресеньем в Петербурге начались массовые стачки, демонстрации, протесты во всех городах России.

События 9 января 1905 г. в Петербурге знаменовали собой начало революционного кризиса в стране. Они подняли на борьбу трудящиеся массы всей России, вплоть до самых отдаленных углов. «Пролетарское движение,—писал В. И. Ленин в начале февраля 1905 г.,—сразу поднялось на высшую ступень. Всесбщая стачка мобилизовала по всей России наверное не меньше миллиона рабочих. Политические требования социал-демократии просочились даже до слоев рабочего класса, способных еще верить в царя. Пролетариат порвал рамки полицейской зубатовщины, и вся масса членов легального рабочего общества, основанного для борьбы с революцией, пошла... по революционному пути. Стачка и демонстрация стали на наших глазах превращаться в *восстание*»[1].

Кровавые события в Петербурге, положившие начало революции по всей России, дали мощный толчок революционному движению и в Туркменистане, точно так же как и во всем Туркестанском крае.

Правда, в январской всеобщей стачке в связи с событиями 9 января туркестанские рабочие не принимали участия. Рабочие массы этой отдаленной, колониальной окраины царской

---

[1]. В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 120.

России были более отсталыми, более забитыми и неорганизованными, нежели рабочие других районов России. Они еще почти не имели опыта революционной борьбы. Социал-демократические организации еще только появились здесь и не успели еще достаточно организовать рабочие массы. Однако кровавые события 9 января все же не прошли бесследно в Туркестане.

12 января 1905 г., в так называемый «Татьянин день», либерально настроенная буржуазная интеллигенция отмечала 150-летний юбилей Московского университета специально устроенными банкетами. Эти благочинные буржуазные банкеты в некоторых городах Туркестана были превращены усилиями большевиков в массовые митинги или демонстрации против царского самодержавия.

Наиболее серьезные события произошли в этот день в Ташкенте, где местным социал-демократам во главе с большевиком Корнюшиным удалось фактически захватить либеральный банкет в свои руки и превратить его в революционный митинг, посвященный событиям 9 января в Петербурге. На митинге-банкете подавляющим большинством голосов была принята социал-демократическая резолюция, выработанная заранее на квартире у Корнюшина.

По воспоминаниям современников, демонстрация против царского самодержавия состоялась 12 января и в Туркмении. На банкет, устроенный в Ремесленном собрании г. Кизыл-Арвата, собралась местная интеллигенция и часть рабочих-железнодорожников. За ужином, когда уже сели за стол и были наполнены рюмки с вином, кто-то из администрации предложил тост за царя. Капельмейстеру оркестра, состоящего из рабочих, было предложено сыграть «Боже, царя храни». Однако оркестр категорически отказался играть, мотивируя это тем, что он не разучивал царского гимна. Поднялся спор, во время которого все присутствовавшие рабочие демонстративно покинули банкет, так и оставив на столах невыпитыми рюмки «за здравие царя»[1].

Таков был первый отклик в Туркестане на кровавые события в Петербурге. Однако для начала и это было уже большим событием, серьезным шагом вперед на далекой колониальной окраине, где до этого ничего подобного не происходило.

Вот почему так заволновались царские власти, узнав что случилось на банкетах 12 января. Уже 15 января туркестанский генерал-губернатор доносил военному министру, что им предложено прокурору окружного суда «по поводу речей, ка-

---

[1] Узбекистанский филиал ИМЛ, рукописный фонд, д. Р—1531, стр. 43—108.

сающихся изменения государственного порядка..., немедленно направить это дело в законном порядке» и что усилен состав местной полиции «для ограждения в городе внешнего порядка и спокойствия»[1]. Всем военным губернаторам областей, в том числе Закаспийской, было разослано циркулярное письмо генерал-губернатора, в котором предлагалось «принять все зависящие... меры к тому, чтобы прискорбные события 12 января не могли еще раз иметь места»[2].

б) Социал-демократические организации Туркменистана весной 1905 г. Февральская забастовка железнодорожных рабочих

Начавшаяся революция дала мощный толчок к дальнейшему развитию в Туркменистане социал-демократического движения. Уже созданные до 1905 г. социал-демократические группы в Асхабаде и Кизыл-Арвате, не имевшие еще сколько-нибудь установившихся, крепких партийных традиций, с первых же дней революции стали быстро расти и укрепляться как идейно, так и организационно. Создавались социал-демократические группы и в других городах Туркменистана — в Красноводске, Мерве, Чарджуе, Казанджике.

Сравнительно раннему для Туркестана зарождению и оформлению социал-демократических организаций в Закаспии (во всяком случае более раннему, чем в других областях) способствовало его близкое территориальное расположение к такому крупному рабочему и революционному центру, как Баку и Закавказье, где уже имелись крепкие организации революционной социал-демократии. Это влияние закавказских организаций, особенно Бакинской, было чрезвычайно сильным в Закаспийской области. Здесь в первую очередь оседали высылавшиеся из Закавказья революционные социал-демократы; сюда в значительном количестве попадала социал-демократическая литература (брошюры, листовки, газеты и пр.); Бакинский комитет РСДРП посылал в Закаспий социал-демократических работников — агитаторов, пропагандистов, организаторов, помогал оборудовать здесь подпольные типографии; закаспийские социал-демократы постоянно ездили в Баку за литературой, инструкциями и т. д.

«Волнения и беспорядки во внутренних губерниях в Закавказье,—писал туркестанский генерал-губернатор в своем донесении военному министру (16 июля 1905 г.),—особенно содействовали тому, что Закаспийская область, особенно Асха-

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц. 00, д. 1350, ч. 76—1905 г., л. 2.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 301, лл. 20—22.

бад, постепенно обратились в крупный и, безусловно, опасный центр деятельности революционеров..., состоящих в постоянных и, по-видимому, систематически организованных сношениях с бакинскими преступными сообществами»[1].

С января 1905 г. Асхабадская группа РСДРП начала быстро расти и укрепляться. 10 января была выпущена отпечатанная на гектографе на квартире у Л. Стабровского — одного из руководителей группы — «Программа Российской социал-демократической рабочей партии». В конце была подпись: «Печатано группой Асхабадских социал-демократов»[2].

Во время распространения «Программы» царским властям удалось напасть на след Асхабадской социал-демократической группы. В результате были арестованы Л. Стабровский и его жена, печатавшие «Программу», а также печатники местной типографии Аршак Хачиянц (Хачиев) и Егоров[3], распространявшие «Программу». Во время обыска у Стабровских полиция захватила гектограф, на котором печаталась «Программа», запас бумаги, брошюру под заголовком «Извещение о втором очередном съезде Российской социал-демократической рабочей партии» — оригинал, с которого была снята копия отпечатанной «Программы», и еще одну нелегальную листовку[4].

Чрезвычайно важно отметить, что перед самым изданием социал-демократической программы Стабровский ездил в Баку, где в это время происходила известная забастовка нефтяников, руководимая Бакинским комитетом большевиков, а затем побывал и в Тифлисе (прибыл в Баку 27 декабря 1904 г., в Тифлис выехал 2 января 1905 г.). Через несколько дней он вернулся в Асхабад и немедленно же принялся за печатание социал-демократической программы, видимо, получив соответствующее указание закавказских большевиков.

В начале 1905 г. Асхабадская социал-демократическая группа издала еще ряд листовок: например, 25 января 1905 г. была издана за подписью «Группы асхабадских социал-демократов» листовка, в которой перепечатаны три документа — «Письмо от Георгия Гапона царю», «Письмо Георгия Гапона Святополк-Мирскому» и «Петиция петербургских рабочих»[5]; 12 февраля 1905 г. группой была переиздана листовка «Ко всем рабочим по поводу петербургских событий»[6] и др.

В первые месяцы 1905 г. шло постепенное упорядочение работы Асхабадской социал-демократической группы: прекратились заигрывания с эсерами, была организована подполь-

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. штаба, д. 58, л. 1.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охран. отдел. д. 2277, лл. 108—109.
[3] Оказавшийся впоследствии провокатором.—*Прим. ред.*
[4] ЦГИА УзССР, ф. 55/с, Прок. Ташк. Суд. Палаты, д. 50, лл. 31—32.
[5] Там же, ф. 12/с, Т.О.О., д. 2276, лл. 186—187.
[6] Там же, ф. 52/с, Самарк. окр. суд, д. 31, л. 202.

ная типография с печатным шрифтом и т. д. Уже в начале марта в этой типографии была отпечатана первая листовка с рабочей революционной песней «Варшавянка». Листовка подписана словами: «Российская социал-демократическая рабочая партия» и под чертою надпись: «Да здравствует первая асхабадская типография. Выпуск 1-й, 7 марта»[1]. Окончательно оформилась Асхабадская группа лишь после 1 мая 1905 г. К лету 1905 г. в Закаспийской области (т. е. на территории нынешней Туркменской ССР) существовало уже 6 социал-демократических организаций.

С января по сентябрь 1905 г. в Туркменистане происходили отдельные, по большей части экономические, забастовки рабочих. В это же время начались и первые массовые политические демонстрации (Асхабад, Кизыл-Арват). Это был период быстрого нарастания революционных событий, первой пробы революционных сил, когда трудящиеся массы Закаспийской области только начинали подниматься на решительную схватку с царским самодержавием и эксплуататорами.

Революция нарастала с огромной силой, приводя в движение все классы общества. С исключительной быстротой сменялись формы революционной борьбы—низшие формы ее уступали место более высоким. От экономических забастовок и стачек солидарности рабочие стали переходить к политическим стачкам, к демонстрациям, а в некоторых местах — к вооруженному сопротивлению царским войскам; затем от массовых политических стачек — к всеобщей политической забастовке в октябре 1905 г.

В феврале—марте 1905 г. прошла полоса забастовок среди рабочих железнодорожных мастерских и депо (в депо на станции Чарджуй, в Кизыл-Арвате, Казанджике и др.).

Особенно организованным было движение в Кизыл-Арвате, причем оно началось здесь раньше, чем в Ташкенте. Уже с января 1905 г. в Кизыл-Арвате, как сообщал с тревогой начальник местной полиции, «стало замечаться глухое брожение между мастеровыми и усиленно начали распространяться прокламации социал-демократической партии»[2]. 5—7 февраля в Кизыл-Арвате произошли волнения, вызванные тем, что один из офицеров железнодорожного батальона занял под квартиру помещение железнодорожной больницы.

22 февраля под влиянием забастовочного движения в железнодорожных мастерских Ташкента началась забастовка и в Кизыл-Арвате, причем она вылилась здесь во всеобщую стачку. Забастовкой руководила Кизыл-Арватская социал-демократическая группа. Сначала забастовали главные мастерские Среднеазиатской ж. д. со своим тысячным рабочим коллекти-

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., 7-е д-во, д. 1580, 1905 г. лл. 2—3.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 129, Ташк. Суд. Палата, д. 829, лл. 50—59.

вом. Затем, в этот же день, стачка перекинулась и на остальные железнодорожные службы Кизыл-Арвата. «По выходе мастеровых из мастерских, — читаем в показаниях капитана Соколова, — часть толпы вошла в контору мастерских, заставила ее оставить, причем в случае неисполнения их требования грозила насилием. Другая часть отправилась на станцию железной дороги и (в) мастерские III участка пути, где на станции требовала прекращения работ станционных служащих, телеграфистов, депо, а на участке бросить работы»[1]. Рабочие предъявили администрации свои требования, среди которых было требование 8-часового рабочего дня, свободы стачек и собраний и др., и упорно настаивали на их выполнении. Благодаря этому стачка продолжалась здесь дольше, чем в других железнодорожных центрах Туркестана: она длилась с 22 февраля по 1 марта. Ввиду упорства рабочих и продолжительности забастовки, в Кизыл-Арват примчался из Асхабада «сам» начальник дороги генерал Ульянин и, по словам капитана Соколова, «уладил дело», т. е. удовлетворил значительную часть требований рабочих.

Забастовка в Кизыл-Арвате — ее организованность и стойкость рабочих — еще в большей степени, нежели в Ташкенте, перепугала царские власти. 26 февраля, в период стачки, начальник кизыл-арватского гарнизона отправил паническую телеграмму сразу по двум адресам — начальнику Закаспийской области и командующему войсками Туркестанского военного округа, в которой требовал немедленной присылки войск (3-х рот) в Кизыл-Арват «ввиду ожидавшейся возможности возникновения беспорядков со стороны рабочих»[2]. И командующий войсками удовлетворил его просьбу. Из Ташкента полетела телеграмма в Петербург на имя начальника Главного штаба с просьбой о разрешении объявить Среднеазиатскую ж. д. мобилизованной с «немедленным применением к ней положения (о) железнодорожных служащих (в) военное время»[3]. Это дало бы возможность царским властям подавить забастовочное движение на дороге вооруженной силой. Впрочем, еще до получения ответа последовала новая телеграмма из Туркестана с указанием на то, что необходимость в мобилизации дороги отпала, так как «принятыми мерами волнения рабочих прекращены»[4].

Чиновник особых поручений барон Остен-Дризен, посланный туркестанским генерал-губернатором в начале сентября 1905 г. в Закаспийскую область «для выяснения революцион-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 129, Ташк. Суд. Палата, д. 829, лл. 50—59.
[2] Там же, ф. 11/с, КТГГ, д. 304, лл. 8—9.
[3] ЦГВИА, ф. 1396, Штаб ТВО, оп. 2, д. 856, л. 52.
[4] Там же

ного там движения», после ознакомления с положением дел на месте писал в своем секретном докладе: «Революционное движение в Кизыл-Арвате серьезнее, чем где бы то ни было в другом пункте Закаспийской области»[1].

В Чарджуе забастовка железнодорожных рабочих началась 21 февраля. Однако она оказалась значительно менее организованной, нежели в Кизыл-Арвате и Ташкенте. Забастовали лишь поденные рабочие, штатные же (машинисты и их помощники, кочегары, сторожа и др.) продолжали свою работу. Начались сходки рабочих, на которых вырабатывались требования к администрации, причем эти сходки проводились отдельно рабочими депо, телеграфистами и др. В результате, администрации были предъявлены весьма скромные требования: рабочие требовали лишь установления 9-часового рабочего дня и удаления из мастерских депо некоторых, особо ненавистных рабочим, администраторов и служащих. Ничего не добившись, рабочие уже через два дня (23 февраля) приступили к работе[2]. Позднее, 8—9 марта, произошла забастовка рабочих на ст. Казанджик. Администрации пришлось здесь уступить и удовлетворить требования рабочих[3].

Движение среди железнодорожников Асхабада началось еще 12 февраля. «Решено было сначала, — читаем в корреспонденции из Асхабада, напечатанной в газете «Самарканд»,— предъявив требования, учинить забастовку, пригласив линию поддержать требования своими (требованиями) и при всяком уклончивом отношении к ним со стороны «вершающих юпитеров» — тоже забастовать»[4]. Однако все окончилось «тихо и мирно». Рабочие и служащие согласились с предложением администрации дороги начать выработку и обсуждение требований не сообща, а по отдельным службам. Более того, выработка требований производилась не на общих собраниях, как это было решено вначале, а специальными уполномоченными, избранными по норме: 1 уполномоченный на каждые 30 человек рабочих и служащих. Важно отметить, что уполномоченные были избраны не только от служб Управления дороги, но и от линии—от телеграфа, от службы движения, от машинистов, от рабочих депо станции Асхабад и т. д. В результате, вся эта сложная процедура с выработкой требований затянулась на долгое время, момент был упущен и забастовка оказалась сорванной. А в итоге—железнодорожники Асхабада, по сути дела ничего не добились. Асхабадская социал-демократическая группа, еще окончательно не оформившаяся и не имевшая опы-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 316, лл. 12—19.
[2] Там же, д. 304, лл. 5—7.
[3] ЦГВИА, ф. 1396, Штаб ТВО, д. 166, лл. 63—67.
[4] «Самарканд», № 55, 16 марта 1905 г.

та руководства борьбой масс, никакого участия в этом деле фактически не принимала.

Февральская железнодорожная забастовка была, по существу, лишь первой пробой сил молодого рабочего класса Туркменистана, поднимавшегося к политической борьбе.

Огромное значение для дальнейшего развертывания революционной борьбы имели решения III большевистского съезда РСДРП, состоявшегося в апреле 1905 г. Съезд наметил тактическую линию революционной социал-демократии в буржуазно-демократической революции, которая получила затем гениальное обоснование в книге В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», вышедшей в июле 1905 г. Эта тактическая линия большевиков заключалась в следующем: победа революции будет возможной лишь в том случае, если ее вождем и руководителем станет пролетариат, который поведет за собой крестьянство как своего союзника; если пролетариат сумеет обеспечить крепкий союз с крестьянством, оторвав его от буржуазии и превратив из резерва буржуазии в резерв пролетариата; если удастся изолировать либеральную буржуазию, которая пыталась в целях срыва революции влиять на крестьянство и даже на некоторые отсталые слои рабочего класса; если удастся обеспечить руководящую (идейную и практическую) роль революционной социал-демократии в надвигавшемся всенародном восстании, наконец, если будет создано в результате победоносного восстания временное революционное правительство, в котором, при благоприятных условиях, примет участие революционная социал-демократия в целях доведения революции до конца. Съезд выдвинул ленинские идеи гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Съезд принял решение о подготовке вооруженного восстания; для того, чтобы подготовить массы к вооруженному восстанию, съезд считал необходимым организацию массовых политических стачек, осуществление революционным путем 8-часового рабочего дня, создание революционных крестьянских комитетов для немедленного проведения демократических преобразований в деревне, вооружение рабочих. Это была линия на полную победу народной революции.

Противоположную позицию по этим вопросам заняла конференция меньшевиков, собравшаяся в Женеве. Отрицая гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции, не веря в революционные возможности крестьянства, меньшевики считали, что пролетариат должен вести борьбу в союзе с либеральной буржуазией и, фактически, под ее руководством. Это была линия на свертывание революционной борьбы.

Большевики развернули активную и широкую работу по пропаганде решений III съезда и по претворению их в жизнь. С мая 1905 г. начинается новый подъем революционной волны, со значительной силой сказавшийся и в Туркменистане.

в) Революционное движение в Туркменистане в конце весны и летом 1905 г. Социал-демократические организации в этот период

Организованно прошло в Туркменистане празднование 1 мая 1905 г. Оно было проведено во многих городах Закаспийской области (Асхабад, Кизыл-Арват, Красноводск, Мерв и др.). Под руководством уже окрепших к тому времени социал-демократических групп, рабочие провели первомайские массовки за городом. В некоторых городах (Мерв) на эти маевки были произведены налеты казаков и полиции.

Асхабадская группа РСДРП выпустила к 1 мая нелегальную листовку, призвав рабочих отпраздновать этот день пролетарской солидарности и провести однодневную забастовку; рабочие собрались за городом на маевку; участвовали в ней и солдаты.

Распространялись первомайские листовки и в Кизыл-Арвате. И здесь рабочие главных железнодорожных мастерских 1 мая 1905 г. провели за городом маевку-сходку. Об этой маевке начальник кизыл-арватской полиции доносил: «Вчера 1 мая, в текинских садах (т. е. садах текинского аула Кизыл-Арват, расположенного в нескольких километрах от укрепления и станции Кизыл-Арват) — состоялась сходка. Собралось человек 150—200, между которыми было около 1/3 железнодорожных солдат. По собранным сведениям, в этой сходке участвовали две женщины, неизвестно откуда приехавшие. Собираться начали с часу дня и разошлись уже к вечеру. На сходке говорились речи противоправительственного характера, уговаривали солдат, чтобы они были с ними заодно. ...При приближении полицейских толпа расходилась и разговоры прекращались... Ссор и драк не было. В общем носятся слухи, что хотят устроить какой-то бунт, сделав одновременно забастовку по линиям всех дорог»[1].

По другим сведениям, в этой сходке-маевке участвовало около трехсот[2] или даже четырехсот[3] человек, причем в числе ее участников были не только рабочие кизыл-арватских главных

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 129, Ташк. Суд. Палата, д. 784, л. 46 и об.

[2] См. корреспонденцию из Кизыл-Арвата — «Искра», № 102, 15 июня 1905 г.

[3] См. свидетельские показания завед. полицейской частью в Кизыл-Арвате капитана Соколова.—ЦГИА УзССР, ф. 129, д. 829, лл. 50—59.

мастерских и солдаты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, но и «местные жители укрепления Кизыл-Арват»[1]. Массовкой руководила Кизыл-Арватская социал-демократическая группа. Социал-демократы произносили речи на сходке, призывая рабочих к борьбе с самодержавием, читали и разъясняли присутствовавшим социал-демократические прокламации, «требующие открытого восстания против государя-императора, правительства и объявления демократической республики»[2]. Во время сходки пелись революционные песни («Дубинушка» и др.). Кроме того, выступило около 20 ораторов из числа присутствовавших рабочих и солдат.

Настроение на массовке было у всех приподнятое, революционное. Этим именно и объяснялась растерянность полиции и местных властей, не рискнувших силой разогнать революционную сходку. Об этой растерянности лучше всего говорят показания самих полицейских чинов, допрошенных после первомайских событий в качестве свидетелей по делу социал-демократической группы.

Вот что говорил, например, околодочный надзиратель Роганов, пытавшийся подойти к месту сходки: «При моем приближении нижние чины старались скрыться; в это же время ко мне из этой толпы подошел лично мне неизвестный молодой человек и спросил меня, что я здесь делаю, а также сказал: «Лучше уходите отсюда, а то будет худо...» ...Из этой толпы я никого не могу по фамилии назвать, так как толпа была довольно большая, а также от неожиданности я не мог внимательно остановиться на каком-нибудь лице, а также еще потому, что при моем приближении толпа всколыхнулась и близко меня к себе не подпускала...»[3].

1 мая 1905 г. было отпраздновано и в некоторых других пунктах Закаспийской области. Для многих, только что возникших социал-демократических групп, проведение первомайского праздника сыграло большую роль в деле их укрепления, в деле вовлечения в их ряды новых пролетарских сил, в деле поднятия их авторитета среди широких рабочих и солдатских масс.

После первомайских дней социал-демократические группы Закаспия заметно окрепли и начали более организованно и углубленно вести свою работу в широких массах. Особенно выделялись в этом отношении Асхабадская и Кизыл-Арватская

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 129, Ташк. Суд. Палата, д. 784, л. 13 об.
[2] Там же, д. 829, лл. 50—59.
[3] Там же, д. 784, лл. 13 об—14.

группы. Последней, например, удалось еще накануне 1 мая захватить в свои руки Ремесленное собрание. Председателем правления был избран теперь один из руководителей Кизыл-Арватской группы РСДРП Белковский, членами правления (или старшинами, как их тогда называли) — другие руководители этой группы, например П. Александров. «Цель этой агитации (т. е. агитации за переизбрание старого правления «Ремесленного собрания») и выбора (нового, социал-демократического правления), — докладывал заведующий полицейской частью в Кизыл-Арвате,—выяснилась только впоследствии, а именно: названной социал-демократической партии нужно было иметь в своем распоряжении Ремесленное собрание, где можно было бы легальным путем, под видом народных чтений, спектаклей, дивертисментов, гуляний и т. п., пропагандировать социал-демократические революционные идеи между мастеровыми... Имея в своем распоряжении Ремесленное собрание, представители этой партии Белковский, П. Александров, Богачев, Мухин и др., пользуясь народными чтениями и т. п., стали усиленно проводить в среду мастеровых свои идеи против существующего порядка, пользуясь для этого чтением зажигательных статей из газет»[1].

После первомайской массовки подобные же сходки рабочих железнодорожных мастерских Кизыл-Арвата стали устраивать-са «аккуратно в среду и субботу еженедельно, за редким исключением, на которых дебатировались, кроме экономических вопросов, также и политические с чтением выдержек из газет с соответствующими разъяснениями тех же агитаторов»[2]. Происходили эти сходки в саду питомника в летнем помещении Ремесленного собрания, причем число присутствовавших на сходках доходило до 500 человек[3]. Иногда здесь же устраивались народные гуляния, на которых социал-демократическая группа проводила свою работу.

Кизыл-Арватская социал-демократическая группа в мае 1905 г. приобрела гектограф и начала выпуск листовок. После майских дней была создана при этой же группе и боевая организация, в состав которой входили рабочие железнодорожных мастерских большевик Моргунов (позже убитый случайным взрывом бомбы), Мерзляков, Горохов, Гарбузов и др[4]. Было налажено производство бомб для вооружения членов боевой организации (об испытаниях этих бомб социал-демократической группой рассказывал, между прочим, в своих по-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 129, Ташк. Суд. Палата, д. 829, лл. 50—59.
[2] Там же.
[3] Там же, лл. 112—114.
[4] Там же, лл. 50—59.

казаниях заведующий полицейской частью в Кизыл-Арвате капитан Соколов)[1].

Кизыл-Арватская группа РСДРП, так же как и Красноводская, была особенно тесно связана с Бакинской и другими Закавказскими социал-демократическими организациями, причем следует отметить, что связи были установлены не только с Бакинским большевистским комитетом, но и с меньшевистской (шендриковской) «Организацией балаханских и биби-эйбатских рабочих», переименованной позже в «Союз бакинских рабочих». Из Баку и Закавказья Кизыл-Арватская группа получала не только нелегальную литературу, типографские принадлежности, помощь работниками и прочее, но была крепко связана с Закавказьем и в организационном отношении[2].

В Асхабаде, Чарджуе, Мерве, Красноводске и других городах Закаспия также существовали кое-какие легальные общественные учреждения; в Чарджуе, например, было открыто отделение так называемого «Пушкинского общества», находившегося под контролем социал-демократических организаций Туркестана; в этом отделении проводились «народные чтения» с туманными картинами; при отделении был книжный склад[3]; имелись в некоторых местах клубы, например, «Клуб велосипедистов» в Асхабаде и т. д. Через эти легальные учреждения и организации, кое-где захваченные в 1905 г. социал-демократическими группами, также проводилась среди рабочих массовая агитационная работа.

Под влиянием нараставших революционных событий уже с апреля месяца 1905 г. стали включаться в борьбу и самые отсталые слои трудящихся — приказчики магазинов, портные, парикмахеры, булочники, официанты, извозчики и др. В течение апреля — сентября 1905 г. прокатилась волна экономических забастовок и предъявления требований со стороны, например, приказчиков, булочников, официантов в Асхабаде и т. п.

Приказчики асхабадских магазинов вручили своим хозяевам 29 апреля 1905 г. петицию, в которой требовали установления 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы и др. Всего было предъявлено 14 требований. Вследствие несогласия коммерсантов с этими требованиями, приказчики 5 мая объявили забастовку. Стачка длилась вплоть до 10 мая и закончилась победой приказчиков: хозяева пошли на значительные уступки[4]. 8 мая предъявили свои требования к хо-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 129, Ташк. Суд. Палата, д. 829, лл. 50—59.
[2] См. там же, лл. 115—116.
[3] «Туркестан», № 17, 17 сентября 1906 г.
[4] См. «Русский Туркестан», № 94 и 104, 1 и 15 мая 1905 г. и «Асхабад», № 96 и 104, 1 и 13 мая 1905 г.

зяевам и рабочие асхабадских хлебопекарен, подвергавшиеся особенно жестокой эксплуатации. «В настоящее время, — читаем в газете «Русский Туркестан», — они работают 22 часа в сутки, отдыхают стоя за корытом, вымешивают по требованию хозяев около 15 мешков муки каждый (75 пудов в сутки) и не вполне удовлетворяются заработной платой[1]». Рабочие хлебопекарен потребовали от своих хозяев сокращения рабочего времени, установления праздничного отдыха, которым не пользовались, упорядочения расчетов по заработной плате путем введения расчетных книжек. До забастовки здесь дело, однако, не дошло, так как было достигнуто соглашение с хозяевами, оформленное официальным протоколом: хозяева хлебопекарен согласились удовлетворить все требования рабочих. 12 мая, по примеру приказчиков, забастовали служащие ресторанов и гостиниц г. Асхабада. В этот же день они устроили в городском саду общее собрание, на котором были разработаны соответствующие требования к хозяевам, состоявшие из 13 пунктов. В результате, и они добились некоторого улучшения условий своего труда[2].

Социал-демократические группы вели в этот период (май—сентябрь 1905 г.) большую работу среди рабочих, главным образом железнодорожников. В значительном количестве распространялись среди них социал-демократические листовки, как местного производства, так и во множестве завозимые из Баку и других центров Закавказья[3], устраивались нелегальные сходки, существовали кое-где и пропагандистские кружки.

Май—сентябрь 1905 г. в Туркменистане можно характеризовать как период накопления и организации сил для последующей решительной схватки с самодержавием.

Однако и в указанный период эти силы кое-где стихийно прорывались наружу. То здесь, то там вспыхивали кратковременные, частичные забастовки среди передового отряда рабочего класса Туркестана — железнодорожных рабочих. Такая частичная, кратковременная забастовка состоялась в этот период, например, в Асхабаде (17 августа). Рабочие депо не выдержали издевательств со стороны администрации—забастовали и набросили рогожные кули на помощника начальника депо Вайнштейна и на некоторых других лиц. На следующий же день стачка прекратилась[4]. Это была незначительная вспышка

---

[1] «Русский Туркестан», № 110, 22 мая 1905 г.

[2] Там же, см. № 104, 15 мая 1905 г. и «Асхабад», № 107, 18 мая 1905 г.

[3] Например, в апреле 1905 г. в г. Чарджуе был задержан полицией целый чемодан с листовками, только что привезенными с Кавказа. В чемодане оказалось 230 экземпляров социал-демократических листовок и брошюр на русском, армянском и грузинском языках. (См. ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., 7 д-во, д. 3200, 1905 г., оп. 143, лл.1—5).

[4] См. ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 297, л. 133.

накануне приближавшейся грозы, которая и разразилась в октябре—ноябре 1905 г.

Если в железнодорожных «низах» (среди рабочих железнодорожных депо и мастерских, среди низших служащих по железнодорожной линии) быстро росло в это время большевистское влияние, если массы железнодорожных рабочих были настроены революционно и готовились к решительной схватке с самодержавием, то в Управлении Среднеазиатской ж. д. среди управленческих служащих положение было иным. Средние и низшие служащие Управления железной дороги, захваченные революционной бурей, тоже зашевелились, тоже выступили на борьбу за улучшение своего экономического и правового положения. Однако здесь имело место лишь стремление бороться за свои собственные экономические права, не выходя за рамки легальщины и соглашательства. Здесь росло поэтому меньшевистское, а отчасти эсеровское влияние.

Как уже сказано выше, соглашательская тактика служащих Управления Среднеазиатской ж. д. привела в феврале—марте 1905 г. к срыву железнодорожной забастовки в Асхабаде. Рабочие и служащие ничего не добились тогда от администрации дороги. Заседали комиссии с избранными депутатами от служащих Управления и линии дороги; разработали в результате огромную «петицию», состоявшую из 63-х пунктов или «ходатайств», как называли эти пункты сами депутаты[1]; под председательством «самого» начальника дороги генерала Ульянина заседало в течение нескольких дней Общее присутствие дороги, на котором рассматривались все эти ходатайства. И в конце концов вся эта затея лопнула, как мыльный пузырь: все свелось лишь к тому, что из 63-х разработанных пунктов было удовлетворено всего-навсего 6 мелких ходатайств[2], вроде отмены дежурств в отделах и службах Управления, вроде обещания о вежливом обращении медицинского персонала с пациентами или разрешения обучать внебрачных детей железнодорожников в железнодорожных школах[3].

Именно эта неудача с составлением петиции и побудила группу служащих Управления дороги создать 18 мая 1905 г. «Асхабадский кружок железнодорожников».

Уже в самой программе кружка ясно звучали нотки легальщины и соглашательства. «Члены кружка,—сказано в пункте 1-м «Программы», — имеют целью защиту себя от произвола и усмотрения начальствующих лиц». И тут же—примечание: «Средства защиты должны быть строго легальны, как-

---

[1] «Асхабад», № 115, 29 мая 1905 г.
[2] Там же.
[3] См. «Русский Туркестан», № 67, 70, 72 и 73 от 27, 31 марта и 2, 3 апреля 1905 г.

то: печать, привлечение к суду, нравственный остракизм (неподавание руки, выражение презрения), взаимопомощь и т. д.». И далее: «Назначать собрания скрытно, облекать их таинственностью в отношении железнодорожного начальства и других властей нет надобности—честное дело не прячется» (примечание к пункту «к»). «Время на собраниях дорого, почему... зажигательные [т. е. революционные] речи на них недопустимы» (примечание к пункту «ж») и т. д. Так выглядела программа «Асхабадского кружка железнодорожников»[1], ставшего оплотом соглашателей.

На деле кружок почти никакой работы не вел не только среди рабочих-железнодорожников, но даже и среди служащих. Лишь в октябрьские дни 1905 г., в самом начале всеобщей стачки, он был стихийно вынесен событиями на гребень революционной волны, но тут же и прекратил свое существование.

В бывшей Закаспийской области и на всей территории нынешней Туркменской ССР, весною и летом 1905 г. еще не было сколько-нибудь серьезных аграрных волнений. Крестьянские массы Туркменистана еще только приобщались к революционной борьбе. Известно, что на Среднеазиатской ж. д. (в пределах Закаспийской области) работало в это время около ста человек рабочих-туркмен, тесно связанных с туркменской деревней. Наряду с русскими рабочими они принимали участие в железнодорожных забастовках, в демонстрациях во время похорон Стабровского и Моргунова[2] и т. д.

Туркменское крестьянство особенно в районах, расположенных вблизи рабочих центров и по линии Среднеазиатской железной дороги, весьма сочувственно относилось к революционной работе большевиков и охотно помогало им. Выше уже говорилось о том, что первомайская сходка рабочих и солдат Кизыл-Арвата состоялась в текинских [туркменских] садах селения Кизыл-Арват. О помощи туркменского крестьянства говорит в своих воспоминаниях и М. Руманов, работавший в 1905 г. в Мервской группе РСДРП: «Все наши заседания и собрания происходили недалеко от кладбища в Мерве, около туркменского аула. Туркмены часто приходили к нам на собрания и приносили нам молоко, чурек и т. д. Они знали, что мы собираемся в этом месте, но не было случая, чтобы какой-нибудь туркмен нас выдал»[3].

Социал-демократические группы Закаспийской области вели пропагандистскую работу среди туркменского крестьянства.

---

[1] См. «Асхабад», № 118, 2 июня 1905 г.

[2] См. Обзор Закаспийской области за 1906 год, Асхабад, 1907, таблица 63.

[3] См. Стенограмму заседания землячества Средней Азии в Москве 26-го декабря 1930 года.

Об этом говорят многие факты. Вот, например, «Список лиц политически неблагонадежных, представляемых к высылке из Закаспийской области в порядке охраны»[1] от 4 января 1906 г. В этом списке указывается, что социал-демократ И. Нестеров «привлекает к себе на квартиру туркмен и через переводчика ведет с ними противоправительственные беседы», что другой социал-демократ А. Асриянц, «отправляясь за город под предлогом охоты, пропагандирует среди туземцев [т. е. туркмен] и русских поселян», что третий социал-демократ Г. Мокиев «принимает участие в пропаганде среди туземного [т. е. туркменского] населения» и т. д.

Еще молодые, не окрепшие, только что возникавшие социал-демократические группы и организации Туркменистана сразу же начинают вести пропагандистскую работу в войсках, выпускают специальные прокламации, обращенные к солдату, разбрасывают листовки в казармах, создают социал-демократические солдатские комитеты и военно-революционные организации и т. д.

С мая по сентябрь 1905 г. социал-демократическими группами Закаспийской области был выпущен ряд листовок, обращенных к солдату. Таковы, например, листовки Кизыл-Арватской группы РСДРП «Ко всем солдатам»[2] и «К солдатам»[3], выпущенные 12 и 13 мая 1905 г., листовка Асхабадской группы «К рабочим и солдатам»[4] от 30 июля 1905 г. (выпущена тиражом в 1000 экз.) и др.

Все эти листовки имели своей целью прежде всего разбудить в солдате чувство гражданского долга, поднять его к политической жизни, вызвать в нем чувство ответственности за расстрелы рабочих и крестьян, совершаемые по приказу командиров, показать солдату, что интересы рабочих, крестьян и его собственные интересы являются общими, что он—солдат—так же заинтересован в борьбе с самодержавием, как и все трудящиеся. В некоторых социал-демократических листовках, обращенных к солдатам, перечислялись требования, которые на первых порах рекомендовалось солдатам предъявлять своему начальству. Например, в листовке Кизыл-Арватской группы РСДРП «К солдатам» от 13 мая 1905 г. перечислены 18 требований, которые группа рекомендовала солдатам предъявлять своему начальству.

В августе 1905 г., в целях усиления социал-демократической работы в войсках, был создан в Асхабаде при Асхабадской

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 333, лл. 15—18.
[2] Архив ИМЛ, М., д. ЦЛ1—72, Ц—20887.
[3] Там же, Ц—20888.
[4] Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг. Сборник документов, кн. II, 1946, Ашхабад—Москва, стр. 50—51.

организации РСДРП специальный «Солдатский комитет», который уже 28 августа выпустил листовку «К солдатам», тиражом в 800 экземпляров.

Социал-демократические организации, особенно с лета 1905 г., буквально забрасывали войска прокламациями. Это вынужден был констатировать и генерал-адъютант Максимович, специально командированный в 1906 г. «по высочайшему повелению» в Туркестан в целях ознакомления с революционными событиями в крае. «Руководители преступной пропаганды, — писал он в своем докладе царю, — задались целью привлечь на свою сторону также и войска. В этих видах они стали забрасывать нижних чинов прокламациями возмутительного содержания»[1].

В архивах сохранилось множество документов, говорящих о широком распространении в рассматриваемый период социал-демократических листовок в войсках Закаспийской области. Вот некоторые из этих документов: «2-го сего февраля (1905 г.), — читаем в секретном письме начальника жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д., — командир 3-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона доставил начальнику Асхабадского отделения вверенного мне управления задержанного в роте татарина Юсуфа-Молла-Лятыф-Оглы с двумя преступными воззваниями, которые он предъявлял нижним чинам»[2]. 28 июня 1905 г. начальник Кизыл-Арватского полицейского управления в своем рапорте на имя товарища прокурора Асхабадского окружного суда: «При сем прилагаю 5 листков прокламаций Российской социал-демократической рабочей партии, найденных и снятых с стен разновременно в укреплении Кизыл-Арвата...»[3]. 11 июля 1905 г. в Кизыл-Арвате, «в воротах дома, где помещаются лошади казачьего взвода Таманского полка, прибывшего из Кара-Кала», были обнаружены 2 социал-демократические прокламации «Ко всем казакам»[4]. В этот же день в Кизыл-Арвате была подобрана еще одна такая же прокламация, «которая была подброшена неизвестно кем во двор, где помещаются казаки, прибывшие временно из Кара-Кала»[5], а через несколько дней (15 июля 1905 г.) были представлены прокурору Асхабадского окружного суда еще 6 таких же прокламаций, которые снова «были найдены во дворе, где стоят... лошади казаков, прибывших временно из Кара-Кала»[6]. 13 ию-

---

[1] Революция 1905 года и самодержавие. Сборник документов Центрархива, 1928, М.—Л., стр. 115.
[2] ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., 7 д-во, оп. 143, д. 698, 1905 г., л. 3.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 129, Ташк. Суд. Палата, д. 829, л. 110.
[4] Там же, л. 105.
[5] Там же, л. 106.
[6] Там же, л. 108.

ля 1905 г. в Кизыл-Арвате на ротном дворе 2-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона были найдены 4 социал-демократические листовки: «Ко всем солдатам и их матерям», «От стачки к восстанию», «Ко всем» и «Рабочий листок»[1]. 13 августа 1905 г. один из солдат 6-го Закаспийского стрелкового батальона поднял на улицах г. Мерва социал-демократическую прокламацию «К рабочим и солдатам», принес ее во 2-ю роту, однако во время чтения она была отобрана у него унтер-офицером[2]. «3 сентября (1905 г.), — сказано в докладе барона Остен-Дризена, — в окрестностях города (Асхабада), а именно в (военном) лагере под Ак-Тепе были подброшены прокламации специально для войск»[3]. 8 сентября 1905 г. в расположении 3-го Закаспийского стрелкового батальона было найдено 6 экземпляров социал-демократической прокламации «К солдатам»; некоторые из этих прокламаций были отобраны у солдат, занятых их чтением[4]. 1 октября 1905 г. в Асхабадском военном лазарете были обнаружены разбросанные в разных местах 28 экземпляров социал-демократической прокламации[5] и т. д. и т. п. Весьма характерно, что, несмотря на все старания полиции, распространители всех этих прокламаций обнаружены не были.

Так, социал-демократические организации Закаспийской области вели борьбу за армию весной и летом 1905 г.

Летом 1905 г. в Туркменистане начались массовые политические демонстрации, что ясно указывало на быстрое нарастание и углубление революционного движения. Демонстрации подготовлялись и проходили под руководством местных социал-демократических групп, что обеспечивало им высокую организованность и политическую заостренность. На огромное политическое значение демонстраций, как известно, указывал еще II съезд РСДРП. В резолюции «О демонстрациях», проект которой подготовлен В. И. Лениным, было сказано, «а) что при существующих в России условиях политические демонстрации представляют одно из самых важных средств политического воспитания самых широких масс народа и расширения и укрепления влияния социал-демократии; б) что демонстрации являются вместе с тем лучшим средством систематической дезорганизации правительственного механизма; в) что, постепенно разрастаясь, эти демонстрации должны привести и

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 129, Ташк. Суд. Палата, д. 829, л. 107.

[2] Начало революционного движения в Туркмении в 1900 — 1905 гг. Сборник документов, кн. II, 1946, Ашхабад—Москва, стр. 109.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 316, лл. 12—19. Из доклада чиновника особых поручений барона Остен-Дризена о поездке в Закаспийскую область.

[4] Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг. Сборник документов, кн. II, 1946, Ашхабад—Москва, стр. 111—112.

[5] Там же, стр. 112—113.

частью уже приводят к ряду вооруженных столкновений народа с правительственной властью, подготовляя тем самым народные массы к всероссийскому восстанию против существующего строя»[1]. В этой же резолюции II съезд рекомендовал местным партийным комитетам использовать для устройства демонстраций «такие моменты и такие условия, когда какое-либо безобразие царизма возбудило в особенно широких слоях населения чувство возмущения»[2].

Первая массовая политическая демонстрация в Асхабаде была устроена 29 мая 1905 г. во время студенческого вечера в клубе Общества велосипедистов. На этом вечере, помимо студентов, по приглашению социал-демократической организации, присутствовало много рабочих железнодорожных мастерских и депо, асхабадских типографий и др. Во время танцев музыка неоднократно прерывалась и «участниками (вечера) пелись революционные песни, как например: «Вставай, поднимайся, рабочий народ», «Дубинушка» и говорились речи свободного направления»[3].

Однако это было лишь начало. Вскоре представился подходящий случай для проведения массовой политической демонстрации на улицах Асхабада. В самом начале июля 1905 г. в тюрьме скончался замученный царскими властями руководитель Асхабадской группы РСДРП Стабровский. Возмущение произволом царских властей было всеобщим. Момент для устройства политической демонстрации против самодержавия был, таким образом, весьма удобным. И местная социал-демократическая группа не преминула им воспользоваться, причем было решено приурочить демонстрацию ко дню похорон Стабровского.

Подготовка к демонстрации была проведена блестяще, что ясно говорило о серьезном укреплении Асхабадской социал-демократической группы, о росте ее политического влияния. 2 июля в выемке близ ст. Анау состоялась сходка 150 рабочих Асхабадского депо, на которой был обсужден план предстоявшей демонстрации, затем был произведен среди рабочих железнодорожного депо и городских типографий сбор пожертвований на устройство демонстрации- похорон Стабровского.

4 июля состоялись похороны Стабровского, которые вылились в крупную политическую демонстрацию, всполошившую местные власти. В письме на имя военного министра турке-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, 1953, стр. 50—51.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 425.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 316, лл. 12—19. Из доклада чиновника особых поручений барона Остен-Дризена о поездке в Закаспийскую область.

станский генерал-губернатор писал: «4 июля сего года многочисленные и явно сплоченные политические агитаторы, воспользовавшись похоронами умершего государственного преступника Стабровского, устроили на глазах туземцев крупную демонстрацию, сопровождавшуюся дерзкими противоправительственными речами, несением красных флагов и венков с красными лентами, битьем стекол в городской тюрьме и т. п.»[1].

В демонстрации-похоронах приняло участие около 2—3 тыс. человек[2]: рабочие железнодорожного депо и городских типографий, учащиеся, приказчики магазинов, многие служащие и жители Асхабада; в процессии, «по дороге постепенно все увеличивающейся, была масса женщин и детей[3]. Это было невиданное для Асхабада зрелище: гроб был красного цвета, некоторые из участников были одеты в красные рубахи, перед гробом несли несколько венков с красными лентами и с соответствующими надписями[4]. У многих участников демонстрации на руках были траурные ленты. Гроб несли на руках попеременно члены социал-демократической группы, рабочие, студенты.

По пути следования процессии магазины и лавки, как по сигналу, закрывались[5], не работали в этот день и все три типографии, объявившие в знак траура однодневную забастовку[6].

Процессия, руководимая социал-демократами, двигалась в полном порядке по заранее разработанному маршруту. На всем пути следования к кладбищу ее участники пели (на русском и армянском языках) похоронный марш «Вы жертвою пали...» и революционные песни («Варшавянка» и др.).

Время от времени процессия останавливалась: у здания гимназии, где преподавал Стабровский, у польского костела, у здания Окружного суда, где судили Стабровского, у тюрьмы, где томился и умер Стабровский, у железнодорожного переезда, где к демонстрации присоединились рабочие Асхабадского депо, и т. д. Во время этих остановок устраивались летучие митинги, на которых выступали с речами члены социал-демо-

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. штаба, д. 58, л. 1 об.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 55/с, Прок. Ташк. Суд. Палаты, д. 80, лл. 3—62: из показаний полицейского надзирателя Кафарбека Аллахвердова.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 325, лл. 10—14.

[4] См. там же.

[5] Демонстративное прекращение работы в магазинах и лавках было также организовано с.-д. группой, что видно, хотя бы, из протокола допроса владельца аптекарского магазина П. Давыдова: «4 июля, около 4-х часов дня, вошел ко мне в магазин г. Нестеров (член Асхабадской с.-д. группы), один, и просил закрыть магазин, чтобы этим выразить сочувствие «этой жертве административного гнёта...» (ЦГИА УзССР, ф. 55/с, Прок. Ташк. Суд. Палаты, л. 80, лл. 3—6).

[6] См. ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 325, лл. 26—28.

кратической группы. На кладбище, после похорон, состоялся митинг, на котором выступил ряд социал-демократических ораторов; при этом некоторые участники митинга подняли красные флаги[1].

Похороны Стабровского, замученного царскими властями, были использованы и Кизыл-Арватской социал-демократической группой для мобилизации рабочих масс на борьбу с самодержавием. 8 июля, в 10 часов утра, в главных кизыл-арватских железнодорожных мастерских были прекращены работы, и тысячный коллектив рабочих собрался в церкви, где была отслужена панихида по Стабровскому[2]. Эта панихида была превращена затем в революционный митинг. Тут же, в ограде церкви, местными социал-демократами были произнесены революционные речи. «Товарищи! — говорил социал-демократ Белковский, — благодаря правительству, неправильному суду, бюрократии, полиции и жандармам погиб борец за свободу, умер от чахотки в тюрьме... Долго ли мы будем терпеть притеснения и не заступимся за свои права»[3]. Примерно у половины собравшихся рабочих на левом рукаве и на груди были приколоты банты красного и черного цвета[4], многие были в красных галстуках[5].

Многолюдная политическая демонстрация во время похорон Стабровского в Асхабаде и ее отклики в других городах Туркестанского края сильно встревожили царские власти. Особенно боялись они занесения революционной «заразы» в среду местного коренного населения. Вот почему туркестанский генерал-губернатор упрекал асхабадские власти в том, что они допустили крупную демонстрацию «на глазах у туземцев» (т. е. туркмен)[6].

Сразу же после асхабадской демонстрации на похоронах Стабровского Закаспийская область была объявлена на положении усиленной охраны, начались аресты и высылки в целях «постепенного очищения области от наиболее вредных элементов»[7], газета «Асхабад» была закрыта. Власти запрещали теперь любые сходки и собрания рабочих из боязни превра-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, д. 325, лл. 10—14.

[2] В условиях самодержавно-полицейского режима революционные митинги и демонстрации было иногда легче устраивать под предлогом выполнения церковых обрядов (панихиды, похоронные процессии и т. п.), чем неоднократно и пользовались социал-демократы. Полиция не имела оснований запрещать устройство подобных демонстративных панихид, похорон и т. п., которые затем и превращались в революционные митинги и демонстрации.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 129, Ташк. Суд. Палата, д. 829, лл. 50—59.

[4] Там же, 11/с, КТГГ, д. 325, л. 25.

[5] Там же, лл. 26—28.

[6] Там же, лл. 20—22.

[7] Там же.

щения их в противоправительственные «манифестации». Так например, было запрещено гуляние, которое предполагалось устроить в Асхабаде 22 июля 1905 г., ввиду того, что, по сведениям полиции, на этом гулянии предполагалось устройство явочным порядком митинга и «манифестации»[1] и т. д.

И все же, несмотря на введение усиленной охраны в Закаспийской области, 22 августа 1905 г. местной группой РСДРП была устроена в Кизыл-Арвате политическая демонстрация во время похорон социал-демократа Моргунова, убитого случайно взорвавшейся бомбой. «В 6½, — сообщал заведующий полицейской частью в Кизыл-Арвате капитан Соколов, — похоронная процессия, сопровождаемая взводом казаков 1-го Таманского полка, наряженного в помощь полиции, двинулась к кладбищу. Ко времени выноса (гроба) около церкви собралась толпа около 1500 человек взрослых, детей, женщин, туземцев, армян, большую часть которой составляли мастеровые. Впереди гроба, за крышкой, несли 2 венка металлических с красными лентами»[2]. На этих лентах были надписи: одна — «От товарищей — товарищу» и другая «От товарищей борцу за свободу»[3]. Во время демонстрации, однако, никаких политических речей не произносилось, так как они были запрещены полицией — и полиция вместе со взводом казаков строго наблюдала за исполнением этого предписания.

г) Октябрьская всероссийская политическая стачка

К осени 1905 г. революционное движение, быстро нарастая, охватило почти всю страну, вплоть до самых отдаленных районов, захватило огромные массы трудящихся, вплоть до самых отсталых слоев. Революционное движение поднялось на невиданную высоту. «Барометр показывает бурю!» — писал в это время В. И. Ленин[4]. В октябре разразилась грандиозная всеобщая политическая стачка, которая очень быстро стала всероссийской. В ней приняло участие около 1 миллиона одних только промышленных рабочих. Забастовали все железные дороги России, а также почта и телеграф. К забастовке присоединилась значительная часть интеллигенции — учителя и студенты, инженеры и техники, врачи и адвокаты, служащие как промышленных, так и торговых предприятий, многие низшие государственные чиновники (например, судебные,

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., 7 д-во, д. 2, ч. 75, 1906 г., лл. 29 б—29 в.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 129, Ташк. Суд. Палата, д. 829, лл. 50—59.

[3] Там же.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 361.

финансовые, путей сообщения и др.). В результате, вся жизнь многомиллионной страны оказалась приостановленной. Прекратилось движение поездов и пароходов, не работали фабрики и заводы, шахты и рудники, банки, почта, телеграф и телефон, не выходили газеты и журналы, были закрыты университеты и школы. В городах замерло все — остановилось движение городского транспорта, были закрыты магазины, и лавки, столовые и рестораны, парикмахерские и другие предприятия.

Сначала царизм попытался военной силой подавить стачку. 14 октября был издан грозный приказ Трепова — товарища министра внутренних дел: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!». Во многих городах шли настоящие сражения с войсками, казаками и полицией. Однако самодержавие уже бессильно было остановить стачку и репрессиями подавить революцию, ибо на время установилось равновесие сил революции и самодержавия. «Самодержавие *уже* не в силах открыто выступить против революции,—писал В. И. Ленин в октябре 1905 г.—Революция *еще* не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам...»[1]. И действительно, царизм был вынужден лавировать и идти на уступки. В самый разгар всеобщей стачки—17 октября — был издан царский манифест, который В. И. Ленин назвал «первой победой революции». В манифесте были обещаны народу неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов; был обещан созыв Законодательной думы с привлечением к выборам всех классов населения.

Однако этот манифест был лишь маневром, уловкой царя. Он был издан для обмана народных масс. Обещаниями, которые царь и не думал проводить в жизнь, он пытался сорвать революцию — выиграть время и собраться с силами для ее разгрома.

Уже на другой день после издания манифеста, в котором провозглашались неприкосновенность личности и всяческие «свободы», репрессии и полицейский произвол еще больше усилились. Многотысячные демонстрации и митинги, которыми сопровождалась октябрьская всеобщая стачка и которые приняли особенный размах после 17 октября, разгонялись и расстреливались еще с большим усердием и жестокостью. Одновременно с новой силой возобновились еврейские погромы и армяно-татарская резня. В целях борьбы с революцией были организованы специальные бандитские черносотенные организации «Союз русского народа», «Союз Михаила архангела» и др., которые из-за угла убивали активных борцов революции.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 363.

Всеобщая октябрьская политическая стачка рабочих, которые шли во главе движения, вызвала новый, еще более мощный и широкий подъем революционной борьбы в деревне и в войсках, продолжавший развиваться в октябре, ноябре и декабре с огромной силой. Только в одном ноябре 1905 г. было произведено крестьянами около 800 захватов помещичьих имений. Однако революционный натиск крестьянства был все же недостаточным для победы революции. Крестьянскому движению нехватало организованности и руководства.

На новую, более высокую ступень поднялась осенью 1905 г. и революционная борьба в царской армии и флоте. Во многих местах войска и даже казаки отказывались стрелять в рабочих, и царским властям приходилось поспешно уводить их в казармы. Это дало право В. И. Ленину заявить в конце октября, что «Революционный пролетариат добился нейтрализации войска, парализовав его в великие дни всеобщей стачки»[1].

Однако движение в войсках не остановилось на этом и продолжало бурно развиваться. В ноябре и декабре 1905 г. войска уже во многих случаях не только отказывались расстреливать рабочих, сохраняя нейтралитет, но и сами начали кое-где присоединяться к рабочим и вступать в активную борьбу с самодержавием. Царское войско, таким образом, явно заколебалось. Поднялась новая, значительно более мощная, нежели летом, волна «беспорядков» и восстаний в армии и во флоте. Новым было то, что восстания вспыхивали теперь не только преимущественно во флоте, как это было летом, но кое-где и в армии. Впрочем, и матросские восстания приняли теперь более массовый характер, нежели летом 1905 г., когда в серьезное единоборство с царизмом вступил, по сути дела, один лишь броненосец «Потемкин».

И все же, несмотря на огромное революционное значение матросских и солдатских волнений и восстаний осени 1905 г., они не смогли сыграть решающей роли. Слишком еще малочисленны были участники этих восстаний и волнений по сравнению со всей армией. Большинство воинских частей еще оставалось верным царизму и помогало ему душить революционное движение. Слишком неорганизованы и разрознены были эти выступления и большей частью не согласованные с выступлениями рабочих. В результате, царизму сравнительно легко удавалось подавлять их и даже использовать затем солдат «усмиренных» частей против их же товарищей по борьбе.

Всеобщая политическая стачка, разыгравшаяся в октябре 1905 г., начала быстро перерастать во всенародное вооруженное восстание. Все признаки этого перерастания были налицо:

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 401.

как в период самой стачки, так и после ее окончания, по всей стране, то тут, то там разгорались баррикадные бои на улицах. Почти повсеместно в городах происходили вооруженные столкновения с войсками, казаками и полицией, превращавшиеся зачастую в настоящие сражения. Провокационные нападения войск и черносотенцев на демонстрантов и забастовщиков не только не пугали рабочих, но, наоборот, вызывали сильнейший отпор с их стороны. Рабочие всюду вооружались, создавались боевые дружины, организовывалась рабочая милиция. В армии и во флоте также вспыхивали повсеместно, хотя и разрозненные, но серьезные восстания и бунты.

Это дало право В. И. Ленину заявить в одной из статей, написанной в октябре 1905 г.: «Наши указания и предсказания о великом значении политической массовой стачки в деле вооруженного восстания блестяще оправдались... Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки»[1].

В ходе октябрьской политической стачки, в огне первых вспышек приближавшегося всенародного восстания почти повсюду возникали Советы рабочих депутатов, Советы солдатских и матросских депутатов и другие массовые политические организации, которые начинали играть роль органов и руководителей восстаний и были зачатками новой, революционной власти. К числу таких организаций В. И. Ленин относил также «железнодорожные комитеты в Сибири и на юге, крестьянские комитеты в Саратовской губ., городские революционные комитеты в Новороссийске и других городах и, наконец, выборные сельские органы на Кавказе и в Прибалтийском крае»[2].

Ко времени организации Советов — этих невиданных еще в мире массовых политических организаций рабочего класса— значительная часть страны была объявлена на военном положении. Несмотря на это, Советы захватным путем, не считаясь с царскими властями, осуществляли свободу печати, устанавливали 8-часовой рабочий день, открыто вооружали рабочих и имели в своем распоряжении вооруженные отряды, обращались иногда с ультиматумами к царским властям, а кое-где даже арестовывали представителей этой власти, разоружали полицию, призывали народ не платить налоги, исполняли судебные функции и т. п.

Создание Советов определенно указывало на то, что час решительной схватки с царизмом приближался. Создание Советов вместе с тем знаменовало собой непосредственную под-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 362—363.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 134—135.

готовку вооруженного восстания против царской власти, непосредственную подготовку борьбы за новую, революционную власть.

На вооруженную борьбу с царским самодержавием поднялись и угнетенные народы России. Октябрьская политическая стачка «гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска» (Ленин) пронеслась по всей стране, увлекла все ее народы, в том числе и народы колониального Туркестана. «*Всероссийская политическая стачка,*—писал В. И. Ленин в самый разгар этой стачки (18 октября 1905 г.),—охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в геройском подъеме самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой «империи» Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма»[1].

На фоне этой общей борьбы, как ее составная часть, развертывались и революционные события в Туркестане, в частности в Закаспийской области.

Сентябрь и первая половина октября 1905 г. прошли в Туркменистане в общем спокойно.

Однако это было только наружное спокойствие. Большевики Туркменистана в глубоком подполье готовили массы к борьбе. Они призывали рабочих не отставать от центральных районов России, готовиться к последней, решительной схватке с самодержавием.

«Товарищи, — читаем в большевистской листовке Чарджуйской группы РСДРП, обращенной к рабочим, — наши братья в России уже давно борются за дело свободы и счастья...

Встаньте, братья! Организуйтесь, сплотитесь в единое тело, с единой мыслью о свободе. Пусть наши товарищи в России узнают, что и наши сердца бьются вместе с их сердцами, что и мы всей душой жаждем и стремимся к свободе. Пусть и начальство наше увидит перед собой не жалкую разрозненную кучку людей, а плотную массу организованных рабочих, готовых защищать свои интересы».

Листовка заканчивалась словами: «Не нужно нам царское правительство! Долой его! Пусть соберутся выборные, выборные наши в Учредительное собрание. И они пусть решают, какое правительство, какие законы нам нужны. Наверное худого правительства, худых законов не издаст Учредительное собрание. Это собрание выборных из народа — оно нам и нужно. А свою Государственную думу пусть уберут и оставят себе.

Организуйтесь, товарищи! И пусть ваш клич, требующий свободы, присоединится к кличу рабочих в России и пусть от

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 362.

его силы рассыплются царские троны, и он [царь] со своими министрами пусть бежит от мести народной»[1].

Еще в сентябре на так называемый Пенсионный съезд (съезд участников пенсионных и ссудо-сберегательных касс) всех российских железных дорог, созванный Министерством путей сообщения, выехал из Асхабада в Петербург в качестве делегата от Среднеазиатской ж. д. делопроизводитель коммерческого отдела Управления дороги Э. Воронец — социал-демократ (меньшевик). Съезд, открывшийся 20 сентября в Петербурге, немедленно же объявил о том, что он будет работать независимо от царской администрации и Министерства путей сообщения. Из узкопенсионного съезда он превратился на деле во Всероссийский делегатский железнодорожный съезд, сыгравший значительную роль в руководстве октябрьской железнодорожной забастовкой (работа съезда продолжалась около месяца). В статье, посвященной октябрьской всероссийской политической стачке 1905 г., В. И. Ленин следующими словами определил роль этого съезда. «И во главе этой многоязычной, многомиллионной рабочей армии встала скромная делегация союза железнодорожных служащих»[2].

Перед отъездом Воронца на съезд — в Асхабаде, где находилось Управление Среднеазиатской ж. д., был составлен «Асхабадским кружком железнодорожников», существовавшим еще с мая 1905 г., наказ с изложением ряда требований, которые Воронец должен был отстаивать на съезде. Тогда же было решено, что, в случае необходимости, Среднеазиатская ж. д. должна будет поддержать забастовкой эти требования, о чем будет дан Воронцом условный сигнал по телеграфу[3].

Однако бурно развивавшиеся события внесли свои коррективы в этот план. 7 октября началась забастовка на Московско-Казанской ж. д., 8-го забастовал уже весь московский железнодорожный узел (за исключением Николаевской дороги и Савеловской ветки) и одновременно начались забастовки на Либаво-Роменской, Привислянских и Полесской ж. д. 10-го прекратилось движение по Николаевской (ныне Октябрьской) ж. д. и забастовали Сызрано-Вяземская, Харьков-Николаевская, Харьков-Севастопольская и Екатерининская ж. д. Железнодорожная забастовка распространилась по всей стране. 13 ок-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 52/с, Самаркандский окр. суд, д. 31, лл. 148—149. Листовка имеет надпись: «Средне-Азиатская социал-демократическая организация». Эта подпись, видимо, ввела в заблуждение авторов книги «История народов Узбекистана», т. II, которые приписывают листовку Ташкентской группе РСДРП, что неверно: листовка эта выпущена в действительности Чарджуйской группой РСДРП.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 362.

[3] См. Воспоминания А. Шереметьева и Бацуры (архив Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—1359, лл. 1—49, Р—962).

тября на общем собрании членов «Асхабадского кружка железнодорожников» было принято решение — присоединиться к начавшейся всероссийской железнодорожной забастовке[1]. Был избран Временный центральный стачечный комитет для руководства забастовкой; на всех крупных железнодорожных станциях избирались станционные стачечные комитеты, членов которых обычно именовали просто «делегатами».

Забастовку на Среднеазиатской ж. д. начали Асхабад и Кизыл-Арват, представители которых входили в состав Асхабадского «кружка железнодорожников». Забастовка должна была начаться, по постановлению Временного центрального стачечного комитета, ровно в 12 часов в ночь с 13 на 14 октября[2].

Стачка на Среднеазиатской ж. д. протекала чрезвычайно бурно по всей линии дороги и сразу же приняла весьма острые, резкие формы. Это не раз отмечали царские власти.

«Революционное движение, — писал Туркестанскому генерал-губернатору командующий отдельным корпусом жандармов барон Таубе в августе 1907 г., — охватившее в последние годы Россию и нашедшее вообще весьма благоприятную почву для пропаганды своей среды служащих на железных дорогах, проявилось, в частности, в сильной степени также и на линии Среднеазиатской ж. д. Принятые правительством меры к прекращению беспорядков и революционного брожения среди железнодорожных служащих на обширной сети дорог Европейской России и Сибири имели в большинстве благоприятные результаты. Но на Среднеазиатской ж.д., несмотря на все энергичные и решительные меры, революционное брожение среди железнодорожных служащих, по получаемым сведениям, проявляется и в настоящее время весьма интенсивно»[3].

Характерно и то обстоятельство, что Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза, готовя после третьеиюньского переворота 1907 г. новую железнодорожную забастовку, сообщило «всем организациям и союзам», что сигналом для «всеобщего восстания и забастовки», согласно постановлению Всероссийского железнодорожного съезда, будет служить выступление именно Среднеазиатской ж. д., которая должна будет первой выступить «по удобству условий» и увлечь за собою все остальные дороги[4].

И действительно, октябрьская стачка 1905 г. необычайно

---

[1] Из воспоминаний И. Первышева — быв. председ. Асхабадского «Кружка железнодорожников» (Архив Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—841, лл. 1—46).

[2] Из воспоминаний Лукьянова, опубликованных в журнале «Коммунист» (Ташкент), № 7—8, 1922, стр. 118.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 420, лл. 1—2.

[4] Там же, ф. 111/с, Турк. воен. окружн. суд., д. 88, л. 183.

высоко подняла революционный дух среднеазиатских железнодорожных рабочих. Общее настроение было таким, что каждый готов был пожертвовать собою ради общего дела. Когда начальник чарджуйского гарнизона Третесский на одном из железнодорожных митингов в период октябрьской стачки заявил, что «придется призвать войска в защиту», что может пролиться кровь,—весь митинг, как один человек, заявил: «Мы к этому готовы!»[1].

Октябрьская стачка на Среднеазиатской ж. д. носила политический характер и была объявлена в поддержку тех требований, которые были переданы царскому правительству заседавшим в то время в Петербурге Всероссийским делегатским железнодорожным съездом. В телеграмме от 14 октября на имя командира корпуса жандармов начальник жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д. генерал Малыхин сообщал из Асхабада: «Выборные от рабочих (имеются в виду асхабадские железнодорожные рабочие) заявили в городе полицмейстеру, что они никаких претензий и требований не имеют, (следуют) примеру европейских товарищей своих...»[2].

На следующий же день после принятия «Кружком железнодорожников» постановления о присоединении к всероссийской железнодорожной стачке — утром 14 октября началась забастовка в Асхабаде, сразу принявшая весьма бурные, острые формы.

Еще накануне, в 11 часов вечера 13 октября, т. е. за час до официального объявления стачки, рабочие приступили к разборке паровозов, чтобы не дать возможности возобновить движение поездов силами железнодорожных войск, которые были всегда наготове в распоряжении железнодорожной администрации[3]. К 6 часам утра работа была закончена—все паровозы были потушены и разобраны. Тогда в депо и железнодорожные мастерские была брошена рота солдат железнодорожного батальона с приказанием немедленно же привести паровозы в порядок. Однако железнодорожные солдаты, тесно связанные с рабочими и достаточно распропагандированные большевиками, не столько собирали паровозы, сколько продолжали разбирать их. Солдат пришлось быстро увести. Все прибывавшие в Асхабад поезда рабочие останавливали и тушили паровозы, не допуская таким образом их дальнейшего следования. Например, «почтовый поезд № 3, — телеграфировал в Петербург и Ташкент начальник жандармского полицейского

---

[1] ЦГВИА, ф. 1396, Штаб ТВО, д. 166, лл. 165—167.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, лл. 4—6.
[3] Среднеазиатская ж. д. была дорогой военизированной. Начальник дороги был одновременно и командующим Туркестанской железнодорожной военной бригадой.

управления Среднеазиатской ж. д. генерал Малыхин, — на котором прибыл из Кизыл-Арвата начальник дороги, не был допущен до места остановки вскочившими на паровоз 10-ю рабочими, выпустившими пар. Поезд далее не отправился»[1]. Начальнику дороги генералу Ульянину пришлось добираться до города на лошадях[2].

Около 9 часов утра[3] был дан тревожный гудок, и забастовавшие рабочие собрались на митинг в железнодорожном вокзале. На митинг явился и только что прибывший из Кизыл-Арвата начальник дороги генерал Ульянин, который до этого не пожелал разговаривать со стачечным комитетом, высокомерно заявив: «Я не хочу с вами говорить. Я хозяин дороги». Явился он на митинг с готовым приказом о немедленном, под угрозой увольнения, выходе железнодорожников на работу[4]. Однако генерал явно просчитался, намереваясь «железной рукой» сломить забастовку. Когда он спросил на митинге рабочих, почему они бастуют—в ответ были перечислены требования Всероссийского железнодорожного съезда: 8-часовой рабочий день, увеличение зарплаты, свобода слова, печати, собраний и т. д. Перечисление требований рабочие закончили призывом: «Да здравствует Учредительное собрание!»[5].

«Генерал, — пишет в своих воспоминаниях Лукьянов, — со злости и страха чуть в обморок не упал, сжал кулаки и начал кричать на рабочих: «Я вам дам свободу, в тюрьму вас крамольников» и т. д. Ответом ему был единодушный крик рабочих: «Долой кровопийцу!»... Генерала стащили с трибуны... Вдруг кто-то крикнул: «Казаки едут разгонять рабочих!». Все, как один, бросились в депо, схватили что под руку попадется —кто лом, кто молоток, кто кусок железа... «Все умрем, но не сдадимся» — заявили рабочие. Объятые сильнейшим энтузиазмом, рабочие с красными знаменами вышли на улицу. На знаменах красовались лозунги, выдвинутые в требованиях к администрации. К рабочим примкнули солдаты железнодорожного батальона. Процессия двинулась к городу»[6].

Было решено отправиться прежде всего в Управление дороги, во врачебную часть, службу сборов, тяги, движения и

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, лл. 4—6.

[2] «Русский Туркестан», № 234, 6 ноября 1905 г.

[3] «Новая жизнь» (ленинская), № 10, 11 ноября 1905 г.; ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, лл. 4—6 и др. Другие документы указывают на 10 час. утра, как на начало забастовки в Асхабаде, например, об этом говорит телеграмма Вр. центр. стач. комитета от 15 октября 1905 г. (см. ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 325 а, лл. 124—128) и др.

[4] Из воспоминаний Г. Захарова (Архив Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—532).

[5] Из воспоминаний Лукьянова, опубликованных в журнале «Коммунист» (Ташкент), № 7—8, 1922.

[6] Там же, стр. 119.

Члены РСДРП, участники революции 1905—1907 гг. в Туркменистане. В. Т. Бакрадзе, В. Д. Дмитриев, В. Щеглов, В. П. Вахнин.

остальные службы, чтобы прекратить там занятия и побудить служащих присоединиться к забастовке. Низшие служащие охотно присоединились к рабочим. «Только железнодорожные тузы оказали недолгое сопротивление: их на креслах быстро выносили на улицу. Когда же заведующий коммерческим отделом подполковник Добросельский вздумал было прикрикнуть на рабочих, последние моментально схватили его, посадили в мешок и тоже выволокли «для охлаждения» на свежий воздух»[1].

Позже, ввиду того, что со стороны железнодорожной управленческой администрации и буржуазных интеллигентов были сделаны попытки снова возобновить занятия в Управлении дороги, рабочие на своем собрании 16 октября решили не допускать никого из служащих на занятия, причем для этой цели были выставлены около Управления забастовочные пикеты из рабочих.

После прекращения занятий в Управлении и во всех службах дороги и после присоединения низших служащих к забастовавшим рабочим образовалась внушительная демонстрация в несколько тысяч человек, которая двинулась к центру города. К демонстрации присоединилась и часть солдат железнодорожного батальона, причем солдатский оркестр играл «Марсельезу»[2]. В городском саду состоялся грандиозный митинг.

Железнодорожная забастовка и демонстрация 14 октября сразу всколыхнули весь город. На следующий же день прекратились занятия во всех гимназиях и школах[3]; забастовали типографские рабочие, снятые с работы железнодорожниками[4], к бастующим присоединились асхабадские приказчики, и магазины как в городе, так и на базаре прекратили торговлю[5]. В этот же день начались волнения в воинских частях, расположенных в Асхабаде. «15 октября, — писала ленинская «Новая жизнь»,—к забастовке присоединилась сначала местная батарея, предъявившая наряду со своими солдатскими требованиями и общепролетарские, а за ней и железнодорожный батальон, решительно отказавшийся от нарядов на паровозы и в мастерские, куда посылало их начальство взамен забастовавших машинистов и рабочих»[6].

Ежедневно, с 14 по 18 октября, т. е. по день объявления царского манифеста в Асхабаде, продолжались бурные митинги и демонстрации рабочих и солдат.

---

[1] «Новая жизнь» (ленинская), № 10, 11 ноября 1905 г.

[2] Из воспоминаний Лукьянова, опубликованных в журнале «Коммунист» (Ташкент), № 7—8, 1922, стр. 119.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 36/с, Упр учебн. завед. Турк. края, д. 7, л. 15—22. Из рапорта инспектора Асхабадской мужской гимназии Дейнеко.

[4] Там же, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, л. 31.

[5] Там же.

[6] «Новая жизнь», № 10, 11 ноября 1905 г.

На этих митингах, на которых выступали большевики, производились сборы средств на революционные нужды, распространялись большевистские прокламации, явились большой школой политического воспитания масс—не только рабочих, но и солдат. В своем рапорте от 18 октября 1905 г. на имя начальника Закаспийской области начальник жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д. генерал Малыхин писал:

«На происходящих в последние дни ежедневно сходках с каждым днем все в большем числе собирающихся забастовщиков и праздных, по случаю забастовки, людей беспрепятственно участвуют в большом числе нижние чины Асхабадского гарнизона, слушающие возмутительные речи, участвующие в денежных сборах в пользу забастовщиков и разбирающие раздаваемые главарями забастовки листы с возмутительными воззваниями. На вчерашней сходке в саду железнодорожного депо один из нижних чинов неизвестно какой части даже держал речь, в которой представлял с невыгодной стороне положения русского солдата..., а с другой — открыто высказывал уверенность, что из солдат Асхабадского гарнизона, в случае приказания при беспорядках действовать оружием, никто этого приказания не исполнит. В числе посещающих сходки нижних чинов замечалось особенно много солдат 1-й батареи»[1].

Почти одновременно с Асхабадом началась железнодорожная стачка и в Кизыл-Арвате. 14 октября в 8 часов вечера рабочие забастовали[2]. Для того, чтобы воспрепятствовать движению поездов и, в частности, не выпустить из Кизыл-Арвата направлявшихся в Асхабад начальников службы движения и службы тяги Среднеазиатской ж. д., о чем просили асхабадцы, кизыл-арватские рабочие выкатили за переезд в сторону Асхабада один из вагонов и поставили его поперек пути, а с другой стороны подожгли брусья железнодорожного моста, закрыв, таким образом, движение. Вызванные из города казаки отказались противодействовать рабочим[3]; полицейские же, по воспоминаниям участников октябрьской стачки, попрятались и совсем не явились на станцию, опасаясь, видимо, столкновения возбужденными рабочими. Узнав в чем дело, отказались идти на вокзал для усмирения рабочих и солдаты железнодорожного батальона, сочувствовавшие забастовке[4].

Однако рабочие допустили ошибку, оставив под парами паровозы и не сняв немедленно с работы всех железнодорож-

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, Ос. Отд. департ. полиц., д. 1877, ч. 25, 1905 г., л. 1.
[2] Из воспоминаний Бацуры (Архивы Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—962).
[3] «Русский Туркестан», № 234, 6 ноября 1905 г.
[4] Из воспоминаний А. Шереметьева и Бацуры (Архив Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—962 и Р—1359, л. 1—49).

ных служащих. В результате, ночью вагон был убран с пути, и железнодорожное движение восстановилось[1]. Только на следующее утро рабочие обнаружили свою ошибку. «С 9 часов (утра) забастовка возобновилась...», — телеграфировали 15 октября из Кизыл-Арвата в Ташкент[2]. Рабочие главных мастерских, явившись в депо, погасили котел по заправке паровозов, потушили все паровозы, приготовленные к следованию с поездами, выпустили из них пар и воду, сняли с работы рабочих депо и конторских служащих, прекратили работы в мастерских и конторе 3-го участка службы пути, точно так же, как и операции товарной конторы и грузовой платформы, сняли стрелочников и т. д.[3]. Таким образом, работа была полностью прекращена. Железнодорожный и городской телеграф, а также телефон были захвачены забастовавшими рабочими[4]. Был избран местный стачечный комитет, состав которого часто менялся «благодаря расколу», как сообщал начальник Асхабадского отделения жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д.[5] Видимо, в стачечный комитет в значительном числе пробрались меньшевики, имевшие некоторую базу среди отсталой части местных рабочих благодаря довольно интенсивной деятельности в Кизыл-Арвате бакинской «Организации балханских и биби-эйбатских рабочих», руководимой известными зубатовцами братьями Шендриковыми[6]. Большевикам приходилось выкуривать меньшевиков из стачечного комитета, чтобы парализовать их предательскую деятельность.

С начала забастовки в местном Ремесленном собрании не раз собирались железнодорожные рабочие и солдаты кизыл-арватского гарнизона для обсуждения и предъявления своих требований, причем в качестве первого же дела был по-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, лл. 27—28.

[2] Там же.

[3] См. там же, лл. 10—11 и 27—28.

[4] Из воспоминаний Бацуры (Архивы Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—962).

[5] ЦГИАМ, ф. 102, Ос. отд. департ. полиц., д. 1350, ч. 82, 1905 г., лл. 11—12.

[6] Братья Шендриковы (Илья, Лев и Глеб) родом из Туркестана, семиреченские казаки. Сначала подвизались в г. Ташкенте. В конце 1902 г., Илья Шендриков был выслан из Ташкента под гласный надзор полиции в Асхабад, где принял участие в издании местной газеты «Асхабад». Оказывал развращающее влияние на местное рабочее движение, оставив как в Асхабаде, так и Кизыл-Арвате многих своих сторонников. В 1903 г. был выслан в Астрахань, откуда позже перебрался в Баку. Здесь в 1904 г., вместе со своими братьями Львом и Глебом создал зубатовскую организацию, носившую название «Организации балаханских и биби-эйбатских рабочих», позже переименованную в «Союз бакинских рабочих». Эта организация, тесно связанная с царской охранкой, была официально признана меньшевиками партийной организацией. Из Баку Шендриковы продолжали через свою организацию развращающе влиять на рабочее движение Закаспийской области. (См. ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 155, лл. 23—24).

ставлен на обсуждение вопрос о создании стачечного фонда для поддержки бастующих[1].

Постановление Асхабадского «Кружка железнодорожников» от 13 октября о присоединении к Всероссийской железнодорожной забастовке было на следующий день передано по телеграфу по всей линии Среднеазиатской ж. д.[2], а затем и по Оренбург-Ташкентской линии от Ташкента до Казалинска[3].

Призыв асхабадцев к забастовке был дружно подхвачен по всей Среднеазиатской ж. д. Уже в 10 часов утра 15 октября забастовал Ташкент; в этот же день в 3 часа дня забастовал и Коканд. 16 октября утром забастовка распространилась на Чарджуй, Казанджик, Андижан и другие пункты. 17 октября присоединился к забастовке Самарканд и т. д. Таким образом, с 14 по 17 октября движение по всей линии Среднеазиатской ж. д. прекратилось.

Примерно так же, как и в Асхабаде или Кизыл-Арвате, принимая то более, то менее острые формы, разворачивалась железнодорожная забастовка и в других городах Туркестанского края и Закаспийской области — в Ташкенте, Самарканде, Чарджуе, Красноводске, Мерве и др.

Октябрьская стачка железнодорожных рабочих оказала большое революционизирующее влияние и на другие отряды рабочего класса, а также на мелкую городскую буржуазию Туркменистана. И эти слои были захвачены поднявшейся революционной волной. Железнодорожная стачка в Туркменистане, как и во всей России, стала быстро перерастать во всеобщую стачку, причем особенно ускорился этот процесс в связи с опубликованием царского манифеста о «свободах».

В Асхабаде, как мы видели, еще до получения манифеста присоединились к железнодорожной забастовке типографские рабочие, приказчики, рабочие столярных мастерских; были закрыты гимназии и другие учебные заведения. Ежедневно на улицах города происходили массовые митинги и демонстрации, принявшие особенно бурный характер с 18 октября, т. е. со дня объявления здесь царского манифеста от 17 октября. О событиях этого дня в Асхабаде писала большевистская газета «Новая жизнь». «Наступило 18 октября, день объявления манифеста, вырванного у правительства единодушной забастовкой русского пролетариата. Все узнали об отвоеванных свободах еще ночью, а на утро обширная Скобелевская площадь уже кипела от могучих волн рабочих и прочей публики. Народ группировался вокруг ораторов, выяснявших смысл и значение исторического манифеста. Прикатил, в сопровождении

---

[1] Из воспоминаний Бацуры (Архив Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—962).

[2] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 325 а, лл. 124—128.

[3] Там же, ф. Жанд. полиц. Упр. Ср.-Аз. ж. д., д. 15, лл. 98—131.

казаков, и Куколь[1] с тем, чтобы объявить манифест. Передавая толпе эту бумажку, он не удержался от пошлой фразы: «Вот вам свобода, — сказал он, — только не болтайте много». Раздался зловещий свист, невообразимое шиканье и негодующие возгласы. Два дня мирно продолжались народные манифестации под красными знаменами, с революционными речами и песнями»[2], после чего царские власти принялись за свою провокаторскую работу, имевшую целью сорвать и прекратить революционные демонстрации и митинги. Как увидим ниже, это им, однако, не удалось ни в какой мере.

Большевики разъясняли массам действительный смысл царского манифеста, боролись против всяких попыток представить манифест как «милость» царя, добровольно «дарованную» народу, принять царские обещания всерьез. Например, в «Представлении прокурора Асхабадского окружного суда» на имя прокурора Ташкентской судебной палаты читаем: «...На одном из митингов в конце октября 1905 г. в Асхабаде в цирке Добржанской после речи офицера Мухина, доказывавшего, что манифест 17 октября 1905 г. является добровольным актом высочайшей милости, внезапно поднялся прапорщик запаса Евгений Петро (вич) Катаев[3], сильно взволнованный, и стал возражать, «что все то, что дано манифестом 17 октября не царем дано, а от царя вырвано народом ценою крови, которая была безвинно пролита 9 января, и кровь эта будет искуплена лишь тогда, когда голова царя упадет к ногам народа...»[4].

Любопытную картину представлял в это время Асхабад даже с внешней стороны. Один из мелких железнодорожных служащих, кое-как пробиравшийся в Ташкент по линии Среднеазиатской ж. д. и проезжавший через Асхабад 23 октября 1905 г., позже изложил свои впечатления на страницах газеты «Русский Туркестан». Его поразил внешний вид привокзального района Асхабада. «На вокзале,—писал он, — развевался красный флаг. Красные флаги были также на здании железнодорожного технического училища и на вагоне, в котором помещались освобожденные политические из Кизыл-Арвата...»[5].

Издание царского манифеста не только не успокоило массы, но, наоборот, вызвало почти всюду в Туркменистане усиление революционной борьбы. По всей Закаспийской области прокатилась волна многолюдных демонстраций с красными флагами и пением революционных песен, происходили бурные митинги, на которых ораторы-большевики призывали массы к

---

[1] Полковник Куколь-Ямпольский — начальник Асхабадского уезда и города Асхабада в 1905 г.

[2] «Новая жизнь» (ленинская), № 10, 11 ноября 1905 г.

[3] Е. Катаев — член Асхабадской группы РСДРП.

[4] ЦГИА Уз ССР, ф. 133, Прок. Ташк. Суд. Палаты, оп. 1, д. 164, л. 1.

[5] «Русский Туркестан», № 234, 6 ноября 1905 г.

продолжению и усилению борьбы против ненавистного самодержавия. Настроение масс было приподнятое, решительное. Во многих пунктах области рабочие требовали немедленного освобождения политических заключенных в качестве первого шага к претворению в жизнь вырванного у царя манифеста. Например, в Асхабаде 20 октября была получена следующая паническая телеграмма от мирового судьи Вейса из Кизыл-Арвата: «Домогаясь освобождения политических арестантов, толпа мастеровых численностью до 500 человек насильно ворвалась в мою камеру и нанесла мне оскорбление действием. Полиция и казаки бездействуют. Прошу принять меры к охране вверенного мне участка и моей личности»[1]. Прокурор Асхабадского окружного суда, получивший эту телеграмму, просил начальника Закаспийской области «о немедленном распоряжении к охране личности мирового судьи Вейса и вверенного ему участка»[2].

Подобные же панические телеграммы летели и из других мест. 19 октября начальник чарджуйского гарнизона полковник Третесский телеграфировал: «Полная забастовка, бастующих до тысячи человек, начинаются насилия... Политическому агенту[3], как губернатору, следовало бы приехать, опереться не на кого. Своих людей очень мало, прошу прислать две сотни казаков из Керков... Слухи о манифесте сильно волнуют население»[4].

Железнодорожная забастовка в Чарджуе началась еще 16 октября, когда рабочие потушили паровозы, избрали стачечный комитет (так называемых делегатов) и принудили станционных служащих также прекратить работу[5]. Вместе с железнодорожными рабочими бастовали и солдаты железнодорожного батальона. На следующий день, 17 октября, забастовавшие железнодорожные рабочие ходили по городу, закрывая магазины и мелкие заводы[6]. Ими же была закрыта типография Баранова[7]. Вскоре к забастовке примкнули рабочие мастерских Аму-Дарьинской военизированной флотилии и некоторых хлопкоочистительных заводов[8]. Впрочем, и здесь инициатива принадлежала железнодорожным рабочим: «Сегодня

---

[1] Документ опубликован в сборнике «Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг.», кн. II, 1946, Ашхабад—Москва, стр. 146—147.

[2] Там же.

[3] Речь идет об императорском политическом агенте в Бухаре, действовавшем на правах губернатора. Город Чарджуй находился на территории Бухарского ханства.

[4] ЦГВИА, ф. 1396, Штаб Турк. воен. окр., д. 166, л. 144.

[5] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, л. 21.

[6] ЦГВИА, ф. 1396, Штаб Турк. воен. окр., д. 166, л. 165—167.

[7] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, л. 33.

[8] Газ. «Самарканд», № 232, 11 ноября 1905 г. (См. корреспонденцию «Чарджуй»).

в девять утра,—доносил полковник Третесский телеграммой от 17 октября,—забастовавшие железной дороги пришли к мастерским флотилии и потребовали от вольнонаемных рабочих прекращения работы. После переговоров флотильские рабочие прекратили работы и удалились...[1]». Так железнодорожная забастовка и здесь, в Чарджуе, перерастала постепенно во всеобщую. После опубликования царского манифеста от 17 октября революционная борьба в Чарджуе, как и повсюду, обострилась еще в большей степени.

В Чарджуе весьма ярко проявилось руководство революционными событиями со стороны Чарджуйской группы РСДРП, руководящее ядро и большинство членов которой стояли на большевистских позициях. Как в речах, так и в прокламациях большевики призывали массы к решительной борьбе. Во всем чувствовалась организаторская и пропагандистская работа большевиков. Еще 17 октября в телеграмме на имя Туркестанского генерал-губернатора политический агент в Бухаре Лютш сообщал: «...появились прокламации революционного характера...»[2]. 27 октября начальник Чарджуйского гарнизона полковник Третесский доносил рапортом начальнику штаба Туркестанского военного округа генералу Евреинову: «Более недели, как я ежедневно говорю с толпою, убеждаю ее и выслушиваю ее нужды. Рабочий народ перемешан с пролетариатом города [видимо, с люмпенпролетариатом] и приезжими агитаторами. Как мне удалось выяснить, агитаторы приехали заблаговременно; один из них, Василий Олешин, живет в Чарджуе более двух месяцев; полиция не знала об этом до сего времени; все эти господа присланы революционным комитетом... Мы — администрация — не подготовлены, мы не умеем говорить с толпою. В первый же день этот Олешин оказался сильней меня в умении, и когда мне казалось, что я уже совершенно овладел толпою человек в 100, он сорвал внимание толпы, перебивая меня, и увлек их [собравшихся] запирать магазины, насильственно требовать забастовки мелких заводов и всего рабочего люда»[3]. Газета «Самарканд» так описывала октябрьские события в Чарджуе: «Несколько дней сряду (после начала забастовки на Среднеазиатской ж. д.) железнодорожные забастовщики собирались во дворе Ремесленного собрания и там, избрав из своей среды делегатов, обсуждали свои нужды и вырабатывали петицию (т. е. требования к администрации железной дороги). Но потом, когда на этих собраниях стали распространяться противоправительственные прокламации, то эти собрания, до обнародования манифеста 17 октября, были запрещены. Наконец, по обнародо-

[1] ЦГВИА, ф. 1396, Штаб Турк. воен. округа, д. 166, л. 143.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, л. 33.
[3] ЦГВИА, ф. 1396, Штаб Турк. воен. окр., д. 166, лл. 165—167.

вании манифеста, снова было собрание рабочих и 25 октября устроено было шествие по городу с красными флагами с надписями «Да здравствует свобода!»[1].

В Красноводске к всеобщей забастовке присоединился и порт. «16 октября, — читаем в воспоминаниях Бацуры, — матросы всех пароходов, находившихся в Красноводске, вышли на берег и присоединились к забастовке... Матросы... стали предъявлять свои требования[2]». О присоединении Красноводского порта к железнодорожным рабочим писала и газета «Русский Туркестан»: «В 3 часа того же дня (18 октября 1905 г.), — сказано в одной из корреспонденций, — состоялся митинг в депо, где присутствовали кроме железнодорожных рабочих еще рабочие с опреснителя и пароходная прислуга обществ «Кавказ и Меркурий» и «Надежда», всего человек 200. На митинге говорили о продолжении забастовки...»[3].

Подобные забастовки, митинги и демонстрации после объявления царского манифеста от 17 октября распространились по всему Туркменистану. В этом революционном движении, наравне с русскими трудящимися, принимали участие и трудящиеся массы местного коренного населения. Вместе с русскими рабочими бастовали и местные национальные рабочие (на железной дороге, на хлопкоочистительных и маслобойных заводах и проч.), вместе с русскими рабочими принимали они участие в общих демонстрациях, митингах и т. д.

Царские власти в Туркестане ясно увидели, что движение принимало угрожающие размеры, и решили применить силу. Для этой цели был избран Ташкент, где революционное движение приняло особенно бурные, острые формы.

19 октября вечером у здания Городской думы в Ташкенте должен был состояться общегородской митинг по вопросу об освобождении политических заключенных. К 5 часам вечера, как и было намечено, к зданию думы стал стекаться народ. Настроение рабочих было боевое. За ними шла вся мелкобуржуазная масса города. Царские власти решили, что момент для кровопускания был подходящим. Расстрелом рассчитывали они запугать, если не рабочих, то идущие за ними мелкобуржуазные элементы для того, чтобы отбить у них охоту к революционным выступлениям и отколоть их от рабочих.

По распоряжению исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора Сахарова к зданию Городской думы прибыл военный губернатор Сыр-Дарьинской области с двумя сотнями казаков и ротой пехоты. На требование разойтись рабочие ответили отказом. Тогда был дан залп, за ним — вто-

---

[1] «Самарканд», № 232, 11 ноября 1905 г.

[2] См. Архив (рукописный фонд) Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—962.

[3] «Русский Туркестан», № 234, 6 ноября 1905 г.

рой, в результате которых оказалось двое убитых и 26 раненых. После этого казаки бросились с нагайками и шашками разгонять оставшихся, причем было изувечено, по официальным данным[1], еще 12 человек, не считая легко раненых.

Однако царские власти явно просчитались. Расстрелом они не только никого не испугали, но лишь вызвали резкое негодование во всех слоях трудящегося населения. Воинские части, стрелявшие в участников митинга, стали предметом общего презрения. Даже в армии открыто высказывалось недовольство.

Таким образом, царские власти убедились, что одними репрессиями не остановить бурно развивавшиеся революционные события, которые после расстрела 19 октября приняли во всем Туркестанском крае, в частности в Закаспийской области, еще более широкий размах, еще более бурные и угрожающие формы. Поэтому они взялись за соответствующую обработку общественного мнения, надеясь таким путем отколоть от рабочего класса городские мелкобуржуазные элементы. В церквах, на площадях читался в торжественной обстановке царский манифест, устраивались благодарственные молебны, играли оркестры, пели царский гимн, кричали «ура»... Затем обычно устраивались «патриотические» манифестации, в которых принимали участие босяки, проститутки и прочие деклассированные элементы, торговцы и лавочники, приказчики, переодетые городовые и жандармы, «патриотически» настроенные чиновники и прочий сброд. Зачастую всю эту «патриотическую» массу возглавляли местные городские власти. Впереди подобных манифестаций несли обычно царские портреты, трехцветные царские флаги, церковные хоругви и проч. Кое-где делались попытки устройства погромов.

Однако эти «манифестации», особенно в центрах со значительным количеством рабочих, оканчивались зачастую весьма плачевно для их устроителей (например, в Асхабаде). В некоторых же местах полиция совсем не решалась их проводить из боязни, что «патриотический» сброд будет разогнан рабочими, а царские портреты будут изодраны в клочья. Именно там, где было особенно сильным большевистское влияние, рабочие не допускали устройства этих манифестаций либо разгоняли их.

Например, царские власти не решились устраивать «патриотических» манифестаций в таком крупном рабочем центре, как Кизыл-Арват, где находились главные мастерские Среднеазиатской ж. д. и все население которого состояло почти исключительно из рабочих.

Серьезный отпор полицейско-черносотенные «патриоты» и

---

[1] См. ЦГИА УзССР, ф. 133, Прок. Ташк. Суд. Палаты, д. 82, лл. 10—14.

провокаторы получили в Асхабаде. Если первая «патриотическая» манифестация в этом городе, о которой сообщал начальник области туркестанскому генерал-губернатору, прошла в общем благополучно, то последующие манифестации оканчивались позорным бегством черносотенного сброда.

Вслед за первой манифестацией в тот же день—23 октября — проходила по улицам Асхабада вторая подобная же манифестация, устроенная военным командованием из наиболее отсталых солдатских элементов. Манифестация встретилась на одной из улиц с проходившей в это время по городу рабочей и солдатской революционной демонстрацией, участники которой были настроены по-боевому. Эта встреча описана в газете «Русский Туркестан». «В 5 часов вечера,—читаем в газете,—навстречу демонстрантам вышла патриотическая толпа с царскими портретами и национальными флагами. В толпе преобладающим элементом были солдаты. Слишком беззастенчивая организация патриотической демонстрации возмутила даже их товарищей по оружию. На глазах у всех нанимали за гривенник подростков для несения национальных флагов. Один из офицеров, бывший свидетелем наемного патриотизма, отказался отдать честь портрету. Патриотическая толпа с искусственно-приподнятым настроением вела себя вызывающе, ругалась и сбивала шапки с прохожих. При встрече обоих демонстраций произошла свалка, во время которой сильно пострадали портреты. Сторонники старого порядка разбежались»[1].

Такая же участь постигла и другую «патриотическую» манифестацию, устроенную полицией из местных мусульман (персов) — торговцев, которая проходила по Асхабаду на следующий день 24 октября[2].

После объявления царского манифеста от 17 октября началась усиленная организация и собирание черносотенных сил на борьбу с развивавшимся революционным движением. В некоторых городах (например, в Асхабаде) организовались в это время под крылышком полиции организации «партии правового порядка», октябристы, которые принялись сеять конституционные иллюзии среди масс, отвлекая их от революционной борьбы. Однако ввести в заблуждение массы ни октябристам, ни черносотенцам не удалось.

Помогала царизму в меру своих сил и способностей и местная либеральная буржуазия. После опубликования царского манифеста от 17 октября кадеты открыто порвали с революционным движением и постепенно перешли на сторону царизма. Они также усиленно сеяли конституционные иллюзии среди рабочего класса и других слоев трудящихся масс Туркме-

---

[1] «Русский Туркестан», № 234, 6 ноября 1905 г.
[2] См. ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, лл. 74—75.

нистана, фактически помогали царизму душить революцию. Однако их малочисленная и худосочная группа в Асхабаде никаким успехом не пользовалась.

Таким образом, принятые царскими властями и их приспешниками в Туркменистане меры по обработке общественного мнения ни к чему не привели: отколоть таким путем от рабочего класса городские мелкобуржуазные элементы и сорвать революционное движение им не удалось. Революционные события в Закаспийской области, как и во всем Туркестанском крае, после расстрела 19 октября продолжали нарастать, захватывая все новые слои пролетариата, городских мелкобуржуазных элементов, солдат и крестьянства.

Однако царской администрации помогли соглашатели из Центрального (Дорожного) стачечного комитета, сорвавшие октябрьскую забастовку на Среднеазиатской ж. д.

Центральный стачечный комитет был избран в составе 16 человек[1], причем в подавляющем большинстве своем он состоял из служащих и буржуазных интеллигентов; рабочих же было всего 2—3 человека. Социал-демократы, входившие в комитет, были почти сплошь меньшевиками. Такой состав Центрального стачечного комитета определил собою ярко выраженную соглашательскую, по существу предательскую линию, которую проводил этот стачечный комитет. Его политическая линия резко расходилась с революционным поведением большинства станционных стачечных комитетов, состоявших главным образом из рабочих.

В первый же день железнодорожной забастовки в Асхабаде и на следующий день, т. е. 14 и 15 октября, Центральный стачечный комитет в полном составе явился к начальнику области генералу Уссаковскому. Было выработано совместно с ним и начальником дороги генералом Ульяниным[2] соглашение по вопросу о порядке проведения забастовки на железной дороге. В обмен на обещание генералов не производить репрессий против стачечников и уплатить своевременно жалованье, стачечный комитет взял на себя обязательство провести забастовку мирно, спокойно, охранять имущество дороги, непрепятствовать работе железнодорожных войск взамен стачечников, пропускать ежедневно по одному смешанному поезду с почтовыми вагонами и т. д. По существу это был срыв забастовки, так как подобная неполная забастовка, по сути дела, санкционированная царской администрацией, в значительной мере теряла свой революционный характер и смысл.

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. Жанд. полиц. упр. Ср-Аз. ж. д., д. 15, лл. 98—131.

[2] После отпора, полученного со стороны рабочих на митинге утром 14 октября, Ульянин резко изменил тон и начал переговоры со стачечным комитетом, с которым вначале не желал разговаривать.

Эта предательская политика меньшевистского Центрального стачечного комитета находилась в полном противоречии с революционным поведением низовых, станционных стачечных комитетов, руководимых большевиками. Станционные комитеты неоднократно протестовали против гнилого руководства Центрального комитета, не раз отказывались пропускать через свои станции поезда, пропуск которых санкционировал Центральный стачечный комитет. Рабочие открыто выражали свое недовольство действиями этого комитета и т. д. «После октябрьской забастовки, — вспоминает Руманов, — среди рабочих, в особенности деповских рабочих Мерва, было большое недовольство руководством. Заявляли, что руководство предало движение»[1].

Социальный состав станционных стачечных комитетов резко отличался от социального состава меньшевистского Центрального комитета, в котором, как уже говорилось, подавляющее большинство составляли служащие. Например, в Кизыл-Арвате из 13 членов, в разное время входивших в стачечный комитет, было 10 рабочих от станка (слесари, токари, кузнецы и др.) и только 3 служащих (конторщики)[2].

Этот совершенно иной, пролетарский социальный состав станционных стачечных комитетов и определил собою революционный образ их действий, точно так же как и обеспечил большевистское влияние во многих из этих комитетов. Если Центральный стачечный комитет явился, по сути дела, игрушкой в руках начальника области генерала Уссаковского, то станционные стачечные комитеты уже в октябрьскую забастовку начинали играть роль зачаточных органов новой, революционной власти. Это особенно ярко проявилось позднее—в период ноябрьско-декабрьской стачки.

26 октября была послана из Асхабада по линии следующая телеграмма: «Центральный забастовочный комитет постановил прекратить забастовки. Мы подчиняемся этому решению и приступаем к работе завтра, двадцать седьмого октября. Просим товарищей подчиниться этому решению. Письменное удостоверение об окончании забастовки высылаем на главные станции. Делегаты: Андреевский, Гратковский, Нестеров, Карпенко, Вахнин, Половцев, Шалапутов.

Передать по всей дороге. Генерал-майор Ульянин»[3].

Станционные стачечные комитеты подчинились этому решению, и железнодорожная забастовка на Среднеазиатской дороге закончилась 27 октября. Еще до этого была закончена

---

[1] См. Стенограмму заседания землячества Средней Азии в Москве от 26/XII—1930 г.

[2] См. ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., 00, д. 1350, ч. 82, 1905 г., лл. 11—12.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 325 а, лл. 120—121.

забастовка на городских промышленных предприятиях, в типографиях, в учебных заведениях, в торговых фирмах, магазинах и т. д.

Лучшим показателем того, что октябрьская стачка на Среднеазиатской ж. д. была фактически сорвана соглашательским Центральным стачечным комитетом, была закончена вопреки желанию рабочих-железнодорожников, что в массах продолжала бурлить революционная энергия, говорит тот факт, что уже 1 ноября (т. е. через несколько дней после прекращения забастовки) на Среднеазиатской ж. д. на участке Красноводск—Самарканд забастовка снова стихийно возобновилась, снова полностью остановилось движение поездов[1]. 2 ноября 1905 г. снова забастовали рабочие и служащие кизыл-арватских главных мастерских и станции Асхабад[2]. «Забастовка была вызвана неправильными действиями начальника дороги, начальника тяги и начальника депо Асхабад»[3]. Однако вскоре инцидент был улажен и забастовка прекратилась.

В конце октября — начале ноября в Асхабаде развернулась вербовка рабочих и служащих в члены железнодорожного союза. 13 ноября[4], согласно устава Всероссийского железнодорожного союза, были произведены выборы временного Центрального комитета железнодорожного союза Среднеазиатской ж. д. (он назывался Среднеазиатским, по названию железной дороги, отделением Всероссийского железнодорожного союза или союзом железнодорожных рабочих и служащих Среднеазиатской железной дороги). Выборы были произведены на собрании членов железнодорожного союза города Асхабада (около 600—700 человек)[5], что было, конечно, неправильным, так как выборы Центрального комитета железнодорожного союза всей дороги отнюдь не могли производиться на собрании членов союза одного лишь Асхабада. Впрочем, именно поэтому Центральный комитет и был назван «временным», так как предполагалось в ближайшее время созвать делегатский съезд железнодорожного союза всей Среднеазиатской ж. д., на котором и избрать постоянный состав Центрального комитета.

Временный Центральный комитет был избран в составе 19 членов и 5 кандидатов, причем в его состав был почти полностью избран соглашательский Центральный стачечный комитет, срывавший и предававший октябрьскую забастовку. Снова в него вошли преимущественно служащие из Управления

---

[1] «Русский Туркестан», № 233, 5 ноября 1905 г.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] См. ЦГИА Уз ССР, ф. 55/с. Прок. Ташк. Суд. Палаты, д. 147 а, лл. 30—39.
[5] См. Воспоминания И. Первышева (Архив Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—841, лл. 1—43.

дороги. Чтобы судить о социальном составе временного Центрального комитета, достаточно сказать, что в него вошли из 24 членов и кандидатов — 20 служащих (6 конторщиков и делопроизводителей, 5 бухгалтеров и счетоводов, врач, инженер, частный поверенный и др.), 1 машинист (Калязин), позже сделавшийся подрядчиком, 1 механик (Подольский), позже занявшийся предпринимательством (имел слесарную мастерскую) и только 2 рабочих (слесарь и токарь). В числе членов временного Центрального комитета было несколько дворян, потомственные почетные граждане и даже бывший капитан царской армии (Вышенский), получивший во время первой мировой империалистической войны чин полковника, а после разгрома белогвардейской авантюры в Асхабаде в период гражданской войны бежавший вместе с белыми. По партийной принадлежности: 19 беспартийных, 4 социал-демократа и 1 эсер[1]. Тон в этом временном Центральном комитете, по-прежнему, как и в бывшем Центральном стачечном комитете, задавали меньшевики — его председатель Воронец и др.

Как уже говорилось, этот временный Центральный комитет железнодорожного союза Среднеазиатской ж. д., избранный лишь из состава асхабадских членов союза (главным образом, из состава Управления дороги), в ближайшее же время предполагалось заменить постоянным Центральным комитетом, для каковой цели намечался созыв делегатского съезда железнодорожного союза всей Среднеазиатской ж. д. Однако уже через несколько дней развернувшиеся революционные события (новая железнодорожная забастовка) отодвинули созыв съезда на середину декабря. Это имело роковые последствия для исхода новой забастовки, так как в начавшихся решающих событиях в Туркестане во главе железнодорожного пролетариата оказался предательский временный Центральный комитет, который приложил все свои силы, чтобы сорвать забастовку и предать движение.

В конце октября — в начале ноября 1905 г. происходила организация отделений Всероссийского железнодорожного союза и в других рабочих центрах Среднеазиатской ж. д. Так, например, еще в период октябрьской стачки железнодорожные рабочие Чарджуя «задумали сами себе помочь и выработать кое-какие проекты: о кассе взаимопомощи, о союзе, т. е. желании примкнуть к Всероссийскому железнодорожному союзу и т. п.»[2].

Зашевелилась в это время и буржуазная интеллигенция. Началось оформление буржуазных партий, например, кадетов

---

[1] См. Воспоминания И. Первышева (Архив Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—841, лл. 1—43).

[2] «Самарканд», № 232, 11 ноября 1905 г.

в Асхабаде. Здесь же, в Асхабаде, был создан буржуазный «Союз равноправия женщин»[1] и т. п.

В конце октября и начале ноября 1905 г. значительно усилилось революционное движение в царской армии. Заколебалась, как говорил В. И. Ленин, самая «прочная» и последняя опора царизма—армия[2]. Именно в эти дни (в конце октября) происходило серьезное восстание в Кронштадте, зверски подавленное царизмом; происходили массовые волнения среди матросов в Баку, среди матросов и солдат во Владивостоке, во флотских экипажах в Петербурге и других местах. Именно в эти дни (с 8 по 15 ноября) произошло восстание в Севастополе, возглавлявшееся лейтенантом Шмидтом и потопленное в крови, и т. д. И это было далеко не случайно. В. И. Ленин указывал: «Каждый подъем волны стачечного и крестьянского движения во время революции сопровождается солдатскими восстаниями во всех концах России»[3]. Вышеуказанные солдатские и матросские восстания и волнения сопровождали собой всероссийскую октябрьскую стачку.

Эта же стачка вызвала и в Туркменистане значительный подъем революционного движения в армии. Уже в разгар забастовки зашевелилась в некоторых местах и солдатская масса, что особенно ярко проявилось в г. Асхабаде. Как уже указывалось выше, 15 октября, на другой день после начала железнодорожной забастовки в Асхабаде, к забастовке присоединилась сначала местная батарея, предъявившая командованию наряду со своими солдатскими требованиями и требования общеполитические. Вслед за нею присоединился к забастовке и железнодорожный батальон, солдаты которого решительно отказались от нарядов на паровозы, в мастерские и прочие, куда их посылала железнодорожная администрация взамен забастовавших рабочих[4]. Они же, как указывалось, не хотели собирать паровозы, разобранные рабочими для того, чтобы помешать возобновлению железнодорожного движения. Артиллеристы 5-й горной батареи в Асхабаде разогнали «патриотическую» манифестацию 24 октября.

Вообще в период октябрьской стачки в Асхабаде почти все воинские части, расположенные в этом городе (за исключением казаков и 3-го Закаспийского стрелкового батальона), в той или иной мере принимали участие в революционных событиях: проводили свои забастовки, вырабатывали и предъявляли требования командованию, наряду с рабочими участвовали в массовых демонстрациях и митингах, которые почти ежедневно устраивались в городе. Это были серьзные массовые

---

[1] «Асхабад», № 192, 23 ноября 1905 г.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 236.
[3] Там же.
[4] «Новая жизнь», № 10, 11 ноября 1905 г.

волнения или даже восстания солдат, сопровождавшиеся полным нарушением дисциплины, удалением своих офицеров (например, в железнодорожном батальоне) и т. д.

Большевики значительно усилили в это время борьбу за армию. Систематически печатались прокламации, обращенные к войскам, солдаты привлекались на митинги и демонстрации, рабочие стремились перетянуть солдат на свою сторону, как это было неоднократно, например, в Асхабаде. Генерал-адъютант Максимович, присланный осенью 1906 г. в Туркестан по специальному заданию царя, писал последнему в своей записке, касаясь осени 1905 г.: «Воодушевленные столь быстрыми результатами противоправительственной агитации в среде трудящегося населения, руководители преступной пропаганды задались целью привлечь на свою сторону также и войска. В этих видах они стали забрасывать нижних чинов прокламациями возмутительного содержания, выбирая при этом такие войсковые части, в коих надзор начальства был слишком слаб. Наиболее склонными к воспринятию противоправительственных идей оказались железнодорожные батальоны, которые по характеру своей службы находились в постоянном общении с рабочими и не могли, конечно, не сочувствовать их стремлению к улучшению своего материального положения»[1].

После окончания октябрьской всеобщей стачки, в первой половине ноября 1905 г., революционное движение в армии продолжало быстро развиваться.

Вслед за забастовкой и стихийными волнениями в 1-м Закаспийском железнодорожном батальоне в Асхабаде в период октябрьской всеобщей стачки началось с первых чисел ноября 1905 г. серьезное движение во 2-м Закаспийском железнодорожном батальоне, расквартированном по линии Среднеазиатской ж. д. от Чарджуя до Ташкента (штаб батальона и часть его войск были расположены в Самарканде). Это движение во 2-м Закаспийском железнодорожном батальоне носило значительно более организованный характер, нежели в Асхабаде, и в значительной мере проходило под руководством большевиков. На это указывает, прежде всего, связь движения во 2-м батальоне с газетой «Самарканд», издателем которой в то время был большевик Морозов.

9 ноября 1905 г. был напечатан в газете «Самарканд» важный документ, который редакция газеты озаглавила так: «Требования нижних чинов 2-го Закаспийского железнодорожного батальона»[2]. Архивные документы определенно указывают на то, что эти требования были составлены под влиянием и при помощи большевиков из газеты «Самарканд» и сыграли в

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., 00, д. 9, ч. 73, 1906 г., лл. 8—24.
[2] См. «Самарканд», № 230, 9 ноября 1905 г.

дальнейшем крупную роль в деле революционизирования армии.

Движение во 2-м Закаспийском железнодорожном батальоне распространилось далеко за пределы Самарканда. Представители этого батальона вели пропаганду за присоединение к самаркандским требованиям и в других воинских частях. Например, ефрейторы 2-го Закаспийского железнодорожного батальона Вишневский и Олейников в г. Чарджуе «проникли в 17-й Туркестанский стрелковый батальон и подговаривали там нижних чинов тоже присоединиться к самаркандским требованиям»[1].

В Чарджуе, где вел пропаганду в войсках В. Кононов, связанный с кружком большевика М. В. Морозова, произошли 13 ноября «беспорядки» в Аму-Дарьинской военизированной флотилии и были предъявлены матросами требования к своему командованию, причем все это произошло под влиянием помещенных в газете «Самарканд» требований солдат 2-го Закаспийского железнодорожного батальона[2].

Есть указания на то, что представители 2-го Закаспийского железнодорожного батальона появлялись и в расположении 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, например, в Кизыл-Арвате, где они 16 ноября (еще до получения сведений о восстании в ташкентской крепости) вели пропаганду среди солдат за присоединение к самаркандским требованиям. В обвинительном акте «о нижних чинах 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, преданных туркестанскому военно-окружному суду командующим войсками Туркестанского военного округа», сказано по этому поводу: «16 ноября 1905 г. в Кизыл-Арвате после вечерней переклички в барак, в котором помещались служащие на дороге и в мастерских нижние чины 4-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, явился нижний чин 2-го железнодорожного батальона, назвавшийся вымышленной фамилией (личность установить не удалось) и сообщил собравшимся нижним чинам, что 2-й Закаспийский железнодорожный батальон забастовал и предъявил своему начальству требования. К этой забастовке неизвестный нижний чин предлагал присоединиться и нижним чинам 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, находящимся в Кизыл-Арвате»[3]

Подобные же события происходили в это время в других воинских частях Закаспийской области.

В ночь с 15 на 16 ноября вспыхнуло восстание в Ташкентской крепости. Восстали почти все части, расположенные в

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 111/с, Турк. воен. окр суд., д. 139, лл. 169—171.

[2] См. там же, ф. 113/с, Судн. часть Штаба ТВО, д. 86, лл. 50—54.

[3] Там же, ф. 111/с, Турк. воен. окр. суд. д. 157, лл. 3—7.

крепости; только одна крепостная артиллерийская рота не присоединилась к восстанию. Как по команде солдаты 5-й роты 1-го Ташкентского резервного батальона после вечерней переклички с криками «ура!» бросились к пирамидам с винтовками и разобрали их. До 2 часов ночи восставшие были заняты вовлечением всех солдат крепости в восстание и попытками захватить орудийный парк и пороховой склад. Однако одной детали не предусмотрели восставшие — поставить надежную охрану у входов в крепость. Это и погубило их. К 2 часам ночи крепость была окружена 3-мя стрелковыми батальонами и полубатареей. Часть этих войск незаметно для восставших проникла в крепость. Завязалась перестрелка, в результате которой восставшие потеряли 4 убитых и 22 раненных солдата. Восставшие бросились в казармы и заперлись там, однако к утру сдались под угрозой расстрела из орудий. Восстание было подавлено.

Ноябрьско-декабрьская политическая стачка

По городу Ташкенту, а затем и по всему краю распространились зловещие слухи о том, что при подавлении восстания в крепости убито и ранено 900 человек. Начались массовые митинги рабочих и сходки солдат, на которых выносились резолюции протеста. Уже 16 ноября состоялся митинг среди солдат 1-го Закаспийского железнодорожного батальона в Кизыл-Арвате. В этот же день на собрании рабочих и служащих в Чарджуе было вынесено постановление: «Объявить общую забастовку, цель которой заявить протест правительству за возмутительный поступок в Ташкенте — резню солдат Ташкентского резервного батальона в ночь с 15 на 16 ноября 1905 г.». Такие резолюции принимались повсюду. 17 ноября произошел общегородской митинг протеста в Мерве; в этот же день состоялись массовые митинги солдат железнодорожных батальонов. На станции Казанджик команда 1-го Закаспийского железнодорожного батальона устроила митинг, в знак протеста объявила забастовку и отстранила своих командиров. Подобные же события произошли 21 ноября и в 4-й роте 1-го Закаспийского железнодорожного батальона в Кизыл-Арвате и т. д. Словом, возмущение, можно без преувеличения сказать, было всеобщим. Даже ташкентские купцы решили выразить свой протест, объявив двухдневную забастовку.

На следующий же день после расстрела солдат в ташкентской крепости началась в Туркестане вторая железнодорожная стачка. Остановилось движение на Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской железных дорогах. Одновременно распро-

странилась на Туркестан всероссийская почтово-телеграфная забастовка.

Ноябрьско-декабрьская железнодорожная забастовка в Туркестане началась по почину Ташкента. 16 ноября была отправлена из Ташкента срочная телеграмма по линии Среднеазиатской ж. д.: «Сегодня ночью коварным образом перестреляли солдат Ташкентского резервного батальона, мирно забастовавших. Возмущенные и в знак сочувствия к погибшим товарищам-солдатам мы объявили забастовку, пока не определяя времени. Мы уверены, что наши товарищи присоединяться к нам. Ташкентцам второй раз приходится страдать[1]. Просим Центральный комитет объявить на всей линии забастовку»[2].

Вечером 16 ноября, и на следующий день начали передаваться по всей линии железной дороги телеграммы от делегатов (стачечных комитетов) со всех станций Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской железных дорог о присоединении к забастовке. Таким образом, забастовка стала совершившимся фактом.

Ташкентскую телеграмму и телеграммы с других станций о начавшейся забастовке получил 16 ноября вечером и меньшевистский Центральный комитет Среднеазиатского отделения железнодорожного союза в Асхабаде, который в это время спокойно заседал, слушая «доклад о выработанных уставах пенсионных касс на петербургском съезде»[3]. «Телеграмма эта, — пишет в своих воспоминаниях И. Первышев, который, как кандидат в члены ЦК, присутствовал на заседании, — произвела на нас впечатление разорвавшейся бомбы»[4]. Соглашатели из Центрального комитета не на шутку перетрусили. Заседание было немедленно прервано: не зная что делать, они первым же делом бросились с докладом к начальнику области генералу Уссаковскому, а затем к начальнику дороги генералу Ульянину. «Мы знали, — пишет И. Первышев далее, — что часть дороги забастовала и как-то нужно было реагировать,— объявить ли всеобщую забастовку и вообще, что делать, как реагировать на этот возмутительный акт, который был произведен ташкентской крепостью (?). Путем переговоров мы поставили в известность начальника области, что отнестись равнодушно к этому факту мы не можем. Конечно, он ничего не мог сделать, но особенных репрессий он также не предпринимал; он как бы предоставил событие своему естественному течению. По уходе от начальника области мы собирались в тот

---

[1] Имеется в виду расстрел митинга 19 октября 1905 г. в Ташкенте и расстрел солдат в ташкентской крепости.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 325 а, лл. 108 и 155.

[3] «Асхабад», № 25, 29 января 1906 г.

[4] Архив Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—1985, лл. 1—90.

Q.C.L. N.Ter

же вечер в помещении для секретных заседаний в первом классе...»[1].

Итак, предварительно побывав у обоих генералов, согласовав с ними все вопросы, связанные с начавшейся забастовкой, проведав их отношение к этому делу, Центральный комитет собрался на вокзале и решил «санкционировать» начавшуюся забастовку для того, чтобы взять руководство в свои руки и «по возможности дать забастовке разумное течение»[2], т. е. чтобы сорвать ее.

Совсем по-иному развивалась забастовка на местах. Станционные стачечные комитеты, находившиеся в большинстве своем под влиянием большевиков, единодушно выдвинули требование — арестовать и предать гласному суду виновника кровавых событий в ташкентской крепости временно исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора Сахарова, расследовать эти события и наказать остальных виновников расправы над солдатами, снять оцепление крепости, потребовать гарантий от царских властей, что свободы, обещанные манифестом от 17 октября, будут неуклонно выполняться и т. д.

Отовсюду шли вести о небывалом подъеме духа, о твердой решимости масс довести борьбу до конца. Вот, например, телеграмма из Мерва: «Сего 21 ноября в 3 часа дня состоялся митинг вольнонаемных и военных. Прошел в образцовом порядке... Настроение, дух прекрасный. Все ждут достижения цели»[3]. Вот другая телеграмма—из Кизыл-Арвата (число не указано) за подписью «Весь Кизыл-Арватский гарнизон»: «Товарищи! Примкните к нашему гарнизону и будьте солидарны. Бастуем 2-й день и решили твердо не отступать ни на шаг назад. Непоколебимы, ибо голос массы всегда возьмет верх»[4]. Подобные телеграммы поступали почти со всех железнодорожных станций.

В период ноябрьско-декабрьской всеобщей политической стачки власть постепенно стала переходить фактически в руки железнодорожных стачечных комитетов. Эти комитеты, находившиеся под влиянием революционной социал-демократии, начинали играть роль зачаточных органов власти — они не только распоряжались движением поездов на железной дороге, не только захватили телеграф в свои руки, ведали продовольственными делами, охраной общественной безопасности и казенного имущества, но в нужных случаях. исполняли также судебные и иные функции.

---

[1] Архив Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—1985, лл. 1—90.
[2] «Асхабад», № 25, 29 января 1906 г.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 325 а, л. 39.
[4] Там же, л. 40.

Действительно, железнодорожные стачечные комитеты как на Среднеазиатской, так и на Оренбург-Ташкентской железных дорогах, распоряжались как власть, опираясь на вооруженных рабочих и солдат. К ним обращались как к власти не только трудящиеся массы, но зачастую были вынуждены обращаться к ним и считаться с ними, как с фактической властью, и представители царской администрации, чиновники и др.

Стачечные комитеты целиком распоряжались движением на железных дорогах. Когда начальник штаба Туркестанского военного округа генерал Евреинов, а затем временно исполняющий должность генерал-губернатора Сахаров вызвали к себе начальника станции Ташкент Новикова и расспрашивали его, «каким образом охраняются грузы, отправляются поезда и кто является распорядителем станции..., Новиков заявил, что распорядителями (являются) выбранные делегаты, поезда отправляются по их назначению...»[1]. В телеграмме Центрального стачечного комитета из Асхабада в Петербург на имя председателя ЦК Всероссийского железнодорожного союза сказано также, что «движением заведуют стачечные комитеты...»[2].

Распоряжаясь движением поездов, местные стачечные комитеты зорко следили за тем, чтобы в этих поездах не отправлялись войска, не допускались посыльные с перепиской царских властей и проч. Например, из Ташкента была направлена делегатами телеграмма в Асхабад «Центральному комитету и по линии делегатам» следующего содержания: «Не пропускайте с поездами ни генералов, ни офицеров и строго следите за вольными. По-видимому будут пересылаться шпионы с сообщениями к Сахарову и в Петербург»[3] и т. д.

Телеграф был также в полном распоряжении стачечных комитетов. Делегаты сами решали вопрос о том — отправлять или не отправлять те или иные правительственные телеграммы по назначению, если просьбы об отправке поступали от царских властей. Когда на телеграф была доставлена шифрованная телеграмма коменданта крепости Кушка генерала Прасолова на имя царя, мервские делегаты запросили ташкентских делегатов: «Телеграмма коменданта шифрованная. Если хотите, примем с разрешения Центрального комитета»[4]. Однако ташкентские делегаты тут же ответили: «Не принимайте никаких телеграмм от коменданта»[5]. И телеграмма не была отправлена, пролежав на телеграфе до окончания забастовки. Самому временно исполняющему должность туркестан-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. Жанд. полиц. упр. Ср.-Аз. ж. д., д. 15, лл. 98—131.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 11/с, КТГГ, д. 325 а, л. 29.
[4] Там же, ф. Жанд. полиц. упр. Ср.-Аз. ж. д., д. 15, лл. 98—131.
[5] Там же.

ского генерал-губернатора Сахарову пришлось обращаться к делегатам с просьбой об отправке хотя бы только одной его телеграммы[1] и т. д.

Многие низовые агенты царской власти и отдельные чиновники обращались в стачечные комитеты за разъяснениями, связанными с их служебной деятельностью, заискивали перед ними, пытались оправдаться в их глазах. Даже полиция прониклась почтением к выборным делегатам, почувствовав, что реальная власть в их руках. Так например, делегатами была получена следующая «записка» по телеграфу из Мерва (число не указано): «(В) Мервском гарнизоне офицеры, объединившись, день и ночь занимаются травлею солдат против рабочих. Был послан вчера в Саперный батальон по просьбе нижних чинов делегат, (который) был арестован дежурным по батальону поручиком Антипиным и отправлен полицией в тюрьму, но как делегат он был отпущен приставом. Как поступить, немедленно телеграфируйте»[2].

Стачечные комитеты занимались и такими вопросами, как рыночные цены на продовольствие, как снабжение населения водой (мелкие безводные станции), пищевыми продуктами, керосином и т. п. На станции Каган были даже «выбраны два комитета: 1-й — хозяйственный для нормировки рыночных цен на предметы первой необходимости снабжения населения, 2-й — стачечный комитет для ведения забастовки, устройства митингов, для изыскания средств к поддержанию забастовки»[3]. И царские власти вынуждены были считаться в этом отношении со стачечными комитетами. Например, заведующий полицейской частью в Кизыл-Арвате Мельников, как сообщала газета «Вперед», «во время октябрьских и ноябрьских дней прошлого года [1905 года]... вызвал их выборных [т. е. выборных от рабочих] в полицейское управление для совместного установления таксы, наложения штрафов и организации охраны по городу»[4] и т. д.

Наряду с грозными для царизма революционными событиями, развернувшимися после кровавых событий в ташкентской крепости на железных дорогах и в городах Туркестанского края, начались одновременно не менее грозные события в туркестанских войсках. На кровавое подавление восстания в крепости значительный контингент царских войск в Туркестане (особенно железнодорожные войска) реагировал весьма бурно. Начались забастовки в железнодорожных войсках с отстранением командиров, происходили многолюдные

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охран. отдел., д. 2277, л. 32.
[2] Там же, ф. Жанд. полиц. упр. Ср.-Аз. ж. д., д. 15, лл. 98—131.
[3] Там же, ф. 11/с, КТГГ, д. 325 а, лл. 282—284.
[4] «Вперед» (Ташкент), № 7, 5 ноября 1906 г.

митинги и демонстрации с красными флагами; избирались «военные делегаты», выносились резолюции протеста против расстрела солдат в ташкентской крепости и т. д.

17 ноября солдаты 4-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона в Кизыл-Арвате собрали общий митинг всего кизыл-арватского гарнизона. На митинге присутствовали также рабочие и служащие главных кизыл-арватских железнодорожных мастерских. На этом митинге была принята резолюция с требованием: «Сахарова с его приспешниками немедленно арестовать, отстранив от должностей и предав их гласному суду за избиение мирно забастовавших нижних чинов ташкентского батальона»[1]. Здесь же выбрали «военных делегатов» и решили объявить забастовку, причем через делегатов объявили офицерам гарнизона, что приказаний их они не будут исполнять, а также не будут их титуловать и отдавать им честь[2].

В тот же день, 17 ноября, солдаты 2-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона в Мерве собрались вместе с громадной толпой народа около своей казармы. Когда командир роты подошел к толпе,—послышался возглас: «Дать нам оружие», а затем поднялись крики с требованием оружия и отдельные возгласы, что их, солдат, также могут ночью перерезать казаки, как это сделано в ташкентской крепости. Командир роты сам лично роздал 106 винтовок. Затем солдатами были разработаны требования и поданы командиру роты, причем одним из пунктов было требование смены его самого как командира роты[3].

Волнения среди солдат 6-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона в Иолотани начались, как и в Кизыл-Арвате, 16 ноября. Были избраны на сходке «военные делегаты», которые работали в дальнейшем в контакте с железнодорожными делегатами. Позже, когда было получено сообщение о походе генерала Прасолова, солдаты роты самовольно разобрали винтовки с целью оказания сопротивления реакционному генералу[4].

Подобные же события произошли на ст. Казанджик среди железнодорожных солдат. 17 ноября, после получения известий о кровавых событиях в ташкентской крепости, солдаты казанджикской железнодорожной команды совместно с железнодорожными рабочими и служащими устроили митинг протеста, где выразили свое негодование в связи с этими событиями. Митинг прошел очень бурно. Железнодорожные солдаты

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 325 а, лл. 262—263.
[2] Там же, ф. 111/с. Турк. воен. окр. суд, д. 157, лл. 3—7.
[3] Там же, ф. 113/с, Судн. часть Штаба ТВО, д. 350, лл. 20—27.
[4] Там же.

объявили забастовку и отстранили подпоручика Гришечко-Климова от заведывания командой[1].

Железнодорожные делегаты в своей переписке по телеграфу сообщали, что всюду по линии Среднеазиатской ж. д. солдаты вполне солидарны с рабочими — вместе с ними бастуют, участвуют на митингах, в демонстрациях и т. п. Например, 17 ноября была разослана по линии телеграмма из Чарджуя за совместной подписью железнодорожных и военных делегатов, в которой говорилось: «Чарджуй глубоко возмущен зверством (в) Ташкенте. Забастовали все вольные и нижние чины дороги и флотилии. Вчера, 16-го, в 7 час. вечера сообща служили панихиду (по) павшим борцам за свободу»[2].

Со станции Джебел железнодорожные делегаты сообщали по линии: «17-го ноября отслужена панихида по злодейски убитым борцам за свободу — нижним чинам Ташкентского резервного батальона. Выражаем негодование. Надеемся, что все опричники будут преданы гласному суду. Забастовка продолжается мирно. Железнодорожный батальон с нами солидарен»[3]. Затем была передана новая телеграмма из Джебела за подписью «Джебельский гарнизон», в которой солдаты требовали «предания ген. Сахарова гласному суду»[4] и т. д.

Революционное движение распространилось и на другие роды войск. В первые же дни после ташкентских событий забастовáл, например, и предъявил требования командованию Закаспийский саперный батальон в Мерве, забастовáла кушкинская военно-телеграфная рота. Солдаты большинства стрелковых частей, хотя и не выступали открыто, однако, сочувствовали забастовочному движению и офицерам стоило больших усилий удерживать солдат от выступления.

Таким образом, ноябрьские события 1905 г. в Туркестане обнаружили солидарность между рабочими и солдатами, общность их интересов и объединяли рабочее революционное движение с революционным движением в войсках.

В статье «Чашки весов колеблются», опубликованной в «Новой жизни» в номере от 18 ноября 1905 г., В. И. Ленин в следующих замечательных словах определил состояние, переживавшееся Россией в середине ноября 1905 г.: «Состояние, переживаемое Россией, — писал он,—часто выражают словом анархия. Это неверное и лживое обозначение выражает на самом деле то, что в стране нет никакого установившегося порядка. Война новой, свободной России против старой, крепостнически-самодержавной, идет по всей линии. Самодержавие

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 113/с, Судн. часть Штаба ТВО, д. 350, лл. 20—27.
[2] Там же, ф. Жанд. полиц. упр. Ср.-Аз. ж. д., д. 15, лл. 98—131.
[3] Там же.
[4] Там же.

уже не в силах победить революции, революция еще не в силах победить царизма. Старый порядок разбит, но он еще не уничтожен, и новый, свободный строй существует непризнанный, наполовину таясь, сплошь да рядом преследуемый оприч-никами самодержавного строя»[1]. Это состояние, переживавшееся Россией в октябре-ноябре 1905 г., В. И. Ленин определил словами «равновесие сил»[2].

Эти ленинские слова в полной мере относятся и к Туркестану, в частности к Закаспийской области. То состояние, которое переживал Туркестанский край в это время, целиком подходит под ленинское определение: равновесие сил, когда царизм «*уже не* в силах,—революция *еще не* в силах победить»[3].

И действительно, положение в Закаспийской области, как и во всем Туркестанском крае, было в это время весьма серьезным, можно сказать,—критическим. Всеобщая стачка фактически остановила всю жизнь в крае; войска заколебались и постепенно переходили на сторону революции. Царские власти растерялись, но вскоре, видя дальнейший подъем революционного движения, встали на путь репрессий.

Прежде всего Сахаров не допустил участия населения в похоронах солдат, расстрелянных в ташкентской крепости в ночь с 15 на 16 ноября. В ответ на требования многочисленных митингов по краю об аресте и предании суду Сахарова—этот последний окружил себя казаками, пушками и пулеметами и перешел к активной борьбе против забастовки.

21 ноября вечером ташкентский вокзал был занят войсками[4], а на следующий день, 22 ноября, командир армейского корпуса генерал Мациевский дал «грозную» телеграмму: «По всей линии до Красноводска, Андижана, Маргелана и Кушки. Начальнику дороги. Начальнику Закаспийской области.— Открыть движение по Средне-Азиатской ж. д. сегодня 22 ноября. Поезд из Ташкента выйдет водяной в 4 ч. 25 м. утра 23 ноября. — Генерал-лейтенант Мациевский»[5]. Вскоре был занят войсками и Асхабадский вокзал.

Однако ни Сахарову, ни Мациевскому не удалось сломить боевой дух революционных рабочих и солдат. Забастовка дружно продолжалась. В ответ на приказ Мациевского об «открытии» дороги полетели десятки телеграмм с протестами и негодованием.

Одновременно с Сахаровым и Мациевским начал с запада свои действия по ликвидации ноябрьско-декабрьской забастов-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 40.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 382.
[3] Там же.
[4] ЦГИА УзССР, ф. Жанд. полиц. упр. Ср.-Аз. ж. д., д. 15, лл. 98—131.
[5] Там же, ф. 11/с, КТГГ, д. 325 а, л. 142.

ки генерал Прасолов — комендант крепости Кушка, получивший за свои «подвиги» в ноябре 1905 г. личную благодарность Николая II.

В связи со всеобщей железнодорожной и почтово-телеграфной забастовкой в середине ноября 1905 г., крепость Кушка, расположенная на самой границе с Афганистаном, оказалась совершенно отрезанной от всего мира. Еще 10 ноября в крепости начались митинги, в которых приняли участие и солдаты. Несмотря на категорическое запрещение Прасолова, на железнодорожном митинге 18 ноября присутствовало около 200 солдат, причем на этом митинге было решено заменить все власти крепости выборными лицами из числа восставших.

В ответ на это генерал Прасолов объявил крепость Кушку на осадном положении, арестовал всех наиболее активных участников, выступавших на митингах, в том числе монтера Симонова, инженера Соколова, поручика Андреева, десятника Морозова, слесаря Лазаренко и др., решил силой восстановить движение на Среднеазиатской ж. д., объявив «крестовый поход» против революции. «Против мятежников, — писал он в приказе, — обуреваемых бесом, мутящих Русь православную и идущих против державного ее царя, — объявляю крестовый поход»[1]. Для этой цели он снарядил карательную экспедицию, которую лично возглавил.

Прасоловская карательная экспедиция сыграла значительную роль в ликвидации ноябрьской всеобщей забастовки в Туркестане. Прасолов дошел со своей экспедицией до Мерва и дальше до Чарджуя, а в сторону Асхабада—до ст. Каахка. Он арестовал Мервский, Чарджуйский и Тедженский стачечные комитеты, арестовывал по пути наиболее активных революционных рабочих и отправлял их в крепость Кушку. Он собирался разогнать в Асхабаде Центральный железнодорожный стачечный комитет, но не успел этого сделать, так как получил приказ вернуться из Каахка обратно в крепость Кушку.

Действия генерала Прасолова, в частности его попытка предать казни инженера Соколова и других, вызвали целую бурю протестов и негодования не только в Туркестане, но и во всей России. Действия Прасолова едва не привели к новой всероссийской железнодорожной забастовке. На всех железных дорогах России выносились резолюции протеста, посылались телеграммы на имя графа Витте, военного министра и министра путей сообщения с требованием отменить смертную казнь над инженером Соколовым и другими, причем ставился ультиматум: в случае приведения приговора в исполнение — немедленно начнется забастовка на дороге. Центральный ко-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 113/с, Судн. часть Штаба ТВО, д. 41, л. 345.

митет Всероссийского железнодорожного союза также пригрозил всеобщей железнодорожной забастовкой.

Царские власти струсили. Уже 22 ноября в 8 часов вечера была отправлена «весьма срочная» телеграмма по всем железным дорогам за подписью министра путей сообщения Немешаева: «По распоряжению военного министра исполнение приговора над Соколовым и другими приостановлено, и дело будет вновь пересмотрено»[1].

Большевистская газета «Новая жизнь» в ряде номеров опубликовала десятки телеграмм протеста, связанных с событиями в Кушке[2]. В редакционной статье «Новая победа революции» «Новая жизнь» писала: «Из печатаемых ниже телеграмм читатели-товарищи узнают о новой победе революции над разлагающимся полицейско-самодержавным режимом. По требованию железнодорожного союза и под угрозой новой всеобщей железнодорожной стачки, правительство отказалось от намерения убить в Кушке инженеров, примкнувших, очевидно, к общему восстанию русского народа. Революция не позволила список бесчисленных преступлений самодержавного правительства увеличить еще одним. Но правительство старого режима, заявлявшее о желании вступить на конституционный путь, фатально, почти непроизвольно, в силу закона инерции, идет по старому пути насилия, эксплуатации и подавления проявлений политической и гражданской свободы.

Все больше и больше разрастается народный протест против правительственного гнета, расширяется и углубляется революционная борьба народа. Телеграммы сообщают, что войска во многих уже городах открыто стали на сторону революционного народа. Борьба становится уже неравной. Не народ восстал против правительства, а правительство идет против народа. Но правительство, восставшее против народа, больше уже не правительство.

Мы приветствуем всех революционных товарищей, борцов за русскую свободу»[3].

В результате и генералу Прасолову не удалось подавить вооруженной силой всеобщую железнодорожную забастовку в Туркестане. Забастовка продолжалась, несмотря ни на что. Однако на помощь царским властям пришел внутренний враг — меньшевистский Центральный стачечный комитет в Асхабаде. Соглашатели из этого комитета приложили все усилия, чтобы сорвать забастовку. Об этом прямо заявил один из активных членов Центрального стачечного комитета Л. Карпенко в

---

[1] «Новая жизнь», № 19, 23 ноября 1905 г.

[2] См. там же, № 19, 20, 22, 23, 24, 25, от 23, 24, 26, 27, 29, 30 ноября 1905 г.

[3] Там же, № 19, 23 ноября 1905 г.

статье, помещенной 1 февраля 1906 г. в местной газете «Асхабад». Он писал: «...Несмотря на искреннее желание служащих, рабочих и администрации дороги продолжать забастовку, комитет лез из кожи, чтобы забастовку закончить и не успокоился до тех пор, пока не достиг цели»[1].

С линии, от тех станционных стачечных комитетов, которые находились под влиянием большевиков, шли протесты против предательской политики Центрального стачечного комитета. Например, делегаты станции Джебел телеграфировали в Центральный комитет (число не указано): «По слухам, вы колеблетесь (в деле) забастовки, что не будет уплочено жалованье. Мы за деньги родину, жизнь, товарищей не отдадим. Поддержитесь, будьте бодры духом»[2].

Из Чарджуя делегаты телеграфировали в Центральный комитет (число не указано): «... Мы, чарджуйцы, твердо решили не соглашаться с мнением Центрального комитета о совместной работе с военными властями по обслуживанию поездов. Или мы или военная власть должна обслуживать военных (из) железнодорожных батальонов. Просим не содействовать другой военной власти и по обслуживанию (на) дороге. Кроме сего мы подведем служащих Амударьинской флотилии, которых вместе с нижними чинами присоединилось (к забастовке) около 800 человек. Если мы, железнодорожники, будем помогать военной власти (по) обслуживанию поездов, то те же власти при (помощи) военной силы заставят нас работать не добившись намеченной цели. Товарищи, просим твердо стоять за забастовку, стоять до конца»[3].

Такие телеграммы шли со всех сторон. Но меньшевистский Центральный стачечный комитет упорно вел свою линию— несколько раз назначал окончание забастовки, призывал рабочих и служащих приступить к работе и, действительно, «из кожи лез», чтобы сорвать забастовку. Это сделать ему удалось лишь 3 декабря 1905 г. С 4 декабря движение восстановилось на Среднеазиатской ж. д. Забастовка на Оренбург-Ташкентской дороге продолжалась несколько дольше—до 9 декабря.

Ноябрьские события 1905 г. были высшей точкой революционного движения в Туркестане и, в частности, в Закаспийской области. После этих событий в Туркестанском крае начался постепенный спад революции.

В. И. Ленин писал в 1906 г. после опыта осени 1905 г.: «Железнодорожная забастовка *есть* восстание, это неоспоримо после декабря» (1905)[4]. Эту истину прекрасно понимали и

---

[1] «Асхабад», № 27, 1 февраля 1906 г.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 325 а, л. 146.
[3] Там же, лл. 172—173.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 100.

царские власти, которые после октябрьской всеобщей стачки с особенной силой обрушились именно на железнодорожные забастовки, пытаясь в первую очередь пресечь возможность проведения подобных стачек. Наряду с железнодорожными забастовками царские власти особенно пугала и почтово-телеграфная стачка. И это совершенно понятно, ибо пути сообщения и средства связи как раз особенно необходимы в моменты острых революционных схваток. Вот почему уже 29 ноября 1905 г. был издан именной царский указ правительствующему сенату, в котором говорилось: «Столь тревожное положение дел обязывает, в случаях прекращения или замешательства в сообщениях железнодорожном и почтовом телеграфном, предоставить местным властям право прибегать к применению чрезвычайных мероприятий без испрошения на то разрешения центральной власти». В целях ликвидации железнодорожных и почтово-телеграфных забастовок царским указом было предоставлено право генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам «собственной властью объявлять... местности... на положении усиленной или чрезвычайной охраны», а в тех местах, где имеются «военные начальники не ниже командиров бригад», объявляется военное положение, а самим «военным начальникам присваиваются права генерал-губернаторов[1]».

Царские указы сыпались в это время как из рога изобилия: 3 декабря был издан «высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах о наказуемости за наиболее опасные проявления участия в забастовках»; 14 декабря — новый царский указ, которым были установлены «правила чрезвычайной охраны на линиях железных дорог»; 20 декабря появилось «высочайше» одобренная «инструкция постоянным и временным комендантам станций и частям войск для поддержания движения на железных дорогах в случае забастовок на них служащих» и т. д. 25 декабря была получена в Ташкенте шифрованная телеграмма председателя совета министров графа Витте: «Я вам советую ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание»[2]. Подобные телеграммы и циркуляры сыпались из Петербурга почти беспрерывно. Контрреволюция явно переходила в наступление.

Однако революция еще поднималась к своей наивысшей точке — к декабрьскому вооруженному восстанию. Поэтому все эти грозные распоряжения царских властей в значительной своей части продолжали оставаться лишь на бумаге.

---

[1] «Русский Туркестан», № 259, 8 декабря 1905 г.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, л. 148.

Несмотря на то, что декабрь 1905 г. прошел в общем спокойно в Туркменистане, рабочие и вообще трудящиеся массы последнего сочувственно относились к тому, что происходило во всей остальной России. Например, после подавления московского вооруженного восстания немедленно же начался в Закаспийской области сбор денежных средств в пользу семей рабочих—жертв героического восстания. Так, во время одного из обысков в Асхабаде уже в январе 1907 г. были найдены полицией у Первышева дела железнодорожного союза, в которых обнаружена денежная отчетность союза. В донесении по этому поводу начальник жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д. указывал: «...Обращает на себя внимание пожертвование... в пользу семейств железнодорожных служащих, расстрелянных карательными отрядами на ст. Люберцы, Перово, Голутвино, Сортировочная Московско-Казанской дороги (63 р. 94 коп.)»[1].

Несколько статей посвятила московскому вооруженному восстанию вскоре закрытая революционная асхабадская газета «Средне-Азиатский курьер». Например, в номере от 20 декабря 1905 г. она поместила статью: «Слава борцам за свободу», в которой писала: «Пожар революции охватывает все больше и больше нашу дорогую родину. Москва—это сердце России—открыто бросила вызов врагу народа—нашему правительству. Пламя ненависти к вам, хищники, разрастается. Идет бой на баррикадах. Милые, дорогие нашему сердцу, далекие товарищи и братья! Из глухих степей Средней Азии шлем борцам за свободу наш привет. Вы решились умереть или добиться счастья, свободы и правды для народа...».

Несмотря на то, что железнодорожные рабочие Туркменистана не принимали участия в декабрьской всероссийской железнодорожной забастовке, все же и в декабре 1905 г. еще продолжались здесь серьезные революционные выступления. В Асхабаде и других городах Закаспийской области происходили бурные митинги. С 16 по 18 декабря в кизыл-арватских железнодорожных мастерских имело место серьезное волнение среди рабочих в связи с объявлением администрации о том, что будут сделаны удержания из зарплаты за дни ноябрьской забастовки[2]. Железнодорожные рабочие подвергали бойкоту ненавистных им администраторов, например, рабочие кизыл-арватских мастерских объявили бойкот начальнику мастерских[3] и т. д.

---

[1] См. рукописный фонд Узбекистанского филиала ИМЛ, Р—1902, лл. 17—28.

[2] См. ЦГИА УзССР, ф. 113/с, Судн. часть Штаба ТВО, д. 41, лл. 244—246.

[3] См. «Русский Туркестан», № 276, 30 декабря 1905 г.

18 декабря на вокзале станции Асхабад произошла демонстрация железнодорожных рабочих и горожан в связи с прибытием арестованных по распоряжению генерала Прасолова членов железнодорожных стачечных комитетов в Мерве и Чарджуе. Демонстрация оказалась настолько внушительной, что растерявшиеся власти уже на следующий день утром освободили всех арестованных. Накануне перед этим, 17 декабря, на вокзале станции Асхабад также происходила демонстрация... «...Уезжали,—писала газета «Средне-Азиатский курьер» в номере от 28 декабря 1905 г., — вышедшие в запас армии низшие чины железнодорожного батальона. Провожать их явилось много как солдат, так и рабочих депо. Затянули нашу марсельезу, в которой приняли горячее участие и мы — рабочие депо. И вдруг... является подполковник г. Якубовский и начинает увещевать солдат не петь этой «неприличной» песни, но солдаты, конечно, не переставали и, наоборот, продолжали петь и потребовали немедленного удаления названного подполковника криками: «Долой Якубовского...». После этого солдаты опять запели марсельезу и песни, посвященные освободительному движению. Наступило время прощания... Едва только тронулся поезд, как среди отъезжающих развился красный флаг с белыми буквами: «Да здравствует солдатская свобода!» и вместе с этим дружно грянула «рабочая марсельеза».

Значительным событием декабря 1905 г. в Туркменистане был созыв и проведение «Первого делегатского съезда служащих Средне-Азиатской железной дороги»[1], который происходил в Асхабаде с 13 по 20 декабря 1905 г. На съезде присутствовали делегаты от следующих железнодорожных станций Среднеазиатской ж. д.: от Красноводска, Казанджика, Кизыл-Арвата, Бахардена, Асхабада, Душака, Мерва, Чарджуя, Самарканда, Черняево, Ташкента, Ходжента, Коканда и Андижана. Съезд разрешил ряд организационных вопросов и упорядочил работу железнодорожного союза на Среднеазиатской ж. д. В заключение был избран впервые Центральный комитет союза от всей дороги в составе 11 членов, взамен существовавшего до этого временного Центрального комитета, избранного на собрании железнодорожников одного лишь г. Асхабада.

Революционный подъем осенью 1905 г. дал огромный толчок к дальнейшему оформлению и развитию социал-демократических организаций Туркменистана. Они быстро укреплялись и закалялись в огне революционных битв. Наиболее крупные и оформившиеся из этих организаций (Асхабадская, Кизыл-Арватская) продолжали поддерживать довольно интен-

---

[1] См. Протоколы съезда. — ЦГИА УзССР, ф. Жанд. полиц. упр. Ср.-Аз. ж. д., д. 15, лл. 132—135.

сивные связи с центральными органами партии и социал-демократическими организациями других городов, главным образом, Кавказа (Баку, Тифлис). Велась также переписка и посылались корреспонденции в большевистские газеты «Пролетарий», «Новую жизнь», кавказскую «Борьбу пролетариата». Неоднократно полиция находила во время обысков у членов социал-демократических групп большевистскую литературу и листовки: вышеуказанные большевистские газеты, ленинскую «Искру», журнал «Зарю», газету «Вперед», а также произведения В. И. Ленина.

К концу 1905 — началу 1906 г. социал-демократические организации существовали уже в большинстве городов Закаспийской области: в Асхабаде, Кизыл-Арвате, Казанджике, Чарджуе, Мерве и Красноводске.

Во многих гарнизонах были созданы также военные организации РСДРП.

Например, в Асхабаде уже в середине 1905 г. существовал, как уже сказано, «Солдатский комитет РСДРП» (позже переименованный в «Военную организацию Асхабадского гарнизона»), который вел работу в войсках, выпускал прокламации, обращенные к солдатам и т. д., а с июля 1906 г. начал даже издавать подпольную газету «Солдат». Военно-революционные организации при социал-демократических группах имелись и в других городах — в Чарджуе, Мерве, Красноводске и т. д. В крепости Кушка существовала с 1905 г. самостоятельная социал-демократическая военная организация. С начала 1906 г. Кизыл-Арватская группа РСДРП начала издавать свою нелегальную газету «Молот» (рабочий листок), печатавшуюся в собственной подпольной типографии группы, причем всего вышло 5 номеров газеты (тираж каждого номера—от 1000 до 3000 экземпляров). Газета эта весной 1906 г. имела большевистское направление.

По мере развития и оформления местных социал-демократических групп становилось все более и более ощутимым отсутствие единого руководящего центра социал-демократической работы в Туркестане. Поэтому Ташкентская группа РСДРП фактически становится в это время руководящим и организующим центром, чему способствовало не только центральное положение Ташкента, но и существование там крупной оформившейся организации. Сюда обращались из многих пунктов Туркестана с различными запросами, просьбами о присылке литературы, организаторских и пропагандистских сил.

В августе 1905 г. была сделана первая попытка объединения разбросанных по всему краю социал-демократических организаций. Однако на конференцию в Ташкент приехали делегаты лишь от закаспийских организаций (Кизыл-Арватской, Асхабадской и Чарджуйской), вследствие чего конфе-

ренция не смогла состояться. Эта первая встреча представителей социал-демократических организаций Туркестана принесла, впрочем, известную пользу: делегаты информировали друг друга о работе, поделились опытом, обменялись адресами, шифрами и т. д.

Только в начале 1906 г. представилась, наконец, возможность объединить разрозненные социал-демократические группы и организации Туркестана и закрепить за Ташкентом его руководящее и организующее значение. По инициативе Ташкентской группы РСДРП собралась в конце февраля 1906 г. I конференция туркестанских организаций РСДРП. Приглашения были посланы девяти наиболее крупным и оформившимся организациям края, из которых прибыли на конференцию делегаты лишь от 6 организаций (Ташкентской, Асхабадской, Кизыл-Арватской, Чарджуйской, Самаркандской и Маргеланской); остальные три организации (Мервская, Красноводская и Перовская) не прислали своих делегатов.

Конференция носила в основном учредительный характер и разрешила ряд организационных вопросов. Местные партийные группы, переименованные теперь в организации, были объединены в «Союз туркестанских организаций РСДРП» во главе с «Союзным комитетом», который и был избран конференцией из состава Ташкентской группы РСДРП. На Союзный комитет была «возложена руководящая роль при общих выступлениях, издание литературы для края, помощь организациям пропагандистскими и агитаторскими силами, объезд организаций, объединение работы, информационные обязанности и установление связей с центральными учреждениями партии»[1]. Местные партийные организации, входившие в Союз, обязаны были отчислять 30% своего бюджета на нужды Союзного комитета. Конференция постановила превратить орган Ташкентской группы РСДРП—газету «Рабочий» в орган Союза туркестанских организаций РСДРП, а солдатский листок — «Правду» — в орган всех военно-революционных организаций Туркестанского края.

Таким образом, конференция внесла известное упорядочение в партийную работу и установила связи между отдельными организациями края. Вместе с тем было решено установить постоянную связь с общепартийными центральными учреждениями. После конференции Союз туркестанских организаций РСДРП официально вошел в РСДРП, подчинившись на общих основаниях центральным органам партии. Туркестанские организации впервые посылают своих делегатов на общепартийные съезды и конференции РСДРП—на IV (Объе-

---

[1] «Хроника» № 12 за январь 1907 г. (ИМЛ, шифр ЦУГ-Х 928).

динительный) съезд, на V (Лондонский), на II конференцию РСДРП в Таммерфорсе в ноябре 1906 г. и т. д.

Помимо организационных вопросов, конференция заслушала отчетные доклады местных партийных групп об их работе и приняла целый ряд решений преимущественно по вопросам тактики: о профессиональных союзах, об отношении к либералам, октябристам и другим политическим партиям, об отношении к эсерам, об отношении к Государственной думе, о всеобщей политической стачке, о работе среди солдат, о работе среди учащихся, о постановке работы среди местного коренного населения, о политике правительства и политике рабочих, о вооруженном восстании, о терроре и т. д.

Созывом I конференции туркестанских организаций РСДРП заканчивается, по сути дела, первый организационный период в жизни социал-демократических огранизаций Туркестана и Закаспийской области — период их возникновения и оформления.

Основная масса туркестанских рабочих социал-демократов шла за большевиками. Правда большевистских лозунгов побеждала в среде революционно настроенных туркестанских рабочих. Издававшиеся в Средней Азии, в том числе в Закаспийской области, особенно в первый период, листовки и другая нелегальная литература в большинстве своем отражали большевистские лозунги и пропагандировали большевистскую тактику.

В противоположность меньшевистской тактике о созыве Учредительного собрания через «законно-избранную» Государственную думу путем «давления» на нее извне, социал-демократические организации Закаспийской области, как и всего Туркестана, пропагандировали и боролись за большевистскую тактику созыва всенародного Учредительного собрания путем вооруженного восстания и свержения царизма.

В противоположность меньшевистской тактике поддержки либеральной буржуазии, туркестанские и закаспийские социал-демократические организации неоднократно по-большевистски ставили вопрос о нейтрализации этой буржуазии в буржуазно-демократической революции, об отказе в какой-либо поддержке кадетам. Также по-большевистски ставили и разрешали туркестанские и закаспийские социал-демократические организации вопросы о гегемонии рабочего класса в буржуазно-демократической революции, о крестьянстве как главном союзнике пролетариата, о диктатуре пролетариата и т. д.

По листовкам и прочей литературе, выпускавшейся туркестанскими и закаспийскими социал-демократическими организациями, можно совершенно отчетливо проследить большевистскую тактическую линию III съезда РСДРП. Правда, в некс-

торых листовках проскальзывали иногда и отдельные меньшевистские положения, однако это было в общем редким явлением.

2. Туркменистан в период отступления революции (1906—1907 гг.)

а) Месяцы относительного революционного затишья в Туркменистане (январь—апрель 1906 г.)

Известно, что В. И. Ленин делил революцию 1905—1907 гг. на два периода: первый период—период бурного подъема революции (1905 г.), когда революция шла по восходящей линии своего развития, и второй период—период постепенного отступления революции, период ее упадка (1906—1907 гг.), когда революция шла уже по нисходящей линии.

Однако это отступление революции в 1906—1907 гг. вовсе не было сплошным отступлением и только отступлением. Поражение декабрьского восстания отнюдь не означало еще полного поражения революции. И действительно, уже в конце весны и летом 1906 г., после короткого периода затишья начался новый подъем революционной волны, началась новая полоса массовых стачек, солдатских восстаний, крестьянских волнений. Однако этот новый подъем революции был значительно ниже того мощного революционного взрыва, который потрясал самодержавие в октябре — декабре 1905 .; в целом революция уже клонилась к упадку, так как передовые слои рабочих (прежде всего, металлисты), развив всю свою революционную энергию в начале движения, исчерпывают свои силы уже к концу 1905 г.[1].

Новый подъем революции летом 1906 г. к концу этого года снова сменяется полосой упадка и свирепого разгула реакции. Однако к весне 1907 г. опять в стране начинается революционный подъем, который уже к лету заканчивается общим поражением революции и третьеиюньским контрреволюционным переворотом.

И все же, несмотря на значительный размах революционного движения во время подъемов весны и лета 1906 и весны 1907 г., для всего периода (1906—1907 гг.) характерно систематическое наступление реакции и постепенное отступление революции. Рассматривая уроки «второго периода русской революции 1906 и 1907 гг.», В. И. Ленин указывал в июле 1907 г., что «систематическое наступление реакции и отступ-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 370 и 375.

ление революции..., происходило весь этот период...»[1]. Революционные подъемы в этот период В. И. Ленин рассматривал, как попытки сил революции приостановить отступление и снова перейти в наступление. Эти подъемы фактически были лишь перерывами, приостановками отступления[2].

В. И. Ленин неоднократно указывал на два революционных подъема, которые потрясали самодержавие в период отступления революции 1905—1907 гг., как важнейшие события в истории русской революции. «Открытая рабочая печать,—писал В. И. Ленин в апреле 1914 г., — появлялась во все три периода подъема и сравнительной «свободы»: и осенью 1905-го года..., и весной 1906-го года..., и весной 1907-го года»[3].

Весенне-летнему подъему революции в 1906 г. В. И. Ленин придавал большое значение и ставил его на второе место после октябрьско-декабрьских событий 1905 г., расценивая этот подъем как продолжение декабрьского вооруженного восстания (1905 г.)[4], как «репродукцию» революционных событий 1905 г.[5]. Например, в 1909 г. В. И. Ленин указывал на «такие крупнейшие моменты, когда открытая революция достигла своего апогея,—осенью 1905 и летом 1906 г.»[6] и т. д.

Итак, как и всюду в России, после поражения декабрьского вооруженного восстания в Москве и других районах страны наступил и в Туркменистане кратковременный период относительного революционного затишья, который продолжался здесь с конца декабря 1905 г. по конец апреля 1906 г. Началось медленное, с боями, отступление революции и наступление реакции. Получая из Петербурга многочисленные циркуляры и распоряжения о подавлении революции, царские власти в Закаспийской области принялись за подавление «крамолы». Начались поголовные обыски, аресты, высылки и увольнения большевиков и революционно настроенных рабочих. Судебные расправы следовали одна за другой. По одному лишь подозрению хватали иногда совершенно невинных людей и расправлялись с ними по собственному усмотрению. С начала 1906 г. установился по всему краю (как и в остальной России) режим полицейского террора. Никто не был гарантирован в том, что его неожиданно не схватят и не поволокут в тюрьму.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 44.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 379.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 229.
[4] См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 7.
[5] См. В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 247.
[6] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 304.

Об этой атмосфере полицейского террора, произвола и неуверенности «обывателя» (как говорили в старину) в завтрашнем дне лучше всего говорят корреспонденции, помещавшиеся в то время в большевистских газетах «Русский Туркестан» и «Самарканд»[1], в газете «Асхабад» и других. Вот, например, корреспонденция из Асхабада, помещенная 17 января 1906 г. в газете «Русский Туркестан» под ироническим заголовком: «Наша конституционная идиллия»[2]. «С 1-го января 1906 года все те «свободы», которыми мы со времени манифеста пользовались..., — читаем в этой корреспонденции, — исчезли как по мановению волшебного жезла. Весь Асхабад—кроме разве полицейских в мундирах и без мундиров — возмущены до глубины души проявленным в эти последние дни произволом!... Весь город в страшно напряженном состоянии. На улице — казаки, солдаты, офицеры и полицейские..., а жители, убираясь в комнаты, чего-то ждут... Некоторые даже уезжают из Асхабада. Одним словом, водворился «порядок» и «успокоение»... 7-го января с утра начались в городе поголовные обыски. Офицеры, солдаты, вооруженные с ног до головы, во главе каких-то полицейских, врываются в квартиры и перерывают в доме все вверх дном в поисках оружия и прокламаций... Вместе с тем, издается одно постановление за другим, запрещающие собрания, митинги, шествия... Обыватель недоумевает...». Такие же массовые обыски, облавы, аресты происходили и в других городах Закаспийской области — в Кизыл-Арвате, Чарджуе, Мерве, Красноводске и т. д.

Царские репрессии всей своей тяжестью обрушились, естественно, прежде всего на передовой отряд рабочего класса в Туркестане — на железнодорожных рабочих. Именно по отношению к ним царизм был особенно беспощаден. В январе 1906 г. начальником Среднеазиатской ж. д. генералом Ульяниным была учреждена в Асхабаде следственная комиссия, которая рьяно принялась за расследование «обстоятельств ноябрьской забастовки». Специальные «тройки» в составе двух членов комиссии и одного «представителя полицейской власти»[3] разъехались по линии Среднеазиатской ж. д. для производства следствия. В результате этой «работы» десятки и сотни революционно настроенных рабочих были уволены с железной дороги, арестованы или высланы из Туркестана.

Наряду с политическим наступлением на рабочий класс Туркестана и Закаспийской области (прежде всего, на рабо-

[1] Вопрос о партийной принадлежности этих двух газет является спорным и подлежит уточнению в дальнейшем. Помимо большевиков, в них сотрудничали также трудовики, эсеры и анархисты.—*Прим. ред.*

[2] «Русский Туркестан», № 12, 17 января 1906 г.

[3] «Асхабад», № 53, 5 марта 1906 г.

чих-железнодорожников), шло в это время наступление на рабочий класс и в экономической области. Царизм и предприниматели пытались отобрать у рабочих то, что они завоевали в 1905 г. Снова повышался рабочий день, снова снижалась заработная плата рабочих и т. д. Отреклась администрация Среднеазиатской ж. д. и от всех своих обещаний, данных железнодорожным рабочим во время октябрьской и ноябрьской стачек.

Период относительного революционного затишья (январь—апрель 1906 г.) не был, однако, лишь сплошным наступлением контрреволюции. Рабочие, хотя и отступали, но отступали с боями; они готовили, копили силы для нового наступления на царизм. Не могло быть и речи о том, будто рабочие и вообще революционные силы уже разбиты, как об этом трубили меньшевики. Царские репрессии отнюдь не испугали рабочих, не заставили их отказаться от дальнейшей борьбы. И для этого периода (т. е. начала 1906 г.), как и для 1905 г., можно повторить слова В. И. Ленина: «Репрессии не принижали, а расширяли движение»[1].

Еще на 1-м съезде железнодорожного союза в Асхабаде в декабре 1905 г. было принято решение ввести явочным порядком со 2 января 1906 г. по всей линии Среднеазиатской ж. д. 8-часовой рабочий день, поскольку царские власти отказывались удовлетворить это требование рабочих. И это решение в важнейших центрах Среднеазиатской ж. д. рабочие стали проводить в жизнь, невзирая на репрессии. В номере от 3 января 1906 г. «Русского Туркестана» сообщалось: «Со 2-го января во всех мастерских Средне-Азиатской ж. д. рабочими и служащими решено ввести восьмичасовой рабочий день. По истечении 8-ми часов работы рабочие прекращают ее и удаляются по домам»[2]. Газета «Самарканд» в номере от 5 января 1906 г. сообщала: «Стачечный комитет Средне-Азиатской ж. д. постановил о явочном порядке введения 8-часового рабочего дня на всей железной дороге. В настоящее время означенное постановление провели в жизнь на станциях: Ташкент, Чарджуй и Асхабад»[3].

Демонстративные панихиды «по павшим борцам», а кое-где митинги и демонстрации были проведены во многих городах Закаспийской области в годовщину «кровавого воскресенья» — 9 января 1906 г. Этот день был отмечен в Асхабаде, Кизыл-Арвате и других городах.

В период относительного революционного затишья (январь—апрель 1906 г.) в Закаспийской области произошло несколь-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 11.

[2] «Русский Туркестан», № 2, 3 января 1906 г.

[3] «Самарканд» № 4, 5 января 1906 г. (газета ошиблась: это было постановление не стачечного комитета, а декабрьского железнодорожного съезда в Асхабаде).

ко забастовок и других революционных выступлений. Например, в ночь с 5 на 6 апреля было произведено вооруженное нападение на пироксилиiный склад в Асхабаде, причем между нападавшими и караулом, состоявшим из 9 человек, завязалась ожесточенная перестрелка; на помощь караулу было брошено подкрепление в 15 солдат. Только после этого нападение было отбито[1].

В телеграмме начальника Закаспийской области на имя туркестанского генерал-губернатора от 13 января 1906 г. есть указание на то, что в начале января в депо станции Асхабад происходила забастовка. Здесь сказано, между прочим, что в Асхабаде «рабочие депо приняли требования начальника дороги, сегодня стали все (на) работу»[2]. Что это была за забастовка, нам, однако, не удалось обнаружить никаких указаний ни в архивных документах, ни в прессе того времени.

22 февраля началась забастовка в железнодорожном депо станции Красноводск. Рабочие забастовали вследствие несвоевременной уплаты им заработка, причем все увещания железнодорожной администрации оказались бесполезными. Забастовка была подавлена силой: станция и депо были заняты войсками и 16 «зачинщиков» были арестованы. Благодаря этим мерам работа в депо возобновилась уже на следующий день— 23 февраля[3].

Кизыл-арватские железнодорожные рабочие, не стерпев издевательств со стороны администрации дороги и, в частности, со стороны начальника мастерских инженера Коваля, объявили бойкот последнему, а также механику телеграфа Кискевичу и бухгалтеру Кушниру, которые особенно издевались над ними[4]. В результате, они добились того, что уже в середине апреля инженер Коваль был переведен из Кизыл-Арвата «в виду объявленного рабочими ему бойкота»[5].

Большевики Туркменистана в период относительного революционного затишья настойчиво готовили массы к борьбе — к новому удару по самодержавию. В этот период начала издаваться в Кизыл-Арвате подпольная газета «Молот» (рабочий листок) — орган Кизыл-Арватской группы РСДРП. Во множестве издавались в это время листовки, в которых большевики Закаспийской области призывали массы готовиться к предстоящей борьбе, предостерегали массы от увлечения конституционными иллюзиями, звали их на улицу.

---

[1] «Русский Туркестан», № 60, 7 апреля 1906 г.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, л. 171.
[3] См. «Русский Туркестан», № 31, 44 и 50, 26 февраля; 14 и 21 марта 1906 г.
[4] См. там же, № 54, 25 марта 1906 г.
[5] Там же. № 69, 18 апреля 1906 г.

б) Новый подъем революции в Туркменистане летом 1906 г.

К маю 1906 г. начало снова нарастать революционное движение в Туркестане, в частности в Закаспийской области. Накануне дня 1 мая 1906 г. Союзный комитет туркестанских организаций РСДРП выпустил листовку «Пролетарский праздник», в которой призвал рабочих отметить забастовкой меж-

Газета „Молот".

дународный день пролетарской солидарности[1]. Асхабадская организация РСДРП также выпустила прокламацию «Первое мая»[2]. В результате, почти во всех крупных городах Закаспийской области (в Асхабаде, Чарджуе, Кизыл-Арвате и др.) рабочие бастовали, устраивались маевки и т. д.

С мая 1906 г. революционное движение среди железнодорожных рабочих Туркменистана стало заметно нарастать. В Асхабаде еще в середине апреля состоялось несколько собраний уволенных с железной дороги за ноябрьскую забастовку рабочих, съехавшихся со всего Туркестана. Они приняли решение не брать расчета и добиваться восстановления на свои прежние места незаконно уволенных. С мая 1906 г. это дви-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охр. отд., д. 2277, л. 73.

[2] См. ЦГИАМ. ф. 102, Департ. полиц., Ос. отд., оп. 7, д. 5, ч. 65, 1906 г., Листовка № 5255.

жение за восстановление уволенных с железной дороги и за возвращение удержанной с рабочих зарплаты за забастовочные дни приняло значительно большие размеры.

В начале июля 1906 г. «общим собранием рабочих и служащих Мерва» было вынесено следующее постановление: «Требуем немедленно принять всех уволенных за забастовку с восстановлением в правах, уплатить жалованье за безработное время, перевести обратно на свои места насильственно перемещенных управлением, принять обратно в депо Мерв инженера Васильева и уплатить всем вычеты за дни забастовки»[1].

Но особенно крупные события произошли в Асхабаде. Часть уволенных рабочих и служащих со Среднеазиатской ж. д. за ноябрьскую политическую забастовку совместно с представителями от кизыл-арватских главных мастерских, депо Казанджик, депо Асхабад и Управления дороги 1 июля предъявили в ультимативной форме начальнику дороги генералу Ульянину следующие требования: 1) принять немедленно всех уволенных за забастовку и политические убеждения обратно на работу на свои прежние места, 2) восстановить их в служебных правах, 3) уплатить за дни забастовки и 4) перевести обратно на свои прежние места всех насильственно перемещенных Управлением дороги. Рабочие заявили, что будут ждать ответа до 3 июля.

3 июля состоялось заседание Общего присутствия управления Среднеазиатской ж. д., на котором рассматривались эти требования рабочих. Часть уволенных была принята обратно. Однако это не удовлетворило рабочих, поэтому их уполномоченные в тот же день, 3 июля, отправили генералу Ульянину письмо, в котором писали: «Обсудив постановление Общего присутствия от 3 сего июля, мы пришли к заключению, что некоторые пункты этого постановления не полны, не ясны и по существу не удовлетворяют предъявленным требованиям». Поэтому рабочие снова потребовали от администрации дороги точного исполнения всех пунктов, указанных в их требованиях от 1 июля[2].

Борьба рабочих под руководством большевиков за восстановление уволенных с дороги за ноябрьскую забастовку, за выплату удержанных денег, за дни забастовки носила весьма упорный и даже ожесточенный характер. И рабочие добились здесь, хотя и частичных, но все же весьма существенных результатов. Под напором требований рабочих царские власти вынуждены были вернуть на дорогу громадное большинство уволенных, в том числе даже видных членов стачечных коми-

---

[1] «Асхабад», № 152, 6 июля 1906 г.
[2] Там же.

тетов. Рабочие добились назначения новой комиссии под председательством инженера Шелковского для пересмотра решений комиссии Окунева и т. д.

Вообще с мая по сентябрь 1906 г. рабочие-железнодорожники упорно боролись за улучшение своего быта, за увеличение заработной платы, за установление 8-часового рабочего дня.

Еще 15 мая заведующий полицейской частью в Кизыл-Арвате доносил в Асхабад, что в кизыл-арватских главных железнодорожных мастерских идет волнение среди рабочих, которые не желают приступать к работе по новым расценкам, недостаточно повысившим их зарплату; он сообщал, что возможна забастовка на этой почве. «Доношу,—писал он в своем рапорте,—что 11, 12 и 13 мая рабочие обсуждали вопрос о расценках в мастерских по цехам и даже произвели закрытую баллотировку, результаты которой показали, что подавляющее большинство стоит за то, чтобы не приступить к работам по расценкам, объявленным в приказе по дороге (по этим новым расценкам рабочие должны были приступить к работе с 23 мая)»[1].

Добились железнодорожные рабочие обеих дорог и введения 8-часового рабочего дня. На Среднеазиатской ж. д. администрация уже с 15 мая 1906 г. ввела в железнодорожных мастерских (правда, лишь на три летние месяцы) 8-часовой рабочий день.

Значительную роль в борьбе железнодорожных рабочих Туркестана весной и летом 1906 г., точно так же как и во время октябрьской и ноябрьской (1905 г.) железнодорожных забастовок, сыграл железнодорожный союз (Туркестанский отдел Всероссийского железнодорожного союза), организованный на обеих железнодорожных линиях Туркестана еще в 1905 г. и находившийся до осени 1906 г. под полным влиянием социал-демократов, причем в низовых органах союза преобладало большевистское влияние.

После состоявшегося в середине декабря 1905 г. в Асхабаде 1-го делегатского съезда Среднеазиатской ж. д., с началом периода затишья и наступления реакции, железнодорожный союз в Туркестане фактически прекратил свое существование. Наиболее активные деятели этого союза были удалены с железной дороги, распались как Центральный комитет союза, так и его районные комитеты. Вместе с тем в прошлом не было организационной связи с комитетами железнодорожного союза, существовавшими на другой железнодорожной магистрали края — на Оренбург-Ташкентской ж. д. Новый революционный подъем лета 1906 г. дал новый толчок к возрож-

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 242/с, лл. 22—23.

дению союза. Инициативу в деле восстановления союза взяла на себя Ташкентская организация РСДРП, находившаяся тогда в руках большевиков. Она решила созвать 1 июля в Ташкенте железнодорожный съезд.

На этот съезд прибыло всего 34 делегата от железнодорожных рабочих и служащих обеих дорог, из них от Закаспийской области—14 человек: от Асхабада—5, от Казанджика—3, Мерва—2, Чарджуя—2, Кизыл-Арвата—1 и Кушки—1. Кроме того, на съезде присутствовали с правом совещательного голоса представители от политических партий: 7 представителей от организаций РСДРП (от Ташкентской организации — 4 и по одному от Андижанской, Маргеланской и Бухарской), 2—от Ташкентского комитета партии социалистов-революционеров, 2—от Ташкентской трудовой группы и 1—от союза военнослужащих.

Таким образом, этот съезд был первым Туркестанским съездом двух железных дорог: Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской. На повестке дня стояло 5 вопросов: 1) доклады товарищей о положении на местах, 2) доклад о целях и задачах съезда, 3) современный политический момент, тактика общая, отношение ко всем революционным партиям и группам, забастовка, вооруженное восстание, 4) обсуждение Устава союза и 5) проведение революции на местах. В силу особой секретности, прения и резолюции по вопросам о вооруженном восстании и о «проведении революции на местах», по постановлению съезда, не были занесены в протокол.

Важнейшим делом съезда явилось принятие устава Туркестанского отдела Всероссийского железнодорожного союза. В уставе была разработана новая структура руководящих органов железнодорожного союза в Туркестане. Низовыми органами по-прежнему оставались районные комитеты. Вместо центральных комитетов на обеих железнодорожных линиях (на Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской) создавались областные комитеты. В целях объединения железнодорожных организаций на обеих дорогах, а также для общего руководства и распоряжения обеими линиями в момент революционных выступлений— создавался Узловой комитет из представителей от обеих туркестанских железных дорог с местопребыванием в г. Ташкенте. Уставом предусматривалась тесная связь как районных, так и областных и узлового комитетов железнодорожного союза «с местными организациями и группами революционных партий», а в Узловой комитет даже предусматривалось вхождение в качестве членов этого комитета «представителей от революционных партий и групп, количество которых предоставляется усмотрению узлового комитета»[1].

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 113/с, Судн. часть штаба ТВО, д. 60, лл. 5—6.

На основе этого устава было создано на обеих железных дорогах (в пределах Туркестана) 16 районных комитетов железнодорожного союза, из них на территории Туркменистана—7: в Красноводске, Казанджике, Кизыл-Арвате, Асхабаде, Кушке, Мерве и Чарджуе. В Асхабаде находился кроме того Областной комитет железнодорожного союза, который руководил всей работой союза на Среднеазиатской ж. д. от Красноводска до Ташкента и Андижана (в Асхабаде помещалось Управление этой дороги).

В некоторых крупных железнодорожных центрах Туркестана районные железнодорожные комитеты были преобразованы в 1906 г. в «Революционные комитеты» или «Советы рабочих депутатов». Например, в Перовске железнодорожный районный комитет носил название «Перовского революционного комитета»[1], а в Кизыл-Арвате—«Совета Рабочих депутатов». На июльском железнодорожном съезде (1906 г.) в Ташкенте кизыл-арватский делегат говорил: «В Кизыл-Арвате с октября месяца (1905 года) существует союз, насчитывающий в своей среде 1000 человек. Сначала союзом руководил комитет, а затем функции последнего перешли к Совету рабочих депутатов»[2]. Об этом же говорилось и позже—на 2-й конференции закаспийских организаций РСДРП в феврале 1907 г.: «Организован Совет рабочих депутатов, беспартийный...»[3] — докладывал делегат конференции от Кизыл-Арвата. Есть указания на то, что Совет рабочих депутатов выпускал даже листовки. Так например, во время обыска, произведенного в августе 1906 г. в крепости Кушка у социал-демократов Беляева и Эвтифеева, были найдены: «3 экз. воззвания Кизыл-Арватского Совета рабочих депутатов «Ко всем рабочим Средне-Азиатской Казенной ж. д.», в котором рабочие названной дороги призываются к объединению и организации, дабы совместно с российскими товарищами рабочими поддержать народных представителей и силою, путем всеобщего народного восстания, взять власть в народные руки»[4]. Совет рабочих депутатов был организован в июне 1906 г. и в ташкентских железнодорожных мастерских[5].

Весной и летом 1906 г. начали организовываться в Туркестане и Закаспийской области различные профессиональные союзы и общества.

Одной из весьма существенных особенностей революционного движения летом 1906 г. было быстрое втягивание в дви-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 6, д. 2, лл. 336. Показания бывш. председателя «Перовского революционного комитета» Новоковского.

[2] Там же, ф. 133, Прок. Ташк. Суд. Палаты, д. 481, лл. 27—34.

[3] Там же, лл. 11—13.

[4] Там же, ф. 133, Прок. Ташк. Суд. Палаты, д. 496, лл. 8—10.

[5] См. «Русский Туркестан», № 127, 29 июня 1906 г.

жение царской армии, причем не только железнодорожных войск и некоторых других, главным образом, технических частей, как это было в 1905 г., но и многих стрелковых батальонов. Другой важнейшей особенностью была довольно тесная связь между восставшими войсками и рабочими, их взаимная солидарность.

Движение в войсках Туркестанского военного округа и военные восстания с новой силой развернулись в июне—июле 1906 г., причем особенно сильным революционное движение в войсках было в Асхабаде, Ташкенте и Красноводске.

В Асхабаде с 13 по 18 июня был охвачен волнениями целый ряд воинских частей. Дело началось с того, что 13 июня солдаты 2-го Закаспийского стрелкового батальона, вооружившись винтовками и боевыми патронами, вызвали к себе командира батальона и заявили ему, что не дадут привести в исполнение приговор батальонного суда об отдаче в дисциплинарный батальон трех солдат. Кроме того, солдаты в ультимативной форме предъявили командиру 35 требований, касавшихся улучшения быта и облегчения службы. Когда к 15 июня требования выполнены не были, солдаты удалили из батальона командира и всех офицеров и на их место выбрали новых начальников из своей среды.

В этот же день, 15 июня, солдаты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, бросив работу, собрались на митинг, на котором было решено предъявить командиру батальона ряд требований. Опасаясь, чтобы движение среди железнодорожных солдат не превратилось в железнодорожную забастовку, царские власти для подавления движения выслали 16 июня на ст. Асхабад 3-й Закаспийский стрелковый батальон. Узнав об этом, солдаты железнодорожного батальона силой захватили оружие и боевые патроны, смешались с рядами солдат стрелкового батальона и стали уговаривать их не идти против своих братьев—железнодорожных солдат. В результате, *3-й стрелковый батальон был приведен в такое состояние,* что командир батальона поспешил увести его обратно в казармы. После этого начались волнения и в 3 стрелковом батальоне, причем дело чуть не дошло до восстания.

В то же время, 16 июня, солдаты Кушкинской полевой железнодорожной роты, обслуживавшие фирюзинскую ветку Среднеазиатской ж. д., прекратили работу, собрались в лагерь и, захватив оружие и патроны, заставили командира и всех офицеров удалиться из роты. На следующий день был предъявлен командиру роты ряд требований. Солдаты заявили, что силою оружия воспротивятся всякой попытке к подавлению их движения.

16 июня произошли волнения среди солдат 5-й горной батареи в Чарджуе и Асхабадского артиллерийского склада. По-

следние потребовали прекращения работы и ушли на митинг к восставшему 2-му Закаспийскому стрелковому батальону.

Движение в войсках Асхабадского гарнизона, таким образом, все разрасталось и грозило принять весьма широкие размеры. Командованием было решено тогда подавить это начавшееся восстание вооруженной силой, ибо все мирные средства, по мнению царских властей, были исчерпаны[1]. Предполагалось использовать для этой цели казачьи части и 1-й Закаспийский стрелковый батальон, не присоединившийся к восстанию.

Солдаты 1, 2, 4 и 6 батарей 2-й Туркестанской артиллерийской бригады, узнав о том, что расположенная вместе с ними 4-я Кубанская казачья батарея вызвана в Асхабад для подавления восстания, решили воспрепятствовать выступлению этой батареи. Они принялись уговаривать казаков не уходить из казарм. В результате, казачья батарея вместо 17 июня ушла в Асхабад только утром 18-го, после того как была выслана за нею сотня казаков.

Однако до вооруженного столкновения дело не дошло. Узнав о том, что в Асхабаде концентрируются войска, восставшие уже 18 июня сами принесли повинную, ходатайствуя о помиловании.

Царские власти жестоко расправились с восставшими войсками. Из 2-го Закаспийского стрелкового батальона было осуждено 123 солдата, из 1-го Закаспийского железнодорожного батальона — 151, из 3-го Закаспийского стрелкового батальона — 2, из Кушкинской железнодорожной роты—96 человек, из Асхабадского артиллерийского склада — 30 человек и т. д.[2]

Кроме того, железнодорожные войска в Закаспийской области, как наиболее неблагонадежные, были разоружены.

3 июля 1906 г. в Ташкенте произошло вооруженное восстание саперов, пытавшихся освободить 18 солдат, осужденных на каторгу за восстание в ташкентской крепости в ночь с 15 на 16 ноября 1905 г. Восстание это было жестоко подавлено, причем было убито и ранено 15 саперов.

16 июля 1906 г. произошло восстание в Красноводске. В этот день прибыл в Красноводск арестантский вагон с солдатами Туркестанской понтонной роты, осужденными в дисциплинарный батальон. Арестованных должны были посадить на пароход для дальнейшего следования. Узнав об этом, солдаты 1-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона вооружились винтовками и решили силой освободить арестован-

---

[1] Сам вр. командующий 2-м Туркестанским армейским корпусом генерал Косаговский ездил 16 июня для уговоров солдат в восставший 2-й Закаспийский стрелковый батальон, но успеха не имел, несмотря на то, что на словах давал обещание удовлетворить все требования солдат.

[2] См. ЦГИА УзССР, 113/с, Судн. часть штаба ТВО, д. 24, лл. 117—131.

ных. К ним присоединились железнодорожные рабочие из местного депо. Солдаты с рабочими двинулись к тюрьме, но в это время Красноводский резервный батальон, вызванный по тревоге, уже занял все подступы к тюрьме, пароходной пристани и вокзалу. Восставшие послали к солдатам резервного батальона делегата, но командование не подпустило его и заявило, что если железнодорожники пойдут к пристани, то будет отдан приказ стрелять. Восставшие добровольно вернулись в казармы. По этому делу было предано суду 77 солдат.

Солдатские волнения летом 1906 г. распространились и на другие районы Туркменистана. Например, 12 июля 1906 г., как сообщала газета «Асхабад»,—«в Чарджуе... команды матросов парохода «Цесаревич» и баржи «Ташкент» перед отправлением в рейс забастовали, предъявив требование о смещении командира парохода и замене его другим офицером. Никакие просьбы и угрозы начальства не заставили матросов изменить своего решения, и начальник флотилии должен был исполнить требование матросов, заменив командира парохода другим офицером, после чего пароход и баржа ушли в рейс»[1].

Об усиливавшемся брожении среди войск Кушкинского гарнизона телеграфировал 3 июня 1906 г. в департамент полиции начальник жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д. генерал Малыхин. «Получены сведения,— сообщал он, — об усилившемся в последнее время брожении среди низших чинов гарнизона Кушкинской крепости (под) влиянием агитаторов (из) солдат и рабочих железнодорожного депо. Брожение это, готовое перейти в открытое неповиновение с угрозами властям, особенно проявляется в телеграфной роте, крепостной артиллерии и первой роте Закаспийского саперного батальона. Агитаторами замечены рядовые телеграфной роты Судаков и обозной роты Кривоногов, а также слесарь депо Яровой, возмущающие к вооруженной забастовке с избиением сначала казаков, остающихся верными долгу, затем начальства. Самым удобным временем для начала беспорядков признано 10-е сего июня...»[2].

Подобные «беспорядки» в воинских частях, расположенных на территории Туркменистана, происходили летом 1906 г. неоднократно. Например, в мае 1906 г. произошли «беспорядки» в военном лазарете г. Мерва[3] и т. д.

Огромную роль в развертывании массовых солдатских волнений и восстаний в Туркестане летом 1906 г. сыграла большевистская пропаганда в войсках. Войска буквально забрасывались социал-демократическими прокламациями, нелегальными солдатскими газетами («Солдатский листок Правда»,

---

[1] «Асхабад», № 167, 23 июля 1906 г.
[2] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, оп. 5, д. 28, л. 29.
[3] См. там же, оп. III, д. 50, лл. 1—2.

«Солдат» в Асхабаде и другие). На это обратил внимание и генерал-адъютант Максимович, специально посланный царем осенью 1906 г. в Туркестан для расследования революционных событий. Он писал в своей докладной записке на имя царя: «Из широко распространявшихся среди войсковых частей воззваний обращают на себя особое внимание изданные от имени «Российской социал-демократической рабочей партии...». И дальше: «Ряд военных мятежей (лета 1906 года) не мог не возбуждать энергии главарей революционного движения, и

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

=СОЛДАТ=

Номер 1-ый
Іюль 1906 год.

ГАЗЕТА Средне-Азіатских Военныхъ организацій Туркестанскаго союза Р. С. Д. Р. П.

ВЫ ИЩИТЕ ЗАЧИНЩИКОВ!

Вы оездарные военноначальники ищите среди нас солдат „зачинщиков" вы ищете ѣх крамольников, которые подняли солдат звякнули их на путь народнаго освободительнаго движенія

Жалкіе безумцы

Когда мы-солдаты были еще темными, вы пользовались нашим невѣжеством и при искореняли крамолу среди ра

И эту адскую работу, вы и теперь не хотите оставить, и теперь когда в Петербургѣ собрались для отобранія у вас власти, народные представители вы продолжаете творить беззаконія нежелая добровольно отдать власть народу

Когда не было еще Гос Думы, вы разоряли народ, ища крамольников среди же народа, а теперь, теперь вы осмѣливаетесь перед лицом всего народа называть НАРОДНЫХ избранников в крамольниками и хулиганами.

Газета „Солдат".

войсковые части продолжались засыпаться преступными прокламациями...»[1].

Вместе с тем летом 1906 г., в отличие от осени 1905 г., в еще большей мере проявлялась солидарность и взаимный контакт между солдатами и рабочими. Об этом говорят многочисленные факты. Солдаты уже не сторонились рабочих, а зачастую действовали заодно с ними.

Эта солидарность ярко проявилась во многих городах, например, во время отправки солдат на каторгу. Рабочие выходили провожать солдат, угощали их, окружали всяческим вниманием; на станциях устраивались летучие митинги, на которых поднимали красные флаги, пели революционные песни

[1] Опубликовано в сборнике документов Центрархива — «Революция 1905 г. и самодержавие», Госиздат, М.—Л., 1928, стр. 122 и 127.

и т. д. Так было, например, при отправке осужденных солдат из Асхабада на Красноводск 9 июля 1906 г.[1].

В день открытия военного суда в Асхабаде над солдатами 1-го железнодорожного батальона железнодорожные рабочие провели 7 сентября 1906 г. в Асхабадском депо однодневную забастовку протеста[2].

Таким образом, лето 1906 г. показало все растущую солидарность между рабочими и солдатами и их все укреплявшуюся взаимную поддержку, чего царские власти боялись больше всего.

в) Революционное движение туркменского крестьянства

Если рабочее движение среди местных коренных национальностей Туркестана и Закаспийской области, в частности среди туркмен, в период революции 1905—1907 гг. слилось с русским рабочим движением, протекало и разворачивалось, как одно целое с ним, то и революционное движение в национальной деревне развивалось в связи и под непосредственным влиянием рабочего движения. На это важнейшее обстоятельство указывал В. И. Ленин в своем докладе «О революции 1905 года»: «... в тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением...»[3].

Множество фактов говорит об этом достаточно убедительно. Трудящиеся массы туркменской деревни под влиянием революционного движения в городе постепенно приобщались к борьбе русского рабочего класса.

«Получены сведения, — сообщала газета «Закаспийское обозрение», — что служащие Артыкской таможни находятся в панике в виду проявления туземцами [т. е. туркменами] особого интереса к забастовке Среднеазиатской ж. д., почты и телеграфа»[4].

Чрезвычайно интересна записка начальника Красноводского уезда «О состоянии умов, настроении туземного населения и религиозно-бытовом укладе его жизни». Здесь сказано: «Не бесследно для населения прошли печальные события 1905—1907 гг., которые особенно сильное впечатление произвели на туземцев [т. е. туркмен], близких к железной дороге и городским поселениям. Отразились эти события и в пунктах удаленных... События проникали в туземную среду и влияние на нее имели в смысле нежелательном...»[5].

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 2, оп. 2, д. 168/с, л. 4.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 333, л. 120, д. 417, лл. 69—71 и др.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 241.
[4] «Закаспийское обозрение», № 287, 30 ноября 1905 г.
[5] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 578, л. 179 об.

Таким образом, под непосредственным воздействием революционного рабочего движения в городах, особенно в период бурного 1905 г., под влиянием передового русского рабочего класса зарождается массовое революционное движение в среде трудящихся слоев туркменской национальной деревни. Эти трудящиеся слои населения, особенно в пунктах, расположенных вблизи железной дороги и городов, могли каждодневно наблюдать революционную борьбу, интересовались событиями, всячески проявляли свои симпатии к движению и т. д. Участники революции 1905 г. в Туркестане рассказывают в своих воспоминаниях о том, как за каждой демонстрацией молчаливо шли или ехали верхом на конях местные коренные жители, как они присутствовали на митингах и т. д. Например, туркменские трудящиеся участвовали, как указывалось выше, в демонстрациях на похоронах Стабровского в Асхабаде, Моргунова в Кизыл-Арвате и др. Это было хорошей школой для них. И трудящиеся массы национальной деревни постепенно и сами втягивались в революционную борьбу, в борьбу как против эксплуататоров в своей собственной среде, так и против царского самодержавия.

Все это привело к тому, что именно революция 1905—1907 гг. дала мощный толчок к классовому расслоению в среде местного коренного населения, к постепенному высвобождению национальных трудящихся масс из-под влияния эксплуататорской верхушки. Вместе с тем, именно со времени революции 1905—1907 гг. национально-освободительное движение в среде местного коренного населения все теснее сплетается с революционной борьбой, все отчетливее принимает классовый характер. После революции 1905—1907 гг. среди трудящихся туркмен растет все большее доверие и симпатии к русским рабочим, к русским трудящимся массам вообще.

Все эти сложные социальные процессы в среде местного коренного населения, которые в дальнейшем все больше развивались, *начались именно в период русской революции* 1905—1907 гг.

Начиная с 1905 г., а затем и в последующее время все чаще можно было наблюдать в национальной деревне Закаспийской области отдельные вспышки революционно-освободительной борьбы туркменского крестьянства. Эти первые шаги революционного движения в деревне — еще слабые, разрозненные, не всегда даже приметные — однако ясно указывали на то, что в этой деревне совершался серьезный политический поворот. Это движение проявлялось в самых различных формах и методах борьбы. Здесь были и отказы от уплаты налогов и исполнения трудовой повинности, аграрные волнения, угрозы и нападения на представителей царской администрации и чиновников, отказы от исполнения их распоряжений, «непочти-

тельное» отношение к ним, отказы от уплаты долгов ростовщикам и т. п.

Массовый характер в период революции 1905—1907 гг. приняло движение, выражавшееся в отказах от уплаты государственных налогов и других денежных обложений. О подобной агитации сообщал, например, начальник Красноводского уезда Закаспийской области: «В Кара-Кала, Красноводского уезда, — писал он, — удаленном на 80 верст от железной дороги, во время забастовок туркмены Нияз Дурды Хан и Сагат Хан распускали слухи, что казенных долгов платить не надо»[1]. Подобные же донесения поступали из самых различных мест Туркестана и Закаспийской области.

Былой страх и низкопоклонство по отношению к царским чиновникам сменились в период революции 1905—1907 гг. обратным явлением: туркменские трудящиеся массы теперь смело выступали против царских властей и чиновников, причем это движение приняло в революции 1905—1907 гг. широкие размеры. «По сравнению с прежним временем,—писал Красноводский уездный начальник — престиж администрации и доверие к ней населения понизились»[2]. «К русской администрации», — сказано в записке «управляющего населением Тохтамыш» Мервского уезда, — население относится крайне недоброжелательно и только большие права русской [т. е. царской] администрации заставляют население подчиняться тем или другим требованиям русского [царского] закона»[3]. «Население, — доносил «управляющий населением Отамыш» Мервского уезда, — относится к русской администрации без всякого уважения»[4] и т. д.

Аграрные волнения в период революции 1905 — 1907 гг. происходили также и в среде русских крестьян-переселенцев. Русские крестьяне-переселенцы, наравне с местным туркменским крестьянством, отказывались от уплаты налогов, участвовали в массовых митингах и демонстрациях в близлежащих городах.

Вспышки аграрных волнений в туркменской национальной деревне в революцию 1905—1907 гг. — это были лишь первые, еще слабые шаги пробуждавшихся к политической жизни трудящихся масс местного национального крестьянства.

Социал-демократические организации Закаспийской области вели во время революции 1905—1907 гг. пропагандистскую работу и в среде местного коренного населения, прежде всего среди туркменского крестьянства.

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 578, л. 179 об.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 169 об.
[4] Там же, л. 189.

На I конференции туркестанских организаций РСДРП в феврале 1906 г. была принята специальная резолюция «О постановке работы среди туземного населения». В ней предлагалось «всем товарищам на местах обратить особенное внимание на туземный пролетариат, вести среди него возможно широкую социал-демократическую агитацию... и пропаганду»[1].

На I съезде железнодорожного союза в июле 1906 г., проходившем под руководством ташкентской большевистской организации, была единогласно принята резолюция по докладу асхабадского делегата, в которой было указано, что съезд признает «крайне необходимой агитацию среди туркменского населения» и выражает «желание, чтобы местные революционные организации обратили внимание на агитацию среди туркмен»[2].

«Что касается до туземного населения области, — читаем в «Обзоре Закаспийской области за 1905 г.», — то... случаи политической агитации имели место и среди них»[3].

Революционная пропаганда среди местного коренного населения приняла такие размеры, что даже начальник самого отдаленного и захолустного Мангышлакского уезда вынужден был в своем рапорте от 21 июля 1906 г. на имя начальника Закаспийской области признать, что «возбуждение... в среде киргиз (т. е. казáхов) внесено неспокойным состоянием умов в империи» и что «между киргизами имеются уже тайные агитаторы», которые «подстрекают» народ «к возмущению против русских вообще (?) и властей в особенности»[4].

Выше уже указывалось на то, как местные социал-демократы вели пропагандистскую работу среди туркменского крестьянства[5], как туркменские крестьяне в Кизыл-Арвате и Мерве оказывали помощь местным социал-демократическим группáм и т. д.

Революционная пропаганда в среде коренного населения Туркестана и Закаспийской области вызвала беспокойство и в правительственных кругах Петербурга: «Военный министр, — читаем в одной из телеграмм (от 31 августа 1906 г.), — настоятельно требует обратить внимание на агитацию среди туземного населения»[6].

---

[1] Извещение о первой Туркестанской конференции РСДРП (ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охр. отд., д. 2277, л. 68).

[2] Протоколы съезда. — ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охр. отд., д. 677, лл. 58—62.

[3] Обзор Закаспийской области за 1905 год, Асхабад, 1907, стр. 210—211.

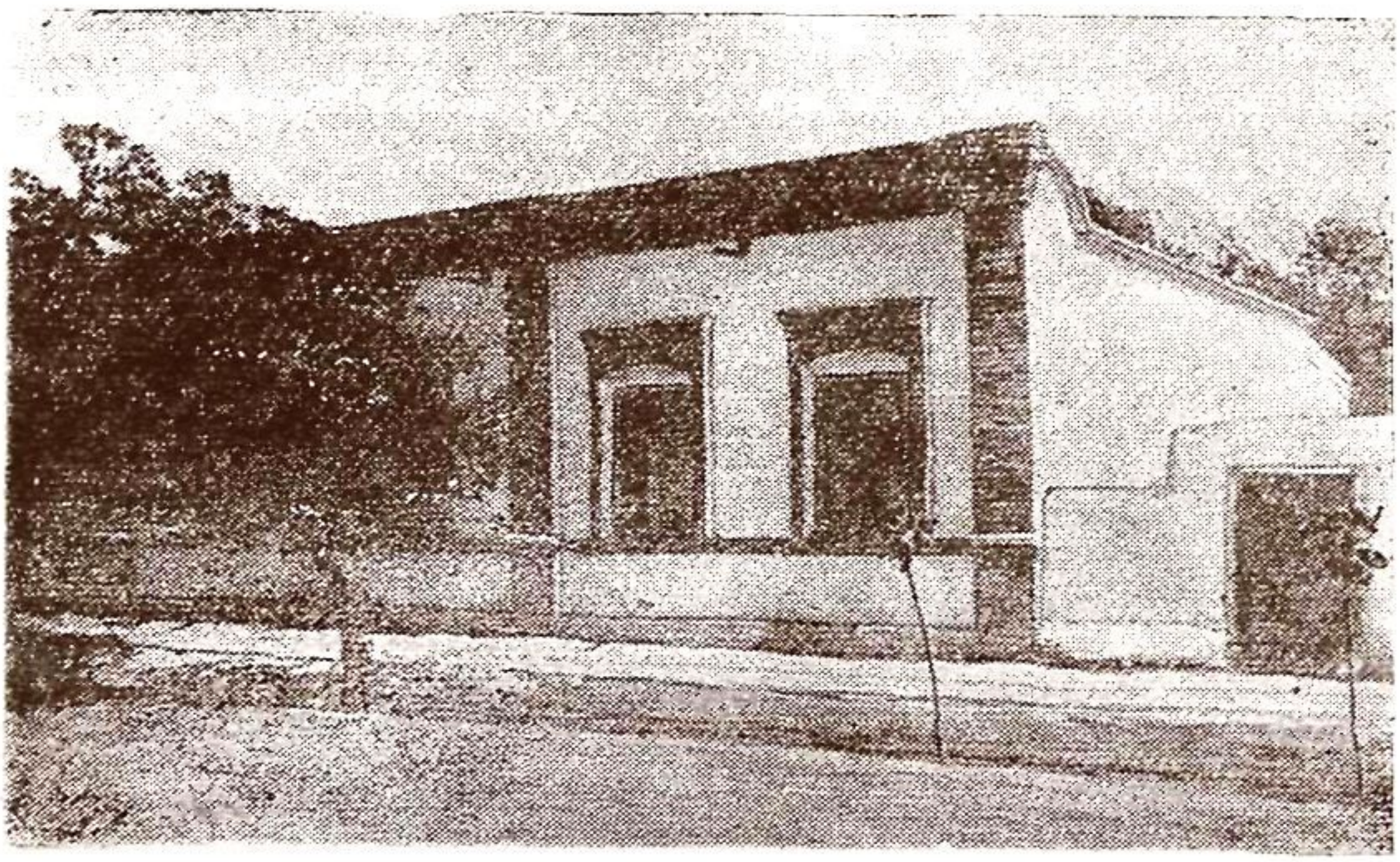
[4] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 332, лл. 189—194.

[5] См. там же, д. 333, лл. 15—18.

[6] Там же, д. 347, л. 55.

г) Социал-демократические организации Туркменистана в 1906 г.

С мая 1906 г., со времени нового революционного подъема, работа социал-демократических организаций Туркестана и Закаспийской области значительно оживилась и получила довольно широкий размах. В течение всего лета устраивались массовые митинги и собрания, читались лекции и т. п., на которых широко велась открытая партийная пропаганда и агитация. Большевистские ораторы и пропагандисты из Ташкента разъезжали по краю, где пользовались большим успехом. Выступали они и в Закаспийской области, например, в Асхабаде. К лету 1906 г. значительная часть социал-демократических организаций Закаспийской области имела подпольные типографии и издавала свои собственные листовки (в Асхабаде, Кизыл-Арвате, Чарджуе).



Дом большевика В. Щеглова, где в 1906—1907 гг. помещалась Асхабадская социал-демократическая типография.

Наряду с пропагандистской и агитационной работой в массах, значительно улучшилась в 1906 г. и внутрипартийная, организационная работа. Во многих социал-демократических организациях (в Асхабаде, Кизыл-Арвате, Чарджуе и др.) существовали в это время уже выборные комитеты, причем в Асхабаде было создано 2 районных комитета (городской и же-

лезнодорожный). Довольно регулярно проводились в это время партийные собрания, велись занятия в кружках (рабочих, солдатских) и т. д. Таким образом, как сообщал ленинский «Пролетарий», уже к августу 1906 г. «почти во всех более или менее крупных пунктах Туркестана и Закаспийской области образовались более или менее правильно функционировавшие организации»[1].

В конце сентября 1906 г. в Ташкенте была созвана II конференция туркестанских организаций РСДРП. На конференцию должны были прибыть 23 делегата от 15 организаций края, однако большинство из них не смогло явиться вследствие уже начавшегося разгрома социал-демократических организаций царскими властями и потери соответствующих связей. На конференцию прибыло всего 10 делегатов от 7 организаций: 3 от Ташкента и по одному от Асхабадской, Самаркандской, Кокандской, Маргеланской, Андижанской, Ходжентской и Казалинской организаций. Ввиду отсутствия представителей большинства организаций конференция носила лишь совещательный характер. Однако все же решено было обсудить некоторые, не терпящие отлагательства вопросы. Конференция приняла решения об отношении к террористическим актам и экспроприациям, которые в это время значительно участились в Туркестане, о дальнейшей работе среди солдат, о годовщине царского манифеста 17 октября и т. д., а также ряд решений по организационным вопросам[2].

Чрезвычайно важно отметить, что развертывание партийной работы в Туркестане и Закаспийской области летом 1906 г., после IV (Объединительного) съезда РСДРП, сопровождалось ожесточенной борьбой между меньшевиками и большевиками, которая в таких острых формах развернулась в Туркестане впервые. Раскольнические действия меньшевиков, ожесточенная фракционная борьба, которую они подняли в Туркестане после IV (Объединительного) съезда, привела в конце концов к развалу Союзного Комитета Туркестанских организаций РСДРП, находившегося в руках меньшевиков.

Летние солдатские восстания в Туркестане (1906 г.) и развернувшаяся в этот период большевистская пропаганда сильно обеспокоили царизм. Началась полоса административных репрессий, особенно усилившихся после введения на Среднеазиатской ж. д. и в прилегающих городах чрезвычайной охраны (сентябрь 1906 г.), причем эти репрессии сыпались прежде всего на голову большевиков. Высылались и арестовывались не только большевистские руководители, но и рядовые наи-

---

[1] «Пролетарий», № 8, 23 ноября 1906 г.
[2] См. «Асхабад», № 229, 11 октября 1906 г.

более революционно настроенные социал-демократические рабочие, среди которых также преобладали большевики.

В результате, уже к осени 1906 г. большинство социал-демократических организаций Туркменистана оказалось в значительной своей части разгромленным. Были разбиты также военно-революционные организации; лишь в Асхабаде уцелели остатки военной организации. Особенно сильно пострадали социал-демократические организации в Мерве, Казанджике и несколько лучше сохранились асхабадская и кизыл-арватская организации. Таким образом, к концу 1906 г. партийная жизнь и работа большевиков в области временно значительно ослабла.

Царские репрессии, которые затронули, главным образом, большевиков и революционно настроенных рабочих, почти полная невозможность каких-либо массовых действий (собраний, митингов, демонстраций и пр.) и, вместе с тем, жажда мести по отношению к царским властям, соединенная с усталостью рабочих — все это привело к тому, что уже осенью 1906 г. начало падать в Туркестане социал-демократическое влияние и расти влияние эсеров и анархистов. Начало расти эсеровское влияние и в железнодорожном союзе, о чем свидетельствовали итоги состоявшегося в октябре 1906 г. (24—26 октября) съезда областного комитета среднеазиатского отделения Всероссийского железнодорожного союза. В то время как до осени 1906 г. социал-демократическое влияние в железнодорожном союзе было, можно сказать, безграничным,— на этом съезде выяснилось, что в некоторых районах (например, в Чарджуе) эсеровское влияние уже стало преобладающим. Рост эсеровщины осенью 1906 г. был, несомненно, одним из составных элементов наступавшей реакции и неуклонного упадка революции.

Июньско-июльскими событиями 1906 г., по сути дела, заканчивается массовое революционное движение в Закаспийской области в период первой русской революции. После летних событий 1906 г. происходили лишь отдельные, в общем незначительные вспышки и волнения в Туркменистане.

д) Революционный подъем весной 1907 г. и усиление социал-демократической работы в Туркменистане в этот период

Весной 1907 г. во всей стране наступил третий «период подъема и сравнительной свободы» (Ленин), когда царские власти вынуждены были несколько ослабить свои репрессии. Это время и использовали большевики Туркменистана, чтобы немедленно же усилить свою работу в массах.

Началась деятельная работа по воссозданию разбитых социал-демократических организаций, снова были восстановлены разгромленные подпольные социал-демократические типографии в Асхабаде, Чарджуе и других городах. Возобновился выпуск листовок. О массовом их распространении неоднократно сообщали в это время царские чиновники в своих донесениях. Например, в донесении на имя туркестанского генерал-губернатора от 24 января 1907 г. начальник жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д. сообщал, что 12 января на станции Мерв неизвестно кем было подброшено 13 прокламаций «Товарищи солдаты» к вагону, в котором помещались «нижние чины караула»[1]. Чарджуйская организация РСДРП распространяла социал-демократическую литературу через одну из лавок на базаре, приказчиком в которой служил Котов. 15 января 1907 г., а затем 24 января Котов передал одному из солдат местного гарнизона сначала «книжку преступного характера», а затем (24 января) прокламацию «Товарищи-новобранцы», изданную 15 января 1907 г. Военной организацией РСДРП Асхабадского гарнизона; прокламация заканчивалась призывом: «Да здравствует всеобщее вооруженное восстание! Да здравствует Народная Армия!»[2]. Солдат, получивший прокламации, заявил об этом своему начальству, в результате чего в лавке был произведен обыск. Во время обыска было обнаружено 75 прокламаций «Товарищи-новобранцы», 3 брошюры «Под знаменем социализма», 9 экземпляров «Избирательной платформы РСДРП» и др.[3]. Подобные сообщения царские власти получали из многих мест.

В это время, т. е. в январе-феврале 1907 г., делались попытки и политических выступлений. «9 сего января в 5 часов дня, — писал начальник жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д. в своем донесении начальнику Закаспийской области (1907 г.) — рабочие депо Асхабад, очевидно, ранее условившись, собрались в мастерских депо и в память убитых 9 января 1905 г. запели марсельезу, но увидя приблизившихся жандармов, пение прекратили и немедленно разошлись»[4].

В этот же период (январь—февраль 1907 г.) социал-демократические организации Закаспийской области весьма энергично провели массовую кампанию по выборам депутатов во II Государственную думу, причем добились определенных успе-

---

[1] См. ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 364, л. 29.
[2] Там же, ф. 12/с, Турк. охр. отд., д. 2277, л. 118.
[3] Там же, ф. 52/с. Самарк. окр. суд, д. 215, лл. 2—4.
[4] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 113/с, л. 2.

хов: депутатом от «нетуземного населения» Закаспийской области был избран социал-демократ Миронов[1].

Закаспийским организациям РСДРП удалось 1—3 февраля 1907 г. провести областную конференцию социал-демократических организаций Закаспийской области. На конференции присутствовало 10 делегатов от 5 организаций — Асхабадской, Кизыл-Арватской, Красноводской, Мервской и Чарджуйской. Конференция заслушала доклады всех организаций о постановке партийной работы на местах и приняла ряд решений по организационным вопросам, по вопросам партийной работы, тактики и т. д.[2]

На конференции было решено создать Областной комитет закаспийских организаций РСДРП[3] с местопребыванием в Асхабаде. В состав комитета должны были входить 4 члена от асхабадской и по одному от остальных организаций, которые получили теперь наименование районных. Было решено послать своего делегата на очередной V съезд РСДРП[4].

Ввиду того, что железнодорожный союз в это время (1907 г.) подпал уже под полное влияние эсеров, конференция вынесла специальное решение: «Конференция, исходя из положения, что железнодорожный союз не стоит на высоте своего призвания, что тактика его буржуазная и что она создана (так в протоколах конференции) не на демократических началах, предлагает провести широкую агитацию среди рабочих о реорганизации железнодорожного союза на демократических началах»[5]. Одновременно было принято постановление об отношении к таким партиям, как эсеры, дашнаки и прочие, в котором было сказано: «С.-д. партия... не должна входить ни в какие соглашения с буржуазными и национальными [т. е. на-

---

[1] И. Е. Миронов в 1907 г. был меньшевиком (Протоколы V съезда РСДРП, Партиздат, 1935, стр. 723—724, 832). Его избрание свидетельствовало об ослаблении большевистского влияния в закаспийских организациях РСДРП. Вместе со многими другими социал-демократическими депутатами II думы И. Е. Миронов был приговорен царским судом к каторжным работам, по отбытии которых был поселен в Сибири. Убит в 1920 г. во время хозяйничанья в Восточной Сибири белогвардейских банд атамана Семенова. — *Прим. ред.*

[2] Протоколы этой конференции и соответствующие резолюции сохранились. Они были найдены жандармерией вскоре же после конференции во время обыска у Миронова в Кизыл-Арвате. Отчет о конференции помещен также в ленинской газете «Новый луч» (№ 7 от 27 февраля 1907 г.).

[3] Протоколы конференции. — ЦГИА УзССР, ф. 133, Ташкент, Суд. Палата, д. 481, лл. 11—13.

[4] На V съезде РСДРП, состоявшемся в Лондоне в мае—июне 1907 г, был послан от закаспийских организаций РСДРП меньшевик Похвистнев (Тульский), который принимал участие в работе съезда в качестве делегата с совещательным голосом. (См. Протоколы V съезда РСДРП, Партиздат, 1935, стр. 657, 837). — *Прим. ред.*

[5] ЦГИА УзССР, ф. 133, Ташк. Суд. Палата, д. 481, лл. 11—13.

ционалистическими] партиями, каковыми являются эсеры, дашнакцутюн, по вопросам принципиального характера, одновременно с этим конференция допускает технические соглашения во время единичных и массовых выступлений»[1].

Конференция приняла также решения об усилении работы среди солдатских масс, о партийной литературе, о боевых дружинах, об экспроприации, о терроре, о партизанских выступлениях, о создании Красного Креста, о профсоюзах, о современном политическом моменте и тактике и др.

Период подъема революционного движения в начале 1907 г. оказался в Туркестане очень непродолжительным. Социал-демократические организации края вскоре были разгромлены царскими властями; дольше других просуществовали социал-демократические организации в Закаспийской области. Мервская подпольная организация была ликвидирована, например, лишь в июле 1908 г., асхабадская подпольная организация еще существовала.

Кратковременный весенний подъем 1907 г. в Туркменистане (январь—февраль) не ознаменовался, как мы видели, сколько-нибудь значительными революционными событиями. Он был значительно ниже того подъема, который охватил в это время многие другие районы России.

е) Последние революционные выступления и разгул правительственного террора в Туркменистане

Разнузданный правительственный террор еще больше усилился в Туркменистане с марта 1907 г. «Чрезвычайная охрана», действовавшая в Закаспийской области и во всем Туркестанском крае с осени 1906 г., придавила всю общественную жизнь. Еще наглее и беззастенчивее стали расправы царских властей с революционными и даже просто оппозиционными элементами. По одному лишь подозрению хватали людей, неугодных царизму, бросали в тюрьмы, увольняли, пачками высылали из Закаспийской области и Туркестана, ссылали на каторгу. Полицейский произвол свирепствовал вовсю. Судебные процессы следовали один за другим. Кровавые расправы становились обычным явлением. Туркестан и Закаспийская область походили на вооруженный военный лагерь.

Однако рабочий класс все еще не сдавался и отступал медленно, с боями. Последние огоньки революционных битв еще вспыхивали кое-где среди этой мрачной обстановки.

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 133, Ташк. Суд. Палата, д. 481, лл. 11—13.

10 марта 1907 г. началась забастовка пароходных команд в Красноводске, которая являлась частью общей забастовки торгового флота на Каспийском море. Всего забастовало около 180 человек, составлявших команды 7 пароходов и одной парусной шхуны, которые находились в Красноводске к началу забастовки. Забастовавшие заявили, что будут бастовать до полного удовлетворения требований, предъявленных всем Каспийским флотом. Забастовкой в Красноводске руководил представитель Бакинского большевистского комитета, который специально прибыл для этой цели из Баку. По прибытии в Красноводск он немедленно связался с местным комитетом РСДРП, находившимся в то время под влиянием большевиков. По этому поводу руководитель Красноводского комитета РСДРП большевик Дмитриев позже писал в своих воспоминаниях: «Приезжает т. Белоусов, вручает мне мандат на право руководства забастовкой, под псевдонимом Дарьял. Ставлю этот вопрос в комитете РСДРП Красноводской организации, который тоже выносит постановление принять участие, а, главное, устроить удобство посещений бастующих и собрать средства для пропитания бастующих. Приняты срочные меры, написаны письма по Среднеазиатской ж. д. о помощи бастующим морякам; помощь была оказана своевременно и в достаточном размере».

Моряки держались стойко и ни на какие уговоры и угрозы не поддавались. Не испугал их и приезд из Асхабада помощника начальника Закаспийской области генерала Волковникова, который прибыл сюда с чрезвычайными полномочиями.

Заинтересовался забастовкой в Красноводске и «сам» Столыпин. 14 марта он телеграфировал начальнику Закаспийской области: «Ввиду крайней опасности возникшей (в) Красноводске забастовки, телеграфируйте, какие приняты меры к пресечению. Желательно обсудить вопрос о немедленном изъятии главных зачинщиков»[1].

И «меры» были приняты. Пароходные агентства объявили забастовавшим, что все они рассчитываются, и выдали им расчетные книжки. Однако команды пароходов отказались взять расчет. «Тогда все забастовавшие,—доносил генерал Волковников,—были удалены с пароходов, а расчетные книжки и причитающиеся им деньги агентами были препровождены в портовое управление. На предложения последнего получить деньги забастовавшие также отказались. Забастовавшие ведут себя по наружному виду тихо..., но в то же время зорко следят за тем, чтобы ни одно судно не ушло отсюда, грозя террором; несомненно, среди них имеются агитаторы, прибывшие из Баку с последним рейсом пароходов. Намеченные 10 чело-

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 180/с, л. 24.

век главарей из забастовавших переданы полицией в руки судебной власти для привлечения к ответственности». И дальше: «Люди забастовавших команд разместились в разных частях города, преимущественно близ железнодорожного депо, мастеровые которого им очень сочувствуют, помогают даже материально»[1].

Однако, сколько ни хлопотал генерал Волковников, он ничего не добился. Он пытался найти штрейкбрехеров; искал подходящих людей в городе, чтобы отправить хотя бы один пароход в Баку с пассажирами; производил испытание с пароходом «Корнилов», на который набрал было малоквалифицированную команду; договорился даже с военно-морским командованием в Баку о присылке военного судна, которое взяло бы на буксир один из бездействовавших пароходов и т. д. Однако ничего из этого не вышло: малоквалифицированная команда, набранная на пароход «Корнилов», лишь сожгла котлы во время испытаний, а военные моряки отказались буксировать пароходы. В результате генерал Волковников вынужден был расписаться в своем полном бессилии. В одном из своих донесений начальнику Закаспийской области он писал: «Так что во исполнение шифрованной депеши вашего превосходительства из Ташкента от 11 марта с. г. за № 126 все зависящее сделано, но восстановить правильное почтовое пароходное сообщение не представляется возможным, пока не будет прекращена забастовка путем постепенного набора на забастовавшие суда новых команд»[2].

Забастовка продолжалась около двух месяцев и в результате была выиграна моряками.

Кое-где на Среднеазиатской ж. д. железнодорожные рабочие отмечали день 1-го мая, несмотря на «чрезвычайную охрану».

Еще 29 апреля 1907 г. в Асхабаде состоялась «тайная сходка из представителей революционных партий»[3], на которой был установлен порядок празднования 1-го мая в Асхабаде. К этому же дню была отпечатана в подпольной типографии социал-демократическая листовка, которая была распространена по линии Среднеазиатской ж. д.

В день 1-го мая на здании Асхабадского железнодорожного депо был вывешен больших размеров красный флаг с надписями серебряными буквами: «Да здравствует социализм!» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Утром 1-го мая рабочие депо собрались на митинг, однако митинг не состоялся, так как появился наряд жандармов[4].

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 180/с, лл. 30—32.
[2] Там же.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 364, л. 155.
[4] Там же.

Только в двух городах Туркестана, в Мерве и Черняево (Урсатьевская), рабочие депо бастовали в день 1-го мая[1].

Контрреволюционный государственный переворот, совершенный царизмом 3 июня 1907 г., ознаменовал собой конец первой русской революции в Туркменистане, как и повсюду в России. Вслед за этим потянулись мрачные годы столыпинской реакции.

ж) Причины поражения революции 1905—1907 гг. в Закаспийской области и Туркестане. Основное значение революции для Туркестанского края

Революция 1905—1907 гг. в Туркестане, как и во всей России, потерпела, таким образом, поражение. Она закончилась поражением в Закаспийской области и во всем Туркестанском крае по тем же причинам, которые содействовали этому поражению и во всей остальной России, так как она была составной частью общероссийской революции.

Однако в Закаспийской области, как и во всем Туркестанском крае, являвшемся колонией царской России, были некоторые дополнительные, специфические трудности, которых не было в центральных районах России.

Экономика Туркестана носила еще в большей мере аграрный характер. Рабочий класс здесь был весьма малочислен и распылен. Крупных промышленных предприятий со значительными кадрами индустриальных рабочих здесь не было вовсе. На железных дорогах края, являвшихся центрами революционной борьбы в Закаспийской области и во всем Туркестанском крае, был сосредоточен преимущественно русский пролетариат, мало связанный с местной национальной деревней. Кадры местного национального пролетариата, работавшего на мелких предприятиях, составляли преимущественно сезонные рабочие — по сути дела, крестьяне, еще не порвавшие экономических связей с деревней. Все это говорило о том, что гегемон буржуазно-демократической революции — пролетариат — был как во всем Туркестане, так и в Закаспийской области, значительно более слабым, нежели в центральных индустриальных районах России.

Рабочий класс Туркестана и Закаспийской области был, вместе с тем, особенно к началу революции, почти совсем не организованным, отсталым, почти не имел опыта революционной борьбы. Рабочее движение здесь началось фактически лишь в период самой революции. Социал-демократическое дви-

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 184/с, л. 27.

жение в Туркестане, как и рабочее движение, возникло значительно позже, нежели в других, особенно крупных промышленных районах царской России. Поэтому к началу революции 1905—1907 гг. существовавшие кое-где в Туркестане и Закаспийской области партийные группы и кружки не имели еще сколько-нибудь установившихся, крепких партийных традиций, не имели еще революционной большевистской закалки. Большинство же социал-демократических групп возникло здесь уже после начала революции. В первое время эти кружки и группы были совершенно разобщены, выступали независимо друг от друга, почти никакой помощи извне не получали, теоретически были мало подготовлены и потому нередко брали в начале своего существования неверный партийный курс. Социал-демократические организации Закаспия и Туркестана только в начале 1906 г. вступили официально в РСДРП. Организационное оформление и большевистская закалка этих групп происходили лишь в процессе самой революции.

Вследствие того, что основные, постоянные кадры рабочего класса Закаспийской области и всего Туркестанского края были преимущественно русские, а деревня национальная,—здесь существовало еще больше трудностей в установлении прочного союза рабочего класса и крестьянства, нежели в центральных районах России. Связь между русским рабочим классом и местным национальным крестьянством была затруднена здесь вследствие почти полного взаимного незнания языка и существенных бытовых различий. Поэтому союз рабочего класса и крестьянства в Закаспийской области и во всем Туркестанском крае еще только наметился в результате революции 1905—1907 гг. Если в центральных районах России многие крестьяне еще не хотели идти на союз с рабочими для свержения царизма, но шли на этот союз против помещиков, то в Туркестане и Закаспийской области, наоборот, многие крестьяне еще не хотели идти против «своих» помещиков, но под влиянием революционной борьбы рабочих начали подниматься на борьбу против царских властей. Многие крестьяне из местного коренного населения еще находились под влиянием мусульманского духовенства, сеявшего рознь на почве религии между местным национальным крестьянством и русским рабочим классом. Национальную рознь усиленно разжигал и царизм.

Все это, конечно, не могло не создавать дополнительных, серьезных затруднений для успешного развития революции в Закаспийской области и во всем Туркестанском крае. Они, несомненно, также способствовали поражению революции на этой колониальной окраине.

Несмотря на все это, значение революции 1905—1907 гг. для Закаспийской области и всего Туркестана было поистине огромно. Царскому самодержавию, несмотря на все старания,

не удалось предохранить местное коренное население этой колонии от влияния русской революции. То, чего больше всего боялся царизм—проникновения революционных идей в широкие трудящиеся массы среднеазиатских народов и революционных волнений в их среде совершилось в эти бурные революционные дни. Уже в марте 1909 г. в обширном докладе на имя военного министра (от 14 марта 1909 г.) туркестанский генерал-губернатор писал: «В строго правоверном миросозерцании мусульман произошел крупнейший переворот, и мы стоим накануне реальных последствий этого переворота, загадочных своей неизвестностью и, судя по некоторым признакам, возможно даже грозных для нашего теперешнего положения в крае»[1].

Это был действительно крупнейший переворот в сознании забитых и эксплуатировавшихся масс колониального Туркестана и, в частности, Закаспийской области. Народы Средней Азии пробудились от многовековой спячки к политической жизни. «Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»[2],—писал В. И. Ленин в 1908 г. В революции 1905—1907 гг. трудящиеся массы коренного населения Туркестана и Закаспийской области нашли своего действительного союзника и вождя — русский рабочий класс. И в этом было основное значение революции 1905—1907 гг. для Туркестана и Закаспийской области. Вместе с тем, эта революция не только для всей России в целом, но и для Туркестана в частности, явилась той «генеральной репетицией» грядущих битв, о которой говорил В. И. Ленин. В революционные дни 1905 — 1907 гг. трудящиеся массы туркменского, узбекского, казахского и других народов Средней Азии многое поняли, многому научились. Именно русский народ, русский рабочий класс показал на практике, как надо бороться с царским самодержавием и со «своими собственными» эксплуататорами. И трудящиеся массы среднеазиатских народов во время революции 1917 г. с успехом применили на деле опыт, полученный в период революции 1905—1907 гг.

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 47, лл. 1—6.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 198.

ГЛАВА IX

ТУРКМЕНИСТАН В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ И В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА
(1907—1914 гг.)

1. Туркменистан в годы столыпинской реакции (1907—1910 гг.)

а) Столыпинская реакция в России

После поражения революции 1905—1907 гг. в России наступила полоса самой черной реакции, насилия и бесправия, полоса натиска капиталистов и помещиков на рабочих и трудящихся крестьян. Наступили тяжелые годы столыпинской реакции. Царизм, помещики и капиталисты пытались, с одной стороны, окончательно разгромить и обескровить революционное движение рабочих и крестьян, а с другой стороны, использовать благоприятную для них политическую конъюнктуру для увеличения своих прибылей. Торжество столыпинской реакции было торжеством кнута и виселицы, торжеством самой жестокой и разнузданной эксплуатации. «Столыпинский галстук», как называли рабочие виселицу, стал символом этого мрачного режима.

3 июня 1907 г. царское правительство разогнало неугодную ему II Государственному думу. Социал-демократическая фракция думы, насчитывавшая 65 депутатов, была арестована и сослана в Сибирь. В их числе был и депутат от «нетуземного населения» Закаспийской области И. Е. Миронов, присужденный к 5 годам каторги.

После разгона думы царское правительство издало новый избирательный закон, который обеспечивал в думе полное господство черносотенных помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии. Представительство же рабочих и крестьян было сокращено во много раз.

Разгон II думы и изменение избирательного закона, носящие в истории название третьеиюньского государственного переворота, послужили сигналом для наступления контрреволюции по всему фронту.

1907—1912 гг.—это годы кровавого террора и полицейского произвола. По всей стране свирепствовали в то время карательные отряды, военно-полевые суды, введенные Столыпиным еще в 1906 г. для упрощения расправы с революционерами. «Судопроизводство» в этих судах было настолько упрощено, что теряло всякую видимость законности. Преданный военно-полевому суду, как правило, приговаривался к смертной казни и не имел даже права апелляции. Приговор суда приводился в исполнение немедленно.

Только за два года (с 1907 по 1909 г.), по далеко не полным данным, было вынесено свыше 26 тыс. приговоров за участие в революционном движении, в том числе свыше 5 тыс. человек было приговорено к смертной казни. Десятки тысяч революционеров томились в каторжных тюрьмах, крепостях, в местах ссылки. Избиения и пытки в тюрьмах стали обычным явлением.

Черносотенные погромы происходили во всей стране, особенно в так называемой «черте оседлости»—районах, населенных евреями. Громилы и хулиганы из черносотенных «союза русского народа», «союза Михаила архангела» и др. орудовали по прямому наущению царских властей и при их поддержке. Сам Николай II состоял официально членом одного из этих союзов. Кровавый царь окружил себя шайкой самых мрачных реакционных фигур: обер-вешатель Столыпин, Трепов, Дурново, Щегловитов, Курлов и другие издевались над страной и народом.

Особенно жестокие репрессии обрушило царское правительство на рабочий класс. Были приняты все меры для того, чтобы разгромить его политические и экономические организации. С 1906 по 1910 г. в стране было закрыто 497 профсоюзов, отказано в регистрации 604 союзам, арестовано (по неполным данным) 906 деятелей профдвижения, выслано 381, запрещено более 100 профсоюзных газет и журналов. Общее число членов профсоюзов с 325 тыс. человек в 1905—1906 гг. уменьшилось к 1910 г. до 14 тысяч. Во многих городах, например, в Одессе, Иваново-Вознесенске и

других, профсоюзы были уничтожены полностью. Еще более жестокому преследованию подверглись большевистские партийные организации. В стране процветали провокация и предательство, насаждаемые царской охранкой.

Наряду с полицейскими репрессиями, шло широкое наступление на рабочий класс и со стороны капиталистов. Этому способствовал глубокий экономический кризис, свирепствовавший в 1907—1909 гг. Сотни промышленных предприятий либо закрывались, либо сокращали производство, и рабочие массами выбрасывались на улицу. В первую очередь подпадали под сокращение передовые рабочие. Массовая безработица давала капиталистам дополнительные возможности для нажима на рабочий класс и усиления его эксплуатации.

Заработная плата понижалась, причем снижение достигало иногда 25% и больше. Уже в 1908 г. расценки были снижены в среднем на 10—15%, рабочий день увеличивался повсюду до 10—12 и больше часов. Восстановлена была система грабительских штрафов и выдача рабочим взамен денег товаров из фабричных лавок по повышенным ценам и плохого качества. Политика ухудшения условий труда проводилась настойчиво и систематически. На фабриках и заводах росло количество несчастных случаев, возрастала заболеваемость и т. д. Все улучшения в положении рабочих, отвоеванные революцией 1905—1907 гг., были сведены на нет.

Трудящиеся массы крестьянства, в результате так называемого столыпинского аграрного законодательства, были брошены в лапы кулака. Община, а вместе с нею и мелкое крестьянское хозяйство были отданы кулаку, как говорил В. И. Ленин, «на поток и разграбление». Во времена столыпинской реакции было разорено и лишилось земли таким образом более миллиона маломощных крестьянских хозяйств. Огромная масса разорившихся крестьян устремилась в города, увеличивая собой армию безработных.

Угнетение национальностей в период столыпинской реакции стало еще более гнусным и тяжелым. Национальный гнет проводился в самых откровенных и грубых формах. Самодержавие через полицейско-чиновничий аппарат всеми мерами разжигало национальную рознь и натравливало одни национальности на другие. В результате, пышным цветом распускался национализм, который грозил захлестнуть собой не только крестьянские, но и рабочие массы. Поэтому В. И. Ленин, указывая на «пробуждение национализма в угнетенных нациях, столь сильно сказавшееся после 1905-го года..», настойчиво выдвигал задачу решительной борьбы против вся-

ческого национализма, в том числе и «в первую голову с национализмом великорусским»[1].

В этой обстановке экономического застоя и политической реакции наступает полоса временного затишья в рабочем движении. Число забастовок и участников в них резко снижается. Если в 1905 г. в забастовках участвовало почти 3 млн. рабочих, то в 1908 г. бастовало всего 174 тыс. рабочих, а в 1909 г. еще меньше—только 64 тыс. На убыль пошло и крестьянское движение.

Наступление контрреволюции шло и на идеологическом фронте. О настроениях внутри русского буржуазного общества в этот период В. И. Ленин писал в декабре 1910 г. следующее: «Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отреченства. Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух «смирения» и «покаяния», увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п., — вот что оказалось на поверхности»[2].

Либеральная буржуазия в лице кадетов, уже в ходе революции 1905—1907 гг. проявившая себя как контрреволюционная сила, в период столыпинщины открыто переходит на сторону царизма. Из «конституционных демократов» она превратилась в конституционных монархистов, в защитников царизма. В 1909 г. группа кадетских писателей выпустила сборник «Вехи», в котором открыто благодарила царизм за подавление революции. Кадеты так и писали в этом сборнике: надо «благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас (т. е. либеральную буржуазию—*ред.*) от ярости народной».

Меньшевики-ликвидаторы и троцкисты позорно отреклись от революционных лозунгов и принялись хоронить революцию. Они не верили в революционные силы пролетариата и крестьянства. Они по существу предавали рабочий класс, пытаясь обезоружить его не только идейно, но и организационно. Они разваливали партийные организации, проповедывали необходимость уничтожения нелегальных организаций партии и т. д. Мелкобуржуазные попутчики, особенно из среды интеллигенции, массами уходили в этот период из партии, опасаясь царских репрессий.

Остальные мелкобуржуазные партии (эсеры, анархисты и др.) также переживали период распада, разложения и отхода

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 422—423.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 22—23.

от революции. Они частично вырождались в бандитские группы. «Азефовщина»[1], как символ провокаторства, была типичным явлением для эсеров.

Только большевики, во главе с В. И. Лениным, остались верными революции. Они были убеждены, что новый революционный подъем не за горами, что он наступит в ближайшие годы. Исходя из того, большевики стремились сохранить и укрепить нелегальную партию, использовали все легальные возможности для укрепления своих связей с массами, деятельно готовили массы для нового революционного подъема. Большевики неустанно разоблачали перед массами ликвидаторов и троцкистов, явных и скрытых предателей революционного дела.

Столыпинская реакция вовсе не означала собой лишь простую расправу черносотенного самодержавия с народной революцией 1905—1907 гг. Столыпинщина вместе с тем означала попытку царизма подновить и расширить ту базу, на которой держалось самодержавие; приоткрыть двери для капиталистического развития России; попытку внести раскол и разложение в среду противника (главным образом в среду крестьянства), сделать невозможной новую революцию.

Революция 1905—1907 гг. кое-чему научила самодержавие и крепостников-помещиков. Им теперь приходилось, по выражению В. И. Ленина, — «спасать, что можно». И черносотенное самодержавие становится на путь капиталистической ломки старых, средневековых порядков в деревне с максимальным соблюдением интересов помещика.

Переход на почву капиталистического развития необходим был самодержавию, во-первых, для того, чтобы предоставлением кое-каких уступок перетянуть на свою сторону либеральную буржуазию; во-вторых, для того, чтобы создать слой «крепких мужиков» (кулаков) в деревне, на которых можно было бы опереться; в-третьих, созданием слоя кулаков в деревне расколоть крестьянство, подорвать, ослабить общину, «мир», который выступал единым фронтом против помещика-крепостника в революции 1905—1907 гг.; в-четвертых, ослабить «земельную тесноту» в деревне не за счет помещичьего землевладения, а путем «перераспределения» земель внутри самого крестьянства; в-пятых, проведением переселенческой политики бросить разорявшиеся в результате столыпинского аграрного законодательства элементы крестьянства не в объятия революции, а на новые земли, где они,

---

[1] *Азеф* — провокатор, являвшийся в то же время одним из руководителей партии эсеров.

в свою очередь, могли бы превратиться в надежную опору царизма.

Такова была программа столыпинщины. И царизм решительно становится на этот путь, ибо другого выхода у него больше не оставалось. Недаром В. И. Ленин называл аграрное законодательство Столыпина «последним клапаном», который вынужден был открыть царизм для своего спасения.

Однако самодержавию не удалось «обезвредить» революцию, разрешить аграрный вопрос, перестроить самодержавие на буржуазный лад. Революция и после столыпинской реакции по-прежнему стояла в порядке дня. «Помещичья монархия Николая II, — писал В. И. Ленин в 1911 г., — после революции пыталась опираться на контрреволюционное настроение буржуазии и на буржуазную аграрную политику, проводимую теми же помещиками; крах этих попыток, несомненный теперь даже для кадетов, даже для октябристов, есть крах *последней возможной* для царизма политики»[1]. И действительно, столыпинская реакция не спасла царизм от падения в 1917 г. под ударами объединенных сил рабочих и крестьян.

б) Наступление реакции в Туркменистане

Уже после поражения декабрьского вооруженного восстания 1905 г. началось постепенное, все усиливавшееся наступление реакции, которое лишь временно приостанавливалось в период подъемов революционного движения летом 1906 и в начале 1907 г. В это же время шло постепенное, с боями, отступление революции.

После третьеиюньского государственного переворота в 1907 г. наступление разнузданной реакции еще больше усилилось. Столыпинщина наступала теперь по всему фронту, перейдя к еще более решительному подавлению революционного движения, к еще более свирепому нажиму на трудящиеся массы города и деревни.

Наступление реакции шло также на территории нынешней Туркменской ССР (в бывшей Закаспийской области), как и во всем Туркестанском крае. Царизм здесь особенно боялся соединения русского рабочего движения с национально-освободительной борьбой трудящихся масс туркменского и других угнетенных народов, которое начало все заметнее проявляться еще в период революции 1905—1907 гг.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 222.

Поэтому в отношении Закаспийской области, как и всего Туркестанского края, царизм применял зачастую даже более жестокие меры, нежели в центральных районах России. Уже законом от 3 июня 1907 г. Туркестан, в том числе и Закаспийская область, были полностью лишены права участия в Государственной думе. «Произведенный опыт, — сказано в справке Азиатской части Главного штаба, — не оправдал ожиданий (царизма—*ред.*) и население Туркестана не оказалось на той культурной высоте (!?), которая обеспечивала бы полезность привлечения представителей его к законодательной деятельности»[1]. Чем были недовольны царские власти «опытом» выборов во II Государственную думу от Туркестанского края, каких ожиданий царизма не оправдал Туркестан своими выборами — ясно видно из письма ташкентского городского головы Н. Г. Маллицкого на имя военного министра. «Выборы от русского населения, — писал он, — как и во всем Туркестанском крае, дали перевес представителям крайних левых течений»[2].

В целях окончательного подавления революционного движения в крае, царские власти принялись громить революционные организации с еще большей последовательностью, еще в больших масштабах, чем прежде.

В первую голову царские власти взялись за усиление полиции и политического розыска в области. Когда туркестанский генерал-губернатор обратился к начальнику Закаспийской области со специальным письмом (от 27 июня 1907 г.), в котором потребовал «донесения по поводу мер, которые должны быть приняты для противодействия преступным деяниям»[3] в области, последний ответил, что необходимо, во-первых, «усилить действительный надзор» на Среднеазиатской ж. д., «начав с того, чтобы поставить во главе его лицо, обладающее нравственной и физической энергией»[4], т. е. более кровожадного и энергичного человека, нежели «малоэнергичный дряхлый старик» генерал Малыхин[5]; во-вторых, «необходимо усилить численно и, главное, качественно состав общей полиции в главных центрах области: Красноводске, Кизыл-Арвате, Асхабаде и Мерве» и, в-третьих, «учредить сыскную агентуру»[6] в Закаспийской области (до 1907 г. охранных отделений ни в Закаспийской области, ни Туркестане

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 122, лл. 104—105.
[2] Там же, лл. 110—111.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 417, лл. 40—41.
[4] Там же.
[5] Там же, ф. 11/с, КТГГ, д. 367, л. 59.
[6] Там же, д. 417, лл. 40—41.

не существовало). И меры эти почти немедленно же были проведены в жизнь. Начальник жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д. генерал Малыхин уже в сентябре 1907 г. был уволен в отставку и заменен другим лицом. Увеличивался состав местной полиции. В мае 1909 г. был создан специальный розыскной пункт в Асхабаде, подчиненный Туркестанскому охранному отделению.

Проникновение революционных идей в среду местного коренного населения Туркестанского края и Закаспийской области в период революции 1905—1907 гг. и развитие революционного движения в этой среде заставило царские власти взяться за разведку и среди этой части населения. Была создана под председательством помощника Туркестанского генерал-губернатора генерала Кондратовича специальная комиссия по вопросу «о разведке вне и внутри Туркестанского края», первое заседание которой состоялось 7 августа 1908 г. Комиссия эта пришла к выводу о необходимости «установить правильную и планомерную разведку внутри края с целью надзора за состоянием и развитием панисламистского, революционного и прогрессивного движения среди туземцев Туркестанского края»[1].

В годы столыпинской реакции резко была усилена работа по политическому розыску и среди местного коренного населения Туркестанского края и Закаспийской области. И здесь создавалась разветвленная агентурная сеть.

Помимо секретной разведки, туркестанский генерал-губернатор обязал всех участковых приставов и уездных начальников неослабно наблюдать «за состоянием умов и вообще настроением туземного населения» и систематически доносить об этом. В феврале 1909 г. была разослана, в том числе и в Закаспийскую область, специальная инструкция или анкета-вопросник, состоявшая из 19 вопросов. «Эта инструкция, — говорилось в циркулярном письме туркестанского генерал-губернатора, — является руководящею программою, по которой они (т. е. уездные начальники и участковые приставы—*ред.*) должны иметь, в мере возможности, неослабное наблюдение за подчиненным им туземным населением и за просветительными учреждениями последнего»[2]. «Во всех (же) случаях проявления недовольства (в среде местного коренного населения—*ред.*),—говорилось в одной из ре-

---

[1] Протокол № 1 комиссии по вопросу о разведке вне и внутри Туркестанского края (ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 540, лл. 25—38.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 578, л. 22 и об.

золюций туркестанского генерал-губернатора (июль 1908 г.),— вызывать твердость, что особо импонирует в Азии»[1].

Для упрощенной расправы с революционными элементами Закаспийская область, как и весь Туркестанский край, прежде всего в полосе отчуждения Среднеазиатской ж. д. с прилегающими городами, были надолго оставлены на положении «чрезвычайной охраны», которая давала в руки царской администрации «законное» и широкое основание для массовых расправ по собственному усмотрению. При этом в Закаспийской области «чрезвычайная охрана» сохранялась дольше, нежели во всех остальных частях Туркестанского края. «Признаю возможным, — телеграфировал в 1909 г. командующий войсками Туркестанского военного округа военному министру, — заменить положение чрезвычайной охраны (в) крае положением усиленной, (за) исключением Закаспийской области»[2]. Здесь «чрезвычайная охрана» была снята и заменена «усиленной» лишь в 1910 г.

После третьеиюньского переворота еще больше усилилась жестокая борьба с революционными элементами в крае. Царизм пытался с корнем вырвать «крамолу», причем репрессии всей своей тяжестью обрушились прежде всего на большевиков и наиболее активных, революционно настроенных рабочих. Сотни человек предавались суду и затем направлялись на каторгу или в ссылку, аресты следовали за арестами, обыскивали почти всех поголовно, широко практиковались массовые высылки из пределов Закаспийской области и Туркестанского края, сотни и тысячи людей гноили в тюрьмах. В результате, туркестанские тюрьмы к 1910 г. оказались настолько переполненными, что некуда уже было помещать арестантов. В начале этого года канцелярия туркестанского генерал-губернатора вынуждена была даже сделать специальный запрос по городам всего края — нет ли в тюрьмах свободных мест. И почти отовсюду был дан один ответ: «мест нет — самим некуда помещать». Из Асхабада, например, поступила такая телеграмма: «Асхабадская тюрьма рассчитана (на) сто двадцать человек; переполнена вдвое, (в) том числе около сорока каторжных. (К) переводу арестантов (из) других тюрем нет никакой возможности»[3], и т. д.

Царские репрессии, естественно, коснулись прежде всего передового отряда рабочего класса Туркменистана — железнодорожных рабочих. Что делалось на Среднеазиатской ж. д. в период столыпинской реакции — можно судить хотя

---

[1] ЦГИА УзССР, д. 540, лл. 5—6.
[2] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 106, л. 112 и об.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 441, л. 110.

бы по тому, что только за 1 год и 8 месяцев (с января 1908 г. по август 1909 г.), как сообщал туркестанский генерал-губернатор военному министру, было произведено на дороге 4115 полицейских дознаний, в значительном большинстве своем политических[1].

Большие надежды на «умиротворение» наиболее «беспокойной» Закаспийской области и Среднеазиатской ж. д. царские власти возлагали на высылку из пределов области и Туркестанского края всех революционных элементов. В этом они видели основное спасительное средство. Составлялись многочисленные «черные» списки людей, подозревавшихся в революционной деятельности и намеченных к высылке, причем эти списки составлялись буквально всеми, «кому не лень»,— и начальником Закаспийской области, и уездными начальниками, и местной полицией, и жандармским полицейским управлением Среднеазиатской ж. д., и начальником этой дороги и т. д. В царских архивах сохранилось множество подобных списков. Например, в именном списке № 1 «служащих при кизыл-арватских главных мастерских Среднеазиатской ж. д. и состоящих главными агитаторами революционной пропаганды» числится 31 человек[2]; в именном списке № 2 «служащих при кизыл-арватских главных мастерских Среднеазиатской ж. д. и состоящих членами местной боевой организации—44 человека[3]; в списке «жителей г. Асхабада, принадлежащих к крайним революционным организациям, по сведениям жандармской железнодорожной полиции» числится 51 человек[4] и т. д.

«Единственно, что может внести спокойствие, — писал 26 июля 1907 г. начальник Среднеазиатской ж. д. в канцелярию туркестанского генерал-губернатора, — это высылка из пределов края всех опасных элементов... Что же касается Асхабада, то его очистить необходимо безотлагательно, потому что *тут главное гнездо*»[5]. *В письме на имя начальника* Закаспийской области от 22 июля 1907 г. он же писал: «Я не вижу другого выхода из создавшегося положения, как высылки всех опасных людей из пределов Туркестанского края... Что касается служащих дороги, то одно лишь увольнение их от службы не только не улучшит положения, но, несомненно, его ухудшит, потому что уволенные, поддерживаемые революционными организациями, будут приносить

---

[1] См. там же, д. 621, лл. 13—16.
[2] Там же, оп. 1, д. 417, л. 42.
[3] Там же, л. 43.
[4] Там же, лл. 67—68.
[5] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 417, лл. 65—66.

еще более вреда, агитируя как опять между служащими, так и в городе. В виду изложенного, имею честь покорнейше просить ходатайства вашего превосходительства о выдворении из Туркестанского края лиц, поименованных в прилагаемом при сем списке. Я твердо уверен, что по выселении этих лиц, спокойствие в Асхабаде восстановится. Из числа лиц, которых я прошу выселить, некоторые арестованы уже на основании положения о чрезвычайной охране, а некоторые состоят уже под следствием. Из числа последних, некоторые на свободе и полагал бы необходимым их арестовать»[1].

Намеченные начальником Закаспийской области и начальником Среднеазиатской ж. д. мероприятия по «очистке» области от революционных элементов были поддержаны туркестанским генерал-губернатором, который немедленно же сообщил об этом «самому» Столыпину[2]. И последний, разумеется, одобрил высылку. «Я вполне одобряю, — писал Столыпин в письме от 25 августа 1907 г. на имя туркестанского генерал-губернатора, — последовавшие с вашей стороны мероприятия относительно воспрещения жительства в пределах вверенного вам края лицам, замеченным в революционной агитации»[3].

Из Закаспийской области революционные деятели и наиболее революционно-настроенные рабочие высылались пачками. 20 июля 1907 г. была выслана из Кизыл-Арвата первая партия рабочих главных железнодорожных мастерских в 75 человек[4], затем 26 человек[5], далее последовали другие партии — и не только из Кизыл-Арвата, но и из Асхабада, Мерва, Чарджуя и прочих городов и станций Закаспийской области.

Однако царские власти не ограничились только арестами и высылками. В 1908 г., после «очистки» Закаспийской области от наиболее активных революционных элементов, началось массовое увольнение железнодорожных рабочих, принимавших то или иное участие в революционном движении 1905—1907 гг.

Выбрасывали на улицу рабочих, принимавших участие в революционном движении, не только с железной дороги, но

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 417, лл. 69—71.

[2] См. письма туркест. ген.-губ. на имя П. Столыпина от 21—23.VII и 11. VIII—1907 г. (ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 417, лл. 49—50 и ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., IV д-во, д. 22, ч. 2—1907 г., л. 9).

[3] ЦГИАМ. ф. 102, Департ. полиц., IV д-во, д. 22, ч. 2—1907 г., л. 9.

[4] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 417, л. 220.

[5] ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., IV д-во, д. 22, ч. 2—1907 г., л. 4. и об.

и с промышленных предприятий, с горных промыслов и проч.

Одновременно с массовыми арестами и высылками, наряду с многочисленными судебными процессами, увольнениями и прочими административно-судебными репрессиями, которые отмечали собой все годы столыпинской реакции в Туркменистане, шло в это время наступление царизма и капиталистов на завоевания рабочего класса, резко усиливалась эксплуатация трудящихся масс. Понижалась заработная плата на фабриках и заводах, снижались расценки в мастерских и депо железной дороги, удлинялся рабочий день или сокращалась рабочая неделя, что значительно снижало заработок рабочих, процветали грабительские штрафы, рабочих лишали и других завоеваний, добытых ими в период революции 1905—1907 гг. Вот что происходило, например, на железной дороге. В ответ на запрос канцелярии туркестанского генерал-губернатора о причинах снижения расценок на Среднеазиатской ж. д., — управление дороги сообщало в письме от 5 августа 1908 г.: «Меры о пересмотре и понижении расценок работ мастеровых на дороге были вызваны телеграммой министра путей сообщения..., где требуется, чтобы ремонт паровозов был сделан и притом не выходя из сметы. Невозможность произвести работы по существующим расценкам и вызвала посылку в ташкентские и кизыл-арватские мастерские, а также и по линии, необходимых [сниженных] расценок»[1]. В этом же письме говорилось о сокращении рабочей недели в мастерских и депо Среднеазиатской ж. д.: «вместо шести — пять рабочих дней в неделю»[2] с соответствующим снижением заработной платы и т. д.

Но особенно свирепыми репрессиями обрушились царские власти на политические и экономические организации рабочего класса. Полицейские ищейки буквально рыскали по всему Туркменистану, вынюхивая следы этих организаций. Подвергались разгрому социал-демократические организации, железнодорожные комитеты, военно-революционные организации, профсоюзы, подпольные типографии, организации Красного Креста и др.; организации эти снова восстанавливались, их снова громили и т. д. Только за 1 год и 4 месяца (с апреля 1908 г. по 1 сентября 1909 г.) одним лишь туркестанским охранным отделением, как сказано в отчете отделения, «всего было произведено важнейших ликвидаций групп, кружков и отдельных преступных лиц по разным ре-

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., IV д-во, д. 69, ч. 2—1908 г., лл. 19—20.

[2] Там же.

волюционным фракциям — 44», в том числе по железнодорожным организациям — 10 ликвидаций, по военно-революционным кружкам — 4, по социал-демократическим организациям — 3, по подпольному Красному Кресту—2 и т. д. По всем этим «ликвидациям» было привлечено к ответственности 266 лиц, из которых 3 человека было подвергнуто смертной казни, 4 приговорено к каторжным работам, 6—«к другим наказаниям по суду», 34 человека были подвергнуты различным наказаниям в административном порядке; в отношении же остальных 219 человек к сентябрю 1909 г., т. е. к моменту составления отчета, еще не было закончено следствие[1]. В числе железнодорожных организаций был ликвидирован, например, железнодорожный кружок в Асхабаде, имевший связи с Асхабадской военной организацией[2], и т. д.

Наступление царизма и феодально-байских элементов шло и в деревне. Росли налоги, усиливалась эксплуатация, ухудшалось экономическое положение крестьянства. Царизм все туже завинчивал пресс национально-колониального гнета, который проводился теперь еще в более грубых и открытых формах. Всемерно разжигалась межнациональная рознь; национальности натравливались друг на друга.

В период столыпинской реакции царским правительством был издан ряд законоположений, облегчавших экспроприацию земли и воды у трудящихся масс местного коренного населения, направленных на защиту интересов местной феодально-байской верхушки, на значительное расширение русской колонизации края, на облегчение доступа русским предпринимателям в Туркестан и т. д. Некоторые из законоположений еще только разрабатывались (например, так называемый водный закон и другие), и царизм так и не успел провести их в жизнь по независящим от него обстоятельствам (революция 1917 г.).

Как известно, в так называемом «Степном положении», т. е. в «Положении об управлении Степного генерал-губернаторства» (Казахстан), имелась специальная оговорка, разрешавшая отбирать у кочевников «излишние» для них земли для «общегосударственных» нужд, в том числе и для нужд переселения. Такой оговорки в «Положении об управлении Туркестанского края» не было. И это до некоторой степени связывало руки царской администрации в Туркестане и Закаспийской области. В конце 1910 г. оговорка «Степного положения» была распространена и на Туркестан, что дало

---

[1] См. ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 631, л. 2.
[2] См. там же, лл. 5—6.

На хлопкоочистительном заводе (из материалов Исторического музея АН ТССР).

широкую и «законную» возможность царским властям сгонять по своему усмотрению туркменское трудящееся крестьянство с давно насиженных мест и передавать их земли под переселение, под организацию плантаторских хозяйств, для целей промышленного скотоводства (под пастбища) и т. д.

Началась усиленная погоня предпринимателей за концессиями под орошение и организацию плантаций. Царское правительство, как и бухарский эмир и хивинский хан, охотно раздавали в концессии огромнейшие территории за весьма незначительную арендную плату от 92 коп. до 1 руб. 24 коп. с десятины в год или продавали эти территории. На концессионном поприще в Туркестане действовали такие крупные капиталисты, как Рябушинский, Морозов, председатель правления Русско-Азиатского банка Путилов, небезызвестный придворный плут князь Андронников и др. Десятки и сотни тысяч гектаров земли были отданы в концессии, но к работам по орошению почти никто из концессионеров не приступал.

Вообще царские власти создавали в это время все необходимые благоприятные условия для привлечения в Туркестан «предпринимательской инициативы». И предприниматели не заставили долго ждать себя. После революции 1905—1907 гг. особенно широкой волной хлынули в Туркестан и Закаспийскую область частные банки, крупные промышленные и торговые фирмы, всевозможные дельцы масштабом поменьше и просто авантюристы и жулики, которые высасывали последние соки из местного национального крестьянства. Если до начала XX в. в Туркестане орудовал только один Государственный банк (с 1875 г.) с пятью филиалами по всему краю, то к 1912 г. в Туркестане уже насчитывалось 10 частных банков с 40 отделениями во всех более или менее крупных торгово-промышленных центрах края, в том числе в Асхабаде, Мерве, Чарджуе и других городах[1].

Банки быстро пускают глубокие корни во всю хозяйственную жизнь края и области и прибирают ее к своим рукам— большинство местных торговых и промышленных фирм подпадает под их контроль или, во всяком случае, в известную зависимость от них. Чтобы судить о том, что делалось в это время на среднеазиатском рынке, достаточно указать, что.

---

[1] К этому времени (1912 г.) в Асхабаде действовали отделения следующих банков: Государственного банка (с 1895 г.), Учетно-ссудного банка Персии (с 1899 г.), Русско-Азиатского банка (с 1905 г.); в Мерве — Русско-Азиатского банка (с 1909 г.), Учетно-ссудного банка Персии (с 1910 г.), Азовско-Донского банка (с 1911 г.); кроме того, почти во всех городах Закаспийской области функционировали «Общества взаимного кредита» (см. «Статистический ежегодник ЦСУ Туркестанской республики на 1917—1923 гг»., т. I—II, ч. III, Ташкент, 1924, стр. 409).

например, в 1912 г. скупкой и продажей одного только туркестанского хлопка занимались следующие банки: Московский учетный банк, Сибирский банк, Азовско-Донской, Волжско-Камский, Русско-Азиатский, Коммерческий, Русский для внешней торговли банк и следующие фирмы: Московское товарищество, Персидское, Бухарское, Закаспийское промышленное, Андреевское, Большая Ярославская мануфактура, Большая Московская мануфактура, представители Московского и Лодзинского районов, Торгово-промышленное общество «Хлопок», Лев Сквирский, Флаксман, Шлосберг, Юсуп Давыдов, Кивориковы, Потеляхов, Водъяевы, Устинов, Муравьев и многие другие.

Помимо хлопка, бесчисленные фирмы и банки, наводнявшие Туркестан и Закаспийскую область, занимались скупкой и перепродажей и других видов сырья (шерсть, шелк, кожи, хлопковое масло, каракуль и др.), а также таких товаров, как скот, мясо, рыба, свежие и сушеные фрукты, рис и т. д. Эти же фирмы вели и ввозную в Туркестан торговлю—везли из Центральной России мануфактуру, сахар, чай, железные изделия, обувь и т. д. и т. п. Они же занимались поставкой хлеба в Туркестан, в том числе и Закаспийскую область. Кроме того, через их руки проходила вся транзитная торговля через Туркестан с сопредельными странами (Персией, Афганистаном, Синцзяном). Период столыпинской реакции был настоящим «золотым веком» для всех этих банков, фирм и предпринимателей, сидевших на шее у местного национального крестьянства и перекачивавших в свои широкие карманы результаты его тяжелого труда. От русских капиталистов не отставали и местные феодально-байские элементы и всевозможные дельцы (местные торговцы, ростовщики, скупщики, и т. п.), которые особенно разнузданно и беззастенчиво обирали туркменского крестьянина в «золотой» для них период столыпинской реакции.

Несмотря на то, что налоговый пресс и без того был туго завинчен в Туркестане (налоговое обложение здесь было в 3 раза большим, нежели во всей царской России),—царские власти продолжали вводить здесь все новые и новые налоги. Так например, 6 июня 1912 г. Государственная дума высказалась о желательности «установления особого сбора с хлопка, поступающего на рынки Европейской России из Средней Азии и Закавказья». Этот налог немедленно же был переложен скупщиками и торговцами на плечи среднеазиатского крестьянина и т. д.

Все эти экономические мероприятия вели, с одной стороны, к значительному ухудшению положения трудящихся масс

Туркменистана, а с другой—к дальнейшему развитию экономики края и капиталистических отношений как в городе, так и в ауле.

Шел быстрый процесс дальнейшего развития хлопководства, который нес разорение трудящемуся крестьянству и баснословные барыши кулачеству, феодальным и прочим эксплуататорским элементам. Если в 1903 г. общая посевная площадь под хлопком составляла в Закаспийской области 22 тыс. десятин, то уже через 5 лет — к 1908 г. — она почти удвоилась (42 тыс. десятин), а в 1915 г. составила 57,5 тыс. десятин[1]. В результате, уже к 1912 г. вывоз хлопка из Закаспийской области в Россию равнялся около 10% общего вывоза из Туркестана[2], причем основными производителями хлопка в Туркменистане являлись Мервский и Асхабадский уезды (в первом более половины, а во втором почти 30% всех посевных площадей было занято под хлопком).

Развитие хлопководства ускоряло проникновение капиталистических отношений в туркменский аул, меняло общую структуру крестьянского хозяйства, а также систему и методы полеводства, вело к постепенному разложению патриархально-феодальных отношений. В связи с этим росла ценность земли и воды, стремление закрепить их за собой, увеличивалась площадь частновладельческих (мюльковых) земель за счет сокращения общинных (санашиковых), возрастала купля-продажа земель, недопустимая по адату, и проч.

Вместе с тем, развитие хлопководства вело к дальнейшей классовой дифференциации в туркменском ауле — продолжалось, с одной стороны, быстрое разорение и обезземеливание трудящегося крестьянства, а с другой — ускоренно росла кулацкая прослойка в ауле.

В 1908—1909 гг., по данным ревизии графа Палена, в Асхабадском, например, уезде (Ахал-Текинский оазис) около 30% всех крестьянских хозяйств составляли уже категорию, которую Пален охарактеризовал следующими словами: «Никакого имущества не имеется; пропитание добывается поденными работами». По тем же данным, — около 65% всех крестьянских хозяйств того же уезда составляла категория: «Посева — 2 танапа; скота — 1 лошадь; значительное количество хозяев не имеет ни одной головы скота»[3]. Свыше 35% всех крестьянских хозяйств Закаспийской области (без Ман-

---

[1] Статистический ежегодник ЦСУ Туркестанской республики на 1917—1923 гг., т. I, ч. I, Ташкент, 1924, стр. 33.

[2] Там же, стр. 61.

[3] К. К. Пален. Отчет по ревизии, «Орошение в Туркестане», т. 7, СПб., 1910, стр. 382—383.

гышлакского уезда) не имело рабочего скота и свыше 18% — никакого скота[1]. Около половины всех крестьянских хозяйств не имело сельскохозяйственного инвентаря[2].

На другом полюсе концентрировались кулацкие, феодальные и иные эксплуататорские элементы, которые быстро увеличивали свое богатство за счет разорения трудового крестьянства. Среди туркмен имелись богачи, владевшие 2—3 млн. рублей[3].

Росла дифференциация крестьянства и в скотоводческих районах Туркменистана. Например, в основном скотоводческом районе Закаспийской области — в Красноводском уезде — около половины всех крестьянских хозяйств не имело рабочего скота и почти 35% не имело никакого скота[4]. С другой стороны, здесь же выросли крупнейшие скотовладельцы, имевшие десятки тысяч голов скота.

В это же время, т. е. в период столыпинской реакции, наметилась тенденция к разведению наиболее ценных пород скота—ахалтекинской лошади, каракульских овец и т. п. Например, в 1910 г. в своей докладной записке иолотанский пристав писал: «В последнее время замечается усиленное разведение овец каракульской породы»[5].

В годы столыпинской реакции, как и в последующее время, продолжала развиваться в Закаспийской области и капиталистическая промышленность, а вместе с нею и кадры промышленного пролетариата. Особенно быстро росли такие отрасли промышленности, связанные с первичной обработкой сельскохозяйственного сырья, как хлопкоочистительная, хлопкомаслобойная, кожевенная и др., и также горнодобывающая промышленность (нефтяная, соляная и проч.). Например, к 1913 г. в Закаспийской области насчитывалось уже 15 хлопкоочистительных заводов, причем 10 из них были построены в течение 13 лет (с 1900 по 1913 г.)[6]. Быстро росла добыча нефти на Челекенских промыслах: если в 1906 г. эта добыча составляла 600 тыс. пудов в год, то уже в 1908 г. она удвоилась (1 млн. 200 тыс. пудов), в 1909 г. составляла

---

[1] Статистический ежегодник ЦСУ Туркестанской республики на 1917—1923 гг., т. II, ч. III, Ташкент, 1924, стр. 32—33.

[2] Статистический сборник УНХУ ТССР «15 лет Туркменской ССР», Ашхабад, 1939, стр. 26.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 1, КТГГ, оп. 27, д. 1691, лл. 44—45.

[4] Статистический ежегодник ЦСУ Туркестанской республики на 1917—1923 гг., т. II, ч. III, Ташкент, 1924, стр. 32—33.

[5] ЦГА ТССР, ф. 1/с, оп. 2, д. 372, лл. 22—23.

[6] Шесть из них было построено в течение 3 лет — с 1911 по 1913 гг. (См. Статистический ежегодник ЦСУ Туркестанской республики на 1917—1923 гг., т. II, ч. III, Ташкент, 1924, стр. 40).

3 млн. пудов, в 1910 г.—9 млн. 600 тыс., а в 1911 г. — 13 млн. 300 тыс. пудов[1] и т. д.

В период столыпинской реакции царскими властями был проведен целый ряд мероприятий, направленных на еще большее усиление национального гнета, на еще большее ущемление и без того весьма куцых прав местного коренного населения Туркестана. Так например, в 1908 г. было отменено право выбора казиев (судей) местным населением, которым оно пользовалось со дня завоевания края[2]. Казии назначались теперь царской администрацией. 1 ноября 1907 г. были утверждены новые «Правила о начальных училищах для инородцев» (взамен существовавших «Правил» от 31 марта 1906 г.)[3] и несколько позже — «Правила о мусульманских училищах Туркестанского края» (в отношении медресе, мектебов и новометодных школ)[4]. Введение этих «Правил» имело своей целью еще больше стеснить развитие учебного дела в Туркестане, затруднить открытие новых училищ и школ, регламентировать их работу и подчинить строгому контролю царской администрации. Если в прошлом медресе, мектебы и новометодные школы открывались и функционировали без всякого разрешения и контроля со стороны царских властей, то теперь они были подчинены этому контролю. Новые училища и школы могли быть открыты теперь только с разрешения царской администрации (медресе—с разрешения генерал-губернатора, мектебы и новометодные школы—с разрешения областной или уездной администрации); мударрисы (заведующие школами и училищами) должны были теперь назначаться и увольняться главным инспектором училищ Туркестанского края или иным учебным начальством; «политическая и нравственная благонадежность» мударрисов и учителей подлежала теперь обязательной предварительной проверке со стороны местной полиции; «наблюдение за вакуфными имуществами и правильным распределением доходов с них» было возложено на областную и уездную администрацию и т. д. Вместе с тем введение новых «Правил о начальных училищах для инородцев» имело также целью, по мысли царских властей, содействовать быстрейшей руссификации края. В этих училищах, начиная с 3 года обучения, преподавание должно было вестись теперь обязательно на

---

[1] ЦГА ТССР, Библиотечный фонд, ч. 97. Материалы к истории развития промышленности Туркмении.

[2] См. ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охран. отдел., д. 367, лл. 125—126.

[3] См. там же, ф. 11/с, КТГГ, д. 540, лл. 165—167.

[4] См. там же, лл. 132—133.

русском языке, преподавание на родном языке учащихся запрещалось и т. д.

В период столыпинской реакции проводились и некоторые другие мероприятия, направленные на ассимиляцию местного коренного населения Туркестана, в том числе Закаспийской области, и на усиление национального гнета.

Обнаружив смыкание революционного движения среди русских трудящихся масс Туркестана и Закаспийской области с революционным национально-освободительным движением в среде трудящихся масс местного коренного населения, царское самодержавие взяло после революции 1905—1907 гг. более решительный курс на привлечение мусульманского духовенства и верхушечных слоев коренного населения на свою сторону и создание более прочной опоры в этой среде. В результате, царизм вынужден был несколько изменить свою политику по отношению к этим слоям населения. С другой стороны, мусульманское духовенство и националистические элементы, испугавшись нараставшей революционной борьбы масс в среде местного коренного населения, которые все отчетливее стали поворачивать в сторону сближения с русским рабочим классом, — ищут сближения с царским самодержавием, пресмыкаются перед царскими чиновниками и администраторами, помогают им душить революционное движение.

Таким образом, для периода столыпинской реакции характерно смыкание всех реакционных и контрреволюционных элементов и наступление их единым фронтом против рабочего класса и крестьянства, против революционного движения. К этому черному блоку фактически примкнули меньшевики—ликвидаторы и эсеры. Последние после революции 1905 — 1907 гг. открыто превратились в кулацкую партию — защитницу интересов столыпинского кулака. Меньшевики же, став после революции на путь ликвидации социал-демократической партии, открыто предали таким образом интересы рабочего класса и крестьянства. Если царские власти, пытаясь разоружить рабочий класс и сделать невозможной новую революцию, громили извне рабочие, и в первую голову, социал-демократические организации, то меньшевики, фактически помогая царизму, пытались взорвать социал-демократические организации изнутри.

Одной из составных частей наступления столыпинской реакции в Туркестанском крае и Закаспийской области явилось усиление националистического (пантюркистского и панисламистского) движения на этих окраинах. Начавшись здесь в период революции 1905—1907 гг., это движение особенно пышно распустилось уже после революции, в период

столыпинской реакции. Основной задачей националистического движения было стремление эксплуататорской верхушки отвлечь массы от революционной борьбы, идеологически опутать их, отравить ядом национализма, повести за собой и сделать, таким образом, революцию невозможной или, по крайней мере, отодвинуть ее на долгие годы.

Буржуазно-националистическое движение возникло и развивалось в Туркестане и Закаспийской области под непосредственным воздействием, с одной стороны, татарских националистических элементов и проникавшей сюда татарской националистической прессы, а с другой стороны — под влиянием младотурок и турецкой националистической буржуазии. Известное воздействие оказывали и буржуазно-националистические элементы Ирана, Индии и даже Египта, в частности через издававшуюся ими националистическую прессу.

До 1905 г. это движение носило в Туркестане и, особенно, в Закаспийской области зачаточный характер и имело кое-какой успех лишь среди тонкой прослойки местной татарской буржуазии. Первоначально это было чрезвычайно узкое, культурническое движение за новометодную школу, за необходимость европейского образования для мусульман, известное под именем «джадидизма», причем это движение носило исключительно легальный характер. Попытки распространения его среди буржуазии местных коренных национальностей Туркестана первоначально (до 1905 г.) почти никакого успеха не имели и находили среди этих слоев лишь весьма слабый отзвук. Вот почему первые новометодные школы в Туркестане были почти исключительно татарскими. В Закаспийской же области до 1905 г. ни одной подобной школы не было организовано.

Русско-японская война и, прежде всего, русская революция 1905—1907 гг. дали толчок дальнейшему развитию буржуазно-националистического движения в Туркестане и Закаспийской области. С этого времени, собственно, и начало развиваться здесь буржуазно-националистическое движение, известное под именем «джадидизма», причем это движение перешагнуло за первоначальные узкие рамки лишь пропаганды и организации новометодных школ, за рамки культурнического движения, требовавшего в основном лишь реформы системы мусульманского образования.

Джадидское движение в Туркестане. как и в Закаспийской области, было с самого начала контрреволюционным, либерально-буржуазным, националистическим движением, захватившим преимущественно буржуазные слои местного коренного населения и буржуазную интеллигенцию. Джадиды ориен-

тировались на турецких пантюркистов и поддерживали тесные связи с татарской буржуазией — с казанскими, крымскими и азербайджанскими пантюркистами. Они не только не боролись с царизмом, но даже ничего и не требовали от него; они лишь робко просили крайне ограниченных реформ, приняв участие в петиционной кампании (подача верноподданнических петиций на имя царя); они благословляли царизм и всячески пытались удержать народные массы от революционных выступлений против самодержавия, что особенно ярко проявилось в их предательской роли во время восстания 1916 г.

Джадидское движение было, по сути дела, слабой попыткой со стороны народившейся и постепенно развивавшейся местной национальной буржуазии поднять массы на национальное движение. Однако среднеазиатской национальной буржуазии и ее идеологам-джадидам определенно не повезло. Все ее попытки повести за собой массы потерпели полный провал, ибо она начала апеллировать к «низам» в период величайшей революционной бури — русской революции 1905—1907 гг., когда массы, захваченные этой бурей, пошли не за «своей» буржуазией, а за русским революционным рабочим классом.

Руководители татарских пантюркистов неоднократно приезжали в Туркестан и Закаспийскую область, где знакомились с движением, инспектировали новометодные школы, давали указания и заводили новые знакомства. Так например, в 1908 г. побывал в Туркестане пантюркистский вожак Исмаил Гаспринский. В сентябре 1910 г. объехал весь Туркестан и Закаспийскую область член Государственной думы Садрий Максудов, он посетил Красноводск, Асхабад, Мерв и другие города Закаспийской области, а затем через Ташкент направился в Оренбург, где поделился в татарской буржуазно-националистической газете «Вакт» («Время») своими впечатлениями от поездки по Туркестану и Кавказу. Во время своего объезда он знакомился с положением пантюркистских дел в Туркестане и Закаспийской области, давая соответствующие директивы и указания по дальнейшему развертыванию в крае пантюркистской, буржуазно-националистической пропаганды.

Татарское буржуазно-националистическое влияние просачивалось в Закаспийскую область и вообще в Туркестан не только из Поволжья и Крыма, но и из Азербайджана (Баку). Например, известно, что для соответствующей пантюркистской пропаганды приезжал в Закаспий и Туркестан видный татарский буржуазно-националистический публицист Ахмет Агаев—

сотрудник бакинской газеты «Каспий», перешедший в 1909 г. в турецкое подданство и назначенный после этого инспектором училищ в г. Константинополе. Его статьи неоднократно перепечатывались джадидскими газетами в Туркестане[1].

После турецкой верхушечной революции (1908—1909 гг.), когда у власти в Турции оказалась младо-турецкая буржуазно-националистическая партия «Единение и Прогресс», резко усиливается в Туркестане и Закаспийской области турецкое буржуазно-националистическое влияние. С тех пор татарское влияние на развитие джадидизма в Туркестане и Закаспийской области постепенно падает и приобретает доминирующее значение младо-турецкое влияние, причем и сами татарские буржуазно-националистические элементы все больше подпадают под это влияние и становятся все чаще его проводниками. Постепенно джадиды меняют даже свое название и по примеру младо-турок, например в Бухаре, превращаются в младо-бухарцев, в Хиве — в младо-хивинцев. Туркестанских джадидов все чаще называют младо-сартами, а татарских буржуазных националистов — младо-татарами.

Младо-турецкие пропагандисты и агитаторы все чаще появляются в пределах Туркестанского края и Закаспийской области. Их деятельность на среднеазиатской почве приняла такие значительные размеры, что уже в августе 1910 г. туркестанский генерал-губернатор с некоторой тревогой писал лично Столыпину: «С разных сторон доходят слухи, что тревожное настроение населения [Бухарского ханства] растет, что деятельность младо-турецкого общества «Единение и Прогресс» распространяется все шире и шире по ханству и весьма вероятно, что адепты его находятся в пределах вверенного мне генерал-губернаторства, на что имеются некоторые указания»[2].

В конце 1908 г. начальник туркестанского почтово-телеграфного округа, в ответ на соответствующий запрос, сообщал в канцелярию туркестанского генерал-губернатора, что Туркестан, Бухара, Хива и Закаспийская область получают множество разнообразных заграничных изданий. В Туркменистане, например, они распространялись не только в крупнейших центрах (в Асхабаде, Мерве, Чарджуе и др.), но и в самых отдаленных его уголках — в Керки, Кара-Кала, Каахка и т. п. Из турецких газет и журналов направлялись в Туркестан и Закаспийскую область — «Хурмат», «Сабах»,

---

[1] См. ЦГИА УзССР, ф. 47, Упр. учебн. завед. Турк. края, д. 955, лл. 255—261.

[2] Там же, ф. 11/с, КТГГ, д. 698, лл. 1—2.

«Ихдам»; персидские — «Таза-Гаят», «Иршад», «Медж-лис»; индийские — «Хабль-уль-метин» и целый ряд других[1].

Несмотря на все вышесказанное, буржуазно-националистическое движение в среде туркмен Закаспийской области, Бухары и Хивы развивалось все же несравненно медленнее, нежели в остальных, оседлых районах Туркестана или среди татарской и персидской буржуазии самого Закаспия. Причиной этого являлось, несомненно, значительно более медленное проникновение капиталистических отношений в среду туркменского населения и, следовательно, более слабое развитие туркменской национальной буржуазии.

К началу 1912 г., по данным Туркестанского охранного отделения, в Закаспийской области среди туркменского населения существовала лишь одна новометодная школа (в ауле Асхабад — рядом с г. Асхабадом), в которой обучение велось по учебнику «Усули Джадид»[2], напечатанному в 1906 г. в г. Самарканде. Кроме того, в трех обычных религиозных мектебах (в аулах Келеджар, Янги-Кала и Ясман-Салык) было введено преподавание азбуки[3].

Впрочем, буржуазно-националистическое, пантюркистское движение среди туркменской эксплуататорской верхушки значительно усилилось в последующие годы — в связи с балканской войной 1912 г., а затем и первой мировой империалистической войной, во время которых царская Россия выступала против Турции. Эти войны вызвали в Закаспийской области, как и во всем Туркестанском крае, новый прилив пантюркистской и панисламистской пропаганды, направленной в пользу Турции.

Таким образом, для периода столыпинщины весьма характерны попытки реакционной туркменской феодально-родовой верхушки и буржуазно-националистических элементов укрепить и расширить свое влияние в массах туркменского народа, отравить эти массы ядом национализма, чтобы отвлечь их от революционной борьбы.

в) Революционное движение и социал-демократические организации Туркменистана в период столыпинской реакции

Третьеиюньский государственный переворот и наступление столыпинской реакции не принесли, однако, столь жела-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 540, лл. 82—83. Названия указанных газет даны здесь в транскрипции источника.

[2] В документе «Новый Усул Джидид».

[3] См. ЦГИА УзССР, 12/с, Турк. охран. отдел., д. 1021, лл. 11—14. Имеется в виду, несомненно, изучение азбуки по-новому методу.

тельного для царских властей успокоения ни в Закаспийской области, ни во всем Туркестанском крае. Значительное ухудшение положения трудящихся в это время и царские репрессии вызывали лишь озлобление в массах и решимость бороться. В ответ на запрос туркестанского генерал-губернатора все военные губернаторы края и начальник Закаспийской области единодушно сообщили в сентябре 1907 г., что «спокойствие во вверенных им областях отнюдь не может считаться восстановленным»[1]. Но и в последующие годы, несмотря на репрессии, положение в Закаспийской области и во всем Туркестанском крае продолжало оставаться напряженным. Из года в год туркестанский генерал-губернатор доносил об этом военному министру. Например, в 1910 г. он сообщал, что события в Закаспийской области «не дают основания считать, что революционное движение в этой области совершенно уничтожено»[2], в 1911 г. он снова писал, что события в Закаспийской области «не дают никаких оснований полагать, что в области наступило полное успокоение»[3] и т. д. Именно поэтому в течение всего периода столыпинской реакции продолжало действовать как в Закаспийской области, так и во всем Туркестанском крае положение либо о «чрезвычайной», либо об «усиленной охране».

На территории Туркменистана продолжали действовать социал-демократические организации, комитеты железнодорожного союза, военно-революционные организации и т. д. Они вели пропаганду, продолжали выпускать листовки. Их неоднократно громили, но они снова восстанавливались. 2 июля 1907 г. начальник жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д. доносил: «Безнаказанность..., а также побеги важных арестантов увеличили дерзость революционных организаций железной дороги, которые, поджигаемые возвратившимися в край делегатами и членами центрального комитета[4], принимавшими, между прочим, участие в конференции, бывшей в Англии перед роспуском Государственной думы[5], ожидают только сигнала для всеобщей забастовки с вооруженным восстанием»[6].

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 106, л. 3.
[2] Там же, лл. 152—153.
[3] Там же, лл. 191—193.
[4] Имеются в виду так называемые «делегаты» (члены местных комитетов) и члены Центрального комитета железнодорожного союза Среднеазиатской ж. д.
[5] Речь идет здесь о V (Лондонском) съезде РСДРП, на котором в качестве делегата с совещательным голосом от Закаспийской области присутствовал Похвистнев (Тульский) — рабочий Асхабадского ж. д. депо.
[6] ЦГИА УзССР, ф. 113/с, Судн. часть штаба ТВО, д. 107, л. 154.

Дело в том, что еще в конце 1906 г. (9—15 декабря) состоялся в Таммерфорсе 3-й съезд Всероссийского железнодорожного союза, на котором было принято решение — объявить всеобщую железнодорожную забастовку и поднять вооруженное восстание «при разгоне будущей (т. е. II-й) Государственной думы». Решение это было принято под давлением эсеровской партии, под влияние которой уже со второй половины 1906 г. все больше и больше подпадал Всероссийский железнодорожный союз и его Центральное бюро.

Совершенно ясно, что вся эта затея со всеобщей забастовкой и вооруженным восстанием в условиях поражения революции, в обстановке спада революционного движения в России — являлась чистейшей эсеровской авантюрой.

Однако в Закаспийской области, как и в других частях Туркестана, где было налицо еще повышенное революционное настроение рабочих, — даже некоторые социал-демократические организации, в которых в это время стало преобладать меньшевистское влияние, всерьез приняли эту авантюру и усиленно готовились к ее осуществлению.

13 июня 1907 г. в Асхабаде состоялось объединенное заседание Областного комитета железнодорожного союза Среднеазиатской ж. д. совместно с делегатами от военных организаций всего Туркестанского края. На этом заседании, по сообщению начальника жандармского полицейского управления Среднеазиатской ж. д., было «доложено о полной будто бы подготовке для вооруженного восстания всех войск, за исключением мелких частей пограничной стражи, казаков и некоторых частей Асхабадского гарнизона и небольшой части в Мерве. Особенно подготовлен и солидарен с революционными организациями будто бы Ташкентский гарнизон»[1]. Однако сигнала от Центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза о начале восстания так и не последовало. И вся эта затея, как и следовало ожидать, провалилась, не будучи даже начатой. Впрочем, она имеет несомненный исторический интерес — события, связанные с этой затеей, показывают, что в массах рабочих Закаспийской области и всего Туркестанского края, особенно же у передового пролетарского отряда — рабочих Среднеазиатской ж. д., и после поражения революции не исчезла революционная энергия — они были настроены по-боевому, революционные волнения в их среде не прекращались. Все больше накапливались в рабочих массах озлобление и жажда мести по отношению к царскому самодержавию за все те страдания и издевательства, которые им приходилось переносить.

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 113/с, Судн. часть штаба ТВО, д. 106, л. 22.

Именно этим состоянием масс и воспользовались эсеры, которые значительно усилились в 1907 г., главным образом, за счет притока новых сил, бежавших из России в Туркестан и Закаспийскую область. Наоборот, местные социал-демократические организации были значительно ослаблены непрекращавшимися репрессиями царских властей против большевиков и наиболее активных, революционно-настроенных рабочих.

Это привело к тому, что революционная энергия масс начала находить себе выход в террористических актах против наиболее кровожадных и ненавистных царских администраторов. Надо сказать, что не только беспартийные пролетарии по собственному почину, но кое-кто и из социал-демократических рабочих Туркменистана, в ответ на свирепые репрессии царских властей, стали в это время на путь применения террора. Местные же организации РСДРП не только не останавливали их, но зачастую даже поощряли. Больше того, на Закаспийской областной конференции РСДРП (февраль 1907 г.) была принята даже специальная резолюция «О терроре», поощрявшая террористические акты. Отмечая, что «усилившиеся репрессии и белый террор правительства, — говорилось в этой резолюции, — принимают широкие размеры и этим тормозится партийная работа, конференция признает (необходимым) на белый террор правительства ответить красным, при условии, чтобы террор исходил снизу массы [так сказано в подлиннике], а не сверху, от отдельных лиц; террор признать не как средство борьбы с самодержавием, а как средство для самообороны»[1].

Это неправильное решение лишь затемняло классовое самосознание рабочих, затрудняло борьбу социал-демократических организаций с распространением эсеровского влияния в массах и вносило лишь дезорганизацию в ряды самих социал-демократов.

В 1907—1909 и в последующие годы на территории Закаспийской области произошло большое количество террористических актов и экспроприаций. Были убиты начальник Среднеазиатской дороги генерал Ульянин, жандармский ротмистр Егупов, начальник Мервского депо Цвейфель, провокаторы Руш и Апошнянский и многие другие. Наиболее крупной экспроприацией было ограбление Чарджуйского казначейства в 1908 г.

Вместе с тем, несмотря на совершенно правильное постановление той же Закаспийской областной конференции

---

[1] См. протоколы конференции (ЦГИА УзССР, ф. 133, Прок. Ташк. Суд. Палаты, д. 481, лл. 11—13).

РСДРП об отношении к эсерам, с которыми запрещалось входить в какие-либо соглашения «по вопросам принципиального характера» и допускались лишь «технические соглашения во время единичных и массовых выступлений»[1], — некоторые социал-демократические организации Закаспийской области все же нарушали это постановление, иногда довольно тесно связывались с эсеровскими организациями, участвовали в террористических актах. Например, асхабадские социал-демократы приняли деятельное участие в работе созданной эсерами в 1908—1909 гг. «Асхабадской военно-революционной организации» (АВРО) и т. п.

Широко развившиеся «анархистские тенденции в рабочей массе»[2]. Закаспийской области, с которыми не только не боролись местные социал-демократические организации, но даже поощряли их, сильно мешали политическому воспитанию масс и принесли в конечном итоге большой вред местному рабочему движению. Это особенно ярко проявилось несколько позже — уже в первые годы Советской власти в Туркменистане, когда некоторая часть местных рабочих оказалась вовлеченной в антисоветскую, белогвардейско-эсеровскую авантюру.

На примере Закаспийской области особенно отчетливо видно, насколько правильна была тактическая линия большевиков. Несмотря на некоторую наружную эффектность террора, он фактически нисколько не вредил царскому самодержавию. На место убитых немедленно же назначались другие, иногда еще более жестокие царские администраторы. Наоборот, террористические акты в известной мере даже помогали царизму—они давали повод еще больше усиливать репрессии, распространявшиеся и на ни в чем не повинных граждан, еще беспощаднее расправляться с деятелями революции, еще свирепее громить рабочие и иные общественные организации и т. д. Интересно мнение самих царских властей об эффективности террора: «На долю революционеров, — писал в феврале 1907 г. военный губернатор Ферганской области, незадолго перед тем сам подвергшийся террористическому акту, — остались лишь террористические акты, крайне неприятные для отдельных должностных лиц, но малозначащие для общего порядка области, а в иных случаях они дают прямо противоположный результат тому, какой желателен для революционеров»[3].

Царские репрессии, которые с наступлением столыпинской реакции обрушились на большевиков и наиболее активных,

---

[1] Протоколы конференции (ЦГИА УзССР, ф. 133, Прок. Ташк. Суд. Палаты, д. 481, лл. 11—13).

[2] См. резолюцию V съезда РСДРП—«О партизанских выступлениях».

[3] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 372, л. 30.

революционно-настроенных рабочих, чрезвычайно ослабили социал-демократические организации Закаспийской области. Кизыл-Арватская организация РСДРП, после ряда высылок и арестов, оказалась почти полностью разгромленной; фактически прекратили свое существование и социал-демократические организации в Казанджике и Чарджуе. В некоторых городах уцелели лишь отдельные члены партии, которые фактически никакой работы уже не вели. Вот что, например, сообщало в 1911 г. Туркестанское охранное отделение о Чарджуйской организации РСДРП: «Организации партии социал-демократов в Чарджуе нет; после ликвидаций последних лет организация была совершенно разгромлена»[1].

Но и в других социал-демократических организациях области число членов партии резко сократилось: некоторые мелкобуржуазные, меньшевистски настроенные попутчики партии, вошедшие в организации РСДРП в период бурного подъема революции, покидали теперь партийные ряды, опасаясь репрессий царских властей и не веря в возможность нового подъема революции. Кое-кто из колеблющихся элементов переходил к эсерам или анархистам и занялся террором и экспроприациями. Отдельные лица из наиболее трусливых и шкурнически настроенных попутчиков революции становились на путь предательства: будучи завербованными охранкой, они делались провокаторами, шпионили внутри организаций и предавали революционеров. Разложение и панику в ряды социал-демократических организаций вносили оппортунистические меньшевистские элементы.

Дольше других просуществовали социал-демократические организации в Мерве, Красноводске и Асхабаде. Мервская организация РСДРП была разгромлена 12 июля 1908 г.; к этому времени она состояла из 14 человек, преимущественно местных железнодорожных рабочих[2], причем распоряжением министра внутренних дел все 14 человек были высланы из Туркестанского края[3]. В Мерве же имелась и военная организация[4].

Лишь в 1912 г. меньшевики-ликвидаторы добились роспуска Красноводской организации РСДРП и ее комитета; после этого в Красноводске продолжала работу небольшая группа большевиков во главе с В. Д. Дмитриевым.

Асхабадская организация РСДРП просуществовала при-

---

[1] Республ. партархив при ЦК КПУз., ф. Турк. охран. отдел., д. 2203, лл. 108—109.

[2] См. ЦГИА УзССР, 12/с, Турк. охран. отдел., д. 224, лл. 1—3.

[3] См. там же, л. 11.

[4] См. ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 106, лл. 58—59.

мерно до апреля — мая 1909 г., когда фактически прекратила свое существование в связи с ликвидацией «Асхабадской военно-революционной организации» (АВРО), с которой местные социал-демократы были тесно связаны. Асхабадская социал-демократическая организация в период столыпинской реакции насчитывала в своих рядах всего лишь около 2—3 десятков человек и подвергалась неоднократным разгромам со стороны царских властей. Уже 16 сентября 1907 г. было выслежено царскими сыщиками собрание этой организации на квартире у социал-демократа А. Коломина в составе 25 человек. Нагрянувшая полиция доставила всех участников собрания в полицейское управление для «выяснения личности», но затем отпустила, так как ничего «предосудительного» во время обыска обнаружено не было. Только сам А. Коломин и студент Сокольский—представитель эсеровской организации — были арестованы «в порядке охраны». Однако этот налет полиции на собрание Асхабадской социал-демократической организации не прекратил ее существования. Она продолжала свою работу, постепенно пополняясь новыми силами, прибывавшими из других городов. Так например, в этот период в Асхабад вернулся из Баку, после отбытия тюремного заключения, большевик В. П. Вахнин, принимавший деятельное участие в революционном движении Асхабада в 1905—1906 гг. (был членом Центрального стачечного комитета Средазиатской ж. д. в период октябрьской и ноябрьской забастовок 1905 г. и проч). По поводу Асхабадской организации РСДРП начальник Туркестанского охранного отделения доносил в декабре 1908 г.: «В Асхабаде имеется такой кружок [т. е. кружок социал-демократов], ныне пытающийся организоваться более прочно»[1]. Именно в это время, т. е. в конце 1908 г., асхабадские социал-демократы тесно связались с «Асхабадской военно-революционной организацией» (АВРО), приняв деятельное участие в ее пропагандистской работе в армии.

Как Асхабадской, так и Мервской организациям РСДРП удавалось даже в тяжелых условиях столыпинской реакции и непрекращавшихся репрессий вести кое-какую массовую работу. Так например, в июне 1907 г. была организована массовая демонстрация рабочих и солдат на станции Асхабад[2].

Из сообщения Министерства внутренних дел от 18 марта 1908 г. мы узнаем, что в Кизыл-Арвате, под влиянием приезжих агитаторов, среди железнодорожных рабочих «за послед-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 567, лл. 38—41.
[2] Там же, оп. 1, д. 364, л. 207.

нее время стало проявляться революционное брожение»[1]. В связи с этим были приняты строгие меры, направленные к тому, чтобы не допускать приезда агитаторов в Кизыл-Арват. Товарищ министра внутренних дел сенатор Макаров в своем циркулярном письме генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам от 18 марта 1908 г. сообщал, что высылка поднадзорных в Кизыл-Арват в дальнейшем воспрещена и предложил предупредить всех высылавшихся под надзор полиции «в избранные места жительства», что «в случае прибытия их в Кизыл-Арват, они будут удалены оттуда распоряжением местной административной власти»[2]. Более того, в целях пресечения деятельности «приезжих агитаторов из Баку», в Красноводске с 1909 г. была учреждена специальная должность полицейского надзирателя для наблюдения за прибывающими с Кавказа «подозрительными элементами»[3].

Как Мервская, так и Асхабадская организации РСДРП продолжали в это время выпуск листовок, печатавшихся в подпольной типографии Закаспийского областного комитета РСДРП. Так например, Мервская организация в связи с предстоявшим судом над социал-демократической фракцией II Государственной думы выпустила 5 ноября 1907 г. листовку (1100 экз.) «Товарищи рабочие и граждане!», призывавшую массы к выражению протеста против комедии суда над народными избранниками. «Товарищи и граждане!—говорилось в листовке.—Мы должны протестовать против этой комедии, против шемякина суда, протестовать всеми силами своей души и всеми средствами, какие имеются у нас в руках. Мы должны все, как один человек, заявить, что мы не признаем этого суда, что мы не признаем законов, написанных самими же судьями, и что, наконец, не ворам и разбойникам судить народных представителей, а вместе с ними, значит, и народ. а наоборот: представители народа и народ должны судить воров и разбойников. Товарищи и граждане! Мы призываем Вас исполнить свой долг перед депутатами II-й Государственной думы, членами социал-демократической фракции, так же честно, как свой долг перед нами исполнили они»[4]. Мервская организация РСДРП вела также агитационную работу в воинских частях: «Квартира Волчка (по сведениям охранки, руководителя местной с-д организации — *ред.*) в Мерве, — читаем в одном из документов Туркестанского охранного отде-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 427, л. 7.
[2] Там же.
[3] Там же, оп. 1, д. 620, л. 2.
[4] Там же, 12/с, Турк. охран. отдел., д. 2291, л. 75.

ления, — служила явочным центром для общения агитаторов с членами местного гарнизона»[1]. Асхабадская организация РСДРП выпустила к 1 мая 1908 г. листовку «Первое мая»[2], которая разбрасывалась на улицах Асхабада, и т. д.

В конце 1908 г., как уже сказано, асхабадские социал-демократы связались с местной «Военно-революционной организацией» (АВРО), созданной асхабадским комитетом эсеровской партии еще в 1907 г.[3]. Работа этой организации (АВРО) среди местных воинских частей была значительно усилена к концу 1908 г., хотя эсеры по-прежнему преобладали в ней и новый устав организации был разработан в эсеровском духе[4], началась усиленная вербовка солдат в члены АВРО. Избирались батальонные комитеты АВРО, велись среди солдат кружковые занятия, еженедельно устраивались за городом сходки, на которых присутствовало обычно по 70—100 солдат. Местные социал-демократы не только вели кружковые занятия, но и выступали основными ораторами во время солдатских сходок. Деятельную работу среди солдат под флагом АВРО вели социал-демократы Сергеев (Петров), прибывший из Баку, Вахнин, Кононова и другие. «Этот Сергеев,—сказано в донесении начальника Туркестанского охранного отделения, — был командирован партией (РСДРП—*ред.*) в качестве профессионала из Баку для пропаганды среди войск ввиду объединения, на почве пропаганды среди солдат, асхабадских социалистов-революционеров и социал-демократов»[5].

19 апреля 1909 г. очередная сходка АВРО за городом была окружена казаками, и участники сходки (50 человек) почти поголовно арестованы. Одновременно была разгромлена асхабадская организация эсеров. Пострадала также и местная социал-демократическая организация. Часть ее членов (в том числе Сергеев-Петров, Вахнин и другие) была арестована, часть успела скрыться. После этого Асхабадская организация РСДРП фактически прекратила свое существование и лишь в 1911 г., в период оживления рабочего движения, освобожденный из под ареста большевик Вахнин пытался вновь воссоздать организацию. «По отбытии наказания в 1911 г., — сообщало Туркестанское охранное отделение, — Вахнин задался целью снова организовать социал-демократические кружки в г. Асхабаде из числа немногих членов этой партии, остав-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 224, л. 15.
[2] Там же, д. 2277, л. 119.
[3] См. Заключение по следственному производству об Асхабадской военно-революционной организации. (ЦГИА УзССР, ф. 113/с. Судн. часть Штаба ТВО, оп. 1, д. 128, лл. 174—179).
[4] См. ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 58, лл. 4—7.
[5] ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охран. отдел., д. 986 а, лл. 59—60.

шихся после ликвидаций, преимущественно железнодорожных и сочувствующих социал-демократическому движению горожан. С этой целью он делал собрания, на которые, кроме указанных выше элементов, старался привлечь и лиц, приезжающих в Асхабад из Баку и Кавказа.... Собрания Вахнина производились у него на квартире и (у) учителя Айкуни. Ввиду отсутствия материальных средств на партийную работу кружком Вахнина на сходке 25 марта 1911 г., решено было делать 2% взнос из получаемого членами кружка жалования и делать сборы в пользу политических заключенных как среди кружка, так и среди сочувствующих». «Вахнин, — говорится дальше в сообщении,—держит себя крайне осторожно и сильно конспирирует; в апреле того же, 1911 г., по каким-то причинам, как можно предполагать, заметив за собой филерское наблюдение, Вахнин бросил партийную работу и просил членов кружка прекратить с ним сношения, впредь до его указаний»[1].

Имеются сведения, что в период столыпинской реакции (в 1907—1909 гг.) существовала также «Кушкинская военная организация»[2].

Революция 1905—1907 гг., как уже говорилось, оказала огромное влияние на туркменское национальное крестьянство. Местные царские власти в один голос заявляли, что после революции отношение к ним со стороны туркменского населения резко изменилось, причем это наблюдалось даже в наиболее отдаленных районах Закаспийской области. Например, пендинский пристав из Тахта-Базара писал в своем рапорте (март 1910 г.): «К администрации... население относится непочтительно, об администрации очень невысокого мнения. Престиж администрации среди туземцев [т. е. туркмен] подорван»[3]. О том же доносили, как указывалось выше, и другие агенты царской власти на местах.

Эта «непочтительность», это резкое изменение отношения туркменских крестьян к представителям царской администрации особенно ярко проявлялось во время крестьянских волнений в туркменской национальной деревне, которые имели место кое-где и в период столыпинской реакции.

Например, в июле 1909 г. произошло возмущение туркменских крестьян в ауле Артык, Атекского приставства, Теджинского уезда, расположенном вблизи железнодорожной станции того же наименования (ст. Артык). Крестьяне были воз-

---

[1] Республ. партархив при ЦК КПУз., ф. Турк. охр. отдел., д. 2203, лл. 20—26.

[2] ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., VII д-во, д. 2615—1911 г.

[3] ЦГА ТССР, ф. 1/с, оп. 2, д. 372, лл. 25—27.

мущены бездействием царских властей, не принимавших никаких мер против задержки на персидской территории воды, которой орошались поля аула Артык. Благодаря этому гибли посевы артыкских крестьян (речка Артык, на которой стоит одноименный аул, берет начало в горах на персидской территории).

Возмущение крестьян было столь велико, что для улаживания дела на месте в аул Артык по предложению начальника Закаспийской области выехал «сам» тедженский уездный начальник подполковник Ломакин в сопровождении атекского пристава.

Побывав на персидской территории, но ничего не сделав для пропуска воды в аул Артык, эти царские администраторы собрались было уезжать во-свояси, однако, были буквально атакованы туркменскими крестьянами, требовавшими немедленного пропуска воды на их погибавшие поля.

Лишь при содействии жандармской полиции удалось улизнуть растерявшимся царским администраторам от возмущенных крестьян.

Настроение туркменских крестьян было настолько повышенным и боевым, что царские власти для их успокоения немедленно же приняли меры через дипломатические каналы к пропуску воды с персидской территории в аул Артык, а начальник Закаспийской области вынужден был даже указать тедженскому уездному начальнику на «неприличный случай на ст. Артык, когда на настойчивое требование туркмен объясниться Вы прибегли к помощи жандармской полиции», вместо того, чтобы самому успокоить крестьян[1].

В вышецитированном рапорте тедженского уездного начальника на имя начальника Закаспийской области от 29 июля 1909 г. есть указание на то, что и до этого—в 1908 г. — в том же ауле Артык имели место «недоразумения» между туркменскими крестьянами и царской администрацией, причем «подстрекателем» в то время явился туркменский крестьянин Шабасан[2].

Подобные же вспышки крестьянских волнений в туркменской национальной деревне происходили в период столыпинской реакции кое-где и в других районах Закаспийской области.

Не бесследно для Закаспийской области прошла революция 1906—1911 гг. в рядом расположенной Персии. Эта революция оказала особенно сильное влияние на довольно компактное персидское население области, которое на время бы-

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 3544, л. 10.
[2] Там же, лл. 4—7.

ло вовлечено даже в непосредственную борьбу, происходившую на территории Персии. Здесь оказалось немало активных сторонников народно-революционных энджуменов[1], точно так же как и приверженцев низложенного во время революции шаха Мамед-Али. Сюда бежали из Персии, в зависимости от хода революции как революционеры, так и сторонники шаха. В Асхабаде был даже создан энджумен, развернувший широкую деятельность, направленную, главным образом, на организацию помощи персидской революции.

Асхабадский энджумен и вообще деятельность персидских революционеров на территории Закаспийской области оказали, несомненно, большое воздействие на развитие революционного движения в приграничной персидской провинции Хорасан и, особенно, в таких городах, как Мешхед (около 200 *км* от Асхабада) и Кучан (около 80 *км*). Если в начале персидской революции население этой провинции и указанных городов было в общем консервативно настроено и почти не принимало участия в революции (в Мешхеде был лишь создан энджумен), то уже с конца 1908 г. положение резко изменилось. С этого времени началось здесь широкое революционное движение — восстания, перестрелки с правительственными войсками, забастовки; из Мешхеда на помощь революционерам других районов страны посылались добровольцы-фидаи и т. д. Особенно широкий размах приняло здесь движение в 1909 г.—в период революционного похода на Тегеран и в последующие годы. В этом, несомненно, сказалось влияние, шедшее с севера—из Закаспийской области, где массы персидского населения многое видели и многому научились в период революции 1905—1907 гг.

Получив подробные сведения об Асхабадском энджумене и деятельности персидских революционеров в Закаспийской области, туркестанский генерал-губернатор в телеграмме ст

---

[1] *Энджумены*, т. е. *комитеты*, *клубы* или *объединения*, возникли стихийно во время персидской революции 1906—1911 гг., они существовали почти по всех городах Персии и представляли собой общественно-политические организации. Будучи органами революционной самодеятельности масс, они существовали наряду с официальными органами власти и оказывали сильное давление на работу последних. Они защищали граждан от притеснений и произвола властей, боролись с мародерством и спекуляцией, регулировали цены на предметы широкого потребления и т. п. В ряде городов они являлись органами местного революционного самоуправления, а иногда даже захватывали всю власть в свои руки, как например, это было в г. Тавризе в 1908 г. Особенно большую роль в персидской революции сыграли энджумены Тавриза, Решта, Исфагани и, отчасти, Тегерана. Значительную активность проявляли также энджумены в Мешхеде (на границе с Закаспийской областью), Ардебиле, Хамадане, Ширазе, Бендер-Бушире и других городах.

16 июля 1909 г., посланной военному министру и министру иностранных дел, просил «разрешения выдворить в пределы Персии членов Асхабадского энджумена», «тем более, — писал он, — что дальнейшее существование (энджумена) в городе может угрожать спокойствию местного многочисленного магометанского населения»[1].

Персидская революция, значительно более продолжительная нежели турецкая, значительно более радикальная, захватившая собой и широкие демократические «низы» населения, в том числе рабочих[2], сопровождавшаяся забастовками и сбнаружившая удивительное упорство масс в борьбе с шахом— естественно оказала значительно большее влияние на массы местного коренного населения Закаспийской области и Туркестана, нежели верхушечная турецкая буржуазная революция. Если эта последняя всколыхнула лишь буржуазно-националистическую верхушку в Туркестане, то персидская революция отозвалась эхом и среди местного крестьянства (особенно туркменского), среди рабочих коренных национальностей (прежде всего, персов) и среди других демократических слоев населения. Этому способствовала, несомненно, и территориальная близость Персии к Туркестану.

Об этом влиянии персидской революции на местное коренное население сообщал, например, туркестанский генерал-губернатор в своем письме на имя военного министра Сухомлинова от 8 августа 1909 г.[3]: «Пребывание, — писал он, — подобных революционеров[4] в Асхабаде, Мерве и других городах Закаспийской области вместе с проживающими революционными элементами мусульман Кавказа, производит самое пагубное влияние на коренное мусульманское население области... Местным властям оказывается не только неуважение, но иногда даже и открытое неповиновение». И дальше: «Персидско-подданные, проживающие в разных местностях Туркестана в качестве чернорабочих, после введения в Персии конституции высоко подняли головы и стали рассуждать на политические темы. Так например, один персианин Баба Зейналов в депо на ст. «Черняево» и его товарищи персидско-подданные в разговорах с русскими рабочими... заявляют, что в случае каких-либо у нас противоправительственных беспорядков и волнений персиане-рабочие в депо не будут, как раньше, безразлично относиться к этому, а примкнут к русским...».

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 47, л. 38.

[2] Во время революции в Персии возникали персидские с-д группы в различных городах, например, в Тавризе и др.

[3] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 47, лл. 45—47.

[4] Речь идет о персидских революционерах.

И это были не только слова. В период нового подъема революционного движения в России (1910—1914 г.) и во время первой мировой войны персидские рабочие, особенно в Закаспийской области, приняли самое деятельное участие в забастовочном движении вместе с русскими рабочими.

Таково было воздействие персидской революции на персов-рабочих Закаспия. Оно явилось, как указывал В. И. Ленин, «обратным отражением»[1] того огромного влияния, которое оказала на Персию и другие азиатские страны русская революция 1905—1907 гг., вызвавшая, как известно, в этих странах целую серию национально-буржуазных революций.

2. Туркменистан в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.)

С 1910 г. в России начался новый революционный подъем. « Сначала подъем, — писал В. И. Ленин,—был невероятно, медленный, потом, после ленских событий 1912 года, несколько более быстрый»[2]. В 1911 г. стали проявляться и в Закаспийской области некоторые, правда еще слабые, признаки оживления в рабочем движении. На отдельных предприятиях начались забастовки, чего в период столыпинской реакции не наблюдалось. Так например, в 1911 г. была проведена забастовка рабочими типографии газеты «Асхабад»[3]. Бастовали в этом году и некоторые другие мелкие предприятия Закаспийской области.

4 (17) апреля 1912 г. прогремели выстрелы на Ленских золотых приисках, затерянных в далекой сибирской тайге — одном из самых глухих, медвежьих углов царской России. В угоду английским капиталистам — хозяевам «Ленского золотопромышленного товарищества» — и их русским компаньонам, для устрашения рабочих, для того, чтобы припугнуть рабочих других городов и местностей царской России, поднимавшихся к борьбе, были расстреляны сотни ни в чем не повинных людей: 270 рабочих были убиты, 250— ранены.

Но палачи явно просчитались. «Спасительное» кровопускание, на которое возлагалось царскими властями столько надежд, неожиданно для них дало совершенно обратные результаты. В ответ на ленский расстрел по всей царской России грозно прокатилась волна политических забастовок, демонстраций, митингов протеста, которые явились предвестником великой революционной бури 1917 г.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 546.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 12.
[3] См. ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 106, лл. 191—193.

По самому приблизительному подсчету, в забастовках, связанных с ленскими событиями, участвовало около 300 тыс. рабочих, а в первомайских забастовках 1912 г. — 400 тыс. Десятки и сотни протестов рабочих против дикого расстрела на Лене были посланы в социал-демократическую фракцию Государственной думы. В самом Петербурге состоялась многотысячная демонстрация рабочих и студентов. Ленские события всколыхнули и подняли весь рабочий класс страны.

О значении ленских событий В. И. Ленин писал в статье «Революционный подъём» (4 июня 1912 г.): «Ленский расстрел... явился точнейшим отражением всего режима третьеиюньской монархии. Вовсе не борьба за одно из *прав*, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во *всех* отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные *права*, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что *зажгли* массы *революционным* огнем»[1].

Если в 1912 г. бастовало свыше миллиона рабочих (по официальным отчетам 725 тыс.), а в 1913 г. — 1272 тыс. (по официальным данным 861 тыс.), то уже в 1914 г. (только за первую половину года) бастовало около полутора миллиона рабочих. Особенно бурным стачечное движение было в Петербурге, Прибалтийском крае, Москве, Поволжье, на юге России, в Польше, на Кавказе. Эти забастовки (1912—1914 гг.) В. И. Ленин называл революционными забастовками, под которыми он понимал соединение экономических и политических стачек, придававших движению огромную силу.

В 1913 г. стачечная волна продолжала все нарастать и достигла своей высшей точки к лету 1914 г., когда забастовки начали перерастать уже в демонстрации, восстания, баррикадные бои. В конце мая 1914 г. была объявлена всеобщая забастовка в Баку, в которой принимало участие около 35 тыс. рабочих; в июне состоялась 20-тысячная демонстрация бакинских рабочих. В ответ на репрессии царизма бакинские рабочие начали строить на улицах баррикады. Несмотря на дикие репрессии, жестокую расправу с забастовщиками, бакинская стачка продолжалась с мая по август и прекратилась лишь с началом мировой войны. Эта забастовка послужила толчком к июльским митингам и забастовкам в Петербурге,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 87.

в которых принимало участие более 200 тыс. рабочих и которые начали перерастать в вооруженное восстание. Как и в Баку, дело дошло до попыток строить баррикады. Полиция стреляла в рабочих. Забастовка была объявлена в знак протеста против репрессий и в знак солидарности с бакинскими рабочими по призыву Петербургского комитета партии. Забастовки солидарности с бакинскими рабочими происходили в это время и в других городах (в Москве и проч.).

Нарастание революционного движения в рабочей среде дало толчок движению в крестьянских массах. Крестьяне снова поднимались на борьбу с помещиком, жгли и уничтожали помещичьи имения и кулацкие «столыпинские» хутора. Всего за время с 1910 по 1914 г. зарегистрировано свыше 13 тыс. крестьянских выступлений. Начались восстания и в войсках, например, восстание саперов в Ташкенте в 1912 г. и другие.

К 1912 г. социал-демократические организации Закаспийской области оказались, как уже сказано, почти полностью разгромленными. «Ликвидациями последних лет, — говорилось в донесении заведующего Асхабадским розыскным пунктом в департамент полиции от 23 мая 1912 г., — все революционные организации социалистов-революционеров и социал-демократов в Закаспийской области разбиты, но среди служащих на железной дороге и городских жителей Асхабада, Мерва, Красноводска, Кизыл-Арвата и Чарджуя остались отдельные лица из числа прежних партийных деятелей, по различным причинам не ликвидированных, каковые из-за боязни репрессий и отсутствия активных работников... бездействуют в смысле партийной работы...»[1]. Однако и в период нового революционного подъема социал-демократические организации Закаспийской области восстановить почти нигде не удалось. И в этот период в большинстве городов Закаспия вели работу лишь отдельные социал-демократы-большевики, прибывшие в область из других городов России. В Мерве, например, появился в 1911 г. социал-демократ Анисимов, бежавший из Ижевска после разгрома в 1910 г. Ижевской организации РСДРП и поступивший котельщиком в депо ст. Мерв[2]. Кое-какую работу проводил в Чарджуе оставшийся там единственный социал-демократ Семенчик, который, например, производил в 1912 г. сбор средств по подписным листам в пользу вдов и сирот пострадавших рабочих на Ленских приисках[3].

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., Ос. отд., д. 1, ч. 84—1912 г., лл. 60—61.

[2] Республ. партархив при ЦК КПУз., ф. Турк. охр. отдел., д 2208, л. 5.

[3] Там же, лл. 108—109.

В Асхабаде некоторые социал-демократы, в частности, большевики В. П. Вахнин и Д. В. Полуян пытались восстановить партийную организацию, но были арестованы и высланы.

В период нового революционного подъема (1910—1914 гг.) во многих городах Закаспийской области устраивались сходки рабочих и солдат. Например, в телеграмме командующего войсками ТВО военному министру от 22 августа 1912 г. специально указывалось на «происходящие (в) Чарджуе сходки железнодорожных рабочих совместно (с) нижними чинами»[1]. В одной из сводок Туркестанского охранного отделения говорилось, что в Мерве в конце июля 1912 г. «была, по-видимому, сходка нижних чинов»[2] и т. д. Подобные же сообщения поступали и из других городов области.

Сильная большевистская группа организовалась в этот период на нефтяных промыслах острова Челекен. В ее состав входили большевики: Иван Фиолетов, прибывший на о. Челекен в марте 1912 г.[3], И. Решетин, прибывший из Баку в 1912 г., П. Титов, Н. Агамольянц, А. Гигинашвили и др. Группа была тесно связана с бакинской большевистской организацией и вела активную партийную работу среди рабочих промыслов; ей же удалось провести в 1913—1914 гг. на этих промыслах ряд забастовок. Члены группы получали большевистские газеты «Правда Труда», «Путь Правды» и др. Группа была разгромлена лишь к концу революционного подъема — 10 июня 1914 г.[4].

Новый революционный подъем 1910—1914 гг. ознаменовался и в Закаспийской области, как и во всем Туркестанском крае, усилением стачечного движения, восстаниями (например, в Ташкенте) и волнениями в войсках, революционными выступлениями в туркменской деревне. «По данным Туркестанского районного охранного отделения, — телеграфировал командующий войсками ТВО военному министру в августе 1912 г., — в крае начинается развитие революционного движения с обращением деятельности партий на революционизирование войск...»[5].

Наиболее крупным революционным событием этого периода в Туркестанском крае явилось восстание саперов 1 июля 1912 г. в Троицком военном лагере под Ташкентом, которое

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 106, лл. 212—213.

[2] Там же, ф. 102, Департ. полиц., Ос. отд., д. 291, ч. 84—1912 г., лл. 19—20.

[3] В 1918 г. Иван Фиолетов, расстрелян англичанами в числе 26-ти бакинских комиссаров.

[4] См. ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охран. отдел., д. 1441, лл. 8—12; д. 1442, лл. 3—4 и др.

[5] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 106, лл. 212—213.

И. Т. Фиолетов.

нашло затем известный отклик и в других районах Туркестана, в частности в Закаспийской области, куда был переброшен из Ташкента восставший саперный батальон[1].

21 июля 1912 г. в Мерве «на кладбище, — читаем в агентурной сводке Туркестанского охранного отделения за август 1912 г., — было человек до 40 солдат местного гарнизона, которые очень интересовались, что произошло в Ташкенте среди саперов, и говорили, что у них все готово, но нет никаких известий из Ташкента»[2].

«В войсках Кушки идет сильное брожение, — сообщалось в сводке за октябрь 1912 г., — 26 сентября сего года предполагалось какое-то выступление, но почему-то не состоялось»[3].

«Как только дадут сигнал из ташкентских главных мастерских, то везде по линии железной дороги произойдут беспорядки и начнется забастовка, причем Кизыл-Арват станет во главе общего движения» — сообщалось в сводке за август 1912 г.[4]

«Среди железнодорожников (Кизыл-Арвата), — говорилось в этой же сводке, — неспокойно и можно ожидать волнений в виде забастовки..., рабочие в депо ведут себя конспиративно, шушукаются между собой и избегают общения с новыми служащими»[5] и т. д.

Больше того, 11 августа 1912 г. был издан даже специальный приказ по асхабадскому гарнизону с указанием ряда мер на случай возможного восстания в войсках Закаспийской области. «Считаясь с событиями, — угрожающе писал в этом приказе начальник гарнизона, — имевшими место 1 минувшего июля в лагере при с. Троицком, нахожу необходимым быть готовым к худшему»[6].

Однако, ни восстаний в войсках, ни забастовок на Среднеазиатской ж. д., ни каких-либо других крупных революционных событий в этот период в Закаспийской области не произошло. Серьезными революционными выступлениями, главным образом стачечным движением, были захвачены в период нового революционного подъема (1910—1914 гг.) лишь западные районы области (о. Челекен, г. Красноводск и Красноводский уезд), расположенные в непосредственной близости к Баку, где в это время происходили крупные революционные события. Особенно большое влияние на эти районы Закаспий-

---

[1] Батальон был переброшен в г. Мерв. См. ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охран. отдел., д. 1163, лл. 9—10.

[2] ЦГИАМ, ф. 102. Департ. полиц., Ос. отд., д. 291, ч. 84—1912 г., лл. 19—20.

[3] Там же.

[4] Там же, д. 5, ч. 84, лл. 66—67.

[5] Там же.

[6] ЦГВИА, ф. 1396, Штаб ТВО, д. 7, лл. 8—9.

ской области оказала длительная и упорная всеобщая стачка в Баку, начавшаяся в конце мая 1914 г. и едва не закончившаяся вооруженным восстанием.

Первая забастовка на нефтяных промыслах о. Челекен[1] относится к августу 1913 г. 15 августа в 9 часов вечера на промысле Гаджинского было выключено в казармах персидских рабочих электрическое освещение, был дан гудок и сделана попытка остановить паровые котлы. Рабочие немедленно же собрались у кочегарки в количестве около 300 человек. Однако забастовка была быстро прекращена, так как немедленно же явившийся управляющий промыслом объявил, что им вводятся те же условия для работы, что и на остальных промыслах острова (на промысле Гаджинского условия труда были более тяжелыми); одновременно полиция арестовала одного из «зачинщиков»—рабочего Мычко[2]. Все это произошло под непосредственным влиянием стачечного движения на бакинских нефтепромыслах. «Газетные сообщения и слухи о забастовке промысловых рабочих и служащих в Бакинском районе отразились на настроении челекенских рабочих»—писал Красноводский уездный начальник в рапорте на имя начальника Закаспийской области от 22 августа 1913 г. «В дальнейшем, — продолжал он, — все будет зависеть от того, будут ли забастовки на промыслах в Баку и в какие они выльются формы, так как между Челекеном и Баку постоянная связь и всякое движение рабочих в Баку передается на Челекен»[3].

Но в Баку революционные события бурно развивались в это время. А потому и рабочие на о. Челекен не успокоились. Они решили предъявить администрации промыслов ряд экономических требований в целях улучшения своего положения, которое рабочие характеризовали, как «до невозможности тяжелое»[4]. В конце августа были выработаны соответствующие требования, состоявшие из 22-х пунктов, и 1 сентября предъявлены выборными рабочих промысла Вишау своей администрации. При этом рабочие «заявили, что если администрация

---

[1] На о. Челекен работало в это время на нефтепромыслах Нобеля Вишау, Гаджинского и др. в общей сложности около 1500 рабочих, главным образом персов—персидско-подданных (см. ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., IV д-во, д. 22, ч. 2—1914 г., л: 11).

[2] До поступления на челекенские нефтяные промыслы Мычко работал в главных мастерских Среднеазиатской ж. д. в Кизыл-Арвате и на Бакинских нефтяных промыслах (см. ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 124, лл. 192—193).

[3] ЦГА ТССР, ф. 1/с, оп. 2, д. 211, лл. 15—21.

[4] См. «Требования рабочих» от 1 сентября 1913 г. (ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охран. отдел., д. 1331, л. 144).

не согласится удовлетворить рабочих к двум часам 6 сентября, то рабочие объявят забастовку»[1].

Рабочие требовали увеличения зарплаты от 10 до 30% в зависимости от заработка, 2-месячных наградных в течение года, полного уничтожения штрафов, одномесячных отпусков с сохранением содержания, оплаты части заработка больным, установления таксы на продукты первой необходимости в магазине, улучшения квартирных условий, устройства бани, прачечной и т. д.[2]. Такие же требования вскоре были предъявлены и на других промыслах о. Челекена (Нобеля, Гаджинского и др.).

По совету царских властей, которые боялись распространения забастовки и на другие районы Закаспийской области, администрация челекенских нефтепромыслов пошла на уступки рабочим и почти целиком удовлетворила их требования[3].

Но особенно серьезные события произошли на о. Челекене и в Красноводском уезде весной 1914 г., причем еще с большей, чем прежде, активностью включились в борьбу персидские рабочие, которые в отдельных случаях становились даже «зачинщиками» движения.

В марте 1914 г. забастовали все 60 рабочих и служащих Куулинских соляных промыслов[4] в Красноводском уезде (около 50—60 *км* от Красноводска) вследствие самовольного понижения администрацией обусловленной зарплаты рабочим[5].

16 мая 1914 г. грузчики персы артели Гаджиева в Красноводском порту в количестве 50 человек объявили забастовку солидарности с бакинскими грузчиками[6], которые бастовали с 8 мая. Заведующий Асхабадским розыскным пунктом в своем донесении в департамент полиции сообщал, что к забастовке должны были примкнуть все 1000 персидских грузчиков Красноводского порта, однако принятыми мерами (арест и высылка в Персию четырех «зачинщиков») эту забастовку удалось предотвратить. В том же донесении он писал: «Забастовочное движение среди рабочих персидско-поданных, работающих в Закаспийской области, каким является настоящая забастовка, явление первичное и несомненно указывает, что русские рабочие круги, причастные к забастовочному движению, начинают оказывать свое влияние и на рабочих персов,

[1] ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Турк. охран. отдел., д. 1331, лл. 142—143.
[2] См. там же, л. 144.
[3] См. там же, лл. 142—143 и 145.
[4] На Куулинских соляных промыслах работали преимущественно туркменские и казахские рабочие.
[5] См. ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., IV д-во, д. 22, ч. 2—1914 г.
[6] Грузчики бросили работу, не предъявив хозяину никаких требований, и заявили, что «они забастовали потому, что бастуют рабочие в Баку» (ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., IV д-во, д. 22, ч. 2—1914 г.).

по своему культурному состоянию до сих пор не проявлявших своего участия в общем рабочем движении»[1].

В июне 1914 г. снова началось забастовочное движение на нефтепромыслах о. Челекена. С 1 по 4 июня на промысле Вишау состоялись сходки рабочих, на которых были выработаны экономические требования и для предъявления их администрации избраны по два человека от каждой национальности. «На необходимости предъявления экономических требований, — говорилось в донесении заведующего Асхабадским розыскным пунктом в департамент полиции от 21 июня, — настаивали преимущественно рабочие персидско-подданные, составляющие большинство рабочих на промысле — 131 из 199 рабочих»[2]. В результате, 10 июня все 200 рабочих нефтепромысла Вишау дружно забастовали и очень быстро добились почти полного удовлетворения своих требований; уже на следующий день, 11 июня, они снова вышли на работу. В цитированном выше донесении от 21 июня 1914 г. заведующий Асхабадским розыскным пунктом писал: «Характерная особенность этой забастовки и отличие ее от попыток забастовок, бывших на Челекене в августе и сентябре прошлого года, это горячее участие в ней рабочих персидско-подданных, чего раньше не замечалось... Подобного самостоятельного выступления с их стороны предполагать было нельзя[3]. Однако забастовочное движение на о. Челекене после победы рабочих Вишау как-то резко оборвалось: ни один из промыслов больше не бастовал и не предъявлял своих требований. Это можно объяснить только тем, что одновременно с началом стачки на промысле Вишау в этот же день, 10 июня 1914 г., была ликвидирована охранкой Челекенская большевистская группа, которая, несомненно, руководила движением рабочих. Рабочие лишились руководства, что, видимо, и вызвало прекращение стачечной борьбы.

Участились в это время, т. е. в период нового революционного подъема, вспышки крестьянских волнений и в туркменской национальной деревне. Однако они носили стихийный, неорганизованный, локальный характер и быстро прекращались.

Например, летом 1913 г. в Тедженском уезде происходили какие-то волнения среди туркменских крестьян, которые оказались настолько серьезными, что вынудили царские власти усилить войсками уездный центр — Теджен. Об этом гово-

---

[1] ЦГИАМ, ф. 102, Департ. полиц., IV д-во, д. 22, ч. 2—1914 г., л. 11.
[2] Там же, л. 11.
[3] Там же.

рится в докладе начальника Тедженского уезда от 26 июля 1913 г.[1]

Из содержания этого же доклада можно сделать заключение, что указанные волнения среди туркменских крестьян были связаны, по-видимому, с их нежеланием ремонтировать исключительно за свой счет Каррыбентскую плотину, обслуживавшую не только крестьянские, но и казенные кярендные земли, приносившие ежегодно казне не менее 60 тыс. рублей чистого дохода. Волнения прекратились, видимо, после того, как царские власти согласились произвести ремонт плотины за счет земских сумм, что видно из того же доклада.

В том же 1913 г. волнения на почве споров из-за воды имели место и в других пунктах Закаспийской области. Известен, например, ряд случаев, когда туркменские крестьяне препятствовали предпринимателям в использовании ими воды для орошения с предпринимательскими целями. Так, жители аула Каахка, Тедженского уезда воспротивились производству работ по рытью кяриза (подземного канала) в районе их аула предпринимателем Курбан Мамед Ораз Мамед оглы и его компаньонами. Помощник атекского пристава, производивший расследование этого дела и опросивший всех крестьян аула Каахка, доносил начальнику Тедженского уезда, что 1028 опрошенных им крестьян возражали против рытья кяриза и только 114 человек дали на это свое согласие[2].

В октябре 1913 г. домовладелец и торговец из Иолотани (Мервский уезд) Тер-Степаньянц жаловался начальнику Закаспийской области на то, что «жители аула Алныш грозят не отпускать ему воды для полива участка (мюлькового), который он арендовал на 24 года у туркмена этого аула Ага Мурад Текеева для разведения на нем виноградника»[3].

Известен также ряд случаев, когда туркменские крестьяне отказывались платить долги ростовщикам и предпринимателям. Так например, предприниматель Муладзе арендовал участок государственной земли за полотном железной дороги близ станции Асхабад и сдавал ее в субаренду на кабальных условиях туркменским крестьянам из аула Асхабад. В январе 1914 г. он обратился к начальнику Асхабадского уезда с просьбой о взыскании 1085 рублей с крестьян аула Асхабад Ата Тыли-оглы и Сары Ата Тенли, отказавшихся уплатить ему обусловленную $^1/_4$ часть урожая, собранного ими на арендованной у него земле[4].

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 4851, л. 130.
[2] Там же, л. 58.
[3] Там же, 820, л. 3.
[4] Там же, л. 2.

Туркменские крестьяне зачастую оказывали сопротивление царской администрации, отказывались исполнять несправедливые решения судебных органов и т. п. В этом отношении весьма показательны события, происшедшие в г. Мерве в начале мая 1914 г. В архивных делах сохранились по этому поводу 3 постановления начальника Мервского уезда от 5 мая 1914 г. В одном из них говорится об аресте туркменского крестьянина Ораз Сахат Ораз Мамед-оглы из аула Тегелек-Меджек Тохтамышского района «за дерзкое поведение и упорное нежелание подчиниться решению съезда Мервских народных судей»[1]. Во втором—об аресте 4 туркменских крестьян из того же аула «за возбуждение толпы препятствовать арестованию туркмена Ораз Сахат Ораз Мамед-оглы, который не желал подчиниться постановлению съезда Мервских народных судей»[2], и, наконец, в третьем — об аресте 18-ти крестьян из аула Тегелек-Меджек «за произведенный во дворе уездного управления шум и крик по поводу арестования»[3].

Из царских архивов можно почерпнуть еще немало подобных же сообщений, указывающих на «беспорядки» в туркменском ауле.

Все это говорит о том, что туркменский аул вовсе не оставался спокойным. Вспышки крестьянских волнений и возмущений участились в период нового революционного подъема. Эти отдельные огоньки все чаще вспыхивали то здесь, то там в Закаспийской области и ясно говорили о том, что туркменское крестьянство приходило в движение, что упорная классовая борьба все сильнее разгоралась в туркменском ауле.

В тот же период (1910—1914 гг.), в связи с повышением революционных настроений в туркменской деревне, заметно усилилось стремление туркменской феодальной верхушки (ханы, родовые старшины и проч.) использовать недовольство и волнения среди трудящихся масс Туркменистана в собственных интересах, захватить в свои руки руководство стихийными выступлениями масс. Феодальные элементы всячески разжигали межнациональную, межплеменную и межродовую борьбу в целях захвата земли, воды и прочего у своих соперников по эксплуатации масс, в целях сведения счетов со своими противниками, в целях ограбления трудящихся и укрепления феодально-родовых порядков в своих владениях. Эти же элементы пытались посеять рознь между туркменским и русским народами, рассчитывая оторвать Туркменистан от России.

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 553, л. 175. Из дела не видно, в чем состояло это решение съезда мервских народных судей.

[2] Там же, л. 174.

[3] Там же, л. 173.

Одним из наиболее крупных эпизодов реакционной межнациональной борьбы в этот период явилось выступление Шамми-Келя на севере Туркменистана — в Хиве в декабре 1912 г. и январе 1913 г. Воспользовавшись все нараставшим недовольством туркменских трудящихся масс против правящей верхушки Хивинского ханства, которая вела политику всяческих притеснений и ущемления прав туркменского народа, некоторые родовые вожди во главе с Шамми-Келем начали набеги на Хивинское ханство. Шамми-Кель начал грабить мирное узбекское население ханства. «Начальник Аму-Дарьинского отдела донес о происходящих (в) Хиве столкновениях между туркменами и узбеками, — телеграфировал 14 января 1913 г. туркестанский генерал-губернатор военному министру, — возникших вследствие убийства (в) конце минувшего года агентом хивинского правительства влиятельного богатого туркмена. Не добившись от хана удовлетворения, туркмены начали грабежи»[1]. Первый набег был совершен 12 декабря 1912 г. на торговцев, ехавших из г. Ташауза в Тахты. Было всего ограблено 24 торговца, у которых «мятежники» отобрали 6 арб, 20 лошадей, разные товары и около 9 тыс. рублей деньгами. Затем был произведен еще ряд грабительских набегов на мирное узбекское население (17 и 26 декабря 1912 г.). После этого хивинский хан выслал своих нукеров (солдат) для борьбы с «мятежниками»-грабителями, которых скопилось, по донесению начальника Аму-Дарьинского отдела, «от 300 до 500 человек»[2]. В течение всего января 1913 г. происходили столкновения ханских отрядов с людьми Шамми-Келя. В борьбу вмешался на стороне хивинского хана и начальник Аму-Дарьинского отдела, направившийся с казаками в Хивинское ханство. В результате «мятежники» были рассеяны, частью же перебиты или казнены ханом. Сам Шамми-Кель явился к хану с повинной и был им помилован. Таким образом, в итоге этого реакционного выступления пострадали лишь трудящиеся туркмены, вовлеченные Шамми-Келем в межнациональную борьбу, и мирное узбекское население Хивинского ханства.

Подобные выступления феодально-родовой знати Туркменистана воскрешали старые традиционные феодальные войны, набеги и аламанство. Они лишь отвлекали массы от революционной борьбы с действительными угнетателями, затемняли классовое самосознание масс и укрепляли феодально-родовые порядки в туркменском ауле. Но в этом и заключался их социальный смысл и классовое назначение.

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. Гл. Штаба, д. 178, лл. 2—3.
[2] Там же, лл. 24—35.

Националистическое движение в Туркменистане, как и во всей Средней Азии, еще больше усилилось с началом первой мировой империалистической войны.

3. Культура Туркменистана в конце XIX—начале XX в.

За сорок лет пребывания Туркменистана в составе Российской империи, производительные силы страны, как мы видели выше, сделали заметный шаг вперед. Проникновение русского капитализма, постройка железной дороги, устройство колесных дорог и караванных путей, возведение инженерных ирригационных сооружений, открытие пароходства по Аму-Дарье и объединение бухарских районов с Россией в таможенном отношении постепенно втягивали Туркменистан в единый хозяйственный организм государства.

Как указывали классики марксизма-ленинизма, весь ход хозяйственной и общественной жизни в период развития капитализма способствует сближению между собой всех, входящих в его орбиту наций. В связи с этим присоединение Туркменистана к России явилось чрезвычайно важным историческим этапом не только на пути экономического оживления и социальных сдвигов в Туркменистане, но и на пути прогресса культуры туркменского народа.

Изменения, происходившие в сфере базисных явлений, не могли не повлечь за собою изменений и в области надстройки.

«Если изменяется и ликвидируется базис, — писал И. В. Сталин,—вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка»[1].

Некогда отсталые окраины с присоединением к России, несмотря на тяжелый колониальный режим, тормозивший их развитие и не дававший им возможности в дореволюционное время преодолеть свою отсталость, постепенно начинали вовлекаться в культурную жизнь европейских народов. Это способствовало росту местной культуры и дало известный толчок развитию науки, искусства, литературы, фольклора, народного образования и т. д. Но, говоря о благотворном влиянии русской передовой культуры на народы национальных окраин, в том числе Туркменистана, необходимо помнить указания В. И. Ленина о наличии двух культур при капитализме. «Есть

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, М., 1950, стр. 10—11.

две нации в каждой современной нации..., — писал В. И. Ленин. — Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова»[1]. Именно об этой передовой культуре идет речь, когда мы говорим о благотворном влиянии русского народа на народы национальных окраин. С присоединением Туркменистана к России, вопреки реакционной колониальной политике царского самодержавия, здесь начало проявляться влияние передовой русской культуры, русской демократической общественной и научной мысли.

Период после присоединения туркменских племен к России ознаменовался новыми исследованиями русских ученых, избороздивших край сетью экспедиций и маршрутных рекогносцировок и давших науке ценнейшие географические, топографические материалы, этнографические и исторические сведения, описание животного и растительного мира края, его природных ресурсов и ископаемых богатств и т. д.

Уже сама постройка Закаспийской ж. д. сопровождалась крупными военно-топографо-географическими экспедициями. Участники этих экспедиций занимались как чисто практическими вопросами, связанными с характером строительства железной дороги, например, закреплением песков, так и теоретическими проблемами. Внимание специалистов особенно привлекала проблема Узбоя. В 1879—1883 гг. здесь работала экспедиция генерала А. И. Глуховского, производившая нивелировку и съемку Узбоя. Отчеты этой экспедиции с ценными научными сведениями были опубликованы в 1893 г.

Туркменистан привлекал внимание правящих кругов России возможностью эксплуатации обнаруженных в нем полезных ископаемых, с одной стороны, и плодородием огромных массивов неиспользованных земель, могущих дать высокий урожай хлопка, — с другой.

Промышленно-финансовые, капиталистические круги были озабочены в этот период увеличением ресурсов промышленного и сельскохозяйственного сырья. Этим было продиктовано проведение ряда географических, геологических, почвенных, ботанических и прочих исследований края как путем экспедиций, так и отдельными энтузиастами-учеными.

На первый план выдвигались вопросы изучения географии и геологии Туркменистана.

И. В. Мушкетов и его ученик В. А. Обручев своими исследованиями положили начало изучению производительных сил

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 16.

Туркменистана. Им принадлежат первые сведения о геологии и полезных ископаемых этого края. Работы этих ученых явились основой всех дальнейших геологических исследований Туркменистана и не потеряли своего значения до настоящего времени.

Значительная работа в области была проведена по линии картографии и гипсометрии; производилось описание Каспийского моря, составлялись атласы, служившие руководством для плавания по Каспийскому морю, проводились гидрометрические, метеорологические и гидрометеорологические наблюдения на побережьи Каспия (Красноводск, Куули, Челекен и т. д.).

Внимание исследователей сосредоточивается, главным образом, на нефтяных месторождениях, в связи с чем объектами исследований служат в основном о. Челекен, Небит-Даг, Малые Балханы, западная часть Копет-Дага, низовья р. Аму-Дарьи. Этими важнейшими, с точки зрения практического промышленного их освоения, объектами занимались виднейшие русские ученые: Н. И. Андрусов, А. П. Иванов, В. Н. Вебер и другие.

Н. И. Андрусов разновременно в 1887, 1897, 1901, 1912 гг. занимался геологическим исследованием Красноводского п-ва, побережья Карабогаза, Больших и Малых Балхан, западной части Копет-Дага и Куба-Дага. Результаты этих исследований частично были опубликованы в 1905 г. в труде «Материалы для геологии Закаспийской области», в котором дано описание исследуемых районов: Куба-Дага, Больших и Малых Балхан, Красноводского плато и Усть-Урта.

На период 1901—1911 гг. падает детальное изучение о. Челекена А. П. Ивановым.

В 1907—1909 гг. В. Н. Вебер и К. П. Калицкий дали описание о. Челекена, а в 1908, 1912, 1913 гг. К. П. Калицкий исследовал Небит-Даг и дал в 1913 г. первое геологическое описание Боя-Дага; в 1914 г. он же составил геологическую карту Нефтедага (Небит-Дага).

В 1913—1916 гг. А. Д. Нацкий, талантливый ученик Н. И. Андрусова, производил геологические исследования на хребте Малых Балхан и в западной части Копет-Дага.

Большие исследования в низовьях Аму-Дарьи и в районе Сарыкамышской впадины были произведены русским геологом А. Д. Архангельским. Им же была составлена для этого района географическая карта, имевшая в свое время большое практическое значение.

Все эти исследования и описания значительно расширили познания о вновь присоединенном крае, заложили основу промышленного освоения и развития его производительных сил.

Из задач практического экономического освоения края вытекало также изучение его растительного и животного мира, земледельческих и водных ресурсов и т. д.

Во второй половине 80-х годов в Закаспии начинает развиваться хлопководство. В связи с этим растет потребность в орошаемых землях. В начале XX в. здесь производятся изыскательские работы, преследующие цель развития орошения, возведения ирригационных сооружений и т. д. Особый интерес вызывает проблема орошения Западного и Келифского Узбоев, идея постройки транскаракумских каналов и т. д.

В 1906—1907 гг. по инициативе удельного ведомства производятся изыскания между Мургабом и Аму-Дарьей; экспедицией инженера М. Н. Ермолаева исследуется почва в районе Келифского Узбоя.

В 1911 г. организована экспедиция Б. Х. Шлегеля для исследования вопроса о возможности орошения Мервского и Теджженского оазисов водными ресурсами р. Аму-Дарьи. Агрономом Ф. И. Левченко на основе проведенных им почвенных исследований в 1912 г. опубликована работа: «Почвы, грунты и грунтовые воды Кара-Кумской пустыни в связи с вопросом орошения».

Значительные работы были проведены переселенческим управлением и отделом земельных улучшений.

В 1910—1913 гг. в юго-восточной части Кара-Кумов работает почвенная экспедиция А. А. Драницина; в 1912—1915 гг. в бассейне Аму-Дарьи производит почвенное обследование Н. А. Димо. В это же время В. В. Никитин и М. Н. Воскресенский проводят обследования почв в низовьях Аму-Дарьи и в долинах Мургаба и Теджена.

Район почвенных исследований во время войны 1914—1918 гг. еще больше расширился, захватив Мервский и Теджженский оазисы, а также Сарыкамышскую впадину. Большим вкладом явились исследования почвоведов К. Д. Глинки, С. С. Неустроева, Б. Б. Полынова и других.

Первые сообщения о флоре и фауне Туркменистана были сделаны в 20-х годах прошлого столетия известным натуралистом проф. Э. И. Эйхвальдом. Попутно делались сборы Г. С. Карелиным (1836 г.), А. Д. Малома и другими учеными других специальностей.

В 1896 г. здесь работали Г. И. Радде и А. А. Антонов, в 1889 г. В. И. Липский, в 1891—1894 гг. В. Л. Комаров, в 1895 г. С. И. Коржинский, с 1896 по 1901 г. Д. И. Литвинов, в разные годы работали Б. А. Федченко, В. А. Палецкий, В. А. Дубянский — таков далеко неполный перечень имен русских ученых, принимавших деятельное участие в изучении

растительного мира Закаспия. Особенно много для изучения флоры Туркменистана сделал выдающийся русский биолог Владимир Леонтьевич Комаров.

Еще будучи студентом Петербургского университета В. Л. Комаров, пройдя 400-верстный путь по Кара-Кумам, пересек их по маршруту Асхабад—Серные Бугры и написал на основе проведенных исследований две научные работы, за которые ему была присуждена Русским географическим обществом серебряная медаль. Оценивая значение работ, проведенных В. Л. Комаровым в Туркменистане, Туркменский филиал Академии наук СССР отмечал:

«Теоретические работы академика Комарова, имеющие глубокое принципиальное значение, для ботаников, работающих в Туркмении, являются руководящими в их творческой работе. Такие работы академика Комарова, как «Учение о виде у растений», «Типы растений», «Происхождение культурных растений» и др., являются настольными книгами ботаников и вузовской молодежи Туркмении»[1].

Работы, проведенные русскими учеными в области исследования растительного, а также животного мира в Туркменистане, не ограничивались лишь одними теоретическими обобщениями. Исследователи впервые создавали в Москве, Петрограде, Казани и других научных центрах страны богатейшие научные коллекции растительного и животного мира Туркменистана, способствуя тем самым обогащению представлений широких кругов общественности о естественных, природных богатствах и климатических особенностях отдаленной окраины.

Делались также первые попытки организации концентрации материалов и научной работы на месте. В 1899 г. было организовано первое научное учреждение в Туркменистане — Закаспийский областной музей (ныне Музей краеведения Академии наук Туркменской ССР) в г. Асхабаде.

В 1898 г. было создано первое научно-исследовательское учреждение по сельскому хозяйству — Асхабадское сельскохозяйственное опытное поле (в ауле Кеши в 5 *км* от Асхабада), в котором проводились интересные опыты по повышению урожайности хлопчатника, зерновых и масличных культур. Из этой школы вышли первые опытные практики-полеводы, из числа обучавшейся здесь туркменской молодежи.

Опыты по полеводству и агротехнике проводились также в Мургабском имении в Байрам-Али специалистами-агрономами.

---

[1] В. В. Никитин. Значение работ академика В. Л. Комарова для Туркмении. «Известия ТФАН СССР», 1944, № 1, стр. 23.

Однако попытка организации научной работы на месте не увенчалась успехом. Работа в этом направлении носила больше рекламный, показательный характер, достижения ее являлись достоянием ограниченного круга лиц. Поэтому освоение и внедрение научных результатов в практику сельского хозяйства ограничивалось только опытными участками и Мургабским имением, где широко применялись агротехнические мероприятия.

Известное практическое значение имели работы Репетекской песчано-пустынной станции (ст. Репетек, Закаспийской, ныне Ашхабадской, ж. д.), организованной в 1912 г. по инициативе Русского географического общества. Работавшие на Закаспийской ж. д. учёный-лесовод В. А. Палецкий и ботаник Н. В. Андросов изучали растительность песчаных пустынь с целью пескоукрепления.

Большая работа проведена была русскими учеными в области изучения животного мира. Из исследователей-орнитологов Закаспия выдающееся место принадлежит Н. А. Зарудному (1859—1919 гг.), неутомимому исследователю природы Средней Азии и сопредельных с нею стран.

Начиная с 80-х годов прошлого столетия Н. А. Зарудный совершил четыре больших экспедиции по Закаспию в 1884 — 1886, 1889, 1892, 1896 гг. и три раза проездом в Иран собирал здесь материалы о птицах. В 1896 г. он опубликовал книгу: «Орнитологическая фауна Закаспийского края», которая по признанию специалистов, «до сих пор является настольной книгой всех орнитологов ТССР»[1].

Ценные исследования в Закаспии провели ученые Г. И. Радде, Л. С. Берг, А. М. Никольский, П. А. Варенцов, Д. К. Глазунов, С. А. Александров, Г. В. Лоудон и многие другие.

Результаты творческих исканий и неутомимой работы исследователей отражены в подготовленных ими трудах. Книги основателя русской научной ихтиологии Л. С. Берга «Рыбы Туркестана» (1905 г.), «Рыбы» (1912—1914 гг.) и «Рыбы пресных вод России» (1916 г.) заключают очень содержательные сведения об ихтиофауне Туркмении и до настоящего времени не потеряли своего значения[2].

Помимо вышеназванных трудов, имели большое значение работы, в которых давалась систематика животного мира,

---

[1] М. К. Лаптев. Проблемы и тематика зоологических исследований в Туркмении. «Известия ТФАН СССР», 1944, № 2—3, стр. 124—130.

[2] А. К. Рустамов. Краткий обзор зоологических исследований, проведенных в Туркмении за 20 лет. «Известия ТФАН СССР», 1944, № 2—3, стр. 131—138.

районы распространения его и т. д. К ним относятся книги К. А. Сатунина «Обзор млекопитающих Закаспийской области» (1905 г.), А. М. Никольского «Фауна России» тт. I и II (1915—1916 гг.), труды Н. А. Зарудного и др.

В области изучения домашних животных Туркменистан представлял для исследователей большой интерес. Огромную ценность имеют выведенные туркменами на протяжении многих веков породы животных: ахалтекинский скакун, являющийся родоначальником многих лучших пород лошадей, иомутская лошадь, одногорбый верблюд породы «арвана»—единственное в своем роде, наиболее выносливое в условиях пустыни и продуктивное животное, овца каракульской и сараджинской породы и туркменская овчарка, незаменимая при выпасе скота.

Географические и климатические условия края, любовный и терпеливый уход, сочетавшийся с необходимой данью суровым требованиям природы, обусловили выведение этих высокоценных, заслуживших широчайшую известность пород животных.

Научное изучение домашних животных Закаспия велось наряду с изучением всего животного мира и не отличалось в этом отношении ни системой, ни правильным направлением основной проблематики. Тем не менее в дореволюционное время составлены были обстоятельные описания текинской и иомутской лошади, овец а также верблюдов и собак (овчарки и борзой). Из этих работ необходимо отметить С. К. Понятовского «Краткий отчет о состоянии овцеводства в Закаспийском крае» (Труды Комитета овцеводства, 1908); М. С. Карпова «Ахалтекинская порода» («Вестник животноводства» 1913 г.), его же «Вопросы каракулеводства» (Пг., 1915 г.) и ряд других.

В результате проведенных русскими учеными работ как в области изучения растительного, так и животного мира Туркменистан в этом отношении оказался в числе наиболее изученных районов Средней Азии.

Что же касается научного изучения творчества туркменского народа в области его искусства, литературы, языка, фольклора и т. д., то здесь работа ограничилась первыми робкими шагами в этом направлении, хотя талантливые творения туркменских зодчих, своеобразные по тонкости вкуса и изящности отделки ювелирные изделия народных умельцев, талантливая, высокохудожественная, известная на весь мир работа туркменских ковровщиц, туркменская музыка и песня, приводившая слушателей в экстаз и связанная своими корнями с поэзией и народным творчеством, богатое устное творчество и литературное наследие народа—все это не могло не привлечь

внимание русских исследователей, путешественников и, наконец, ценителей искусства.

Как только был присоединен край, исторические памятники — Ниса, Анау, развалины Старого Мерва и другие — привлекли к себе внимание исследователей и вскоре получили мировую известность. В 1884 г. произвел раскопки северного кургана Анау начальник Закаспийской области генерал А. В. Комаров. *Он являлся одним из первых коллекционеров, на*чавших собирание местной археологической и нумизматической коллекции. Богатейшее собрание, которое удалось ему создать расценивалось современниками как «настоящая сокровищница всевозможных местных древностей[1]». В 1890 г. обследовал развалины древнего Мерва профессор В. А. Жуковский посвятивший этому ценному историческому памятнику специальное исследование[2].

Интерес, который был проявлен к архитектурным памятникам прошлого со стороны, правда, ограниченного круга русской общественности, послужил поводом к организации в 1903 г. в Асхабаде кружка любителей археологии. Была, таким образом, сделана попытка к более планомерному и детальному изучению памятников старины.

В 1904 г. производила археологические раскопки северного и южного курганов Анау американская экспедиция Института имени Карнеджи во главе с Р. Пампелли. Часть собранной экспедицией коллекции вошла в состав экспонатов Ашхабадского музея краеведения.

Таким образом, делались некоторые шаги по сбору вещественных, материальных памятников, необходимых для изучения исторического прошлого края.

С 1906 по 1910 г. работал в Закаспии А. А. Семенов, давший ряд весьма ценных статей по Анау, Мешед-и Мисриану и другим памятникам.

Проводилась работа по линии учета, описания и систематизации архитектурных и археологических памятников—развалин, пещер, курганов и т. д. Такой список по Закаспию был составлен Э. Э. Тейле. Предпринимались слабые попытки к охране и частичной реставрации памятников. По инициативе общественности администрация Мургабского имения в Байрам-Али вынуждена была произвести ремонт мавзолея султана Санджара.

---

[1] Э. Ухтомский. От калмыцкой степи до Бухары, СПб., 1891, стр. 75.

[2] В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва, СПб., 1894.

Русская историография внесла немалый вклад в изучение истории туркменского народа. Одно имя В. В. Бартольда говорит нам о значительном вкладе, который был сделан русскими историками в изучение средневекового мусульманского Востока и, в частности, Средней Азии и Туркменистана. Труды В. В. Бартольда по обилию и точности содержащихся в них исторических материалов фактического порядка представляют и в настоящее время для специалистов-историков большую ценность.

Большое значение имели также труды В. А. Жуковского, К. А. Иностранцева, В. В. Григорьева, П. И. Лерха, П. М. Лессара и других.

Наряду с историческими трудами, были опубликованы также этнографические материалы, положившие начало изучению этнографии края.

Участие в сборе, а также в публикации этих материалов, принимали работники областного Краеведческого музея, а также некоторые должностные лица, — военные и чиновники.

В 1897 г. вышел ценный труд А. А. Ломакина, делопроизводителя канцелярии начальника области, собравшего в бытность свою в Серахском приставстве ценный материал по быту, обычаям, верованиям туркмен и т. д. и опубликовавшего его под названием «Обычное право туркмен (адат)».

В 1900 г. вышла работа Ф. А. Михайлова «Туземцы Закаспийской области и их жизнь».

Делались некоторые сообщения по этнографии края в созданном в 1903 г. в Асхабаде кружке любителей археологии, входившими в состав его любителями этнографии, собравшими ценный этнографический материал. Некоторое отражение эти материалы нашли в выпускаемых по инициативе начальника Закаспийской области А. Н. Куропаткина так называемых «Обзорах Закаспийской области» (ежегодники, 1882—1914 гг.), в «Сборниках решений чрезвычайных съездов народных судей Закаспийской области» (1894—1907 гг.), а также в периодической областной и краевой печати.

Внимание исследователей, коллекционеров и просто любителей, располагавших средствами, привлекали среднеазиатские и на первом месте среди них—туркменские ковры, удовлетворявшие необходимым бытовым, а также и художественным потребностям местного населения. Русская наука оставила заметный след в изучении ковров Туркменистана. Со времени присоединения Туркменистана к России ковры стоят в центре внимания любителей, знатоков искусства и народного творчества. Ковры, как художественные произведения, стали собирать любители в Петербурге и Москве. Из первых соб-

раний такого рода можно отметить коллекции Штиглица, Кустарного музея и др. Коврами занимался этнографический отдел Русского музея. По поручению этого музея в 1900—1902 гг. собирал этнографические коллекции и, в частности, коллекции туркменских ковров художник-искусствовед С. М. Дудин.

В 1908 г. вышла в свет работа, посвященная среднеазиатским, в том числе туркменским коврам, автором которой являлся начальник Закаспийской области генерал А. А. Боголюбов. Как пишет С. М. Дудин, Боголюбову удалось использовать интерес Николая II к ковровому отделу на Кустарной выставке, где экспонировалась собранная им и дополненная собранием Русского музея коллекция среднеазиатских ковров, и получить необходимые средства на издание этой работы.

Издание это, более роскошное, чем научное, как пишет С. М. Дудин, страдает, однако, большими недостатками[1].

Вслед за этой работой появилась обстоятельная и содержательная статья А. А. Семенова «Ковры русского Туркестана», («Этнографическое обозрение» № 1, 2, 1911 г.), в которой уделено соответствующее внимание туркменским коврам. А спустя некоторое время (около 1910 г.) вышла работа А. Фелькерзама «Старинные ковры Средней Азии» богато иллюстрированная, но также содержавшая ошибки в определении ковров и неточности в терминологии.

Высокие дарования и талант туркменского народа выразились не только в его художественно-прикладном искусстве, шедевром которого являлись ковры, изумлявшие западных искусствоведов изысканностью и вкусом, но также в богатом поэтическом, литературном и народном творчестве.

Фольклор, литература, поэзия туркменского народа привлекали внимание русских исследователей по мере того как происходило их ознакомление с краем.

Туркменские загадки, сказки и сказания, легенды, заговоры и пословицы записывались, переводились и издавались людьми, нередко не имеющими прямого отношения к этой области знаний. В книгах Д. Н. Логофета «В забытой стране», «В горах и на равнинах Бухары», а также в «Очерках из среднеазиатской пограничной жизни», «На границах Средней Азии» и других приводится немало туркменских сказок и легенд.

«Туркменские колядные песни», а также несколько сказок и пословиц было опубликовано знатоком туркменского языка

---

[1] С. М. Дудин. Ковровые изделия Средней Азии, М., АН СССР, 1928, стр. 74.

[2] А. Фелькерзам. Старинные ковры Средней Азии. «Старые годы», 1914, октябрь—декабрь; 1915, июнь.

И. А. Беляевым в изданной им «Грамматике туркменского языка». Им же помещен ряд пословиц в «Русско-туркменском словаре». Несмотря на скудные и отрывочные сведения о туркменском фольклоре в предреволюционный период, все же было положено начало ознакомлению с ним и его изучению. Поскольку же в фольклоре отражалась общественно-политическая жизнь туркменского народа, его идеалы и стремления, постольку читатели знакомились и с самой жизнью народа.

Аналогичное положение мы имеем и в области изучения туркменской классической литературы и произведений туркменского народного эпоса. С присоединением Туркменистана к России было положено начало их публикации, распространения и частичного изучения.

Русские ученые интересовались туркменской литературой, собирали отдельные литературные произведения и отрывки из них и делали первые попытки их критического осмысления и анализа.

Труды таких серьезных русских ученых, как В. В. Бартольд, И. Н. Березин, А. Е. Крымский и другие, явились значительным вкладом в туркменское литературоведение в предреволюционный период.

Исследования ученых в области фольклора и литературы обусловливались знанием и изучением туркменского языка, являвшегося, по словам профессора А. П. Поцелуевского, до середины XIX в. terra incognita для науки[1].

Первыми сведениями о туркменском языке русская наука обязана профессору Казанского университета И. Н. Березину, опубликовавшему в журнале Министерства народного просвещения за 1845 г. статью «Годичный отчет путешествующего по Востоку».

Некоторые сведения о языке имелись у Н. И. Ильминского, А. Володина и других. Делались и небезуспешные попытки по составлению практических руководств и пособий, предназначавшихся для узко ограниченного круга должностных лиц, обязанных по службе изучать не только язык, но и быт, нравы, обычаи управляемого им населения. Авторами этих пособий нередко являлись царские чиновники (П. Шимкевич, Агабеков, Драновский и ряд других). Отвечая в некоторой степени практическим запросам изучения и овладения языком, эти пособия с научной точки зрения были совершенно неудовлетворительными.

Тем не менее, они имели известное значение в деле ознакомления русских общественных кругов с туркменским языком,

---

[1] А. П. Поцелуевский. Итоги и задачи языковедной работы в Туркмении. «Известия ТФАН СССР» 1944, № 2—3, стр. 39—45.

а через него с фольклором и литературой. Это способствовало установлению более тесных связей русских общественных кругов с туркменским народом, с его богатейшей историей, бытом и культурой.

Туркмены в свою очередь знакомились с русским языком, русской литературой и т. д.

На почве обоюдного ознакомления и изучения языков между туркменским и русским народом росли все более тесные связи, происходило влияние богатейшей передовой русской культуры на туркменское общество.

В лексиконе туркменского языка появились дотоле неизвестные слова, обогащавшие его словарный фонд и вместе с тем расширявшие общий круг представлений народа в области культуры и быта.

Несмотря на отсутствие какой бы то ни было планомерной, сосредоточенной и целеустремленной, организованной исследовательской работы, несмотря на стихийность, разрозненность, спорадичность экспедиций, предпринимаемых в Закаспии, как научными учреждениями центра, так и отдельными учеными, мы видим, несомненно, значительную работу, которая была проделана русскими учеными в области изучения края в дореволюционный период.

При всех ограниченных возможностях, какие имелись для развития научной мысли в условиях буржуазно-помещичьего строя царской России, русская наука развивалась не только в самой России, но и пробивала себе путь на национальные окраины. И на этом пути передовые русские ученые проявили настойчивость, страстность, неутомимость и трудовой энтузиазм.

Многие русские ученые весь свой огромный талант и богатейшие знания посвятили исследованию ранее неизвестных, неисследованных и неизученных окраин, являвшихся белыми пятнами на географических атласах мира. В частности, они разрушили легенды о бедности и скудности недр Туркменистана, о безжизненности Кара-Кумов, о «дикости» края и его обитателей. Они открыли новые месторождения нефти, гипса, соли и других полезных ископаемых и тем самым обогатили представления об этом крае, подведя теоретическую базу для развития его производительных сил в дальнейшем. Тем самым они внесли ценнейший вклад в развитие отечественной и мировой науки.

Русские ученые явились первыми сеятелями научных знаний на окраинах.

Центрами распространения русской литературы являлись города и городские поселения европейского типа, возникшие после присоединения края к России.

В городах, являвшихся на первых порах военно-стратегическими пунктами и административными центрами, постепенно зарождалась торгово-промышленная жизнь, развивалось городское хозяйство, увеличивалась сеть культурно-просветительных учреждений, росло население, прибывавшее из разных концов России, Туркестанского края и сопредельных стран. Наиболее крупным экономическим, политическим и культурным центром области являлся г. Асхабад. По данным 1913—1914 гг. в нем проживало около 40 тыс. населения, не считая воинских частей. В городе сосредоточены были все отделы областного управления, Управление Среднеазиатской ж. д., правительственные учреждения и общественные организации. В нем было большое количество магазинов, торгово-промышленных заведений, складов, гостиниц и около 10 тыс. частных и казенных жилых построек[1].

В городе насчитывалось 16 училищ[2], функционировали городская общественная библиотека (одна из лучших в Средней Азии того времени), областной музей, кружок любителей археологии и истории Востока, метеорологическая станция, городская больница, глазная лечебница, военный лазарет и железнодорожная больница, телеграф, три телефонных станции (военная, железнодорожная и городская), четыре типографии, в том числе типография К. М. Федорова, являвшаяся одной из самых больших типографий во всей Средней Азии[3]. В городе было 4 клуба и цирк, которые приспосабливались для спектаклей заезжих трупп и гастролирующих артистов, посещавших изредка область.

Несмотря на то, что Асхабад возник на пустом месте, он производил впечатление благоустроенного города. Население пользовалось водопроводом, широкие и прямые улицы большею частью были шоссированы и по обеим сторонам обсаживались аллеями из разнообразных деревьев.

Обилие разросшейся зелени дало возможность строить дома фасадами на улицы; улицы периодически поливались специально нанимаемыми рабочими; в городе имелось несколько красивых скверов, расположенных в центре, и большой городской сад.

Росли и развивались также Мерв, Красноводск, Кизыл-Арват, Байрам-Али, Теджен и другие городские поселения.

Характерной особенностью городов области являлось то, что в них по преимуществу проживало пришлое население (русские и прочее); оно состояло из чернорабочих, мастеро-

---

[1] Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской, СПб., 1914, стр. 204.

[2] Там же.

[3] Путеводитель по Среднеазиатской ж. д., Асхабад, 1912, стр. 49.

вого и ремесленного люда, служащих, торговцев, прибывших из внутренних губерний России, а также с Кавказа, из Хивы и сопредельных стран—Ирана, Афганистана и других. Постепенно вовлекалось в городскую жизнь и местное коренное население.

Города играли большое значение во втягивании забитой, отсталой массы туркменского населения в водоворот новой, прогрессивной хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни России.

Правда, колониальное чиновничество, направлявшее общественную жизнь городов, стремилось внести в нее реакционные, сугубо монархические черты; тем не менее, влияние передовой русской демократической культуры, а также передовых форм общественной жизни, все более заметно сказывалось на окружающей жизни местного населения. Оно заметно было в быту, в общественной жизни аульного и городского населения, сказывалось на духовном развитии и творческой мысли народа.

Известное влияние на развитие общественной жизни местного населения оказывало введение русских законов, постепенная замена туркменского обычного права русским законодательством, замена местных казийских судов, основанных на адате и шариате, русским судом и т. д.

Города играли крупную роль в разложении полунатурального хозяйства в аулах, выводили местное коренное население из рамок замкнутого патриархального образа жизни. Город оказывал известное влияние на хозяйственное развитие туркменского аула; в быт туркменского населения прочно входили предметы домашнего обихода европейского типа. Уже к началу XX в. в большинстве туркменских аулов жители имели предметы и вещи европейского типа. Входили в быт и становились принадлежностью, главным образом, зажиточной части населения русские чугунные котлы, тульские самовары. В обиход стали входить чайники, чашки, кухонная посуда, ведра, ковши, стеклянная посуда (бутылки, стаканы), тазы и т. п. Популярностью пользовались хлопчатобумажные ткани: мадаполам, тик, диагональ, миткаль, сатин, вытеснявшие постепенно местные ткани ручной выделки; предъявлялся спрос на мужскую обувь—ботинки, сандалии и т. д. Городское население, преимущественно русское, предъявляло спрос на различные сельскохозяйственные продукты, в том числе на овощи (капусту, картофель, огурцы и т. п.), ранее мало распространенные у туркмен. Развивалось садоводство и бахчеводство. Сельские районы в разной степени втягивались в экономическую жизнь городов и через них в общение с более передовыми в культурном и хозяйственном отношениях районами России.

В 1889 г. Закаспийская область принимала участие на первой Кавказской выставке предметов сельского хозяйства и промышленности в Тифлисе; в 1890 г. — на Туркестанской выставке продукции сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте; в 1891 г. — на Среднеазиатской выставке в Москве; в 1892 г. — на антропологической, археологической и зоологической выставке в Москве. В 1906 г. на юбилейной выставке в Ташкенте был создан павильон Закаспийской области. В этом павильоне экспонировались естественно-исторические собрания Асхабадского музея, а также богато были представлены ковры с картой основных центров их производства. Здесь же было представлено художественное оружие, ювелирные изделия филигранной работы, а также предметы домашнего обихода[1]. Помимо этого, Закаспийская область также принимала участие на международных выставках: в Копенгагене в 1887 г., в Чикаго в 1893 г., в Лионе и Антверпене в 1894 г., в Париже в 1900 г. и т. д. Подобного рода выставки, несмотря на их узкоприкладной характер, все же в известной мере способствовали ознакомлению русской и европейской общественности с богатством и достопримечательностями Туркменистана.

Художественная выставка восточных ковров в Вене в 1890 г., на которой были представлены туркменские ковры, получившие высокую оценку и вызвавшие восхищение у многочисленных посетителей, послужила толчком к изучению и дальнейшему развитию ковроделия.

В городах области появились различные культурно-просветительные учреждения, в организации которых принимала участие и научная общественность Петербурга и Москвы. В 1891 г. в Асхабаде был создан первый печатный орган: «Асхабадский вестник объявлений». В Ташкенте с 1870 г. издавались «Туркестанская туземная газета» и «Туркестанские ведомости». Эти официальные издания уделяли место также и публикации некоторых материалов, статей и заметок, знакомивших население края, в том числе и Закаспия, с его историей и географией. В 1895 г. в Асхабаде начала издаваться газета «Закаспийское обозрение», а с 1898 г. — газета «Асхабад». Однако степень развития печатного дела в Закаспии была все же низка. В 1913 г. было издано всего лишь 4 книги, тираж каждой из которых не превышал тысячи экземпляров. Газеты и книги на туркменском языке до 1914 г. вообще не

---

[1] Каталог-путеводитель XXV-летней юбилейной сельскохозяйственной и промышленной выставки Туркестанского общества сельского хозяйства с 13 сентября по 15 октября 1909 г. в Ташкенте. Ташкент, 1909; К. А. Тимаев. Обзор Туркестанской сельскохозяйственной выставки в Ташкенте в 1909 году, Асхабад, 1909.

издавались. Грамотные туркмены, составлявшие ничтожную часть населения, могли пользоваться имевшей распространение литографированной литературой туркестанского, иранского и турецкого происхождения светского и религиозного характера. Лишь в 1914 г. с целью осведомления коренного населения с ходом военных действий на фронтах империалистической войны стал издаваться два раза в неделю на туркменском языке бюллетень под названием «Закаспийская туземная газета».

Большим событием в общественной жизни города явилось открытие в 1896 г. в Закаспийской области общественной библиотеки с фондом в 15 тыс. книг. В организации этой библиотеки, являвшейся в то время по существу филиалом Ташкентской публичной библиотеки, принимали также участие Академия наук, Русское географическое общество, Общество любителей естествознания, Московский университет и Азиатское отделение Главного штаба.

В 1899 г. был открыт областной музей, который стал главным центром научной краеведческой мысли области. Идея создания этого музея очевидно была продиктована наличием коллекции, которая была собрана для Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде с 1896 г. и возвращена в область в 1897 г.

Для музея и библиотеки было выстроено в 1902 г. специальное здание. В 1904 г. в музее были окончательно размещены зоологические, ботанические, геолого-минералогические, этнографические, археологические коллекции (в составе которых были некоторые находки Р. Пампелли в Анау). Музей поддерживал постоянную связь с Академией наук и с учеными обществами страны. Он пользовался в своих работах помощью выдающихся русских ученых — Н. И. Андрусова, И. В. Мушкетова, Н. А. Зарудного, Г. И. Радде, В. И. Липского и многих других. Русские ученые, в свою очередь, пользовались материалами музея, особенно сильного своими естественно-научными собраниями, для своих научных работ и исследований. Число посетителей музея росло из года в год; увеличивалось также число подписчиков и читателей библиотеки.

Русская культура пробивала себе путь на далекую и отсталую национальную окраину. Со своей стороны туркменский народ проявлял живейший интерес ко всему, что так или иначе было связано с русской культурой, благотворное влияние которой ощущалось с момента присоединения края к России.

Города, являвшиеся центрами культурной и политической жизни области, привлекали местных жителей не только как центры торговой деятельности, но и как места, где можно

было ознакомиться с русской жизнью, бытом, культурой в широком понимании этого слова. Большой популярностью среди населения пользовались театрально-зрелищные мероприятия, аттракционы, цирковые представления, скачки и т. д. Художественная самодеятельность, любительские спектакли, концерты, литературно-музыкальные вечера, народные чтения и другие мероприятия, несмотря на реакционные цели, которые преследовали нередко их организаторы, — являлись одним из средств, при помощи которых пробивались веяния русской демократической культуры. Различные общества, собрания, клубы, кружки, организуемые колониальным чиновничеством не только способствовали оживлению общественной жизни городов, но и, против воли их организоторов, превращались в место обмена мыслей, критики существующего строя, особенно со стороны проникавших в них передовых представителей учительства и рабочих. Нередко трибуной зрелищных мероприятий пользовались и революционеры. Известно, что в период опубликования манифеста 17 октября 1905 г. большевики Асхабада развернули большую работу по разоблачению сущности этого манифеста в цирке и в велосипедном клубе. Иногда театрально-зрелищные мероприятия превращались в открытые демонстрации против существующего строя, когда масса зрителей, поддаваясь общему чувству протеста против царского режима, исполняла революционные гимны, пела «Рабочую марсельезу», «Варшавянку» и т. д.

В Асхабад, Мерв, Красноводск приезжали из России драматические, оперные, опереточные, цирковые, эстрадные коллективы. Здесь выступали такие замечательные мастера русской сцены, как М. Дальский[1], Л. Яворская[2], Б. А. Горин-Горяинов[3], В. Л. Дуров[4] и, наконец, гордость и слава русской сцены Ф. И. Шаляпин.

Театральными коллективами и труппами ставились произведения классиков: Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, Шекспира, Бомарше и т. д.

На произведениях русской литературы воспитывалось новое поколение русской передовой интеллигенции, из среды которой выходили общественные деятели, педагоги, врачи, посвящавшие себя делу просвещения народных масс, борьбе с реакцией, невежеством, нищетой, грязью, болезнями.

В статье «О чем думают наши министры?» В. И. Ленин показал, в каких тисках полицейского режима и жестокой ре-

---

[1] «Закаспийское обозрение», 1905, № 250, 253—257.
[2] «Асхабад», 1906, № 148—254.
[3] Там же.
[4] Там же, 1905, № 111—124.

акции приходилось этой передовой интеллигенции нести свои знания в народ. И, в первую очередь, это были бывшие студенты, ссылаемые в различные районы страны, в том числе и в Туркменистан, за политическую пропаганду и поступавшие в местах отбывания ссылки на работу, чтобы нести в массы семена знания и образования. Эти семена, как искры, попав в рабочую среду, подготовляли взрыв, который, как указывал В. И. Ленин, «...направится прежде всего на правительство»[1].

Русская демократическая культура, несмотря на все рогатки колониального режима, на силу религиозных и иных предрассудков среди населения, все же начала оказывать благотворное влияние и на туркменскую культуру.

Культуру туркменского народа, как и культуру любого народа, нельзя рассматривать с точки зрения так называемой «теории единого потока», так как в каждом антагонистическом классовом обществе существует культура демократическая и культура реакционная.

При рассмотрении творчества туркменского народа мы должны помнить указание В. И. Ленина о том, что «мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только и безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации»[2].

Богатое художественное творчество туркменского народа в изучаемый период развивалось в присущих ему национальных формах, вбирая в себя веяния новой революционной эпохи.

Выразителями чаяний и дум народных являлось большинство туркменских поэтов-шахиров. Продолжая традиции Махтумкули, основоположника классической туркменской литературы, шахиры в своих произведениях воспевали любовь к родине, свободолюбие, лучшие черты народного характера: гостеприимство, верность дружбе, честность и т. д.

Путешествуя по родной стране, из одного оазиса в другой, из аула в аул, внимательно присматриваясь к жизни народа, прислушиваясь к его нуждам и чаяниям, прекрасно зная его быт и нужды, народные поэты откликались на разнообразные вопросы общественной жизни. Метким и острым словом, сатирической песней, язвительной поговоркой они беспощадно клеймили притеснителей и эксплуататоров народа — ханов, баев, царских чиновников, аульных старшин и мирабов.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 74.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 8.

Протестом против существующего административного и политического произвола как «своих» ханов, так и царских чиновников пронизано стихотворение Кёр-Молла «Спор о теленке». В дореволюционную эпоху начал свое творчество народный шахир Дурды Клыч (1886—1950 гг.).

Дурды Клыч родился в бедной крестьянской семье. С детства он лишился зрения. Бедность родителей не позволила ему обучиться грамоте, Дурды Клыч по праву может быть назван бедняцким поэтом дореволюционной эпохи.

В стихотворениях «Чигирь», «Чатма», «Шалаш», «Богатые», «Бедняки», «Тумарли» и в других он рисует тяжелый изнурительный труд дайханина, безрадостную, тяжелую жизнь туркменской женщины. Баи, ханы преследовали народного поэта, смело выступавшего против эксплуататоров в защиту бедноты. Богатое и многогранное творчество Дурды Клыча особенно развернулось после Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако, как ни правдива и искренна была туркменская поэзия, как ни горько скорбели ее лучшие представители о тяжкой участи эксплуатируемого народа, как ни гневно бичевали они пороки и социальные язвы эксплуататорского строя, все же литература рассматриваемого периода носит печать ограниченности. Народные шахиры не могли вскрыть истинных причин несправедливого устройства современного им общества; являясь очевидцами жестокого отношения «власть имущих» к трудящемуся народу, видя его страдания и мучения, они были неспособны указать ему выход из жалкого бесправного положения. Проклиная и ненавидя современный им общественный строй, поднимаясь в некоторых случаях до призыва к активному противодействию и борьбе, они не видели ясно того пути, идя по которому угнетенные массы могут добиться освобождения.

Наряду с произведениями народных шахиров, продолжало развиваться устное народное творчество. Туркменский фольклор, столь богатый по своему содержанию и разнообразию, являлся выражением богатства духовных, творческих сил народа. Фольклор также отражал заветные чаяния и думы народных масс и был проникнут идеями свободолюбия, стремления к национальной независимости и социальному раскрепощению, как и художественная демократическая литература, являющаяся воспреемницей лучших его достижений.

Поскольку в фольклоре отражалась общественно-политическая жизнь туркменского народа, его идеалы и стремления, постольку он знакомил читателей и с самой жизнью народа...

Явно выраженные демократические элементы в туркменском народном творчестве отражают условия социальной жизни, в которые был поставлен дайханин, в ходе исторического развития Туркменистана и особенно после присоединения его к России. Изменения, происходившие в социально-экономическом, общественном развитии Туркменистана, отлагались в сознании народа и эти новые представления в виде пословиц и поговорок распространялись среди общества.

Любовь народа к труду, значение и роль общественных сил в борьбе с насилием и произволом богачей-эксплуататоров, административно-управленческого аппарата, правящей верхушки туркменского общества и т. д.—вот основная тематика, вокруг которой росло и развивалось устное народное творчество туркмен, нашедшее выражение в частности в пословицах.

Такие пословицы, как:

«Не трудишься — не жуешь»,
«Лежащему быку нет корма»,
«Нет названия страны, где не нужно трудиться»,
«Не знающий пчелиных трудов—не оценит достоинства меда»

и другие, свидетельствуют о большом значении и роли, какое придавалось труду в обществе.

Глубокие социальные изменения в туркменском ауле, ярко выраженная дифференциация дайханства на два противоположных полюса, на одном из которых прозябали разорившиеся и полуразорившиеся дайхане, попавшие в положение неоплатных должников, бедняки, батраки и т. п. эксплуатируемые группы сельского населения и с другой стороны, — баи, завладевшие их землей и имуществом, эксплуатирующие их труд, все крепче и крепче затягивавшие веревку на шее дайханина, запутывавшие его в тенетах торгово-ростовщической кабалы и высасывавшие последние соки—все это находило яркое выражение в туркменских пословицах и поговорках. Они характеризуют тяжелое положение бедняка, его бесправие и приниженность, полны сострадания к бедноте, к ее горькой нужде и безысходному горю:

«Для бедных, нищих и убогих и в реке воды нехватает, и от горы тени не бывает».

Классовая заостренность бытовавших пословиц и поговорок видна из того, что подавляющее большинство их подано с позиций беднейших слоев туркменского общества:

«Достоинств голодного сытый не оценит»,
«Кто бедняк, тому и собака и вошь — враг»,
«Бедность не убивает, но и смеяться не позволяет»,
«Слово бедняка места не займет, но и на земле не залежится»,
«Денег нет у меня — и языка нет у меня».

Пословицы и поговорки носят обличительный характер, когда речь в них идет об эксплуататорской верхушке аула, о тех, кто угнетает и притесняет бедноту; эти паразитические элементы изображаются, как правило, в сатирическом плане:

«Хоть у бая кривой дымоход, а дыму всегда прямой ход»,
«У дочери бая рот на сторону бывает, а она женихов перебирает»,
«Чем идти к скупым баям, лучше идти к милосердным горам»,
«День принадлежит сильному, а коурга[1] — зубастому»,
«Сытый о голодном вести не имеет»,
«Сытое брюхо ко всем бедам глухо»,
«У ростовщика могила в огне».

Не меньшим сарказмом, гневом и ненавистью дышат пословицы и поговорки, в которых обличается туркменское духовенство: ишаны, муллы[2], казии[3], и прочие элементы, паразитирующие за счет трудовых слоев туркменского общества. В пословицах и поговорках разоблачается их жадность, стяжательство, обман, взяточничество:

«Богу верь, но осла привяжи крепче»,
«Скажешь «на»—откроются глаза у муллы, скажешь «дай»—
изменит он наказу божьему»,
«Человек говорит, когда ишака потерял: «хорошо, если он
в руки муллы не попал»,
«К гадалке не ходи, чтоб не туманить себе головы»,
«Сопи[4] не ест лук, а когда он подвернется, и кожуры не остается»,
«Не радуйся, что снег пошел—за ним мороз последует,
Не радуйся, что ишан пришел—ему подарок следует»,
«Сеяли — не было, жали—не было, а на току ходжа[5] тут как тут»,
«Глупец любит глупца, а мулла мертвеца»,
«Кому нечего есть—держит пост, кому нечего делать—читает
молитву»,
«Легко муллою быть, труднее—человеком»

и другие.

Высоко ценилась туркменами наука. Знание, образование—залог успеха в любом деле; сочетание ума и знаний в человеке дает блестящую победу в любом предприятии:

«Человек с крепкой рукой свалит одного, а со знанием—
свалит тысячу»,
«Знающему светло, незнающему темно»,
«Пропадет тот народ, который не учится, передовой тот, кто учится».

Важнейшие явления общественной жизни находили живой отклик в среде народных масс и получали достойную оценку.

---

[1] *Коурга* — жареная пшеница.
[2] *Ишан, мулла* — духовные лица.
[3] *Казий* — судья.
[4] *Сопи* — аскет, ученик, последователь пира—духовного руководителя.
[5] *Ходжа* — духовное лицо.

«Нельзя стянуть отверстие бочки, нельзя народу рот зажать»,—

комментировалось стремление эксплуататорской верхушки заставить молчать эксплуатируемые ими трудящиеся массы. Усилия одиночки без поддержки коллектива обречены на неудачу:

«Одинокий всадник пыли не поднимет».

Согласованные же действия коллектива дают большое преимущество в достижении поставленной цели.

«Камень, брошенный по согласию, далеко летит».

Большую роль в жизни туркменского народа играли музыка и песня.

«Трудно себе вообразить другую страну, — писал В. Беляев, — в которой бы музыка пользовалась таким распространением, вниманием и влиянием, как в Туркменистане...»[1].

Музыка, в силу глубокого влияния, каким она пользовалась в повседневной жизни туркмен, обретала в легендах чудодейственную силу: она могла останавливать торговые караваны, укрощать диких животных и воображаемых духов, вызывать болезни людей и животных и воскрешать их. Происхождение ее связывается с именами легендарных героев.

В музыке и песне бедняк находил отдых от тяготевших над ним пут бесправия и унижения, в них он стремился найти утешение и черпал свои силы и надежду на светлое будущее. Выступлениями бахши—признанных народных профессиональных певцов-музыкантов — сопровождались все праздничные развлечения и увеселения.

Туркмены с благоговением, любовью и наслаждением слушали музыку бахши, певших под аккомпанемент дутара (двухструнный щипковый инструмент), тюйдука (туркменская флейта) или гиджака (струнный смычковый инструмент), произведения воинственного и любовного характера, охотничьи песни, героические поэмы, былины исторического характера о похождениях героев и т. д. Музыкальные произведения передавались из поколения в поколение, обогащаясь новым идейным содержанием, новым социальным звучанием и колоритом.

Музыка играла важную общественную роль, достигая в отдельных произведениях убедительной выразительности и отражая настроения народных масс.

Искусство бахши высоко оценивалось народом, а лучшие из них пользовались любовью и глубоким уважением. Широ-

---

[1] В. Успенский, В. Беляев. Туркменская музыка М., 1928, стр. 16.

кой популярностью в народе пользовались Сары-бахши, Кель-бахши, Халлы-бахши, Ораз-Салыр, Чоудур-бахши, Дурды-бахши, Агаджан-бахши, Анна-хал-бахши, Тачмаммед-бахши, Махтумкули-бахши, Назар-бахши и другие талантливые певцы и музыканты.

Среди мастеров устной народной поэзии были известны Байрам-Шахир, Кёр-Молла, Дурды-Клыч, Молла-Мурт и другие.

Несмотря на широкую популярность, какой пользовалась музыка у туркмен, в их музыкальном творчестве не получил своего развития оркестр. Хоровое исполнение по-прежнему ограничивалось одним видом песенного творчества — девичьими «ляле». Не получил развития также и танец.

Феодально-клерикальные элементы стремились использовать народную литературу, поэзию и музыкальное искусство туркмен в своих классовых интересах и нередко оказывали влияние на отдельных поэтов и бахши; этим можно объяснить то обстоятельство, что наряду с прогрессивными, демократическими, передовыми идеями, в туркменской поэзии и музыке, имели место реакционные, отсталые, националистические мотивы в творчестве таких поэтов, как Мискин-Клыч, Мятаджи и др. Это в одинаковой мере относится и к бахши. Среди последних нередко подвизались представители знати, либо выразители ее идеологии. На крупные тои к богачам одни бахши приходили как верные и преданные прислужники хана, воспевая и превознося его «достоинства», другие—ради куска насущного хлеба.

Важнейшим из всех видов прикладного искусства, которым издревле занимались женщины-туркменки, являлось ковроделие.

Передаваясь из поколения в поколение, ковровое производство составляло одно из главнейших богатств туркменского народного творчества. Женщины достигали в этом искусстве необычайной силы художественного воплощения и гармонии.

«Женщина-теке — художница, — с восхищением писал французский путешественник Мозер,—....у меня имеются вышивки буруңджуков, подлинно чудесных. Ковры их работы—самые красивые и прочные»[1].

Ковры представляли собою шедевры народного искусства, а ковровое производство достигало степени художественного совершенства. Влияние отдельных рисунков туркменских ковров прослеживалось даже в отдаленном Китае. По качеству

---

[1] H. Moser. A'travers l'Asie Centrale, Paris, 1885, p. 330.

Чырпы — туркменский женский халат.

на первом месте стоял общепризнанный текинский ковер; пользовались популярностью ковровые изделия иомутов-огурджалинцев о. Челекена и других туркменских племен.

Среди мастериц ковроделия пользовались известностью в народе талантливые художницы: Баба Нияз Ахмед Кизы, Мехри Гозель Бойча Кизы, Огуль Тач и другие[1]. Ковры, созданные этими художницами, отличались поразительной красотою и тонкостью рисунка, яркостью и гармоничностью красок, добротностью выделки и оригинальностью.

Характеризуя экспонированный на ковровой выставке в Мерве ковер, созданный Менгли Вель Мурад Кизы, один из знатоков коврового искусства писал: «Искусство окраски у Менгли Вель составляет фамильный ее секрет, унаследованный от своей матери. Действительно, ковер ее работы настолько хорош, красив, изящен, что приковывает к себе взгляд посетителя, долго не могущего оторвать глаз от него»[2].

Широкой известностью пользовались паласы редкой красоты и изящества с изображением возвращения салыров после аламана[3]. Оригинальные экземпляры туркменских ковров были представлены на выставке среднеазиатских ковров. состоявшейся в 1890 г. в Вене, где они получили высокую оценку.

Подобные же выставки состоялись в Таврическом Дворце в 1902 г. и на исторической выставке (собрание А. Е. Фелькерзама и Н. Ф. Бурдукова) в музее Штиглица в 1904 г.

Как и в других видах искусства, в ковроделии также сказалось влияние идеологии господствующих классов. В угоду реакционному исламу для служебных целей, для исполнения обрядовых молитв был создан особый вид маленького коврика, подстилаемого под ноги верующего, — намазлык. Наряду с реалистическим изображением действительности — людей, животных, птиц (что строго запрещалось исламом), растений и т. п.—в ковровых изделиях, а также вышивках имели место изображения мечети, каабы и т. д. И в ковроделии прослеживаются явно демократические, реалистические тенденции и наряду с ними реакционные феодально-клерикальные мотивы, продиктованные стремлением господствующих классов использовать в своих целях и этот род глубоко народного искусства.

Наряду с выработкой ковров, женщины изготовляли из овечьей и верблюжьей шерсти паласы, дорожки, переметные сумы и кошмы (войлок), которые отличались как проч-

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 1, кн. 12, д. 560.

[2] Там же.

[3] А. Е. Фелькерзам. Старинные ковры Средней Азии. «Старые годы», 1915, июнь.

ностью материала и красок, так и красотою узоров, вследствие чего находили большой сбыт на русском и международном рынке.

С давних времен туркменский народ вносил много замечательного в искусство ремесел.

Советские историки и этнографы находят в архивах новые материалы о талантливых туркменских мастерах-ремесленниках прошлого. Далеко за пределами Туркменистана славились туркменские искусные серебряных и золотых дел мастера, изделия которых отличались изяществом и изысканностью.

На основе роста общности экономической жизни страны, хозяйственной связанности отдельных районов между собой создавались предпосылки к постепенному изживанию говоров и диалектов туркменских племен; создавались условия, необходимые для выработки общих норм разговорной речи и словесного общения туркмен различных районов; на основе этого складывалась общность туркменского народного языка.

Известное значение в сближении туркмен с русскими, в ознакомлении их с русским языком, обычаями, нравами, порядками имели так называемые русско-туземные школы, хотя организация этих школ была продиктована русификаторской политикой царизма, стремившегося подготовить из среды местного населения верных и преданных слуг самодержавия.

В задачу школьного образования входило обучение разговорному русскому языку, чтению, письму, арифметике. Из числа обучавшихся подготавливались офицеры, учителя «туземных» школ, чиновники, письменные переводчики, писари, судьи и другие чины низшей и средней местной администрации.

Несмотря на реакционные цели, которые преследовал царизм при организации этих школ, они явились первой светской школой и сыграли положительную роль в деле распространения русского образования среди местного населения. Они имели известное значение в деле постепенного подрыва незыблемости авторитета мусульманской духовной школы, ослабляли влияние мусульманского духовенства на туркменский народ. Они, несомненно, содействовали распространению и укреплению влияния демократической русской культуры на местное население и сближение его с великим русским народом. Школы знакомили учащихся с географией России, с героической историей русского народа, его обычаями и нравами, литературой и искусством и тем самым приобщали местное население к русской культуре.

Создание русско-туземных школ имело известное прогрессивное значение. Овладение русским языком способствовало проникновению в туркменскую среду передовой русской культуры, демократических и революционных идей. Открытию русско-туземных школ сильно противилось мусульманское духовенство, стремившееся привить местному населению недоверие и неприязнь к ним. Однако эти школы завоевали известный авторитет среди местного населения, которое, оценив практические результаты обучения детей в школах, уже не только охотно отдавало их учиться, но и неоднократно обращалось к местной администрации с просьбой об открытии новых школ.

Так, в 1898 г. в канцелярию начальника Закаспийской области поступило прошение обществ 17 аулов Тедженского уезда об открытии в Теджене русско-туземной школы[1]. Такое же прошение поступило от жителей Серахского пристава[2].

В 1903 г. в Тедженской русско-туземной школе состоялся первый выпуск, и из 7 окончивших трое были зачислены в Ташкентскую учительскую семинарию[3].

В 1903 г. в Закаспии насчитывалось всего 10 русско-туземных школ, в которых обучалось 328 человек[4].

Школьная сеть чисто русских училищ была также незначительной. К 1 января 1909 г. в Закаспии насчитывалось 2 гимназии (женская и мужская), в которых обучалось 1137 человек, в том числе 43 из местного населения[5]; городских училищ было два с 459 учащимися, в том числе 29 из местного населения[6]; общее число начальных училищ разных типов составляло 52 с общим числом учащихся в 2281 человек, в том числе 277 из местного населения[7], и частных школ насчитывалось 8, в которых обучалось 656 человек[8].

Общее количество школ было явно недостаточным. Царское правительство отпускало мизерные средства на культурные нужды населения области. В Мерве и Асхабаде в 1905 г. для этой цели отпускалось в 2,5 раза меньше средств, нежели на содержание полиции, в Красноводске — в 9 раз и т. д.

При всем недостатке школ, места в которых представля-

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7137, л. 1.
[2] Там же.
[3] Там же, д. 7262, лл. 19—22.
[4] К. К. Пален. Отчет по ревизии. Учебное дело, стр. 97.
[5] Там же, стр. 150, 158.
[6] Там же, стр. 168—170.
[7] Там же, стр. 173, 175.
[8] Там же, стр. 177.

лись преимущественно детям из эксплуататорских классов как местного, так и русского населения, все же они положительно влияли на развитие туркменской культуры.

Передовые демократические идеи русской общественной мысли и революционные идеи русского пролетариата проникали в туркменскую среду.

Боязнь распространения в среде туркмен недовольства существующим строем через людей, хорошо знавших язык коренного населения, его быт и условия жизни, явно сказывалась в целом ряде циркуляров, распоряжений и ведомственной переписке. Начальник области Евреинов открыто заявил, что иметь в местных русско-туземных школах учителей из туркмен нежелательно.

Исходя, из этого, местная администрация в последующее время не только не содействовала открытию русских и русско-туземных школ, но, учитывая какую роль и значение они могут играть в общем процессе нараставшего во всей стране освободительного движения, всячески препятствовала их открытию. Так, в 1906 г., когда встал вопрос об организации новой русско-туземной школы в Мервском уезде, Евреинов цинично заявил:

«В России уже столько очагов, самими нами созданных, где ведется всякого рода пропаганда в ущерб государственному строю, причем пропаганда совершенно ускользает от нашего взгляда, что создавать еще самим очаг в среде туркменского населения будет совсем неосторожно»[1].

Таким образом, волею царских сатрапов подавляющее большинство детей как русского, так и туркменского населения лишено было возможности получать нормальное школьное образование. Это вытекало из общей политики царизма, направленной на духовное и социальное порабощение трудящихся масс.

Царизм тормозил развитие науки, искусства, культуры и народного просвещения в самой России, но особенно большие препятствия он чинил на пути просвещения и культуры в национальных окраинах, в том числе и в Закаспийской области.

«Политика царизма, — указывал И. В. Сталин, — политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов»[2].

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, ф. 7325, лл. 18—19.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 24.

Верным союзником царизма в деле духовного порабощения трудящихся Туркменистана являлись байство и мусульманское духовенство. Последнее, учитывая роль мусульманских конфессиональных школ (мектебы — низшая религиозная школа, медресе — высшая религиозная школа) в деле распространения воинствующего, фанатического панисламизма среди туркмен, усиленно насаждало их.

В 1910 г. в Закаспийской области числилось 557 мектебов, в которых обучалось 9560 человек, в том числе 900 девочек; в 56 медресе обучалось 911 учащихся[2].

Обучение в этих школах носило религиозно-схоластический характер. Оно обычно сводилось к заучиванию наизусть известных частей корана и знакомству с религиозными обрядами. Этим ограничивался круг знаний, которые получали в большинстве своем обучавшиеся в таких мусульманских школах. Естественно, что почти лишенные элементов какого бы то ни было светского образования, эти школы играли глубоко консервативную роль в жизни народа, способствуя духовному закабалению народных масс и укреплению религиозных предрассудков.

Мусульманская система религиозно-схоластического образования играла реакционную роль в жизни населения Туркменистана и являлась одним из основных препятствий на пути его культурного развития.

Таким образом, хотя в культурной жизни Туркменистана после присоединения к России был сделан большой шаг вперед, происшедшие сдвиги сравнительно мало сказались на развитии культуры коренного населения. Своей новой интеллигенции у туркменского народа почти не было, и к 1917 г. национальная культура основной массы туркменского народа продолжала, в основном, сохранять свой прежний облик, над ней продолжали довлеть феодальные и феодально-патриархальные пережитки.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала все необходимые условия для подлинного расцвета культуры туркменского народа и тем самым открыла новую эру в развитии его духовных и творческих сил.

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 2778, лл. 47—48.

ГЛАВА X

ТУРКМЕНИСТАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(1914—1917 гг.)

1. Туркменистан в годы первой мировой войны до февральской революции

В июле 1914 г. вспыхнула первая мировая империалистическая война. Ее подготовили империалисты всех буржуазных государств, прежде всего империалисты Германии, Австрии, с одной стороны, Франции, Англии и России—с другой.

Начав грабительскую войну, империалисты каждой из воюющих стран объявили ее священной «оборонительной» войной, войной за «спасение отечества» от врага. В этом деле подлого обмана масс они опирались на поддержку партий II Интернационала.

В России в качестве лакеев империалистической буржуазии выступили мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров, проповедуя буржуазные лозунги «войны до победного конца», «защиты отечества», «гражданского мира» и т. д.

Большевистская партия во главе с В. И. Лениным оказалась единственной партией, которая осталась верной делу социализма и пролетарского интернационализма и повела непримиримую революционную борьбу против империалистической войны.

Исходя из оценки характера войны, как империалистической, захватнической, несправедливой, большевики выдвинули

боевой революционный ленинский лозунг: «Превращение империалистической войны в войну гражданскую».

Ленинские работы в годы войны и в особенности гениальное произведение В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» вооружили рабочий класс России и всего мира четкой и ясной программой борьбы против войны, за освобождение от гнета империализма. В годы же войны, опираясь на закон неравномерного развития капитализма, Владимир Ильич разработал новую теорию социалистической революции, теорию возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране и указал конкретные пути к достижению этой победы.

Большевики, несмотря на гонения и жестокие репрессии царского правительства, показывали рабочему классу всех воюющих стран блестящий пример революционной инициативы и международной пролетарской солидарности.

Россия вступала в войну неподготовленной и ее армия, несмотря на героизм и стойкость русских солдат, терпела одно поражение за другим. Экономическая отсталость, гнилость государственного аппарата и всего государственного строя царской России были основными причинами этих поражений на фронтах.

Война калечила, уносила миллионы человеческих жизней. Рабочие и крестьяне в тылу переносили огромные лишения и бедствия. Народное хозяйство России было разрушено. Около 14 млн. здоровых работников было взято в армию, оторвано от хозяйства, фабрики и заводы останавливались, сельское хозяйство свертывалось, сокращалась посевная площадь. Население и солдаты голодали, были разуты и раздеты. Эпидемии косили народ на фронте и в тылу. Буржуазия же и помещики наживались на войне, использовав для этого, в частности, и такие организации, как военно-промышленные комитеты. Все это вызвало ненависть и озлобление к царскому правительству среди народных масс, усиливало и обостряло революционное движение против войны, против царизма как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах. Во главе растущего революционного движения солдат, крестьян, интеллигенции шел героический русский пролетариат.

Острое недовольство войной и царизмом охватило также трудящихся Туркестана, в том числе туркменский народ.

Тяжесть войны со всей силой обрушилась на трудящиеся массы Туркменистана. Из-за острого недостатка рабочих рук предприятия Закаспийской области пришли в упадок. Добыча нефти на о. Челекене к 1917 г., по сравнению с 1912 г.,

сократилась в 10 раз[1]; значительно упала добыча соли, угля, серы и т. д. Многие предприятия закрылись.

Свернулись некоторые важные кустарные промыслы. Особенно сильно сократилось, из-за отсутствия красок и шерсти, ковровое производство.

Эксплуатация рабочих, прикрытая демагогией о необходимости жертв во имя «обороны отечества», доведена была до крайних пределов.

Война легла огромной тяжестью на туркменский аул, на его трудовые слои. Следовали одна за другой реквизиции для войны лошадей и верблюдов, обязательные поставки мяса и фуража, реквизиции скота, седел, шуб, туркменских каракулевых папах, кибиток, кошем и т. д. Только в первые два года войны было реквизировано у дайханства Закаспийской области (не считая Красноводского уезда) лошадей—6872, верблюдов—12 805, арб—299, папах—32 528, кибиток—1659 и другого разного имущества на сумму свыше 200 тыс. рублей, а также наличными деньгами 1 187 627 рублей[2]. Уже в первый год войны на средства местного населения был также сформирован туркменский («текинский») конный полк[3].

Увеличился размер налогов, ложившихся, как и остальные поборы, в основном, на плечи трудящихся.

Различные «добровольные» пожертвования на нужды войны носили фактически обязательный характер. В то время как цены на пшеницу, мануфактуру и на прочие предметы первой необходимости в Туркменистане повысились в 1916 г. на 300—400%, твердые цены на хлопок повысились по сравнению с 1913 г. только на 50%.

Большой разрыв между ценами на хлопок и на хлеб окончательно подорвал основы маломощного дайханского хозяйства, усилил кабальную зависимость дайхан от баев и ростовщиков. Многие бедняцкие хозяйства вынуждены были продавать за бесценок свои клочки земли, рабочий скот. К 1917 г. в Закаспийской области 15,9% дайханских хозяйств были безземельными, 35,6% — без рабочего скота, 23,4% — вообще не сеяли, многие другие вынуждены были арендовать землю и воду либо у баев, либо у казны на кабальных условиях. К 1917 г. 61% всех посевов в Закаспийской области производился на арендованной земле[4].

---

[1] См. «Нефтяное дело», № 9—10, 1918.

[2] См. Восстание 1916 г: в Туркмении (документы и материалы), ТГИЗ, Ашхабад, 1938, стр. 14.

[3] ЦГА ТССР, ф. 1 с, оп. 2, д. 6, л. 740.

[4] См. Статистический ежегодник ЦСУ Туркестанской республики за 1917—1920 гг., т. II, ч. III, 1924, стр. 32—33, 88.

Тяжелая картина наблюдалась в скотоводческих районах. Резко сократилось поголовье скота, увеличилось количество хозяйств, не имеющих скота. В главном скотоводческом районе Закаспийской области—Красноводском уезде—к 1917 г. 34,4% скотоводческих хозяйств вовсе не имели скота и около половины были без рабочего скота[1]. Лучшие пастбища и водопойные колодцы на обширных просторах Кара-Кумов находились в руках богатых скотоводов.

Часть дайханско-скотоводческой бедноты, не имевшая земли и скота, полностью разорялась и уходила в батраки. К 1917 г. в аулах Закаспийской области по приблизительным данным насчитывалось 8300 наемных рабочих[2], в действительности же число их было значительно больше.

Значительно сократилось рыболовство, охотничьи и другие промыслы.

Война принесла бедствия также трудовым слоям русских переселенцев. Особенно страдали они от призыва в армию мужского населения от 19 до 43 лет включительно.

На почве тяжести солдатской жизни, палочной дисциплины, ухудшения питания солдат в казармах росло недовольство и в гарнизонах области.

С каждым месяцем обострялся голод. Разруха на транспорте привела к значительному сокращению подвоза хлеба и других предметов первой необходимости из России в Туркестан. Росла дороговизна, обесценивались деньги, процветала спекуляция.

Война сильно ухудшила также положение трудящихся масс Хивинского ханства и Бухарского эмирата, в том числе их туркменских районов. И здесь усилился колониальный грабеж под предлогом помощи фронту. Упадок и расстройство хозяйства этих вассальных государств увеличивались вследствие ухудшения работы железнодорожного и водного транспорта и сокращения вывоза хлопка в Россию и ввоза оттуда хлеба. Из урожая 1916 г. из Хивинского ханства более 3000 вагонов хлопка-сырца осталось не вывезенным. Сократилось скотоводство. Несмотря на разорение трудящихся, налоговое бремя возрастало. В Хивинском ханстве взыскивались с населения 24 различных вида налогов. К этому добавились новые поборы с населения на нужды войны, принявшие форму чудовищного грабежа. Процветало беззастенчивое взяточничество как со стороны ханских и эмирских чиновников, так и со стороны царской администрации.

---

[1] Статистический сборник ЦСУ Туркменистанской республики за 1917—1920 гг., т. II, ч. III, 1924.

[2] Там же, стр. 32—33.

Пользуясь дезорганизацией, вызванной империалистической войной, активизировались пантюркистские элементы, имевшие связи с враждебными России государствами. Они усиливали свою деятельность, направленную на подготовку восстания в интересах Германии и Турции. Наймит турецкого султана (позже—Англии) Джунаид-хан—авантюрист, претендовавший на хивинский престол, — устраивал разбойничьи набеги, грабил узбекские кишлаки и туркменские аулы в Хивинском ханстве. Хивинская же администрация в свою очередь, обвиняя в «бунтах» туркмен, облагала последних большими штрафами и контрибуцией. В 1915 г. было взыскано с населения Хивинского ханства штрафов за «бунты» и «беспорядки» 721 тыс. рублей[1]. Неудивительно, что и в обоих ханствах в годы войны усиливалось разорение, обезземеливание и обнищание широких масс трудящихся. Около 80% дайханских хозяйств в хивинском ханстве посевы производило на арендованной у феодалов земле. Часть разорившихся дайхан Бухарского эмирата вынуждена была переселиться в районы Ферганы, а дайхан Хивинского ханства—в Закаспийскую область.

Обнищание и голод резко усилили недовольство трудящихся Туркменистана и вызвали значительное движение, направленное против царизма и войны.

Царские чиновники, буржуазия, купцы-спекулянты, аульное байство, которые наживались на войне, всеми мерами пытались предотвратить революционные выступления народных масс, разжечь в населении «оборонческие» настроения.

Как мера борьбы с революционным движением с первых дней войны Закаспийская область и весь Туркестанский край были объявлены на положении чрезвычайной охраны, были запрещены всякие собрания и сходки[2]. Особенно суровым преследованиям и арестам подвергались большевики и им сочувствующие. Усилилась слежка за настроением населения. На «случай нужды» было заготовлено оружие специально для «надежной» части «христианского» населения[3].

Но все это не могло приостановить революционизирования масс.

Русский пролетариат нес знамя борьбы против царизма и войны в самые отдаленные уголки России. С конца 1914 г. возобновились забастовки рабочих и в Закаспии. Забастовочное движение началось со стачек на экономической почве.

6 ноября 1914 г. на соляном промысле «Куули» Красно-

---

[1] См. ЦГА ТССР, ф. с/б, д. 109, л. 65.
[2] См. там же, ф. 1, оп. 2, д. 4027, л. 270.
[3] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7638, л. 1.

водского уезда на почве плохого питания, систематического обвешивания и неправильных вычетов из заработной платы произошла забастовка рабочих—солеломщиков. Девять партий солеломщиков бросили работу, предъявив администрации ряд экономических требований. 9 ноября забастовка возобновилась с еще большей силой. Солеломщики окружили контору управляющего промыслом Квартовкина и пытались ворваться в помещение. Только вмешательство полицейского спасло управляющего от расправы. Забастовка была подавлена: 7 человек были арестованы, как главные ее инициаторы[1].

15 ноября 1914 г. на Уфре под Красноводском произошла забастовка рабочих, выгружавших лес с парусной шхуны «Надежда». Ненавидимый рабочими за грубость командир шхуны был избит забастовщиками[2].

11—12 мая 1915 г. происходила забастовка рабочих нефтепромышленного общества на о. Челекене. Забастовка прекратилась лишь по прибытии начальника уезда с вооруженной силой. Из 134 забастовщиков—88 человек было уволено с работы и 11 были арестованы, как инициаторы стачки[3].

В 1916 г. забастовочное движение еще больше усилилось. В августе 1916 г. проявилось острое недовольство мастеровых кизыл-арватских главных железнодорожных мастерских низкими расценками по оплате труда и растущей дороговизной[4].

В начале сентября усилилось недовольство среди кизыл-арватских мастеровых общественной лавкой, администрацией мастерских, полицией поселка, а также ввиду отсутствия хлеба, сахара, мяса и других продуктов[5].

8 октября 1916 г. в Красноводске произошла забастовка грузчиков пароходного общества «Кавказ и Меркурий» на почве низкой заработной платы и грубого обращения агента общества с рабочими.

23 октября 1916 г. вновь заволновались кизыл-арватские мастеровые ввиду прекращения выпечки хлеба в пекарнях из-за отсутствия муки[6].

Наряду с экономическими забастовками, все заметнее становилось массовое движение, направленное непосредственно против войны и самодержавия. Чувствовалась агитационная работа отдельных большевиков, несмотря на то, что они были загнаны в подполье.

---

[1] См. ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 410, лл. 498—515.
[2] Там же, л. 607.
[3] См. там же, с/б, д. 106, лл. 52—56, 65.
[4] Там же, ф. 1 с, оп. 2, д. 142, л. 108.
[5] Там же, лл. 95, 114.
[6] ЦГИА СССР, ф. 102, 1916 г., № 22, ч. 2, л. 3.

Многочисленные жандармские сводки по Закаспийской области говорят о частом появлении на стенах домов, в присутственных местах «преступных» надписей против войны, «неприличных» картинок и рисунков, «оскорбляющих царствующую фамилию»[1] сообщалось об арестах за «политическую агитацию», «за политическую неблагонадежность» и т. д.

Ряд фактов свидетельствовал о наличии революционной работы в воинских частях, особенно в Кушкинском гарнизоне.

Недовольство охватило и русское население поселков. Здесь, на почве голода, отказа в выдаче продовольственных пайков семьям мобилизованных, участились «бабьи бунты»[2].

Нарастало движение в аулах Туркменистана. Революционная борьба русских рабочих оказывала все большее влияние на трудовые эксплуатируемые массы туркменского аула, окрыляла их, поднимала и воодушевляла на борьбу. Развал хозяйства, массовое обезземеливание, рост налогов и податей, спекуляция и дороговизна, обнищание и голод, а также прочие тяготы войны, — все это приводило трудовое дайханство в движение. Местами дайхане смелее стали бороться за свои земельно-водные права.

В октябре 1915 г. в ауле Ак-Тепе Дурунского приставства Асхабадского уезда дайхане вступили в открытый конфликт с крупным землевладельцем полковником Махтумкули-ханом на почве несправедливого деления воды из кяриза Дели. Махтумкули-хан посредством подкупа получил согласие начальника Закаспийской области на выделение ему гораздо большей, чем полагалось по норме, доли воды из названного кяриза, в ущерб трудовому населению окружающих аулов. 20 октября на кяриз Дели прибыл техник с рабочими и караульной командой для установки новых водоразделов. В ночь на 21 октября сюда явились до 30 дайхан, разрушили устроенный водораздел и пропустили всю воду по своей канаве. Караул не смог остановить дайхан. Дайхане были «усмирены» лишь прибывшей воинской командой, причем 5 человек были арестованы[3].

Массовый характер принимали факты самовольного захвата воды в Мургабском имении. В апреле 1916 г. управляющий этим имением арестовал несколько дайхан «за неоднократное неисполнение распоряжений поливного отдела, за самовольное пользование водой»[4].

Учащались выступления дайхан против переселенческой

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 55/153, оп. 1, д. 418, л. 19.
[2] ЦГА ТССР, ф. 1 с, оп. 2, д. 440, л. 65.
[3] См. там же, ф. 1, оп. 2, д. 417, лл. 207—210.
[4] Там же, д. 446, л. 51.

политики царизма. В мае 1916 г. было арестовано несколько дайхан аула Бай Мервского уезда за неисполнение распоряжений топографа переселенческого управления и «оказание ему сопротивления»[1].

Дайхане и скотоводы все чаще уклонялись от уплаты налогов. В феврале 1916 г. несколько хозяйств джафарбайцев Чикишлярского приставства отказались платить подать. Старшинам, прибывшим для сбора податей, «пришлось ретироваться»[2].

Дайхане нередко оказывали сопротивление старшинам, волостным управителям, приставам при реквизиции верблюдов, лошадей, а также кибиток и других предметов на нужды войны. В ноябре 1915 г. население 4-й и 5-й Адаевской волости Красноводского уезда оказало открытое сопротивление царским агентам, прибывшим для реквизиции верблюдов. В результате «буйства» населения, жаловались агенты начальнику уезда, «достаточное количество верблюдов нами не собрано»[3]. В январе—феврале 1916 г. в Чикишлярском приставстве имел место ряд случаев избиения отдельными скотоводами царских чиновников, обходивших аулы для сбора кибиток[4].

Недовольство охватило также трудящиеся массы Хивинского ханства и Бухарского эмирата.

Простые дайхане, туркмены и узбеки Хивинского ханства, были очень недовольны постоянными феодальными смутами в ханстве, тяжелыми поборами и вымогательствами ханских чиновников. Мечтая о мирной спокойной жизни народные массы Хивы видели единственный выход из создавшегося положения в свержении хана и присоединении Хивы к России. В середине января 1916 г. растущее недовольство масс вылилось в стихийный взрыв народного негодования, поводом к которому послужил насильственный набор девушек в ханский гарем.

Двухтысячная толпа туркмен и узбеков Ходжейлинского, Шабадского, Тахтинского, Ильялинского, Куня-Ургенчского и других районов направилась к дворцу хивинского хана, потребовала к себе ханского министра Матвафа Бакалова и заявила ему, что «народ желает перейти в русское подданство»[5].

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 446, л. 93.
[2] Там же, 455, лл. 31—32.
[3] Там же, д. 446, лл. 5—6.
[4] См. там же, лл. 33, 60.
[5] Газета «День», 30 августа 1916 г.; «Наша газета», 6 сентября 1917 г.

К выступлению масс присоединилась также туркменская феодально-клерикальная знать во главе с Джунаид-ханом, Хан-Ишаном и часть узбекских феодалов, недовольных правящей феодальной кликой и желавших захватить власть в свои руки. Джунаид, решивший также использовать это стихийное народное движение в своих корыстных авантюристских целях, хотел провозгласить себя ханом Хивы от имени турецкого султана.

Однако это выступление вскоре было подавлено царскими отрядами, расположенными в Хиве.

В феврале 1916 г. сподвижники Джунаид-хана с помощью обманутой ими десятитысячной массы туркменских и узбекских дайхан вновь выступили с оружием в руках, объявили Джунаида ханом, захватили Хиву, убили трех ханских министров, получили 60 000 рублей выкупа с самого хана и занялись грабежом мирных жителей. Но они вскоре были выбиты из Хивы пришедшими на помощь Исфендияр-хану царскими войсками. Джунаид с награбленными драгоценностями в сопровождении небольшого отряда бежал через Кара-Кумы в Иран, а затем в Афганистан. Некоторые другие феодальные главари (Шамми-Кель и другие) нашли общий язык с царскими генералами. Население же за свое доверчивое отношение к феодально-племенным вождям подверглось репрессиям, ограблениям и массовым казням со стороны царских карательных отрядов. Жестокая расправа с рядовыми дайханами и ремесленниками Хивы, усилившийся гнет и непосильные поборы вызвали новую волну народного негодования.

Рост недовольства трудящихся туркмен, как и других коренных национальностей Средней Азии, вылился во второй половине 1916 г. в активные выступления, охватившие почти все районы края. Основной причиной восстания явился невыносимый национальный и колониальный гнет, еще больше обострившийся в годы войны.

Прямым поводом к восстанию явился царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации мужского населения колониальных окраин империи в возрасте от 19 до 43 лет включительно на тыловые работы, т. е. на рытье окопов, для несения сторожевой охраны, на замену ранее занятых резервов армии на железных дорогах, военных предприятиях и т. д.

Указ царя от 25 июня явился той каплей, которая переполнила чашу терпения бесправных и угнетенных народов окраин России и подняла их на вооруженное восстание.

Начавшись в первой половине июля 1916 г. с вооруженных столкновений в Узбекистане, волнения перебросились за-

тем в другие районы Туркестанского края, охватив значительную часть Казахстана, Киргизии, Закаспийской области.

Согласно указу, в Закаспийской области должно было быть «реквизировано» 15 тыс. человек, в том числе в Мервском уезде—5000, Тедженском—2300, Асхабадском—2500, Красноводском—1960 и Мангышлакском — 3240 человек[1].

С первых же дней объявления царского указа недовольство охватило подавляющее большинство местного населения. Всюду в аулах происходили сходы и принимались решения: людей на окопные работы не давать, из аулов не отпускать.

Движение в основном носило антиколониальный характер. Главной и решающей движущей силой его были угнетенное крестьянство, беднота и батрачество. Чего они хотели, какова была их цель? Хотя никакой письменной программы у трудовой дайханско-скотоводческой массы не было и движение носило стихийный характер, тем не менее на основании непосредственных требований масс различных районов представляется возможным установить, что это была антиколониальная, антивоенная, антиимпериалистическая борьба. Дайхане добивались освобождения не только от тыловых работ, но и от налогов и поборов, от поставок скота, кибиток и т. д.

В архивах сохранилось множество документов, говорящих о фактах открытой агитации против набора, о демонстративно враждебном поведении населения по отношению к власти, о сопротивлении масс действиям администрации и т. д.

Характеризуя отношение населения близлежащих к Асхабаду аулов к указу, начальник Закаспийской области доносил штабу Туркестанского военного округа: «По доходившим до меня слухам в аулах население волновалось»[2].

8 июля чикишлярский пристав доносил начальнику Красноводского уезда, что «туркмены на сходе решили во что бы то ни стало людей не дать, хотя бы на этой почве пришлось умереть», что «мирным путем население не пойдет, разве только с применением силы»[3].

Такие же тревожные донесения в первые дни после царского указа поступили из Тедженского и Мервского уездов.

Сопротивление населения аулов заставило местную администрацию закрыть в ряде мест пункты сбора реквизированных рабочих. Совещание при начальнике Закаспийской области от 12 июля 1916 г. постановило ходатайствовать о закрытии сборных пунктов в Чикишляре, Бахардене. и Таш-Кепри и выслать в эти местности по полуроте пехоты[4].

---

[1] Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы), стр. 55.
[2] Там же, стр. 133.
[3] Там же, стр. 30.
[4] Там же, стр. 33—34.

В постановлении того же областного совещания указывалось, что ввиду отказа туркменского населения доставить рабочих на тыловые работы необходимо просить распоряжения генерал-губернатора о немедленном командировании двух сотен казаков с пулеметами: одну в Мерв, другую в Теджен[1].

14 июля и начальник Асхабадского уезда вынужден был обратиться к начальнику Ак-Тепинского гарнизона с просьбой о помощи, заявив, что среди местного населения на почве реквизиции рабочих происходит брожение, не исключающее возможности всяких выступлений, требующих подавления военной силой[2].

Положение, сложившееся в важнейших районах Туркменистана к 15 июля, заставило начальника области телеграфировать в Ташкент о неизбежности насильственных мер: «К набору рабочих будет приступлено принудительно, так как добровольно туркмены их не дают, оказывая пока пассивное сопротивление»[3].

Это так называемое пассивное сопротивление дайхан вынудило начальника Закаспийской области прибегнуть на первых порах к такой, далеко не пассивной мере, как отправка в Асхабадский уезд одной роты 3-го запасного полка, конной сотни пограничной стражи, пулеметной команды и одного взвода конногорной батареи, а в Мервский уезд—одной сотни 2-го Семиреченского полка, одного взвода конно-горной батареи и одной роты пехоты.

События развивались и в других районах. И Красноводский уездный начальник уже в июле 1916 г., ссылаясь на сообщение старшин, доносил начальнику области, что иомуты-кочевники, узнав про набор, будут «бегать по степи», но рабочих не дадут, и передал просьбу этих старшин оказать им помощь в сборе и охране рабочих казаками[4].

В другой телеграмме он сообщал, что кочевники от наряда рабочих уклоняются, выжидают как поступят ашхабадцы и, несмотря на обещание старшин, аксакалов, списки не составляются[5].

Население Серахского приставства на районном сходе постановило не давать рабочих, угрожая убить пристава, если он прибегнет к насильственному их рекрутированию[6].

---

[1] Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы), стр. 34.
[2] Там же, стр. 36.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 133—134.
[5] Там же, стр. 137.
[6] Там же, стр. 134.

Трудовое дайханство особенно возмущало предоставление льгот байству за счет бедноты. В письме начальника Туркестанского районного охранного отделения начальнику Закаспийской области от 10 июля говорилось, что среди туркменского населения замечается сильное возбуждение, так как распространялись слухи, что более зажиточной прослойке местного населения будет представлена возможность откупиться от набора[1].

Движение дайхан в аулах неуклонно нарастало, принимая все более угрожающий для царских властей характер.

Тедженский уездный начальник сообщал 22 июля, что волнения среди полукочевого населения не стихают и положение серьезное, подчеркивая при этом, что аресты главарей возможны лишь при наличии достаточной силы[2].

24 июля ротмистр пограничной стражи в Серахсе донес, что он вышел на усмирение взбунтовавшейся четырехтысячной массы. Кровопролитие было предотвращено лишь благодаря тому, что была получена телеграмма об отсрочке набора, узнав о которой собравшиеся мирно разошлись[3].

Со второй половины августа 1916 г. глухое брожение и пассивное сопротивление набору рабочих начали переходить в открытое возмущение населения Туркменистана.

В середине августа, когда местный пристав попытался силой заставить население дать списки подлежащих набору тыловых рабочих[4], в нескольких аулах Чикишлярского приставства Красноводского уезда произошли вооруженные столкновения конных и пеших дайхан с отрядом царских войск. Встретив вооруженный отпор, чикишлярский пристав так и не составил списков.

После этих событий туркмены-скотоводы многих аулов Красноводского уезда стали откочевывать в разные стороны: в Уральскую область и в Хивинское ханство, а также в свои зимовья в долине р. Гюрген, т. е. в той части Астрабадской провинции Персии, которая была занята царскими войсками еще по русско-персидскому договору до 1898 г. Туркмены уходили в горы и пески подальше от карателей.

Острое недовольство отмечалось в Тедженском уезде Закаспийской области. Беднота здесь была особенно возмущена несправедливой разверсткой рабочих.

Жители аула Язы-Канджик Тедженского уезда в начале октября 1916 г. в коллективном заявлении жаловались на-

---

[1] Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы), стр. 31.
[2] Там же, стр. 44.
[3] Там же, стр. 136.
[4] Там же, стр. 84—88.

чальнику области, что родственники аульной администрации и прочие богатые люди, насчитывающие в семьях по 3, 4 и 5 братьев, вполне трудоспособные, не внесены в списки, т. е. властью аульной администрации освобождены от призыва. Жалобщики называли баев и представителей аульной администрации грязными овцами, решившими загребать жар чужими руками[1].

Генерал Давлетшин, расследовавший причины недовольства в этом уезде, подтвердил эти жалобы. Он указывал, что «здесь кучка сильных людей назначала, от имени туземных обществ, в наряд бедняков и освобождала богатых, что вызвало недовольство среди беднейшей части населения»[2].

В первых числах октября началось вооруженное выступление дайхан в Серахском приставстве Тедженского уезда. Ядро восставших составляла молодежь, подлежащая мобилизации. В ночь с 1 на 2 октября группа в 100 молодых туркмен, зачисленных в рабочие дружины, вооруженная берданками и ножами, напала недалеко от Серахса на отряд царских войск, сопровождавших партию мобилизованных на тыловые работы. В донесении по этому поводу говорится, что нападение совершено «с целью воспрепятствовать отправлению от Серахса в Теджен собранной из туземцев партии рабочих»[3].

2 октября в 30 верстах от Серахса та же группа повстанцев выдержала двухчасовой бой с воинским отрядом, чтобы отбить другую партию мобилизованных рабочих. 4 октября с той же целью вновь повторилось нападение 50 человек на отряд царских войск близ Серахса. Эти выступления были быстро подавлены. Карательный отряд, возглавляемый баем Менгли-ханом, арестовал 22 человека[4]. Но борьба тедженских крестьян, как и в других местностях Закаспия, не прекращалась.

Набор на тыловые работы в Асхабадском и Мервском уездах также проходил в обстановке крайнего возмущения населения и вызвал волнения. В сентябре—октябре 1916 г. в аулах Байрам-Алийского приставства были арестованы десятки дайхан за «непочтительное отношение» к аульным старшинам и неисполнение их приказаний[5].

21 ноября 1916 г. произошло крупное выступление дайхан Мервского уезда. Узнав о прибытии в г. Мерв начальника об-

---

[1] Восстание в 1916 г. в Туркмении (документы и материалы), стр. 99—100.
[2] Там же, стр. 115.
[3] ЦГА УзССР, ф. 11, оп. 1, д. 1142, лл. 52—53.
[4] Там же.
[5] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 446, лл. 138, 142.

ласти генерала Калмакова, представители из разных аулов в числе свыше 500 человек явились к нему с требованием об удалении двух волостных управителей и нескольких аульных старшин, эминов, злоупотреблявших своим положением при составлении списков мобилизуемых и вымогавших деньги под разными предлогами. Во избежание осложнений Калмаков был вынужден отстранить некоторых наиболее ненавистных населению должностных лиц[1].

Путем применения военной силы и карательных мер по отношению к трудящимся массам царским властям удалось в Туркменистане, как и по всему Туркестану, осуществить реквизицию мужского населения на тыловые работы. Но брожение среди мобилизованных не прекращалось и в тех местах, куда они были направлены.

Дух возмущения среди тыловиков поддерживался тяжелыми условиями, в которые они попали. Работавшие на Среднеазиатской ж. д. тыловики, голодные, разутые и подвергавшиеся всевозможным насилиям, бросали работу и уходили домой. В донесении заведующего Асхабадским розыскным пунктом в департамент полиции от 20 октября 1916 г. сообщалось, что «туркмены рабочие, прибыв на станцию Комарово, отказались стать на работу»[2].

Восстание в Туркменистане явилось составной частью восстания 1916 г., охватившего весь Туркестанский край. Оно было стихийным, разрозненным, не имело централизованного руководства и ясно сформулированной программы. Местный национальный пролетариат, в силу своей малочисленности и молодости, еще не мог быть руководящей силой. Местный же русский пролетариат не имел еще достаточно прочных связей с трудящимися дайханами. Лишенное пролетарского руководства, восстание национального крестьянства Туркменистана и остальных районов Туркестана было обречено на поражение.

Низкий культурно-политический уровень дайханских масс, их отсталость, отсутствие большевистского руководства движением в аулах привели к тому, что восставшие не всегда могли различить своих подлинных врагов и в отдельных случаях оказывались на поводу у местных эксплуататоров, пантюркистов, панисламистов, за спиной которых стояли иностранные разведки. Часть байства, экономически и политически наиболее тесно связанная с российским капитализмом, услужливо помогала царским чиновникам в осуществлении

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 475, л. 31.
[2] ЦГИАМ, ф. Департ. полиц., 4 д-во, 1916 г., д. 130, ч. 10, л. 158.

указа о наборе тыловых рабочих, старалась предотвратить движение. Известной мервской ханше Гюль-Джамал и ее группе даже удалось вначале сдержать массы от активных выступлений агитацией о возможности договориться с царем о замене набора людей на тыловые работы денежным взносом, организовав для этой цели сбор с населения около 1,5 млн. рублей. В дальнейшем эта преданная самодержавию верхушка вместе с царскими войсками играла роль палачей и душителей восстания.

Другая часть местной эксплуататорской верхушки, главным образом представители монархически настроенной феодально-клерикальной знати, примазавшись к движению, стремилась придать ему антирусский характер, под пантюркистским и панисламистским лозунгом газавата. Это имело целью вернуть старые порядки, т. е. отторгнуть край от России, восстановить в нем ханскую власть. Не надеясь на собственные силы, эта часть верхушки рассчитывала на помощь извне, со стороны враждебного России германо-турецкого лагеря.

В годы империалистической войны деятельность иностранных разведок в Средней Азии усилилась.

Особенно активно вели здесь диверсионно-разведывательную работу Турция и Германия, воевавшие с Россией. Но и «союзница» России Англия, также как США, не гнушалась вести подрывную деятельность в Средней Азии, стремилась к ослаблению России и подготовке условий для отрыва от нее ряда территорий.

Все эти иностранные государства засылали в Среднюю Азию своих агентов, опираясь на местную феодально-байскую знать, стремились создать в тылу царской России политические осложнения, ослабить Россию и вытеснить ее из Средней Азии. Феодально-клерикальным элементам, за спиной которых стояли агенты иностранных разведок, удалось организовать в наиболее отсталых районах Семиречья, Самаркандской и Закаспийской областей Туркестанского края отдельные реакционные выступления.

Одно из таких выступлений имело место в ночь с 5 на 6 октября в Отамышской волости Тедженского уезда Закаспийской области. Толпа в несколько сот человек двинулась на ст. Теджен. Руководили этим выступлением феодально-клерикальные авантюристы и пантюркисты Алты-Сопи, Азис Чапыков и другие, которые, обманув наименее сознательную часть дайхан, придали этому выступлению антирусский, реакционный характер. Восставшие вступили в столкновение с воинской охраной, сожгли деревянный мост, перервали телеграфные провода, разобрали часть железнодорожного

полотна. Но, помимо всего этого, имело место ограбление, избиение и убийство нескольких мирных русских граждан.

Это реакционное выступление не нашло поддержки со стороны широких масс трудового дайханства Отамышской волости. Обманутые феодально-байскими элементами и духовенством повстанцы при первой же стычке с войсками на рассвете 6 октября разбежались. Следует отметить, что возмущенные провокацией феодальных авантюристов массы сами выдали властям часть руководителей этой авантюры. Азис Чапыкову и некоторым другим удалось бежать в Афганистан.

В конце сентября 1916 г. в районе Гюргена, на иранской территории, родо-племенные вожди иомутов Баба-Клыч, Мерген-арчин и другие германо-турецкие агенты, используя недовольство народа колониальной политикой царизма, организовали реакционно-националистическое выступление, направленное против русских вообще. Это выступление, длившееся несколько месяцев, сопровождалось ограблением ряда русских поселков, убийством отдельных русских трудящихся и т. д.

В нем участвовали как иранские, так и русско-подданные туркмены, откочевавшие сюда с территории Красноводского уезда.

Многие иомутские роды, а также соседние гоклены, отказались выступить, хотя со стороны главарей восстания были попытки силой заставить их участвовать в восстании. Тем не менее восстание в районе Гюргена приняло довольно широкий размах. Для его подавления сюда был направлен сначала отряд генерал-майора Волковникова, а затем, в декабре 1916 г. — большая военная экспедиция под командованием генерал-лейтенанта Мадритова, значительные вооруженные силы в составе шести батальонов и 15 сотен при 18 орудиях и 17 пулеметах[1]. За излишнюю доверчивость по отношению к реакционной политике «своих» родо-племенных вождей народ расплатился сотнями убитых, десятками сожженных аулов, ограблением скота и имущества на миллионы рублей. Родовые же вожди, ханы и баи не только не понесли наказания, но некоторые из них были награждены царским правительством, получили почетные должности. Суровой расправе подверглись и русско-подданные туркмены Красноводского уезда, откочевавшие ранее на Гюрген и вернувшиеся затем обратно. Их скот и имущество были реквизированы, аулы подверглись полному опустошению.

---

[1] См. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1196, л. 1.

2. Февральская буржуазно-демократическая революция в Туркменистане

Все более обострявшаяся хозяйственная разруха, рост дороговизны, голод, наряду с разложением государственного аппарата самодержавия и непрекращавшимися военными неудачами и бесчисленными жертвами на фронте, вызывали нарастание революционной борьбы и создавали революционную ситуацию в стране. Январские стачки 1917 г., охватившие Петроград, Москву, Баку и многие другие города страны, явились предвестниками нараставшей революционной бури. 18 февраля 1917 г. началась забастовка рабочих Путиловского завода в Петрограде. Вскоре она переросла в массовую революционную демонстрацию рабочих столицы против царизма. День 26 февраля был отмечен вооруженными столкновениями восставших рабочих Петрограда с царскими войсками. Восстанием масс руководили большевики.

27 февраля 1917 г. наступил конец царствовавшей в течение трех веков династии Романовых. Инициатива и руководящая роль пролетариата, возглавляемого большевистской партией, переход войск на сторону восставшего народа решили судьбу царского самодержавия. Царизм был свергнут.

Весть о свержении царизма молниеносно разнеслась по всей России и вызвала общенародное ликование. Во всех уголках страны поднялась волна митингов и демонстраций. Рабочие, солдаты и крестьяне повсеместно отстраняли царских ставленников, арестовывали полицейских и жандармов, освобождали томившихся в тюрьмах и на каторге революционеров. Вторая буржуазно-демократическая революция победила.

Представители местной царской администрации в Туркестане пытались «скрыть» революцию от народа и деятельно готовились к вооруженному подавлению возможных революционных выступлений трудящихся.

Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин предложил начальнику Закаспийской области генералу Калмакову не обнародовать сведений о революционном перевороте в столице, всеми мерами, вплоть до использования воинских частей, поддерживать «порядок» среди населения, в частности пустить карательные поезда по линии Среднеазиатской ж. д.

Начальник области предписывал «усилить надзор за прибывающими из Европейской России в пределы округа лицами»[1].

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 117, оп. 1, д 11, л. 3.

Однако все эти меры оказались безуспешными. Известия о свержении царизма различными путями проникали в народную гущу и поднимали трудящихся на активную борьбу.

3 марта в разных центрах Закаспийской области, на промышленных предприятиях и в железнодорожных депо состоялись собрания рабочих, местами в них участвовали солдаты. Становилось ясно, что солдатская масса, на которую рассчитывала местная администрация, не будет стрелять в народ, а перейдет на сторону трудящихся.

С 4 марта 1917 г. волна массовых митингов и манифестаций прокатилась по всей Закаспийской области. Большевики, вышедшие из подполья, разъясняли народным массам значение февральских событий и вселяли в них революционный дух.

В Асхабаде этот день был отмечен многолюдным общегородским митингом, а 5 марта в городе состоялась грандиозная манифестация. Она началась митингом на привокзальной площади с красными знаменами и лозунгами «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует свобода!» и т. д. После митингов манифестанты с музыкой и пением революционных песен направились к казармам асхабадского гарнизона. Здесь манифестантов встретили солдаты мощными криками «ура». В знак солидарности произошел горячий обмен приветствиями и поздравлениями[1].

В Красноводске состоялся большой митинг железнодорожных и портовых рабочих совместно с солдатами гарнизона[2]. В яркой речи большевик В. Д. Дмитриев разоблачал великодержавную политику самодержавия, призывал трудящихся всех национальностей и солдат к солидарности, к ликвидации царской колониальной администрации и к объединению трудящихся вокруг Советов. В Кизыл-Арвате солдаты пригласили на митинг офицеров и поставили перед ними вопрос: желают ли они присоединиться к народу, заявив, что в противном случае распоряжения их исполняться не будут. Здесь был избран гарнизонный солдатский комитет. Затем собрался объединенный митинг солдат и рабочих, которые дружными возгласами одобрения и обоюдными приветствиями ознаменовали свою солидарность и ликование по случаю февральского переворота.

В Кушке солдаты, под влиянием агитации большевиков, отстранили ряд ненавистных офицеров от командных должностей[3].

---

[1] См. «Асхабад», № 55, 7 марта 1917 г.
[2] Ф/б АН ТССР, инв. 88, стр. 1.
[3] См. там же, инв. 297, стр. 157—158.

Рабочие городов и поселков Закаспийской области повсеместно разоружали полицию и жандармерию, освобождали политических заключенных, в том числе арестованных дайхан — участников восстания 1916 г., которых ожидала смертная казнь или каторга.

Бурные митинги и собрания по случаю свержения царизма состоялись также в городах и на железнодорожных станциях Бухарского эмирата в Чарджуе, Керки, Карши, Фарабе и т. д.

С огромной радостью весть о свержении царизма встретили трудящиеся аула. В их памяти еще были свежи горькие уроки восстания 1916 г. Теперь, в февральские дни, они выступали рука об руку с русскими трудящимися, возглавляемые революционным пролетариатом.

6 марта в Казанджике состоялся совместный многотысячный митинг русских рабочих и туркмен из окрестных аулов. Митингом руководил рабочий Пашетных. Участники митинга—русские рабочие и туркменские скотоводы—разоружили местную жандармерию, арестовали карателей, прибывших для реквизиции имущества у восставших в 1916 г. иомутов[1]. Совместный митинг туркменских дайхан, скотоводов, рабочих и солдат состоялся также на ст. Джебел и на некоторых других станциях.

10 марта, в базарный день, в местечке Иолотань состоялся митинг туркмен-сарыков, прибывших из всех аулов Иолотанского приставства. Туркмены обменивались с русскими приветствиями, рукопожатиями и заявили, что сейчас же составят и передадут им списки баев, имеющих запасы пшеницы[2].

В аулах происходили многолюдные собрания дайхан, единодушно требовавших ликвидации института волостных управителей, отстранения ненавистных старшин и мирабов, разрешения аграрного вопроса, отмены покибиточного налога, возвращения тыловых рабочих и т. д.

В течение 14 марта 1917 г. прошли собрания в 19 аулах Мервского уезда. Дайхане требовали передачи им земли и воды Мургабского имения. Требования, принятые на собраниях, были оформлены в виде 19 коллективных заявлений, под которыми около 6 тыс. дайхан и батраков, ввиду неграмотности, поставили оттиски своих пальцев[3].

---

[1] См. ф/б АН ТССР, инв. 297, стр. 99—100. Е. Ф. Пашетных впоследствии был одним из руководителей казанджикских большевиков.

[2] «Асхабад», № 71, 28 марта 1917 г.

[3] См. ЦГА ТССР, ф. 316, оп. 1, д. 2, лл. 43—92.

15 марта представители аулов Мервского уезда собрались в г. Мерве на объединенное собрание. Это собрание, несмотря на то, что им руководили феодально-байские элементы, вынесло решение, в котором содержался ряд пунктов, отражавших требования дайхан в частности возвращения «тыловиков», смещения ненавистных старшин, ликвидации учреждений волостных управителей, распределение населению части воды Мургабского имения и т. д.[1].

Приведенные факты свидетельствуют о том, какой широкий размах уже в февральские дни приняло поднявшееся освободительное движение в туркменских аулах. Это движение было направлено на ликвидацию национально-колониального гнета, на разрешение аграрного вопроса, на демократизацию общественной жизни.

Февральская революция также привела в движение безземельные и малоземельные слои крестьянства русских поселков.

Революционные события в России и Закаспийской области нашли отзвук в вассальных ханствах Хивы, Бухары, в которых проживали значительные массы туркменского народа, стонавшие под ярмом феодально-деспотического режима. Большое влияние на население оказывали рабочие Среднеазиатской ж. д., пересекавшей территорию Бухары, — особенно станций Каган, Чарджуя, Фараба, Карши, а также г. Керки, расположенного в гуще туркменского населения эмирата. Революционизирующее воздействие на трудящихся Хивы шло с правого берега Аму-Дарьи (Аму-Дарьинский отдел Сыр-Дарьинской области), а также со стороны передовых солдат русских гарнизонов. Правда, революционное влияние на первых порах коснулось лишь небольших групп узбекского, туркменского и таджикского населения этих ханств. Тем не менее и в Хиве, и в Бухаре начало пробуждаться революционное сознание народных масс.

3. Образование Советов и местных органов Временного правительства. Двоевластие

В первые же дни революции повсеместно в городах возникли Советы рабочих и солдатских депутатов, как органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Советы могли при желании взять всю полноту власти в свои руки.

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 316, оп. 1, д. 2, л. 40.

Но партии эсеров и меньшевиков помешали этому. Воспользовавшись тем, что пролетарский авангард — партия большевиков не успела еще вполне оправиться после ударов, нанесенных ей царизмом во время войны, и что многие руководители партии еще не вернулись из ссылки, а В. И. Ленин из эмиграции, эсеры и меньшевики заняли большинство депутатских мест в Петроградском Совете и захватили руководство в свои руки. То же самое произошло в Москве и во многих других городах страны. Эсеро-меньшевистские соглашатели были пособниками буржуазии и, окопавшись в Советах, не думали об удовлетворении революционных требований народа, боровшегося за мир, землю и свободу, а считали, что революция уже закончилась и призывали к «нормальному» конституционному существованию совместно с буржуазией.

Втайне от большевиков эсеро-меньшевистское руководство Исполкома Петроградского Совета договорилось с Временным комитетом Государственной думы об образовании Временного правительства, состоявшего из представителей буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Но рядом с ним продолжала существовать и другая власть—Советы рабочих и солдатских депутатов.

Таким образом, получилось своеобразное двоевластие «...переплетение вместе, воедино двух диктатур: диктатуры буржуазии... и диктатуры пролетариата и крестьянства...»[1].

Добровольная передача Советами государственной власти в руки буржуазии стала возможной, главным образом, вследствие политической неискушенности миллионов людей из мелкобуржуазной среды, потянувшихся после свержения царизма к политической жизни, изменения в составе пролетариата, происшедшего во время войны, недостаточной сознательности и организованности пролетариата в начале революции.

По примеру остальных районов страны, Советы возникли и в Туркменистане. 7 марта 1917 г. в Асхабаде на общем собрании рабочих депо был избран Совет рабочих депутатов в составе 24 человек. Совет призвал рабочих городских предприятий присоединиться к нему, избрав своих депутатов[2].

12 марта, днем, в Асхабаде на базарной площади состоялось общее собрание рабочих всех городских предприятий и кустарно-ремесленных мастерских. Собрание решило объединиться в Советы и тут же, выбрав своих представителей, послало их в Совет рабочих депутатов, получивший функции общегородского Асхабадского Совета.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 40.
[2] «Асхабад», № 58, 10 марта 1917 г.

Советы рабочих депутатов возникли также в Красноводске, Казанджике, на о. Челекене, в Кизыл-Арвате, Теджене, Мерве, Кушке, Каахка, Серахсе и во всех других городских пунктах Закаспийской области[1], а также в городах и на железнодорожных станциях Бухарского эмирата: Чарджуе, Керки, Фарабе и др.

Солдаты также создавали свои ротные, батальонные, полковые солдатские комитеты: 6 марта 1917 г. в Асхабаде состоялось собрание делегатов от всех частей войск гарнизона. На этом собрании был избран Солдатский комитет Асхабадского гарнизона (СКАГ) в составе 28 человек[2]. Комитет объединял 5 полков и бригад с общим количеством около 30 тыс. солдат. Между Комитетом и Советом рабочих депутатов установилась тесная связь путем взаимного представительства.

Солдатские комитеты возникли также в гарнизонах Красноводска, Кизыл-Арвата, Кушки и других городов, и всюду между ними и Советами устанавливался контакт. Несколько позднее состоялось и их объединение в единые Советы рабочих и солдатских депутатов.

Однако, как и в других районах страны, руководство в этих Советах и солдатских комитетах оказалось в руках эсеров и меньшевиков. Это отчасти объясняется тем, что во время войны социал-демократические, большевистские организации в Туркменистане были разгромлены. Наиболее активные большевики—Фиолетов, Вахнин и другие, игравшие руководящую роль в революционном движении в Закаспии, выбыли из Туркменистана; многие армейские большевики выбыли из края в связи с отправкой местных воинских частей на фронт. В то время как местные большевистские силы к началу 1917 г. были малочисленны, эсеры и меньшевики, поддерживавшие военную политику царизма, не подвергались преследованиям. Они сохранили все свои кадры. Темнота и отсталость масс составляли благоприятную почву для тлетворной деятельности эсеров и меньшевиков.

Советы и солдатские комитеты возникли стихийно, по почину самих рабочих и солдат, воспринявших опыт пролетариата центральных городов России. Они возникли как политические центры революционных сил в противовес силам реакции. Трудящиеся массы, рабочие и солдаты, как и во всей России, смотрели на Советы как на собственные органы власти. Они верили, что Советы удовлетворят все их наболевшие нужды и посылали туда своих представителей.

---

[1] См. ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 40, д. 13, лл. 1—67.
[2] «Асхабад», № 56, 8 марта 1917 г.; № 57, 9 марта 1917 г.

Однако меньшевики и эсеры, руководившие Советами рабочих депутатов и солдатскими комитетами, по примеру эсеро-меньшевистского руководства Петроградского Совета, пошли по пути предательства интересов широких слоев народа в пользу буржуазии. Они проводили политику соглашательства с буржуазией. Соглашательское руководство Совета депутатов рабочих Среднеазиатской ж. д. в Асхабаде начало свою деятельность с обращения к населению с призывом безусловно признать и подчиниться буржуазному Временному правительству, к «единению сил» для «доведения войны до победного конца»[1]. То же самое повторили Советы многих других городов области.

В свою очередь буржуазное Временное правительство начало создавать в Туркменистане, как и во всей стране, свои органы власти, руководствуясь при этом стремлением сохранить прежний колониальный аппарат управления. «Это правительство, — писал В. И. Ленин, — под шумок революционной фразы, назначает на командные места сторонников старого порядка. Весь аппарат государственной машины (армию, полицию, чиновничество) это правительство старается как можно менее реформировать, отдав его в руки буржуазии»[2].

Временное правительство вначале оставило фактическое управление Туркестанским краем в руках прежней царской администрации. 8 марта 1917 г. военный министр Гучков телеграфировал генерал-губернатору Туркестана Куропаткину: «Уверен, что благодаря глубокому знанию края, заслуженной популярностью в нужных случаях Ваш умудренный опытом такт укажем Вам путь»[3].

Получив эту телеграмму, Куропаткин издал в тот же день по краю приказ, в котором писал: «Впредь до приказания нового правительства всем чинам военно-народного управления — краевого, областного и уездного —остаться в занимаемых ими постах»[4]. Представители старой царской военно-полицейской администрации перекрашивались в «демократов», объявляли себя приверженцами Временного правительства и, поощряемые последним, старались сохранить в неприкосновенности колониальный режим. Но уловки царских чиновников и их буржуазных покровителей не могли обмануть широкие массы трудящихся, начавших самовольно смещать старую администрацию.

---

[1] «Асхабад», № 58, 10 марта 1917 г.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 37.
[3] ЦГА ТССР, ф. 117, оп. 1, д. 16, л. 22.
[4] Там же, л. 20.

Митинг рабочих и ремесленников в Асхабаде, состоявшийся 20 марта, категорически потребовал отстранения губернатора и уездных начальников «по примеру России»[1]. Состоявшийся в Теджене митинг железнодорожных рабочих и представителей всех аулов Тедженского уезда постановил устранить уездного начальника Бялоновича от должности. Последний был подвергнут домашнему аресту[2].

По словам начальника серахского гарнизона, местные туркмены поголовно требовали смещения пристава, он жаловался: «сдерживать более не могу, за последствия не ручаюсь»[3]. И действительно, в аулах явочным порядком переизбирались старшины, мирабы, судьи, упразднялись волостные управления. В городах—уездных и приставских центрах — дайхане и рабочие от имени Советов стали смещать, арестовывать и изгонять старых чиновников.

21 марта начальник области генерал Калмаков телеграфировал Куропаткину: «Доношу, что как во всех уездах, так и (в городах) моя власть совершенно ослаблена. Дальнейшее оставление у власти чинов старой администрации может вызвать только раздражение, особенно среди рабочего элемента, и может повлечь за собой нежелательные эксцессы»[4].

29 марта Временное правительство вынуждено было снять Калмакова с поста начальника Закаспийской области. А 30 марта 1917 г. объединенное заседание Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов постановило упразднить Туркестанское генерал-губернаторство, Куропаткина и его помощника отстранить «от занимаемых должностей и впредь, до распоряжения Временного правительства, подвергнуть их домашнему аресту»[5].

7 апреля 1917 г. Временное правительство образовало Туркестанский комитет (Туркомитет) для управления краем. Этот комитет состоял из представителей русской буржуазии, царских чиновников, местных буржуазных националистов, меньшевиков и эсеров. Председателем Туркомитета был назначен кадет Щепкин. Комитет имел полномочия действовать от имени Временного правительства в пределах Туркестанского края, а также в Хиве и в Бухаре[6]. Туркомитет обладал всеми функциями и правами прежнего Туркестанского

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 117, оп. 1, д. 16, л. 68.
[2] Там же, ф. 316, оп. 1, д. 1, л. 4.
[3] Там же, ф. 117, оп. 1, д. 31, л. 2.
[4] Там же, д. 16, л. 68.
[5] ЦГАОР УзССР, ф. 291, д. 188, л. 89.
[6] Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства, отдел 1, № 79, 13 апреля 1917 г. стр. 673.

генерал-губернатора, олицетворяя колониальное управление краем.

Во главе областей были поставлены областные комиссары Временного правительства, подобранные из числа приверженцев старого строя.

Комиссаром Закаспийской области был назначен граф Г. Доррер—кадет.

Во главе уездов и приставств ставились уездные и участковые комиссары Временного правительства. Состав последних также был подобран сплошь из бывших царских военных чиновников.

Нетронутым остался личный состав канцелярий всех звеньев прежнего административного управления.

«Уездные начальники, помощники их, приставы, начальник уголовного сыскного отделения и полицейские,—телеграфировал Доррер 23 июня Туркомитету, — заменены комиссарами. Канцелярия при них осталась в прежнем составе, учреждения и должности не упразднены, а только переименованы»[1].

Классовой опорой органов Временного правительства были русская буржуазия, феодально-байские элементы аула, мусульманское духовенство. Туркменские буржуазные националисты, как и меньшевики и эсеры, усердствовали в деле укрепления власти колонизаторской буржуазии.

5 марта асхабадская буржуазия образовала Временный исполнительный комитет, взявший в свои руки функции управления хозяйственной, экономической и культурной жизнью города. Такие же буржуазные исполнительные комитеты в течение первой половины марта возникли во всех городах области.

По образцу городских буржуазных временных исполнительных комитетов создавались так называемые аульные, участковые и уездные туркменские исполнительные комитеты из «почетных» и «влиятельных» туркмен. Во главе организации этих комитетов был поставлен подполковник хан Н. Н. Иомудский, тесно связанный как с байскими кругами, так и с кадетской буржуазией. В туркменские исполнительные комитеты входили ханы, баи, торговцы и ростовщики, буржуазно-националистическая интеллигенция, духовенство.

Эксплуататорская верхушка аула направила все свои силы на то, чтобы заглушить революционное, национально-освободительное движение трудящегося дайханства и укрепить в ауле власть и привилегии байства.

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 117, оп. 1, д. 19, л. 12.

Буржуазные Временные исполнительные комитеты и исполнительные комитеты туркменского байства являлись не только опорными пунктами власти Туркестанского комитета, но и его орудием в деле насаждения в массах демократических иллюзий.

Но наряду с властью буржуазии существовала другая власть — Советы и солдатские комитеты. За ними стояла широчайшая масса рабочих, крестьян и солдат. К Советам обращались трудящиеся массы с разными вопросами, жалобами, предложениями экономического и политического характера.

Советы, вопреки эсеро-меньшевистскому руководству, под давлением масс осуществляли введение 8-часового рабочего дня, занимались продовольственным вопрэсом, нормировкой цен на товары, организацией милиции, вопросами школ и здравоохранения, рассматривали конфликты между рабочими и предпринимателями и т. д.

Ни одного вопроса, имеющего общественное значение, буржуазные органы власти не могли самостоятельно решать, не согласовав их предварительно с Советами. Имея возможность сосредоточить всю полноту власти в своих руках, Советы с их меньшевистско-эсеровским руководством, не сделали этого и уступили первенство органам Временного правительства.

Таким образом, в Туркменистане, как и во всей стране, создалось двоевластие — власть буржуазии в лице комиссаров Временного правительства и власть рабочих и крестьян в лице Советов.

Образование двоевластия в Закаспии было вызвано теми же причинами, что и во всей стране, причем условия для сохранения власти в руках органов Временного правительства здесь были еще более благоприятными, чем в центральных районах России.

Революция подняла на ноги громадные массы, стоявшие посредине между капиталистами и наемными рабочими.

В плену у соглашателей в первые дни революции оказалась и часть рабочих. Рабочий класс области был малочислен, молод, распылен по мелким предприятиям, слабо организован и политически не развит, к тому же в связи с войной состав его засорился разного рода мелкобуржуазными элементами, скрывавшимися на предприятиях от мобилизации в армию. Большая часть рабочих вначале не поняла, что эсеры и меньшевики на словах были за социализм, а на деле поддерживали буржуазию, бессовестно обманывали трудящихся, уверяя что Временное правительство, его комис-

сары, работая под контролем Советов, действуют в интересах народа.

Не искушенные в политике широкие массы, поверив эсерам и меньшевикам, проявили бессознательно-доверчивое отношение к буржуазному Временному правительству. При той культурно-политической отсталости, которая царила в туркменском ауле, многие дайхане верили «своим» байским верхам, призывавшим их к поддержке Временного правительства.

Обманутая и заблуждавшаяся масса согласилась уступить власть буржуазии. Она наивно верила, что раз свергнут царь и установилась власть «всей демократии» в лице Временного правительства и его комиссаров, то наверняка эти органы власти теперь коренным образом изменят их жизнь, удовлетворят их требования и интересы. Ход событий в последующие месяцы показал, что это были лишь иллюзии.

Февральская революция в Туркменистане, как и во всей стране, разрешила далеко не все задачи национально-освободительной и буржуазно-демократической революции. Национально-колониальный гнет сохранялся, тяготы войны не были устранены, голод и хозяйственная катастрофа продолжали обостряться; положение рабочего класса не улучшалось, дореволюционные аграрные отношения не были затронуты.

Трудящиеся России, совершив революцию, хотели получить мир, землю, хлеб, но ничего не получили, кроме громких фраз «о демократической свободе». Но у трудящихся всех национальностей России был вождь в лице рабочего класса, который возглавляла созданная гениальным Лениным пролетарская партия нового типа — партия большевиков.

Перед большевистской партией стояла задача — терпеливой разъяснительной работой в массах вскрыть империалистический характер Временного правительства, разоблачить предательство эсеров и меньшевиков и показать, что добиться мира и земли невозможно без замены Временного правительства правительством Советов.

Вооруженная апрельскими тезисами Ленина и затем решениями VI съезда, партия большевиков сумела мобилизовать широкие массы трудящихся России и национальных окраин, в том числе Туркменистана, на преодоление отживающих сил общества, на преодоление эксплуататорских классов, сопротивлявшихся закономерному ходу истории. Партия большевиков возглавила величайшую в истории человечества революцию — Октябрьскую социалистическую революцию, которая явилась коренным историческим поворотом в жизни всех народов России, в том числе и туркменского народа.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ
ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Труды классиков марксизма-ленинизма

Маркс К. Британское владычество в Индии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 346—352.

Маркс К. Будущие результаты британского господства в Индии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 362—368.

Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма, М., 1947. Письмо Энгельса Марксу от 24-V 1853 г., стр. 71—73. Письмо Маркса Энгельсу от 2-VI 1853 г., стр. 73—74. Письмо Энгельса Марксу от 6-VI 1853 г., стр 76—79. Письмо Маркса Энгельсу от 8-X 1858 г., стр. 105—107.

Маркс К. Капитал, тт. I—III, М., Госполитиздат, 1950.

Маркс К. К критике политической экономии, М., Госполитиздат, 1949.

Маркс К. Конспект книги Люиса Г. Моргана «Древнее общество».— Архив Маркса и Энгельса, т. IX, М., Госполитиздат, 1941, стр. 1—215.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии, М., Госполитиздат, 1950.

Маркс К. Национальности в Турции. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 371—378.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, М., Госполитиздат, 1933, стр. 1—540.

Маркс К. Положение в Индии—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, М., Госполитиздат, 1933, стр. 342—345.

Маркс К. Хронологические выписки. — Архив Маркса и Энгельса, т. V, М.. Госполитиздат, 1938; т. VI, М., Госполитиздат, 1939.

Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.), М., Госполитиздат, 1947.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. IX, Франция и Англия. Греческое восстание. Азия и Россия, стр. 655—661.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XI, ч. I, Персия и Китай 162—167; Договор с Персией, стр. 168—171.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг, М., Госполитиздат, 1950.

Энгельс Ф. Диалектика природы. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, М.—Л., 1931, стр. 389—630.

Энгельс Ф. К истории раннего христианства.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 409—431.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, М.—Л., 1930, стр. 113—198.

Энгельс Ф. *Письма Марксу от 11-XI 1882 г. и 22-XII 1882 г.* — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 605—606.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1950.

Энгельс Ф. Россия в Средней Азии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, ч. I, стр. 363—367.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 5—40; О Туркестане, стр. 34.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Соч., изд. 4, т. 13, стр. 195—396.

Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике. — Соч., изд. 4. т. 15, стр. 159—165.

Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Соч., изд. 4, т. 9, стр. 1—119.

Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.—Соч., изд. 4, т. 30, стр. 130—141.

Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальным вопросам 26 июня 1920 г. на II Конгрессе Коммунистического интернационала.—Соч., изд. 4, т. 31, стр. 215—220.

Ленин В. И. Еще к вопросу о теории реализации. — Соч., изд. 4, т. 4, стр. 59—77.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма — Соч., изд. 4, т. 22, стр. 173—290.

Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. — Соч., изд. 4, т. 22, стр. 306—344.

Ленин В. И. Культурные европейцы и дикие азиаты. — Соч., изд. 4. т. 19, стр. 37—38.

Ленин В. И. О государстве. — Соч., изд. 4, т. 29, стр. 433—451.

Ленин В. И. О брошюре Юниуса. — Соч., изд. 4, т. 22, стр. 291—305.

Ленин В. И. О карикатуре на марксизм.—Соч., изд., 4, т. 23, стр. 16—64.

Ленин В. И. О национальной программе РСДРП. — Соч., изд. 4, т. 19, стр. 488—494.

Ленин В. И. О национальном и национально-колониальном вопросе, М., Госполитиздат, 1956 (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Ленин В. И. О продовольственном налоге. — Соч., изд. 4, т. 32. стр. 308—343.

Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия. — Соч., изд. 4, т. 19. стр. 77—78.

Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (Для Второго съезда Коммунистического Интернационала). — Соч., изд. 4, т. 31, стр. 122—128.

Ленин В. И. Пробуждение Азии. — Соч., изд. 4, т. 19, стр. 65—66

Ленин В. И. Развитие капитализма в России.—Соч., изд. 4, т. 3, стр. 3—535.

Ленин В. И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. — Соч., изд. 4, т. 28, стр. 1—17.

Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. — Соч., изд. 4, т. 22, стр. 132—145.

Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу. — Соч., изд. 4, т. 19, стр 213—221.

Ленин В. И. Тетради по империализму, М., Госполитиздат, 1939.

Ленин В. И. Товарищам коммунистам Туркестана.—Соч., изд. 4, т. 30, стр. 117.

Ленин В. И. Уроки московского восстания. — Соч., т. II, стр. 145—152.

Ленин В. И. Философские тетради, М., Госполитиздат, 1938.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Соч., т. I, стр. 111—313.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7, ч. I, 1898—1924, М., Госполитиздат, 1954.

2. Библиографические пособия

Артюхов Я. С., Никитин Н. П. Республики, края и области СССР. Указатель литературы, М., 1943 (Всесоюзная книжная палата).

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925.

Бетгер Е. К. Роспись статьям и заметкам по археологии и истории Средней Азии, помещенным в газете «Туркестанские ведомости» за

время ее существования (28 апреля 1870 г.—15 декабря 1917 г.).—В кн.: В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.

Библиография книг и статей по археологии, нумизматике и этнографии, изданных Таджикской базой, Таджикским филиалом АН СССР и Академией наук Таджикской ССР (1934—1956 гг.). Составитель А. Е. Павлова, Сталинабад, 1956.

Бинкевич Е. Р. Устное творчество народов СССР. Библиографический указатель. Под ред. Ю. М. Соколова, М., 1940. (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Биснек А. Г. и Шафрановский К. И. Библиография библиографии Средней Азии. — Библиография Востока, 1936, № 8, 9.

Буров Н. А. и Гаррицкий А. А. Краткий библиографический указатель литературы по Туркестану, Ташкент, 1924.

Винберг Н. А. Указатель литературы по истории и археологии Парфии. — Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабада, 1949.

Винберг Н. А. Указатель литературы по истории и археологии Парфии.—Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.

Винберг Н. А. Основная литература по истории Туркмении (VIII—XIX вв.). — В кн.: Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., Ашхабад, 1954.

Виткинд Н. Я. Библиография по Средней Азии (Указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии). Под ред. А. В. Шестакова, М., 1929.

Вознесенская Е. А. и Пиотровский А. Б. Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и Среднеазиатских республик. АН СССР, Л., 1927.

Городецкий В. Д. и Городецкая М. Н. Библиография Туркестана, т. I, Ташкент, 1913.

Дмитровский Н. В. Библиографический указатель сочинений о Средней Азии, напечатанных в России на русском языке с 1692 по 1870 г. — Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III, СПб., 1878—1888.

Ершов С. А., Погосян Г. А. Библиографический указатель литературы по Туркмении, вып. I, Ашхабад, Туркменгиз, 1937.

Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700—1910 гг., СПб., 1913 (Зап. Имп. Русск. Геогр. общ. по отдел. этнографии).

Каррыев Б. А. Библиографический обзор работ, посвященных Махтум Кули. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1950, № 2.

Княжецкая Е. А. Литература о Западном Узбое (1714—1950). Библиографический указатель. Под ред. К. И. Шафрановского, Ашхабад, Изд-во АН Туркм. ССР, 1956.

Козин С. А. Азиатский архив при Институте востоковедения Академии наук СССР (Краткий обзор материалов). — Библиография Востока, вып. 5, 6, Л., 1934.

Масальский В. Указатель главнейших источников и пособий по Туркестанскому краю. — В кн.: Туркестанский край. Россия, полное описание нашего отечества под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX, СПб., 1913.

Маслова О. В. Систематический указатель к изданиям Среднеазиатского государственного университета с 1922 по 1950 г. Материалы к библиографии, вып. 2, Ташкент, 1952.

Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. — Материалы к истории изучения Средней Азии, ч. I, 1715—1856 гг., Ташкент, Среднеаз. гос. ун-т, 1955 (Материалы к библиографии, вып. 5).

Маслова О. В., Шафрановский К. И. Обзор русских экспедиций в Среднюю Азию. — Изв. АН Туркм. ССР, 1956, № 3.

Межов В. И. Библиография Азии. — Указатель книг и статей на русском языке и на иностранных языках, касающихся отношений России к азиатским государствам, тт. I—III, СПб., Главный штаб, 1891—1894.

Межов В. И. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности.— Систематический и азбучные указатели, т. I, СПб., 1878; т. 151—300, СПб., 1884; т. 300—416, СПб., 1888.

Пенкина З. М. Закаспийский край. — Систематич. сборн. библиографич. указ. книг и статей о Закаспийском крае и сопредельных странах, СПб., 1888.

Семенов А. А. Библиографический указатель по ковровым тканям Азии. — Труды Библиограф. комиссии при СНК ТССР, в. I, Ташкент, 1925.

Семенов А. А. Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеаз. гос. ун-та.—Труды Среднеаз. гос. ун-та, серия II, Orientalia, вып. 4, Ташкент, 1935.

Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Под ред. и при участии проф. А. А. Семенова. Изд. АН УзССР, т. I, Ташкент, 1952; т. II, Ташкент, 1954; т. III, Ташкент, 1955; т. IV, Ташкент, 1957.

Якушкин Е. И. Обычное право русских инородцев. — Материалы для библиографии обычного права, М., 1899.

3. Основные источники

а) Источники греческие, латинские и армянские

Аммиан Марцеллин. История. Перевод с латинского Ю. Кулаковского и А. Сонни, вып. 1—3, Киев, 1906.

Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt, recogn. C. U. Clark. Berolini, 1910—1915; Rec. V. Cardthausen, v. I—II. Leipsiae, 1874—1875.

Аппиан. Митридатовы войны. Сирийские дела. Перев. С. П. Кондратьева. — Вестник древней истории, 1946, № 4.

Аристакес Ластивертци. История Армении, Тифлис, 1912 (древнеарм. текст).

Arisdaguès de Lastiverd. Histoire d'Armenie... trad. pour la

prém. fois de l'arménien et accompagnée de notes par E. Prud-homme. Paris, 1864.

Арриан. Анабасис Александра или история походов и завоеваний Александра Великого в семи книгах. Перевод с греческого Н. Кореньков а. Ташкент, 1912.

Arriani Anabasis. Recogn. Carolus Abicht. Lipsiae, 1882; Flavii Arriani quae extant omina, ed. A. G. Roos. Leipsiae, 1907.

Всеобщая история Вардана Великого. Перев. с арм. Н. Эмин. М., 1861.

Гай Юлий Солин. Сборник достопримечательностей. Русск. перев. В. В. Латышева. — Вестник древней истории, 1949, № 3.

Cai Iulii Solini collectanea rerum memorabilim. Iterum recogn. Th Mommsen. Berolini, 1895 .

Гевонд. История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. Перев. К. Патканов, СПб., 1862.

Геродот. История в 9 книгах. Перев. с греческого Ф. Г. Мищенко, М., 1886—1888.

Herodoti Historiae. Rec. brevique adnotatione critica instruxit C. Hude. Scholae publicae Fredericoburgensis rector Soc. Reg. Danicae S. Tomus prior. Oxonii: e pypographeo Clarendoniano.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Перев. с греч. на росс. яз. И. Алексеева. Ч. I—VI, СПб., 1774—1775.

Diodori, Bibliotheca Historica ex recogn. L. Dindorfii. Leipsiae, 1828—1831; Rec. F. Vogel. Leipsiae, 1888—1893; Rec. C. T. Fischer. Leipsiae, 1904—1906.

Dion Cassius, Conceeiani historiarum romanorum. Cum annotationib. L. Dindorfus. Leipsiae, 1863—1865; Ed. P. Boissevain, v. I—VI. Berclini, 1895—1931.

Дионисий. Описание населенной земли.—Geographi Graeci Minores recogn. C. Müllerus, v. II, Parisiis, 1882.

Дорожник Александра. — Arriani Anabasis et Indica em F. Dübner, rec. Arriani... Itinerarium Alexandri et indices adiecit C. Müller. Parisiis, 1846.

Егише. Война армян против персов. Перев. и прим. Е. Диллена, Харьков, 1884.

История Егише вардапета. Борьба с учением зороастровым в пятом столетии в Армении. Перев. с армянск. П. С. Шаншиева, Тифлис, 1853.

Isidori Characeni. Mansiones Parthicae. — Geographi Graeci Minores, rec. C. Müllerus. Parisiis. 1855; Isidori Characeni. Stathmois Parthieos. Dresdae, 1849.

Кая Плиния Секунда естественная история ископаемых тел, переложенная на российский язык в азбучном порядке и примечаниями дополнена трудами В. Севергина, СПб., 1819.

Cai Plinii Secundi. Naturalis Historiae libri XXXVII, rec. atque tnstruxit L. Janus. Leipsiae, v. I—VI, 1870—1878; Ed. Mayoff. Leipsiae, 1906—1909.

Квинт Курций Руф. История об Александре Великом, царе Македонском. С дополнениями Фрейнегейма. Перев. С. Крашенинникова, СПб., 1813.

Q. Curtii Rufi. Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt ed. P. H. Damsté. Groning, 1897.

Ксенофонт. Киропедия. Русский перев. — В кн.: Военная библиотека, СПб., 1837.

Xenophontis Curopaedia. Ed. J. Cremer. M., 1895.

Ktesias. The Fragments of the Persica. Ed. J. Gilmore. London, 1888.

Лазар Парпеци. История Армении и послание к Ваану Мамиконяну, Тифлис, 1904 (древнеарм. текст).

Lazare de Pharbe. Histoire d'Arménie. Trad. par le P. Samuel Dr. Chesarian. — Collections des histoiriens ancients et modernes de l'Armenie. T. II. Paris, 1869.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 1—3, Греческие писатели, т. II, вып. 1, 2; Латинские писатели, СПб., 1900—1906. То же. Вестник древней истории, 1947, № 1—4; 1948, № 1—4; 1949, № 1—4.

Магакия. История монголов инока Магакии XIII века. Перев. с армян. и объясн. К. П. Патканова, СПб., 1871.

Менандр Протектор. Руский перев. Г. Дестуниса, СПб., 1861.

Моисей Каганкатваци. История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века, СПб., 1861.

Моисей Хоренский. История Армении. Перев. Н. Эмина, М., 1878; М., 1893; Армянская география VII века по Р. Х., изд. и перев. К. Патканова, СПб., 1877.

Патканов К. П. История монголов по армянским источникам, вып. 1. 2, СПб., 1873—1874.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Перев. В. А. Алексеева, т. I—IX, СПб., 1893—1895.

Плутарх. Избранные биографии. Перев. с греческого под редакцией и с предисловием проф. С. Я. Лурье, М.—Л., Соцэкон. изд., 1941.

Plutarchi vitae parallelae iterum rec. C. Sinetenis. Leipsiae, 1908; Engl. transl. bu S. Blass etc., London, 1914—1926.

Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Перев. с греческого Ф. Г. Мищенко, т. I—III, М., 1890—1899.

Polibii historiae, recogn. F. Hultsch. Berolini, 1870—1892.

Полиэн. Стратегемы Полиэна. Перев. с греческого Д. Папандопуло, СПб., 1842.

Polyaenae, Strategematon libri octo ex recogn. E. Wolfflin, iterum rec. J. Melber. Leipsiae, 1887.

Помпоний Мела. Землеописание. Русск. перев. В. В. Латышева. — Вестник древней истории, 1949, № 1.

Pomponii Melae de chorographia libri tres. rec. C. Frik. Leipsiae, 1880.

Приск Пинийский. Сказания Приска Панийского. Русский перев. Г. С. Дестуниса. — Ученые записки II отделения АН, кн. VII, вып. 1, СПб., 1861.

Прокопия Кесарийского история войн с персами, вандалами и готфами. Перев. с греческого С. Дестуниса, СПб., 1876—1838.
Procopii Caesariensis de bello Persico. Leipsiae, 1905.

Ptolemaei, Geographia e codicib. recogn. C. Müllerus. Parisiis. 1883—1892.

Себеос. История императора Иракла. Перев. с арм. Н. Эмин, СПб., 1862; История епископа Себеоса. Перев. с 4-го испр. армянск. издания С. Малхасянц, Ереван, 1939.

Sextus Empiricus ex recogn. I. Bekkeri. Berolini, 1842.

Стефан Сюнийский. История князей Орбельян, М., 1883.

Страбон. География в семнадцати книгах. Перев. с греческого с предисловием и указателем Ф. Г. Мищенко. М., 1879.
Strabonis Geographia. Recogn. Augustus Meineke. Leipsiae. Sumt. et tupis B. G. Teubneri, v. I, II, 1877.

Тацит Корнелий. Летопись, русск. перев. А. Кронеберга, ч. I, II. М., 1858; Тацит Корнелий. Сочинения. Перев. В. И. Модестова, ч. I, II. СПб., 1886—1887.
Tacitus Annales, texte établi et trad. d'apres Burnouf par H. Borneque T. I—II. Paris, 1933—1934; Cornelius Tacitus a C. Nipperdeio recognitus, Berolini, 1871—1876.

Томва Мецопеци. История Тамерлана и его потомков, Париж. 1860 (древнеарм. текст).

Фавстос Бузанд. История Армении Фавстоса Бузанда. Памятники древнеармянской литературы. Перев. с древнеармянского и комментарии М. А. Геворгяна. Под ред. С. Т. Еремяна. Вступ. статья Л. С. Хачикяна, Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1953.

Феофан Византийский. — Fragmenta Historicorum Graecorum, rec. C. Müllerus, v. IV. Parisiis, 1861.

Флавий Иосиф. Иудейские древности. Перев. с греческого Г. Г. Генкеля, СПб., 1900.
Flavii Iosephi opera omina, rec. S. A. Naber, v. I—II. Leipsiae, 1888—1893.

Юстин, древней универсальной истории Трога Помпея сократитель (русск. перев.), СПб., 1768; Юстин. Всеобщая история, извлеченная из бытописаний Трога Помпея. Перев. с латинского С. Борзецовского, в 3 частях, СПб., 1898; Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога. Перев. А. А. Деконского и М. И. Рижского.—Вестник древней истории, 1954. № 2—4; 1955, № 1.
Justini opera omina, ed Maury. Venet., 1747; M. Juniani Justini. Eptoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi, rec. F. Ruehl. Leipsiae, 1886.

б) Источники на арабском, иранских и тюркских языках

Абд ал-Карим ибн Мухаммед ас-Сам'ани.
The Kitab al-Ansab by Abd al-Karim ibn Muhammed al-Sam'ani reproduced in facsimile from the Ms. in the Br. Mus. Ed. by D. S.Margoliouth, Leiden — London, 1912 (GMS, XX).

Абд ар-Раззак ибн Исхак Самарканди. Матла ас-са'дейн ва маджема' ал-бахрейн. — Рукоп. ИВ АН СССР, № С—442. 443, 449.

Guatremere M. Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre: Matlassaadein ou madjma-albahrein, et qui continent l'histoire des deux sultans Shah-rokh et Abou-Said. Paris, 1843.—Notices et extraist des manuscrits de la Bibliothegue du roi et d'autres Bibliotheques, publ. par l'Insitut royal de France, t. XIV.

Абд ар-Раззак ибн Неджеф-кули. Ма'асир-и-султанийе. Тавриз, 1941 г. х.

H. J. Brydges. The Dinasty of the Kajars. London, 1833.

Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века. Издал., перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович, Пг., 1914.

Абу Абдаллах Мухаммед ибн Ахмед ибн Абу Бекр-аль-Мукаддаси.

Descripitio Imperii Moslemici Auctore Schamso'd-din'Abu Abdoilâh Mohammed ibn Ahmed ibn Abi Bekr al-Bannâ al-Basshâri al-Mokaddasi. Lugd. Batavorum, 1872. Изд. 2, 1906. (BGA, III).

Al-Mugaddasi. Description de l'Occident musulman au IV—X-e siècles. Texte arabe et traduction francaise avec une introduction, des notes et quatre index. Par Charles Pellat. Alger. (BGF, 9).

Абу Абдаллах Мухаммед ибн Ахмед ибн Юсуф аль-Хорезми.

Liber Mafâtîh al-olûm explicans vocabula technica scientiarum... auctore Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jûsuf al-kâtib al-Khowarezmi ed. G. Van Vloten, Lugduni Batavorum, 1895.

Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед аль-Идриси. Нузхат ал-муштак фи-хтирак аль-афак. — Рукоп. Ленингр. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ар. н. с. 176.

Geographie d'Edrisi traduite de l'arabe en francais par Amedée Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840.

Абу Аббас Ахмед ибн Яхья ибн Джабир аль-Белазури.

Liber Expugnationis Regionum, auctore imamo Ahmed ibn-Jahja ibn Djabir al-Beladsori ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1863—1868.

The Ansâb al-Ashrâf of al-Balâdhuri publ. for the first time by the School of Oriental Studies, Hebrew University, Jerusalem, vol. V. ed. by S.D.F. Goitein, Jerusalem, 1936; vol. IV B ed. Max Shloessinger. Jerusalem, 1938.

Абу Али Ахмед ибн Омар ибн Руста.

[Хвольсон Д. А.]. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмед бен Омар ибн-Даста. СПб., 1869 .

Kitâb al-A'lâk an-Nafisa, auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar ibn Rosteh ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, t. VII).

Абу Бекр Кутби аль-Ахри.

Târ'ikh-i Shaykh Uwais. (History of Shaykh Uwais an im-

portant source for the history of Adharbayjan in the fourtheen century). By J. B. Van Loon, Ph. D. Moutonet C°, 1954. Printed in Holland, by «Drukkerij Excelsior» the Hague.

[Абу Бекр Мухаммед] Нершахи. История Бухары, перев. с персидского Н. Лыкошин. Под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897.

Nerchakhy Mohammed. Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nershakhy, suivi de textes rélatifs á la Transoxiane, texte persan publ. par Scharles Schefer. Paris, 1892 (Pablications de l'Ecole des Langues Orientales Vivantes. III-me série, vol. XIII).

Narshakhi. The History of Bukhara. Transl. R. N. Frye. The Mediaval Academy of America, pybl. № 61. Cambridge, Massachusetts, 1954.

Абу Дулаф ибн Мохальхил.

[Григорьев В. В.]. Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии, СПб., 1872.

Abu Dolaf Misaris ben Mohalhal de itinere suo asiatico commentarius. Ed. C. Schlözer. Berlin, 1845.

Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммед аль-Истахри.

Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Ishák al-Fárdisi al Istakhri, ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. Изд. 2, 1927 (BGA, I).

Абу Мансур Абд-аль Малик ибн Мухаммед ибн Исмаил ас-Са'алиби.

Al-Tha'alibi, Histoire des rois de Perse par Adou Mansoûr Abd Al-Malik ibn Mohammad ibn Isma'il. Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg. Paris, 1900.

Абу Наср Мухаммед ибн Абд аль-Джаббар аль-Утби. Тарих-и-йамини. Перев. с арабского на персидский яз. Абу-Шереф Насих ибн Зафар ибн Са'ад ал-Мунши, Техран, 1272 г. х.

Абу Омар Минхадж ад-дин Джузджани.

The Tabagat-i-Nasiri of Aboo Omar Minhaj al-din Othman ibn Siraj al-din al-Jawzjani. Ed. by W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosayn and Abd al-Hai. Calcutta, 1863—1864. (B. I).

Tabakat-i-Nasiri: a general history of the muhammadan dynasties of Asia, inculding Hindûstân and the irruption of the infidel Mughals into Islam. By the Maulânâ Minhâj-ud-Dîn Abu'Umar-i-Usman. Trausl. from Original Persian Manucripts by Major H. G. Raverty. Vol. I—II. London, 1881 (B. I).

Абу Рейхан аль-Бируни. Китаб ал-джамахир фи ма'рифат ал-джавахир. Хайдерабад, 1356 г. х.

Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений. В кн.: Бируни, Избр. соч., т. I, АН УзССР, Ташкент, 1957.

The Chronology of Ancient Nations en Englisch version of the arabic Text of the Athar al-Bakiya of Alberini. Transl. by d-r C. E. Sachay. London, 1879.

Alberuni. Chronologie Orientalischer Völker von Alberuni. Herausgegeb. von d-r C. E. Sachau, Leipzig, 1923.

Birunis picture of the world. Ed. by Togan Walidi (Memoires of archeological Survey of India. vol. 53).

Абу Са'д Абд аль-Хай ибн Заххак ибн Махмуд Гардизи. Китаб зейн аль-ахбар, Техран, 1315 г. х.
Kitab Zainu'l Akhbar. Composed by Abu Said... Gardizi about 440 A. H., ed. by Muhammad Nazim. Berlin, 1928 (E. G. Browne Memorial series, I).

Абу Ханифа ад-Динавери.
Kitab al-ahbar at-tiwal. Publ. par V. Guirgass, Leide, 1888.

Абу Юсуф 'Якуб ибн Ибрахим. Китаб аль-харадж, Каир, 1302 г. х.
Vousof Va'koub. Le livre de l'impot foncier (Kitab al-Kharadj), trad. et ann. par E. Fagnan. Paris, 1921.

Абул Гази Бохадур-хан. Шеджере теракиме. — Рукоп. Ин-та яз. и лит-ры АН Туркм. ССР, инв. № 425, 885, 989.

Абул Гази Бохадур-хан. Родословная туркмен. Перев. А. Туманского, Асхабад, 1897.

Абул Гази. Родословное древо тюрков. Соч. Абул-Гази, хивинского хана. Перев. и предисл. Г. С. Саблукова. С послеслов. и примеч. Н. Ф. Катанова.—Изв. Общ. археол. истор. и этногр. при Казанском ун-те, т. XXI, 1905; т. XXII, № 6, 1906; отд. изд. Казань, 1906.
Abulghasi Behadür Chani Historia mongolorum et tatarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentâ illustrissimi comitis Nicolai de Romanzoff... Chasani, 1825.
Aboul—Châzi Behâdour Khan. Histoire des Mongols et des Tartares... Publié, trad. et ann. par le baron Demaison, t. 1—2. St.-Petersbourg, 1871—1874.

Абул Касим ибн Хаукаль.
Viae et Regna. Descriptio ditionis moslemicae. Auctore Abu'l Kâsim ibn Haukal. Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II); изд. 2, — «Opus geographicum auctore ibn Haukal», 1938 (BGA, II, I).

Абул Касим Убейдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех.
Kitâb al-Mesâlik wa 'l-Mamâlik. Auctore Abu'l-Kasim Ubeidallah ibn Abdallah ibn Khordâdhbeh. Accedunt excerpta e Kitab al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far. Lugd. Batavorum, 1889 (BGA, VI).

Абул Керим Ходжа.
Memoirs of Khojeh Abdulkurreem, a Cashmerian of distinction... including the History of Hindostan from A. D. 1739, to 1749; with an account of the European Sittlements in Bengal, and the coast of Coromandel. Translated from the original Persian by Francis Gladwin. Calcutta, 1788; Calcutta, 1926.

Абул-Хасан Али ибн Зейд Бейхаки (ибн-Фундук). Тарих-и-Бейхаки. Под ред. Ахмеда Бехмен Яра, Техран, 1938.

Абул Хасан Али ибн Осман Худжвири.
Кашф ал-махджуб.. Раскрытие скрытого за завесой Абул-Хасана Али ибн Османа ибн Аби Али ал-Джуллаби ал-Худжвири. Изд. В. А. Жуковского, Л., 1926.

Абул Хасан Али ибн Хусейн Мас'уди.
Maçoudi. Les prairies d'or. Texte arabe et traduction par.

C. Barbier de Meynard et Pavel de Courteille. Vol. I—IX. Paris, 1861—1877.

Kitâb at-tanbih wa'l-ichrâf. Auctore al-Masûdi, ed M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894 (BGA, VIII).

Maçoudi. Le livre de l'avertissement et de la révision. Traduit par B. Carra de Vaux. Paris. 1897.

Абул-Фазл Мухаммед ибн Хусейн Бейхаки. Тарих-и Бейхаки. Изд. д-ра Гани и Файаза, Техран, 1324 г. х.

The Tarikh-i-Baihaki, containing the Life of Masaud, son of sultan Mahmud of Ghaznin. Being the 7 th, 8 th and part of the 6 th and 10 th vols of the Tarikh-i Al-i Soboktakeen... ed by W. N. Morley. Calcutta, 1861—1862 (B. I.)

Абул Фарадж (Бар-Еврей).

Bar-Hebreus (Abul-Farag). Tarih ad-Doûval, publ. par A. Salham. Beyrout, 1899.

Gregorius abul Farac (Bar-Hebrae). Abul Farac tarihi, Ceviren: Reza Omer Dogrul, c. I, Ankara, 1945.

Абул Фатх Мухаммед аш-Шахрастани.

Al-Shahrastani. Kitab al-milal. wa-l-nihal. Ed. Gureton. vol. I—II, London, 1842--1846.

Abu'l Fath Muhammed asch-Schahrastani's Peligionspartheien und Philosophen-Schulen. Ubers.. von Dr. Th. Haarbrücker. Halle, 1850.

Абул Феда.

Geographie d'Aboulfeda. Texte arabe publ... par. Reinaud et Mac Guckin de Slane. Paris, 1840.

Ала ад-дин Ата Малик Джувейни.

The Ta'rikh-i-Jahan gusha of Ala ud-din Ata Malik-i-Juwaini. Ed. with an introduction, notes and indices from several old Mss. by Mirza Muhammed ibn Abdu'l-Wahhab-i-Qazwini. Part. 1—3. Leyden—London, 1913—1938. (Glbb. Mem. Ser. XVI, I, II, III); Part. I. Containing the history of Chingiz Khan and his Successors. 1912; part. 2. Khwarazmshahs, 1917; part. 3. Containing the History of Mangú Qà'án, Hûlágú and the Ismá'ilis, 1938.

Али Аухад ад-дин Энвери. (В. А. Жуковский). Али Аухададин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики, СПб., 1883.

Али Тагы ибн Исмаил. Рузнаме-и хаким уль-мемалик, Техран, 1286 г. х.

Афзал ад-дин Абу Хамед Ахмед ибн Хамед Керманы. Тарих-и Афзал йа бедае' аз-заман фи вакае'Керман, Техран, 1326 г. х.

Афзал ад-дин Абу Хамед Ахмед ибн Хамед Кермани. Китаб эгд ал-ула-ли-л-маукиф ал-'али, Техран, 1311, г. х.

Ахмед ибн Абу Я'куб ибн Вадих' аль-Я'куби.

Kitâb al-Boldân, auctore Ahmed ibn Abi Jakub ibn Wadih al-Katib al-Jakubi, ed. 2. Ed M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, t. VII).

Ibn-Wadhih qui dicitur al-Ja'qubi historiae. Ed. M. Th. Houtsma. Lugduni Bataworum, 1883.

Ахмед ибн Фадлан. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перев. и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков (Харьковск. гос. ун-т), 1956.

Беха ад-дин Мухаммед ибн Муайид аль-Багдади. Ат-тавассул иля-т-тарассул, Техран, 1937.

Бичурин И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, СПб., 1851, ч. 1—3; II изд. тт. I, II, М.—Л., 1950—1953.

Бичурин И. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

Вассаф. Тарих-и-Вассаф, Бомбей, 1269 г. х.

Гияс ад-дин ибн Хумам ад-дин (Хондемир).
Хабиб-ус-сияр. Литограф. изд., Бомбей, 1273 г. х.; Техран, 1271 г. х

Хондемир. История монголов от древнейших времен до Тамерлана. Русск. перев. В. В. Григорьева, СПб., 1884.

Dumoret J. Histoire des Seldjoucides extraite de l'ouvrage intitulé Khelassat-oul Akhbar de Khondemir et traduite de persan par J. Dumoret. — Nouveau journal asiatique, t. XIII, 1834.

Histoire des Khans mogols du Turkestan et de la Transoxianane, extraite du Habib es-Sier Khondemir, traduite du persan et accomp. de notes par. M. C. Defreméry — Journal Asiatique, t. XIX, Paris, 1852.

Strandman E. A. Chuandamirs afhandling om Qarachitaiska dunasin i Kerman med inledning och anmarkningar. Helsingfors, 1869.

Закария ибн Мухаммед ибн Махмуд аль-Казвини.

Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie, (Kitab ajaib al-Mahlûkàl). Erster Theil. Dle Wunder der Shöpfung. Hrsg. von F. Wüstenfeld. Cöttingen. 1848. Zweiter Theil, (Kitab athar al-balad). Die Denkmaler der Länder, Cöttinger, 1849.

Zakarija ben Muhammed ben Mahmûd el-Kazwini's Kosmographie. Aus dem Arabischen zum ersten Male vollstandig übersetzt von Dr. H. Ethé. Die Wunder der Schöpfung. Erster Halbband. Leipzig, 1868.

Захир ад-дин Бабур. Бабур-намэ. Записки султана Бабера Изд. в подлинн. тексте Н. И. Ильминского. Казань, 1857.

Бабур-намэ. Русск. перев. М. Салье, госиздат УзССР, Ташкент, 1948.

Захир ад-дин Мераши.

Sehir-eddin's Cesehichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan. Persicher text. Herausgegeben von Dr. B. Dorn. St. Petersb. 1850. — Muhammedanische Quellen zur Geschichte der Kaspischen Meers, Th. I.

Ибн аль-Асир аль-Джезири. Тарих аль-Камиль, т. I—XII, Каир, 1301 г. х.

Ibn al-Athiri. Cronicon quod prefectissimum inscribitur ed. C. J. Tornberg, t. I—XIV. Lugduni Batavorum, 1851—1876.

Ибн аль-Балхи.
The Fárs-náma of Ibn u'l-Balkhi, ed by G. Le Strange and R. Nicholson. London, 1921 (GMS, NS, I).
Ибн аль-Факих аль-Хамадани.
Compendium libri Kitâb al-boldân auctore ibn al-Fakih al-Hamadhâni ed. M. J. De Goeje. Lugd. Batavorum, 1885 (BGA, V).

Ибн Арабшах. Аджаиб аль-макдур фи ахбар Тимур, Каир, 1285 г. х.

Ибн Батута.
Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe accompagnée d'une traduction par C. Défrémery et de Dr. B. R. Sanguinetti. Paris, 1877.

Ибн Биби.
Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après L'abrégé du Seldjouknâmen d'Ibn Bibi. Texte persan publ. par M. Th. Houtsma. Leide. 1902 (RTRHS, IV). Ibidem, Texte turc. Leide, 1891 (RTRHS, III).

Ибн Исфендияр. Тарих-и Табаристан. Изд. А. Икбала. т. I, Техран, 1941.

Ибн Мискавейх.
The eclipse of the 'Abbasid caliphate. Original Chronicles of the fourth islamic century. Edit., transl. and elucid. by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth. Vol. 1—7. Oxford, 1920—1921. Vol. 1—2. Miskawaihi. The concluding portion of the experiences of the nations. (Арабский текст); vol. 4—5— (англ. перевод); vol 3 — Abu Shuja Rudhrawari and Hilal B. Muhassin. Continuation of the experiences of the nations. (Арабский текст); vol. 6— (англ. перевод); vol 7— (предисловие и индекс).

Ибн Халдун. Мафтах аль-'абâр, Булак, 1274 г. х.
Ibn-i Khaldoun. Mukaddame. Stanboul. б. г.

Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. (Исследование и описание документов с историческим введением). Новые источники для истории Средней Азии. Зап. Ин-та востоковедения, т. VII, М.—Л., 1940

Имад ад-дин Исфахани.
Recueil de textes relatifs à L'Histoire des Seldjoucides de L'Irâg d'après Imad ad-din al-Kâtib al-Isfahâni. Texte arabe publiè... par M. Th. Houtsma. Leide, 1889 (RTRHS, II).

Искандер Мунши. Тарих-и алям ара-и Абасси, Техран, 1345 г. х.
Erdmann Fr. Iskander Munschi und sein Werk. — Zeitschrift der Deutsch. Morgenlandischen Geselischaft, Bd. 15, 1861.

Кемине. Стихи. Ашхабад, 1952.

Кудама ибн Джафар.
Kitab al-Massalik wal-mamalik auctore Abu'l-Kasim Ubeidallâh ibn Abdallâh ibn Khordâdhbeh. Accedunt excerpta e Kitab al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far. Lugduni Batavorum, 1889 (BGA, VI).

Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1—2, М.—Л., 1938—1939 (АН СССР, Ин-т востоковедения, Ин-т истории при ЦК

Туркменской ССР); т. 1, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, 1939; т. 2, XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, 1938.

Махмуд ибн аль-Хусейн ибн Мухаммед аль-Кашгари. Диван лугат ат-тюрк. Изд. Му'аллим Ри'фат, тт. I—III, Истанбул, 1914—1916.

Махтум-Кули (Фраги). Избранные стихи, М., 1948 .

Мектубат мин диван салатин мази (Инша). Рукоп. ИВ АН СССР, С—816.

Мир Абуль-Керим Бухари.
Histoire de L'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) depuis les dernières années du regnè de Nadir Chân (1153), jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818). Par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer. t. 1—2. Paris, 1876. T. I.—Texte persan, imprimé à Boulaq, t. 2. — Traduction francaise (Publications de l'Ecole des Langues Orientales Vivantes, N. I).

Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла наме. Перев. с тадж. и прим. А. А. Семёнова, Ташкент, 1957.

Мирза Мехди-хан Астрабади. Тарих-и Надири. Тавриз, 1266 г. х.
Mabâni il-Lughat oi Mirza Mahdi-Khan, edited by E. Denison Ross. Calcutta, 1910 (B. I.).

Мирза Мухаммед Тагы-хан. Насих ат-таварих, Тахран, 1273 г. х; Тарих-и Каджарийе, Техран, 1270—1274 гг. х

Мирза Мухаммед Хайдар.
Tarikh-i-Rashidi of the Mirza Muhammed Haidar. Dughlat. A History of Moghuls of Central Asia, an English Version ed. with comment., not. and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. London, 1895.

Мирза Шемс Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Кокан-де и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым, Казань, 1861.

Муджмаль ат-таварих ва-л-кысас. Изд. Малик аш-Шо'эра-е Бехар, Техран, 1318 г. х. солнечн.

Muhammedanische Qullen zur Geschichte der Südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres. Hrsg., übersetzt und erlautert von B. Dorn. Th. I—4. St.-Petersburg, 1850—1858.

Мухаммед ан-Недим.
Kitab al-Fihrist. Hrsg. von G. Flügel und Dr. J. Roediger, Leipzig, 1871.

Мухаммед ан-Несеви.
Mohammed en-Nesawi. Histoire du Sultan Djelal ed-din Mankobirti, prince du Kharezm. Texte arabe et traduction francaise, publ. par O. Houdas. Vol. I—II. Paris, 1891—1895. (Publications de l'Ecole des Langues Orientales Vivantes, sér. III, t. IX—X).

Мухаммед Ауфи. Джами' аль-хекаят ва лавоми ар-ривоят. Перс. текст в кн.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I Тексты, СПб., 1898.

The Lubâb u'l Albâb of Muhammad 'Awfi. Ed. by E. G. Browne. Part I—II, Leide—London. 1903—1906.

Мухаммед Вефаи Керминеги. Тухфат-уль-хани (Тарих-и Рахим-хани). Рукоп. Ленингр. Гос. Публ. б-ки, С—525, 527.

Мухаммед ибн Али ар-Раванди.

The Ráhat-us-Sudúr wa Ayat-us-Surur by Muhammed ibn Ali... al-Rawandi. Ed. by Muhammed Iqbal. London, 1921 (GMS, N S, II).

Мухаммед ибн Али ибн Табатаб (Ибн Тиктак). Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях, сочинение Мухаммеда ибн Али ибн Табатаба, известного под именем Ибн Тиктака. С арабского перев. Н. Холмогоров, Казань, 1863.

Мухаммед ибн Джарир ат-Табари.

Annales quos scripsit abu Djafar Mohammed ibn Djarir at Tabari... cum aliis edidit M. J. Goeje. Ser. I—III. Lugduni Batavorum, 1879—1901.

Chronique de Tabari traduite sur la version persane d'Abou 'Ali Mohammed Bel'ami par M. Hermann Zotenberg. I—IV. Paris, 1867—1874.

Мухаммед ибн Мунаввар Мейхени. Халят ва сухунан-и шейх-и Аби Са'ид. Жизнь и речи старца Абу-Са'ида Мейхенейского. Персидский текст (Изд. В. А. Жуковского). СПб., 1899.

Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Са'ида. Толкования на четверостишия Абу-Са'ида. Персидские тексты (Изд. В. А. Жуковского), СПб., 1899.

Мухаммед ибн Мухаммед аль-Хусейни аль-Язди.

Das Geschenk aus der Seldschukengeschichte von dem wezir Muhammad bin Muhammad... al-Hitam al-Husaini al-Jazdi, Zum ersten Male Herausg. von K. Sussheim, E. I. Brill. Leiden, 1909.

Мухаммед ибн Ховендшах (Мирхонд). Роузат ас-сафа. Литогр. изд., Бомбей, 1266 г. х.

The Rauzat-us-safa. Engl. transl. by E. Rehatsek. London. 1841—1894.

Histoire des Samanides par Mirkhond, texte parsan trad. ét accomp. de notes critiques, histor. et geograph. par M. C. Défrémery. Paris, 1845.

Histoire des Sultans du Khorezm, par Mirkhond, texte persan publ. par M. Defrémery. Paris. 1842.

Mirchondi historia seldschukidarum Persie e codicibus manuscriptis Parisino et Berolinensi nunc primum edidit J. A. Wullers. Gissae, 1837.

Vie de Djenghiz Khan par Mirkhond. (Texte persan). Publ. par A. Jaubert. Paris, 1841.

Мухаммед Ибрахим.

Histoire des Seld'joucides du Kermân par Muhammed Ibrahim. Texte persan... Lugduni Batavorum, 1886 (RTRHS, I).

Мухаммед Казим. Надир-намэ. Рукоп. ИВ АН СССР, Д—430.

Мухаммед Риза Мираб (Агехи). Рияз ад-довле. Рукоп. ИВ АН СССР, Д—123 (590 ос); Зубдет ат-таварих. Рукоп. ИВ АН СССР, Е—6; Джами'аль-вакыат-и султани. Рукоп. ИВ АН СССР, Е—6; Гульшен-и довлет. Рукоп. ИВ АН СССР, В—1891; Шахид-и икбаль. Рукоп. ИВ АН СССР, С—572.

Мухаммед Салих. Шейбани-намэ. Под наблюдением и с предисловием А. Н. Самойловича. Издал П. М. Мелиоранский, СПб., 1908.

Die Sheibaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesangen. Von. Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, übersetzung und noten von H. Vambery. Wien—Budapest, 1885.

Мухаммед Тахир. Тарих-и Тахир-и Вахид. Рукоп. Ленингр. Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, № 303 (по каталогу Б. Дорна).

Мухаммед Хасан-хан. Тарих-и мунтазам-и Насири. Техран. 1298—1300 г. х.; Матля аш-шемс, Техран, 1301—1303 гг. х.

Мухаммед Эмин Кирак Яракчи. Мухит-ат таварих. Рукоп. ИВ АН СССР, Д—89.

Мухаммед Якуб Бухари. Гульшен аль-мулюк. Рукоп. ИВ АН СССР, С—1141.

Насир-и Хосров. Сафар-намэ. Книга путешествия. Русский перев и вступ. статья Е. Э. Бертельса, Academia, Л., 1933.

Nasiri Khosrau. Sefer nameh. Relation du voyage de Nasiri Khosrau en Syrie, en Palestine, en Egypte, en Arabie et en Perse pendant Pesannés de l'hégire 437—444 (1035—1042), publ., trad. et annote par Ch. Schefer. Paris, 1881.

Низам ад-дин Шами.

Histoire des conquètes de Tamerlan intitulée Zafarnâma par Nizâmuddin Sâmi avec des additions empruntées au Zubdat-ut-Tawârih-i Bâisunguri de Hâfiz-i Abrû. Edition critique par Felix Tauer. Tome I—Texte persan du Zafarnâma. Praha. 1937. (Monographie Archivu orientálnieho, V).

Tauer F. Vorbericht über Edition des Zafarnama von Nizam ad-din Sâmi und der wichtigsten Teile der Geschichtswerke Hafiz-i Abrû's.—Archiv orientalni, v. IV, 1932.

Низам аль-Мульк. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам аль-Мулька. Перев. и прим. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949.

Siaset Naméh. Traité de gouvernement composé pour le sultan Melik-chah, par le vizir Nizam oul-Moulk. Texte persan édité par Charles Schefer. Supplement. Traduction. Paris, 1891, 1897, 1893 (Publications de L'Ecole des langues orientales vivantes. III-me Série, VII, 1, 2; VIII).

Низами Арузи Самарканди.

Chahar Maqala. «The Four discourses» of Ahmad ibn 'Umar ibn Ali An-Nizami al-Arudi. Ed. by Mirza Muhammed ibn Abdu'l Wahhab of Qazwin, London, 1927.

Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Перев. М. Шагинян, Баку, 1947.

Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. 1—3, М.—Л., 1946—1952. (АН СССР, Ин-т востоковедения). Т. I, кн. 1, 2, 1952; т. 3, 1946.

Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Персидский текст (и русский перевод) с введением и

примеч. И. Н. Березина, т. I—IV, СПб., 1858—1888. (Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., т. V, VII, XIII, XV).

Blochet E. Introduction à l'histoire des Mongols par Fadi Allah Rashid al-Din. Leyden — London. 1910 (Gibb. Mem. Ser. XII).

Djami et-Tevarikh, histoire générale du monde par Eadl Allah Rashid ed-Din. Tarikh-i Moubarek-i Ghazani, histoire des Mongols. Editée par E. Blochet. T. II, Contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkiz Khagan. London. 1912 (Gibb. Mem. Ser., XVIII, 2).

Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Rashid-Eldin, publiée, traduite en francais, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère. T. I. Paris, 1836.

Риза Кули-хан.
Relation de l'Ambassade au Kharezm (Khiva) de Riza Qouly Khan. Publié, traduit et annoté par Ch. Shefer. Vol. 1—2. Paris, 1876. (Publications de l'Ecole des Langues Orientales Vivantes, v. III, IV).

Садраддин Абул Али ибн Насир ибн Али аль-Хусейни. Ахбар ад-довлет ас-сельджукийе, Лахор, 1936.

Салор-баба Гулалы Салор-оглы Хырыдары.
Джами'ат-таварих. Рукоп. Ин-та яз. и л-ры АН ТССР, инв. 526.

Сейди. Сайланан эсерлер, Ашгабат, 1948.

Сейф ибн Мухаммед ибн Я'куб Хереви.
The Tarikhnama-i Herat (the history of Herat) of Sayf ibn Muhammad ibn Vaqub al-Harawi, edited with introduction by Muhammad as-Siddiqi. Calcutta, 1944.

Тарих-и Сейстан. Изд. Малик аш-Шо'эра-е Бехар, Техран, 1319 г. х. солнечн.

Тизенгаузен А. А. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. 1—2, 1884—1941; т. 1, извлечения из сочинений арабских, СПб, 1884; т. 2, извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тузенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным, М.—Л., (АН СССР, Ин-т востоковедения).

Фахр ад-дин Мубаракшах Мерверуди.
Ta'rikh-i-Fakhru'd-din Mubarakshah being the historical introduction to the Book of genealogies of Fakhru'd-din Mubarákshàh Marv ar-rudi. Comp. in A. D. 1206. ed... by E. Denison Ross. London, 1927 (RAS).

Фахр ад-дин Мухаммед ибн Омар Разн. Джами'ал-улюм. Рукоп. ИВ АН СССР, С—612.

Хаджи Хальфа. Китаб джехан-намэ. Константинополь, 1145 г. х.

Хамдуллах Мустауфи Казвини.
The Ta'rikh-i-Guzida or «Select History» of Hamdu'lláh Mustawfi-i-Qazwini. Compiled in A. H. 730 (A. D. 1330)... ed. by E. G. Browne. vol. I—II. Leiden—London, 1910—1913.
The Geographical part of the Nuzhat al-Qulûb, composed by Hamd'Allah Mustawfi of Qazwin in 740 (1340). Ed. by Le

Strange. London—Leiden, 1915 (GMS, XXIII). Transl. by G Le Strange (GMS, XXIII, 2), 1919.

Хасан бек Румлю. Ахсан ат-таварих. Рукоп. Ленингр. Гос. Публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина, № 287 (по каталогу Б. Дорна).

«Ahsan-ut-Tawarikh». History of the Safavi Period of Persian History, 15 th and 16 th centuries, by Hasan-i-Rumlu. Ed. by C. N. Seddon. Baroda, 1932; v. II. Engl. transl., 1934.

Хафи Хан.

The Muntakhab al-Lubab of Khâfi Khan ed. by Mavlavi Kabir al-din Ahmad. Part. I. Calcutta, 1869 (B. I).

Хафиз-и Абру. Зейль-и джами' ат-таварих. Изд. Ханбаба Байани, Техран, 1317 г. х.

Hafizi-i Abru. Chronique des rois Mongols en Iran. Texte persan éd. et traduit par. K. Bayani. II.—Traduction et notes. Paris, 1936.

Continuation du Zafarnâma de Nizâmuddin Sâmi par Hafiz-i Abrû edité d'après les manuscripts de Stamboul par Felix Tauer.—Archiv orientalni, v. VI, 1934.

Худуд ал-алем. Рукоп. Туманского. С введением и указат. В. В. Бартольда, Л., АН СССР, 1930.

Hudud al-Alam. «The regions of the world» a persian geography 372 A. H. — 982 A. D. Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold (+1930), transl. from the rusian. London. 1937 (GMS, NS, XI).

Шараф ад-дин Али Езди.

The Zafar nâmah by Maulana Sharafuddin Ali of Vazd. Ed. by maulawi Muhammad Ilahdâd, vol. I—II. Calcutta, 1887—1888.

Шараф аз-Заман Тахир Марвази.

Sharaf al-Zaman Táhir Marvazi on China, the Turks and India. Ed. dy V. Minorsky. London, 1942 (RAS, JGFF. vol. XXII).

Шемс Абдаллах Мухаммед ад-Димашки.

Cosmographie de Shams 'Abdalláh Muhammed ed-Dimichqi. Texte arabe, publiée d'après l'édition commencée par M. Frahn et d'après les mss. par A. F. Mehren. St.-Petersbourg, 1866. Перевод на франц. яз: «Manuel de la cosmographie du moyen âge». Copenhague, 1874.

Шир Мухаммед ибн Эвез-бий (Мунис) и Мухаммед Риза мираб (Агехи). Фирдаус аль-икбаль. Рукоп. ИВ АН СССР, С—571, Е—6.

Языджи оглу Али. Огуз-намэ йа худ Сельджук-намэ. Нешри Неджиб 'Асим. Истанбул, б. г.

Якут ибн Абдаллах ар-Руми.

Jacut's geographisches Wörterbuch. Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. I—VI. Leipzig, 1866—1873.

в) Источники на русском и иностранных языках

Азиатский вестник, издаваемый Григорием Спасским, СПб., 1826, кн. I, «О нынешнем состоянии некоторых областей и городов в Средней Азии».

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив главн. управления наместника края, Тифлис, 1866—1875.

Т. I, № 11021. «Высочайший рескрипт о принятии в русское подданство трухменского народа (1802)».

Т. II, № 1997, 1999. «Высочайшее повеление 13 марта и 6 апреля 1803 г. о принятии в подданство России трухменов Абдальского поколения».

Т. II, № 2001. «Высочайшие грамоты трухменскому владельцу Пир-Гали-хану и трухменским бекам, баям и батырям и всему их обществу о принятии трухмен Абдальского приставства Мангишлакского отделения в русское подданство (16/IV—1803 г.)».

Т. II. № 2003. «Жалоба депутатов трухменского владельца Пир-Гали-хана на киргиз-кайсаков Меньшей Орды по поводу захвата в плен и продажу в Бухару русских людей (1803)».

Т. III, № 1176. «Мнение оренбургского муфтия о трухменских делах. С запиской о Мангышлакских крепостях (1806)».

Т. III, № 1177—1183. «О командировании к трухменскому народу оренбургского муфтия для переговоров о разных делах, касающихся трухменцев (1806—1808 гг.)».

Т. IV, № 18. «Листы астраханского воеводы князя Пронского к тарковскому Шамхалу Суркаю и шемахинскому державцу Хузрев-хану и отписки терских воевод Волынского и Шапилова в Астрахань о пропуске царских послов, едущих к персидскому Аббасу II».

Т. V, № 1005—1008, 1001. «О переходе хивинских туркмен чоудырова и других родов в русские пределы (1811—1815 гг.)».

Т. VI, № 1059, 1065, 1068, 1072—1074. «О переходе в русское подданство персидских туркмен юмудского владения (1819—1820)».

Т. VI, № 1069. «Замечание капит. Муравьева о туркменах и хивинцах и мысли об устройстве крепости на восточном берегу Каспийского моря и о распространении нашей торговли с Хивой (1820 г.)».

Т. VI, № 1054—1058, 1061—1064, 1070, 1071, 1075—1079. «Командировка майора Пономарева и капит. Муравьева в Туркмению и Хиву для переговоров об установлении беспрепятственных и постоянных торговых сношений между Россией и Хивинским ханством».

Т. VII, № 840. «Замечания о Туркмении есаула Лалаева».

Акты исторические, собранные и изд. Археографической комиссией, т. 3, (1613—1645), СПб., 1841.

№ 295. «1643 г. мая 26. Царская грамота астраханским воеводам князьям Борису Репину и Федору Волконскому о допущении юргенских торговых людей приезжать и свободно торговать в Астрахани».

№ 306. «1645 г. июня 10. Статейный список о посольстве в Астрахань юргенского гонца Кутуша-Батыря».

Т. 4 (1645—1675), СПб., 1842. № 13. «1646 г. в августе. Выписка из расходных книг, о бывших в Астрахани персидских, бухарских и юргенских послах и гонцах и о кормах для них».

№ 15. «1646 г. сентября 9. Воеводская наказная память астраханскому стрелецкому сотнику Степану Коверневу, о сопровождении юргенского посла Еминь-Батыря с его свитою...».

№ 18. «1646 г. декабря 30. Воеводская память астраханскому таможенному голове Рудольфу Булгакову о задержании в Астрахани хивинских, бухарских и балхинских торговых людей с их товарами, за грабеж в Хиве русских купцов».

№ 74. «1645 г. июня 15. Воеводская память сыну боярскому Бажену, о сопровождении морем из Астрахани юргенского гонца Кутуша-Батыря». Доп. к актам историческим, т. 2, 1846.

№ 109. «1661 г. октября 10. Наказная память Алексею Беликову, отправленному из Астрахани морем с торговыми людьми и товарами на Караганскую пристань для торговли с бухарцами и юргенцами», т. VII, СПб., 1859.

№ 48. «1677 г. сент. 8—1678 г. июля 24. Акты о набегах яицких казаков на трухменцев и Персию и о посылке против них войска из Астрахани». — Дополнения к Актам историческим, т. IV, СПб., 1851.

Акты исторические об отношении России к государствам Средней Азии.—В кн.: Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Алиханов [М.]. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему, СПб., 1883.

Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха, Тифлис, 1898.

Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания 1881—1885 гг. — Вестник Европы, 1904, № 9, 10.

Артамонов Л. К. Поездка в Персию. Астрабад-Шахрудский район и северный Хорасан. Военно-статистическое исследование, Тафлис, 1894.

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, ч. I (1872—1875), СПб., 1886; ч. II (1877—1885), СПб., 1886.

Basiner Th. F. Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. St.-Petersburg, 1848, ill., kart. (Beitrage zur Kenntnis des Russischen Reiches..., Bd. XV).

Баумгартен. Поездка по Восточной Персии л.-гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 году (Географическо-торговое исследование). — Сборник геогр., топогр. и статист. материалов по Азии, вып. LXIII, 1896.

Березин Н. Годичный отчет путешествующего по Востоку. — Журнал Мин-ва нар. просв., 1845, кн. IV.

Бланкеннагель, майор. Путевые заметки о Хиве в 1793—1794 гг. с примечаниями В. В. Григорьева.—Вестник Русск. Геогр. общ., ч. XXII, 1858, отд. 2.

Бларамберг И. Ф. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана.—Зап. Русск. Геогр. общ., СПб., 1850, кн. IV.

Erinnerungen aus dem Leben des kaiserlich-russichen General-Lieutenant Iohann von Biaramberg, nach dessen Tagebüchern von 1841—1871 von Emil von Sydew. Bd. I—III. Berlin, 1872—1875.

Блоквилль Гулибеф. Четырнадцатимесячный плен у туркменцев. — Всемирный путешественник, т. I—II, ч. I, СПб., 1867.

Blocqueville G. Quatorze mois chez les Turcomans.— Le Tour du Monde. Paris, 1866, N 28.

Бодэ К. О туркменских поколениях ямудах и гокланах (Писано в 1842 г.).—Зап. Русск. Геогр. общ., II, 1847.

Бодэ К. Очерки Туркменской земли и юго-восточного прибрежья Каспийского моря. С введением бар. Н. Е. Торнау, СПб., 1856, карт. То же: Отечеств. записки, 1856, кн. 7, 8, 9.

Бонвало Г. и Икатос Г. От Бухары до Красноводска. — Географическое общество, 1882, февр., № 3.

Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 гг. лейтенантом ост-индской службы А. Борнсом, ч. 3, М., 1849, илл.

Burnes A. Travels into Bokhara. Containing the narrative of a voyage on the Indus from the sea to Lahore.., and an account of a journev from India to Cabool, Tartary and Persia. New. ed., vol. III. London, 1839.

Бурнашев Т. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году. — Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским, ч. 2, ч. 3, 1818.

Бурнашев и Поспелов. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. Примечания Я. Ханыкова.—Вестник Русск. Геогр. общ., кн. 1, ч. 1, отд. VI, 1851.

Бутаков А. Эпизод из современной истории Средней Азии. — Отечеств. записки, 1865, ноябрь, кн. 1.

Бутаков А. И. Дневные записки плавания А. И. Бутакова на шхуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848—1849 гг. По рукописным материалам Узбекской и Украинской Государственных Публичных библиотек. Подготовил к печати заслуженный библиотекарь УзССР, канд. ист. наук Е. К. Бетгер. АН УзССР, Ташкент, 1953.

Вамбери А. Очерки жизни в Бухаре.—Литературная библиотека, 1866, № 1.

Вамбери А. Очерки Средней Азии (дополнение к «Путешествию по Средней Азии»), М., 1868.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь, по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 г. Арминием Вамбери членом Венгерской Академии, СПб., 1865; карта. То же. М., 1867; М., 1874.

Vambery H. The Turcomans between the Caspian and Merv. — Journal of the Anthropol. Inst. of Great Britain and Ireland, vol. IX, 1880, № 3.

Венюков М. Заметки о Туркмении.—Изв. Русск. Геогр. общ., т. VIII, 1872, № 1.

Венюков М. И. Одна из степных владений (Туркмения).—Русская мысль, 1883, № 6.

Вербовский В. Т. Положение об управлении Туркестанского края. Составил по официальному изданию 1892 года, продолжениям 1906, 1908 и 1909 гг. и узаконениям, обнародованным в Собрании уза-

конений и распоряжений правительства до 1 июня 1911 г. В. Т. Вербовский, Ташкент, 1911.

Верещагин А. Дома и на войне (1853—1881). Изд. 2, СПб., 1886.

Weil. La Tourkménie et les Tourkmènes. Par. le capitaine Weil. Avec une carte de la Tourkménie. Paris, 1880 (Journal des sciences militaires, 1880, mai-juillet).

Военно-статистический сборник. Вып. III. Персия, Афганистан, Белуджистан. Среднеазиатские владения... Под общ. ред. Н. Н. Обручева, СПб., 1868.

Володин А. А. Трухменская степь и трухменцы.—Сборник материалов для описан. местн. и племен Кавказа, XXXVIII, 1908, отд. I.

Воспоминания участников о гражданской войне в Туркмении (1918—1920). Ашхабад, 1940 (Туркм. Гос. научно-исслед. ин-т истор. и Музей истории революции ТССР).

Восстание 1916 г. в Средней Азии. — Сборник документов, вып. I, Ташкент, 1932.

Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы), Туркменгосиздат, Ашхабад, 1938 (Сост. С. А. Ершов и С. Т. Филиппов).

Вощанин В. Переселение и землеустройство в Азиатской России.—Сборник законов и распоряжений под ред. Г. Ф. Чиркина, т. XVI, Пг., 1915.

Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю.—Зап. Русск. Геогр. общ., по отд. этногр. I, 1867. То же. Отд. изд., СПб., 1869.

Galkine M., de. Notice sur les Turcomans de la côte orientale de la mer Caspienne.—Bulletin de la Société de Géographie, 1864, Sér. 5, t. VIII, Juillet.

Гельмерсен. Хива в нынешнем своем состоянии. — Отечеств. записки, т. VIII, 1840.

Генс. Nachrichten über Chiwa, Buchara, Chokand und den nordwestlichen Theil des Chinesischen Staates, gesammelt von dem Prasidenten der asiat. Grenz-Commision in Orenburg, General-Major Gens, bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von Gr. v. Helmersen. St.-Petersburg, 1889. kart (Beitrage zur Kenntnis des russ, Reiches, Bd. 2).

Гиршфельд. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Составлено ген. штаба капитаном Гиршфельдом. Переработано нач. Аму-Дарьинского отд. ген. майором Галкиным, ч. 1—2, Ташкент, 1902—1903

Гладышев и Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным (с предисловием Я. Ханыкова). — Географические известия, 1850, отд. II. То же. Отд. изд., СПб., 1851.

Горный Михаил. Поход на афганцев и бой на Кушке (1885 г.). Воспоминания бывш. рядового Андрея Баландина, М., 1912.

Гулишамбаров С. И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой (Закаспийская,

Самаркандская, Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, а также Бухарское и Хивинское ханства), ч. 1—3, Асхабад, 1913.

Гунаропуло С. А. В туркменской степи (из записок черноморского офицера 1870—1873 гг.).—Исторический вестник, СПб., кн. 11, 12, 1900

Дандевилль М. В степях Закаспийских. Повести и рассказы из жизни туркмен, М., 1902.

Данилевский Г. П. Описание Хивинского ханства. Составлено в 1843 г.—Зап. Русск. Геогр. общ., кн. V, СПб., 1851.

Данник Н. Я. Дело 23 декабря 1880 г. Страничка из истории ахалтекинского отряда. С планом.—Военный сборник, СПб., 1881, № 10.

Дело 1714—1718 гг. об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитана-поручика князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву (документы). Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, т. 1, СПб., 1871.

Демуров Г. Бой с текинцами при Денгиль-тепе 28 августа 1879 г. (рассказ очевидца).—Исторический вестник, 1881, март.

Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг.— В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., Л., 1938, илл.

Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jonkinson and other englishmen Edited by E. D. Morgan and C. A. Coote, London, 1886.

Дневник переводчика армянина Турпаева, посланного в 1834 г. из Ново-Александровского укрепления в Хиву.—Зап. Русск. Геогр. общ., т. I, 1867.

Евлахов И. Некоторые сведения о современном состоянии астрабадских туркмен.—Кавказ, 1853, № 21.

Е. К. Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 гг. на Каспийском море российской эскадры под командой гр(афа) Войновича. С картою, М., 1809.

Ефремов. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассесора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим, СПб., 1786. Изд 2, СПб., 1794; изд. 3, Казань, 1811.

Ефремов Ф. С. Девятилетнее странствование. К 200-летию со дня рождения автора, М., 1950, илл.

Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, Пг., 1915. (Труды общ. русских ориенталистов, № 2).

Залесов Н. Письма из Хивы.—Военный сборник, 1858; № 4, 5; 1859, № 1.

Записка о дороге из Асхабада в Мерв хорунжия 1-й конной батареи Терского Казачьего войска Соколова.—Сборник геогр., топограф. и статист. материалов по Азии, вып. VI, 1883.

Ибрагимов И. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах) (Из записной книжки).—Военный сборник, т. 98, № 9, 1874.

Иваннин М. М. Поездка на полуостров Мангишлак в 1846 г.—Зап. Русск. Геогр. общ., II, 1847.

Иваннин М. Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 гг., СПб., 1874, илл. карта.

Игнатьев Н. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адьютанта полковника Н. Игнатьева, СПб., 1897.

Из истории национальной политики Временного правительства (Украина, Финляндия, Хива. Документы).—Красный архив, т. 5 (30), 1928.

Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. (документы 1774—1778 гг.).—Красный архив, т. 2, 1939.

Иоан де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Введ., перев. и примечание А. И. Малеина, СПб., 1911.

Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Редакц., вступ. статья и примечания Н. П. Шастиной. Гос. изд. географ. литературы, М., 1957.

Карелин Г. С. Путешествия по Каспийскому морю.—Зап. Русск. Геогр. общ., по общей геогр., X, 1883, 7 карт.

Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангишлаке Пер. (с нем.) Е. Л. Петри, СПб., 1910, илл.

Каспийско-аральская железная дорога в экономическом отношении. Экономическая записка. Статистико-экономические материалы. Под ред. Л. Л. Рума, СПб., 1914.

Каульбарс А. В. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г., СПб., 1881 (Зап. Русск. Геогр. общ. по общей геогр., IX).

Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Отчет чл. Ученого Комитета Министерства земледелия и государств. имуществ по командировке летом 1903 г., СПб., 1903.

Квитка А. Поездка в Ахал-Теке 1880—1881 гг.—Русский вестник, 1883, № 5, 6.

Кизеветер Г. И. Туркмены.—Военн. энциклоп. лекс., т. XIII, СПб., 1852—1858.

Килевейн Е. Я. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохамед хана, 1856—1860 гг. — Зап. Русск. Геогр. общ., кн. 1, 1861. То же. Этнографический сборник, 1862, вып. 5.

К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву, о событиях, происходивших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана. Сообщил А. Добромыслов. — Протоколы засед. и сообщ. членов Туркестан. круж. любит. археол. и истор. Востока. Год. 14, Ташкент, 1910.

Клавихо. Жизнь и деяния великого Тамерлана. АН СССР. Сб. Отделения русского языка и словестности, т. 28, СПб., 1881.

Клавихо, Рюи Гонзалес де. Дневник путешествия ко

двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подл. текст перев. и прим. под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881.

Vida y Hazanas del gran Tamerlan, ed. Sreznevsky, St-Petersbourg, 1881.

Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве, М., 1916.

Колокольцев. Экспедиция в Хиву в 1873 году. От Джизака до Хивы. Походный дневник, СПб., 1873.

Комаров, кап. ген. шт. Краткие статистические сведения о племенах эрсари, обитающих на левом берегу Аму-Дарьи от пограничного с Афганистаном селения Боссаги до Чарджуя. — Сборник геогр., топогр. и статистич. материалов по Азии, XXV, 1887.

Конвенция 18 (31) августа 1907 г. между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета, СПб., 1911.

Conolly A. Journey to the North of India, overland from England trough Russia Persia and Afghanistan. London, 1838, maps.

Костенко А. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. I—III, СПб., 1880.

Кун А. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 году. — Изв. Русск. Геогр. общ., X, 1874, № 2.

Куропаткин А. Н. Дневник А. Н. Куропаткина. — Красный архив, т. XXXIV, 1929.

Куропаткин А. Н. Из дневника А. Н. Куропаткина (с 6 марта по 15 мая 1917 г.). — Красный архив, № 1 (20), 1927.

Lansdell H. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. 2 vol. London, 1885.

Латкин Н. Закаспийская область, I. Восточный берег Каспийского моря и туркмены. — Живописная Россия, X, 1885.

Лебедев. Посольства в Хиву в 1716, 1717 и 1718 гг. — Журнал Мин. народн. просв., ч. 51, 1846.

Лессар П. М. Пески Кара-Кум. Пути сообщения Закаспийской области с Хивою, Мервом и Бухарою. — Сборник геогр., топогр. и статистич. материалов по Азии, вып. VI, 1883.

Лессар П. М. Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882 года. — Сборник геогр., топогр. и статист. материалов по Азии, вып. VI, 1883.

Лессар П. М. Пути из Асхабада к Герату инженера П. М. Лессара в 1882 г. — Сборник геогр., топогр. и статист. материалов по Азии, вып. VI, 1883.

Лессар П. М. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. — Изв. Русск. Геогр. общ., XX, 1884.

Лессар П. М. Юго-западная Туркмения (Земли сарыков и салоров), СПб., 1885, То же. — Изв. Русск. Геогр. общ., XXI, 1885.

Марко Поло. Путешествие. Перев. И. П. Минаева. Вступ. ст., коммент. и ред. перевода К. И. Кунина, Л., 1940, илл.

Марко Поло. Книга Марко Поло. Перев. старофранц. текста И. П. Минаева. Редакция и вступ. статья И. П. Магидовича. Гос. издат-во географич. л-ры, М., 1956, с илл.

Марков Е. Л. В Туркмении (Путевые очерки). — Русское обозрение, 1892, кн. 4—6.

Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской области, Ташкент. ж. д., Ферганской области, Каспийскому морю и Волге, т. I, II, СПб., 1901.

Маркозов В. Красноводский отряд, его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря до 1873 г. включительно, СПб., 1898.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, изданные по поручению Мин. ин. дел, СПб., 1874.

Матвеев. Поездка г. ш. полковника Матвеева по бухарским и афганским владениям в феврале 1877 г. — Сборник геогр., топогр. и статист. материалов по Азии, вып. 5, 1883.

Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Составлены под ред. ген. штаба генерал-лейтенанта В. Н. Троицкого. Изданы на правах рукописи по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана, Ташкент, 1881.

Материалы по землеводопользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию начальника Закаспийской области ген.-лейтенанта Д. И. Субботича, Асхабад, 1903.

Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе, вып. I, II, Ташкент, 1915.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII в.. Л., 1932 (АН СССР, Труды Истор.-археогр. ин-та и Ин-та востоковедения. Материалы по истории народов СССР, вып. 3).

Материалы по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, кн. 1—3, Ташкент, 1926.

Мельгунов Г. Замечания об острове Челекене и о туркменах, кочующих по восточному берегу Каспийского моря. — Кавказ, 1862, № 19—22.

Мельгунов Г. О южном береге Каспийского моря. V. Туркменский берег.—Зап. Акад. наук, т. 3, 1863, прил. № 5.

Мешен, Бенуа Записки барона Бенуа Мешена о мервских туркменах 1883 г.—В кн.: Сборник геогр., топограф. и статистич. материалов по Азии, вып. VI, 1883.

Meyendorff G., de. Voyage d'Orenbourg à Boukhara en 1820 à travers les steppes qui s'etendent à l'Est de la mer d'Aral et audelà de

l'ancien Yaxartes. Revue par M. le chevalier Amedée Jaubert. Paris, 1826 ill., carte.

Миллер Г. Ф. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя Императора Петра Великого, трудами Ф. И. Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства и с...дополнениями, СПб., изд. Академии наук, 1763.

Морозов С. Население Туркменского края. — Туркестанские ведомости, 1870, № 4.

Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, т. I, II, М., 1822.

Атлас к путешествию в Туркмению и Хиву гвардейского ген. штаба капитана Николая Муравьева, М., 1822. илл., карта.

Записки Н. Н. Муравьева-Карского, 1821 г. — Русский архив, М., 1888, № 1, 2, 3.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах, СПб., 1821.

Назаров. Воспоминания о степном походе в ханства Хиву и Бухару. — Военный сборник, 1864, кн. 4.

Наказ Борису Андреевичу и Семену Ивановичу Пазухиным, данный из Приказа Казанского дворца в 22-й день июня 1669 года на посольство в Бухару, Балх и Юргенч... с приложением к наказу статейного списка о совершении Пазухиным посольства 1669—1673 гг. Под ред. А. Н. Труворова. — Русская историческая библиотека, т. 15 (сборный), 1894, отд. VI.

Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг. Сборник документов, кн 2-я. Сост. проф. А. Г. Соловьев. Под ред. А. Г. Соловьева, Г. И. Карпова, Д. Ф. Масловец, Ашхабад — Москва. 1946 (Туркм. филиал АН СССР, Ин-т истории, яз. и л-ры).

Начало революционного движения в Туркмении. Революционное движение в Туркмении в 1908—1917 гг. Сборник документов, кн. 4-ая. Составитель проф. А. Г. Соловьев. Под ред. А. Г. Соловьева, Г. И. Карпова, Д. Ф. Масловец, Ашхабад — Москва, 1946 (Туркм. филиал АН СССР, Ин-т истор. яз. и л-ры).

Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения, СПб., 1873.

Небольсин П. Туркмены—Журнал Мин. внутр. дел., 1852, XXXIX. То же. Астраханские губернские ведомости, 1852, № 43.

Несколько слов о земледелии у туркмен и киргиз. — Журн. Мин. государств. имуществ, 1849, XXXIII.

Napier, Journey on the Turcoman Frontier.—Proc. RGS, 1874.

Обзор внешней торговли России по Европейской и Азиатской границам за 1871—1904 гг., СПб., 1872—1906.

Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год, Асхабад, 1892.

Обозрение сношений России с Хивой (1670—1858). — Саратовский справочный листок, 1872, № 257, 258.

Огородников П. И. Поездка в северо-восточную Персию. — Изв. Русск. Геогр. общ., 1875, XI, вып. 1.

Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб., 1878.

O'Donovan Edmond. The Merv oasis. Travels and adventures east of the Caspian, during the years 1879—80—81, including five months residence among the Tekke's of Merv. 2. vol. London, 1882.

Олеарий Адам. Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. Перев. с немецк. П. Барсов, М., 1870—Чтен. при имп. Общ. истор. и древн. Росс, при Моск. ун-те, № 4.

Olufsen O. The Emir of Bokhara and his country. Journeys and studies in Bokhara (with a chapter on my voyage on the Amu Darya to Khiva). Copenhagen, 1911.

О народах и землях на восточном берегу Каспийского моря. — Астраханские губернские ведомости, 1845, № 36.

Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских образов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Часть вторая, СПб., 1799.

Описание пути из Оренбурга к Хиве и Бухарам с принадлежащими обстоятельств. бывшего при отправленном в 1753 г. из Оренбурга в те места купеческом караване самарского купца Данилы Рукавина.—Новости литературы, кн. 5, 1829; То же.—В кн.: Московский любопытный месяцеслов на 1776 год.

Осада и штурм крепости Денгиль-Тепе (Геок-Тепе). Рапорт главнокаманд. Кавказской армией команд. войсками, действующими в Закаспийском крае. С операц. картой и 10 планами. — Военный сборник, 1881, № 4.

О торгах за Каспийское море древних, средних и новейших времен. Выписано из журнала Ф. И. Соймонова и из внесенных в оный донесений Г. Ф. Миллера, М., 1765.

Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Вып. I. Государственные имущества. Управление. Оброчные статьи. Лесное дело. Сельскохозяйственные учреждения, СПб., 1909; вып. 2. Земское хозяйство, СПб., 1910; вып. 3. Краевое управление, СПб., 1910; вып. 4. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, СПб., 1910; вып. 5. Народные суды Туркестанского края, СПб., 1910; вып. 6. Областное управление, СПб., 1910; вып. 7. Опыт систематического изложения главнейших начал шариата, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края; вып. 8. Орошение в Туркестане, СПб., 1910; вып. 9. Переселенческое дело в Туркестане, СПб,. 1910; вып. 10. Поземельно-податное дело, СПб., 1910; вып. 11. Полиция безопасности, СПб., 1910; вып. 12. Сельское управление, русское и туземное, СПб., 1910; вып. 13. Уездное управление, СПб., 1910; вып. 14. Учебное дело, СПб., 1910; вып. 15. Недостатки управления, б. м. б. г; Вып. 16. Налоги и пошлины. Органы финансового управления, СПб., 1910; вып. 17. Горное дело, СПб., 1910; вып. 18. Отчет по ревизии в Туркестанском крае. Недостатки управления, б. м., б. г.

Пален К. К. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, отд. I, СПб., 1911.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I, СПб., 1890 (Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XX). — «Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова».

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, СПб., 1892 (Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XXI).—«Государевы грамоты посольству Михаила Тихонова и подъячего Алексея Бухарова, их статейный список с подробным описанием пребывания посольства на пути в Персию у хивинского хана Араба Мухамеда».

Петрусевич Н. Г. По вопросу об устройстве укрепления на восточном берегу Каспийского моря, с кратким описанием этого берега, составленного поруч. Лошкаревым (1803 г.). — Акты, собранные Кавказск. археограф. комиссией. Архив наместника края, т. II, № 2010, Тифлис, 1868.

Петрусевич Н. Г. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии. — Зап. Кавк. отд. Русск. Геогр. общ., кн. XI, вып. 1, 1880.

Петрусевич Н. Г. Северо-восточные провинции Хорасана. — Зап. Кавк. отд. Русск. Геогр. общ., кн. XI, вып. 1, 1880.

Петрусевич Н. Г. Юго-восточное прибрежье Каспийского моря и дороги от него в Мерв. — Зап. Кавк. отд. Русск. Геогр. общ., кн. XI, вып. 1, 1880.

Письма англичан из Мерва.—Военный сборник, 1881, № 11.

Письмо Н. Н. Ломакина консулу Ф. А. Бакулину (О среднеазиатских делах (1874—1878) с примеч. В. А. Алексеева), СПб., 1914.

Повесть временных лет. Часть первая, текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц, М.,—Л., 1950; Часть вторая. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева под ред. В. П. Андриановой-Перетц, М.,—Л., 1950 (АН СССР).

Подготовка Великой пролетарской революции (От начала войны до начала октября 1917 г.). — В кн.: История гражданской войны в СССР, т. I, М.. 1936.

Показания афганцев и туркмен, сопровождавших в 1840 г. английских путешественников Аббота и Шекспира из Герата в Хиву и оттуда на Каспийское море.—Зап. Русск. Геогр. общ., т. I, 1867.

Положение об управлении Туркестанского края, Ташкент, 1903.

Проект Положения об управлении Туркестанского края, составленный в 1902—1903 гг. Комиссией под председательством тайного советника Нестеровского, б. м. 1903.

Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки М.—Л., 1954.

Революция 1905 г. и самодержавие. Документы, М.—Л., 1928.

Рейснер И. М. Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана (По материалам секретного архива бывшего МИД). — Красный архив, т. 3 (10), М., 1925.

Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России (Сб. документов). Сост.: А. Г. Соловьев, А. А. Сенников. Под. ред. Г. И. Карпова, А. Г. Соловьева и др., кн. 1, Ашхабад, 1946 (переплет. 1947) (Туркм. филиал АН СССР, Ин-т истор., яз. и л-ры).

Rawlinson H. C. Memorandum on the Central Asian question (Extract), sent to the secretary of State. London 20/VII 1868.—Afghanistan. Correspondence respecting the relations between the British government and that of Afghanistan. London, 1878, № 12-в.

Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву Самарского купца Рукавкина в 1753 году, с приобщением разных известий о Хиве, с отдаленных времен доныне. — Журнал Мин. внутр. дел, ч. 34, 1839.

Рычков П. Топография Оренбурская. т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии, т. I, СПб., 1762.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П. И. Рычкова 1762 г., Оренбург, 1887.

Рязанов А. Набеги хивинцев и туркмен в киргизскую степь в 1848 (по архивным документам). — Труды Общ. по изучению Казахстана, вып. 6, 1924.

Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 6, СПб., 1883.

Сборник приказов по военно-народному управлению Закаспийской области с 1890 по 1897 г. включительно, в двух частях, ч. I. Приказы о ревизиях, Асхабад, 1898.

Сборник решений Черезвычайного съезда народных судей Закаспийской области. С 1898 по 1902 г. (Материалы по изучению быта туркмен и киргизов), Асхабад, 1903.

Сведения о Хивинском ханстве.—Журнал мануфактур и торговли, ч. 2, 1843, № 4.

Ск. Ал. О туркменах-иомудах. — Астраханские губернские ведомости, 1843, № 35.

Соймонов и Тевкелев. Посольство в Хиву в 1716, 1717 и 1718 гг. — Журнал Мин. народн. просв., 1846, № 9.

Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 г. С путеводной картой Азиатской России, СПб., 1911.

Статистико-экономические очерки по району Каспийско-Аральской железной дороги, СПб., 1914.

Стебницкий И. И. Заметки о Туркмении, составленные по сведениям, собранным до 1871 года. — Зап. Кавк. отд. Русск. Геогр. общ., кн. 8, 1873.

Стебницкий И. И. Отчет о путешествии в Закаспийском крае в 1872 году.—Изв. Кавк. отд. Русск. Геогр. общ., II, вып. 1, 1873—1874.

Стебницкий И. И. Новые разведки в туркменских степях, Тифлис, 1873.

Тигрансв Л. Ф. Из общественно-экономических отношений в Персии. Сводка путевых материалов и наблюдений о землевладении, податной (малиат) и административной системах. Дополнительная записка о гакиямяте Ардабиль, СПб., 1909.

Туркмены иомудского племени. — Военный сборник, 1872, т. 83, № 1.

Vate C. E. Travels with the Afghan boundary commission, Edinburgh and London, 1887.

Vate C. E. Northern Afghanistan or letters from Afghan boundary commission, London, 1888.

Vate C. E. Khurasan and Sistan with map and illustrations, Edinburgh and London, 1900.

Федотьев И. М. (Веселовский Н. И.) Посольство в Хиву Ивана Матвеева Федотьева и его статейный список пребывания в Хиве 1669—1700 г. — Туркестанские ведомости, 1882; № 20.

Fraser J. B. Narrative of a journey into Khorasan, London, 1825.

Hanway Jonas. Historical account of the british trade over the Caspian sea; with the author's journal of travels from England through Russia into Persia... 2 vol. London, 1754. То же.—В кн.: Hanway Jonas. The revolutions of Persia, t. 3 и 4. London, 1753.

Khanikoff N. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale par Nicolas de Khanikoff, Paris, 1861.

Хохлов И. Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова (1620—1622 гг.). — В кн.: Сборник князя Хилкова, СПб., 1879.

Хрисанфа митрополита Новопатрасского о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах. С введением и объяснениями В. В. Григорьева. — Чтения в Общ. истор. и древн. российских, 1861, кн. 1, отд. IV (Материалы иностранные).

Хронологическое обозрение политических сношений России с Бухариею (с «дипломатическими приложениями»). — В кн.: Сборник князя Хилкова, СПб., 1879.

Хрулев С. Проект устава товарищества для развития торговли с Средней Азиею. — Журнал промышленности, СПб., 1865, № 1.

Шаховский В. Очерки конно-горного артиллериста из ахал-текинской экспедиции 1880—1881 гг. — Артиллерийский журнал, СПб., 1881, № 10.

Щербак А. В. Ахал-текинская экспедиция генерала Скобелева в 1880—1881 г. (с приложением плана и карты). Из воспоминаний д-ра А. В. Щербака, СПб., 1884.

Эверсман. Отрывки из путешествия доктора Эверсмана в Бухарию в 1820 и 1821 гг.—Новости литературы, 1824, кн. 8, № 15, 16, 17.

Эйхвальд Е. Путешествие профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и по Кавказскому краю. — Библиотека для чтения, 1838, № 2.

Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaucasus in den Jahren 1825—1826. Bd. 1—2. Stuttgart und Tübingen, 1834—1838.

Яворский (д-р). Путешествие русского посольства по Афганскому и Бухарскому ханствам в 1878—1879 гг. I, СПб., 1883.

Яворский И. Л. Поездка в Туркестан и Закаспийскую область летом 1894 г. с целями географических изысканий в Юго-Западном Тянь-Шане и антропологических наблюдений над туркменами (Реферат). — Землеведение, т. 1, кн. 4, М., 1894.

Яворский И. Л. Отчет о географической и антропологической поездке в Туркестан летом 1894 года. — Зап. Новороссийского ун-та, т. LXVII, 1896; прил.

4. Литература на языках народов СССР

Абаза К. К. Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общественном положении. Сост. К. К. Абаза, СПб., 1902.

Абрамзон С. М. Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии. — Сб. Родовое общество, М., 1951.

Августинник А. Н., Баранова В. И. Технологическая характеристика черепков Джебела. — Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

Авдиев В. И. Историко-археологическое изучение Средней Азии.— В сб.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР, М.—Л., 1942 (АН СССР, Ин-т истор.).

Ага Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Под. ред. А. Ю. Якубовского, Ашхабад, 1954 (АН Туркм. ССР, Ин-т истор., археол. и этногр.).

Агаджанов С. Г. Восстание огузов 1153 года и падение Восточно-сельджукского государства (Автореферат кандидадской диссертации), Ашхабад, 1956.

Агаджанов С. Г. К вопросу о торговой и дипломатической практике огузо-туркменских племен X—XI вв. — Изв. АН Туркм. ССР 1957, № 3.

Агалиев П. К биографии Махтум-Кули. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1948, № 1.

Агаюсупов Д. Ю. Революция 1905—1907 гг. в Закаспийской области (Автореферат кандидатской диссертации), Ташкент, 1956.

Адыков К. К характеристике гончарного производства в Мерве конца XII — начала XIII в. — Изв. АН Туркм. ССР, 1955, № 6.

Айни Садриддин. Исъёни Муканнаъ. Очерки таърихи-точики. Сталинобод, 1941 (на тадж. яз.).

Айни Садриддин. Шайхурроис Абу Али Сино. Сталинобод — Ленинград, 1941 (на тадж. яз.).

А. К. Сказки Мангышлакских туркмен (Записаны в 1871 г. со слов Ходжа-Мамбета Бек-Кулова). — Сб. сведений о кавказских горцах, вып. 8, 1875, прил.

Акатова А. И. Туркменские племена накануне их присоединения к Российской империи. Сообщение I. Расселение туркменских племен

и их борьба за свою независимость. — Изв. Турк. филиала АН СССР, 1950, № 5.

Акатова А. И. Туркменские племена накануне их присоединения к Российской империи. Сообщение 2. Хозяйство и общественное устройство туркменских племен. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1950, № 6.

Акиниязов Г. Б. К вопросу о патриотизме туркменского народа в дооктябрьский период. — Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН Туркм. ССР, т. III, Ашхабад, 1957.

Алексеенков П. Национальная политика Временного правительства в Туркестане 1917 г. — Пролетарская революция, 1928, № 8 (79).

Аленицын В. Несколько замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 г. — Зап. Русск. Геогр. общ., по отд. этногр., т. VI, 1880, отд. II.

Алиев А. Из прошлой жизни туркмен. — Протоколы заседаний и сообщения членов Закасп. кружка любит. археол. и истор. Востока, вып. 2 (1915—1916).

Альхамова З. А. Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане с 1884 до 1946 года. — В кн.: Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.

Альхамова З. А. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва в 1947 г. — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Аминов А. А. Основные линии экономической политики царской России в Средней Азии. — В кн.: Академия наук УзССР, Научная сессия 9—14 июня 1947 г., Ташкент, 1947.

Аму и Узбой. Труды общества по исследованию будущих торговых путей в Среднюю Азию, СПб., 1879.

Андреев А. П. Туркменский суд. — Исторический вестник, 1900, № 8.

Андреев А. П. Туркменский аламан. — Исторический вестник, 1902, № 7.

Антипин В. Н. Закаспийская железная дорога (1880—1898). — Исторический очерк. — В кн.: Путеводитель по Туркестану, СПб., 1903.

Арбеков П. В. Англичане в Закаспии. — Туркменская искра, № 29, 1925.

Арбеков П. В. Очаг зубатовщины. Кизил-Арватское ремесленное собрание. — Туркменоведение, Ашхабад, 1930, № 12.

Арбеков П. В. Древности Серахского района. — Туркменоведение, 1930, № 8, 9, илл.

Арбеков П. В. Забастовка каспийских моряков в марте—апреле 1907 г. — За социалистическую Туркмению, Ашхабад, 1932, № 4, 5.

Аристов Н. Западный Туркестан в VII столетии по описанию китайского путешественника. — Туркестанские ведомости, 1889, № 1.

Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных

сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также и исторических данных и начинающихся антропологических исследований. — Живая старина, вып. 3, 4. Год. 4, СПб., 1894.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения о их численности. — Живая старина, вып. 3, 4, СПб., 1896.

Археология в Закаспийском крае. — Протоколы заседаний и сообщения членов Туркест. кружка любит. археол., V, (1899—1900), прил. к проток. № 2 от 27 марта 1900 г.

Архипов А. П. Три дня в ауле Юсуп-кади. Отрывок из этнографических записок о туркменах.—Географические известия, 1849, № 6.

Архитектурные памятники Туркмении. Вып. I. Сост. Н. М. Бачинский. При участии С. А. Ершова, А. А. Марущенко и В. И. Пилявского. Научн. ред. Н. Б. Бакланова, М.—Ашх., 1939 (Акад. архитектуры СССР и Туркм. гос. научн.-исслед. ин-т истор.). Параллел. текст на русск. и туркм. яз.

Ахаллы С. Сведения о Коркуд-Ата в сочинении Салыр-Баба. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1950, № 3.

Ашрафян К. Падение державы Сефевидов (1502—1722 гг.).—В кн.: Очерки по новой истории стран Среднего Востока, Моск. гос. ун-т, 1951.

Багров Л. С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря, СПб., 1912, карт. (Записки по гидрографии, XXXV).

Баженов Л. В. Средняя Азия в древний период (между шестым и вторым веками нашей эры), Ташкент, 1937.

Баженов Л. В. Народы Средней Азии в древний период.— Исторический журнал, 1938, № 6.

Бакланов Н. Б. Герих. Геометрический орнамент Средней Азии и методы его построения. — Советская археология, IX, 1947, илл.

Бакулин Ф. Песни у туркмен и поэт их Махтум-Кули. — Изв. Кавказ. отд. Русск. Геогр. общ., кн. I, 1872, № 3.

Бартольд В. *Туркестанский край в XIII в.* (по рассказу китайского путешественника). — Туркестанские ведомости, 1894, № 43, 44.

Бартольд В. В. Хафиз-и-Абру и его сочинения. Аль-Музаффарийя. — Сб. статей учеников проф. В. Р. Розена, СПб., 1897.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, Исследование, СПб., 1900.

Бартольд В. В. Мерверруд.—Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XIV, (1901), 1902.

Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., Ташкент, 1902 (Изв. Туркест. отд. Русск. Геогр. общ., т. IV, вып. II).

Бартольд В. В. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море.—Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XIV (1901), 1902.

Бартольд В. В. Дорожник XIV в. от Бистама до Куня-Ургенча — Зап. Вост. отд., Русск. археол. общ., т. XV, (1902—1903), вып I, 1903.

Бартольд В. В. К истории Хорезма в XVI веке. — Туркестанские ведомости, 1903, № 20.

Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903.

Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан.—Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XV (1902—1903), вып. II—III, 1904.

Бартольд В. В. О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира, СПб., 1908.

Бартольд В. В. К истории Мерва.—Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XIX, 1909, вып. II—III, библиогр.

Бартольд В. В. События перед хивинским походом 1873 г. по рассказу хивинского историка, М., 1910.

Бартольд В. В. Султан Санджар и гузы (по поводу статьи К. А. Иностранцева). — Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XX, вып. I, 1911.

Бартольд В. В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Анийская серия, № 5, СПб., 1911.

Бартольд В. В. Халиф и султан.—Мир Ислама, т. I, 1912.

Бартольд В. В. К истории орошения Туркменистана, СПб., 1914.

Бартольд В. В. К истории персидского эпоса.—Зап. Вост. отдел. Русск. археол. общ., т. XXII, вып. IV, 1915.

Бартольд В. В. Ислам. Общий очерк. Изд-во «Огни», Пг., 1918.

Бартольд В. В. Культура мусульманства, Пг., 1918.

Бартольд В. В. Улугбек и его время, Пг., 1918 (Зап. Росс. Акад. наук по ист.-филол. отд-нию, т. XIII, № 5).

Бартольд В. В. Персидское арк — «крепость, цитадель». — Изв. Росс. Акад. истор. матер. культур., т. I, № 5, 1920.

Бартольд В. В. Новый труд о половцах.—Русский исторический журнал, Пг., 1921, кн. 7.

Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов.—Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XXV (1917—1920), 1921.

Бартольд В. В. Мусульманский мир.—Наука и школа, Пг., 1922.

Бартольд В. В. Восточно-иранский вопрос. — Изв. Росс. Акад. истор. матер. культуры, т. II, Пг., 1922.

Бартольд В. В. История Туркестана, Ташкент, 1922.

Бартольд В. В. Башня Кабуса, как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры. — Ежегодник Росс. ин-та истор. искусств, т. I, Пг., 1922, илл

Бартольд В. В. К истории крестьянских движений в Персии.— Сб. в честь Н. И. Кареева «Из далекого и близкого прошлого», Пг.—М., 1923.

Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. — Хлопковое дело, 1924, № 11.

Бартольд В. В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Курс лекций, читанных автором на Восточном факультете Азербайдж. гос. ун-та в 1924 г., Баку, 1925.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925.

Бартольд В. В. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г.—Сообщения Гос. Акад. истор. матер. культуры, I, 1926.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.

Бартольд В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь.—Мир-Али-Шир, сборник к пятисотлетию со дня рождения, Л., 1928.

Бартольд В. В. Иран, Ташкент, 1928.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казакского высшего педагогического института в 1926—1927 учебном году, Ташкент, 1928.

Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа.—В сб. Туркмения, т. I, Л., 1929.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943.

Барц Э. Р. Орошение в долине р. Мургаба и Мургабское государево имение, СПб., 1910.

Баскаков Н. А. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. — Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. I, М., 1952.

Батраков В. С. Особенности феодализма у кочевых народов.— Научная сессия АН УзССР 9—14 июля 1947 г., Ташкент, 1947.

Батраков В. С. О разделении труда между кочевыми и оседлыми районами.—В кн.. Труды Среднеаз. гос. ун-та. Новая серия, вып. 75. Экон. науки, кн. I, Ташкент, 1955.

Бачинский Н. М. Искусство старых зодчих Туркмении (Материалы и приемы старых туркменских зодчих IX—XIII вв.) (Автореферат докторской диссертации), М., 1950 (АН СССР, Ин-т истор. искусств).

Бачинский Н. М. Малоизвестные архитектурные памятники Туркмении.—Кратк. сообщ. Ин-та истор. матер. культуры, XXXIII, 1950, илл.

Башмаков А. Первобытная история турецко-монгольских племен. — Туркестанские ведомости, 1914, № 49.

Башмаков А. Эпоха монгольских завоеваний. — Туркестанские ведомости, 1914, № 136, 137.

Безбородов М. А. Мозаичные резные изразцы средневекового Анау. — Доклады АН СССР, 1946, № 5

Безбородов М. А. Строительные материалы средневековых зодчих мавзолея Анау. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1948, № 1.

Безгин И. Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и Мурзы Тевкелева в Индию к великому Моголу 1714 — 1717 гг., Библиографическая монография, СПб., 1891.

Беленицкий А. М. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV—XV вв). — Историк-марксист, 1941, № 4.

Беленицкий А. М. К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху. — Советское востоковедение, V, 1948.

Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI веках. — Изв. Таджик. филиала АН СССР, 1949, № 15.

Беленицкий А. М. «Картина мира» по Бируни.—Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. Серия востоковедческих наук, вып. II, Л., 1949.

Беленицкий А. М. О «Минералогии» ал-Бируни. — Вестник Ленингр. гос. ун-та, 1949, № 11.

Беляев В. И. Ат-Табари как источник для истории народов СССР.—В кн.: Научная сссия Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова. Тезисы докладов по секции востоковедения, Л., 1948.

Беляев Е. А. Иран в средние века. Стеногр. лекции, прочитанной в ВПШ при ЦК ВКП(б), М., 1941.

Беляев И. Туркменские колядные песни. (Поздравления с наступлением Уразы). — Протоколы заседаний и сообщения членов Закасп. кружка любит. археол. и истор. Востока, вып. I, (1914—1915).

Беляев И. А. Из истории туркмен Закаспийской области (Перевод и туркменский текст (текинское наречие).—Протоколы заседаний и сообщения членов Закасп. кружка любит. археол. и истор. Востока, вып. 2 (1915—1916).

Берг Л. Аральское море. Опыт физико-географической монографии, СПб., 1908 (Изв. Турк. отд. Русск. Геогр. общ., т. V).

Берг Л. С. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1928 г.) Л., 1929.

Берг Л. С. История исследования Туркмении.—В сб.: Туркмения, I, Л., 1929, илл., библиогр.

Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева.—Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., ч. 8, 1864.

Бернштам А. Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Средней Азии.—Советская этнография, 1934, № 6.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв., М.—Л., 1946.

Бернштам А. Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой-Чао (726).—Вестник древней истории, 1947, № 3.

Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов, Л., 1951.

Бернштам А. Н. Некоторые данные по этногенезу туркмен. — Советская этнография, 1951, № 4.

Бертельс Е. Э. Литература народов Средней Азии от древнейших времен до XV века н. э.—Новый мир, 1939, № 6, 7, 9.

Бертельс Е. Э. Литературное прошлое туркменского народа.— Совет эдебияты, Ашхабад, 1944, № 9, 10.

Бертельс Е. Э. Литературная жизнь народов Средней Азии в XI—XII вв. — Тезисы доклада на научной сессии, посвященной 25-летию Среднеаз. гос. ун-та, Ташкент, 1945.

Бертельс Е. Э. Персидский — дари — таджикский. — Советская этнография, 1950, № 4.

Бируни — великий узбекский ученый средневековья. — Сб. статей, Ташкент, 1950.

Бларамберг И. Ф. Историческая записка о прибрежных туркменских поколениях со времени вступления их в сношение с русским правительством.—Зап. Русск. Геогр. общ., кн. IV, СПб., 1850.

Богданов М. И. Обзор экспедиций естественно-исторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г., СПб., 1875 (Труды Арало-Каспийской экспедиции, вып. I).

Боголюбов А. А. Ковровые изделия Средней Азии. Из собрания, составленного А. А. Боголюбовым, том I—II, СПб., 1908—1909.

Болдырев А. Н. Мемуары Зайн-ад-дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв. — Труды Отд. Востока Государственного Эрмитажа, т. II, Л., 1940.

Борисковский П. И. Палеолитические местонахождения в Туркмении. — Кратк. сообщ. о докл. и полевых исслед. Ин-та истор. матер. культуры, вып. 18, 1947.

Борисковский П. И. К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана. — Труды Ашх. пед. ин-та им. А. М. Горького, вып. I, исторические науки, Ашхабад, 1947.

Бороздин И. Н. Проблемы изучения материальной культуры тюркских народов. — Туркменоведение, 1927, № 4.

Бороздин И. Н. Несколько замечаний об источниках по истории Туркменистана. — Совет эдебияты, 1943, № 8.

Бороздин И. Н. К изучению сельджукизма в Туркмении (Археологические исследования в районе Данденакана). — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 3—4.

Бороздин И. Н. Древний Туркменистан (исторический очерк).— Преподавание истории в школе, 1948, № 3.

Бороздин И. Н. К изучению древней истории Туркменистана.— Вестник древней истории, 1948, № 3.

Бой на Кушке 18 марта 1886 г. — Русская старина, т. CXXXXI, CXXXXII, (март, апрель) 1910.

Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. — Вопросы истории, 1953, № 8.

Бродовский М. Колониальное значение наших среднеазиатских владений для внутренних губерний, М., 1891.

Брюллова-Шаскольская Н. Племенной и родовой состав туркмен. — Народное хозяйство Средней Азии, Ташкент, 1927, № 4.

Брюллова-Шаскольская Н. Родовые деления туркмен. Доклад в научном обществе Туркменистана. — Туркменская искра, № 54, 1927.

Брюллова-Шаскольская Н. В. На Аму-Дарье. — Новый Восток, 1927, № 16. 17.

Брюллова-Шаскольская Н. В. Пережитки древних форм брака у туркмен.—Известия Средазкомстариса, Ташкент, 1928.

Букинич Д. История первобытного орошаемого земледелия в Туркменской области.—Хлопковое дело, 1924, № 3, 4.

Букинич Д. Д. Старые русла Окса и Амударьинская проблема.—Хлопковое дело, 1926, № 4.

Букинич Д. Новые данные об Анау и Намазга-тепе.—Туркменоведение, 1929, № 5.

Булгаков П. Г. Маршрут Нишапур—Серахс в сочинениях ранних средневековых авторов.—Изв. АН Туркм. ССР, 1955, № 2.

Бутаков А. Несколько страниц из истории Хивы.—Материалы для статистики Туркестанского края под ред. Н. А. Маева, вып. 2. СПб., 1873.

Бутаков Е. В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в.—Советское востоковедение, 1941, № 2.

Вактурская Н. Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ССР.—В кн.: Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Под. общ. ред. С. П. Толстова, т. I, М., 1952, илл.

Валитова А. А. К вопросу о классовой природе Караханидского государства.—Труды Киргиз. филиала АН СССР т. 1, вып. 1, Фрунзе, 1943.

Вамбери Г. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего по восточным обнародованным и необнародованным источникам, первый раз обработанным Германом Вамбери. Пер. А. И. Павловского, т. I, II, СПб., 1873.

Васильев В. И. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII вв.—Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., ч. IV, СПб., 1859.

Васильев Н. Кочевники Туркестана (Опыт экономического обзора), Самарканд, 1890.

Васильев П. 1917 г. в Закаспии. — Туркменоведение, 1929, № 1. 2, 3.

Васильев П. М. Временные исполнительные комитеты и Советы солдатских и рабочих депутатов в 1917 г. в Закаспии.—Туркменоведение, 1928, № 2 (6) и № 3, 4 (7, 8), № 5, 6, (9, 10).

Васильев П. С. Ахал-Текинский оазис, его прошлое и настоящее (Историко-географические очерки Закаспийской области), СПб., 1888.

Васильева Г. П. Туркменское племя нохурли.—Краткие сообщения Ин-та этногр, 1949, VII.

Васильева Г. П. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г.—В кн.: Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Под общ. ред. С. П. Толстова, т. I, ч. II, М., 1952, илл.

Васильева Г. П. Туркмены-нохурли.—Среднеазиатский этнографический сборник, М., 1954.

Вахабов М. Г. К вопросу о формировании буржуазных наций в Средней Азии и Казахстане.—Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана, Ташкент, 1954.

Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии, М.—Л., «Искусство», 1940, илл.

Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со времени кончины Мухаммед-Али до Худояр-хана.—Труды Вост. отд. Русск. археолог. общ., ч. II, 1856.

Венюков М. Н. Опыт военного обозрения русских границ в Азии артиллерии полковника М. Венюкова, действ. члена Русск. Геогр. общ., СПб., 1873.

Венюков М. Материалы для военного обозрения русских границ в Азии.—Военный сборник, т. LXXXIX, кн. I, СПб., 1873.

Венюков М. Н. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией.—Сборник государственных знаний под ред. Безобразова, т. V, 1873.

Венюков М. Очерк географических исследований в Азиатской России.—Военный сборник, 1877, № 7.

Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб., 1877.

Веселовский Н. И. Посольство в Хиву Ивана Матвеева. — Туркестанские ведомости, 1882, № 2.

Веселовский Н. И. Первое подданство туркмен России.—Исторический вестник, XVI, 1884, № 5.

Веселовский Н. И. Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю.—Журн. Мин-ва народн. просв., 1884, № 2.

Веселовский Н. И. Прием в России в отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. — Журн. Мин-ва народн. просв., 1884, № 7.

Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и Бухару в XVII в.).—Журн. мин. народн. просв., 1891, № 1.

Веселовский Н. И. Лекции по истории Востока, читанные проф. С.-Петербургского ун-та Н. И. Веселовским, просмотренные В. В. Бартольдом, СПб., 1910.

Вильчевский О. Л. Новый источник для характеристики мировоззрения городского населения Ирана в X—XI веках.—Советское востоковедение, 1955, № 1.

Винников И. Н. О языке письменных памятников из Нисы (Южный Туркменистан).—Вестник древней истории, 1954, № 2.

Винников Я. Р. Туркмены Джиликульского района Таджикской ССР.—Кратк. сообщ. (Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая). XVI, 1952.

Винников Я. Р. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР.—Среднеазиатский этнографический сборник, М., 1954.

Витт В. О. Лошадь древнего Востока.—Сб. Конские породы Средней Азии, М., 1937.

Владимирцов Б. Я. Чингисхан, Берлин—Пб.—М., 1922.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов (Монгольский кочевой феодализм), Л., 1934.

Волин Л. В. К истории древнего Хорезма.—Вестник древней истории, 1941, № 1.

Волин С. Л. К истории среднеазиатских арабов.—Труды 2-й сессии арабистов. Труды Ин-та востоковедения АН СССР, вып. XXXVI, М.—Л., 1941.

Воронина В. Л. К вопросу о древней метрологии Средней Азии.—Крат. сообщ. Ин-та истор. матер. культуры, вып. 39, 1951.

Воршев В. Основные этапы развития парторганизации Туркменистана.—Революция и национальности, М., 1934, № 12.

Вощанина А. И. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н. э.—Советская археология, XVII, М., 1953.

В подполье. Из истории революционной печати в Закаспии.—Туркменская искра, № 60, 1928 г.

Вязигин С. А. Материалы по исторической географии Туркменистана. Реки Туркменистана по сведениям античных географов. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1946, № 3, 4.

Вязигин С. А. Сведения Клавдия Птоломея по географии Туркменистана.—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1946, № 1.

Вязигин С. А. Оссуарии с городища Калалы Кыр I, Ташаузской области, Туркменской ССР.—Вестник древней истории, 1948, № 3.

Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы.—Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

Вязигин С. А. Византийский солид V века с городища Новая Ниса.—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1951, № 3, илл.

Вязьмитина М. И. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 году.—В кн.: Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, илл.

Вязьмитина М. И. Работы II отряда ЮТАКЭ на Новой Нисе в 1947 г.—Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Вязьмитина М. И. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г.—Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Гайдукевич В. Ф. К истории древнего земледелия в Средней Азии.—Вестник древней истории, 1948, № 3.

Ганялин А. Ф. Археологические памятники горных районов Северо-Западного Копет-Дага.—Изв. АН Туркм. ССР, 1953, № 5.

Ганялин А. Ф. Теккем-Тепе (раскопки 1952—1953 гг.). — Труды Ин-та истор. археол. и этногр. АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956.

Ганялин А. Ф. К стратиграфии Намазга-Тепе. — Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956.

Ганялин А. Ф. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала.—Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

Гафуров Б. Г. Таарихи мухтасари холки тозик, I, Сталинобод, 1947.

Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении, т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Изд. 2, испр. и дополн. Под ред. И. С. Брагинского, М., Госполитиздат, 1952, илл. (Ин-т истор. АН Тадж. ССР).

Герман. Исторический взгляд на сношение России с Хивинской областью.—Вестник Европы, 1822, кн. 22.

Гогель Ф. Туркменский ковер. Выставка музея восточных культур, М., 1927, илл.

Гогель Ф. В. Ковры, М., 1950.

Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г. отряда под начальством лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Александра Бековича-Черкасского.—Военный сборник, т. XXI, 1861, № 10, отд. II.

Голубовский П. В. Об узах и половцах.—Журнал Мин. народн. просв., т. CCLXXIV, 1884.

Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884.

Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941.

Гражданкина Н. С. Некоторые данные по строительным материалам водохранилищ-сардоб Южной Туркмении. — Изв. АН Туркменской ССР, 1954, № 4.

Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение, Изд. АН СССР, 1950

Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан.—Журн. Мин. народн. просв. т. IX—X, 1861.

Григорьев В. В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости.—Зап. Русск. Геогр. общ., 1861, кн. 2, отд. II.

Григорьев В. В. Греко-бактрийское царство.—Журнал Мин. народн. просв., ч. 13, ноябрь 1867 г.

Григорьев В. В. О скифском народе саках, СПб., 1871.

Григорьев В. В. Караханиды в Мавераннахре по «Тарих-и-мунеджим баши», СПб., 1874.

Григорьев В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк.—В кн.: Сборник Госуд. знаний под ред. В. П. Безобразова, т. I, СПб., 1874.

Григорьев В. В. О древних походах руссов на Восток.—В кн.: В. В. Григорьев. Россия и Азия, СПб., 1876.

Гродеков Н. И. Через Афганистан. Путевые заметки, СПб., 1880.

Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг., т. I—III, СПб., 1883.

Гродеков Н. И. Хивинский поход 1873 г., изд. 2, СПб., 1888.

Грулев М. Некоторые географико-статистические данные, относящиеся к участку Аму-Дарьи между Чарджуем и Патта-Гиссаром. — Изв. Туркест. отд. Русск. Геогр. общ., т. II, вып. I, 1900.

Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909.

Гулямов Я. Г. К возникновению орошения в Хорезме в свете данных археологии.—В кн.: Научная сессия Акад. наук УзССР 9—14 июня 1947 г. Ташкент, 1947.

Гюзальян Л. Т. и Дьяконов М. М. Надписи на звездчатых изразцах XIII в. с городища Новая Ниса.—В кн.: Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949

Давидович Е. А. Исследование вала к юго-западу и западу от Новой Нисы.—В кн.: Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, илл.

Давидович Е. А. По поводу южно-туркменистанского клада серебряных монет Мухамед-Шейбани-хана. — В кн.: Материалы ЮТАКЭ, т. I, Ашхабд, 1949, илл.

Давидович Е. А. Стекло из Нисы.—Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

Давидович Е. А. Две денежные реформы в государстве Шейбанидов.—Труды Среднеаз. гос. ун-та, нов. серия, вып. XXIII, гуманитарные науки, кн. 4, 1951.

Давидович Е. А. Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы.—Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Давидович Е. А. Средневековый чекан Нисы.—Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Давидович Е. А. Среднеазиатские серебряные монеты XVI в. с наименованием хорасанских городов.—Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, 1953, № 4.

Дебец Г. Ф. Данные антропологии о происхождении туркмен. — Советская этнография, VI—VIII, 1947.

Дементьев Г. П., Карташев Н. И., Келейников А. А. О стенных изображениях в мавзолее Тауруз-Султан (Северо-Восточная Туркмения).—Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.

Денике Б. П. Искусство Средней Азии, М., 1927, илл. (Художественная культура Востока СССР. Под общ. ред. И. Н. Бороздина).

Денике Б. П. Прикладное искусство Средней Азии.—В кн.: Художественная культура Советского Востока, М.—Л., 1931, илл.

Денике Б. П. Архитектурный арнамент Средней Азии, М.—Л., 1939, илл.

Джумаев О. М. Краткий очерк истории орошаемого земледелия в Туркменистане, Ашхабад, 1949. (Туркм. филиал АН СССР. Ботанико-растениеводческий ин-т).

Джумаев О. М. К истории орошаемого земледелия в Туркменистане, Ашхабад, 1951.

Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря, СПб., 1875 (Прил. 1-е к т. XXIV Записок Акад. наук).

Дройзен И. Т. История эллинизма. Перев. с франц. М. Щелгунова и Э. Циммермана. Дополн. изд. под ред. А. Буше-Леклерка, т. I—III, М., 1890—1893.

Дружинин Н. М. В страну туркмен и узбеков, Л., Изд-во Брокгауз Ефрон, 1927.

Дряницын. Заметки по колонизации Туркмении.—Вопросы колонизации, 1903, № 19.

Дудин С. М. — Ковровые изделия Средней Азии. — Сб. Музея антропологии и этнографии, т. VII, 1928.

Дурдыев Д. Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1954.

Дурдыев Д. Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР.—В кн.: Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН Туркм. ССР, II, Ашхабад, 1956 (АН Туркм. ССР).

Дьяконов М. М. О дате данденаканской мечети.—Кратк. сообщ. Ин-та истор. матер. культуры, XXIII, 1948.

Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. и Массон М. Е. Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы.—Материалы ЮТАКЭ, вып. 2, АН СССР, М.—Л., 1951.

Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. Документы из Древней Нисы (Дешифровка и анализ).—Материалы ЮТАКЭ, вып. 2, М.—Л., 1951.

Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. и Лившиц В. А. Парфянский архив из древней Нисы.—Вестник древней истории, 1953, № 4.

Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. Новые находки парфянских документов.—Изв. АН Туркм. ССР, 1953, № 6,

Дьяконов И. М., Лившиц В. А. О языке документов из древней Нисы.—Вестник древней истории, 1956, № 4.

Е. К. Путешествия Муравьева, Мейендорфа, Конолли и Борнса — Библиотека для чтения, т. VI, отд. 3, 1834.

Ермолаев М. Н. Пропуск вод Аму-Дарьи в Мервский и Теджекский оазисы, СПб., 1908.

Ершов С. Обзор работ по археологическому изучению Туркмении до создания секции археологии Туркменкульта.—Туркменоведение, 1931, № 1, 2.

Ершов С. Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи.—Вестник древней истории, 1941, № 1, илл.

Ершов С. А. Археология в ТССР за 20 лет.—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1944, № 2, 3.

Ершов С. А. Краткие итоги археологических исследований в Ташаузской области ТССР (по материалам археологических экспедиций 1939—1941 гг.).—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1946, № 2.

Ершов С. А. Данденакан (археологическая разведка у Ташрабата в 1942 г.).—Кратк. сообщ. Ин-та истор. матер. культуры, XV, 1947, илл.

Ершов С. А. Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 г.—Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

Ершов С. А. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1951, № 3, илл.

Ершов С. А. Холм Яссы-Тепе 2.—Изв. АН Туркм. ССР, 1952, № 6.

Ершов С. А. Полевой отчет о раскопочных работах отряда № 1 ЮТАКЭ на крепости Старая Ниса в 1947 г.—Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Ершов С. А. Холм Чопан-Тепе (Отчет о стратиграфическом изучении холма в 1953 г.).—В кн.: Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН Туркм. ССР, II, Ашхабад, 1956.

Ершов С. А. Северный холм Анау (Отчет о стратиграфической шурфовке холма в 1953 г.).—В кн.: Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН Туркм. ССР, II, Ашхабад, 1956.

Желябужский Е. Очерки и завоевание Хивы, М., 1875.

Жирмунский В. М. Следы огузов в низовьях Сыр-Дарьи—Тюркологический сборник, I, 1951.

Жуков В. Д. Последний хорезмшах (Из истории борьбы Джелаледдина Менгуберти с монголами), Ташкент, 1944.

Жуков В. Д. Изучение пригорода Нисы в 1946 году.—В кн.: Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, илл.

Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. Древности Закаспийского края, СПб., 1894, илл. (Материалы по археологии России, вып. 16).

Жуковский В. Мухаммед Хасан-хан (И'тимад-ас-Сальтане).—Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. X, (1896), 1897.

Жуковский В. А. К истории старца Абу-Саида.—Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. III, вып. II, СПб., 1900.

Завьялов В. В. Исторический обзор путешествий в Бухарию. Уфа, 1854.

Залесов Н. Посольство в Хиву и Бухару капитана Никифорова в 1841 г.—Военный сборник, т. XXII, 1861.

Залесов Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 году.—Военный сборник, 1866, № 5.

Залесов Н. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г.—Русский вестник, 1871, № 2, 3.

Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии. II. Мавзолей султана Санджара в Старом Мерве.—Вопросы реставрации, сб. 2, М., 1928, илл.

Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии, М., 1948, илл.

Захарьин И. Н. Хива (Зимний поход в Хиву Перовского. Первое посольство в Хиву), СПб., 1898.

Заходер Б. Н. Иран при сасанидах.—Исторический журнал, 1938, № 12.

Заходер Б. Н. Империя Тимура.—Исторический журнал, 1941, № 6.

Заходер Б. Н. Мухамед Нахшаби. К истории карматского движения в Средней Азии в X в.—Ученые записки Моск. ордена Ленина гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, вып. 41, история, М., 1941.

Заходер Б. Н. Денданакан.—Исторический журнал, 1943, № 3, 4.

Заходер Б. Н. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток), М., 1944.

Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства сельджуков.—Вопросы истории, 1945, № 5, 6.

Зимин Л. А. Старый Фараб.—Протоколы заседаний и сообщения членов Закасп. кружка любит. археол. и истор. Востока, вып. 3 (1917), илл.

Зрячкин С. Летопись важнейших революционных событий 1917 г. в Средней Азии (март — декабрь).—Историк-марксист, 1941, № 4 (92).

Ибн Сина. Материалы научной сессии Акад. наук УзССР, посвященной 1000-летнему юбилею Ибн Сины, Ташкент, 1953.

Иванин М. И. Хива и река Аму-Дарья, с картой и рисунками, СПб., 1873, карта.

Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане, СПб., 1876.

Иванов М. С. Очерк истории Ирана, М., 1952 (АН СССР, Ин-т востоковедения).

Иванов П. П. Хивинская экспедиция 1839—1840 гг., СПб., 1873.

Иванов П. П. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии.—Изв. АН СССР, отд. обществ. наук, 1935, № 8.

Иванов П. П. Очерк истории каракалпаков.—В кн.: Материалы по истории каракалпаков, М.—Л., 1935 (Труды Ин-та востоковедения. т. VII).

Иванов П. П. «Удельные земли» Сеид-Мухаммед-хана хивинского (1856—1865).—Зап. Ин-та востоковедения, т. VI, 1937.

Ивановский А. А. Туркмены и турки по краниологическим исследованиям.—Изв. Общ. любит. естеств., антропол. и этногр. при Моск. ун-те, т. LXXI, вып. 3, 1891.

Из истории Атекского района Тедженского уезда.—Протоколы заседаний и сообщения членов Закасп. кружка любит. археол. и истор. Востока, вып. 3, 1917.

Иллерицкий В. Экспедиция князя Черкасского в Хиву (1716—1717 гг.).—Исторический журнал, 1940, № 7.

Иллюстрированный путеводитель по Средне-Азиатской железной дороге от станции Красноводск до ст. Ташкент, Андижан, Скобелев. Кушка и Бухара, Асхабад, 1912.

Иностранцев К. А. Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в сасанидской Персии.—Зап. Вост. отд. имп. Русск. археол. общ., т. XVI, 1906.

Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках.—Журнал Мин. народн. просв. Нов. серия, XX, № 3, 1909.

Иностранцев К. А. Сасанидские этюды, СПб., 1909.

Иностранцев К. А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса.—Журнал Мин. народн. просв., XXXI, № 2, 1911.

Иностранцев К. А. Коркуд в истории и легенде.—Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XX, 1912.

Иностранцев К. А. К истории домусульманской культуры Средней Азии.—Зап. Вост. отдел. имп. Русск. археол. общ., т. XXIV, Пг., 1917.

Иомудский Карашхан-Оглы. Очерки туркменского быта.—Туркменоведение, 1928, № 9.

Иомудский Карашхан-Оглы. Бытовые особенности туркмен Туркменской ССР, а равно кавказских и зарубежных туркмен, их племенные и родовые деления.—Изв. Средазкомстариса, т. III, 1928.

Иомудский Карашхан-Оглы. Сердар (Этнографический этюд). Туркмены-теке, Ташкент, 1923.

Иомудский Н. Н. Присяга у закаспийских туркмен. — Сб. в честь 70-летия Н. Г. Потанина, СПб., 1909 (Зап. Русск. Геогр. общ., по отд. этногр., т. XXXIV).

Иомудский Н. Н. Основание и план работ по собиранию материалов по обычному праву туркмен Закаспийской области и сведению его в сборник.—Средняя Азия, Ташкент, № 5, 1910.

Иомудский Н. Н. Местный суд в Закаспийской области (народный суд). Историко-критический очерк, Ташкент, 1922.

Иомудский Н. Н. Из народного предания туркмен. О родословной туркмен-иомудов.—В кн.: В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1927.

Кадыгроб, Чемарин, Дмитриев, Коровин, Дурмантьев, Андрюшенко. Рабочие маевки в царском Туркестане. Из первомайских воспоминаний в Туркмении. — Туркменская искра, № 95, 1927.

Кадырова Т. Абу-л-Аббас- Абадаллах ибн Тахир и его время. (Автореферат кандидатской диссертации), Л., 1949.

Кадырова. Восстание крестьян во главе с Хамзой ал-Хараджи на грани VIII—IX вв.—Изв. АН УзССР, Ташкент, 1953, № 6.

Каримов У. И. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн», Ташкент, 1957.

Карлы Д. И. «Сборник летописей» Рашид-ад-дина о Южном Туркменистане, т. III (XIII—XIV вв.). — Ученые записки Туркм. гос. ун-та им. А. М. Горького, вып. 3, Ашхабад, 1955.

Карлы Д. И. Героическая борьба народов Туркменистана против монгольских захватчиков. — Ученые записки Туркм. гос. ун-та им. А. М. Горького, вып. 8, Ашхабад, 1956.

Карпов Г. И. Племенной и родовой состав туркмен, Полторацк, 1925.

Карпов Г. И. Туркмены (Материалы к истории туркменских племен.).—Туркменоведение, 1927, № 4.

Карпов Г. И. Родословная туркмен.—Туркменоведение, 1928, № 12, 1929, № 1.

Карпов Г. И. Туркмения и туркмены (Историко-этнографический очерк).—Туркменоведение, 1929, № 10, 11.

Карпов Г. И. «Тамга» (Родовые знаки у туркмен).—Туркменоведение, 1929, № 8, 9.

Карпов Г. И. Туркменские рассказы, предания, легенды, сказки, пословицы и поговорки, Ашхабад, 1929.

Карпов Г. И. и Арбеков П. Б. Салыры (салоры).—Туркменоведение, 1930, № 6.

Карпов Г. И. Туркменское племя салыр. — Туркменоведение, 1930, № 8, 9.

Карпов Г. И. и Батцер Д. М. Хивинские туркмены и конец кунгратской династии (Материалы по истории туркмен), Ашхабад, 1930.

Карпов Г. И. Туркменское племя иомут.—Туркменоведение, 1930.

Карпов Г. «Калым» и его социальные корни.—Туркменоведение, 1930, № 2, 3.

Карпов Г. И. Иомуды.—Туркменоведение, 1931, № 7—9.

Карпов Г. И. К истории восстания 1916 г. в Туркмении.—За социалистическую Туркмению, Ашхабад, 1932, № 5—7.

Карпов Г. И. Восстание тедженских туркмен в 1916 (к изучению истории крестьянских восстаний в бывшей царской колонии). Ашхабад, Туркменгосиздат, 1935.

Карпов Г. И. и Лебедев Н. Ф. Творчество народов Туркменистана. Сост., пер. и примеч. Г. И. Карпова и Н. Ф. Лебедева, М., 1936, илл.

Карпов Г. И. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа, Ашхабад, 1940.

Карпов Г. И. Изучение этнографии в Туркмении.—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1944, № 2, 3.

Карпов Г. И. Туркмены-огузы (Материалы по этногенезу туркменского народа).—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 1.

Карпов Г. И. Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану.—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 3, 4.

Карпов Г. И. Родовые тамги у туркмен.—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 3, 4.

Карпов Г. И., Башкиров Д. В. Вакфы и силах су. К вопросу об образовании церковных земель в Туркмении.—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 5, 6.

Карпов Г. И. К истории туркмен-сарыков, Ашхабад, 1945.

Карпов Г. И. О туркменах эсенхановского юрта. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1946, № 3, 4.

Карпов Г. И. Этнографическая работа в Туркмении. — Советская этнография, 1946, № 1.

Карпов Г. И. К истории туркмен алиэли (ала-эль). — Советская этнография, 1947, № 3.

Карпов Н. Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куня-Ургенча.—Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. VIII (1893—1894).

Карпыч В. От февраля к октябрю в Туркмении.—Туркменоведение, Ашхабад, 1927, № 10, 11.

Каррыев А. Борьба туркмен против агрессии иранских шахов (Из истории Туркмении).—Совет эдебияты (Советская литература), Ашхабад, 1949, № 10, 11. (На туркм. яз.).

Каррыев А. Исторические корни дружбы русского и туркменского народа, Ашхабад, 1950, Общ., по распростр. полит. и научн. знаний Туркм. ССР. (На туркм. яз.).

Каррыев А. Сношения туркмен с Россией до 80-х годов XIX века. Тезисы доклада на юбилейной сессии (Туркм. филиал АН СССР), посвященной 25-летию Туркменской социалистической республики, Ашхабад, 1950.

Каррыев А. Вхождение Мургабского оазиса в состав Российской империи.—Изв. Турк. филиала АН СССР, 1951, № 3.

Каррыев А. Величайшее прогрессивное значение присоединения Туркмении к России.—Коммунист Туркменистана, Ашхабад, 1953, № 1.

Каррыев А. Присоединение Туркменистана к России и его прогрессивное значение.—Совет Туркменистаны, № 208, 1954.

Каррыев А. Присоединение Туркменистана к России и его прогрессивное значение. Ашхабад, 1956, Общ. по распростр. полит. и научн. знаний Туркм. ССР. (На туркм. яз.).

Каррыев А. и Росляков А. А. Краткий очерк истории Туркменистана (От присоединения к России до Великой Октябрьской социалистической революции, 1868—1917 гг.), Ашхабад, 1956.

Каррыев Б. А. Древняя туркменская литература. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1944, № 1.

Каррыев Б. А. Рукописные источники Сейди. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 1.

Каррыев Б. А. Рукописи по творчеству Махтум Кули. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 5, 6.

Каррыев Б. А. Махтум Кули и народное творчество. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, № 4, 5.

Каррыев Б. А. О биографии Махтум Кули.—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1950, № 2.

Катанов Н. Этнографический обзор турецко-татарских племен, Казань, 1894.

К. В. Хива и Россия (К истории восстания хивинских туркмен в 1916 г. Документы).—Туркменоведение, 1929, № 6.

Кесь А. С. Русло Узбоя и его генезис.—Труды Ин-та географии АН СССР, вып. 30, 1939.

Кикнадзе Р. К. Города и городская жизнь в государстве Хулагуидов (Автореферат кандидатской диссертации), Тбилиси, 1956.

Киров К. Революционное движение в частях Туркестанского военного округа в 1905 г.—Бюллетень Среднеаз. гос. ун-та, 1945, № 23.

Кляшторный Г. С. Яксарт—Сыр-Дарья.—Советская этнография, 1953, № 3.

Кобекко Д. Старорусское известие о Мерве.—Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. III, в. 1, 2 (1888), 1889.

Кобранов Е. А. Историческое и культурное значение Анау, Ашхабад, 1927.

Ковалев П. А. Восстание 1916 года в Средней Азии и русская буржуазия. — Труды Среднеаз. гос. ун-та, вып. 45, гумманитарные науки, кн. 5, 1953.

Ковалевский А. П. Новооткрытый текст Ибн-Фадлана.—Вестник древней истории, 1938, № 1 (2).

Ковалевский С. А. Пути Дженкинсона в 1558 г. от Мангуслов до Узбоя и по нему.—Изв. Всесоюзн. Геогр. общ., т. XXXXII, вып. 6, 1940.

Кодинец С. Неудавшаяся экспедиция (Посвящаю гг. офицерам Темир-хан-Шуринского резервного батальона). — Исторический вестник, 1900, апрель.

Козлов Т. С. Зачатки большевизма в революционном движении (1904—1916 гг.), к 30-летию 1-го съезда РСДРП, Ашхабад, 1928.

Козлов Т. С. События 1905 г. в Закаспии (Историческая справка). — Туркменоведение, 1930, № 12.

Козлов Т. С. Ноябрьская забастовка (Эпизод из революционного движения 1905 г. в Закаспии).—Туркменоведение, 1931, № 5, 6.

Козлов Т. С. Восстание Ашхабадского гарнизона (к 25-летию восстания). — Туркменоведение, 1931, № 7—9.

Козлов Т. С. Февраль в Туркмении.—За социалистическую Туркмению. Ежемесячник Ин-та туркм. культуры при СНК ТССР, Ашхабад, 1932, № 1, 2.

Козьмин Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме, Москва — Иркутск, 1934.

Комаров А. В. Закаспийская область в археологическом отношении. — Туркестанские ведомости, 1883, № 24, 25.

Кононов В. Н. Технологическое обследование ткани из раскопок городища Новая Ниса 1946 года.—В кн.: Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, илл.

Коншин А. М. Разъяснение вопроса о древнем течении Аму-Дарьи.—Зап. Русск. Геогр. общ., по общей геогр., т. XXXIII, № 1, 1898.

Коробков Н. Старый Мерв и проблемы ирригации. — Советское краеведение, 1935, № 1, илл.

Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, СПб., 1871.

Костин Г. Из жизни кочевий Мервского округа.—Туркменоведение, 1927, № 4.

Костин Г. Куня-Ургенч.—Туркменоведение, 1928, № 10, 11.

Котляр П. Как производились выборы в Туркестане в местное управление и в Государственную думу, Ташкент, 1927.

Красная летопись Туркестана (Истпарт ЦК КПТ), Изд. Тургиза, Ташкент, 1923, № 1, 2.

Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии. — Эпиграфика Востока, III, 1949.

Крачковская В. А. Эволюция куфического шрифта в Средней Азии.—Кратк. сообщ. Ин-та истор. культуры, вып. 28, 1948.

Крачковская В. А. Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказьи до IX в. — Эпиграфика Востока, VI, 1952.

Крачковский И. Ю. Арабские географы и путешественники. — Изв. Гос. Геогр. общ., т. LXIX, вып. 5, 1937.

Крачковский И. Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии. — Избранные сочинения, т. I, М.—Л., 1955.

Кревских Е. Г. Возникновение Советов в Туркменистане в 1905—1907 гг.—В кн.: К пятидесятилетию первой русской революции 1905—1907 гг. Труды Туркм. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, II, Туркменгосиздат, Ашхабад, 1956.

Крыльцов И. И. Государственное управление и суд в Средне-Азиатских ханствах накануне завоевания Туркестана царской Россией. — Ученые записки Свердл. юридич. ин-та, т. II, 1947.

Крымский А. Е. История Персии ея литературы и дервишеской теософии, М., 1909—1917; т. I, № 1, 1909; т. I, № 2, 1914; т. I, № 4, 1915; т. II, 1912; т. III, № 1, 2, 1914—1917.

Крымскіі А. Історія Персіі та ii письменства, Кіів, 1923.

Кузнецов Ю. С. Забастовочное движение на острове Челекене в 1913—1915 годах. — В кн.: Труды Туркм. филиала Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС, т. I, Туркменгосиздат, Ашхабад, 1955.

Кузнецов Ю. Начало революционного движения в Туркменистане. К 50-летию первой русской революции 1905—1907 гг.—Туркменская искра, 1955, 18 февраля.

Кузнецов Ю. С. Начало революционного подъема в Туркменистане в январе — мае 1905 г. — В кн.: К пятидесятилетию первой русской революции 1905—1907 гг. — Труды Туркм. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, т. II, Туркменгосиздат, Ашхабад, 1956.

Культура и искусство народов Средней Азии (VI в. до н. э.—середина XIX в.) под ред. А. Ю. Якубовского, Государственный Эрмитаж, М, 1952.

Курбанов А. А. Туркменские конфессиональные школы в б. Закаспийской области.—Труды филологич. фак-та Ашх. гос. пед. ин-та им. А. М. Горького, 1947, № 2.

Курбанов Л. и Карпов Г. И. Прошлое и настоящее туркменского народа, Ашхабад, 1942.

Куропаткин А. Туркмения и туркмены, СПб., 1879, Отт. из Военного сборника, 1879, № 9, 10.

Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880—1881 гг.), с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 год. С картами, планами, портретами и рисунками, СПб., 1899.

Куфтин Б. А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». — Изв. АН Туркм. ССР, 1954, № 1.

Куфтин Б. А. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных• оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. — Труды ЮТАКЭ, т VII, Ашхабад, 1956.

Кушева Е. Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х годах XIX века. — Исторический сборник, т. III, Л., АН СССР, 1934.

Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии (С древних времен до второй половины XIX в.), М., 1950, илл.

Латкин Н. Закаспийская область. 1. Восточный берег Каспийского моря и туркмены.—В кн.: Живописная Россия, т. X, 1885.

Левина В. А. Стена и башня «Старой Нисы». Археологическое вскрытие 1946 г. — Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

Левина В. А. Жилище туркмен эрсари Керкинского района. — Изв. АН Туркм. ССР, 1952, № 3.

Левина В. А. Позднее городище Анау. — Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953.

Левина В. А. Жилище Анау. — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Левина В. А. Архитектура али-элинцев. — Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953.

Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища.—Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953.

Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870.

Лерх П. И. Монеты Бухар-худатов. — Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XVIII, 1875—1909.

Лессар П. М. О распределении вод Келята и Дерегеза между этими ханствами и Атеком. Восточный берег Теджена у Серахса и южнее его.—Сборник геогр., топогр. и статист. материалов по Азии, вып. 6, 1883.

Лессар П. М. Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882 г.—Сборн. геогр., топогр. и статист. материалов по Азии, вып. 4, 1883.

Лессар П. М. Пески Кара-Кумов. — Зап. импер. Русск. Геогр. общ., вып. I, 63, 1884.

Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения. Земли сарыков и салоров. СПб., 1885.

Ливкин Д. Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря, СПб., 1902.

Литвинский Б. А. К истории добычи полезных ископаемых на Челекене (до русского завоевания). — В кн.: Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949.

Литвинский Б. А. и Мошкова В. Г. Изучение Така-Языра, Дуруна (Итоги работ V отряда ЮТАКЭ за 1946 г.).—В кн.: Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, илл.

Литвинский Б. А. Средневековые поселения области Нисы (севернее Копет-Дага) в IX—XV вв. (Автореферат кандидатской диссертации), Ташкент, 1951.

Литвинский Б. А. Намазга-тепе (По данным раскопок 1949—1950 гг.). — Советская этнография, 1952, № 4.

Литвинский Б. А. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии.—Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, 1953, № 4.

Литвинский Б. А. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Лобачевский В. Хивинский район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа, Ташкент, 1912.

Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и военно-дипломатическом отношении. Дополнительные материалы из истории Хивинского похода 1873 г., СПб., 1900.

Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки, т. I—III, СПб., 1909.

Ломакин А. Осмотр развалин древнего города Мешед-и-Местериан. (Извлеч. из донесений ген. Ломакина). — Изв. Кавк. отд. Русск. Геогр. общ., т. IV, 1875—1877.

Ломакин А. Обычное право туркмен (адат), Ашхабад, 1897.

Ломоносов А. Путешествие капитана Нэпира к Туркмено-персидской границе.—Изв. Русск. Геогр. общ., т. XIII, 1877, отд. 2 (Географические известия).

Лукашевич Г. Материалы Московского архива внешней политики по истории национально-классовой борьбы в Средней Азии и на Кавказе. Обзор. — Революционный Восток, 1933, № 3, 4 (19—20).

Лыкошин Н. С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. — Средне-Азиатский вестник, 1896, № 7, 9.

Лэн-Пуль-Стэнли. Мусульманские династии, хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перев. с англ. с прим. и дополн. В. Бартольд., СПб., 1899.

Маев Н. Сношения России с Средней Азией при Петре Великом.—Туркестанские ведомости, 1872, № 39.

Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы, М., 1875.

Максимович Ф. К. Восстание номудов и гекленов под руководством Юсуфа Кашгарского в 1813 г. — Ученые записки Туркм. гос.-ун-та им. А. М. Горького, вып. 3, Ашхабад, 1955.

Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских, СПб., 1890.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.

Мальков В. Материалы по истории революционного движения в Туркестане в 1905 году. — Коммунист, Изд. ЦК КП(б)Т, Ташкент, 1922, № 7, 8.

Манелис В. Л. К вопросу о характере государственного строя средне-азиатских ханств в XIX в.—В кн.: Акад. наук УзССР. Тезисы научных докладов на сессии 9—14 июня 1947 г., Ташкент, 1947.

Манукян М. А. Исторические вехи породообразования в овцеводстве Туркмении. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 3, 4.

Марков А. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа, СПб., 1896.

Марков Г. А. К вопросу о формировании туркмен Хорезмского оазиса. — Советская этнография, 1953, № 4.

Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии. С изменениями и дополнениями автора. Перевод К. Ф. Таубе, СПб., 1880.

Марущенко А. А. Развалины святилищ огня (Памятник домусульманской эпохи Баба-Дурмаз). — Туркменоведение, 1930, № 11.

Марущенко А. Существенные поправки (Материалы к исторической географии Туркменистана). — Туркменоведение, 1930, № 12.

Марущенко А. А. У истоков культуры, следы протонеолитических культур в Кара-Кумах. — Туркменоведение, 1931, № 7—9.

Марущенко А. Археологические открытия последных лет в Туркменистане. — Изв. Туркм. гос. научн-исслед. ин-та, 1935, № 1.

Марущенко А. А. Итоги полевых археологических работ 1953 года Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. — В кн.: Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН ТССР, II, Ашхабад, 1956.

Марущенко А. А. Хосров-кала (отчет о раскопках 1953 г.).— В кн.: Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН Туркм. ССР, II, Ашхабад, 1956.

Марущенко А. А. Старый Серахс (отчёт о раскопках 1953 г.).— В кн.: Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН Туркм. ССР, II, Ашхабад, 1956.

Масальский В. Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее, СПб., 1892.

Масальский В. И. Туркестанский край, СПб., 1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В. И. Семенова-Тян-Шаньского, т. XIX).

Маслов А. Завоевание Ахал-Теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева (1880—1881), СПб., 1882.

Массон В. М. Хумы Низы—Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951.

Массон В. М. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. (Из работ ЮТАКЭ 1951 г.). — Изв. АН Туркм. ССР, 1952, № 6.

Массон В. М. Древняя культура Дахистана. Историко-археологические очерки (Автореферат кандидатской диссертации), М.—Л., 1954.

Массон В. М. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. — Изв. АН Туркм. ССР, 1954, № 2.

Массон В. М. Древнемаргианское поселение Яз-Депе. — Изв. АН Туркм. ССР, 1955, № 3.

Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. — Вестник древней истории, 1956, № 4.

Массон В. М. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. — Изв. АН Туркм. ССР, 1956, № 2.

Массон В. М. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа). — Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. — Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. — Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

Массон В. М. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. — Вестник древней истории, 1957, № 1.

Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г. — Изв. Средазкомстариса, вып. 3, 1928.

Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928—1929 гг. — Научная мысль, вып. 1, 1930.

Массон М. Е. Силуэты Сумбарского района (Историко-археологический очерк. — Туркменоведение, 1931, № 3, 4.

Массон М. Е. Размыв берегов Аму-Дарьи и археологические памятники правобережного Хорезма. — Социалистическая наука и техника, 1936, № 5.

Массон М. Е. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда Bombix mori. — «Белек» С. Е. Малову. Сб. статей, Фрунзе, 1946.

Массон М. Е. О происхождении некоторых каменных намогильников Южного Туркменистана. — В кн.: Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949.

Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 год. — Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

Массон М. Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 г. — В кн.: Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949.

Массон М. Е. К периодизации истории Туркменистана. Тезисы докладов на юбилейной сессии, посвященной 25-летию Туркменской ССР, Ашхабад, 1950.

Массон М. Е. Некоторые новые данные по истории Парфии. — Вестник древней истории, 1950, № 3.

Массон М. Е. Новое в истории Мерва по данным работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 1944—1950 годов. — Тезисы докладов на сессии Отделения истор. и фил. и пленума Ин-та истор. матер. культуры, посвященной итогам археол. исследований 1946—1950 гг., М., 1951.

Массон М. Е. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана.— Изв. АН СССР, 1951, № 1.

Массон М. Е. О северо-восточных пределах парфянского государства. — Крат. сообщ. Ин-та истор. матер. культуры, вып. XXXVIII, М., 1951.

Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики.—Труды Средаз. гос. ун-та, нов. серия, вып. 23 (Гуманитарные науки), кн. 4, история, Ташкент, 1951.

Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва (Из работ ЮТАКЭ). — Вестник древней истории, 1951, № 4.

Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г.—Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951.

Массон М. Е. Итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Туркменистана. — Тезисы докладов первой сессии АН Туркм. ССР, Ашхабад, 1951.

Массон М. Е. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса. — Материалы ЮТАКЭ, вып. 2, М.—Л., 1951.

Массон М. Е. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Туркменистана. — Изв. АН Туркм. ССР, 1951, № 1.

Массон М. Е. О датировке так называемого мавзолея Тюрябек-ханым в Куня-Ургенче. — Изв. АН Туркм. ССР, 1952, № 4.

Массон М. Е. Новые археологические данные к изучению истории Парфии. — Изв. АН Туркм. ССР, 1952, № 5.

Массон М. Е. Новые археологические данные к истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. Из работ ЮТАКЭ 1951 г. — Вестник древней истории, 1953, № 1.

Массон М. Е. Новые данные о надписях на одном из Мешхеди-Мисрианских минаретов.—Эпиграфика Востока, VII, 1953.

Массон М. Е. Намогильные кирпичи из Марыйского оазиса. — Эпиграфика Востока, VIII, 1953.

Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей из Старой Нисы. — Вестник древней истории, 1954, № 4.

Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. — Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.

Массон М. Е. Средневековый путь из Мерва на Амуль (Чарджоу). — Изв. АН Туркм. ССР, 1955, № 1.

Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства.—Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.

Массон М. Е. Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-Тепе. — Изв. АН Туркм. ССР, 1956, № 5.

Массон М. Е. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. — Изв. АН Туркм. ССР, 1956, № 2.

Массон М. Е. К истории разведения дынь в Туркменистане.—Изв. АН Туркм. ССР, 1956, № 1.

Массон М. Е. Краткий очерк изучения Средней Азии в археологическом отношении.—Труды Средаз. гос. ун-та, вып. XXXI, 1956.

Материалы по истории каракалпаков. Ин-т востоковедения АН СССР, т. VII, М.—Л., 1953.

Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии.— Советская этнография, VI—VII, 1947.

Мачнев Т. Г., Ористов О Древний Хаверан. — Туркменоведение, 1928, № 12.

Мачнев Т. Г. Исследование древнего Хаверана. — Туркменоведение, 1931, № 3.

Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюльтегина. — Зап. Вост. отд. имп. Русск. археол. общ., т. XII, 1899.

Мелькумов А. Материалы революционного движения в Туркмении 1904—1919 гг. С предисл. тов. Варейкиса. Под ред. Т. Е. Федорова, Ташкент, 1924.

Мелькумов А. Февраль в Закаспии. Из истории революционного движения в Закаспийской области.—Туркменская искра, № 58, 1927 г.

Мелькумов В. Г. Массовые политические стачки в Туркменистане осенью 1905 г. — Коммунист Туркменистана, 1955, № 8.

Мелькумов В. Г. Массовые политические стачки в Туркменистане осенью 1905 г.—В кн.: К пятидесятилетию первой русской революции 1905—1907 гг. — Труды Туркм. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, II, Туркменгосиздат, Ашхабад, 1956.

Мередов А. Социально-политические взгляды туркменского поэта-сатирика Кемине. — Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН Туркм. ССР, т. III, Ашхабад, 1957.

Мерщиев М. С. Сардоба городища Анау. — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951.

Миклашевский А. Социальные движения 1916 г. в Туркестане.— «Былое», 1924.

Миклухо-Маклай Н. Д. Рукописи Искандера Мунши в собрании Института по изучению восточных рукописей АН УзССР.—Бюллетень АН УзССР, 1945, № 4.

Миклухо-Маклай Н. Д. Труд Мухаммед-Казима и его значение для истории туркмен.—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 5, 6.

Миклухо-Маклай Н. Д. К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI веке. — Кратк. сообщ. Ин-та востоковедения, 1952, № 4.

Минаев И. Я. Путешествие Марко Поло. Изд. Русск. Геогр. общ., СПб., 1902.

Михайлов М. Некоторые сведения об отношениях русских к Хиве и туркменцам с 1715 по 1720 г. — Астраханские губернские ведомости, 1843, № 43—45 (прибавление).

Михайлов Ф. Краткие исторические данные о туркменах и их происхождении. — Закаспийское обозрение, 1903, № 229.

Михайлов Ф. Религиозные воззрения туркмен Закаспийской области.—В кн.: Сборник материалов по мусульманству, т. II, Ташкент, 1900.

Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк, Асхабад, 1900.

Михайлов Ф. А. Сказание о завоевании текинцами Ахала. — Протоколы заседаний и сообщения членов Закасп. кружка любит. археол. и истор. Востока, вып. I, (1914—1915).

Михайлов Ф. А. Древние кладбища по Сумбару и Чандырю. — Протоколы заседания и сообщения членов Закасп. кружка любит. археол. и истор. Востока, вып. 1, (1914—1915).

Морозова А. С. К вопросу о рабстве у туркмен в XIX в. — Краткие сообщ. (Ин-т этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая), VI, 1949.

Мошкова В. Г. Племенные «гёли» в туркменских коврах. — Советская этнография, 1946, № 1, илл.

Мошкова В. Г. Некоторые общие элементы в родо-племенном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. — В кн.: Материалы по археологии и этнографии Узбекистана (Труды Ин-та истор. и археол. АН УзССР), т. II, Ташкент, 1950.

Мошкова В. Г. Отчет о работе этнографической группы ЮТАКЭ в 1947 г. — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Мушкетов И. В. Туркестан, т. I, СПб., 1886; изд. 2, Пг., 1915.

Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. Перев. с нем. Н. А. Медникова, СПб., 1896.

Набиев Р. Н. VIII асрда Урта Осиёда дехконлар кузголони. Ташкент, 1942.

Навширванов З. Ш. Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге России и в Крыму. — Изв. Таврического общ. истор., археол. и этногр., т. 3, 1927.

Назаров. Из истории Хорезмской Туркмении (События 1911 г. Джунаид-хан. Переворот в Хиве). — Туркменская искра, № 18, 1924 г.

Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). — Зап. Русск. Геогр. общ., т. X, 1856.

Некрасов А. А. Надписи на надгробиях мавзолея Мазлум-Сулу в Миздахкане. — Записки коллегии востоковедов, т. V, 1930.

Несколько страниц из истории Хивы.—Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, т. II, СПб., 1873.

Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Решения сессии. Изд. АН УзССР, Ташкент, 1954.

Овезбердыев К. Туркмены Пендинского оазиса. Историко-этнографическая монография. (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1954.

Овезов Д. М. К истории селения Мурча. — Изв. АН Туркм. ССР, 1953, № 3.

Овезов Д. М. К истории племени мурчали. — Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955.

Окладников А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. — Советская археология, VI, 1940.

Окладников А. П. Древние каменные изделия с городища Новой Нисы. — Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

Окладников А. П. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. — Кратк. сообщ. Ин-та истор. матер. культуры АН СССР, вып. 28, М.—Л., 1949.

Окладников А. П. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова (Отчёт о полевых исследованиях в 1947 г.). — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Окладников А. П. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г.). — Изв. АН Туркм. ССР, 1953, № 2.

Окладников А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. — Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

Окладников А. П. Древнейшее прошлое Туркменистана (Древние охотники и собиратели в степях и пустынях Туркменистана).—Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН Туркм. ССР, т. I, Ашхабад, 1956.

Орбели И. А. Проблема сельджукского искусства. В кн.: III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады, М.—Л., Изд. АН СССР, 1939.

Орбели И. А. и Тревер К. В. Сасанидский металл, М.—Л., 1935.

Остроумов Н. Бухарские и хивинские посольства в Россию и русские посольства в Бухару и Хиву. — Туркестанские ведомости, 1907, № 86, 89, 92, 96, 99.

Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования теории скифосарматского происхождения туркменского народа на краниологических и этнологических данных. — Изв. Средазкомстариса, 1926, № 1.

Ошанин Л. В. Некоторые дополнительные данные к гипотезе *скифосарматского происхождения туркмен.* — *Изв. Средазкомстариса,* вып. 3, 1928.

Ошанин Л. В. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. — Изв. АН Туркм. ССР, 1952, № 4.

Ошанин Л. В. и Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953.

Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. в двух частях. Ч. I, М., 1953.

Павлов А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв., Ташкент, 1927. (Из работ Восточного ф-та Среднеаз. гос. ун-та).

Пантусов Н. И. Как далеко простирались сведения арабских географов вглубь Средней Азии?, Казань, 1909.

Патканьян К. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими источниками, СПб., 1863.

Певзнер С. Б. О двух арабских азбуках из раскопок в Мерве. — Эпиграфика Востока, IX, 1954.

Периханян А. Г. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. — Вестник древней истории, 1952, № 4.

Петровский Н. Ф. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений, Ташкент, 1894.

Петрушевский И. П. К истории внутреннего строя города в Средней Азии и Иране в эпоху монгольского владычества (XIII—XIV вв.). — Бюлл. АН УзССР, 1945, № 11, 12.

Петрушевский И. П. Новый персидский источник по истории монгольского нашествия. — Вопросы истории, 1946, № 11, 12.

Петрушевский И. П. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества. — Вопросы истории, 1947, № 4.

Петрушевский И. П. Городская знать в государстве Хулагуидов. — Советское востоковедение, т. V, 1948.

Петрушевский И. П. К истории института сойургала. — Советское востоковедение, т. VI, 1949.

Петрушевский И. П. Феодальное хозяйство Рашид-ад-дина. — Вопросы истории, 1951, № 4.

Петрушевский И. П. Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XV веках. — Ученые записки Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, № 179. Серия востоковедческих наук, вып. 4. История и филология стран Востока, Л., 1954.

Петрушевский И. П. Труд Сейфи, как источник по истории Восточного Хорасана. — Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.

Петрушевский И. П. Состояние сельского хозяйства в Иране в XIII — первой половине XIV в. — Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, 1956, № 195. Серия востоковедческих наук, вып. 6.

Петрушевский И. П. Движение сербедаров в Хорасане. — Ученые записки Ин-та востоковедения (АН СССР), т. XIV, М., 1956.

Пигулевская Н. В. К вопросу о податной реформе Хосроя Ануширвана. — Вестник древней истории, 1937, № 1.

Пигулевская Н. В. Анонимная сирийная хроника о времени сасанидов. — Зап. Ин-та востоковедения, т. VII, М.—Л., 1939.

Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V—VI вв. — Труды Ин-та востоковедения АН СССР, т. XXXI, М.—Л., 1940.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941.

Пигулевская Н. В. Маздакитское движение. — Изв. АН СССР, серия истор. и философ., т. I, № 4, 1944.

Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951.

Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. — Византийский временник, т. VII, 1953.

Пигулевская Н. В. Проблема распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке.— Вопросы истории, 1953, № 3.

Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956.

Пигулевская Н. В. Иран в III веке нашей эры и возникновение городов.—Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, № 195, Л., 1956.

Пилявский В. И. Архитектурное наследие Средней Азии. -- Архитектура Ленинграда, 1940, № 1, илл.

Пилявский В. И. Сырцовые сооружения древнего Мерва. — Сообщ. Ин-та истор. и теории архитектуры, № 8, 1947, илл.

Пилявский В. И. Ургенч и Миздахкан, М., 1948, илл. (Ин-т истории и теории архитектуры. Сокровища зодчества народов СССР. Под общ. ред. В. Веснина и Д. Аркина).

Пилявский В. И. Архитектура древнего Мерва. — Науч. труды Ленингр. инженерно-строит. ин-та, вып. 10, 1950, илл.

Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве. — Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.

Подрис И. Крестовый поход в Закаспии. Из истории революционного движения в Закаспии 1905—1908 годов. — Туркменская искра, № 265, 1926.

Понятовский С. Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области, СПб., 1913.

Попов А. Н. Сношение России с Хивою и Бухарою при Петре Великом.—Зап. Русск. Геогр. общ., IX, 1853.

Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии — Исторические записки, 1940, № 9.

Попович-Липовац И. Ю. Ахал-текинцы. — Русский вестник, т. 158, № 3, 1882.

Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. — Вопросы истории, 1954, № 6.

Послwoвский И. Т. Из поездки на р. Атрек и р. Гюрген (Путевой очерк).—Протоколы заседаний и сообщения членов Туркест. кружка любит. археол., V (1899—1900), прилож. к протоколу № 4, от 11 декабря 1900 г.

Поцелуевский А. Племя Нухурли (По материалам экспедиции Туркменкульта). — Туркменоведение, 1931, № 5, 6.

Прибыткова А. М. Мавзолей Талхатан-Баба. — Сообщ. Ин-та истор. и теории архитектуры, № 8, 1947, илл.

Прибыткова А. М. Мавзолей Абуль-Фазля в Серахсе. — В сб.: Архитектура республик Средней Азии, М., 1951, илл.

Прибыткова А. М. Памятники архитектуры XI века в Туркмении, М., 1955.

Птицын Г. В. К вопросу о географии Шах-намэ. — Труды Отд. Вост. Эмитажа, т. IV, Л., 1947.

Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. — Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы. — В кн.: Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, илл.

Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения «шатровых» мавзолеев Хорасана. — В кн: Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, илл.

Пугаченкова Г. А. Архитектура среднеазиатской античности.— Вестник древней истории, 1951, № 4.

Пугаченкова Г. А. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы.—Изв. АН Туркм. ССР, 1952, № 1, илл.

Пугаченкова Г. А. Конструктивные элементы мавзолея Санджара. (Из работ ЮТАКЭ).—Изв. АН Туркм. ССР, 1952, № 2, илл.

Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости Южного Туркменистана. — Вестник древней истории, 1952, № 2.

Пугаченкова Г. А. Реконструкция «квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы. — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Пугаченкова Г. А. Храм и некрополь в парфянской Нисе. — Вестник древней истории, 1953, № 2.

Пугаченкова Г. А. Буддийская кумирня в Мерве. — Кратк. сообщ. Ин-та истор. матер. культуры, IX, 1954.

Пугаченкова Г. А. — Хароба-кошук. — Изв. АН Туркм. ССР, 1954, № 3.

Пугаченкова Г. А. Ханака в Мехне. — Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.

Пугаченкова Г. А. Некоторые архитектурные памятники левобережья Аму-Дарьи. — Изв. АН Туркм. ССР, 1955, № 4.

Пугаченкова Г. А. Основные черты средневекового архитектурного наследия Южного Туркменистана (V—VI вв.).—Изв. АН Туркм. ССР, 1956, № 3.

Пугаченкова Г. А., Ельконич Л. Я. Очерки истории искусства Туркменистана, Ашхабад, 1956.

Пугаченкова Г. А. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои, Ташкент, 1957.

Пясковский А. В. Туркменистан в период первой русской революции 1905—1907 гг., Ашхабад, 1955 (Изд-во АН Туркм. ССР).

Пясковский А. В. Об особенностях революции 1905—1907 гг. в Средней Азии. — Доклады и сообщ. Ин-та истории (АН СССР), М., 1956, вып. 9.

Пятьдесят лет первой русской революции (тезисы), М., Госполитиздат, 1955.

Раскопки в Закаспийском крае.—Отчет Археол. комиссии за 1890 г., СПб., 1893, с 2 илл. — Прил: «Список снятых проф. В. А. Жуковским фотографических снимков с видов и древних памятников Старого Мерва, правого берега Мургаба, Серахса, Туса и др.».

Революция 1905—1907 гг. в национальных районах царской России. Сборник статей, М., 1949.

Рempель Л. Архитектура Хивы (путевые заметки). — Архитектура СССР, 1936, № 9, илл.

Рempель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. — Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

Рempель Л. И. Новые данные о древней скульптуре Южного Туркменистана. — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. Перев., замеч., дополн. В. В. Григорьева, СПб., 1873.

Риттер К. Иран. Пер. и доп. Н. В. Ханыкова, ч. I, СПб., 1874.

Родзевич А. М. Очерк истории Закаспийской железной дороги и ее значение для русско-среднеазиатской промышленности и торговли, СПб., 1891.

Рожкова М. В. Русские фабриканты и рынки Среднего Востока во второй четверти XIX века. — Исторические записки АН СССР, т. XXVII, 1948.

Розен В. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп Арсланом. — Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., I, 1890.

Розен В. Образчик персидского канцелярского слога VI в. гиджры. — Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., VIII, 1894.

Розен В. Р. Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана. — Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XV (1902—1903), 1904.

Романов Н. Из древней истории Туркмении. — Туркменоведение, 1927, № 2, 3.

Романов Н. И. Кто и как жил в древности на территории Туркмении (научно-популярный очерк), Ашхабад, 1928 (Ин-т Туркменской культуры).

Росляков А. А. Из истории военного искусства туркмен (организация преследования в войнах туркмен в XI—XII веках). — Труды Ашх. гос. пед. ин-та им. А. М. Горького, вып. 1, 1947.

Росляков А. А. К вопросу об этногенезе туркменского народа. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1950, № 5.

Росляков А. А. Основные черты военной системы азиатских степняков. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1951, № 2.

Росляков А. А. Первые Сельджукиды. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1951, № 3.

Росляков А. А. К вопросу о государственной организации у туркмен в средние века. — Изв. Турк. филиала АН СССР, 1951, № 1.

Росляков А. А. К вопросу о мюридизме в Туркмении. — Изв. АН Туркм. ССР, 1952, № 5.

Росляков А. А. К истории народного хозяйства Туркменистана.— Изв. АН Туркм. ССР, 1953, № 1.

Росляков А. А. Аламаны. — Советская этнография, 1955, № 1.

Росляков А. А. Туркмены и огузы. — Ученые записки Туркм. гос. ун-та им. А. М. Горького, вып. 3, Ашхабад, 1955.

Росляков А. А. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. — Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.

Росляков А. А. Революция 1905—1907 годов в Туркменистане. — Коммунист Туркменистана, 1955, №3 (на русск. и туркм. яз.).

Росляков А. А. Возникновение социал-демократических кружков и групп в Туркменистане (1903—1904 гг.). — В кн.: Труды Туркм. филиала ин-та Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС, I, Туркменгосиздат, Ашхабад, 1955.

Росляков А. А. Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России), Туркменгосиздат, Ашхабад, 1956.

Росляков А. А. Нелегальная социал-демократическая печать в Туркменистане в 1905 — 1907 гг. В кн.: К пятидесятилетию первой русской революции 1905—1907 гг. Труды Туркм. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, II, Туркменгосиздат, Ашхабад, 1956.

Росляков А. А. Большевики Туркменистана в период революции 1905 — 1907 гг. В кн.: К пятидесятилетию первой русской революции 1905 — 1907 гг. Труды Туркм. филиала ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, II, Туркменгосиздат, Ашхабад, 1956.

Росляков А. А. Революционное движение и социал-демократические организации в Туркменистане в дооктябрьский период (1900 — март 1917 гг.), Туркменгосиздат, Ашхабад, 1957.

Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в., М., 1924.

Русинов В. В. Водо-земельная община у туркмен, Ташкент, 1918.

Рыбаков И. Развалины крепости «Кюрен-Кала». — Протоколы заседаний и сообщ. членов Закасп. кружка любит. археол. и истор. Востока, вып. 2, (1915—1916), илл.

Савельев П. С. Хива за сто лет назад. — Сын отечества, ч. I, № 1, 1842.

Савельев П. С. Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву. — Географические известия, 1849, вып. 4, вып. 5.

Савицкий Г. И. Известия античных писателей о Средней Азии. Самарканд, 1941 (Труды Самарк. гос. пед. ин-та им. А. М. Горького, т. 2, вып. 4).

Савицкий Г И. Флавий Арриан как источник по истории Средней Азии, Самарканд, 1941 (Труды Самарк. гос. пед. ин-та им. А. М. Горького, т. III).

Сазонов В. М. К проекту орошения Закаспийской области, СПб., 1912.

Сакали М. А. Туркменский сказочный фольклор. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1944, № 2, 3.

Сакали М. А. Образ коня в туркменских народных сказках.—Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 3, 4.

Сакали М. А. Чудесные предметы в туркменских и русских волшебных сказках. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 5, 6.

Сакали М. А. Сюжеты туркменских сказок. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1946, № 1.

Сакали М. А. Туркменские загадки — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1946, № 3, 4.

Сакали М. А. Мотив чудесного знания в туркменских и русских сказках. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1949, № 2.

Сакали М. А. Туркменский сказочный эпос, Ашхабад, 1956.

Самойлович А. Н. Западный Туркестан со времен завоевания арабов до монгольского владычества, СПб., 1903.

Самойлович А. Н. Этнографические мелочи из дневников путешествовавшего по Туркмении. — Живая старина, 1908, № 1, отд. 1.

Самойлович А. Н. Туркменские развлечения. — Ежегодник Русского антропологического общества, III, 1908.

Самойлович А. Н. Персидское Сарғардан-текинское Сарғаздан.— Зап. Вост. отд Русск. археол. общ., XVIII (1907—1908), вып. 4, 1908.

Самойлович А. Н. Загадки закаспийских туркменов в русском переводе.—Живая старина, 1909, II, III.

Самойлович А. Н. Из туркменской старины. — Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина, СПб., 1909 (Зап. Русск. Геогр. общ. по отдел. этнографии, т. XXXIV).

Самойлович А. Н. Из туркменской старины. Мервские воспоминания. — Живая старина, 1909, IV.

Самойлович А. Н. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. — Зап. Вост. отд Русск. археол. общ., т. XIX, вып. 1, 1909.

Самойлович А. Н. Пальван-ата и грешница. — Средняя Азия, кн. VI, 1910.

Самойлович А. Н. Как Мулла Ганб спас в Бухаре музыку и поэзию. — Средняя Азия, кн. IV, 1910.

Самойлович А. Н. Указатель к песням Махтум-кули (Приложение к статье: Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе) I. — Зап. Вост. отд. Русск археол. общ., т. XIX, вып. IV, 1910.

Самойлович А. Н. Три туркменские сказки. — Кауфманский сборник, М., 1910.

Самойлович А. Н. Туркменские заговоры. — Живая старина, 1912, № 1.

Самойлович А. Н. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. — Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., XXII, вып. 1, 2, 1914.

Самойлович А. Н. Один из списков «Родословного древа туркменского» Абул Гази-хана. — Новый Восток, т. XVIII, 1927.

Самойлович А. Н. Персидский турколог XVIII в. Мирза Мехди-хан.—Изв. Общ. изучения и обследования Азербайджана, 1928, № 5.

Самойлович А. Н. Очерки по истории туркменской литературы. — В сб.: Туркмения, т. I, Л., 1929.

Самойлович А. Н. Хивинские маршруты первой половины XIX века по Каракумам. — В сб. С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-обществ. деятельности, Л., 1934.

Сарианиди В. И. К истории древнего гончарства на территории Туркменистана. — Изв. АН Туркм. ССР, 1956, № 6.

Сборник статей по истории и философии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. — Труды Ин-та истор., археол. и этногр. АН Тадж. ССР, т. XVII, Сталинабад, 1953.

Севастьянов И. Странички прошлого Туркмении и сопредельных с нею стран, Ашхабад, 1929.

Семенов А. Главные основы распределения земли и воды у туркмен Закаспийской области. — Этнографическое обозрение, 1903, № 2.

Семенов А. Туркменская песня про взятие Геок-Тепе.—Этнографическое обозрение, 1903, № 3.

Семенов А. А. Мусульманский мистик и искатель бога X—XI вв. по Р. Х. (Страничка из великого прошлого Закаспийского края), Асхабад, 1905.

Семенов А. Мечеть в Анау (близ Асхабада). — Протоколы заседаний и сообщ. Туркест. кружка любит. археол., XII (1907—1908) Прил. к протокол. № 1 от 27 февраля 1907 г.

Семенов А. Надписи на портале мечети в Мешед-и-Мисриан. — Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XVIII (1907—1908), илл.

Семенов А. А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885), Ташкент, 1909.

Семенов А. А. Развалины мечети близ селения «Аноу» в Ахал-Текинском оазисе. — Средняя Азия, кн. I, 1910, илл.

Семенов А. А. Половина лицевого изразца из Куня-Ургенча. — Протоколы заседаний и сообщ. членов Туркест. кружка любит. археол., XVIII (1912—1913), прил. к проток. № 3 от 4 марта 1913 г., илл.

Семенов А. А. Джемшиды и их страна (По джемшидской рукописи начала XX века). — Изв. Туркест. отд. Русск. Геогр. общ., т. XVI, 1923.

Семенов А. А. Некоторые данные к истории мечети в Анау. — Изв. Туркест. отд. Русск. Геогр. общ., т. XVII, 1924.

Семенов А. А. По Закаспийским развалинам. Мечеть в Анау. Неса. Мавзолей шейха Абу Са'ида в Мейхене. Мавзолей султана Санджара в Мерве. — Изв. Средазкомстариса, № 3, 1928, илл.

Семенов А. А. Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии.—Изв. Средазкомстариса, № 3, 1928.

Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929 (Труды Среднеаз. гос. ун-та, сер. II «Orientalia», вып. 1).

Семенов А. А. Древности Абивердского района. — Труды Среднеаз. гос. ун-та, сер. II, вып. 9, Ташкент, 1931.

Семенов А. А. Новая книга по истории Средней Азии. — Правда Востока от 12 апреля 1938 г.

Семенов А. А. К вопросу о происхождении слова «сельджук». — Бюллетень АН УзССР, 1946, № 3.

Семенов А. А. Письменности, существовавшие на территории Средней Азии. — Изв. Тадж. филиала АН СССР, 1946, № 12.

Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе северных городов империи Хорезм-шахов в XII в. н. э. (по актам того времени). —Изв. АН Тадж. ССР, отд. общественных наук, 1952, № 2.

Семенов А. А. К истории города Нисы в XII в. (по актам того времени). — Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.

Сессия по этногенезу Средней Азии. Тезисы докладов. — Советская этнография, Сб. VI—VII, 1947.

Силонов А. Февральская революция в Средней Азии. — Коммунистическая мысль (Ташкент), 1927.

Симонов Н. Ф. Первые маевки в Туркестане, Ташкент, Узб. филиал АН СССР, 1940.

Симонов Н. Ф. Большевистская печать в Туркестане (1902—1903), Ташкент, 1940.

Симонов Н. Ф. К вопросу о революции 1905—1907 гг. в Туркестане. — Изв. Узб. филиала АН СССР, 1941.

Синицин Л. Древние города Байрам-Али и Гяур-Кала. Развалины Султан Санджармаза. — Туркестанские ведомости, 1885, № 13.

Скляревский С. Ремонт мечети в Анау. — Туркменоведение. 1928, № 9, илл.

Скосырев П. Туркменская литература. Очерк развития, М., 1945.

Смирнов Я. И. Восточное серебро, СПб., 1909.

Соколов А. Очерки истории путешествий по Каспийскому морю до начала на нем гидрографических работ. — Морской сборник, т. XI, № 2, 1854.

Соколов А. Плавания по Каспийскому морю Генве, Ельтон и Вудруфа. — Морской сборник, 1885, № 12.

Соловьев М. М. Ученая экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста Александра Лемана, М.—Л., 1936.

Соседко А. Ф. Находка неолита в центральных Кара-Кумах в Средней Азии. — Природа, 1931, № 11.

Сталин И. В., Жданов А. А., Киров С. М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. — В кн.: К изучению истории. Сборник, М., 1936.

Старинные постройки Дая-Хатун на р. Аму-Дарье.—Археологические известия и заметки, т. V, № 1, 1897.

Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых, СПб., 1902.

Статистический Ежегодник Центрального Статистического Управления Туркестанской Республики на 1917—1928 гг., Ташкент, 1924.

Струве В. В. Аренда податей в государстве Ахеменидов. — Труды III Международного Конгресса по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939.

Струве В. В. Родина зороастризма. — Материалы по истории таджиков и Таджикистана, сб. 1, Сталинабад, 1945.

Струве В. В. Поход Дария на саков-массагетов. — Изв. АН СССР, серия истор. и философ., т. III, вып. 3, 1946.

Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I. — Вестник древней истории, 1949, № 2; Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.

Струдзюмов Н. Туркменская ССР, М., 1940.

Судаков С. А. Архитектура сельджуков в Средней Азии. — Социалистическая наука и техника, 1935, № 10.

Таиров Я. Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области, СПб., 1904.

Тарасов Ю. М. О характере движения 1916 г. в Туркмении. — Вопросы истории, 1951, № 9.

Тарн В. Эллинистическая цивилизация, М., 1949.

Тезисы докладов на Объединенной научной сессии, посвященной 50-летию Первой русской революции 1905—1907 гг. Ашхабад, 1955 (Изд-во АН Туркм. ССР).

Тейле Э. Э. Список развалин, пещер, курганов и др. памятников древности, находящихся в Закаспийской области. — Протоколы заседаний и сообщ. Закасп. кружка любит. археол. и ист. Востока, вып. 1, (1914—1915).

Тереножкин А. И. Археологические разведки в Хорезме. — Советская археология, VI, 1940, илл.

Тереножкин А. И. О древнем гончарстве в Хорезме. — Изв. Узб. филиала АН СССР, 1940, № 6, илл.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, т. 2, СПб., 1906.

Терентьев М. А. Карты и планы к истории завоевания Средней Азии, СПб., 1906.

Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935 № 9, 10.

Толстов С. П. Монеты шахов Древнего Хорезма и древне-хорезмийский алфавит. — Вестник древней истории, 1938, № 4, илл.

Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии. — Вестник древней истории, 1938, № 1 (2).

Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии. — Вестник древней истории, 1938, № 1.

Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. — Вестник древней истории, 1941, № 1, илл

Толстов С. П. К истории хорезмийских Сиявушидов (Новые данные по нумизматике древнего Хорезма). — Изв. АН СССР, серия истор. и философ., 1945, № 4, илл.

Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Акад. наук СССР 1945 г.—Изв. АН СССР, серия истор. и философ., т. III, № 1, 1946.

Толстов С. П. Хорезмийская археологическая экспедиция 1940 г.— Кратк. сообщ. ин-та истор. матер. культуры, XII, 1946.

Толстов С. П. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. — Вестник древней истории. 1946, № 1, илл.

Толстов С. П. Древний Хорезм Опыт историко-археологического исследования. — Кратк. сообщ. ин-та истор. матер. культуры, XIII, 1946, илл.

Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР. -- Изв АН СССР, серия истор. и философ., 1947, № 2, илл.

Толстов С. П. Древнехорезмийская цивилизация в свете новейших археологических открытий (1937—1945). — В кн.: Общее собрание АН СССР, 1—4 июля 1947 года, М.—Л., 1947.

Толстов С. П Города гузов Историко-этнографический очерк. — Советская этнография, 1947, № 3.

Толстов С. П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. — Советская этнография, VI—VII, 1947.

Толстов С. П. Древний Хорезм Опыт историко-археологического исследования, М., 1948, илл. (Моск. ордена Ленина гос. ун-та им. М. В. Ломоносова).

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, илл.

Толстов С. П. Бируни и его время. — Вестник АН СССР, 1949, № 4.

Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948 г. — Изв. АН СССР, серия истор. и философ., т. VI, № 3, 1949.

Толстов С. П. Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья). — Советская этнография, 1950, № 4, карта.

Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1949 г. — Изв. АН СССР, серия истор. и философ. т. VII, № 6, 1950.

Толстов С. П. Бируни и его время.—В сб.: Бируни, великий ученый средневековья. Изд. АН УзССР, Ташкент, 1950.

Толстов С. П. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951 г. — Вестник АН СССР, серия истор. и философ., 1952, № 4.

Толстов С. П. Археологические разведки по трассе Главного Туркменского канала (русло Узбой). — Кратк. сообщ. Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая, XIV, 1952, карта.

Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948). — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, т. I, М., 1952.

Толстов С. П. Археологические исследования Хорезмской экспедиции АН СССР. — Вестник АН СССР, 1953, № 8.

Толстов С. П., Кесь А. С., Жданко Т. А. История средневекового Сарыкамышского озера.—В кн.: Вопросы геоморфологии и палеографии Азии, АН СССР, 1955.

Толстов С. П. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954 гг. — Вопросы истории, 1955, № 3.

Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 году. — Советское востоковедение, 1955, № 6.

Трампп. Февральская революция в Туркестане (по материалам Центр. архива).—Туркменская искра, № 61, 1926 г.

Трампп. 1917 год в Туркестане (Хроника событий). — Коммунистическая мысль, 1927, № 3.

Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940.

Тревер К. В. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э. К вопросу о расселении народов Средней Азии в VI—V вв. до н. э. (Тезисы доклада). — Советская этнография, т. VI—VII, 1947.

Трофимов И. И. Хронологическая таблица мусульманских династий, Ташкент, 1897.

Туган-Мирза-Барановский В. А. Русские в Ахал-Теке 1879 г., СПб., 1881.

Туманович О. Туркменистан и туркмены (Материалы к изучению истории и этнографии), Ашхабад-Полторацк, 1926.

Туманский А. Рецензия на работу В. А. Жуковского «Развалины старого Мерва».—Зап. Вост. отд. Русск. Геогр. общ., IX, 1896.

Ульяницкий В. В. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв.—Чтения в Общ. истории и древностей Российских, 1888, № 3.

Умняков И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация, 1920—1928 гг., Ташкент, 1929, илл.

Умняков И. И. Абдулла-намэ Хафизи Таныша и его исследователи. — Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, Л., 1930.

Умняков И. И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха.—Вестник древней истории, 1938, № 1 (2).

Успенский В. и Беляев В. Туркменская музыка, М., 1928.

Успенский Ф. И. Движение народов из Центральной Азии в Европу, I, Турки, II, Монголы, М., 1947.

Федоров Е. 1905 год в Туркмении. — Туркменская искра, № 15, 1925.

Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии, Ташкент, 1925.

Федоров Е. 1905 год и коренное население Туркестана — Новый Восток, 1925, № 10, 11.

Федоров К. М. Закаспийская область. Ее прошлое и современное состояние, Асхабад, 1901.

Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии. — Старые годы, 1914, октябрь—декабрь; 1915, июнь, илл.

Фехнер М. Ф. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке.—Труды Гос. истор. музея, вып. XXI, М., 1952.

Филиппов С. Т. Карательная экспедиция ген. Мадритова (Очерк из истории восстания иомудов 1916—1917 гг.). — Туркменоведение, 1930, № 6, 7.

Фиолетов Н. Бухарское и Хивинское ханство и отношения их с Россией (XVI—XX вв.).—Исторический журнал, 1941, № 3.

Фитрат. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии. — Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, т. 11, № 2, 1933.

Фрай Р. К вопросу о падении Парфянского государства. — Вестник древней истории, 1956, № 4.

Фрейман А. А. Хорезмийский язык. Материалы и исследования. I. М.—Л., 1951.

Френ Х. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды. Пер. с нем., СПб., 1832.

Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. — Зап. Русск. геогр. общ., V, 1851.

Хива или географическое и статистическое описание Хивинского ханства, заимствованное из разных отечественных и иностранных писателей, М., 1840.

Хорошихин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876.

Хотинский Б. 1905 год в Туркмении. Материалы Истпарта. — Туркменская искра, № 286, 1925 г.

Хотинский Б. Двадцать лет назад. К двадцатилетию забастовки на Ср. Аз. ж. д. 27 (14) октября 1905 г.—Туркменская искра, № 238, 1925 г.

Циммерман Э. По Закаспийской железной дороге, М., 1889.

Чарыев Г. А. Из истории туркменской общественно-философской мысли в XVIII веке (Махтум Кули), Ашхабад, 1949.

Чарыев Г. А. Из истории общественной мысли туркменского народа. — Вопросы философии, 1951, № 3.

Чарыев Г. А. Из истории развития туркменской общественно-философской мысли XVIII века Махтум Кули, Ашхабад, 1951.

Чарыев Г. А. Туркменское общество во времена жизни и деятельности Махтум-Кули. — Труды Ин-та истор. археол. и этногр. АН Туркм. ССР, т. III, Ашхабад, 1957.

Черкасов П. Революционное движение в войсках Сибирского и Туркестанского военных округов. — В кн.: 1905 г. Материалы и документы. Комиссия ЦИК СССР по организации празднования двадцатилетия революции 1905 г. Истпарт. ЦК ВКП(б), ГИЗ, М., 1927.

Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв. В кн.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Л., 1932.

Чулошников А. Очерки из истории киргиз-кайсацкого народа, ч I, Оренбург, 1937.

Шаров П. Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии. — Исторические записки АН СССР, т. VIII, 1940.

Шафрановский К. И. О приоритете русских исследований Каспийского моря. — Изв. АН Туркм. ССР, 1955, № 3.

Шацкая О. И. Туркменские колядные песни в связи с бытом и религиозными верованиями. — Советская этнография, 1936, № 1.

Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России с Средней Азией до начала XIX столетия. — В кн.: Средняя Азия, Альманах, Ташкент, 1895.

Шестаков А. Восстание в Средней Азии в 1916 г., — Историк-марксист, 1931, № 2.

Шестаков А. В. 15-летие восстания в Средней Азии, М.—Л., Соцэкон. гиз., 1931.

Шихмурадов О., Чугаев А. Против проявления национализма в освещении вопросов истории. — Большевик, 1951, № 23.

Шихмурадов О. О. Революция 1905—1907 годов — первая народная революция эпохи империализма. — В кн.: К пятидесятилетию первой русской революции 1905—1907 гг. Труды Туркм. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. II, Туркменгосиздат, Ашхабад, 1956.

Штейнберг Е. Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв. — Исторические записки, вып. 33, 1950.

Штейнберг Е. Л История британской агрессии на Среднем Востоке, Воениздат, М., 1951.

Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях, Ташкент, 1893.

Эсадзе Б. С. Краткий исторический очерк наступательного движения России в Среднюю Азию с торговыми и военными целями с самого начала возникновения до Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881, б. м., б. г.

Юдин М. Л. Начало сношений с туркменским народом (Материалы для истории присоединения Закаспийской области). — Труды Оренб. учен. архивн. комиссии, XXIX, 1913.

Юрханов Ш. О. Историческая наука в Туркмении. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1944, № 2, 3.

Юрханов Ш. О. Государство Сельджукидов. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1945, № 3, 4.

Юрханов Ш. О. Экономика и культура Туркменистана в IX—X вв. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1946, № 1.

Юрханов Ш. О. Господство Омейядской династии халифата в Туркменистане. — Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1946, № 2.

Юферев В. Из истории Туркестана, Ташкент, 1911.

Юхт А. И. Восточная торговля России в 30—40-х годах XVIII века и роль в ней армянских купцов. — Изв. АН Арм. ССР, 1956, № 8.

Якубовский А. К истории сношений Петра Великого с Востоком. Поход князя Александра Бековича-Черкасского в Хиву 1714—1717 гг.— Средняя Азия, кн. I, 1910.

Якубовский А. Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака). — Сообщ Гос. Акад. истор. матер. культуры, т. II, 1929, илл.

Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан. — Записки коллегии востоковедов, т. V, 1930, илл

Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча, Л., 1930 (Изв. Гос. Акад. истор. матер. культуры, т. VI, вып 2).

Якубовский А. Ю К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. — Изв. Гос. Акад. истор. матер. культуры, т. VIII, вып. 2, 3, Л., 1931.

Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. — В кн.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Л., 1932.

Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства — В кн.: Фердовси 934—1034. Сб. статей, Л., 1934

Якубовский А. Ю. Сельджукское движение и туркмены в XI в.— Изв. АН СССР, отделение общественных наук, 1937, № 4.

Якубовский А. Ю. Время Авиценны. — Изв. отдел истор. и философ. АН СССР, 1938, № 3

Якубовский А. Ю. История Средней Азии в VII—X вв. — В кн.: История СССР. Макет, т. I, ч. III, IV, Л., 1939.

Якубовский А. Ю. Туркмены в X веке. — В кн.: История СССР с древнейших времен, Изд. АН СССР, ч. III, IV, М., 1939.

Якубовский А. Ю. Культура и искусство Средней Азии. Путеводитель по выставке, Л., 1940, илл.

Якубовский А. Ю. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и исскусства Средней Азии до XVI в. — Труды Отд. Вост. Государственного Эрмитажа, II, 1940.

Якубовский А. Ю. Тимур (опыт краткой характеристики). — Вопросы истории, 1946, № 89.

Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен. — Советская этнография, 1947, № 3.

Якубовский А. Ю. Из истории падения Золотой Орды. — Вопросы истории, 1947, № 3.

Якубовский А. Ю. Восстание Муканны и движение людей в «белых одеждах». — Советское востоковедение, V, М.—Л., 1948.

Якубовский А. Ю. Основные проблемы специфики и периодизация феодального развития Средней Азии в VII—XII вв. — Научная сессия 1948 г. (Ленингр. Гос. ордена Ленина ун-т им. Жданова). Тезисы докладов по секции востоковедения, Л., 1948.

Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века. — Кратк. сообщ. Ин-та истор. матер. культуры, XXVIII, 1949.

Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии.. — Труды Тадж. филиала АН СССР, XXIX, 1951.

Якунин А. Ф. и Кулиев О. К. Восстание 1916 г. в Средней Азии. — Вопросы истории, 1953, № 3.

Якуничева А. С. Революционное движение в Туркменистане весной 1905 года. К пятидесятилетию первой русской революции 1905—1907 гг. — Туркменская искра, 1955, 15 марта.

5. Литература на иностранных языках

Ali Riza. Cenupta türkmen oymaklari, вып. I, Istanbul, 1931—1932; вып. II, Ankara, 1933; вып. III, Ankara, 1933.

Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Bd. I. Halle, 1947.

Altheim F. und Stiehl R. Ein asiatischer Staat. Feudalismus unter den Sasaniden und ihren Nachbarn — Bildteil von E. Trautmann — Nehrig. Bd. 1, mit einem Beitrag von R. Göbl. Wiesbaden, 1954.

Altheim F. und Stiehl R. Aramäisches aus Iran. — Wissensch. Zeitschrift der Karl Marx Universität. Leipzig, Gesch.-und sprachwissenschaft. Reihe, 1955—1956. Jg. 5. Hf. 3.

Arne T. J. La steppe Turkomane et ses antiquités. — Geografiska Annaler. Sthlm., 1935.

Bahrami M. Gurgan faiences. Cairo, 1949, ill. 98, pl. ill.

Bang W. und Rachmati G. R. Die Legende von Oghuz-Qaghan. Berlin, 1932. (Sitzungsber. d. Preuss. Akad. d. Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse, Bd. 25).

Barhold W. Der heutige Stand und die nähsten Aufgaben der geschichtlichen Erforschung der Türkenvölker.—Zeitschr. der Deutsch. Morgenländ. Gesellschaft. Bd. 83, 1929.

Barthold W. XII Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. — Die Welt des Islams, t. XIV, XV, XVII. Leipzig, 1932—1934.

Books on the Orient. Publ. by E. J. Brill. Leiden, 1954.

Boulger. D. Ch. Endland and Russia in Central Asia. 2 vols. London, 1879.

Brockelmann C. Das verhältnis von Ibn al-Athir's Kamil fi-t-Tarikh zu Tabari's Ahbâr-ar-rusul wa-l-mulûk. Strassburg, 1890.

Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Literatur. Bd. 1 — 2. Weimar—Berlin, 1898—1909. Supplementbande 1—3. Leiden, 1936—1941.

Browne E. A History of Persian Literature under Tartar Domination Cambridge, 1920.

Browne E. C. A Literary History of Persia. Vol. 1—4. Cambridge, 1928—1930.

Bulsara. S. J. Laws of Ancient Persians. Bombay, 1937.

Cameron G. G. History of Early Iran. Chicago, 1936.

Central Asian Question from an Eastern Standpoint, London. 1869.

Chanikoff N. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale.— Mémoires de la Soc. de Geogr. de Paris. Paris, 1861.

Childe V. G. L'Orient préhistorique. Paris, 1935.

Childe V. G. New Light on the Most Ancient East. London, 1954.

Cohn-Wiener E. Die Ruinen der Seldschukenstadt von Merw und das Mausoleum Sultan Sandschars. — Jahrbuch der asiatischen Kunst, 1925.

Cohn-Wiener E. Turan. Berlin, 1930.

Cown D. Mc. The Comparative Stratigraphy of Early Iran.—Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilisation. Chicago, 1942, № 23.

Czaplicka M. A. The Turks of Central Asia in History and at the Present Day. An ethnological inquiry into the Pan-Turanian problem and bibliographical material relating to the early turks and the present turks of Central Asia. Oxford, 1918.

Czeglédy K. Zur Meschheder Handschriften von Ibn Fadlan's Reisebericht. — Acta Orientalia, Budapest, I, 1950—1951.

Christensen A. Le règne du roi Kawadh I et le communisme mazdakite. Kobenhague, 1925.

Christensen A. Les gestes des rois dans les traditions de l'Iran antique. Paris, 1936.

Christensen A. L'Iran sous les sasanides. Copenhague, 1944.

Dalton O. The Treasure of the Oxus with other Objekts from Ancient Persia and India. London, 1905.

Gurzon H. G. Russia in Central Asia in 1889 and Anglo—Russian Question. London, 1889.

Debevoise N. G. A Political History of Parthia. Chicago, 1938, map.

Defrémery C. Recherches sur le regne du sultan Seldjoukide Barkiarok (485—489 de l'hegérie-1092 — 1104 de l'ère chrétienne). — Journal Asiatique. V-me sér., t. I, 1853; t. II, 1853.

Deguignes. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux, t. I—IV. Paris, 1756—1758.

Dobson G. Russian Raylway Advance into Central Asia. London, 1890.

Dozy R. Essai sur l'histoire de l'islamisme, t. 1—2. Le Caire, 1908.

Diez E. Die Kunst der islamischen Völker. Berlin. 1915

Diez E. Churasanische Baudenkmäler. Bd. I. Mit einem Beitrag von Max v. Berchem. Berlin, 1918. (Arbeiten d. Kunsthistorischen Institut d. k. Universitäts. Wien. Bd. VII).

Dunlop D. M. Zeki Validi's Ibn Fadlân.—Die Welt des Orients, 1949.

Enzyklopaedie des Islam. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker. Hrsg. von M. Th. Houtsma, A. J. Wensinck und anderen. Bd. I—IV. Leiden—Leipzig, 1908—1936.

Frähn C. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älteren Zeit. St.-Petersburg, 1823.

Frähn C. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foszlan's Reiseberichte. — Mém. de l'Acad. des Sciences de St.-Petersb., sér. VI, v. I, 1832.

Fück J. Die arabischen Studien in Europa bis in den Anfang des 20. Jahrhunderts. Leipzig, 1955.

Geiger W. Ostianische Kultur im Alterthum. Erlangen, 1882. Karte.

Ghirschman R. Fouilles de Sialk près de Kashan, 1933, 1934, 1937, v. I—II. Paris, 1938—1939.

Ghirschman R. Les Chionites—Heptalites. Le Caire, 1948.

Ghirschman R. L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951.

Ghirschman R. Iran from the Earliest Times to the Islamic Conquest. London, 1954.

Ghirschman R. Le problème de la chronologie des Kouchans. — Cahiers d'histoire mondiale. Neuchatel, 1957, v. 3. № 3.

Goldziher C. I. Muhammedanische Studien. Bd. I—II. Halle, 1889—1890.

Grundriss der iranischen Philologie. Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn. Bd. I—II. Strassburg, 1895—1904.

Gutschmid A. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander des Grossen bis zum Untergange der Arsaciden. Tübingen, 1888.

Gourevitch G. Le Turkestan russe. Conference faite le 15 janvier 1892 à la Société Royale de Géographie d'Anvers.—Extrait des Bulletins de la Société Royale de Géographie. Anvers, 1892.

Hellwald F. Die Russen in Zentralasien. Eine Studie über die neuste Geographie und Geschichte Zentralasiens. Augsburg, 1873.

D'Herbelot. Bibliothèque oriental, ou dictionnaire universel... A La Haye. M. DCC. LXXVIII.

Herzfeld E. Khorasan. Denkmalsgeographische Studien zur Kulturgeschichte des Islam in Iran.—Der Islam, Berlin, 1921.

Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London, 1936.

Herzfeld E. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938.

Herzfeld E. Medisch und Partisch. Archeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin, 1934.

Herzfeld E. Iran in the Anicient East. London — New-York, 1941.

Howorth H. The Eastern Capital of the Seleucidae. — Numismatic Chronicle, 1888.

Howorth H. History of the Mongols from the 9-th to 19-th Century. Part 1—3. London, 1876—1888. P. I. The Mongols proper and the Kalmuks. 1876; P. 2. The so called Tartars of Russia and Central Asia, div, 1—2, 1880; P. 3. The Mongols of Persia, 1888.

Houtsma M. Th. Die Ghuzenstämme. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. II, Wien, 1888.

Huart C., Delaporte L. L'Iran antique. Paris, 1952.

Ilminsky N. Über die Sprache der Turkmenen. Aus einem Briefe an A. Schiefner. — Bull. de l'Acad. Imp. des Sciences de St-Pétersbourg, I, 1860.

Jones W. Histoire de Nader Chah, connu sous le nom de Thahmas Kuli Khan, de Perse, traduite d'un manuscrit persan, avec des notes chronologiques, historiques, géographiques et un traité sur la poésie orientale. London, 1770.

Jones W. The History of the Life of Nadir Shah... with an introduction and an appendix to which is added pieces relative to the French edition. London, 1773.

Justi F. Geschichte der alten Persiens. Berlin, 1879. Karten.

Justi F. Geschichte der Orientalischen Völker im Allerthum. Berlin, 1884.

Kahrstedt U. Artabanos III und seine Erben. Bern, 1950. Kart.

Klima O. «Kô cihr hac yazatân» (Ein Beitrag zur interpretation der sasaniden Inschriften). — Archiv orientální. XXIV, № 2, Praha, 1956.

Komroff M. Marco Polo. London, 1954.

Lane-Poole S. The Coins of the Turkumán Houses of Saljuk, Urtuk, Zengu etc. in the British Museum. London, 1877. (Catalogue of Oriental Coins in the British Museum, v. 3).

Laufer B. Sino-Iranica. Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran. Chicago, 1919.

Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925.

Lerch P. Khiva, seine historischen und geographischen Verhältnisse Mit einer Karte von Khiva. St.-Petersburg, 1873.

Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1905.

Mac-Gahan J. A. Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva. London, 1876.

Malcolm J. Histoire de Perse depuis les temps les plus anciens jusqu'à l'époque actuelle, suivie d'observation sur la religion, la gouvernement les usages et les moeurs des habitants de cette contrée. Paris, 1821,

Malcolm J. Geschichte von Persien von den frühesten Zeiten bis zu den neusten nach Morgenländischen Quellen. Stuttgart und Tübingen, 1830.

Marquart J. Die Chronologie der Alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.

Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen. Berlin, 1901. (Abhandl. d. k. Geselischaft d. Wissenschaften zu Göttingen. Phil-hist. Klasse, N. F., bd., III, № 2).

Marquart J. Osteuropaische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10 Jahrh. Leipzig, 1903.

Marquart J. Über das Volkstum der Komanen.—Abhandl. d. k. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Klasse, N. F., bd., XIII, 1914, № 1.

Marquart J. A Catalogue of the Provincial Capitales of Eransahr.—Analecta Orientalia, 3, Roma, 1931.

Marquart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mystischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden. 1938. Karte.

Meacin Annette M. B. In Russian Turkestan. A Garden of Asia and his People. London, 1903; London, 1915.

Melgunow G. Turkmenien und die Insel Aschurabade. — Archiv für wissensch. Kunde von Russland, bd. 24, 1865.

Minorsky V. Esquisse d'une histoire de Nader-Chah par V. Minorsky. — Publications de la Société Études Iraniennes et de l'Art Persan, № 10. Paris, 1934.

Minorsky V. A Persian Geographer of A. D. 982 on the Orography of Central Asia.—Reprint. from the Geographical Journal, vol. XC, no 3, september, 1937.

Minorsky V. Geographical Factors in Persian Art. — Bull. of the School of Oriental Studies (University of London), vol. IX, part. 3, 1938.

Minorsky V. The Turkish Dialect of the Khalaj. — Bulletin of the School of Oriental Studies (University of London), vol, X, part. 2, 1940.

Minorsky V. The Poetry of Shah Isma'il I. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies (University of London), vol. X, part. 4, 1942.

Minorsky V. Vis u Ramin. A Parthian Romance. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies (University of London), vol. XI, part. 4, 1946.

Minorsky V. Two Iranian Legends in Abu-Dulaf's Second Risalâh.—Reprinted from Archaeologica Orientalia in Menoriam Ernst Herzfeld. New-York, 1952.

Minorsky V. The Clan of the Qara-qoyunlu Rulers.—Extrait des Mélanges Fuad Köprülü, Osman Yalcin matbaasi. Istanbul, 1953.

Minorsky V. Ainallu (Inallu).—Rocznik Orientalistyczny, tom XVII. Ksiega dla uczczenia pamieci Tadeusza Kowalskiego. Krakow, 1953.

Minorsky V. Jihan-shah Qara-qoyunlu and his Poetry (Turkmenica, 9).—Bull. of the School of Orient. and African Studies (Univ of London), v. XVI, part. 2, 1954.

Minorsky V. The Aq-qoyunlu and Land Reforms (Turkmenica, 11).—Bull of the School of Orient. and African Studies (Univ. of London), v. XVII, part. 3, 1955.

Minorsky V. Thomas of Metsop' on the Timurid Turkman Wars.—From the Prezentation Volume to Prof. Muhammad Shafi. Lahore, 1955.

Minorsky V. Storia dell'Iran Islamico. — Estratto da le «Civiltá dell'Oriente», Vol. I. Roma, 1956.

Moravcsik G. Byzantinoturcica, I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkenvölker. Bucharest, 1942.

Morley W. H. A Descriptive Catalogue of the Historical Manuscripts in the Arabic and Persian Languages.—Presented in the library of the R. A. Soc. of the Great Britain and Ireland. London, 1854.

Neumann K. J. Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxus.—Hermes. Bd. 19. Berlin, 1884.

Néve F. Exposé des guerres de Tamerlan et de Schakh-Rokh dans l'Asie Occidentale, d'après la chronique arménienne de Thomas de Medzoph. Bruxelles, 1870.

Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879.

Nyberd H. S. Die Religionen des alten Iran. Leipzig, 1938.

D'Ohsson C. Histoire des Mongols depuis Tchinghiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, avec une carte de l'Asie au XIII siécle. T, 1—4. La Haye et Amsterdam, 1834—1835.

Olmstead A. T. E. History of Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1948.

Oppert G. Der Presbyter Iohannes. Berlin, 1870.

Pakravan E. Agha Mohammad Chadjar. Essai biographique. Teheran, 1953, VII carte, bibliogr.

Pearson J. D. Oriental Manuscript Collections in the Libraries of Great Britain and Ireland. London, 1954.

Pope A. and Ackerman Ph. Ed. A Survey of Persian Art, vol, I—VI. London—New-York, 1938—1939.

Prasek J. Geschichte der Medes und Perser. Gotha, 1906.

Pumpelly R., ed. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prahistoric civilisations of Anau, v. I—II. Washington, 1908.

Rabino H. L. Mazandaran and Astarabad. London, 1928. (Gibb Mem. Ser., N. S., v. VII).

Rieu Ch. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, v. I—III, London, 1879—1883.

Rieu Ch. Supplement tothe Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. London, 1895.

Reuter O. Parthian Architecture. A Survey of Persian Art. Vol. I London—New-York, 1938.

Ritter H. Zum Text von Ibn Fadlan's Reiseberichte.—Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, v. 96, 1942.

Rohrbach P. Die Russische Weltmacht in Mittel und Westasiens (Monographien zur Weltpolitik, hrsg. von R. Breitsheid und R. Zabel). Leipzig, 1904.

Roller E. Das Transkaspien-Gebiet in archäologischen Beziehung.—Petermann's Geogr. Mitteilungen. Bd. 35, 1889.

Rostovzeff M. I. Dura and the Problem of Parthian Art. New—Haven, 1935.

Rostovzeff M. I. Dura-Europos and its Art. Oxford, 1938.

Rostovzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World, vol. I—III, Oxford, 1941.

Rowlinson H. Endland and Russia in the East. A series of papers on the political and geogr. cond. of Central Asia. London, 1875.

Sachau Ed. Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm. Wien, 1873. (Sitzungsber. d. k. Akademie d. Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse, Bd. 73).

Sarre F. und Herzfeld E. Iranische Felsreliefs. Bd. 1—2. Berlin, 1910.

Sarre F. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923.

Saruw Ch. Russlands Kommerzielle Mission in Mittelasien, Leipzig, 1871.

Skrine F. H. and Ross D. Ed. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, 1899.

Spiegel F. Das Land zwischen dem Indus und Tigris. Berlin, 1863.

Spiegel F. Eranische Altertumskunde. Bd. I—II. Leipzig, 1871—1873.

Sprenger A. Die Post-und Reiserouten des Orients. Leipzig, 1864.

Sprengling M. Thrid Century Iran. Chicago, 1953.

Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937.

Sykes P. M. Historical Notes on the Khurasan. — JRAS, 1910.

Sykes P. M. A History of Persia. London, 1915.

Tarn W. W. Seleucid — Parthian Studies. — Proceedings of the British Academy, v. XV, 1930.

Tarn W. W. Alexander the Great, v. 1, 2. Cambridge, 1948—1950.

Tarn W. W. The Greeks in Baktria and India, 2 ed. Cambridge, 1951.

Vambery H. Meine Wanderungen und Erlebnisse in Persien. Pest, 1867.

Vambery H. Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machtumkuli's.—Zeitschrift der Deutsch. Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 33. H. 3, 1870.

Vambery H. Die primitive Kultur des turco-tatarischen Volker auf grundsprachlicher Forschungen. Leipzig, 1879.

Vambery H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.

Wellhausen J. Das arabische Reich und sein Sturz. Berlin, 1902.

Wolff J. Narrative of a Mission to Bokhara in the Jears 1843 — 1845 to Ascertain the Fate colonel Stoddart and capitan Cpnolly. New-York, 1845.

Wolski J. Remarques critiques sur les institutions des Arsacides.— Eos, v. XLVI. Wratislaviae, 1954.

Wurm S t. Turkic Peoples of the USSR. Their Historical Background, their Languages and the Development of Soviet. — Oxford, 1954, maps.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

До нашей эры

Около 300 000 лет — Памятники ашельского типа на территории Туркменистана

Около 100 000 лет — Памятники мустьерского типа на территории Туркменистана

8000—6000 лет — Памятники эпохи раннего неолита на территории Туркменистана

V тысячелетие — Возникновение земледельческой культуры в предгорной полосе Южного Туркменистана

V—IV тысячелетие — Памятники эпохи позднего неолита на территории Туркменистана

IV—II тысячелетие—Памятники эпохи энеолита и бронзы на территории Туркменистана (Анау I—III, Намазга I—VI)

III тысячелетие (вторая половина) — Расцвет древнеземледельческой культуры в предгорной полосе Южного Туркменистана

II тысячелетие — Распространение в Северном Туркменистане пастушеско-земледельческих тазабагъябских племен

II тысячелетие (вторая половина) — Упадок земледельческих поселений в Прикопетдагской полосе Туркменистана

Конец II — начало I тысячелетия.—Разложение первобытно-общинного строя и начало становления классового общества в Южном Туркменистане

Конец II — начало I тысячелетия — Развитие примитивных форм поливного земледелия в Хорезме

Конец II — до второй четверти I тысячелетия—Памятники эпохи раннего железа на территории Туркменистана (Анау IV, культура архаического Дахистана)

Между 550—547 гг.—Покорение персидским царем Киром Парфии и Гиркании

530 г. — Поражение и гибель персидского царя Кира в борьбе с кочевыми племенами Средней Азии

522 г. — Народное движение в Маргиане под руководством Фраада

522 г.—Восстание в Парфии и Гиркании против Ахеменидов

521 г. (март)—Сражение войск Дария I (522—486 гг.) с восставшими парфянами у поселения Вишпаузатиш

521 г. — Подавление народного движения в Маргиане ахеменидским сатрапом Бактрии — Дадаршишем
521 г. — Разгром парфян войсками Дария I у поселения Патиграбана (12 июля); восстановление в Парфии власти Ахеменидов
517 г. — Поход Дария I против сако-массагетских племен Средней Азии
IV в. — Отпадение Хорезма от империи Ахеменидов
329 г. — Поход Александра Македонского в Маргиану
315 г.—Передача Парфии по персепольскому договору правителю Бактрии и Согдианы — Стасанору
IV в. (конец)—Подчинение Парфии Селевку I (312—283 гг.)
285—283 гг. — Обследование Каспийского моря Патроклом
Между 280—261 гг. — Постройка стен Антиохии Маргианской и стен вокруг Мервского оазиса
III в. (середина) — Отделение Парфии от державы Селевкидов
III—II вв. — Расцвет древнего Хорезма и превращение его в одно из крупных государств Средней Азии
171—138 гг. — Царствование парфянского царя Митридата I; превращение Парфии во время его правления в крупную державу
II в. (30—20 гг.) — Борьба парфян с саками
129/8 г.—Гибель парфянского царя Фраата II (138—129/8 гг.)
124 г. — Поражение парфянского царя Артабана II (129/8—124 гг.) в сражении с тохарами
124—87 гг. — Правление парфянского царя Митридата II; завоевание им Сакастены, Арии и Маргианы
92 г. — Заключение союза между римским полководцем Суллой и парфянами против малоазиатского государства Понт
65 г. — Начало войны между Парфией и Римом из-за Кордуены
53 г. — Разгром парфянским полководцем из рода Сурен римской армии под командованием Красса
36 г. — Разгром парфянами римского полководца Антония
20 г. — Заключение мирного договора между Парфией и Римом

Наша эра

10 г.—Начало правления в Парфии династии «младших» Аршакидов
10/11—40 гг. — Правление парфянского царя Артабана III
35—36 гг. — Война между Парфянским государством и Римской империей
41—45 гг. — Правление парфянского царя Вардана I; борьба Вардана I с Готарзом, опиравшимся на гирканцев и дахов
51—77/8 гг.—Правление парфянского царя Вологаза I; составление при нем первой редакции Авесты
87 г. — Отправка в Китай парфянского посольства
122—162 гг. — Мир между Парфией и Римом
Конец II — начало III в. — Ослабление Парфянского государства
III в. (начало) — Распространение христианства на территории современного Туркменистана
217 г. — Разгром парфянами римской армии у Нисибии
420 г. — Образование несторианской метрополии в Мерве
221—224 гг. — Борьба Аршакидов с персами
224 г. — Падение Парфянской державы
III в. (первая четверть) — Образование Сасанидского государства
224—242 гг. Правление сасанидского царя Арташира I
III в. (вторая четверть) — Утверждение власти Сасанидов в Южном Туркменистане

III в. (середина) — Начало религиозной проповеди Мани в Иране
Около 334 г. — Упоминание о христианском епископстве в Мерве
IV в. — Вторжение гуннских племен на территорию Северного Туркменистана
IV в. (конец) — Появление хионитов на территории Северо-Восточного Туркменистана
V в. (вторая четверть) — Победа сасанидского царя Бахрам Гура (418—438 гг.) над хионитами у Кушмейхана
438—457 гг. — Правление сасанидского царя Иездегерда II. Разгром Иездегердом II хионитов в Чоле (у Балхан)
V в. (вторая половина) — Постройка в Прикаспии Иездегердом II крепости Шахристан-и Иездегерд
457—484 гг. — Правление сасанидского царя Пероза (Фируза). Борьба Пероза с хионитами-кидаритами у восточного побережья Каспийского моря
V в. (вторая половина) — Постройка Перозом оборонительной стены к северу от р. Гюрген
484 г. — Разгром хионитами армии Пероза под г. Горго
V в. (конец) — Захват хионитами Мерва
V в. (конец) — Начало деятельности Маздака
VI в. — Возникновение Тюркского Каганата в Центральной Азии
528/9 г. — Подавление маздакитского движения в Иране
531—579 гг. — Правление сасанидского шаха Хосрова I. Захват Хосровом I части современной территории Южного Туркменистана
VI в. (60-е годы) — Распад Эфталитского государства
581 г.—Распад Тюркского Каганата на восточный и западный
651—661 гг.—Завоевание арабами Хорасана
VII в. (вторая половина) — Восстания хорасанцев против власти арабов-завоевателей
Конец VII — начало VIII в. — Борьба правителя Бадгиса Низак Тархана с арабами
709 г. — Пленение и убийство арабами Низак Тархана
712 г. — Подавление Кутейбой ибн Муслимом движения Хурзада в Хорезме
716 г. — Завоевание арабами Дехистана
VIII в. (30-е годы) — Восстание хариджитов под руководством Хариса ибн Сурейджа в Хорасане
745 г. вторичное восстание Хариса ибн Сурейджа в Хорасане
747 г. — Начало движения Абу-Муслима
VIII в. (вторая половина) — 30-е—40-е годы IX в. — Годы жизни Мухамеда ибн Мусы аль-Хорезми
776—782 гг. — Движение Муканны
818 г. — Заключение халифом Мамуном мирного договора с «царями Хорасана»
821—873 гг. — Правление династии Тахиридов в Хорасане
828 г. — Разгром хариджитами войск Али ибн Тахира
828—844 гг.—Правление в Хорасане Абул Аббаса Абдаллаха ибн Тахира
830 г. — Крестьянское восстание в Южном Хорасане
832 г. — Составление мервским ученым Хабашем астрономических таблиц
IX в. (вторая четверть)—Поход Тахира ибн Абдаллаха против огузов
873—900 гг. — Правление династии Саффаридов в Хорасане
879—900 гг. — Правление в Хорасане саффарида Амра ибн Лейса

900 г. — Поражение Амра ибн Лейса в битве с саманидом Исмаилом ибн Ахмедом; пленение и казнь Амра ибн Лейса
900—999 гг. — Правление династии Саманидов в Хорасане
X в. — Составление мервским поэтом Масуди Мервези эпического сказания «Шах-наме»
Конец IX—начало X в. — Распространение в Восточном Хорасане учения карматов
930 г. — Крестьянское восстание в Южном Хорасане
944 г. — Феодальный мятеж в Хорезме
945 г. — Восстание хорасанского эмира Абу Али Чагани против Саманидов
X в. (вторая половина) — Уход Сельджука от сырдарьинского ягбу
X в. (вторая половина) — Образование государства Караханидов
973—1048 гг. — Годы жизни Абу Рейхана Бируни
985 г. — Поход киевского князя Владимира в союзе с торками (огузами) против Камской Булгарии
992 г. — Передача Нисы саманидом Нухом II эмиру Гурганджа (Ургенча) аль-Мамуну, а Абиверда — хорезмшаху Абу Абдаллаху
996 г. — Разгром эмиром Гурганджа аль-Мамуном войск Хорезмшаха
999 г. — Захват Хорасана Махмудом Газневи
Конец X — начало XI в. — Участие сельджуков в борьбе между Саманидами и Караханидами
1011 г. — Сильный голод в Хорасане
1017 г. — Захват Хорезма Махмудом Газневи
1017—1092 гг. (14 октября)—Даты жизни сельджукидского везира Низам аль-Мулька
1025 г. — Уход от Сельджукидов части туркмен к Махмуду Газневи
1027 г. — Восстание туркмен против газневидского гнета
1031—1041 гг. — Правление газневида Масуда ибн Махмуда
1034 г. — Восстание Харуна ибн Алтунташа и отделение Хорезма от державы Газневидов
1034 г. — Переселение сельджукской группировки из Бухары в Хорезм
1034 г. — Крестьянское восстание в Южном Хорасане
1035 г. — Переселение сельджуков из Хорезма в Южный Хорасан
1035 г. (19 июня) — Разгром сельджуками газневидской армии в Хорасане
1038 г. — Захват сельджуками Мерва и разгром ими под Серахсом основных сил Газневидов в Хорасане
1038 г. (середина июля) — Занятие Сельджукидами Серахса, Мерва и Нишапура; распределение между ними завоеванных областей
1039 г. (27 июня) — Сражение между сельджуками и газневидскими войсками при Дех-и Базерганане (южнее Серахса)
1039 г. — Нападение Масуда Газневи на сельджуков Нишапура
1040 г. — Поход Масуда Газневи из Нишапура в Мерв
1040 г. (24 мая)—Разгром Сельджукидами армии Масуда Газневи под Денданканом
XI в. (40-е—60-е годы) — Сельджукские завоевания в Закавказье и Передней Азии
1040—1042 гг. — Раздел между Сельджукидами захваченных земель

1043 г. — Завоевание Сельджукидами Хорезма
1055 г. — Взятие Тогрул-беком Багдада
1058 г. — Восстание Ибрахима Йинала
1059 г. — Заключение мирного договора между Сельджукидами и Газневидами
1063—1072 гг. — Правление сельджукидского султана Алп-Арслана
1064 г. — Завоевательные походы Сельджукидов в Хутталь, Саганиан и Армению
1065 г. — Завоевательные походы Алп-Арслана в Дженд, Сабран и Грузию
1070 г. — Перераспределение Алп-Арсланом уделов между членами Сельджукидской династии
1072 г. — Поход Алп-Арслана в Мавераннахр; смерть Алп-Арслана
1072—1092 гг. — Правление сельджукского султана Мелик-шаха
1074—1075 гг. — Пребывание Омара Хайяма в астрономической обсерватории султана Мелик-шаха в Мерве
XI в. (80-е годы) — Завоевание сельджукидом Сулейманом ибн Кутылмышем Малой Азии
1081 г. — Восстание Текеша в Хорасане; захват им Мерва и Термеза
1084 г. — Вторичное восстание Текеша в Хорасане; разгром Текеша войсками султана Мелик-шаха
1086 г. — Поход султана Мелик-шаха в Сирию
1089—1090 гг. — Походы Мелик-шаха в Мавераннахр
1092—1104 гг. — Правление сельджукидского султана Баркиярука
1092 г. — Восстание Арслан-Аргуна в Хорасане; захват им Балха, Термеза, Мерва и Нишапура
1096 г. — Разрушение по приказу Арслан-Аргуна стен Мерва, Серахса, Шахрастаны и других городов Хорасана
1096/7 г. — Убийство Арслан-Аргуна одним из его гулямов
1097 г. — Захват султаном Баркияруком Хорасана и передача его Санджару ибн Мелик-шаху; признание власти Баркиярука в Мавераннахре
1097 г. — Разгром Санджаром ибн Мелик-шахом владетеля Балха Мухаммеда ибн Сулеймана
1097 г. — Захват Хорезма восставшими эмирами Куданом и Ярыкташем и убийство ими хорезмшаха Икинчжи ибн Кочкара
1097 г.— Назначение Баркияруком эмира Хабеши ибн Алтунтака правителем Хорасана
1097/8—1157 гг. — Правление в Хорасане сельджукида Санджара ибн Мелик-шаха (с 1097/8 по 1118 г. в качестве «мелика»)
1097/8 г. — Назначение эмиром Хабеши ибн Алтунтаком Кутб ад-дина Мухаммеда правителем Хорезма
1098/9 г. — Разгром Санджаром ибн Мелик-шахом армии Хабеши ибн Алтунтака
1099 г. — Поход Санджара ибн Мелик-шаха в Тохаристан
1101 г. — Династический раздел Сельджукской державы
1102 г. — Разгром Санджаром ибн Мелик-шахом войск караханида Кадыр-хана Джебраила под Термезом
1103/4 г. — Договор между Баркияруком и его братом Мухаммедом о разделе Сельджукского султаната; признание по этому договору Санджара ибн Мелик-шаха правителем Хорасана и части Мавераннахра
1113—1167 гг. — Годы жизни историка и географа Абд ал-Карима ас-Самани
1114 г. — Поход Санджара ибн Мелик-шаха в Газну

1117—1118 гг. — Поражение Газневида Арслан-шаха в борьбе с Санджаром; признание Арслан-шахом вассальной зависимости от Санджара
1118 г. — Провозглашение Санджара верховным правителем (султаном) сельджукских владений
1126 г. — Объявление по приказу султана Санджара «священной» войны против батинитов
1128—1156 (30 июля) — Правление хорезмшаха Атсыза
XII в. (вторая четверть)—Деятельность в Мерве ученого Зейн ад-дина Абу Ибрахима аль-Джурджани
1130 г. — Поход султана Санджара в Мавераннахр
1130 г. — Упоминание огузов в войске правителя Самарканда Мухаммеда Арслан-шаха
1137/8 г. — Восстание хорезмшаха Атсыза против султана Санджара
1141 г. — Разгром каракитаями армии султана Санджара при Катаване; нашествие каракитаев на Хорезм; захват хорезмшахом Атсызом части Хорасана
1143/4 г. — Поход султана Санджара против хорезмшаха Атсыза
1144 г. — Захват огузами Бухары и разрушение ими ее цитадели
1145 г. — Гибель поэта Адиб Сабира
1147 г. — Поход султана Санджара на Хорезм; заключение им мирного договора с хорезмшахом Атсызом
XII в. (середина) — Постройка мавзолея Санджара в Мерве
1147 г. — Смерть сельджукидского поэта Эмира Моиззи
Около 1152 г. — Подчинение балхо-хуттальской группировки огузских племен султану Санджару
1152/3 г. — Поход хорезмшаха Атсыза на Дженд
1153 г. — Восстание огузов против султана Санджара; разгром ими в Хутталяне (в апреле — мае) войск Санджара
1153 г. (июль—август) — Взятие огузами Мерва; пленение ими султана Санджара
1153 г. (декабрь) — Захват огузами Нишапура
1153 г. (декабрь) — Провозглашение Махмуд-хана правителем Восточно-Сельджукского государства
1153 г. — Начало народного движения в Хорасане
1153 г. — Попытка хорезмшаха Атсыза захватить г. Амуйе
1153—1173 гг. — Правление в Мерве и Серахсе огузского мелика Динара
1153—1205 гг. Правление огузской династии Зенгидов в Балхе
1154 г. — Захват Нишапура Муайидом Ай-Аба
1156 г. (весна)—Бегство султана Санджара из плена
1156 г. (1—5 ноября) — Поражение султана Махмуд-хана в битве с огузами между Мервом и Серахсом
1156—1172 гг. — Правление хорезмшаха Иль-Арслана
1156 г. — Установление хутбы с именем хорезмшаха Иль-Арслана в Нисе
XII в. (вторая половина) — 1160 г. — Движение Ахмеда Харбендэ в Хорасане
1159—1202 гг. — Правление в Нисе династии Хамзаидов
1161 г.—Разгром огузами и язырами войск Ихтияр ад-дина Инака и захват ими Дехистана и Гургана
1172 г. — Захват Мерва Султан-шахом
1172—1200 гг. — Правление хорезмшаха Текеша
1174 г. — Поражение Муайида Ай-Аба в битве с Текешем; пленение и казнь Муайида Ай-Аба
1178/9 г. — Написание при дворе хорезмшаха Текеша в Ургенче ученым Фахр ад-дином Рази энциклопедии «Собрание наук»

1182 г. — Смерть поэта Рашид ад-дина Ватвата
1187 г. — Захват Нишапура хорезмшахом Текешем
1191 г. — Смерть поэта Али Аухад ад-дина Энвери
1193 г. — Захват Мерва хорезмшахом Текешем
1194 г. — Разгром хорезмшахом Текешем войск сельджукида Тогрула и завоевание им Ирака
Конец XII — начало XIII в. — Составление хорезмским астрономом Махмудом ибн Мухаммедом аль-Джагмини аль-Хорезми трактата «Избранное по астрономии».
1200 — 1220 гг. — Правление хорезмшаха Ала-ад-дина Мухаммеда
XIII в. (начало) — Сооружение мечети в Дехистане
1206 г. — Провозглашение Темучина верховным каганом монгольских племен
1206 г. — Подчинение Гура хорезмшаху Мухаммеду
1210 г. — Захват хорезмшахом Мухаммедом Мавераннахра
1215 г. — Начало сношений Чингис-хана с Хорезмом
1218 г. — Убийство в Отраре купцов монгольского каравана
1219 г. — Поход Чингис-хана против хорезмшаха Мухаммеда
1220 г. (февраль) — Взятие монголами Бухары; провозглашение Джелал ад-дина Хорезшахом
1221 г. (4 марта) — Взятие монголами Мерва
1221 г. (март-апрель) — Взятие монголами Гургандж а (Ургенча)
1221 г. (лето) — Разгром Джелал ад-дином в Хорасане 30-тысячного монгольского отряда
1221 г. (ноябрь) — Антимонгольское восстание в Мерве
1222 г. (февраль) — Вторичный захват монголами Мерва
1228 г. — Поход монгольского нойона Чормагуна на Хорасан и Иран
1243 — 1256 гг. — Правление в Хорасане эмира Аргуна
1252 г. — Отправление Менгу-кааном Хулагу-хана в Хорасан и Иран
1256 г. — Разгром Хулагу-ханом исмаилитов Хорасана и Ирана
1256 — 1336 гг. — Правление династии Ильханов в Иране
1288 г. — Разграбление Мургабского оазиса чагатайским войском
1289 — 1291 гг. — Феодальный мятеж Новруза в Хорасане
1318 — 1320 гг.—Нападение на Хорасан чагатайского царевича Ясавура
1322 г. — Поход на Хорасан чагатайского царевича Кепека
1337 — 1381 гг. — Сербедарское движение в Южном Хорасане
1353 г. — Захват Дехистана эмиром Вали
XIV в. (середина) — Образование в Северном Хорасане феодального государства Мухаммеда и Али-бека
1357 г. — Захват Хорасана золотоордынским ханом Джанибеком
1360 г. — Освобождение Хорезма от власти золотоордынских ханов
1370 г. — Захват Тимуром власти в Мавераннахре
1372 г. — Поход Тимура на Хорезм и взятие им Кята
1373, 1376 гг. — Борьба Тимура с правителем Хорезма Юсуфом Суфи
1379 г. — Поход Тимура на Хорезм и захват им Ургенча
1381 г. — Захват Тимуром Герата; признание его власти правителем Келата, Мерва и Нисы — Али-беком и правителем Гургана, Мазандерана и Дехистана — эмиром Вали
1382 г. — Поход Тимура против восставших Али-бека и эмира Вали
1384 г. — *Поход Тимура в Хорасан; завоевание им Гургана и Мазандерана*
1388 г. — Захват и разрушение Тимуром Ургенча
1391 г. — Восстание туркмен и оседлого населения в Южном Хорасане
1405 г. — Смерть Тимура
1405 — 1409 гг. — Борьба между потомками Тимура за раздел его державы
1405 — 1406 гг — Восстание огурчинских туркмен против Тимуридов
1405 — 1447 гг. — Правление тимурида Шахруха; основание в его правление на новом месте г. Мерва (Абдулла-хан-Кала)

1410 г. — Начало восстановительных работ на Мервской плотине по приказу Шахруха
1430 г. — Захват узбекскими ханами части Хорезма
1431 г. — Вторжение узбекских ханов на территорию Туркменистана
XV в. (середина) — Возникновение в Ахале города Багабада (Анау)
1447 — 1457 гг.—Правление в Хорасане тимурида Абул Касим Бабура
1456 г. — Постройка мечети в Анау
XV в. (50-е—60-е годы) — Участие туркменских племен в войнах Султана Хусейна
1469 — 1509 гг. — Правление в Хорасане тимурида Султана Хусейна
1470 г. — Восстание народных масс в Герате против гнета и произвола тимуридских чиновников
1484 г. — Составление на туркменском языке месневи «Роунак ал-ислам»
1486 г. — Набег узбекского хана Шейбани на Хорезм; столкновение его здесь с туркменскими племенами
XVI в. (начало) — Грабительские набеги калмыцких феодалов на мангышлакских и хивинских туркмен
1503 г. — Начало походов узбекского хана Шейбани на владения правителя Хорасана султана Хусейна Байкара
1504 г. — Поход Шейбани-хана на Ургенч
1510 г. — Поход сефевидского шаха Исмаила в Хорасан и сражение его с Шейбани-ханом под Мервом; поражение и гибель Шейбани-хана
1513 г. — Набег войск шаха Исмаила на Бадгис
XVI в. (первая четверть) — Участие туркмен саин-хани в борьбе между тимуридом Мухаммед Заманом и сефевидским шахом Исмаилом
1523 — 1524 гг. Походы на Хорасан шейбанида Ильбарса. Подчинение узбекским ханам туркменских племен Балхан, Мангышлака и Хорезма
1524(?) г. — Восстание балханских и мангышлакских туркмен против хивинских ханов.
XVI в. (вторая четверть) — Усиление движения северных туркменских племен в гюргено-атрекские степи
1537 г. — Захват сефевидским шахом Тахмаспом I Нисы и Абиверда
1538 г. — Передача Тахмаспом I Нисы и Абиверда Дин Мухаммед хану
1538 г. — Захват Хорезма бухарским правителем Убайдулла-ханом
1539 г. — Поражение Убайдулла-хана в битве с Дини Мухаммедом у Хазараспа
1550 г. — Восстание туркмен-охлу против сефевидских властей под руководством Аба-сердара; нападение иранского наместника Астрабада на восставших туркмен; его поражение и гибель
1554 г. — Поход иранского войска против восставших туркмен-охлу
1557 г. — Захват Аба-сердаром Астрабадской области
1558 г. — Убийство Аба-сердара
1558 г. — Проезд Дженкинсона через туркменские степи по пути из Астрахани в Хорезм
1558—1602 гг. — Правление Хаджи Мухаммед-хана в Везире и прилегавших к нему областях
XVI (90-е годы) — Завоевание почти всей территории Туркменистана бухарскими феодалами
1592 г. — Захват Нисы, Дуруна и Багабада узбекскими султанами Хорезма
1593 г. — Захват Мерва бухарскими войсками; утверждение господства бухарских правителей в Южном Туркменистане

1593/4 гг. — Назначение Сефевидами Ирана туркмена Али Яр-бека правителем Астрабадской области
1596 г. — Назначение Сефевидами Ирана Мухаммед Яр-хана сына Али Яр-бека правителем Астрабада
1597 г. — Убийство Мухаммед Яр-хана туркменами-охлу
1598 г. — Восстановление Хаджи Мухаммед-ханом своей власти в Хорезме
1598 г. — Поход иранского шаха Аббаса I против туркмен-охлу, изъявление покорности знатью приатрекских туркмен шаху Абассу I
1598 г. — Восстановление по приказу шаха Абасса I крепости Мубарек Абад на берегу реки Гюрген
1598 г.—Взятие Мерва Нур Мухаммед-ханом с помощью войск шаха Аббаса I
1602—1621 гг. — Правление в Хорезме Араб Мухаммед-хана
XVII в. (начало)—Грабительские набеги калмыцких феодалов на мангышлакских и хивинских туркмен
1614 г. — Проезд русского посольства Михаила Тихонова и Алексея Бухарова через Дурун, Нису и Абиверд
1620—1653 гг. — Участие туркменских племен в феодальных войнах Хивинского ханства
1623—1642 гг. — Правление в Хиве Исфендияр-хана
1628 г. — Поход хивинского хана Исфендияра в Хорасан
1629 г. — Захват отрядами Абулгази Нисы и Дуруна
1639/40 г. — Пребывание Абулгази среди мангышлакских и балханских туркмен
1641 г. — Пребывание в Москве туркменских торговцев из рода аджи
1642—1646 гг. — Междоусобные войны в Хорезме при участии туркменской феодально-родовой знати
1643 г. — Провозглашение Абулгази ханом в Арале
1646—1663 гг. — Правление Абулгази в Хорезме
1647 г. — Набег войск Абулгази на туркмен Теджена
1648 г.—Разгром и ограбление войском Абулгази туркмен в Бами и Беурме
XVII в. (50-е годы)—Подчинение мангышлакских салыров и човдуров власти калмыцких тайшей
XVII в. (вторая половина) — Поселение туркмен-эрсари на среднем течении Аму-Дарьи
1651 г. — Разграбление войском Абулгази кочевий туркменского предводителя Байрача в североатрекской степи
1653 г. —Погром войском Абулгази селений туркменского племени емрели близ Коджа и кочевья салыров у колодца Динар
XVII в. (70-е годы)—Переговоры между Хивой и Россией о торговле и постройке крепости на Мангышлаке
1677 г.—Добровольное присоединение к России части прикочевавших в пределы русского государства прикаспийских туркмен
1689—1698 гг. — Захват власти в Хиве туркменской феодально-родовой верхушкой в правление Эренг-хана
1690 г. — Вторжение войск бухарского эмира в Мервский оазис
1713 г. — Прибытие в Астрахань представителя мангышлакских туркмен Ходжи Непеса
1714 (14 мая) — Указ Петра I сенату о снаряжении русской экспедиции в Хиву
1715—1728 гг. — Правление в Хиве Ширгази-хана; покорение им туркмен Мерва, Прикопетдагской полосы, Атрека, Мангышлака и Адака
1715 г. — Отправление Петром I в Среднюю Азию экспедиции Бековича-Черкасского

1715 г. (апрель) — Обследование экспедицией Бековича-Черкасского восточного берега Каспийского моря
1716 г. (9 октября) — Основание Бековичем-Черкасским крепости в Тюб-Карагане
1717 г. — Экспедиция Бековича-Черкасского из Астрахани в Хиву
1719 г.—Снаряжение Петром I экспедиции Вердена, Соймонова и Урусова для исследования восточных берегов Каспия
XVIII в. (20-е — начало 30-х годов) — Грабительские набеги Надир-хана на туркмен Хорасана; подчинение Надир-хану части хорасанских туркмен
1720 г. — Экспедиция Соймонова для исследования восточного побережья Каспия
1720 г. — Составление первой научной карты Каспийского моря
1730 г. (начало)—Восстание туркменских племен теке, иомут, эрсари и сарыков против деспотии Надир-хана
1735 г. — Поход войск хивинского хана Ильбарса (1728—1740 гг.) на Хорасан
1736 г. — Провозглашение Надир-хана шахом Ирана
1737 г.—Начало восстановления г. Мерва и мервской плотины по приказу Надир-шаха
1739 г. — Вторичный поход войск хана Ильбарса на Хорасан
1740 г. — Поход Надир-шаха в Хиву и Бухару; сражение войск Надир-шаха с туркменами под Питняком
1740 г. — Основание города Хивакабада (Хивеабада)
1740 г. — Переселение части туркменских племен на Мангышлак; обращение их к русскому правительству с просьбой о принятии в подданство и оказании продовольственной помощи
1741 г. — Экспедиция капитана Тебелева на восточный берег Каспия
1741 г. — Убийство в Хорезме ставленника Надир-шаха Тахир-хана и захват власти Артук-инаком
1742 г. — Назначение Надир-шахом сына Исфендияр-хана Абулгази ханом Хивы
1743 г.—Начало новой волны восстаний туркменских племен против деспотии Надир-шаха
1743 г.—Обследование восточного побережья Каспийского моря капитаном Вудруфом
1743/4 г. — Свержение Артук-инаком с помощью иомутской и салырской знати хивинского хана Абулгази II
1744 — начало 1745 г. — Восстание атреко-гюргенских туркмен против Надир-шаха
1745 г. — Поход войск Надир-шаха на Чарджуй; сражение их с иомутами под Сукъяром.
1745 г. — Прибытие на Мангышлак русских судов под командованием капитана В. Копытовского и оказание им продовольственной помощи мангышлакским туркменам
1745 г. — Депутация старшин мангышлакских туркмен в Петербург с просьбой о принятии в русское подданство
1747 г. — Восстание приамударьинских туркмен против бухарских властей
1748—1770 гг. — Борьба между иомутской знатью и узбекскими феодалами в Хиве
1753 г. — Восстание туркмен и аральцев против хана Каипа
XVIII в. (вторая половина)—Творчество туркменского поэта Махтумкули
1759 г. — Сражение между войсками хивинского хана и иомутами в Хиве
1764 г. — Экспедиция Токмачева и Ладыженского к восточному побережью Каспия

1764 г. — Захват Мухаммед-Эмином с помощью иомутов власти в Хиве; наделение Мухаммед-Эмином иомутов пахотными землями Хивинского ханства
1768 г. — Поражение Мухаммед-Эмина в сражении с объединенными войсками иомутов и части узбекских феодалов
1768—1830 гг. — Даты жизни туркменского поэта Сеиди
1770 г. — Захват иомутской знатью власти в Хиве
1770 г. (осень) — Поражение иомутов в сражении с войском Мухаммед-Эмина при Араб-хане
XVIII в. (70-е годы) — Прибытие в Петербург представителя туркмен, просившего устроить торговую гавань на о-ве Огурчинском
XVIII в. (70-е годы) — 1810 г. — Даты жизни туркменского поэта Кемине
XVIII в. (80-е годы) — 1844/5 г. — Даты жизни туркменского поэта Зелили
1781—1782 гг. — Экспедиция графа Войновича к восточным берегам Каспийского моря
1785—1800 гг. — Правление в Бухаре эмира Шах-Мурада
1785 г. — Поход эмира Шах-Мурада в Мерв
1785 г. — Поражение и гибель правителя Мерва Байрам Али-хана в борьбе с эмиром Шах-Мурадом
1798 г. — Прибытие в Астрахань депутации мангышлакских туркмен
1799 г. — Восстание туркмен Мервской области против бухарских властей
1801 г. — Прибытие в Астрахань депутации мангышлакских туркмен-абдалов
1802 г. — Прибытие депутации мангышлакских абдалов в Петербург с просьбой о принятии их в русское подданство
1803 г. (27 апреля) — Принятие мангышлакских абдалов в русское подданство
1804—1806 гг. — Правление в Хиве Эльтузер-хана; изгнание им иомутов из Хивы
1804—1813 гг. — Первая русско-иранская война
1805 г. — Обследование мыса Тюб-Караган экспедицией генерала Фелькерзама
1806 г. — Призвание Эльтузер-ханом иомутов в Хиву и водворение их на своих прежних местах обитания
1808—1809 гг. — Походы хивинского хана Мухаммед-Рахима против туркмен-човдуров
1809 г. (июль) — Карательная экспедиция хивинского правителя Мухаммеда Вали против туркмен областей Нисы и Абиверда
1810 г. — Уход туркмен-човдуров из Хивы и Арала на Мангышлак
1810—1861/2 гг.—Даты жизни туркменского поэта Молланепеса
1811—1812 гг. — Депутации туркмен-човдуров в Астрахань с просьбой о принятии их в русское подданство
1812—1819 гг. — Походы в Хорасан и Астрабадскую провинцию хивинского хана Мухаммед-Рахима
1813 г. — Заключение в Гюлистане мирного договора между Россией и Ираном; представление по этому договору русскому флоту исключительного права на плавание по Каспийскому морю
1813 г. (май—сентябрь)—Восстание атрекских туркмен под руководством Ходжи-Юсуфа против Каджаров
1813 г.—Прибытие делегации от прикаспийских туркмен на Кавказ, к генералу Ртищеву
1813—1814 гг. — Депутации човдуров, союнджи и других туркмен Мангышлака в Астрахань и Петербург с ходатайством о принятии их в подданство России

1816 г. — Пленение хивинцами туркменского поэта Зелили
XIX в. (20-е годы) — Окончательное покорение Мухаммед-Рахимом Ахала и Мерва
XIX в. (конец второго десятилетия) — Захват текинцами Нисы
1819—1821 гг. — Миссии Н. Н. Муравьева в Туркмению
1820 г. — Назначение Мухаммед-Рахимом Мурад-сердара ханом над туркменами-текинцами
1821—1822 гг.—Путешествие Фрезера по Хорасану
1822 г. — Поход Мухаммед-Рахима на Чарджоу и покорение им туркменских племен эрсари, сакаров, човдуров и эски
1823 г. — Подчинение Хиве населения Марыйской области; назначение Кутлук-Мурада правителем Мары. Попытка Кутлук-Мурада восстановить Султанбентскую плотину
1824 г.—Восстановление хивинцами крепости Эгри-Гузер на Мургабе; основание «Нового Мерва»
1824 г. — Обращение мангышлакских човдуров к генерал-губернатору Астрахани с просьбой переселить их в пределы русского государства
1825 г. — Обследование о-ва Челекена, Красноводского и Балханского заливов экспедицией Э. И. Эйхвальда
1825 г. — Поход хивинского правителя Аллакули-хана (1825—1842 гг.) в Атек; сбор им закята с туркменских племен Ахала и Марыйского оазиса
1826 г. — Восстание марыйских сарыков против Аллакули-хана
1826—1828 гг. — Вторая русско-иранская война; участие в этой войне на стороне России туркмен-иомутов во главе с Кият-ханом
1828 г. — Восстание туркмен-сарыков Марыйского оазиса против гнета хивинских феодалов
1830 г. — Миссия есаула Лалаева к прикаспийским иомутам
1832 г. — Экспедиция Г. С. Карелина для исследования северо-восточного побережья Каспия
1832 г. (октябрь) — Поход каджарского принца Аббас Мирзы на салыров Серахса
1832 г. — Основание Ново-Александровского укрепления у залива Мертвый Култук
1834 г. — Миссия русского посланца Турпаева в Хиву
1834 г. — Заключение торгового договора между астраханским купцом А. Герасимовым и прибрежными иомутами
1836 г.—Заключение контракта между А. Герасимовым и туркменами-огурджалинцами о представлении ему права использования природных богатств о-ва Огурчинского
1836 г.—Экспедиция Г. С. Карелина к юго-восточным берегам Каспия
1837 г.—Нападение иранского морского флота на челекенских туркмен
1838 г. — Захват Серахса армией Каджаров Ирана
1839 г. — Прибытие в залив Мертвый Култук торгового судна астраханского купца Эриванцова
1840 г. — Учреждение русского постоянного крейсерства у иранских и туркменских берегов Каспийского моря
1841 г. — Поход хивинского правителя Рахимкули-хана на Мерв
Между 1843—1846 гг. — Восстановление Султанбентской плотины на Мургабе
1843 г. — Начало восстания мервских и теджекских туркмен (сарыков и текинцев) против власти хивинских феодалов
1844 г. — Поход Рахимкули-хана на восставших салыров Иолотанского оазиса
1846 г. — Перенесение Ново-Александровского укрепления на мыс Тюб-Караган
1846—1850 гг. — Феодальный мятеж Салара в Хорасане; участие в нем текинцев Ахала и Серахса

1847—1848 гг.—Походы хивинского хана Мухаммед-Эмина против восставших туркмен Марыйского оазиса, Серахса и Ахала. Разрушение по его распоряжению Султанбентской плотины (1847 г.)

1849 г. — Подчинение Мухаммед-Эмином салыров и сарыков Мургабского оазиса

1850 г. — Нападение каджарского войска на Серахс

1851—1855 гг. — Восстание и борьба против Мухаммед-Эмина туркменских племен теке, салыр и сарык

1853/4 г. — Прибытие в Мары иранского войска под командованием Хусейн-хана

1853/4 г.—Поход каджарского наместника Хорасана Феридун-Мирзы против текинцев Ахала

1854 г. — Разгром иранских войск караябскими сарыками и хивинцами в местности Чемен-и Бид

1855 г. (12 марта) — Поражение и гибель хивинского хана Мухаммед-Эмина в битве с текинцами под Серахсом

1855 г. (март—апрель)—Занятие Серахса и Мерва иранскими войсками под командованием Феридун-Мирзы

1855 г. (май)—1858 г. (осень)—Восстание иомутов емрели и других туркменских племен против гнета хивинских феодалов

1858 г. — Разгром туркменами иранской армии Джафар Кули-хана в битве под Карры-Кала

1859 г. — Обращение иомутского хана Атамурада к начальнику Оренбургского края с просьбой о принятии в русское подданство

1859 г. — Экспедиция Дандевилля на восточный берег Каспия

XIX в. (60-е годы). — Написание Абды-Сеттаром кази «Дженг-наме» (Книги рассказов о битвах текинцев)

1861 г. — Поход на Мары иранской армии под командованием Хамзы Мирзы Эшмет Дауле

1865 г.—Завершение завоевания текинцами Ахала; захват ими г. Анау

1866—1867 гг. — Восстание в Хиве иомутов, емрели и других туркменских племен

1869 г. (ноябрь). — Экспедиция Столетова к восточному побережью Каспия; основание города Красноводска

1869—1872 гг. — Рекогносцировки Столетова и Маркозова в Юго-Восточной Туркмении

1871 г. — Гостеприимная встреча русских войск туркменами аула Гасан-Кули

1873 г. — Военная экспедиция, предпринятая царской Россией против Хивинского ханства; карательные действия отряда генерала Головачева против хазаватских туркмен-иомутов

1873 г. — Англо-русское соглашение о «нейтральной зоне» в Азии

1874 г. — Создание «Управления Закаспийским военным отделом»

1874—1875 гг. — Помощь русским войскам продовольствием и вьючным скотом со стороны приатрекских туркмен

1875 г. — Депутация старшин текинских родов Ахала к генералу Ломакину с просьбой о принятии их в русское подданство

1876—1898 гг. — Волнения и стихийные восстания туркмен Хивинского ханства

1877 г. — Начало столкновений между царскими войсками и текинцами в Западном Туркменистане

1879 г. — Первая Ахал-текинская экспедиция; штурм (28 августа) царскими войсками крепости Геок-Тепе и их отступление

1879—1883 гг. — Обследование Узбоя экспедицией В. И. Глуховского

1880 г. (конец мая). Начало второй Ахал-текинской экспедиции

1880 г. (23 декабря)—Начало осады царскими войсками крепости Геок-Тепе
1880—1888 гг. (15 мая) — Строительство Закаспийской железной дороги Узун-ада — Самарканд
1880 г. (28 мая)—Занятие отрядами царских войск Ходжа-Кала; взятие ими (в июне) Карры-Кала и Бами
1881 г. (12 января)—Падение крепости Геок-Тепе
1881 г. (18 января) — Занятие русскими войсками аула Асхабад
1882 г. (10 июля) — Реорганизация Закаспийского отдела в Закаспийскую область
1884 г. (1 января) — Решение маслахата мервских туркмен о добровольном присоединении к России
1884 г. (25 января) — Присяга депутации старшин марыйских туркмен в Асхабаде на верность России
1884 г. (21 апреля) — Добровольное присоединение к России сарыков Иолотанского оазиса
1884 г. (май) — Добровольное присоединение к России сарыков Пендинского оазиса
1884 г.—Восстановление плотины Карры-Бент на р. Теджене
1885 г. — Обращение туркмен-эрсари Бухарского эмирата к царскому правительству с просьбой о принятии их в русское подданство
1885 г. (18 марта) — Сражение между русскими и афганскими войсками при Таш-Кепри
1886—1950 гг. — Годы жизни туркменского поэта Дурды-Клыча
1887 г.—Организация Мургабского государева имения
1887—1890 гг. — Сооружение Султанбентской плотины
1888 г. — Создание Аму-Дарьинской флотилии
1891 г. — Создание в Асхабаде первого печатного органа Закаспийского края—газеты «Асхабадский вестник объявлений»
1891—1895 гг. — Сооружение Гиндукушской плотины на Мургабе
1892 г.—Основание в ауле Кеши Школы садоводства, огородничества и шелководства
1892 г. — Основание в Мерве хлопкоочистительных заводов
1895 г. — Открытие в Асхабаде отделения Российского Государственного банка
1895 г. — Начало издания в Асхабаде газеты «Закаспийское обозрение»
1896 г. — Создание в Кизыл-Арвате Кружка любителей сценического искусства
1896 г. — Открытие в Асхабаде Общественной библиотеки
1897 г. (29 декабря)—Царский указ о включении Закаспийской области в состав Туркестанского генерал-губернаторства
1898 г. — Создание Асхабадского сельскохозяйственного опытного поля — первого сельскохозяйственного научно-исследовательского учреждения Туркменистана
1898 г. — Начало издания в Асхабаде газеты «Асхабад»
1899 г. (17 марта) — Организация Закаспийского областного музея
1899 г. — Открытие в Асхабаде отделения Учетно-ссудного банка Персии
1902—1903 гг. — Волнения среди дайхан Закаспийской области
1903 г. — Распространение в Красноводске, Кизыл-Арвате и Байрам-Али прокламаций и воззваний РСДРП
1903 г. — Создание в Асхабаде «Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока»
1903 г. — Забастовка рабочих красноводского депо
1903—1904 гг. — Создание социал-демократических кружков и групп в Кизыл-Арвате
1904 г. — Создание социал-демократического кружка в Асхабаде
1904 г. — Волнения среди иомутов Красноводского уезда

1905 г. (10 января) — Арест Л. Стабровского и А. Хачиева в Асхабаде
1905 г. (5—7 февраля)—Волнения среди рабочих в Кизыл-Арвате
1905 г. (21—22 февраля) — Забастовка поденных рабочих депо Чарджуй
1905 г. (22 февраля — 1 марта) — Забастовка железнодорожников в Кизыл-Арвате
1905 г. (8—9 марта) — Забастовка рабочих в Казанджике
1905 г. (апрель) — «Аграрные беспорядки» в Серахском приставстве; арест группы дайхан «за нарушение правил водопользования»
1905 г. (1 мая) — Митинг в Кизыл-Арвате, организованный местным комитетом РСДРП; рабочие маевки в Асхабаде и Мерве
1905 г. (5—10 мая) — Забастовка приказчиков в Асхабаде
1905 г. (18 мая)—Создание в Асхабаде «Кружка железнодорожников»
1905 г. (8—12—21 июня) — Продолжение «аграрных беспорядков» среди серахских дайхан
1905 г. (4 июля) — Политическая демонстрация в Асхабаде на похоронах Л. Стабровского
1905 г. (8 июля) — Рабочий митинг в Кизыл-Арвате под видом панихиды по Л. Стабровскому
1905 г. (17 августа) — Забастовка рабочих Асхабадского депо
1905 г. (22 августа) — Политическая демонстрация в Кизыл-Арвате во-время похорон П. Моргунова
1905 г. (август) — Создание в Асхабаде «Солдатского комитета»
1905 г. (13 октября) — Выборы Центрального стачечного комитета в Асхабаде
1905 г. (14 октября) — Начало политической забастовки на Среднеазиатской железной дороге; забастовка рабочих железнодорожников Асхабада и Кизыл-Арвата
1905 г. (16 октября) — Забастовка железнодорожников в Чарджуе и Казанджике
1905 г. (17 октября) — Забастовка железнодорожников Красноводска
1905 г. (19 октября) — Массовый революционный митинг в Асхабаде
1905 г. (22 октября) — Создание Совета солдатских делегатов в частях Асхабадского гарнизона
1905 г. (25 октября) — Политическая демонстрация в Чарджуе
1905 г. (26 октября)—Решение Центрального стачечного комитета о прекращении с 27 октября забастовки на линии Среднеазиатской железной дороги
1905 г. (1 ноября) — Забастовка железнодорожников Среднеазиатской железной дороги
1905 г. (16 ноября) — Начало второй массовой политической забастовки на Среднеазиатской железной дороге
1905 г. (17 ноября) — Митинг в Асхабаде с требованием созыва Учредительного собрания
1905 г. (17—18 ноября) — Митинги рабочих и солдат в Кушке
1905 г. (30 ноября) — Решение Центрального стачечного комитета о прекращении забастовки, начатой 16 ноября. Митинги в Асхабаде, осудившие это решение ЦСК и призывавшие к продолжению забастовки
1905 г. (13—20 декабря) — Первый съезд делегатов Среднеазиатской железной дороги
1905 г. (17 декабря) — Политическая демонстрация в Асхабаде
1905 г. (28 декабря) — Забастовка рабочих кизыл-арватских железнодорожных мастерских

1905 г. (23 декабря) — Политическая демонстрация в Асхабаде в день приезда нового начальника Закаспийской области генерала Косаговского
1906 г. (9 января) — Митинг рабочих Асхабада в годовщину «Кровавого воскресенья»
1906 г. (январь) — Организационное оформление Красноводского комитета РСДРП
1906 г. (22—24 февраля) — Забастовка рабочих Красноводского депо
1906 г. (февраль) — Первая Туркестанская конференция РСДРП в Ташкенте; создание «Союза Туркестанских организаций РСДРП»
1906 г. (11 марта) — Решение собрания рабочих депо Асхабада бойкотировать Государственную думу
1906 г. (1 мая) — Забастовки и митинги в Асхабаде, Чарджуе и других городах в честь Международного дня пролетарской солидарности
1906 г. (10 мая) — Забастовка рабочих кизыл-арватских железнодорожных мастерских под руководством местной социал-демократической организации
1906 г. (7—8 июня) — Волнения среди солдат 1-го Закаспийского железнодорожного батальона
1906 г. (15 июня) — Восстание солдат Асхабадского гарнизона
1906 г. (16 июня) — Забастовка железнодорожников Асхабада. Восстание солдат 2-го и 3-го стрелковых батальонов Закаспийской области. Волнения среди солдат Кушкинской железнодорожной роты
1906 г. (18 июня) — Окончание восстания солдат Асхабадского гарнизона
1906 г. (10 июля) — Открытие краевого съезда Союза железнодорожников Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской железной дороги.
1906 г. (12 июля) — Забастовка пароходных команд в Чарджуе
1906 г. — Создание Совета рабочих депутатов в Кизыл-Арвате
1906 г. (16 июля) — Восстание солдат и рабочих железнодорожного депо Красноводска
1906 г. (сентябрь) — Конференция туркестанских организаций РСДРП в Ташкенте
1906 г. (22 октября) — Открытие в Асхабаде областного съезда Союза железнодорожников
1907 г. (9 января) — Митинг рабочих Асхабадского депо в связи с 2-й годовщиной «Кровавого воскресенья»
1907 г. (1—3 февраля) — Первая конференция закаспийских организаций РСДРП
1907 г. (10 марта) — Забастовка моряков Красноводского порта
1907 г. (1 мая) — Рабочий митинг в Асхабаде
1907 г. (июнь) — Политические демонстрации в Асхабаде и Кизыл-Арвате
1908 г. (12 июля) — Разгром царской охранкой Мервской организации РСДРП
1908 г. — Отмена права выбора казиев (судей) местным населением Туркестанского края и Закаспийской области
1909 г. (19 апреля) — Ликвидация «Асхабадской военно-революционной организации»; фактическое прекращение деятельности Асхабадской организации РСДРП
1909 г. — Волнения среди туркменских дайхан в ауле Артык, Теджженского уезда
1912 г. (1 июля) — Восстание саперов в Троицком военном лагере под Ташкентом

1912 г. (декабрь) — 1913 г. (январь) — Реакционное движение Шамми-Келя в Северном Туркменистане.
1912 г. — Роспуск Красноводской организации РСДРП
1912 г. — Основание Репетекской песчано-пустынной станции
1913 г. — Создание на Челекене организации РСДРП(б) во главе с И. Т. Фиолетовым
1913 г. (15 августа) — Забастовка рабочих на нефтепромысле Гаджинского (о-в Челекен)
1913 г. — Волнения среди туркменских дайхан Тедженского уезда
1914 г. (март) — Забастовка рабочих и служащих Куулинских соляных промыслов Красноводского уезда
1914 г. (10 июня) — Забастовка рабочих на нефтепромыслах Вишау (о-в Челекен)
1914 г. (15 мая) — Забастовка грузчиков Красноводского порта
1914 г. (31 июля) — Стачка грузчиков пароходного общества «Кавказ и Меркурий» в Красноводске
1914 г. — Издание первой газеты на туркменском языке — «Закаспийской туземной газеты»
1915 г. (11—12 мая) — Забастовка рабочих нефтяных промыслов на о-ве Челекен
1916 г. (январь) — Реакционное выступление в Хиве Джунаид-хана
1916 г. (8—12 октября) — Забастовка грузчиков Красноводского порта
1916 г. (июнь) — Царский указ о мобилизации «инородцев» на тыловые работы. Начало массового дайханского движения в Закаспийской области
1916 г. (сентябрь) — Восстание туркмен на Атреке и Гюргене
1916 г. (октябрь) — Восстание части туркменского населения Отамышской волости Тедженского уезда
1917 г. (5 марта) — Массовые революционные митинги и демонстрации в городах Закаспийской области
1917 г. (7 марта) — Избрание Совета рабочих депутатов в Асхабаде
1917 г. (март) — Создание феодально-байских туркменских исполнительных комитетов
1917 г. (6 марта) — Избрание Солдатского комитета Асхабадского гарнизона (СКАГ)
1917 г. (5 марта) — Образование буржуазного Временного исполнительного комитета в Асхабаде
1917 г. (29 марта) — Упразднение должности областного комиссара и передача управления Закаспийской областью коммиссару Временного правительства
1917 г. (7 апреля) — Создание Временным правительством Туркестанского комитета

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Аббас Кули-хан Дерегезский, иранский наместник в Серахсе 86
Аббас Мирза, иранский военачальник 80, 81
Аббас-хан, английский агент в Мешхеде 128
Аббот, английский путешественник 72
Абдулла-хан, хан Хивы 88
Абдурахман, эмир Афганистана 137
Абдурахман-халифа, сарыкский предводитель 79
Абды-Сеттар-кази (Абду-с-Саттар казы), поэт 53, 90, 91, 92
Авез Батыров, капиталист 169
Ага Мурад Текеев 420
Агабеков, царский чиновник 358
Агаджан-бахши, певец 370
Агаджанов С. Г., историк 6
Агаев Х. А., историк 6
Агамольянц Н., большевик 340
Агехи, хивинский историк 12, 68, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92
Адина Берды-бай, салырский предводитель 76
Адина Нияз-инак, хивинский вельможа 82
Азеф, провокатор 306
Азиз Чапыков, главарь реакционного выступления 1916 г. в Теджене 390, 391
Аим бек Мамеддурды-бек оглы, текинский старшина 35, 74, 75, 76
Айкуни, учитель, участник революционного движения 333
Акатова А. И., историк 5
Акопов Г. Б., историк-востоковед 5
Александр I, император 94
Александр III, император 130
Александр Герасимов, астраханский купец 103
Александров П., социал-демократ 202, 219
Александров С. А., ученый 353
Алексеев П., революционер 139

Алиханов-Аварский М., офицер 27, 28, 34, 45, 133, 134, 136, 137
Аллакули-хан, хан Хивы 72, 78, 79
Аллахвердов Кафарбек, полицейский надзиратель 228
Алты-Сопы, один из главарей реакционного выступления 1916 г. в Теджене 390
Амандовлет-бай, текинский феодал 73
Аманов Б., драматург 56
Андреев, поручик 264
Андриевский П. Д., меньшевик 250
Андроников, князь 315
Андросов Н. В., ботаник 353
Андрусов Н. И., геолог и палеонтолог 350, 363
Анисимов, социал-демократ 339
Анна Берди-хан, иомутский старшина 43
Аннахал-бахши, певец 370
Анна Харс, мираб 37
Антипин, поручик 260
Антонов А. А., ученый 351
Апошнянский, провокатор 327
Аракчеев А. А., граф 99
Архангельский А. Д., геолог 350
Асриянц А., социал-демократ 224
Атамурад, иомутский хан 89
Ата Тыли-оглы, дайханин 345
Ахмед Агаев, татарский буржуазно-националистический публицист 322
Ахмед Вефик, турецкий государственный деятель 114
Ахмед-Махдум Дониш, таджикский ученый-литератор 116
Бабаджан-бек, хивинский наместник в Мары 133, 134
Баба Зейналов 336
Баба-Клыч, один из главарей реакционного выступления 1916 г. на Гюргене 391
Баба Нияз Ахмед Кизы, ковровщица 371
Байрам-Али, текинский феодал 73
Байрам-шахир, поэт 370
Бакрадзе В., большевик 202
Бакрадзе Д., большевик 202
Балта-Нияз, човдурский предводитель 68, 95
Балям-аталык, туркменский предводитель 198
Баранов, владелец типографии в Чарджуе 244
Баранов В. Ф., штурман 97, 98
Бартольд В. В., востоковед 77, 356, 358
Барц Э. Р. 151
Батлер, английский офицер 124
Бацура, социал-демократ 235, 240, 241, 242, 246
Бегляр-хан, правитель Дерегеза 35, 74
Бекер, английский агент 113
Белковский, социал-демократ 202, 219, 229
Белоусов 297
Беляев, социал-демократ 282
Беляев В., искусствовед 369
Беляев И. А., языковед 358
Берг Л. С., географ 99, 353
Березин И. Н., востоковед 358
Бларамберг И. Ф., капитан 26, 27, 94, 99, 100
Богачев, социал-демократ 219
Боголюбов А. А., начальник Закаспийской области 21, 357
Бодиско, капитан-лейтенант 98
Бодэ К., барон 11, 19

Бомарше, писатель 364
Борнс А., английский путешественник 43, 78, 79. 80
Буденный С. М., маршал Советского Союза 16
Бурдуков Н. Ф. 371
Бурунов К., драматург 56
Бюллер Ф. А., историк 95
Бялонович, начальник Тедженского уезда 399
Вайнштейн, помощник начальника Асхабадского железнодорожного депо 221
Ванновский П. С., военный министр 132
Васильев П., меньшевик 279
Васильева Г. П., этнограф 58, 62
Вахнин В. П., большевик 250, 330, 332, 333 340. 397
Вебер В. Н., инженер, геолог 350
Вейс, судья 244
Веселков Г. Н., поэт и переводчик 5
Винников Я. Р., этнограф 62
Витт В. О., ученый 16
Витте С. Ю., граф 264, 267
Вишау Я. Б., нефтепромышленник 342, 344
Вишневский, ефрейтор 255
Водьяевы, банкиры-промышленники 316
Волковников, генерал 159, 297, 298, 391
Володин А., филолог 358
Волчок, социал-демократ 331
Воронец Э., меньшевик 235, 252
Воскресенский М. Н. 351
Вышенский А., член Центрального стачечного комитета, соглашатель 252, Гаджиев 343
Гаджинский, нефтепромышленник 342, 343
Галкин М. Н., генерал 10, 17, 18, 21, 89.
Ганялин А. Ф., археолог 6
Гапон Георгий, священник 207, 208, 212
Гарбузов, большевик 219
Гаспринский Исмаил, пантюркист 322
Гафуров Б. Г., историк 116
Гигинашвили А., большевик 340
Гилль, английский агент 124
Гиршфельд В., офицер 192, 194
Глазунов Д. К., ученый 353
Глинка К. Д., почвовед 351
Глуховский А. И., генерал 349
Гоголь Н. В., писатель 364
Головачев Н. Н., генерал 119
Горин-Горяинов Б. А., артист 364
Горохов, участник революционного движения 219
Гратковский Ф., социал-демократ 250
Григорьев В. В., востоковед 356
Гришечко-Климов, подпоручик 262
Гродеков Н. И., генерал 44, 46, 81, 90, 91, 126, 128
Гукасов (см. Джаладьянц А. А.)
Гулибеф Блоквилль, французский путешественник 20, 21, 54
Гучков А. И., военный министр 349, 398
Гюль Джамал, текинская ханша 134, 390
Давлет-Али, иомутский старшина 43
Давлетшин, генерал 388
Давыдов П., аптекарь 228

Давыдов Юсуп, капиталист 316
Дальский М., артист 364
Дандевилль В. Д., начальник экспедиции 1859 года 104
Данилевский Г. И., подполковник 81, 82
Дарьял (см. Дмитриев В. Д.)
Дейнеко, инспектор Асхабадской мужской гимназии 329
Джаладьянц А. А., солдат 204
Джафар Кули-хан, правитель Буджнурда 90
Джилл, английский агент 113
Джомарт-сюитхор, халачский бай 188
Джунаид-хан, главарь реакционного выступления 1916 г. в Хиве 380, 384
Димо Н. А., почвовед 351
Дин Насыр, эмир Бухары 76, 77
Дмитриев В. Д., большевик 202, 297, 329, 393
Добролюбов Н. А., писатель, революционный демократ 139
Добросельский, подполковник 239
Довлет Мурат, судья 43
Довлетмурад-бек Чары-бек оглы, туркменский старшина 35
Довлетназар-бай, текинский предводитель 73, 74
Доррер Г. И., граф, комиссар Временного правительства 400
Драницын А. А., почвовед 351
Драновский, царский чиновник 358
Дубянский В. В., геолог-петрограф 351
Дудин С. М., этнограф 21, 357
Дурды-бахши, певец-музыкант 370
Дурды Клыч, народный поэт 366, 370
Дурново П. Н., министр внутренних дел 303
Дуров В. Л., артист 364
Евреинов М. Д., начальник Закаспийской области 245, 259, 374
Егоров И. А., провокатор 204, 212
Егупов, жандармский ротмистр 327
Ермолаев М. Н., инженер 152, 351
Ермолов А. П., генерал 95
Желябов, А. И., революционер 139
Жуковский В. А., востоковед-иранист 77, 355, 356
Зарудный Н. А., зоолог-орнитолог 353, 354, 363
Захаров Г., 238
Зелили, поэт 48, 50, 51, 52, 57, 71
Иванов А. П., геолог и палеонтолог 350
Иванов П. П., историк 62
Иванов С. М., историк 84
Игнатьев, русский посол в Константинополе 114
Иль Магомед, иомутский старшина 43
Ильминский Н. И., языковед 358
Ильтузар-хан (Эльтузер-хан), хан Хивы 67, 76
Иностранцев К. А., востоковед-иранист 356
Иомудский Н. Н., подполковник 400
Искандер-бай, мираб 37
Исфендиар-хан, хан Хивы 384
Каджар-хан, туркменский феодал 135, 136
Калицкий К. П., геолог 350
Калмаков Н. К., начальник Закаспийской области 389, 392, 399
Калязин С., участник революционного движения 252
Канода Н. Н., историк 6
Каракули-хан, туркменский феодал 134
Кара-оглан, текинский хан 41, 84
Карелин Г. С., путешественник и естествоиспытатель 72, 96, 99, 100, 102, 103, 351

Q.C.L. N.Ver

Карпенко Л., меньшевик 250, 265
Карпов М. С. 354
Каррыев А. К., историк 5, 6
Катаев Е. П., участник революционного движения 243
Кауфман К. П., туркестанский генерал-губернатор 118, 119, 120
Квартовкин, управляющий соляным промыслом Куули 381
Кеворков, капиталист 170
Кель-бахши, певец-композитор 370
Кемине (Мамед Вели), поэт 40, 41, 47, 48, 49, 50, 57
Кецховели В., большевик 202
Кёр-Молла, поэт 366, 370
Кидяев, солдат 128
Кискевич, механик-телеграфист 277
Кият-хан, иомутский хан 26, 43, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 103
Клейгон, английский агент 113
Коваль, инженер 277
Коджан Кули-бай, иомутский старшина 43
Коломин А., социал-демократ 330
Комаров А. В., начальник Закаспийской области 135, 136, 137, 355
Комаров В. Л., ботаник, географ и путешественник 351, 352
Кондратович, туркестанский генерал-губернатор 158, 159, 309
Кононов В., участник революционного движения 255
Кононова, социал-демократ 332
Коншин, капиталист 181
Коржинский С. И., лесовод 351
Корюшкин, большевик 210
Косаговский, генерал 284
Котов, социал-демократ 294
Коушут-хан, текинский хан 33, 46, 84, 87, 91, 113
Кривоногов, солдат 285
Крымский А. Е., востоковед 358
Кудрин, капиталист 181
Куколь-Ямпольский, начальник Асхабадского уезда 243
Кулиев О. К., историк 6
Кунгратская династия 66
Курбан Мамед Ораз Мамед оглы, владетель кяриза 345
Курбанмурад-ишан, текинский предводитель 127
Курлов П. 303
Куропаткин А. Н., генерал 148, 155, 356, 392, 398, 399
Кутлук Мурад, хан Хивы 78, 89
Кушнир М. К., бухгалтер 277
Лазаренко, слесарь, участник революционного движения 264
Лалаев, есаул 99
Лаптев М. К., биолог 353
Левина В. А., археолог 58
Левченко Ф. И., агроном-почвовед 351
Лемсден, английский генерал 136, 137
Ленин В. И. 106, 107, 165, 168, 173, 174, 175, 199, 205, 209, 216, 226, 227, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 253, 262, 263, 266, 270, 273, 274, 276, 287, 293, 301, 304, 305, 306, 307, 337, 338, 348, 349, 364, 376, 377, 396, 398, 402
Лерх П. И., востоковед 356
Лессар П. М., инженер 47, 63, 135, 356
Ливкин Д., ученый 11
Липский В. И., ботаник, систематик и флорист 351, 363
Лисевицкий, социал-демократ 202
Литвинов Д. И., ботаник 351
Литтон, вице-король Индии 124

Лобачевский В., ученый 192, 198
Логофет Д. Н., путешественник 357
Ломакин А. А., генерал 122, 123, 125, 126, 334, 356
Лоудон Г. В., зоолог 353
Лукьянов О., большевик 236, 238, 239
Людвигов Л., 204
Лютш Я. Я., российский политический агент в Бухаре 245
Магомед Таган, судья 43, 100
Мадритов, генерал 391
Макаров, сенатор 331
Максимович, генерал-адъютант 225, 254, 286
Максудов Садрий, член Государственной думы 322
Макшеев А. И., историк 121
Маллицкий Н. Г., Ташкентский городской голова 308
Малома А. Д., ученый 351
Малыхин, генерал 237, 238, 240, 285, 308, 309
Мамед-Али, шах Ирана 335
Маркозов, полковник 117
Маркс К. 107, 109, 111
Масальский В. И., географ 108, 195
Массон М. Е., археолог 6, 11, 63
Матвафа Бакалов, хивинский министр 383
Махтумкули, поэт 50, 51, 52, 57, 365
Махтумкули-бахши, певец-музыкант 370
Махтумкули-хан, текинский хан 127, 129, 133, 135, 382
Мациевский Е. О., генерал 263
Мельников, зав. полицейской частью в Кизыл-Арвате 260
Менг-Али Сердар, иомутский старшина 43
Менгли Вель Мурад Кизы, ковровщица 371
Менгли-хан, туркменский феодал 388
Мерген-Арчин, один из главарей реакционного выступления 1916 г. на Гюргене 391
Мерзляков, участник революционного движения 219
Мехри Гозель Бойча Кизы, ковровщица 371
Микиртычев, капиталист 181
Милютин Д. А., военный министр 126
Минаев И. П., русский путешественник 111, 112
Миндер, капиталист 169, 170
Мир Абдуль-Керим (Абдулкарим) Бухарский, историк 66, 67, 76
Мирахур, бухарский посланник 114
Мир Багиров, астраханский купец 27
Мирза Мухаммед Таги-хан, историк 28, 70, 77, 80, 82, 84, 86, 87
Миронов И. Е., меньшевик 295, 302
Мискин-Клыч, поэт 370
Михайлов Ф. А., генерал 24, 62, 356
Мозер, французский путешественник 370
Мокиев Г., социал-демократ 224
Молла-Мурт, поэт 370
Молланепес, поэт 52, 53, 57
Моргунов П., социал-демократ 219, 223, 230, 288
Морозов, десятник 264
Морозов М. В., большевик 254, 255
Морозов Савва, капиталист 170, 315
Морозова А. С., историк 5
Мошкова В. Г., этнограф 5, 21
Музаффар, эмир Бухары 116, 117
Муладзе, предприниматель 345
Мунис, историк 12, 68, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78

Муравьев, капиталист 316
Муравьев Н. Н., начальник экспедиции 1821 г. 23, 42, 43, 69, 94, 95, 96, 98
Мурад-сердар, текинский феодал 74, 75, 76, 77
Муратов, полковник 133
Мухаммед Амин-бек, хивинский юзбаши 82
Мухаммед Заман-хан Каджар, правитель Астрабадской области 70
Мухаммед Рахим-хан, хан Хивы 51, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78
Мухаммед-Рахим II, хан Хивы 118, 119
Мухаммед Хасан-хан, историк 77, 84
Мухаммед Эмин, хан Хивы 66, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90
Мухаммед Юсуп, мехтер хивинского хана 82
Мухаммед Якуб, историк 76
Мухин, октябрист 219, 243
Мушкетов И. В., геолог и географ 349, 363
Мычко, участник революционного движения 342
Мятаджи, поэт 370
Назар-бахши, певец-музыкант 370
Нарыд-хан, иомутский старшина 43
Насреддин, шах Ирана 90
Нацкий А. Д., геолог 350
Небольсин П. И., историк 21, 23
Немешаев, министр путей сообщения 265
Нестеров И. Н., социал-демократ 224, 228, 250
Неустроев С. С., почвовед 351
Нефес-бек Якшимамед оглы, туркменский старшина 35
Никитин В. В., ботаник 351, 352
Николай I, император 97
Николай II, император 264, 303, 307, 357
Никольский А. М., орнитолог 353, 354
Нияз Дурды Хан, 289
Нияз Мухаммед-бай, хивинский сановник 82, 83
Нияз Харс оглы, мираб 36, 37
Нобель, нефтепромышленник 168, 342, 343
Новиков, начальник станции Ташкент 259
Новоковский, председатель «Перовского революционного комитета» 282
Нурберды-хан, текинский хан 34, 46, 90, 123, 127, 134
Нурмухаммед Махтум-бек Дурды Ишанов, човдурский предводитель 98
Обручев В. А., геолог и географ 349
Овезов Д. М., этнограф 58
Огуль Тач, ковровщица 371
О'Доннован, английский агент 124, 127, 128, 129, 130
Окунев, 280
Олейников, ефрейтор 255
Олешин В., агитатор 245
Ораз Салыр, певец-композитор 370
Ораз Сахат Ораз Мамед-оглы, крестьянин 346
Ораз-хан, текинский хан 81, 84
Ораз-Яглы, туркменский предводитель 86
Остен-Дризен, барон 214, 226, 227
Островский А. Н., писатель 364
Пален К. К., сенатор 142, 149, 151, 152, 155, 164, 168, 317, 373
Палецкий В. А., учёный-лесовод 351, 353
Пампелли Р., геолог 355, 363
Папыш-Дели, хивинский вельможа 89
Пашетный Е. Ф., большевик 394
Первышев И., меньшевик 236, 251, 252, 257, 268

Перовский В. А., оренбургский военный губернатор 43, 96
Плеве В. К., министр внутренних дел 204
Плеханов Г. В. 349
Подольский, механик 252
Половцев П., участник революционного движения 250
Полуян Д. В., большевик 339
Полынов Б. Б., почвовед 351
Померанцев П. П., картограф 6
Пономарев, начальник экспедиции 1819—1820 гг. в Туркмению 95, 96
Понятовский С. К., зоотехник 354
Попов И. И., помощник начальника станции Красноводск 201
Потеляхов, капиталист 316
Похвистнев П. В., меньшевик 295, 325
Поцелуевский А. П., языковед 358
Прасолов, комендант крепости Кушка 259, 261, 264, 265, 269
Пугаченкова Г. А., архитектор, искусствовед 5, 6, 58
Пуришкевич В. М., 349
Путилов, капиталист 315
Пясковский А. В., историк 5
Радде Г. И., естествоиспытатель 351, 353, 363
Радищев А. Н., писатель, революционный демократ 139
Рахимкули-хан, хан Хивы 82, 83
Рерберг, начальник Закаспийской области 129, 131
Решетин И., большевик 340
Риза-Кули-хан, правитель Кучана 35
Роганов, чиновник 218
Родофиникин К. К., директор Азиатского Департамента 97
Романовы, династия 145, 392
Ромодин В. А., историк-востоковед 6
Росляков А. А., историк 5
Роулинсон Г., ориенталист 110, 111
Ртищев, генерал 94, 96, 101
Руманов (Руманов Асхабадский) М. С., большевик 223, 241
Рустамов А. К., зоолог 353
Руш, провокатор 327
Рябушинский П. М., капиталист 315
Саат-Кули-сердар, хивинский ставленник в Мары 78, 79
Сагателов, капиталист 170
Сагат хан, 289
Салар, иранский феодал 84, 85
Сары Ата Тенли, крестьянин 345
Сары-бахши, певец-музыкант 370
Сатунин К. А., зоолог 354
Сахаров, помощник туркестанского генерал-губернатора 246, 258, 260, 261, 262, 263
Святополк-Мирский, князь 204, 212
Сеид Мухаммед, хан Хивы 89
Сеиди (Сеидназар), поэт 13, 39, 48, 50, 51, 57
Сеидназар-юзбаши, алилинский предводитель 137
Семенов А. А., востоковед 21, 116, 355, 357
Семенов, атаман 295
Семенчик, социал-демократ 339
Сенников А. А., историк 47
Сергеев (он же Петров), социал-демократ 332
Симаков Н., искусствовед 21
Симонов Н. Ф., участник революционного движения 264
Сиях-Пуш, английский агент 135, 136
Сквирский Л., капиталист 316

Скобелев М. Д., генерал 126, 129, 132
Соболев Л. Н., историк 111
Соколов, капитан 214, 217, 220, 230
Соколов, инженер, участник революционного движения 264, 265
Сокольский, студент 330
Соловьев Б. Г., историк 47
Стабровская К. П. 204
Стабровский Л., социал-демократ 202, 204, 212, 223, 227, 228, 229, 288
Сталин И. В. 142, 154, 167, 348, 374, 375
Столетов Н. Г., полковник 117
Столыпин П. А., министр внутренних дел 297, 303, 307, 312, 323
Струве П. Б., русский буржуазный экономист и философ 349
Стукен, капиталист 181
Стюарт, английский агент 124
Суави-Эфенди, турецкий агент 114
Суботич Д. И. (Субботич), начальник Закаспийской области 35, 75, 150, 151, 153, 154
Судаков, солдат 285
Сулейман Кули-бай Искандер оглы, мираб 37
Султаннияз-бек, эрсаринский предводитель 12
Султан Мурад, текинский предводитель 91
Султан-хан, номутский предводитель 94
Сухомлинов В. А., военный министр 336
Таиров Я., царский чиновник 150, 153
Тарасов, генерал 121
Таубе, барон 236
Тачмамед-бахши, музыкант 370
Тейле Э. Э., статистик 355
Тенгриберды-бек, сарыкский предводитель 87
Терентьев М. А., генерал 119, 120
Тер-Степаньянц, торговец 345
Тимаев К. А. 362
Тимошкин К. М., слесарь 201
Титов П. З., большевик 340
Толстой Л. Н., писатель 364
Тёре Мурад Софи, правитель Арала 68
Трепов Д. Ф., товарищ министра внутренних дел 231, 303
Третесский, начальник Чарджуйского гарнизона 237, 244, 245
Троицкая А. Л., историк 88
Турпаев, русский посланник в Хиву 72
Тыкма-сердар, текинский предводитель 123, 127, 129, 130
Ульянин Н. А., начальник Среднеазиатской железной дороги 214, 222, 239, 249, 250, 257, 275, 279, 327
Ульянов А., революционер 139
Усаченко Ф. А., капитан 101
Успенский В. А., искусствовед 369
Уссаковский, начальник Закаспийской области 249, 250, 257
Устинов, капиталист 316
Ухтомский Э., граф 355
Фатх-Али, шах Ирана 76, 81, 94
Федченко Б. А., ботаник 351
Фелькерзам А. Е. 21, 357, 371
Фелькерзам, генерал 93
Федоров К. М., владелец типографии в Асхабаде 360
Фиолетов И. Т., большевик 340, 397
Флаксман, капиталист 316
Форсайт Т. Д., английский государственный деятель 113
Фрезер С. Р., английский путешественник 22

Хайдар, эмир Бухары 76, 77
Халнепес-сердар, текинский предводитель 74
Халтурин А., революционер 139
Халлы-бахши, певец 370
Халлы Ханбердыев, туркменский старшина 130
Хамза Мирза Эшмет-Даула, иранский военачальник 91
Хан-Гельды, иомутский старшина 43
Хан-Ишан, один из главарей реакционного выступления 1916 г. в Хиве 384
Хачиев А. М., большевик 202, 203, 204, 212
Ходжа Мухаммед, ишан 89
Ходжамшукур-хан, текинский хан 81, 84
Ходжаназар-бек, текинский предводитель 73
Хыдыр-бек Куш оглы, туркменский старшина 35
Цвейфель, начальник Мервского депо 327
Чабров Г. Н., историк 172
Чарыев Г. А., философ 5
Чернышевский Н. Г., писатель, революционный демократ 139, 349
Черняев М. Г., туркестанский генерал-губернатор 132
Чоудур-бахши, певец-музыкант 370
Шабасан, крестьянин 334
Шалапутов В., участник революционного движения 250
Шаляпин Ф. И., артист 364
Шамми-Кель, один из главарей реакционного выступления 1916 г. в Хиве 347, 384
Шах-Мурад, эмир Бухары 76
Шекспир, английский путешественник 72, 364
Шелковский, инженер 280
Шендриков Г., меньшевик 241
Шендриков И., меньшевик 241
Шендриков Л., меньшевик 241
Шереметьев А. 235, 240
Шибаев, капиталист 170
Шимкевич П., царский чиновник 358
Шлегель Б. Х., гидролог 351
Шлосберг, капиталист 316
Шмидт, руководитель восстания моряков в Севастополе 253
Штиглиц 357, 371
Щеглов В., большевик 291
Щегловитов 303
Щепкин Н. Н., кадет 399
Эвез-инак, хан Хивы 66
Эвтифеев, социал-демократ 282
Эйхвальд Э. И., натуралист-путешественник 98, 351
Эйюб-хан, афганский политический деятель 135
Энгельс Ф. 105, 109, 111
Эриванцов, астраханский купец 104
Юсуп-бий, хивинский наместник в Мары 133
Юсуф-Молла-Лятыф-оглы, участник революционного движения 225
Юсуф Ходжа, руководитель восстания атрекских туркмен 1813 г. 70
Юферев В. И., агроном 157
Яворская Л., артистка 364
Якуб Баев, капиталист 170
Якубовский, подполковник 269
Ярлыкаб-бек, човдурский предводитель 68
Яровой, слесарь 285

УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абиверд, город 13, 59, 79
Австрия 376
Адаевская волость 383
Аджи-Кала, селение 12
Аджи-Яб, канал 38
Азербайджан 322
Азия 109, 310
Ак-Кала, укрепление 14
Ак-Тау, гора 11
Акташ-Аяк, укрепление 14
Ак-Тепе, аул 382
Ак-Тепе, укрепление 14, 226
Ак-Тери-Кала, селение 12
Александр-бай, залив 101
Александровский форт 25, 180, 200
Алныш, аул 345
Алтай, край 99
Америка (США) 163, 390
Аму-Дарья, река 7, 9, 12, 13, 16, 17, 18, 23, 78, 89, 109, 116, 118, 141, 142, 152, 162, 163, 175, 184, 186, 188, 189, 196, 348, 350, 351, 395
Анау, городище 14, 92, 355, 363
Анау, станция 227
Анау, укрепление 14, 59, 60
Англия 70, 99, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 124, 125, 127, 128, 129, 325, 376, 380, 390
Андижан, город 242, 263, 282
Андижан, станция 269
Аннау (см. Анау)
Антверпен, город 362
Арал, владение 67, 68
Аральское море 196
Ардебиль, город 335
Артык, аул 333, 334
Артык, речка 334

Артык, станция 333
Артыкский торговый пункт 180
Арчман, селение 75, 126
Арчман, укрепление 14
Астрабад, город 48, 67, 70, 72, 94, 99, 100, 102, 113, 120, 142, 177, 181
Астрабадская область 70
Астрабадская провинция 387
Астрабадский залив 10, 26, 100, 171
Астраханская губерния 95
Астраханская область 93, 95, 101, 102
Астрахань, город 26, 27, 92, 93, 95, 96, 98, 100, 103, 130, 240
Асхабад, город 129, 131, 132, 133, 134, 137, 140, 155, 156, 158, 160, 171, 172, 175, 178, 180, 197, 200, 202, 203, 204, 211, 212, 213, 214, 215, 217, 220, 221, 222, 224, 226, 227,228, 229, 230, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 257, 259, 264, 265, 268, 269, 270, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 283, 286, 287, 288, 291, 293, 294, 297, 298, 308, 309, 310, 311, 312, 314, 315, 322, 323, 324, 326, 329, 330, 332, 333, 335, 336, 339, 340, 352, 355, 356, 360, 362, 364, 373, 385, 393, 396, 397, 398, 399
Асхабад, станция 176, 215, 269, 276, 277, 283, 330, 345
Асхабадский район 159
Асхабадский уезд 140, 141, 145, 149, 150, 151, 154, 157, 159, 180, 181, 243, 317, 345, 382, 385, 386, 388
Атек, оазис 9, 13, 76, 78, 79, 86, 141
Атекское приставство 141, 333
Атрек, аул 10
Атрек, река 9, 10, 15, 17, 23, 36, 37, 38, 69, 103, 117, 120, 121, 122, 142, 162
Афганистан 7, 16, 23, 42, 109, 110, 111, 112, 113, 125, 126, 136, 137, 142, 177, 178, 187, 188, 264, 316, 361, 384, 391
Ахал (Ахал-Теке), оазис 9, 14, 15, 17, 24, 34, 35, 44, 45, 46, 58, 69, 72, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 81, 84, 85, 90, 92, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 134, 137, 140, 317
Ахал-Текинский уезд 140, 141
Ашур-Ада, остров 10, 104
Ашхабад (Асхабад), аул 127, 165, 324, 345
Ашхабад (см. также Асхабад), город 6, 29
Баба-Араб, укрепление 14
Багир, аул 15, 29, 58
Багир, укрепление 14
Багшы, укрепление 14
Бай, аул 383
Байрам-Али, город 13, 59
Байрам-Али, станция 176, 352, 355, 360
Байрам-Алийское приставство 388
Бакинский район 342
Баку, город 6, 98, 122, 174, 183, 197, 200, 202, 203, 204, 211, 212, 220, 221, 241, 253, 270, 297, 298, 322, 330, 331, 332, 333, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 392
Балканы 108, 111, 112
Балкуи, колодец 10
Балханский залив 95, 98
Бами, станция 117
Бами, укрепление 14, 126, 129

Бахарден, станция 269, 385
Бахарден, укрепление 14
Бахарденский район 58, 60
Бахарденский торговый пункт 180
Башкирия 99
Баят-Ходжа, селение 121
Бегредень (см. Бахарден)
Белый бугор, остров 103
Бендер-Бушир, город 335
Берлин, город 172
Беурме, укрепление 14
Бешир, селение 12
Бирма 111
Бирючая коса 98
Ближний Восток 108
Большие Балханы, горы 10, 12, 37, 71, 117, 161, 350
Боя-Даг, гора 168, 350
Буджнурд, область 90
Бузачи, полуостров 11
Бурдалык, селение 12
Бурдалыкское бекство 185
Бухара, город и область 13, 21, 22, 23, 24, 27, 39, 40, 41, 42, 47, 54, 65, 67, 69, 77, 78, 79, 82, 83, 84, 86, 90, 99, 106, 109, 114, 116, 117, 122, 138, 141, 142, 143, 144, 163, 166, 168, 172, 177, 178, 179, 180, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 196, 197, 244, 323, 324, 355, 357, 395, 399
Бухарский эмират 12, 39, 113, 125, 141, 144, 185, 186, 188, 192, 193, 198, 379, 380, 383, 394, 397
Бухарское ханство 22, 115, 116, 117, 140, 144, 182, 191, 244, 323
Бюрме (см. Беурме)
Варшава, город 170
Векильбазар, селение 52
Великобритания (см. Англия)
Вена, город 371
Владивосток 253
Владикавказ 197
Волга, река 98
Гамбург, город 197
Гарям, урочище 26
Гасан-Кули, аул 10, 43, 100, 120
Гасан-Кулийский залив 10, 26, 171
Гауданский перевал 177
Геверд (см. Гяурс)
Геми, источник 35
Геок-Тепе, крепость 14, 122, 124, 125, 127, 129, 131, 135
Геок-Тепинский торговый пункт 180
Геокча, укрепление 14
Герат, город 72, 99, 125, 126, 128, 136
Гератская провинция 177
Гери-Руд (см. также Теджен) 11
Геркез, селение 11
Гермаб, поселок 155
Гермабо-Куркулабская котловина 155
Германия 376, 380, 390
Гиндукушская плотина 147
Голутвино, станция 268

Грузия 94, 95
Гумбези-Кабус, башня 11
Гумбез-Яйла (Куня-Ахал), укрепление 14
Гурьев, город 99
Гюк-Тепе (см. Геок-Тепе)
Гюлистанский лагерь 96
Гюмиш-Тепе, аул 10
Гюрген, река 7, 10, 11, 17, 71, 103, 124, 387, 391
Гюргенская степь 76
Гюрек, укрепление 14
Гяурс, источник 35
Гяурс, станция 14
Гяурс, укрепление 14
Дальний Восток 207
Дарджа, полуостров 10, 26
Даудан, канал 88
Дейнауское бекство 192
Дели, кяриз 382
Денгли-Депе (см. Геок-Тепе)
Дербентское ущелье 75
Джебел, станция 176, 262, 266, 394
Дженги (см. Зенги)
Джизак, станция 116
Джунгарский Алатау 99
Дуран (см. Дурун)
Дурун, укрепление 14, 41, 75
Дурунское приставство 141, 382
Душак, станция 176, 269
Душакский торговый пункт 180
Европа 110, 178
Египет 321
Женева, город 216
Житный, село 98
Заган (см. Изгант)
Зайсан, край 99
Закавказье 70, 157, 168, 200, 202, 203, 211, 220, 221, 316
Закаспий 65, 88, 98, 101, 104, 122, 141, 148, 149, 157, 162, 163, 166, 167, 169, 171, 173, 176, 178, 179, 180, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 190, 194, 195, 199, 200, 201, 202, 204, 211, 218, 220, 300, 322, 324, 337, 339, 351, 352, 353, 354, 355, 359, 362, 373, 380, 388, 397, 401
Закаспийская железная дорога 148, 157, 175, 177, 178, 184, 186, 188, 196
Закаспийская область 24, 26, 35, 36, 62, 63, 129, 131, 132, 135, 137, 140, 141, 142, 143, 144, 148, 149, 150, 151, 153, 154, 155, 157, 158, 160, 164, 167, 175, 177, 178, 179, 180, 181, 186, 189, 193, 195, 196, 198, 199, 200, 202, 203, 206, 211, 213, 214, 217, 219, 223, 224, 225, 226, 227, 229, 230, 234, 239, 241, 242, 243, 244, 247, 248, 255, 263, 266, 268, 270, 272, 274, 275, 276, 277, 278, 280, 282, 284, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 314, 315, 316, 317, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 341, 342, 343, 345, 346, 350; 354, 355, 356, 357, 362, 363, 373, 374, 375, 377, 378, 379, 380, 382, 385, 386, 387, 390, 392, 393, 394, 395, 397, 399, 400
Закаспийская степь 175, 177
Закаспийский военный отдел 129, 140

Закаспийский край 46, 58, 353, 354, 355
Западная Европа 21
Зау, укрепление 14
Зеленый бугор, остров 10
Зенги, укрепление 14
Зерафшан, река 77, 186
Зеравшанский округ 116
Зерабулакские высоты 116
Иваново-Вознесенск, город 170, 303
Ижевск, город 339
Изгант, укрепление 14
Изгантское ущелье 75
Ильялы, город 195
Ильялы, район 142, 383
Имам-Баба, станция 162
Инд, река 109
Индия 16, 99, 109, 110, 111, 112, 124, 126, 171, 177, 321
Иолотанский оазис 13, 17, 35, 135, 140, 146, 175
Иолотанское приставство 141, 153
Иолотань, город 27, 51, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 86, 136, 138, 150, 261, 345, 394
Иолотань, станция 176
Иран 7, 9, 11, 13, 16, 23, 26, 27, 40, 42, 43, 65, 69, 70, 71, 72, 77, 78, 79, 80, 81, 84, 85, 86, 87, 90, 91, 102, 113, 142, 155, 162, 172, 177, 178, 179, 181, 321, 361, 384
Ирдадское ущелье 75
Исфаган, город 335
Ишкабад (Ашхабад), укрепление 14
Каахка, аул 24, 59, 345
Каахка, крепость 24
Каахка, станция 176, 264, 323, 397
Каахкинский район 13
Каахкинский торговый пункт 180
Кабаклы, пристань 9, 12
Кабаклыйское бекство 185
Кабул, город 99, 109
Кавказ 96, 103, 107, 120, 126, 174, 177, 179, 184, 186, 200, 204, 221, 233, 270, 322, 331, 333, 335, 338, 361
Кавказский военный округ 117, 141
Каган, станция 187, 188, 260, 395
Каджик, укрепление 14
Казалинск, город 242
Казанджик, поселок 269, 279, 281, 282, 329, 397
Казанджик, станция 176, 211, 213, 215, 242, 256, 261, 269, 293, 394
Казанджикский торговый пункт 180
Казанджик-Яби, канал 38
Казань, город 23, 352
Казахстан 314, 385
Казыклыбентская плотина 146
Кала-и-Мор, станция 201
Калининский район 67
Кандагар, город 126
Карабекаул, станция 17
Карабекаульский район 12
Карабогаз, залив 10, 98, 350
Кара-Бурун, селение 84

Караган, укрепление 14
Караганда, город 174
Карадаш-Аяк, укрепление 14
Кара-Кала (см, Карры-Кала)
Кара-Калинское приставство 141, 149, 172
Кара-Куль, селение 78
Кара-Кумы, пустыня 17, 29, 163, 189, 351, 352, 359, 379, 384
Кара-Сенгир, аул 10
Кара-Су, речка 9
Кара-Тау, гора 10
Кара-Чирле, аул 73
Кара-Яб, населенный пункт 13, 87, 88, 91
Карры-Бент, плотина 133, 146, 345
Карры-Кала, селение 50, 51, 90, 92, 126, 180, 200, 225, 289, 323
Карры-Кала, крепость 11
Карры-Калинский торговый пункт 180
Карши, станция 394, 395
Каспийское море (Каспий) 7, 10, 11, 25, 26, 27, 28, 68, 70, 71, 72, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 110, 117, 120, 126, 171, 177, 297, 350
Каспийское побережье 10, 120
Каш, речка 162
Кветта, город 126
Келеджар, аул 324
Келеджар, укрепление 14
Келек, укрепление 14
Келеть (см. Келята)
Келиф, город 9, 12, 187, 190
Келифский Узбой 351
Келифское бекство 185, 190, 192
Келята, укрепление 14
Кемчара (см. Келеджар)
Керки, город 12, 13, 61, 78, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 244, 323, 395
Керки, станция 394, 397
Керкинский район 141
Керкинское бекство 185, 190
Кеши, аул 156, 160, 352
Кеши, укрепление 14
Киев, город 197
Кизыл-Арват, город 14, 75, 117, 125, 175, 200, 202, 203, 210, 211, 213, 214, 215, 217, 219, 220, 223, 226, 230, 236, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 247, 250, 255, 256, 260, 261, 270, 275, 276, 277, 278, 280, 281, 282, 288, 290, 291, 295, 308, 312, 330, 331, 339, 341, 342, 360, 393, 397
Кизыл-Арват, станция 176, 217, 269
Кизыл-Арват (Кизыл-Арбат), укрепление 14, 58, 218
Кизыл-Арватский торговый пункт 180
Кизыл-Аяк, селение 190
Кипчак, укрепление 14
Киргизская степь 99
Киргизия 385
Китай 370
Кодж, укрепление 14
Козельный, поселок 155
Козсыз, река 71

Коканд, город 106, 181, 242
Коканд, станция 269
Комарово, станция 389
Константинополь, город 323
Копенгаген, город 362
Копет-Даг, горы 7, 9, 11, 15, 155, 350
Коушут-Хан-Кала, крепость 13, 136
Красноводск, город 104, 117, 120, 126, 140, 175, 176, 180, 186, 200, 201, 202, 203, 211, 217, 220, 242, 246, 251, 263, 270, 275, 282, 283, 284, 287, 297, 308, 322, 329, 339, 341, 350, 360, 364, 374, 381, 393, 397
Красноводск, станция 176, 201, 269, 277
Красноводская коса 10, 25
Красноводский залив 10, 98
Красноводский полуостров 350
Красноводский порт 176, 246, 343
Красноводский уезд 36, 141, 149, 162, 163, 168, 172, 180, 201, 287, 289, 318, 341, 343, 378, 379, 380, 383, 385, 387, 391
Красноводское плато 350
Красноводское приставство 140
Красноводск-Шихский торговый пункт 180
Кронштадт, город 253
Крым 322
Куба-Даг, гора 350
Кум-Яб, канал 75
Кунград, город 68, 197
Куня-Ургенч, город 195
Куня-Ургенчский район 383
Курган-Тюбинское бекство 192
Кутнам-Кала, крепость 12
Куули, местечко 350, 380
Кучан, город 177, 181, 335
Куч-Ата (см. Кодж)
Куши (см. Кеши)
Кушка, крепость 136, 175, 176, 202, 259, 263, 264, 265, 270, 281, 282, 285, 341, 393, 397
Кушка, река 136, 137, 162
Кюкча (см. Геокча)
Кюмят-Яйла (см. Гумбез-Яйла или Куня-Ахал)
Кюрен-Даг, хребет 10, 58
Кюрен-Кала, укрепление 14, 59
Кяриз, укрепление 14
Кызганлы-Бент, плотина 145
Кырк-Кызские земли 198
Лебаб, местность 12
Лена, река 338
Ленинград, город 6
Лион, город 362
Лодзь, город 170
Лодзинский район 316
Лондон, город 113, 172, 295
Люберцы, станция 268
Мазандеран, область 102
Малые Балханы, горы 350
Мангышлак, полуостров 7, 10, 67, 68, 69, 71, 72, 92, 93, 95, 101, 120, 140
Мангышлакский уезд 141, 145, 149, 162, 163, 168, 290, 318, 385

Мангышлакское приставство 140
Маргелан, город 263
Марсель, город 163
Мары (Мерв), город 13, 15, 24, 27, 28, 31, 32, 34, 45, 46, 47, 48, 52, 54, 67, 69, 72, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 90, 91, 92, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 169, 170, 171, 172, 175, 176, 181, 204, 211, 217, 220, 223, 226, 242, 250, 256, 258, 260, 261, 262, 264, 269, 270, 275, 279, 281, 282, 285, 290, 293, 299, 308, 312, 315, 322, 323, 329, 331, 336, 339, 340, 341, 346, 355, 360, 364, 371, 373, 386, 388, 395, 397
Марыйская область (Мервская область) 60, 62, 81, 82
Марыйский оазис (Мервский оазис) 9, 13, 15, 17, 18, 27, 31, 34, 45, 46, 58, 78, 81, 82, 83, 85, 87, 90, 91, 92, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 138, 140, 146, 152, 159, 172, 175, 351
Махтум-Кала, селение 11
Мегин (см. Мехин)
Меловый угол 101
Мерв (см. Мары)
Мерв, станция 176, 269
Мервская область (см. Марыйская область)
Мервский оазис (см. Марыйский оазис)
Мервский район 159
Мервский уезд 140, 141, 147, 149, 159, 160, 162, 163, 169, 289, 317, 345, 346, 374, 383, 385, 386, 388, 395
Мертвый Култук, залив 72, 104
Мехин, городище 14
Мехин, укрепление 14, 75
Мешхед, город 77, 80, 84, 86, 128, 177, 181, 335
Мешед-и-Мисриан 355
Михайловка, поселок 155, 156
Михайловский залив 175
Молла-Кара, аул 121
Монджук-Депе 90
Монджуклы, поселок 168
Москва, город 6, 130, 170, 197, 202, 204, 223, 250, 268, 274, 338, 339, 352, 356, 362, 392, 396
Московский район 316
Мургаб, река 9, 13, 16, 18, 24, 31, 32, 33, 35, 39, 59, 63, 77, 78, 79, 81, 91; 135, 137, 146, 151, 162, 163, 175, 351
Мургабский оазис 14, 27, 31, 32, 76, 77, 78, 82, 85, 86, 92, 127, 175
Мургабское государево имение 146, 147, 151, 152, 170, 352, 355, 382, 395
Мурча (Мурджа), аул 14, 17, 24, 60
Мурча, укрепление 14
Наразым, город 13
Наразымское бекство 185
Небит-Даг, город 168, 350
Нижний Новгород, город 363
Ниса, городище 14, 60, 355
Ниса, укрепление 14
Нова, родник 35
Ново-Александровское, укрепление 72
Новороссийск, город 233
Ново-Ургенч, город 196, 197
Нохур, селение 17, 24, 126
Нохур, укрепление 14
Нуси (см. Ниса)

Нухур (см. Нохур)
Огурчинский, остров 10
Одесса, город 303
Окуз-Гяриман, бугор 36
Он-Кулач, канал 198
Оренбург, город 99, 163, 181, 186, 188, 197, 198, 322
Оренбургский край 89
Отамышская волость 390, 391
Оттоманская империя (см. Турция)
Пальварт, селение 12, 17, 24
Париж, город 172, 362
Паропамиз, хребет 7
Пенджаб, область 109
Пендинский оазис (Пенде) 13, 35, 81, 82, 135, 136, 137, 138, 140, 175
Пендинское приставство 140, 162
Перово (Перовск), станция 268, 282
Персидский залив 124
Персия (см. также Иран) 26, 27, 94, 97, 99, 100, 103, 104, 122, 124, 129, 158, 178, 315, 316, 334, 335, 336, 337, 343, 387
Петербург, город 93, 95, 101, 116, 129, 130, 186, 200, 202, 204, 207, 208, 209, 210, 214, 235, 237, 253, 259, 267, 274, 286, 290, 338, 352, 356, 362, 392
Петро-Александровск, форт 196, 197
Петроград (см. Петербург)
Поволжье 95, 322, 338
Польша 338
Порсу-Кала, крепость 67, 91
Порсы, район 142
Прибалтийский край 233, 338
Прикаспий 70, 102, 120
Прикопетдагская полоса 18, 39
Репетек, станция 353
Решт, город 335
Российская империя 106, 123, 129, 132, 134, 135, 137, 138, 139, 144, 148, 157, 175, 188, 205, 234, 348
Россия 7, 21, 22, 23, 26, 29, 31, 43, 47, 53, 54, 65, 71, 72, 79, 80, 85, 88, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 146, 147, 148, 149, 154, 155, 158, 162, 163, 164, 166, 167, 168, 171, 173, 177, 178, 179, 181, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 194, 195, 196, 198, 199, 203, 205, 206, 207, 209, 210, 226, 230, 234, 236, 242, 253, 262, 263, 264, 268, 274, 287, 296, 299, 300, 301, 302, 306, 308, 316, 317, 324, 327, 337, 338, 339, 346, 348, 349, 353, 354, 356, 358, 359, 360, 361, 363, 364, 367, 372, 374, 375, 377, 379, 380, 383, 384, 390, 392, 395, 397, 399, 401, 402
Русь 264
Салаклы, укрепление 14
Самарканд, город 24, 116, 137, 175, 184, 186, 242, 251, 254, 255, 324
Самарканд, станция 269
Самаркандская область 141, 390
Санкт-Петербург (см. также Петербург) 207
Саратовская губерния 233
Сарыкамыш, озеро 89
Сарыкамышская впадина 117, 350, 351
Сары-Язы, водохранилище 162
Севастополь, город 253

Северная Америка 108, 197
Сеид Насыр, городище 91
Семиреченская область 141
Семиречье 155, 390
Серахс 13, 28, 48, 59, 69, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 84, 85, 86, 87, 90, 91, 92, 128, 136, 145, 387, 388, 397
Серахский оазис 9, 13, 17, 140
Серахский торговый пункт 180
Серахское приставство 141, 201, 356, 373, 386, 388
Серебряный бугор 95, 97
Серные Бугры 352
Сибирь 107, 233, 236, 295, 302
Синд, река 109
Синцзян 316
Союз Советских Социалистических Республик 140
Среднее Поволжье 197
Средний Восток 47, 92, 177
Средняя Азия 16, 21, 22, 67, 89, 99, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 125, 126, 138, 143, 144, 147 154, 158, 171, 172, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 184, 186, 198, 199, 223, 250, 268, 272, 301, 316, 348, 353, 354, 356, 357, 371, 384, 390
Султан-Бент, плотина 77, 78, 85, 146
Сумбар, река 11, 162
Сунча, укрепление 14
Сыр-Дарьинская область 141, 246, 395
Тавриз, город 335, 336
Таджикская ССР 116
Таммерфорс, город 272, 326
Тарбагатай, край 99
Тахта, селение 197, 347, 383
Тахта-Базар, селение 63, 333
Таш-Арват-Кала 120
Ташауз, город 142, 184, 195, 197, 347
Ташаузская область 61, 192
Ташкент, город 6, 181, 186, 204, 210, 213, 214, 215, 237, 241, 242, 243, 246, 254, 256, 257, 258, 259, 262, 263, 267, 270, 271, 280, 281, 282, 283, 284, 291, 292, 298, 322, 339, 340, 341, 362, 386
Ташкент, станция 269, 276
Ташкентская крепость 255, 256, 284
Таш-Кепри, станция 136, 137, 385
Тегелек-Меджек, аул 346
Тегеран, город 51, 90, 96, 335
Теджен, река 9, 13, 24, 35, 63, 81, 127, 140, 145, 151, 152, 162, 351
Теджен, станция 147, 176, 390
Теджен (Тедженский оазис) 9, 15, 17, 72, 73, 81, 85, 127, 151, 152, 153, 344, 351, 360, 373, 386, 388, 397, 399
Тедженский округ 140
Тедженский район 159
Тедженский уезд 140, 141, 145, 147, 149, 157, 160, 168, 180, 333, 344, 345, 373, 385, 387, 388, 390, 399
Термез, город 188
Тифлис, город 97, 99, 199, 202, 204, 212, 270, 362
Трапезунд, город 109
Троицк, село 341
Туран 48
Туркестан 21, 121, 126, 128, 141, 144, 157, 163, 168, 175, 177, 178, 179, 180, 204, 206, 210, 214, 220, 221, 225, 234, 241, 246, 252, 254, 256, 257, 260, 262, 263, 264, 265, 266, 270, 271, 272, 275, 278, 280, 281, 282,

285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 296, 299, 300, 301, 308, 314, 315, 316, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 326, 327, 336, 341, 353, 360, 377, 379, 389, 392, 398
Туркестанская республика 158, 315, 317, 318, 378, 379
Туркестанский край 140, 141, 142, 143, 144, 178, 195, 200, 209, 229, 242, 247, 249, 260, 263, 266, 271, 296, 299, 300, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 314, 319, 320, 323, 324, 325, 326, 329, 340, 360, 380, 385, 389, 390, 398, 399
Туркестанское генерал-губернаторство 116, 143, 144
Туркменистан 5, 7, 9, 11, 15, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 29, 31, 39, 41, 45, 46, 47, 48, 54, 57, 58, 59, 62, 63, 64, 66, 81, 82, 85, 90, 92, 94, 95, 97, 99, 100, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 113, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 145, 147, 148, 149, 154, 157, 159, 160, 162, 164, 165, 166, 167, 171, 174, 175, 183, 184, 185, 199, 200, 201, 202, 204, 205, 206, 209, 210, 211, 216, 217, 221, 223, 224, 226, 234, 242, 243, 246, 248, 253, 268, 269, 273, 274, 277, 278, 282, 285, 291, 293, 296, 298, 299, 302, 307, 310, 313, 317, 318, 319, 323, 324, 325, 327, 328, 337, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 356, 358, 359, 362, 365, 367, 369, 372, 375, 376, 377, 378, 380, 382, 385, 386, 387, 388, 389, 392, 396, 397, 398, 401, 402
Туркменская ССР 6, 137, 192, 213, 223, 307, 318
Турция 108, 110, 111, 114, 126, 197, 323, 324, 380, 390
Тюб-Караган, залив 10, 26
Тюб-Караган, мыс 93
Узбекистан 115, 142, 235, 384
Узбой, один из старых рукавов Аму-Дарьи 349
Узун-Ада, станция 175
Узун-Адинский порт 175
Уральская область 163, 180, 387
Ургенч, город 51
Урт-Яйлен, укрепление 14
Усть-Урт, плато 7, 350
Уфра, местечко 381
Фараб, станция 394, 395, 397
Фергана, город 174, 380
Ферганская область 141, 328
Фирюзинская долина 155
Франция 163, 376
Халач, селение 12
Хамадан, город 335
Хива, город и область 8, 11, 13, 23, 24, 38, 40, 42, 47, 48, 51, 54, 56, 65, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 94, 95, 99, 100, 102, 103, 106, 109, 110, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 132, 133, 134, 138, 141, 142, 143, 144, 157, 163, 166, 168, 177, 178, 180, 184, 187, 189, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 323, 347, 361, 383, 384, 395, 399
Хивинский оазис 192
Хивинский район 192, 198
Хивинское ханство 9, 11, 27, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 88, 98, 114, 115, 117, 118, 121, 140, 141, 144, 185, 186, 192, 193, 194, 195, 196, 199, 347, 379, 380, 383, 387
Хирманту, ущелье 73
Ходжа-Гундуз-Кала, крепость 12
Ходжа-Идат-Кала, крепость 12
Ходжа-Кала, крепость 126

Ходжейлинский район 383
Ходжент, станция 269
Хорасан, область 22, 28, 35, 70, 72, 73, 75, 79, 80, 81, 84, 90, 113, 120, 177, 178, 335
Хорезм, область 12, 13, 15, 24, 66, 67, 71, 79, 86, 120, 194
Хорезмский оазис 7, 9, 12
Хосров-Кала, укрепление 14
Хурманд, укрепление 14
Чандыр, река 11, 162
Чарак (см. Серахс)
Чарджоу (Чарджуй), город 12, 13, 77, 175, 176, 181, 185, 186, 187, 189, 190, 196, 198, 211, 213, 215, 220, 221, 242, 244, 245, 252, 254, 255, 262, 264, 266, 269, 270, 275, 278, 281, 282, 283, 285, 291, 293, 294, 312, 315, 323, 328, 339, 340
Чарджуй, станция 269, 276, 294, 395, 397
Чарджуйский район 141
Чарджуйское бекство 185
Челекен, остров 10, 26, 71, 96, 97, 98, 99, 102, 167, 168, 182, 183, 340, 341, 342, 343, 344, 350, 371, 377, 381, 397
Челекенский торговый пункт 180
Черная речка 103
Черное море 105, 109
Черняево (ныне Урсатьевская), станция 269, 299, 336
Чикаго, город 362
Чикишляр, аул 10, 121, 126, 200, 385
Чикишлярский район 36
Чикишлярское приставство 36, 141, 383, 387
Чкаловская область 93, 95
Центральная Азия 100, 105, 110
Шабадский район 383
Шайтан-Кала, крепость 71
Шамурат, канал 198
Шар-Кала (см. Шор-Кала)
Шаркраук, проток р. Аму-Дарьи 89
Шахруд-Астрабадский путь 177
Шираз, город 335
Шор-Кала, укрепление 14
Шуша, город 203
Эгри-Гузер, плотина 78
Юван-Су, река 71
Язы-Канджик, аул 387
Янги-Кала, аул 324
Яны-Кала, укрепление 14
Яраджа, укрепление 14
Ярославль, город 170
Ясман-Салык, аул 324

УКАЗАТЕЛЬ
НАЗВАНИЙ НАРОДОВ И ПЛЕМЕН

абдалы 8, 10, 69, 92, 93, 95, 104
агар 65
адаевцы (см. также казахи) 11
ак 10
ак-атабайцы 10, 36, 37, 38
ак-конгур 8
ак-юсуф 165
алаша 8, 87
алили (али-эли) 8, 12, 13, 14, 17, 47, 59, 79
аманша 8
анаули 8, 14, 17, 92
англичане 16, 111, 124, 126, 136, 137, 339
арабачи 8, 12, 21
арабы 8, 11, 21
армяне 183, 204, 230
ата (атинцы) 8, 11, 12, 15, 21, 64
афганцы 72, 136, 137
байрам-шали (утлы-темир) 8, 10, 12, 43
байрач 79
бахши 35
башкиры 105
баяты 8, 12, 78
бек 8, 32, 34
белоруссы 176
бозаджи (бузачи) 8, 11
бурказ 24, 173
буруңджук 8, 11
бухарцы 81
вали 73
векиль 8, 32, 35, 46
гахшал 165
геокча 8
герайли (см. керайли)
гоклены 8, 9, 11, 12, 15, 19, 21, 43, 47, 50, 51, 64, 70, 71, 90, 94, 391
грузины 204

Гюнеш 8
джафарбайцы, 10, 38, 96, 101, 103, 120, 383
евреи 303
еловач 8
емрели (имрели) 8, 12, 14, 21, 68, 69, 88
игдыры 8, 10, 93, 104
индийцы 111, 112
индыровцы (см. также игдыры) 101
иогфриевцы 101
иомуты (иомуды) 8, 9, 10, 11, 12, 21, 25, 26, 36, 38, 43, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 96 99, 100, 102, 103, 104, 119, 120, 122, 131, 140, 142, 201, 371, 386, 391, 394
иомуты приатрекские 10, 11, 42, 43
иомуты прибрежные 100
иомуты прикаспийские 10
иомуты хазаватские 119
иомуты хорезмские 12
иранцы (см. также персы) 14, 35, 41, 81, 86, 90, 92, 182
ирони 21
исен-кули-кёр 96
каджары 70, 71, 80, 94, 97
казаки 209, 217, 225, 230, 231, 232, 233, 238, 240, 243, 244, 246, 253, 261, 284, 326, 332, 347, 386
казахи 7, 11, 67, 69, 72, 101, 149, 154, 183, 192, 290
казахский народ 301
каи 8
кайсаки (см. казахи)
карабекаул 8
карабурунцы 84, 85
карадашлы 8, 12, 71
кара-ерме 165
каракалпаки 192
кара-конгур 8
караман 8
кара-човдур 8, 11
карачока (кутлы-темир) 8, 9
кара-юсуф 165
караябцы 87
каркын 8, 12, 65
кераиты 11
керайли 11
киргизы 192, 290
кичи-ага 8
коджук (кучак-татар) 10
колли-иомуты, 198
конгур 8
кохдаглыевцы 101
куба-даглы 198
куджик 43
курды 14, 15
махтумы 8, 14, 15, 17
меджеуры 8, 15
мервцы 77, 128
мехинли 8, 14, 17
мукры 8, 12
мурчали 8, 14, 15, 17, 21, 60

нохурли (нохурцы) 8, 15, 24, 58, 62
нурали 96
огурджали 8, 10, 370
окуз 12
олам 8, 12, 65
онбеги 8
орус-кошчи (орсукчи) 12
отамыш 8, 15, 31, 32, 46, 73, 84, 289
ошак 8, 12
персы (персияне) 70, 122, 192, 204, 336, 342, 343
пулад-шах 8
русские 46, 63, 94, 98, 109, 112, 117, 122, 124, 128, 129, 131, 137, 148, 154, 156, 176, 187, 204, 290, 300, 336, 360, 372
русский народ 104, 123, 138, 139, 166, 199, 231, 265, 303, 346, 349, 359, 372
сакары 8, 12, 65, 77
салак 12
салыры (салоры) 8, 11, 13, 21, 28, 47, 59, 63, 64, 76, 77, 78, 80, 81, 83, 95, 86, 135, 145, 173, 371
сарты 69
сарыки 8, 11, 13, 21, 31, 35, 47, 58, 59, 63, 64, 65, 72, 76, 77, 78, 79, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 90, 91, 135, 136
сарыки марыйские (мервские) 80, 87
сеиды 8, 15
союнджи 95
сунчали 14
сунчи 8,
сухты 79
сычмаз 35
таджики 116
таджикский народ 116
татары 105
теке (текинцы) 8, 13, 14, 15, 21, 31, 32, 43, 45, 46, 47, 54, 58, 59, 64, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 90, 91, 92, 94, 113, 122, 123, 124, 125, 126, 128, 130, 135, 151, 204, 370
текинцы ахальские 64, 74, 75, 80, 84
текинцы кизыларватские 74, 75
текинцы марыйские (мервские) 15, 16, 20, 34, 44, 45, 64, 78, 84, 127, 128, 131, 133, 136
текинцы мургабские 33
текинцы серахские 85, 87
текинцы тедженские 80, 87
тильки 165
тохтамыш 8, 15, 31, 32, 46, 73, 84, 289
туркменский народ 5, 8, 15, 47, 50, 57, 58, 77, 93, 102, 113, 115, 123, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 157, 180, 184, 185, 198, 199, 205, 301, 307, 324, 346, 347, 348, 354, 356, 357, 358, 359, 363, 365, 366, 369, 371, 372, 375, 377, 395, 402
туркмены (туркменские племена) 7, 8, 9, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 33, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 46, 47, 51, 53, 54, 56, 57, 58, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 113, 114, 115, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 128, 130, 132, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 144, 145, 148, 149, 150, 152, 156, 159, 163, 166, 167, 168, 172, 173, 176, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 188, 190, 192, 193, 194, 195, 198 199, 204, 223, 224, 229, 287, 288, 289, 290, 324, 333, 334, 345, 347, 354, 356, 359, 361, 367, 368, 369, 370, 372, 374, 375, 380, 383,

384, 385, 386, 387, 388, 389, 391, 394, 399, 400
туркмены балханские 28
туркмены бухарские 120
туркмены мангышлакские 28, 69, 93
туркмены марыйские 79, 82, 84, 86, 128
туркмены приамударьинские 13, 47, 185, 187
туркмены приатрекские 28, 69, 70, 94
туркмены прибрежные 21, 92, 94, 95, 98, 100, 102, 103, 104, 117, 120
туркмены прикаспийские 15, 71, 94, 97, 100, 102, 104, 124, 137
туркмены серахские 84
туркмены хивинские 119, 120, 193, 195, 198
туркмены хорезмские 12, 47, 69, 90, 194
туркмены челекенские 103
узбеки (узбекские племена) 13, 41, 61, 67, 69, 116, 144, 192, 194, 347, 383
узбекский народ 301
украинцы 148, 176, 187
улуг 8
хатаб 8, 12
хивинцы 35, 74, 75, 76, 79, 81, 83, 85, 86, 87, 89
ходжа 9, 10, 15
хызыр (хызыр-или) 8, 13
човдуры (чоудоры) 8, 9, 10, 12, 21, 25, 64, 67, 68, 69, 77, 88, 89, 93, 95, 100, 101, 104, 120, 142
чони-атабай 10
шереб (см. джафарбайцы)
шериф-джафарбай 10
ших 8, 10, 15, 24
эрсари (эрсаринцы) 8, 11, 12, 13, 21, 22, 60, 64, 65, 77, 117, 141, 163
эски 8, 12, 78
юзбаши 8
язы 24

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава VI

ТУРКМЕНИСТАН НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

1. Родо-племенная организация и расселение туркменских племен. Хозяйство туркмен в первой половине XIX в. 7
2. Общественно-экономический строй туркмен накануне присоединения Туркменистана к России 29
3. Культура туркменского народа в XIX в. 47
4. Взаимоотношения туркмен с соседними феодальными государствами 65
5. Укрепление русско-туркменских связей в первой половине XIX в. 92

Глава VII

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТУРКМЕНИСТАНА К РОССИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

1. Присоединение Туркменистана к Российской империи . . 106
2. Образование Закаспийской области и ее административно-территориальное устройство 140
3. Социально-экономическое развитие туркменского аула после присоединения Туркменистана к России 145
4. Развитие промышленности и торговли в Закаспийской области 167
5. Туркменские районы Бухарского эмирата и Хивинского ханства 185
6. Рост революционного движения в Закаспийской области в начале XX в. 199

Глава VIII

ТУРКМЕНИСТАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907 гг.)

1. Туркменистан в период подъема революции (1905 г.) . . 206
2. Туркменистан в период отступления революции (1906—1907 гг.) 273

Глава IX

ТУРКМЕНИСТАН В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ И В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1907—1914 гг.)

1. Туркменистан в годы столыпинской реакции (1907—1910 гг.) 302
2. Туркменистан в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.) 337
3. Культура Туркменистана в конце XIX—начале XX в. . . . 348

Глава X

ТУРКМЕНИСТАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1914—1917 гг.)

1. Туркменистан в годы первой мировой войны до февральской революции 376
2. Февральская буржуазно-демократическая революция в Туркменистане 392
3. Образование Советов и местных органов Временного правительства. Двоевластие 395

Указатели

Указатель основных источников и литературы 403
Хронологический указатель 487
Указатель имен собственных 504
Указатель географических названий 514
Указатель названий народов и племен 526

История Туркменской ССР

Том I

Книга вторая

Печатается по постановлению Президиума
Академии наук Туркменской ССР

Редактор Издательства *Т. В. Артыкова*
Техредактор *Н. А. Мироедова*
Худ. оформление *А. В. Пашкова*

Сдано в набор 13/V-57 г. Подписано к печати 21/X-57 г., уч,-изд. л. 35,75; печ. л. 33,25+14 вклеек+2 карты Бум. 60x92¹/₁₆. Изд. № 17/66. Зак. 1283.
Тир. 5000. Цена в пер. № 7 12 р. 40 к. И—04999

Типография Академии наук Туркменской ССР, Ашхабад, Энгельса, 90

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
11	2 сверху	ими	им
62	6 снизу (сноска)	П. И. Иванов	П. П. Иванов
77	10 снизу	ханства[6]	ханства[5]
77	12 „	1882	1822
89	3 „	в Серахс	в Серахсе
98	13 „	обяснить	объяснить
155	4 сверху	Гермабо-Кулкулабской	Гермабо-Куркулабской
75	1 сноска	Там же, стр. 505	В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 505.
„	1 снизу	В. И. Ленин[2]	В. И. Ленин[3]
„	6 „	пудов[1],	пудов[2],
186	18 „	повлекли известные изменения	повлекли к известным изменениям
193	12 „	какое-либо	кое-какое
240	5 „	столкновения возбужденными	столкновения с возбужденными
295	5 „ (в сноске)	был послан	присутствовал
392	16 сверху	Рамановых	Романовых
488	21 сверху	. . . (138—129/8 гг.)	. . . (138—129/8 гг.) в битве с саками

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСТОРИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТОМ I

КНИГА ВТОРАЯ

КАРТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТССР

АШХАБАД—1957

ПРИМЕЧАНИЕ К КАРТАМ

*Транскрипция современных географических названий дана в со*ответствии с основными советскими картографическими изданиями: Атлас Мира 1954 г., Атлас СССР 1955 г., Атлас СССР, малого формата, 1956 г., карты областей Туркменской ССР в М 1 : 600 000 и др.

В некоторых случаях принятая на прилагаемых картах транскрипция несколько расходится с текстом Истории Туркменской ССР, что объясняется недостаточной согласованностью в начертании ряда названий почти во всех указанных источниках, равно как и в БСЭ, да и в исторической литературе.

Так например, в капитальном Атласе Мира (листы 58, 59, 60 и сл.) мы находим написанный через дефис Копет-Даг, а рядом — слитные Кюрендаг, Нефтедаг и др. Название озеро Иссык-Куль почти везде пишется через дефис, а целый ряд других аналогичных названий — слитно. То же следует сказать и о слове «дарья», которое только в двух случаях, Аму- и Сыр-Дарья, пишется через дефис и с большой буквы, тогда как Кашкадарья и Сурхандарья — слитно. Последнее, однако, не мешает на одном и том же листке Атласа Мира писать официальное название Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областей через дефис и с большой буквы в слове «Дарьинской». Также невыдержано правописание в названиях двух крупнейших пустынь Средней Азии и Казахстана. В одном случае это делается на русский лад во множественном числе: Пески Каракумы, а в другом — Пески Кызылкум.

Эта, независящая и от авторов и от редакции, несогласованность в тексте, могла быть, к сожалению, не везде устранена и на картах.

На карте № 1, относящейся к началу XIX в., соответственно сохранены существовавшие тогда названия Каррыкала, Дашховуз, Эсенкули и др., которые были впоследствии искажены на русских картах на Кара-кала, Ташауз, Гасан-кули и др.

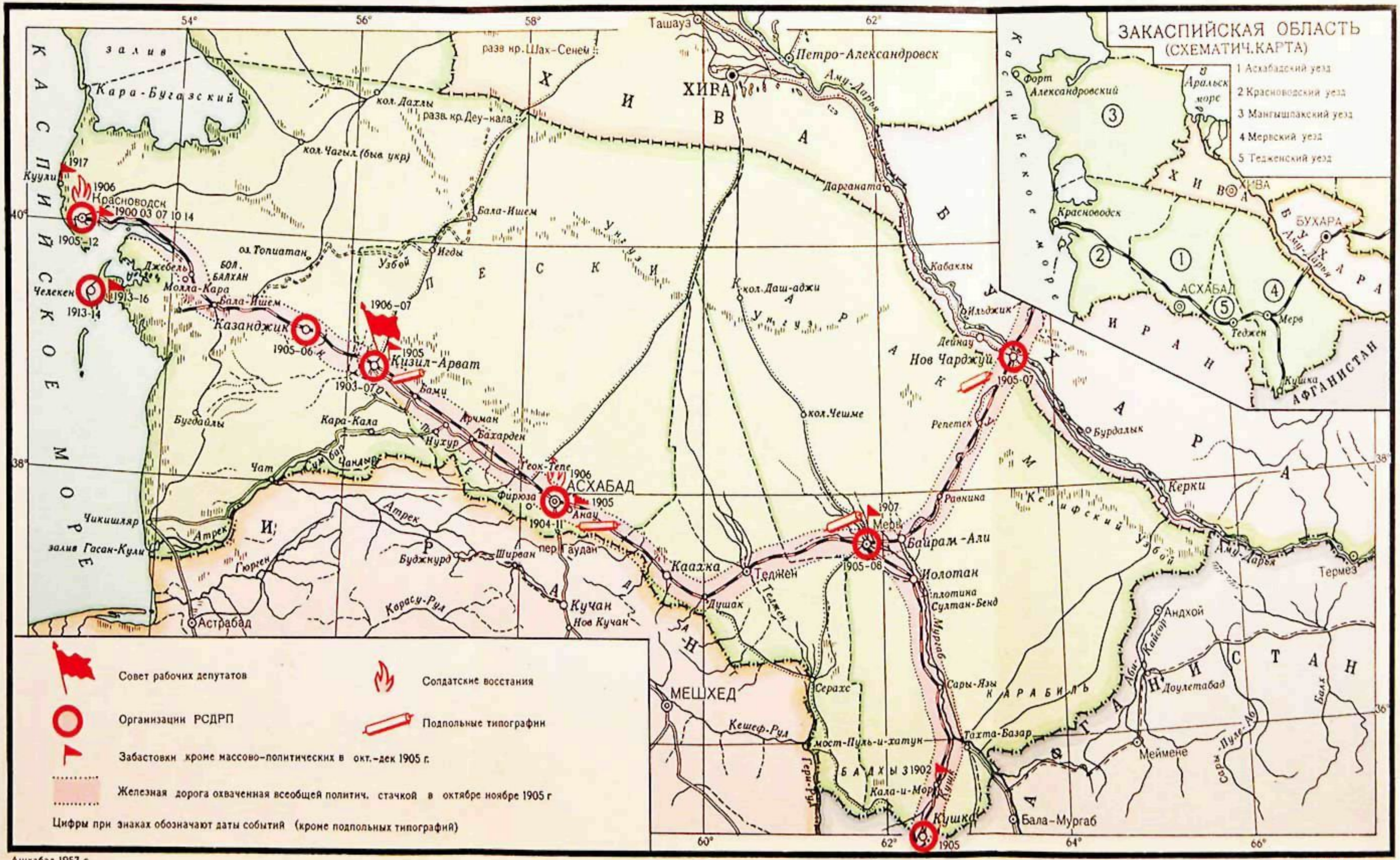
Названия на карте № 2, равно как и контур, даны соответственно 1900—1916 гг. Поэтому там показан не полуостров, а остров Челекен, подписан Асхабад, а не Ашхабад и пр.

На карте № 3, в перечне *племен, вкралась опечатка: вместо* Мехенке следует читать Мехинли.

КАРТЫ

1. Расселение туркменских племен к. началу XIX в.
2. Революционное движение в Закаспийской области в 1900—1916 гг.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ В 1900–1916 г.г.



Масштаб 1:4 000 000

40 0 40 80 120 160 200 км

Ашхабад, 1957 г.

П.П. Померанцев